ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Политиздат

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Москва
Издательство политической литературы
1982

66.61(0)5
И32

И32 **Из истории** марксизма-ленинизма и международного рабочего движения / Редкол.: М. П. Мчедлов и др. — М.: Политиздат, 1982. — 495 с. — В надзаг.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

И $\frac{0104000000-253}{079(02)-82}$ КБ—5—64—82

66.61(0)5
3КИ1

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Предлагаемая вниманию читателя книга продолжает серию сборников по проблемам истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения, издаваемых Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС начиная с 1959 года.

Основную часть данного сборника составляют статьи и публикации, посвященные теоретической и практической деятельности Ф. Энгельса.

Изучение жизни и деятельности основоположников марксизма имеет первостепенное значение для партийного просвещения масс, для разработки актуальных проблем истории и теории марксизма-ленинизма. Это блестяще подтверждено деятельностью В. И. Ленина и созданной им партии нового типа. Обращаясь к трудам Маркса и Энгельса, к их опыту революционной борьбы, Ленин творчески развил марксистскую теорию применительно к новым историческим условиям. Ленинизм сформировался как естественное продолжение учения Маркса и Энгельса.

Жизнь и творчество наших учителей служат вдохновляющим примером для новых поколений революционных борцов. Поэтому так важно исследование различных сторон биографий Маркса, Энгельса и Ленина.

В ряде публикуемых статей рассматривается сотрудничество К. Маркса и Ф. Энгельса в разработке отдельных теоретических проблем, в частности в области исторической науки, а также в борьбе за распространение и идейную победу марксизма в международном социалистическом рабочем движении. Отдельные материалы посвящены разработке Энгельсом важных проблем исторического материализма и теории научного коммунизма. Предметом нескольких статей является история создания экономического учения Маркса. В книге освещается также активная роль некоторых соратников и последователей Маркса и Энгельса в пропаганде марксизма и

организации рабочего движения. Авторы публикуемых исследований используют высказывания и оценки В. И. Ленина, имеющие важнейшее методологическое значение.

В разделе «Документы» впервые публикуется фрагмент составленного Энгельсом в первой половине 40-х гг. конспекта книги А. Алисона «Основы народонаселения и их связь с благоденствием человечества», содержащий его собственные замечания. Этот документ отражает подготовительный этап работы Энгельса над книгой «Положение рабочего класса в Англии».

Здесь печатается также недавно обнаруженная советскими исследователями в одном из архивов Франции рукопись биографии Маркса, принадлежащая, как это удалось установить, Энгельсу и содержащая интересные мысли относительно переходного периода от капитализма к социализму.

Публикуемые в этом разделе впервые на русском языке письма Энгельсу В. Либкнехта за 1875—1878 гг. ярко характеризуют огромную помощь, которую Энгельс оказывал своим ученикам и последователям в руководстве германской социал-демократией в целях идейного и организационного укрепления партии, активно противодействуя влиянию мелкобуржуазного социализма и оппортунизма. Здесь же впервые публикуются письма Энгельсу начала 90-х гг., побудившие его к написанию знаменитых писем об историческом материализме, в которых дается отповедь вульгаризаторам материалистического понимания истории в духе пресловутого «экономического материализма», показано обратное влияние на экономику политики и других надстроечных явлений.

Наборный экземпляр рукописи подготовлен Р. А. Дубовенко.

Л. И. Гольман

СОТРУДНИЧЕСТВО МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

«Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» [1],— писал В. И. Ленин в известной статье-некрологе «Фридрих Энгельс». Ленин при этом имел в виду не только личную привязанность обоих основоположников марксизма друг к другу, но и их беспрецедентное содружество в теоретической и практической сферах деятельности. Марксистское учение великий продолжатель дела Маркса и Энгельса рассматривал как плод творчества их обоих, в значительной мере как результат их научного сотрудничества. «Для правильной оценки взглядов Маркса,— указывал В. И. Ленин,— безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса.* Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса» [2].

В буржуазной и реформистской литературе нет недостатка в тенденциозном изображении взаимоотношений Маркса и Энгельса, в том числе и в попытках представить в ложном свете их сотрудничество в области науки. Давно пущен в оборот вымысел об Энгельсе как о писателе, не внесшем якобы ничего оригинального в развитие марксистской социологии и историографии, способном лишь популярно излагать, притом не всегда в аутентичном виде, идеи Маркса, как о прагматике, ограничивавшемся лишь подгонкой данных других наук к теоретическим положениям своего друга. В создание этого вымысла свою лепту внес, в частности, Макс Адлер — один из идеологов австромарксизма. В выпущенной еще в 1930 г.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 12.

[2] Там же, т. 26, с. 93.

в Берлине первой части «Учебника по материалистическому пониманию истории» (вторая часть вышла в 1932 г.) Адлер искусственно противопоставлял «эмпирику» Энгельсу теоретика в чистом виде, «гения дедукции» Маркса [1]. Признавая за Энгельсом известные заслуги в развитии исторического материализма, Адлер тут же делал оговорку, что эти заслуги сводятся в основном к добыванию дополнительных фактов, подтверждавших основные теоретические принципы Маркса.

Версии об исключительно пропагандистской, в лучшем случае иллюстраторской роли Энгельса в истории марксистской мысли современные буржуазные «марксологи» придали еще более фальшивый характер: обычно они рисуют его не просто популяризатором, а упростителем и вульгаризатором учения Маркса [2].

В адрес Энгельса постоянно выдвигаются обвинения в примитивизации и догматическом истолковании марксизма. Представители западной «марксологии» искусственно конструируют «коренные разногласия» между Марксом и Энгельсом, причем не только по частным вопросам, но и по важнейшим проблемам развития природы и общества. Они «констатируют» глубокие противоречия в самом миропонимании обоих мыслителей, искажая взгляды как Маркса, так и Энгельса. Особенно часто стали обвинять Энгельса в отступлении от взглядов Маркса на природу, в том, что он усмотрел в природных явлениях действия объективных законов диалектики, в то время как у Маркса диалектика являлась будто бы чисто логической категорией, не выходящей за рамки человеческого мышления. Отметим сразу, что такое ограничительное толкование диалектического метода Маркса в духе неокантианских схем противоречит его подлинному подходу не только

---

[1] Цит. по более позднему изданию: *Adler M.* Grundlegung der materialistischen Geschichtsauffassung. — Soziologie des Marxismus. Wien-Köln-Stuttgart-Zürich, 1964, S. 64.

[2] Шл. Авинери в книге «Социальная и политическая мысль Карла Маркса», например, утверждает, будто подлинные идеи Маркса, в том числе его взгляды на историю, на государство, были «переработаны» Энгельсом в духе социального дарвинизма и философского механицизма. М. Рюбель в книге «Критика Марксом марксизма» одним из «грехопадений» Энгельса объявляет его толкование Парижской коммуны как диктатуры пролетариата, в то время как Маркс видел якобы в ней революцию против всякой государственности (*Avinery Sh.* The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1968, p. 23, 70, 203, 258; *Rubel M.* Marx critique du marxisme. Paris, 1974, p. 267—268). Критику этих работ см. в кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977, с. 153—154, 169—174.

к политической экономии и истории, но и к математике и естествознанию. Методология изучения Марксом этих наук, его высказывания о них свидетельствуют о том, что он, как и Энгельс, видел в них отражение объективной диалектики природных и общественных процессов. Причем мысли Энгельса на этот счет, например изложенные в «Анти-Дюринге», неизменно встречали его полное одобрение.

Противопоставление взглядов Маркса и Энгельса распространяется и на интерпретацию ими всемирной истории, в частности на историю первобытного общества. Так, например, американский исследователь этой проблемы, подготовивший публикацию конспектов и выписок Маркса по этнографии и истории первобытного человечества, Лоуренс Крейдер[1] представляет точки зрения Маркса и Энгельса на этот счет не только не совпадающими, но и противоположными. Он заявляет, будто Энгельс в отличие от Маркса переоценивал учение Моргана, более терпимо относился к социал-дарвинизму, уделял недостаточное внимание происхождению собственности, иначе, чем Маркс, истолковывал «военную демократию» и т. д. Крейдер находит противоречия между ними даже в самом методологическом подходе к истории первобытного общества, утверждая, что Маркс первостепенное значение отводил здесь экономическим отношениям, в то время как Энгельс на одну доску с ними ставил биологические явления, детопроизводство и т. д.[2]

По существу, Крейдер повторил выдвинутое идеологом народничества Н. К. Михайловским обвинение Энгельса в отходе от исторического материализма при трактовке первобытной стадии человечества — обвинение, несостоятельность которого в свое время блестяще доказал В. И. Ленин[3]. Между тем проблемы соотношения между экономическими и другими материальными факторами жизни общества — географической средой, демографическими и биологическими процессами,— если учесть не только указанные конспекты и выписки Маркса (в которых, кстати, также немалое место отводится первобытным семейным отношениям), но и другие работы основоположников марксизма, начиная с «Немецкой идеологии», разрабатывались ими с одинаковых методологических

---

[1] *Marx Karl.* The Ethnological Notebooks (Studies of Morgan, Phear, Maine, Lubbock). Trans. and ed. with an Introduction by Lawrence Krader. Assen, 1972.

[2] *Krader L.* Ethnologie und Anthropologie bei Marx. München, 1973, S. 139—143 und andere.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 146—150.

позиций и во многих случаях сообща. Оба они считали, что соотношение это меняется на разных исторических ступенях, что по мере развития материального производства определяющая роль экономики усиливается, а влияние неэкономических факторов ослабевает. В эпоху же первобытного общества влияние их еще чрезвычайно велико.

Столь же бездоказательны попытки Крейдера усмотреть различия в отношениях Маркса и Энгельса к социал-дарвинистам, равно как и стремление его объявить антропологию и этнографию особым источником развития мировоззрения Маркса. Американский этнограф опирается здесь не на факты и анализ действительных воззрений Маркса и Энгельса, а на карикатурные представления, пускаемые в ход такими фальсификаторами марксизма, как Сидней Хук, Йозеф Шумпетер, Георг Лихтхейм, Альфред Шмидт и другие, которые изображают Маркса и Энгельса сторонниками разных философий. Крейдер воспроизводит на страницах своей книги их пасквильные характеристики Энгельса [1].

Задачу суммировать все измышления о противоположности воззрений Маркса и Энгельса взял на себя американский политолог Норман Левин, профессор истории университета штата Мэриленд. Выпущенная им в 1975 г. книга «Трагический обман: Маркс против Энгельса» представляет собой набор голословных утверждений, согласно которым сотрудничество основоположников марксизма в области науки, единство их взглядов являются мифом, созданным их последователями. Представление об их идейной близости Левин объявляет плодом некоего трагического заблуждения, ибо на деле они, утверждает он, были во всех важнейших вопросах мировоззрения и общественной жизни не соратниками, а противниками.

Чтобы выглядеть объективным, Левин на двух-трех страницах дает перечень проблем, по которым Маркс и Энгельс сходились, но в целом всю свою обширную монографию посвящает попытке доказать полную противоположность их позиций в философии и социологии, в понимании природных явлений и истории, в толковании основ будущего коммунистического общества, в представлении о путях и тактических средствах его достижения. Энгельс, уверяет он, якобы превратил творческий марксизм в нечто догматическое, был «первым ревизионистом», положившим начало толкова́нию марксистских идей в духе философского механицизма и со-

---

[1] *Krader L.* Op. cit., S. 125—127.

циал-позитивизма [1]. Те воззрения, заявляет он, которые усвоили последователи Маркса, в том числе В. И. Ленин и советские марксисты, были на самом деле не марксизмом, а «энгельсизмом». Подлинный марксизм на деле долгое время оставался якобы в тени. «Возрождение» его Левин связывает с писаниями ренегата Корша, с известными отступлениями от исторического материализма в произведениях Лукача и некоторыми ложно трактуемыми положениями Грамши, которые поднимают на щит буржуазные «марксологи», пытаясь сконструировать так называемый «аутентичный марксизм». Именно интерпретацией воззрений Маркса такими «марксологами», как Ж. Ипполит, И. Фетчер, Г. Лихтхейм и др., обосновывает свою концепцию противоречий между Марксом и Энгельсом и Левин. Он сопоставляет не их действительные воззрения, а придуманные буржуазными «марксологами» и им самим и приписываемые тому и другому взгляды.

Маркс в изображении Левина выглядит неким абстрактным гуманистом («реальный гуманизм» «Экономическо-философских рукописей» толкуется именно в таком духе), фейербахианцем, философом-антропологом, всегда ставившим, в том числе и в «Капитале», во главу угла природу самого человека и стремившимся устранить капиталистические отношения не столько как преграду для общественного прогресса, сколько как отношения, искажающие эту природу. Сознание и бытие Маркс считал равнозначными компонентами общественной жизни и в этом духе толковал человеческую практику, уверяет Левин, по существу, приписывая основоположнику материалистического понимания истории отрицание первичности материи. Маркс будто бы не признавал объективной диалектики природных и общественных явлений. В подходе к истории он был структуралистом, видя в каждом конкретном обществе некую автономную, замкнутую структуру (именно в этом смысле структурный метод противопоставляется его буржуазными интерпретаторами историческому материализму). Высказывания Маркса о своеобразии исторической эволюции разных народов трактуются чуть ли не как отказ от признания универсального характера общих законов общественного развития, исторической необходимости, как выражение

---

[1] *Levine N.* The Tragic Deception: Marx contra Engels. Oxford, California, 1975, p. XIII—XIV, 209—211 and others. Подробный критический разбор этой книги см.: *Титаренко С. Л.* Новые приемы ревизии марксизма-ленинизма. — Вопросы истории КПСС, 1977, № 6.

многовариантного, многолинейного толкования исторического процесса [1].

Интеллектуальный облик Энгельса Левин стремится представить так, чтобы он во всем выглядел антиподом Маркса. «Энгельсовский механический материализм,— заявляет он,— составлял явный контраст натуралистическому гуманизму Маркса и его пониманию практики» [2]. Энгельс сводил будто бы роль человеческой практики к пассивному подчинению внешним — природным и общественным — силам, между тем как Марксу автор приписывает чуть ли не волюнтаристский взгляд на независимость этой практики от экономических условий. Энгельс, уверяет Левин, видя в природе и обществе действие объективных, независимых от человеческого сознания диалектических законов, вообще-де умалял роль сознания, игнорировал проблему «отчуждения», недооценивал антропологический фактор, главенствующий якобы у Маркса. «Отступление» Энгельса от марксизма Левин усматривает в том, что в своих письмах 90-х годов об историческом материализме он, хотя и указывал на активную роль идеологической надстройки, все же подчеркивал, что она в конечном счете определяется материальным базисом. Теорию отражения объективной действительности в сознании людей, которой Энгельс придерживался якобы в отличие от Маркса, Левин изображает некоей примитивной «теорией копирования». Понимание Энгельсом общественного развития, полностью соответствующее учению Маркса о смене общественно-экономических формаций,— учению, которое Левин попросту замалчивает, поскольку оно не укладывается в схему «антропологического натурализма» и «структурализма» Маркса,— американский политолог объявляет неким вульгарным экономическим детерминизмом. В противовес Марксу, уверяет Левип, Энгельс не видел никакого своеобразия в истории отдельных стран, исторический процесс представлял в виде стандартного однолинейного развития, обусловленного прогрессом в технологии и производительных силах, почти автоматически совершающегося в одинаковых формах у всех народов [3]. Вопреки прямым высказываниям Энгельса, в частности в работе «О социальном вопросе в России» (1875 г.), Левин заявляет, будто он отрицал возможность перехода экономически слаборазвитых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию.

---

[1] *Levine N.* Op. cit., p. 25—26, 35, 85—94.
[2] Ibid., p. 180.
[3] Ibid., p. 126, 137, 142, 145, 153, 157, 179, 180.

Неуклюже выглядят попытки Левина приписать Энгельсу фаталистический взгляд на историю на примере его работ о Германии[1]. Именно в разработанной Энгельсом концепции немецкой истории ярче всего проявилось понимание им диалектики общего и особенного в историческом процессе, именно здесь он показал своеобразие проявления общих тенденций у разных народов, выразившееся, в частности, в задержке — в отличие от других стран Европы — на несколько столетий национальной консолидации этой страны[2].

Не довольствуясь вымыслом о противоречии между марксизмом и «энгельсизмом», Левин приписывает основоположникам научного коммунизма низменные, корыстные мотивы в их чисто человеческих отношениях. Он уверяет, что оба они сознавали противоположность своих взглядов, но хранили на этот счет глубокое молчание. Энгельс-де нуждался в научном авторитете Маркса. В свою очередь для Маркса он был прежде всего источником финансовой поддержки. Кроме того, дружба с ним была для Маркса своего рода моральной отдушиной, единственным прибежищем в условиях той общественной изоляции, в которую он якобы сам себя поставил в силу отчужденности своего характера (здесь Левин прямо опирается на «психографические» фальсификации облика

---

[1] *Levine N.* Op. cit., p. 164—172.

[2] Как нечто противоположное изображает Левин воззрения Маркса и Энгельса на коммунистическое общество. В то время как для Маркса главное в коммунизме было освобождение и развитие человека, ликвидация отчуждения, для Энгельса, уверяет автор, все сводилось к прогрессу в технике и материальном производстве. В изображении американского политолога коммунистический идеал Энгельса выглядит как настоящий пасквиль на его действительный прогноз коммунистического строя, в котором содержатся глубокие мысли о коренном изменении отношений между людьми при коммунизме, о приобретении ими способности не только подчинять себе силы природы, но и управлять социальными процессами, о расцвете человеческой личности. Левин тенденциозно приписывает Энгельсу представления о некоем технократическом, потребительском, бездуховном обществе будущего, в котором якобы будет действовать принцип нивелировки потребностей (*Levine N.* Op. cit., p. 216—229).

В фальшивом свете представлены в книге Левина и взгляды Энгельса на тактику рабочего движения. Они интерпретируются как переориентация его с революционного на реформистский путь вопреки тактическим установкам Маркса — приверженца «якобинских методов». Воспроизводя не новые в «марксологической» литературе инсинуации в адрес Энгельса, бесцеремонно изображая «ура-патриотом» страстного борца против режима Германской империи и последовательного интернационалиста, Левин пытается возложить на него ответственность не только за оппортунизм правых лидеров германской социал-демократии, но и за их социал-шовинистическую позицию в годы первой мировой войны (ibid., p. 183—196, 201—204, 209).

Маркса, предпринятые швейцарским антикоммунистом А. Кюнцли)[1]. Такую интерпретацию не назовешь иначе, как клеветой.

Объективный смысл всех попыток современных буржуазных «марксологов» изобразить отношения Маркса и Энгельса в указанном духе заключается в посягательствах на целостность марксистского мировоззрения. Буржуазные идеологи всячески стремятся «доказать», будто марксистское учение изначально не отличалось единством, что оно уже в период своего создания имело несколько различных вариантов, из которых один исходил от Маркса, другой — от Энгельса. Поэтому в дальнейшем развитии плюралистический характер марксизма, его многовариантность усилились, поскольку эти идейные расхождения были будто бы заложены в нем самом. Именно на такой вывод нацелены измышления о разногласиях и противоречиях между Марксом и Энгельсом.

Дать в противовес этим вымыслам подлинную картину взаимоотношений Маркса и Энгельса, представить в настоящем свете их сотрудничество в различных областях науки, привести новые неопровержимые доказательства единства их воззрений и метода — такова задача марксистско-ленинской исторической науки, которая, несмотря на все уже сделанное в этом отношении биографами Маркса и Энгельса и историками марксизма, в условиях современной идеологической борьбы не только не снимается с повестки дня, но и становится особенно настоятельной. В настоящей статье затрагиваются характерные черты научного партнерства великих пролетарских ученых на примере их сотрудничества лишь в одной из сфер их творчества — в области разработки проблем всемирной истории.

* * *

Парижская встреча в конце августа — начале сентября 1844 г. положила начало творческому содружеству Маркса и Энгельса. Сотрудничество их приняло самые разнообразные формы. Совместное написание больших теоретических трудов, выработка общими усилиями программных и тактических документов рабочего движения, обсуждение рождавшихся замыслов и планов, предварительное чтение готовых работ друг

---

[1] *Levine N.* Op. cit., p. 231—241. Критику книги Кюнцли «Карл Маркс. Психография» см. в кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973, с. 375—378.

другу, согласование взглядов и взаимно корректирующее сопоставление точек зрения, постоянный обмен информацией, впечатлениями о наблюдаемых событиях и прочитанных книгах — все это стало неотъемлемой частью деятельности обоих друзей [1].

Постоянная дружеская взаимопомощь распространялась и на область исследования истории. И здесь сотрудничество Маркса и Энгельса было чрезвычайно разносторонним, начиная от прямого соавторства и совместной выработки тех или иных исторических концепций и кончая взаимными консультациями по конкретным вопросам, помощи друг другу в сборе материалов, в розыске источников и литературы.

Содружество Маркса и Энгельса в развитии исторической науки, как и в других областях, было союзом двух великих ученых, основанном на творческой самостоятельности каждого из них. Энгельс неоднократно указывал, что в этом союзе Марксу принадлежала ведущая роль. «Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас,— писал он о своем друге. — Маркс был гений, мы, в лучшем случае,— таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя»[2]. Однако это подчеркивание приоритета Маркса в разработке ключевых положений революционной теории отнюдь не может быть истолковано в том смысле, что в творческой кооперации с ним Энгельс занимал второстепенное место. Его личные дарования и способности к самостоятельному теоретическому творчеству в процессе сотрудничества с Марксом отнюдь не потускнели, а, наоборот, еще больше расцвели. Не только Маркс Энгельсу, но и Энгельс Марксу нередко подсказывал ту или иную отправную мысль, ту или иную тему для исследования и первым формулировал выводы, используемые потом в публикуемых трудах. Вклад каждого в науку, сделанный на базе выработанных сообща теоретических предпосылок, был глубоко оригинален, составил самостоятельную часть сокровищницы марксизма.

Каждый из соратников в специально избранных областях исследования — Маркс в политической экономии, Энгельс в изучении естествознания, военного дела, лингвистики — добились особенно крупных достижений. Но в изучении проблем

---

[1] Общую характеристику этого содружества в области разработки теории см. в статье: *Багатурия Г. А.* Маркс и Энгельс. Характер творческого сотрудничества. — Вопросы истории, 1970, № 10.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 301.

всемирной истории эти достижения были поистине равновелики. Занятия историей ярко отразили присущие обоим ученым энциклопедический склад ума, огромную эрудицию, преимущество исследовательского метода, которым они в равной степени владели. Недаром, занимаясь иногда параллельно теми же проблемами (историей первобытного общества, Германии, Ирландии), они, часто независимо друг от друга, приходили к одинаковым выводам. Маркс, которому принадлежит главная заслуга в открытии материалистического понимания истории, и Энгельс, постоянно участвовавший в плодотворном развитии исторического материализма, разработали методологические основы марксистской историографии. Много было сделано обоими и в конкретном исследовании исторического процесса, в глубоком истолковании его различных сторон с позиций диалектического и исторического материализма. В совокупности их наследие составляет фундамент марксистской исторической науки.

Научная кооперация в изучении истории не приводила к стиранию индивидуальных черт обоих ее участников. Каждый из них продолжал сохранять присущую ему одному манеру мышления, свой собственный, если можно так выразиться, исследовательский почерк, свой писательский стиль, каждый из них обладал яркой и неповторимой индивидуальностью. Поль Лафарг, справедливо отмечавший, что жизни Маркса и Энгельса тесно переплелись и составили как бы «одну единую жизнь», вместе с тем подчеркивал, что оба отличались друг от друга «по характеру, по темпераменту, по манере мыслить и чувствовать» [1]. Представление о Марксе и Энгельсе как о некоем одном абстрактном лице, в котором нивелируются их индивидуальные различия, недифференцированный подход к их творчеству, стремление изобразить совпадение их взглядов по основным мировоззренческим и политическим вопросам как некую абсолютную идентичность в толковании любого предмета — все это противоречит подлинному характеру их деятельности. У самих Маркса и Энгельса попытки обезличить их, с которыми они сталкивались уже при жизни, вызывали решительный протест. Так, по поводу вышедшей в 1855 г. книги вульгарного демократа Людвига Симона «Из эмиграции» Маркс писал своему другу 1 августа 1856 г.: «В высшей степени странно, что этот парень трактует нас обоих *в единственном числе:* «Маркс и Энгельс *говорит*» и т. д.» [2].

---

[1] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 81.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 52.

Весьма не походила дружба Маркса и Энгельса на ту рисуемую иной раз идиллическую картину, когда они то и дело восторгаются друг другом и каждый всегда безоговорочно воспринимает мнение другого как свое собственное. Гармоничный характер их отношений отнюдь не исключал несогласия по ряду конкретных вопросов, которое они никогда не стеснялись откровенно высказывать. Приведем лишь один пример. Летом и осенью 1862 г. друзья в течение нескольких месяцев вели в переписке своего рода полемику по вопросу о перспективах Гражданской войны в США. Энгельс в то время под впечатлением успехов армии южан, грубых промахов генералов Севера, нежелания склонявшейся к компромиссу части северной буржуазии допустить переход к революционным методам ведения войны весьма пессимистически оценивал шансы на победу северян. Маркс оспаривал эту точку зрения, подчеркивая, что для правильного решения вопроса об исходе войны следует принять во внимание не только противоречивые тенденции в политических и военных действиях северян, но и положение южной конфедерации, все более обнаруживавшей истощение своих ресурсов [1]. Он доказывал, что, несмотря на временные военные неудачи северян, действие многих объективных исторических факторов должно склонить чашу весов в пользу Севера. Доводы Маркса, подтвержденные самим ходом событий, в конце концов убедили Энгельса.

Для Маркса и Энгельса делать друг другу замечания, обращать внимание на недостатки, подсказывать пути улучшения той или иной работы было совершенно естественным. Так, весьма высоко оценив написанный Энгельсом очерк «Армия» для «Новой американской энциклопедии», отметив наглядное подтверждение в нем правильности диалектико-материалистического воззрения «на связь производительных сил и общественных отношений», Маркс в письме ему 25 сентября 1857 г. не преминул отметить и некоторые упущенные моменты [2]. Он указал, в частности, что в очерке не получили отражения появление наемного войска у карфагенян, развитие военного дела в Италии в XV—XVI вв., военная система у восточных народов (монголов, турок и т. д.). Следует сказать, что в своих последующих крупных военных статьях для «Энциклопедии» — «Кавалерия», «Фортификация» — Энгельс постарался в той или иной форме реализовать указанные замечания. В них

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 208—210, 222, 233—235, 237—241, 243—246.

[2] См. там же, т. 29, с. 154.

он дал характеристику и карфагенской армии времен Гамилькара и Ганнибала, и вклада итальянских военных инженеров XVI в. в искусство создания фортификационных сооружений, и особенностей войск ряда восточных народов (арабов, монголов) [1].

Со своей стороны Маркс всегда с готовностью учитывал замечания и советы своего соратника. Так, он с полным вниманием отнесся к отзыву Энгельса о первых корректурных листах первого тома «Капитала». Сообщив 16 июня 1867 г. о том чувстве радости, которое он испытал при чтении этих листов, Энгельс высказал и ряд критических суждений. Изложение проблем товара и стоимости, писал он, выиграло бы, если бы выводы, достигнутые диалектико-логическим путем, были бы подтверждены «на примере истории», оно легче бы воспринималось читателем при расчленении текста на более мелкие подразделения [2]. Маркс признал это мнение справедливым. Он расчленил упомянутый раздел книги на параграфы и написал приложение «Форма стоимости», пояснявшее существо предмета и дававшее представление об исторических этапах его развития [3].

Однако какие бы расхождения по отдельным второстепенным конкретным вопросам ни возникали между ними, в главном, в понимании революционной теории и практических задач пролетарского движения Маркс и Энгельс были единодушны. Их всегда связывало единство теоретических, идейных и политических позиций, отражавшее внутреннюю цельность самого марксистского учения.

* * *

Совместная разработка Марксом и Энгельсом проблем всемирной истории началась в процессе создания их общих теоретических трудов — «Святое семейство» и «Немецкая идеология». Если соавторство при написании первого из них носило характер раздельной работы по совместно выработанному плану (Энгельс написал свою небольшую часть еще во время пребывания в Париже в конце августа — начале сентября 1844 г., Маркс в последующие месяцы — все остальное), то подавляющая часть текста второго создавалась обоими ав-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 299—304, 331—335.
[2] См. там же, т. 31, с. 257—258.
[3] См. там же, с. 260; см. также т. 49, с. 137—164.

торами сообща, буквально за одним столом. Оба произведения, особенно второе, имели исключительно важное значение для формирования как научного революционно-пролетарского мировоззрения в целом, так и новой исторической науки. В «Святом семействе» подвергались критике субъективно-идеалистические взгляды младогегельянцев на историю, игнорирование ими социально-экономических отношений. Этим взглядам противопоставлялось положение о решающей роли материального производства в общественном развитии, о народных массах как творцах истории. В «Немецкой идеологии» материалистическое понимание истории выступает как цельная развернутая теория, противоположная не только взглядам младогегельянцев и непоследовательному материализму Фейербаха, но и всей предшествующей историографии, не преодолевшей в целом идеалистических воззрений на общественные процессы. Новая диалектико-материалистическая концепция знаменовала собой революционный переворот в толковании истории.

Нет сомнения, что от Маркса исходили стержневые положения этой новой концепции, в том числе положения о диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений (форм общения, согласно терминологии «Немецкой идеологии»), обусловливающей смену способов производства и соответствующие изменения в политическом строе и формах общественного сознания. Энгельс в предисловии к изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1883 г. отмечал, что материалистическая концепция исторического процесса «принадлежит всецело и исключительно Марксу» [1]. В примечании к этому предисловию (добавлено в 1890 г.) и в статье «К истории Союза коммунистов» (1885 г.) Энгельс вспоминал, что весной 1845 г., когда он приехал в Брюссель, Маркс уже завершил разработку основных идей этой концепции и изложил их ему в развернутом виде [2]. Однако и Энгельс всем предшествующим развитием своих материалистических и коммунистических взглядов был подготовлен не только к восприятию этих идей, но и к активному участию в их синтезировании и оформлении в цельную теоретическую систему в совместном труде, а в дальнейшем в их конкретизации и обогащении. Недаром Маркс в предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859 г.), в котором была дана классическая формулировка материалистической концепции истории, специально отметил, что разработка этой концепции

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 2.
[2] См. там же, с. 2 и 220; ср. также с. 368.

в рукописи, которая из-за отсутствия издателей была предоставлена «грызущей критике мышей», была проделана им и Энгельсом сообща [1].

Энгельс внес значительный вклад в создание «Немецкой идеологии» и на стадии возникновения самого замысла, и при работе над текстом. Неудовлетворенность отвлеченными, оторванными от практической революционной борьбы взглядами Фейербаха, его абстрактно-антропологическим пониманием сущности человека и происхождения религии возникла у Энгельса, как видно из его письма Марксу 19 ноября 1844 г., еще до того, как Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» четко сформулировал противоположность нового диалектико-материалистического мировоззрения созерцательному материализму Фейербаха [2]. Энгельс первый обратил внимание и на книгу М. Штирнера «Единственный и его собственность». В упомянутом письме он отметил необходимость подвергнуть критике взгляды Штирнера как «наиболее полное выражение существующей нелепости», иначе говоря как образец доведения субъективно-идеалистических воззрений на общество до их крайних выводов — штирнеровского индивидуализма и эгоизма [3]. Сама работа над рукописью «Немецкой идеологии» была творческим процессом совместного труда двух авторов, сообща обдумывавших и формулировавших свои идеи. Некоторые главы 2-го тома писались раздельно, в частности глава с критикой книги К. Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии» — Марксом, дополнение «Истинные социалисты» — Энгельсом.

Таким образом, сотрудничество Маркса и Энгельса как историков на ранней стадии было в первую очередь направлено на создание методологических основ исторической науки. Однако уже в «Немецкой идеологии» с новых позиций рассматривались и многие узловые проблемы всемирной истории, были намечены контуры ее общей периодизации, в основу которой было положено формирующееся учение о смене общественно-экономических формаций. Маркс и Энгельс дали здесь общую характеристику первобытной стадии развития человечества, раскрыли классовую структуру античного и феодального обществ, высказав проницательные мысли о происхождении средневековых городов и цехов, охарактеризовали в общих чертах капиталистический строй и его материальную базу — крупную промышленность, затронули проблему роли насилия

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 8.
[2] См. там же, т. 27, с. 12.
[3] См. там же, с. 11.

и завоеваний в истории и ряд других историко-социологических вопросов.

Исторические проблемы занимали большое место и в «Манифесте Коммунистической партии» (вышел в свет в начале 1848 г.). Этот первый программный документ научного коммунизма, окончательные формулировки и редакция которого бесспорно принадлежат Марксу, по праву считается работой обоих основоположников марксизма не только потому, что Энгельс написал его предварительный вариант «Принципы коммунизма» и первым выдвинул саму идею изложения программы Союза коммунистов в форме «Коммунистического манифеста»[1]. В «Манифесте Коммунистической партии», по существу, было синтезировано все основное, что было сделано до этого Марксом и Энгельсом в области разработки всех составных частей научного пролетарского мировоззрения и основ тактики классовой борьбы пролетариата.

Здесь была дана картина становления и развития буржуазного общества, показаны процессы складывания его классовой структуры, формирования пролетариата, ступени развития освободительного движения рабочего класса, начиная от разрушения машин и стихийного протеста против произвола отдельных капиталистов вплоть до устройства стачек, объединения в профсоюзы и сплочения его сил в национальном масштабе в форме массовой политической партии. Затронули авторы «Манифеста» и идеологическую сторону классовой борьбы, дав глубокую характеристику исторического развития социалистической мысли и наметив принципы научной, основанной на классовом критерии классификации различных социалистических систем. Они раскрыли не только значение, но и историческую ограниченность критически-утопического социализма и коммунизма, выяснили подлинный характер и других социалистических течений того времени — феодального, мелкобуржуазного и буржуазного социализма. Освещение всех этих исторических проблем явилось качественно более высоким синтезом выводов и наблюдений Маркса и Энгельса, зафиксированных в их прежних работах. Помимо произведений Маркса, начиная от его «Экономическо-философских ру-

---

[1] Об этом см.: *Багатурия Г. А.* Энгельс как соавтор «Манифеста Коммунистической партии». — Вопросы истории КПСС, 1970, № 10. В Западной Германии сделана попытка оспорить право Энгельса считаться одним из авторов «Манифеста» и издать его как произведение одного Маркса (*Marx Karl.* Manifest der Kommunistischen Partei. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von Theo Stammen in Zusammenarbeit mit Ludwig Reichart. München, 1978).

кописей 1844 года», этот синтез опирался и на труды Энгельса, в частности, на его анализ различных стадий в истории английского рабочего движения в книге «Положение рабочего класса в Англии», на изучение им истории социалистических идей, оуэновского социализма, теории Фурье, на его критику «истинных социалистов» и первую попытку классификации социалистических течений, данную в «Принципах коммунизма».

И в дальнейшем очень часто объектом совместного творчества Маркса и Энгельса были те или иные исторические сюжеты. В 1850 г. несколько таких произведений было опубликовано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Это прежде всего три «Международных обзора» [1], в которых события во Франции освещались скорее всего Марксом, а в Англии — Энгельсом. Что касается анализа положения на мировом рынке, международных отношений, событий в Пруссии и других германских государствах, в Швейцарии, США, в Китае и т. д., то, по всей вероятности, их следует рассматривать как результат прямого соавторства. Энгельс писал, в частности, о третьем международном обзоре как о написанном Марксом и им совместно [2]. Таким образом, один из главных теоретических выводов обзора — о влиянии экономических кризисов на складывание революционной обстановки — принадлежал обоим основоположникам марксизма.

В этих обзорах их совместным достижением являются и другие обобщающие мысли и прогнозы, касающиеся некоторых закономерностей общественного развития, например, о зависимости внутренней политики различных государств от изменений в мировой экономике, об опережающих темпах развития американского капитализма и последствиях этого для будущего капиталистических стран Европы, о втягивании в революционный процесс отсталых стран Азии, в частности Китая. К этим глубоким обобщениям относится и идея о неравномерности революционного процесса, о вероятности первоначальных революционных вспышек в тех странах и регионах, которые представляют собой слабые звенья мировой капиталистической системы. «В конечностях буржуазного организма,— писали Маркс и Энгельс, формулируя это важное положение,— насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше»[3].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 224—237, 308—311, 446—490.

[2] См. там же, т. 22, с. 531.

[3] Там же, т. 7, с. 467.

Совместно были написаны ими и рецензии на различные книги, преимущественно исторического содержания, опубликованные во 2 и 4 выпусках указанного журнала[1]. Здесь разграничение авторства является столь же трудным, как и в отношении международных обзоров. Сам Энгельс в 1892 г. указывал, что как эти обзоры, так и рецензии были написаны Марксом «в сотрудничестве с Энгельсом»[2]. Тем не менее на основании некоторых данных — переписки, более ранних и более поздних произведений каждого из соавторов — можно предположить, что рецензии на книги Ф. Гизо «Почему удалась английская революция?» и Э. Жирардена «Социализм и налог» были написаны Марксом, а рецензия на «Современные памфлеты» Т. Карлейля — Энгельсом. Кому из них принадлежали остальные рецензии — на работы Г. Ф. Даумера «Религия нового века», Л. Симона о германской имперской конституции 1849 г. и кампании в ее защиту, А. Шеню о французских тайных обществах периода Июльской монархии и Л. Делаода «Рождение республики в феврале 1848 года»,— нельзя сказать даже с небольшой долей достоверности. Не исключено, что они писались сообща.

Рецензии 1850 г. явились важной вехой в разработке Марксом и Энгельсом проблем истории и особенно историографии. В них были показаны характерные сдвиги в мировоззрении представителей буржуазии и мелкой буржуазии под влиянием бурного 1848 года, выяснена, если так можно выразиться, идеологическая реакция соответствующих кругов на революцию, раскрыт крайне поверхностный и в ряде случаев реакционный характер буржуазной и мелкобуржуазной интерпретации революционных событий. В историографическом плане рецензии дополнили критику идеалистического понимания истории, данную в «Немецкой идеологии», продемонстрировав на конкретных примерах справедливость высказанной в этом произведении мысли о тесной связи между классовым сознанием буржуазии в целом и буржуазной исторической наукой. Маркс и Энгельс показали, что эволюция этого сознания влечет за собой и соответствующие изменения в буржуазной историографии. Общее поправение буржуазии, напуганной революционными событиями, сползание ее большинства на контрреволюционные позиции сказалось и на взглядах ее идеологов, в частности историков. Понимание наиболее проницательными из них, хотя и в либерально-ограниченных рамках, роли клас-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 208—223, 268—307.
[2] См. там же, т. 22, с. 359.

совой борьбы и антифеодальных революций сменилось осуждением «революционных крайностей» и даже трактовкой революций как неких аномалий, вызванных «злой волей и религиозным фанатизмом нескольких смутьянов, которые не захотели довольствоваться умеренной свободой» [1]. Маркс показал это оскудение буржуазной исторической мысли на примере книги Франсуа Гизо — представителя талантливой школы французских историков периода Реставрации. Энгельс избрал другой характерный пример — Томаса Карлейля, английского писателя-романтика, который в прошлом выступал, хотя и с консервативных позиций, с обличением буржуазии и с признанием, в форме культа Кромвеля и Дантона, английской и французской революций XVII и XVIII вв. После 1848 г. Карлейль превратился, как отмечал Энгельс, в ярого защитника деспотического господства буржуазии, идеалистический культ героев выродился у него в реакционную апологию сильной власти — орудия усмирения мятежных народных масс.

Даже если эти рецензии писались Марксом и Энгельсом раздельно, выявление в них этой характерной для буржуазной историографии общей черты свидетельствует не о простом совпадении мыслей авторов, а по крайней мере, о совместном обдумывании ими важных новых явлений в идеологической сфере.

В конце 1850 г. Энгельс переехал из Лондона в Манчестер. В течение 20 лет друзья имели возможность работать за одним столом лишь во время не очень частых и не слишком продолжительных взаимных посещений. Тем не менее соавторская деятельность продолжалась и в эти годы. Сообща был написан памфлет «Великие мужи эмиграции», ряд статей для «New-York Daily Tribune», «Neue Oder-Zeitung» и других органов печати, очерков в «Новой американской энциклопедии». Многие из них были посвящены историческим темам, в том числе современным Марксу и Энгельсу историческим событиям. Даже такое остросатирическое произведение, как «Великие мужи эмиграции», в основном написанное во время пребывания Маркса у Энгельса в Манчестере с конца мая по конец июня 1852 г. на основании ранее сделанных каждым из них набросков и заготовок, содержит обобщающие характеристики определенных исторических событий и явлений [2]. Пам-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 221.

[2] Сохранившаяся рукопись этой работы, как и рукопись «Немецкой идеологии», — вещественное доказательство сотрудничества Маркса и Энгельса. Первые страницы написаны рукой Э. Дронке, которого Маркс

флетная, сатирическая форма в данном случае, как и в ряде других (стоит вспомнить работу «Господин Фогт»), служила литературным средством отображения действительно карикатурных сторон исторической действительности, своеобразным способом охарактеризовать подлинную историческую тенденцию. Изображение в памфлете авантюристической игры в революцию различных эмигрантских группировок, их шумной, но совершенно бесплодной деятельности, опошлявшей и дискредитировавшей истинную борьбу с реакцией, их мелочных склок и дрязг способствовало пониманию исторической сущности кризиса мелкобуржуазной революционности. При этом авторам удалось наглядно показать реальные черты политической и духовной обстановки в Германии до и во время революции, с ее мещанскими нравами и традициями. Именно она породила ту идейную путаницу, эклектизм и поверхностность, наряду с крайней амбициозностью и склонностью к мелодраматическим эффектам и фразерству, которые были свойственны лидерам немецкой эмиграции. Таким образом в этом произведении были в известной мере выявлены социальные и идейные истоки эволюции буржуазно-демократического движения, его упадка.

Многие статьи и корреспонденции 50-х и начала 60-х гг., посвященные текущим историческим событиям, с полным основанием опубликованы во втором издании Сочинений Маркса и Энгельса как их совместные работы. Соавторство здесь нередко возникало в результате добавлений Маркса к корреспонденциям своего друга, преимущественно к военным обзорам, написанным для «New-York Daily Tribune» [1]. Став с конца 1854 г. постоянным сотрудником «Neue Oder-Zeitung», Маркс нередко обрабатывал для немецкой газеты военные статьи Энгельса, предназначавшиеся для «Tribune», существенно дополняя их характеристикой внутренней политической жизни, преимущественно Англии. Так появилась целая серия общих статей Маркса и Энгельса периода Крымской войны [2]. В марте 1862 г. Маркс перевел на немецкий язык и, внеся в текст ряд дополнений, опубликовал в венской газете

еще до поездки в Манчестер привлек к оформлению материала, все остальное — рукой Энгельса со вставками Маркса. См. факсимиле одной из страниц в кн.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, между с. 314 и 315.

[1] См., например, *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 282—288, 367—372, 517—525, 571—578.

[2] См. там же, с. 624—626; т. 11, с. 87—89, 134—137, 256—259, 314—316, 324—328, 378—381, 393—396, 521—526, 538—540, 566—568, 575—578.

«Die Presse» статью Энгельса о гражданской войне в Америке, написанную для «New-York Daily Tribune», но не напечатанную этой газетой[1]. Разумеется, все это делалось с согласия Энгельса и при полном его одобрении.

Нередки были случаи и более планомерного и органичного создания совместных работ. Ярким примером является статья «Последнее английское правительство», написанная в начале февраля 1855 г. в связи с падением коалиционного кабинета Абердина — «министерства всех талантов». В статье был охарактеризован целый период в истории Англии, с конца 1852 г. по январь 1855 г., отмеченный симптомами кризиса существующей олигархической системы попеременного правления старых аристократических партий — тори и вигов, и показаны проявления этого кризиса во внутренней и внешней политике господствующих классов. Характерен сам процесс написания этой статьи. 30 января 1855 г. Маркс, занятый корреспондентской работой для «Neue Oder-Zeitung», обратился к Энгельсу с просьбой написать для «New-York Daily Tribune» статью о коалиционном правительстве, падение которого ожидалось с минуты на минуту (об официальной отставке стало известно 1 февраля). Он обещал прислать ряд своих прежних статей из «Tribune» о различных сторонах деятельности этого правительства, его бюджетах и т. д. На следующий день Маркс послал в Манчестер не только обещанные работы, но и подробный проспект статьи, содержащий хронологический перечень основных мероприятий кабинета Абердина и фактов, характеризующих его деятельность[2]. На основании этих материалов Энгельс и составил окончательный текст, добавив от себя ряд характеристик и выводов. В свою очередь Маркс составил немецкий вариант этой работы, который был опубликован в «Neue Oder-Zeitung» в виде двух статей «Свергнутое министерство» и «Два кризиса»[3].

При совместной работе Маркса и Энгельса над биографиями различных полководцев для «Новой американской энциклопедии» — «Барклай-де-Толли», «Беннигсен», «Бем», «Боске», «Блюхер», «Бересфорд»[4] — роли как бы поменялись. Здесь первоначальный набросок исходил от Энгельса, а окончательный вариант текста создавался его другом. Так, из письма Эн-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 498—507; т. 30, с. 183.

[2] См. там же, т. 28, с. 356—361.

[3] См. там же, т. 11, с. 21—27, 39—42, 46—49.

[4] См. там же, т. 14, с. 92—94, 113—116, 134—137, 140—141, 178—195, 294—295.

гельса Марксу 10 сентября 1857 г. видно, что он прислал ему подробные материалы для статей «Беннигсен» и «Барклай-де-Толли», обработанные затем Марксом[1]. Заметки о деятельности участника польского восстания 1830—1831 гг. и революции 1848—1849 гг. в Австрии и Венгрии Бема, использованные в соответствующей статье, содержались в письме Энгельса Марксу 18 сентября, а наброски будущих статей «Боске» и «Блюхер» — в его письме от 22 сентября 1857 г.[2] Первоначальный вариант статьи «Бересфорд», составленный Энгельсом, нуждался, по его мнению, в дополнениях, в частности о провалившейся экспедиции Бересфорда с целью захвата Буэнос-Айреса в 1806 г.[3] Это дополнение было сделано Марксом, который провел и окончательную редакцию статьи.

При написании небольшой статьи «Аякучо» о решающем сражении латиноамериканцев с испанскими колониальными войсками 9 декабря 1824 г. Энгельсу принадлежало описание самого сражения и оценка его места в антиколониальной борьбе народов Латинской Америки. Маркс был автором заключительной части, содержавшей характеристику группы испанских военных и политических деятелей во главе с генералом Эспартеро, склонных к военным авантюрам и прозванных «аякучос»[4].

Соавторская работа Маркса и Энгельса над статьей «Армада» — о гибели в 1588 г. испанского флота, посланного королем Филиппом II для завоевания Англии,— прошла через несколько этапов. Маркс прислал Энгельсу осенью 1857 г. выписки из разных источников (в том числе весьма редких) в обработанном виде, так что их можно считать первоначальным наброском статьи. Энгельс отредактировал этот материал, сократив его и добавив несколько фактов, и отправил в Лондон с письмом от 19 октября с просьбой вписать некоторые трудно читаемые в выписках имена[5]. Эта просьба и то обстоятельство, что статья была отправлена в Нью-Йорк не сразу, а через несколько дней, 23 октября 1857 г., дают основание предположить о проведении Марксом дополнительной работы по оформлению окончательного варианта статьи[6].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 136; т. 44, с. 291—293.

[2] См. там же, т. 29, с. 140—141, 146—149.

[3] См. там же, с. 244.

[4] См. там же, т. 14, с. 177; т. 29, с. 142.

[5] См. там же, т. 29, с. 157; см. также т. 14, с. 172—175.

[6] Подробнее см.: *Рябов Ф. Г.* Некоторые новые сведения о статьях К. Маркса и Ф. Энгельса в «New American Cyclopaedia». — В сб.: Страницы истории марксизма и международного рабочего движения в XIX веке, ч. I. М., 1979.

Совместная работа основоположников марксизма сделалась весьма интенсивной в годы Первого Интернационала, особенно с момента переезда Энгельса в Лондон в сентябре 1870 г. В соавторстве с Энгельсом Маркс составил целый ряд важных документов Интернационала, обращений и писем Генерального Совета, резолюции Лондонской конференции 1871 г. и Гаагского конгресса 1872 г. Из-под пера обоих соратников вышли и такие направленные против анархистских сектантов работы, как закрытый циркуляр Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале» (январь — март 1872 г.) и брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (апрель — июль 1873 г.; в написании ее принял участие П. Лафарг) [1]. Значение этих произведений выходит за рамки критики бакунизма. В них дана марксистская интерпретация истории Интернационала, обобщающая характеристика его развития, в том числе и после Парижской коммуны, раскрыто его место в освободительной борьбе рабочего класса, показаны истинные причины враждебного отношения к нему господствующих классов разных стран. Подробно были освещены перипетии столкновений внутри Международного Товарищества между его пролетарским революционным крылом и различными мелкобуржуазными течениями, выяснены социальные и идейные корни сектантства в рабочем движении. Данная автором характеристика сектантских тенденций проливала свет на многие стороны истории пролетарского движения не только в период Интернационала, но и на предшествующих ему ступенях. В обоих произведениях показана связь между сектантскими заблуждениями, догматизмом, вульгарными, примитивными представлениями в духе «казарменного коммунизма» и влиянием непролетарской, мелкобуржуазной идеологии на рабочий класс, а также его идейной незрелостью на ранних ступенях развития рабочего движения и социалистической мысли. Обращено внимание на живучесть сектантско-авантюристических тенденций, на способность их при определенных условиях возрождаться, причиняя существенный вред пролетарской борьбе.

Оба упомянутых произведения относятся к тем работам основоположников марксизма, в которых закладывался фундамент марксистской историографии истории международного рабочего движения [2].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 1—46, 323—452.

[2] См.: Первый Интернационал в исторической науке. М., 1968, с. 13—14.

В последующий период Марксом и Энгельсом сообща был создан такой важный партийный документ, как «Циркулярное письмо» руководителям германской социал-демократии (сентябрь 1879 г.) [1]. В этом произведении, направленном против оппортунизма и примиренчества с ним, был глубоко обобщен исторический опыт предшествующего революционного пролетарского движения, в том числе и опыт борьбы самих Маркса и Энгельса за пролетарскую партию.

* * *

Прямое соавторство было далеко не единственной формой сотрудничества Маркса и Энгельса при разработке исторических проблем. Оно выражалось и во взаимной консультации по различным специальным вопросам, и в «подсказывании» друг другу тех или иных тем для изучения, и в предварительном обмене мнениями об исторических событиях и литературе, им посвященной. Так, датой рождения замысла произведения Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», занимающего ведущее место в марксистской историографии истории германской революции 1848—1849 гг., служит письмо Маркса 14 августа 1851 г., в котором он просил написать для «New-York Daily Tribune» «ряд статей о Германии начиная с 1848 года» [2]. Разрабатывая эту тему, Энгельс посылал каждую из написанных статей на просмотр Марксу. Однако роль Маркса в создании этой классической работы заключалась не только в этом просмотре. Главным ее источником послужил комплект «Neue Rheinische Zeitung» за 1848 — 1849 гг. со статьями Маркса и Энгельса, в которых давалась характеристика позиции различных классов, партий и деятелей в ходе революции. Энгельс, таким образом, суммировал и обобщил как свои, так и Марксовы оценки событий, их общие взгляды, сложившиеся в период революционных потрясений.

В письме Маркса Энгельсу 10 марта 1853 г. содержалась просьба написать несколько статей по восточному вопросу, был намечен их общий план и основные тезисы. Маркс указывал на необходимость раскрыть экономические и политические причины конфликта между царской Россией и западными державами на Балканах и Ближнем Востоке, связать решение восточного вопроса с освобождением балканских народов от султанского гнета, подчеркнуть, что путь к этому лежит

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 161—175.
[2] Там же, т. 27, с. 282.

через европейскую революцию, призванную разрушить и такой оплот феодального варварства и национального гнета, как разлагавшаяся Османская империя[1]. Эти идеи Энгельс развил в написанных во второй половине марта — начале апреля 1853 г. статьях «Действительно спорный пункт в Турции», «Турецкий вопрос», «Что будет с Европейской Турцией?» и др., в которых с революционных позиций были рассмотрены исторические судьбы народов данного региона — славян, греков, румын и т. д.[2]

В свою очередь Энгельс не раз фиксировал внимание Маркса на той или иной исторической проблеме, которая потом становилась предметом его исследования. Намерение Маркса написать «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» несомненно сложилось в значительной мере под влиянием глубокой характеристики бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г., которая была дана в письмах Энгельса 3, 10 и 11 декабря этого года. Особенно запечатлелись в его сознании мысли, высказанные в первом из этих писем, написанном на следующий же день после событий, меткое сопоставление их с переворотом 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., произведенным генералом Наполеоном Бонапартом, сравнение деятелей Великой французской революции конца XVIII века с политическими фигурами Второй республики 1848—1851 гг. «Кажется, право, будто историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в виде великой трагедии и второй раз — в виде жалкого фарса,— писал Энгельс. — Косcидьер вместо Дантона, Л. Блан вместо Робеспьера, Бартелеми вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и этот ублюдок с дюжиной первых встречных погрязших в долгах офицеров вместо маленького капрала с его плеядой маршалов. До 18-го брюмера мы, стало быть, уже добрались»[3]. Не трудно заметить, что начальный абзац работы Маркса представляет собой прямую перефразировку этих строк[4]. Маркс счел их настолько меткими и удачными, что решил воспроизвести в своем произведении. Да и само заглавие его основано на той параллели между событиями конца XVIII и середины XIX в., которая впервые была проведена Энгельсом. Недаром в конспекте переписки Маркса

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 190.
[2] См. там же, т. 9, с. 3—15, 20—26, 31—36.
[3] См. там же, т. 27, с. 341 («ублюдком» Энгельс называет Луи Бонапарта, «маленьким капралом» — Наполеона Бонапарта).
[4] См. там же, т. 8, с. 119.

и Энгельса В. И. Ленин сделал к этому письму следующую ремарку: «Энгельс дает 1-й набросок «18 брюмера»» [1].

Другой характерный случай связан с обменом мнениями между Марксом и Энгельсом об особенностях исторического развития стран Востока. В процессе обсуждения этих проблем Энгельс в письме от 6 июня 1853 г. высказал соображения, которые произвели сильное впечатление на Маркса как своей проницательностью, так и тем, что совпали с ходом его собственных мыслей: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве). Британское правительство в Индии организовало № 1 и № 2, придав им более филистерский вид, а № 3 совсем забросило, в результате чего индийское земледелие гибнет» [2]. Эти и другие выводы, в частности о влиянии климатических условий и значении ирригации на Востоке, о гибели очагов цивилизации в результате уничтожения завоевателями оросительной системы — основы всей хозяйственной жизни восточных стран, Маркс целиком воспроизвел в статье «Британское владычество в Индии», написанной 10 июня 1853 г. [3]

В отношения Маркса и Энгельса прочно вошла практика обращения друг к другу с просьбами либо помочь разобраться в том или ином специальном вопросе, либо подобрать необходимый материал из источников, недоступных в этот момент автору, либо просто написать соответствующую вставку. Весьма наглядно иллюстрирует такую взаимопомощь сотрудничество Маркса и Энгельса в «Новой американской энциклопедии». Некоторые из статей для этого издания, как уже отмечалось, были написаны Марксом фактически в соавторстве с Энгельсом. При написании ряда других — «Бертье», «Бернадот», «Бесьер», «Бюлов», «Бюжо» — он также пользовался советами и справками Энгельса об этих деятелях, об их роли в отдельных сражениях и военных кампаниях [4]. В свою очередь Маркс всячески старался облегчить своему другу, взявшему на себя освещение основных военных и военно-исторических тем, работу над его статьями, особенно такими крупными, как обобщающий очерк «Армия». Так, он собирал для Энгельса необходимые сведения, сделал в библиотеке Британского

---

[1] *Ленин В. И.* Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса». 2-е изд. М., 1968. с. 264.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 221.

[3] См. там же, т. 9, с. 132—133.

[4] См. там же, т. 29, с. 136—137, 139, 143—146, 234.

музея выписки по истории военного дела в древности из трехтомного труда Дж. Г. Уилкинсона «Нравы и обычаи древних египтян», привел данные об античных армиях со ссылками на Геродота, Фукидида, Полибия и других авторов[1]. Он разыскал нужный Энгельсу для статьи «Военный мост» материал о применявшихся в армиях различных стран понтонах[2].

В начале сентября 1870 г. Маркс, работая над «Вторым воззванием Генерального Совета Интернационала о франко-прусской войне», попросил Энгельса помочь ему опровергнуть с военной точки зрения притязания прусских юнкеров и немецкой буржуазии на Эльзас и Лотарингию. Энгельс немедленно прислал соображения, основанные на анализе опыта войн Французской революции и начальной стадии франко-прусской войны, доказывающие полнейшую беспочвенность этих притязаний. Эти аргументы были включены в документ[3].

Со своей стороны Маркс всемерно способствовал работе своего соратника в 1876—1878 гг. над полемическим трудом «Анти-Дюринг». Он был целиком в курсе всех планов Энгельса, просматривал рукописи перед отправкой их для публикации в Германии, где они первоначально печатались в центральном органе Социалистической рабочей партии Германии — газете «Vorwärts». Для второго отдела книги («Политическая экономия») Маркс написал критический разбор взглядов Дюринга на историю экономических учений, изложив историческое развитие экономической мысли. В начале марта 1877 г. он передал Энгельсу рукопись «Замечания на книгу Дюринга «Критическая история политической экономии»», дополнив ее в августе разбором «Экономической таблицы» физиократа Кенэ. После небольшой доработки Энгельсом этот материал составил главу X второго отдела «Анти-Дюринга»—«Из «Критической истории»»[4]. «Сердечное спасибо за большую работу относительно «критической истории»,— писал Энгельс по получении первой рукописи. — Это больше, чем мне нужно, чтобы совершенно заткнуть глотку молодцу и в этой области»[5].

---

[1] См.: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 1, д. 1027.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 137—138, 141; см. также: *Бабин А. И.* Творческое сотрудничество К. Маркса и Ф. Энгельса в разработке вопросов военной истории. — Военно-исторический журнал, 1968, № 5.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 46; т. 17, с. 276—277.

[4] См. там же, т. 20, с. 237—266, а также т. 34, с. 30, 33—34, 57.

[5] См. там же, т. 34, с. 31.

Помогал Маркс Энгельсу и при написании других отделов «Анти-Дюринга». Он вновь обратился, в частности, к сочинениям Роберта Оуэна, составил библиографический список его работ и указал в письме Энгельсу 8 августа 1877 г. на наиболее важные из произведений социалистов-утопистов с точки зрения критики дюринговского искажения истории социалистической мысли (эта критика содержится в третьем отделе книги Энгельса — «Социализм»)[1]. Оказывал он Энгельсу помощь и в подборе других материалов.

Систематический характер имел обмен информацией о книгах и источниках. В письмах Маркса Энгельсу за февраль — март 1856 г., например, содержатся подробные библиографические перечни публикаций исторических и литературных памятников, хрестоматий и исследований по истории многих славянских народов, причем нередко с собственными критическими аннотациями[2]. Эти списки предназначались для Энгельса в связи с его занятиями славянской филологией и историей и намерением написать серию статей с критикой панславистских идей (она позднее была написана, но не опубликована редакцией «New-York Daily Tribune»). Во время работы Энгельса над книгой «История Ирландии» (осень 1869 — первые месяцы 1870 г.) Маркс из Лондона присылал ему библиографические справки и редкие издания источников и литературы по истории этой страны: трактаты, памфлеты, парламентские отчеты и т. д.[3] Он перебрал свои многочисленные тетради с выписками по всемирной истории для того, чтобы отыскать материалы о законах и обычаях кельтов Ирландии и Уэльса, сведения об изданиях ирландских анналов и другие данные, которые могли бы пригодиться его другу[4]. По просьбе Маркса его дочь Элеонора просматривала оппозиционный еженедельник «Political Register», издававшийся радикальным публицистом Уильямом Коббетом с 1802 по 1835 г., с целью выявления статей об Ирландии[5].

Большую заботу проявляли Маркс и Энгельс о популяризации произведений друг друга. О том, как Энгельс старался пропагандировать труды Маркса, лучше всего говорят его рецензии на работу «К критике политической экономии» и на «Капитал».

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 57.
[2] См. там же, т. 29, с. 12—17.
[3] См. там же, т. 32, с. 302, 309, 315, 392, 399.
[4] См. там же, с. 419—420.
[5] См. там же, с. 309.

Со своей стороны Маркс также прилагал немало усилий, чтобы работы Энгельса получили должную оценку и распространение. Он посылал его произведения (брошюры «По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн», «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» и др.) друзьям и знакомым, пролетарским революционерам и видным демократам, в частности Гарибальди, старался обеспечить отклики на них в печати, иногда рецензировал их сам, например брошюру «Военный вопрос в Пруссии»[1]. Известны характеристики, которые Маркс дал произведениям Энгельса («Наброски к критике политической экономии», «Положение рабочего класса в Англии») в своих печатных трудах: предисловии к книге «К критике политической экономии» и в «Капитале»[2]. К французскому изданию работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» Маркс написал в мае 1880 г. специальное введение, в котором характеризовал своего соратника как одного из «самых выдающихся представителей современного социализма»[3].

Из всех форм взаимопомощи Маркс и Энгельс больше всего ценили мнения друг друга по существу изучаемых проблем. Каждый из них особенно дорожил суждением своего соратника; одобрительный или критический отзыв служил средством самопроверки. В обсуждении любых теоретических или исторических вопросов, в письмах или в личных беседах Маркс и Энгельс черпали стимул для дальнейшей работы, к рекомендациям друг друга прислушивались с величайшей тщательностью.

Изучая историю Ирландии, Энгельс изо дня в день информировал Маркса о ходе своих занятий, сообщал ему о трудностях, с которыми сталкивался, делился своими выводами[4]. Маркс, также занимавшийся в это время ирландской историей в связи с дискуссиями по ирландскому вопросу в Генеральном Совете Интернационала, постоянно ставил в известность Энгельса о результатах своих изысканий[5]. Занятия ирландской историей привели Маркса и Энгельса не только к одинаковому пониманию особенностей исторического развития страны, характера и последствий колониального господства англий-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 36, 106—107; т. 16, с. 84—85.

[2] См. там же, т. 13, с. 8; т. 23, с. 251.

[3] См. там же, т. 19, с. 241.

[4] См. там же, т. 32, с. 280, 300, 304, 314, 329—330, 340—341, 348—349, 351—352, 356, 366, 375—376, 379, 389, 395—397, 405, 414.

[5] См., напр., там же, с. 330—332, 336—339, 392—393 и др.

ских правящих классов и роли ирландского национально-освободительного движения, но и к совпадению точек зрения по отдельным конкретным вопросам. «Твои выводы из парламентских отчетов совпадают и с результатами моих исследований» [1],— писал, например, Энгельс Марксу 15 апреля 1870 г. по поводу оценки им аграрного переворота в Ирландии в середине XIX века и начавшегося с 1846 г. массового сгона ирландских арендаторов с земли в интересах крупных землевладельцев-скотоводов.

В то же время исследования Маркса и Энгельса в известной степени дополняли друг друга. В подготовительных конспектах и выписках Энгельса, содержащих обильные данные почти по всем периодам истории Ирландии, сравнительно слабо отражен период национального подъема конца XVIII века, по которому он не успел собрать необходимые материалы. Этот пробел восполняет опубликованная недавно под редакционным заголовком «Ирландия от американской революции до унии 1801 года» [2] рукопись Маркса. Нет сомнения, что с содержанием этой рукописи, по крайней мере с основными выводами, сделанными в ней, Маркс в той или иной форме познакомил своего друга.

Особенно обстоятельное обсуждение проблем ирландской истории происходило, по всей вероятности, во время пребывания Маркса у Энгельса в Манчестере в мае — июне 1870 г. Если судить по письму Маркса дочери Женни, отправленному из Манчестера 31 мая, история Ирландии с древних времен до последних событий была постоянным предметом дружеских бесед. «Пока я пишу эти строки,— шутил Маркс,— негодяй Фред не дает мне покоя, все время читая «отрывки» из старых норвежских саг» [3]. Норвежскими и исландскими сагами Энгельс пользовался как одним из источников для описания борьбы ирландцев с норманнами. Маркс несомненно услышал из его уст детальное изложение всего замысла работы и, вероятно, познакомился с ее готовой частью. «Его книга об Ирландии,— которая отнимает у него, между прочим, несколько больше времени, чем он сначала предполагал,— сообщал Маркс в том же письме,— будет в высшей степени интересна» [4].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 396.
[2] См. там же, т. 45, с. 8—81.
[3] Там же, т. 32, с. 569.
[4] Там же, с. 568.

Таким образом, работая над историей Ирландии, Энгельс, если так можно сказать, имел в лице Маркса постоянного компетентнейшего консультанта, чьи советы существенно помогали ему разобраться в сложном клубке исторических событий и чьи собственные исследования восполнили недостающие звенья в складывавшемся понимании всего хода ирландской истории. Маркс со своей стороны в выступлениях по ирландскому вопросу во многом опирался на результаты исследований Энгельса, которые подкрепляли и дополняли его собственные выводы. Марксистская концепция истории этой страны, коренным образом отличавшаяся от всего, что было написано о ней в существовавшей литературе, особенно в проникнутых шовинистическим духом работах английских историков, разрабатывалась Марксом и Энгельсом в тесном сотрудничестве.

Насколько высоко ценил Энгельс мнение своего друга по вопросам истории, свидетельствуют его письма 15 и 16 декабря 1882 г., направленные на остров Уайт, в курортный городок Вентнор — последнее место отдыха и лечения Маркса. Эти письма сопровождали рукопись очерка Энгельса «Марка», написанного в качестве приложения к немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Осветив в этом очерке на основании критического использования трудов Г. Маурера и других ученых исторические судьбы крестьянской общины, Энгельс испытывал потребность предварительно показать его Марксу, который был крупнейшим знатоком этой проблемы (об этом говорят не только его обстоятельные выписки из книг Маурера, но и конспект книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение», наброски ответа на письмо В. И. Засулич и другие материалы из его рукописного наследства) [1]. В своих письмах Энгельс, отдавая должное заслугам Маурера, указывал на те пункты в трактовке германской истории, в которых он разошелся с ним. Он разъяснял свое понимание эволюции положения немецкого крестьянства на протяжении средних веков, выдвинув, в частности, известный тезис о «втором издании крепостного права» в XVI веке, интересовался суждениями Маркса на этот счет, а также его мнением о композиционной структуре работы [2]. Ответ Маркса, к сожалению, до нас не дошел. Но

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 153—226; т. 19, с. 400—421.

[2] См. там же, т. 35, с. 105—107.

он, судя по письму Энгельса от 19 декабря 1882 г., последовал очень быстро и был в высшей степени одобрительным. Энгельсу даже показалось, что Маркс несколько переоценил его работу. «Твой отзыв очень лестен,— писал он ему,— но я не могу с ним согласиться, по крайней мере в отношении формы»[1].

Не прошло и трех месяцев после обмена этими письмами, как Маркса не стало. Энгельс лишился соратника в революционной борьбе, постоянного сотрудника в теоретической работе. Однако в его руках оказалось целое сокровище — огромное количество рукописей Маркса, материалы его неопубликованных экономических и исторических трудов, тетради с выписками и конспектами, наброски и планы. Разбирая и изучая это драгоценное рукописное наследство, черпая из него богатство идей, наблюдений, теоретических выводов, Энгельс как бы продолжал духовное общение со своим умершим другом. Дать жизнь этим незавершенным трудам, прежде всего рукописям неизданных томов «Капитала», сделать их достоянием участников международного рабочего и социалистического движения, максимально способствовать изданию и распространению произведений своего друга — стало главной целью Энгельса с момента кончины Маркса. Он считал своим моральным и общественным долгом не просто воспроизводить сохранившиеся рукописи, а, бережно сохраняя текст автора и строго соблюдая его замысел, заполнить имеющиеся в них лакуны, внести добавления на основе исследований новых явлений и дальнейшего развития марксистской науки. Такой творческий подход к теоретическому наследию друга пронизывает всю публикаторскую деятельность Энгельса.

В таком духе реализовал он оставшееся неосуществленным намерение Маркса написать труд, в котором в свете открытий выдающегося американского этнографа Моргана и других научных данных была бы охарактеризована самая ранняя ступень истории человечества и доказана правильность выводов исторического материализма о происхождении и преходящем характере институтов классового эксплуататорского общества. Создавая свою книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), Энгельс широко использовал составленный Марксом конспект книги Моргана «Древнее общество», текстуально воспроизвел ряд обобщающих замечаний Маркса, сделав его в известном смысле как бы соавтором

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 109.

своего труда [1]. Таким образом, достижения Маркса в области исследований исторического процесса вошли и после его смерти как органический составной элемент в одно из важнейших произведений Энгельса.

Переиздавая работы Маркса, в том числе его исторические произведения, Энгельс снабжал их предисловиями. В них он давал читателю представление об исторической обстановке, в которой создавалась та или иная работа, раскрывал значение научного истолкования Марксом исторического процесса и примененного метода анализа истории, а нередко и дополнял содержание произведения более детальной характеристикой событий или дальнейшего развития подмеченных автором тенденций. Таковы, в частности, предисловие к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне» (1885), статья «К истории Союза коммунистов», написанная в качестве введения к третьему изданию памфлета Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (1885), предисловие к третьему немецкому изданию работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1885), введения к работам «Гражданская война во Франции» (1891) и «Классовая борьба во Франции» (1895). При написании этих двух введений Энгельс счел необходимым в первом случае дополнить Марксову картину Парижской коммуны освещением ее предыстории и деятельности главных политических течений в ней, а во втором — обрисовать общественное развитие Европы после описанных Марксом событий 1848—1850 гг. и в первую очередь сдвиги, произошедшие в рабочем движении [2].

Готовя к публикации рукопись третьего тома «Капитала», Энгельс в своих добавлениях и вставках стремился не только восполнить известные пробелы в изложении экономических вопросов, но и углубить историческое содержание труда характеристикой новых явлений в экономической жизни (образование картелей и трестов, рост акционерных кампаний, возрастание роли банков, биржи, расширение сферы приложений банковского капитала за границей и т. д.). Он приводил некоторые дополнительные данные, касающиеся генезиса капитализма, ранних стадий его развития, мануфактурного периода. Так, в специально написанном им дополнении к этому тому — «Закон стоимости и средняя норма прибыли» — он раскрыл

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 227—372; воспроизведенные Энгельсом замечания Маркса см. т. 21, с. 25, 36, 45, 60, 61, 101—103, 105—107, 122, 165.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 189—201, 529—548.

роль купеческого капитала в зарождении капиталистического уклада, показав связь его эволюции с появлением эмбриональных форм буржуазного предпринимательства в судоходстве, горном деле, текстильной промышленности и возникновением в последней отрасли производства зачатков рассеянной мануфактуры [1].

Таким образом, публикация предисловий и дополнений к издаваемым Энгельсом трудам Маркса стала одним из способов обнародования результатов его новых изысканий, в том числе и в области истории. Свои собственные научные достижения он прочно связал с творчеством своего друга. Свободный от всякого авторского тщеславия, Энгельс стремился прежде всего к тому, чтобы как можно больше оттенить заслуги Маркса как гениального теоретика рабочего класса, как ученого, открывшего законы общественного развития и проложившего путь к подлинно научному пониманию истории. «Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны» [2].

* * *

Сотрудничество Маркса и Энгельса в разработке исторических проблем — одно из проявлений беспримерного содружества великих мыслителей и борцов. Благодаря постоянной взаимопомощи каждый из них сумел достигнуть большего, чем ему удалось бы сделать, не имей он подобного дружеского содействия во всех своих научных начинаниях. Разрабатываемая основоположниками марксизма новая историческая наука значительно выиграла от того, что она создавалась усилиями ученых, связанных тесными дружескими узами, часто в процессе их совместного творчества. Соединение исследовательских дарований усиливало плодотворность результатов научных изысканий, способствовало ускорению развития марксистской исторической мысли, позволило увеличить круг изучаемых проблем и углубить их анализ, в значительной степени расширило горизонты самой науки.

Изучение конкретных форм, в которых находила свое воплощение эта великая кооперация теоретиков рабочего класса, дает представление о важных сторонах биографий Маркса и Энгельса, самого процесса развития марксистского учения, ис-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 475—480.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 12.

тории марксизма. Подлинная картина содружества Маркса и Энгельса в той или иной области науки имеет и в целом непреходящую ценность для нашего современника — строителя нового общества. Она знакомит его с образцами высокой человеческой морали, бескорыстия и самоотверженности в научном труде, готовности подчинять личные интересы общему поиску научной истины, с вдохновляющими примерами нового типа отношений между людьми, отдавшими свою жизнь служению благородному делу революционного обновления мира.

В. С. Выгодский

ЭНГЕЛЬС О РАБОТЕ МАРКСА НАД «КАПИТАЛОМ»

Фридрих Энгельс не только внес фундаментальный самостоятельный вклад в разработку марксистской экономической теории, не только был фактически соавтором II и III томов «Капитала»,— он был глубочайшим знатоком и интерпретатором экономической теории и метода экономического исследования Маркса. Эта сторона теоретической деятельности Энгельса получила свое воплощение в написанных им биографических очерках о Марксе, в «Анти-Дюринге», в рецензиях на первый выпуск работы Маркса «К критике политической экономии» и на I том «Капитала», в написанных им предисловиях к трем томам «Капитала», к двум немецким изданиям «Нищеты философии», во введениях к отдельным изданиям работы Маркса «Наемный труд и капитал», в письмах и некоторых других работах. Данные Энгельсом основополагающие характеристики содержания экономического учения марксизма, его места в истории политической экономии, основных этапов его развития, его методологии, взаимосвязи с другими составными частями марксистской теории полностью сохранили свое значение и служат отправными пунктами для дальнейшей разработки истории и теории марксизма-ленинизма.

Тема «Энгельс и «Капитал» Маркса» достаточно широко исследована в нашей научной литературе [1], однако энгельсов-

[1] См., например, *Леонтьев Л. А.* Роль Ф. Энгельса в формировании и развитии марксистской политической экономии. М., 1972; *Малыш А. И.* Ф. Энгельс и пролетарская политэкономия. М., 1970; *его же.* Энгельс и некоторые вопросы политической экономии. — В сб.: Энгельс — теоретик. М., 1970, с. 74—136; *Malysch Alexandr.* Fragen der ökonomischen Theorie in Friedrich Engels' «Anti-Dühring». — Marx-Engels-Jahrbuch 2. Berlin, 1979, S. 73—106; *Казьмина И. Г.* Работа Энгельса над подготовкой к изданию третьего тома «Капитала» Маркса. — В сб.: Из истории марксизма. М., 1961, с. 376—404; *Выгодский В. С.* «Анти-Дюринг» в экономическом наследии марксизма. — Вопросы экономики, 1978, № 7, с. 74—85; *его же.* Экономические проблемы в «Анти-Дюринге». —

ские характеристики истории создания «Капитала» — как самого хода, так и методологии работы Маркса — нуждаются, на наш взгляд, в дальнейшем изучении.

I

Впервые в истории марксизма Энгельс проследил многолетний процесс создания Марксом его экономической теории, рассмотрев этот процесс в общем контексте развития марксизма, во взаимной связи его составных частей.

В 1859 г., в развернутой рецензии на первый выпуск работы Маркса «К критике политической экономии» Энгельс впервые дал характеристику экономического учения Маркса, указав при этом на его тесную взаимосвязь с двумя другими составными частями марксизма, неизменно существовавшую на всех этапах разработки марксистской теории. Само возникновение марксистского экономического учения в Германии Энгельс связал с появлением «немецкой пролетарской партии», отметив, что «все содержание ее теории возникло на основе изучения политической экономии». Энгельс подчеркнул далее, что марксистская политическая экономия «базируется в сущности на *материалистическом понимании истории*», которое является «теоретической основой», «научным мировоззрением» пролетарской партии [1].

В рецензиях на I том «Капитала», написанных в 1867—1868 гг., Энгельс неустанно подчеркивал социалистическую направленность экономических исследований Маркса, тот факт, что в «Капитале» дано экономическое обоснование теории научного социализма. Энгельс говорит о «Капитале» как о «политической экономии рабочего класса в ее научном выражении», экономические исследования Маркса он называет «новой социалистической наукой», которая ставит перед собой задачу «подвести под социалистические стремления» пролетариата «научный базис» [2].

В «Анти-Дюринге» (1876—1878) Энгельс впервые указал на создание теории прибавочной стоимости, на «разоблачение тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости», как на второе — после материалистического понимания истории — великое открытие Маркса. «Благо-

---

В сб.: Теория марксизма и рабочее движение в XIX в. Материалы и сообщения Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС. М., 1978, с. 1—39.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 490—491, 493.

[2] Там же, т. 16, с. 381, 220.

даря этим открытиям социализм стал наукой»[1]. Решение вопроса о создании прибавочной стоимости в рамках закона стоимости, в рамках обмена эквивалентов, по словам Энгельса, «составляет величайшую историческую заслугу труда Маркса... От решения этого вопроса берет свое начало научный социализм, и это решение является центральным пунктом научного социализма»[2].

Создание Марксом теории прибавочной стоимости Энгельс назвал «полной и законченной научной революцией»[3] в политической экономии. Поэтому уровень разработки этой теории и был им положен в основу анализа исторического развития экономического учения марксизма[4].

Прежде всего Энгельс выделил 40-е гг. XIX в., указав на то, что к зиме 1846—1847 гг. «Маркс окончательно уяснил себе основные черты своих новых исторических и экономических воззрений»[5]. В предисловии ко II тому «Капитала» (1885) Энгельс писал о том, что в 40-е годы Маркс уже «очень хорошо знал не только *откуда*, но и *как* «происходит прибавочная стоимость капиталиста»»; об этом свидетельствуют «Нищета философии» и лекции о наемном труде и капитале[6]. Позднее, в 1891 г. Энгельс вместе с тем констатировал, что «в сороковых годах Маркс еще не завершил своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятых годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859), в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые, с точки зрения позднейших работ, являются неудачными и даже неверными»[7].

На наш взгляд, Энгельс здесь имеет в виду тот факт, что в 40-е годы Марксу была уже ясна общая стоимостная основа механизма капиталистической эксплуатации. Так, в «Наемном труде и капитале» Маркс прямо говорит о том, что собственностью рабочего является лишь «способность к труду»,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 26—27.
[2] Там же, с. 210.
[3] Там же, т. 36, с. 246.
[4] «Учение о прибавочной стоимости, — писал Ленин, — есть краеугольный камень экономической теории Маркса». «Эту науку Маркс революционизировал... в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I. 1867)» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 45; т. 26, с. 49).
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 180.
[6] См. там же, т. 24, с. 11.
[7] Там же, т. 22, с. 204—205.

что в результате обмена между капиталом и трудом в распоряжение капиталиста переходит «воспроизводящая сила» рабочего, его «рабочая сила». «В обмен на свой труд,— пишет Маркс,— рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные средства получает труд, производительную деятельность рабочего, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде»[1]. Как видим, Маркс здесь вплотную подошел — также и в терминологическом отношении — к решению основной проблемы теории прибавочной стоимости, к объяснению капиталистической эксплуатации в рамках закона стоимости.

Всестороннюю разработку своей теории прибавочной стоимости Маркс осуществил в 50-е гг. в процессе создания рукописи 1857—1858 гг. «Критика политической экономии». В первом выпуске работы «К критике политической экономии» были изложены результаты исследования теории стоимости и теории денег как предпосылки теории прибавочной стоимости. Вслед за первым выпуском вскоре должен был последовать второй, в котором планировался центральный раздел теории прибавочной стоимости — раздел о капитале[2]. Однако к работе над вторым выпуском Маркс приступил только в августе 1861 г. Кроме того, заполнив первые пять тетрадей рукописи 1861—1863 гг.[3], Маркс в марте 1862 г.[4] *прервал* изложение теории прибавочной стоимости и, начиная с шестой тетради, перешел к новому циклу историко-критических исследований, воплотившихся в «Теориях прибавочной стоимости». Вместо второго выпуска «К критике политической экономии» в 1867 г. вышел в свет I том «Капитала».

Разъясняя причины этого важного «поворотного пункта»[5] в истории создания «Капитала»[6], Энгельс писал: «Продолжение заставило себя ждать потому, что автор тем временем

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 443—444.

[2] В первоначальном тексте первого выпуска «К критике политической экономии» предполагалась третья глава — «Капитал», а вторая глава («Деньги») предусматривала в качестве заключительного раздела «Переход к капиталу» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 407—496).

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 3—383.

[4] Marx/Engels Gesamtausgabe. Zweite Abteilung, Bd. 3, Teil 1, S. 12 *.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 117.

[6] В предисловии к I тому «Капитала» Маркс указал лишь на дальнейшее развитие в этом томе тех положений, которые были недостаточно разработаны в первом выпуске «К критике политической экономии». Маркс отметил также, что «длительный перерыв между началом и про-

открыл так много новых материалов, что счел необходимым их дополнительное изучение»[1]. О каких «новых материалах» идет здесь речь? Позднее Энгельс разъяснял это следующим образом: «Едва вышел в свет... первый выпуск, как Маркс обнаружил, что он еще не вполне выяснил все детали развития основных идей следующих выпусков; сохранившаяся до сих пор рукопись[2] является наилучшим доказательством этого. Тогда он немедленно начал работу сызнова, и таким образом вместо этого продолжения лишь в 1867 г. вышел в свет «Капитал. Книга I: Процесс производства капитала». Гамбург, 1867»[3]. Наконец, в письме Энгельса русскому социал-демократу В. Я. Шмуйлову от 7 февраля 1893 г. говорится следующее: «Теорию прибавочной стоимости Маркс разработал в 50-х гг. наедине с самим собой и упорно отказывался опубликовать что-либо о ней, пока не уяснил себе полностью всех ее выводов. Потому-то и не вышли в свет второй и следующие выпуски «К критике политической экономии»»[4]. Таким образом, хотя к концу 50-х годов — в рукописи 1857—1858 гг. и в первом выпуске «К критике политической экономии» — Маркс «завершил свою критику политической экономии», но только в первой половине 60-х годов — в процессе создания рукописи 1861—1863 гг. — он «уяснил себе полностью все ее выводы».

Нет никакого сомнения в том, что под «выводами» из теории прибавочной стоимости Энгельс прежде всего имел в виду объяснение с помощью этой теории превращенных форм стоимости и прибавочной стоимости, т. е. создание теории средней прибыли и цены производства. К этой последней теории Маркс вплотную подошел уже в рукописи 1857—1858 гг., но ее разработку он впервые осуществил в рукописи 1861—1863 гг. в процессе историко-критического анализа буржуазной политической экономии.

Итак, Энгельсом были установлены следующие основные ступени разработки экономического учения марксизма: 40-е гг. — осознание основной проблематики теории прибавочной стоимости, ее стоимостной основы; создание первых элементов этой теории; 50-е гг. — разработка теории стоимости и прибавочной стоимости; 60-е гг. (первая половина) — разработка теории средней прибыли и цены производства (и других превращен-

---

должением» публикации его экономического труда «вызван многолетней болезнью» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 5).

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 381.

[2] Энгельс имеет в виду рукопись 1857—1858 гг.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 354.

[4] Там же, т. 39, с. 22.

ных форм прибавочной стоимости); окончательное завершение теории прибавочной стоимости и критики буржуазной политической экономии.

Данная Энгельсом периодизация подтверждается всеми дальнейшими исследованиями по истории марксизма.

II

В связи с подготовкой к публикации II и III томов «Капитала» Энгельс дал детальный обзор экономического рукописного наследия Маркса, относящегося к различным стадиям создания этого труда.

Прежде всего Энгельс проанализировал содержание и структуру экономической рукописи 1861—1863 гг. «К критике политической экономии», назвав ее «первым вариантом «Капитала»» [1]. Эта энгельсовская оценка имеет глубокий смысл. Несмотря на то что *фактически* первоначальным вариантом «Капитала» была уже рукопись 1857—1858 гг. [2], однако к осознанию той структуры своего экономического труда, которая впоследствии воплотилась в «Капитале», Маркс пришел лишь в процессе создания рукописи 1861—1863 гг. [3] Работа над историко-критическим разделом этой рукописи — «Теориями прибавочной стоимости» — впоследствии рассматривалась Марксом уже как работа над «Капиталом» [4]. Энгельс отмечал огромное значение «Теорий прибавочной стоимости» и неоднократно указывал на необходимость их публикации в качестве IV книги «Капитала» [5].

Энгельс детально проследил историю работы Маркса над теоретической частью «Капитала» — его первыми тремя книгами — в период 1863—1867 гг., до выхода в свет I тома «Капитала». «Между 1863 и 1867 гг., — писал он,— Маркс не только сделал две последние книги «Капитала» вчерне, а первую книгу в готовом для печати виде, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и деятельностью Международного Товарищества Рабочих» [6].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 98; см. также с. 96, 115.
[2] См. там же, т. 46, ч. I, с. 1.
[3] См. его письмо Л. Кугельману от 28 декабря 1862 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 527).
[4] См.: Письмо Маркса Зигмунду Шотту от 3 ноября 1877 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 238).
[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 24, с. 4, 7; т. 37, с. 118, 228, 324—325, 441; т. 38, с. 474; т. 39, с. 288, 294.
[6] Там же, т. 25, ч. I, с. 5.

Для уяснения процесса создания «Капитала» в этот период весьма важна датировка относящихся сюда рукописей Маркса. Энгельс датировал первый вариант II книги, созданный в этот период, «1865 г. или 1867 г.», а рукопись III книги в основной ее части — 1864—1865 гг.[1]. Наконец, Энгельс дал подробное описание рукописей II книги «Капитала», созданных Марксом уже после выхода в свет первого издания I тома «Капитала», в период с 1867 г. до конца 70-х гг.[2]. Не вполне были ясны Энгельсу сроки создания I книги «Капитала». Он лишь отметил, что рукопись 1861—1863 гг. «представляет собой первую из имеющихся редакций этой книги» и что только после окончания работы над III книгой «Маркс приступил к обработке книги I»[3].

Приведенные выше положения Энгельса относительно хода работы Маркса над «Капиталом» имеют фундаментальное значение для марксоведческих исследований, в особенности для осуществляемого в настоящее время Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА).

III

Не менее важны и актуальны энгельсовские оценки творческой лаборатории Маркса, метода его экономического исследования, явившегося конкретизацией диалектико-материалистического метода[4], той логикой «Капитала», о которой писал В. И. Ленин[5]. Эти энгельсовские оценки имеют тем большее значение, что Маркс неизменно стремился спрятать «методологические леса», при помощи которых воздвигалось здание «Капитала».

Первая характеристика метода экономического исследования Маркса содержалась в упоминавшейся выше рецензии

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 24, с. 7, 9. Исследование, проведенное в Секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ, подтвердило правильность этой датировки, за исключением 1867 г., когда Маркс, по-видимому, работал над одним из последующих вариантов II книги (см. его письмо Энгельсу от 24 августа 1867 г.—Там же, т. 31, с. 278).

[2] См. там же, т. 24, с. 7—9. В последней из этих рукописей — рукописи VIII — цитируются работы, относящиеся к 1879 г. (см. там же, с. 533, 535, 587—588).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 24, с. 4, 7. Теперь мы знаем, что Маркс работал над рукописью I книги в 1863—1864 и 1866—1867 гг.

[4] В «Анти-Дюринге» Энгельс отмечал, что в «Капитале» диалектико-материалистический метод применен «к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 371).

[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

на работу «К критике политической экономии», опубликованной Энгельсом в августе 1859 г. в газете «Das Volk». Рецензия была целиком посвящена методологическим проблемам [1].

«Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии,— писал Энгельс,— мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» [2]. При этом Энгельс указывал на гегелевскую диалектику как на источник диалектико-материалистического понимания в целом [3]. Эту роль идеалистическая диалектика Гегеля смогла сыграть прежде всего благодаря своей исторической основе, в силу присущего Гегелю «огромного исторического чутья». Вследствие этого «развитие его мыслей,— отмечал Энгельс,— всегда шло параллельно развитию всемирной истории» [4]. Гегель впервые в истории науки поставил перед собой задачу «показать развитие, внутреннюю связь истории». Результатом явилось, по словам Энгельса, «составившее эпоху» идеалистическое понимание истории [5], как раз и послужившее «прямой теоретической предпосылкой нового материалистического воззрения, и уже благодаря этому,— добавлял Энгельс,— была дана исходная точка также для логического метода» [6]. «Восстановив» ядро диалектического метода Гегеля, освободив его от «идеалистических оболочек» [7], Маркс положил его в основу диалектико-материалистического понимания истории, а в конечном счете и своего метода экономического исследования. В результате, как показал Энгельс, сочинение Маркса по политической экономии «с самого начала построено на систематическом охвате всего комплекса экономических наук, на связном изложении законов буржуазного производства и буржуазного обмена» [8].

[1] Рецензия была написана по просьбе Маркса, полагавшего, что в ней следует сказать «коротко о методе и о новом в содержании» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 373). Маркс просмотрел, а возможно, и скорректировал рецензию (см. там же, с. 380). Намерение Энгельса рассмотреть «экономическое содержание... книги» (там же, т. 13, с. 499) осталось неосуществленным, может быть, вследствие прекращения выхода газеты.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.

[3] «Маркс и я, — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 10).

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 496.

[5] См. там же, т. 20, с. 25.

[6] Там же, т. 13, с. 496.

[7] Там же, с. 497.

[8] Там же, с. 494.

Так же как диалектико-материалистическое понимание истории явилось результатом конструктивной критики гегелевского идеалистического понимания истории,— точно так же метод экономического исследования Маркса предполагает, как показал Энгельс, единство положительного изложения законов буржуазной экономики и критики взглядов буржуазных экономистов — «толкователей и апологетов» этих законов[1]. Эта энгельсовская характеристика прямо перекликается с важным положением Маркса, высказанным в письме к Лассалю от 22 февраля 1858 г.: «Работа, о которой идет речь в первую очередь,— это *критика экономических категорий,* или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее даваемая самим изложением»[2].

Одной из самых существенных черт Марксова метода политической экономии является, по мысли Энгельса, единство логического и исторического аспектов в разработке экономической теории,— единство, в котором историческому аспекту принадлежит определяющая роль. «Так как в истории,— писал Энгельс,— как и в ее литературном отражении, развитие в общем и целом происходит также от простейших отношений к более сложным, то историческое развитие политико-экономической литературы давало естественную руководящую нить, которой могла придерживаться критика; при этом экономические категории в общем и целом появлялись бы в той же последовательности, как и в логическом развитии... тут прослеживается *действительное* развитие»[3]. Заметим в данной связи, что отражение указанного единства логического и исторического аспектов нашло свое проявление в структуре «Капитала», где неизменно, на всех стадиях разработки теории, присутствуют историко-критические разделы. В отличие от метода Гегеля, для которого развитие всемирной истории должно было служить всего лишь подтверждением развития мыслей, т. е. «истинное отношение было перевернуто и поставлено на голову»[4],— для Маркса логический метод «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 494.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма о «Капитале». М., 1968, с. 128 (ср. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 449).
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.
[4] Там же, с. 496.

представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»[1]. В письме к Марксу от 9 апреля 1858 г. Энгельс в той же связи говорил об «исторической подоплеке» экономической теории. Таким образом, именно развитие реального исторического процесса обусловливает выбор исходного момента в построении теории: «с чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей». Энгельс иллюстрировал этот тезис выбором товара в качестве исходного пункта построения экономической теории.

Он подчеркивал далее, что логическое развитие теории «нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью». В работе Маркса это осуществляется двояким образом: «в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития» и «в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений»[2].

В рецензиях на I том «Капитала» Энгельс подчеркивал «исторический подход, который пронизывает всю книгу и который позволяет автору видеть в экономических законах не вечные истины, а лишь формулировку условий существования известных преходящих состояний общества»[3]. «Положения политической экономии автор рассматривает не как вечные истины ... а как результаты определенного исторического развития. В то время как даже естествознание все больше и больше превращается в историческую науку ... политическая экономия была до сих пор столь же абстрактной, общей наукой, как математика... Мы считаем непреходящей заслугой Маркса то, что он положил конец этому ограниченному представлению. С выходом в свет этого сочинения уже нельзя будет, например, не делать никакого экономического различия между рабским трудом, крепостным трудом и свободным наемным трудом; нельзя будет законы, действительные для современной крупной промышленности, которая характеризуется свободной конкуренцией, без дальнейших околичностей переносить на отношения древности или на средневековые цехи или, если эти современ-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.
[2] Там же, с. 499; ср. т. 23, с. 29.
[3] Там же, т. 16, с. 212.

ные законы не подходят к прежним отношениям, просто объявлять эти последние еретическими» [1].

Энгельс отмечал также, что в «Капитале» дан анализ «основных черт новой истории промышленности» [2]. В этой же связи в «Философских тетрадях» Ленин обращал внимание на то, что в «Капитале» содержится «история капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее» [3].

Энгельс особо подчеркивал фактическую основу «Капитала», автор которого «нигде не подгоняет факты под свою теорию, а, наоборот, стремится изложить свою теорию как результат фактов» [4]. Энгельс специально обращал внимание на то, что эти факты взяты Марксом «из лучших источников ... из источников подлинных»; он говорил о массе «ценнейшего исторического и статистического материала» [5], использованного в «Капитале». Установление фактов, лежащих в основе теоретических построений в «Капитале», Энгельс считал важнейшим моментом в уяснении положений экономической теории. Просматривая корректуру I тома «Капитала», Энгельс отмечал (в письме к Марксу от 23 августа 1867 г.): «в этом изложении (а именно, в разделах о кооперации и мануфактуре) некоторые пункты мне еще не совсем ясны, в этих пунктах мне не удается установить, какие факты лежат в основе того, что ты развил лишь в общих чертах» [6].

Энгельс указал на два исторических факта, послуживших в «Капитале» отправной точкой для теоретических построений: установленный английским экономистом Томасом Туком «факт, что деньги, функционируя как капитал, притекают обратно к своему исходному пункту, между тем как этого не бывает с деньгами, функционирующими только как средство обращения» [7]. Другой факт — появление на рынке труда свободного наемного рабочего. «Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег... нас пока интересует... мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей» [8]. Первый из этих фактов послужил Марксу исходным пунктом для исследования превращения денег в капитал, второй — для исследования отношений между трудом и капиталом, процесса купли и продажи рабочей силы.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 222—223.
[2] Там же, с. 234; см. также с. 235.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 234.
[5] Там же, с. 234, 237.
[6] Там же, т. 31, с. 276.
[7] Там же, т. 16, с. 299.
[8] Там же, с. 307.

Обобщая приведенные положения, Энгельс писал о «Капитале» как о «первом сочинении, в котором полно и ясно изображаются фактические отношения, существующие между капиталом и трудом в той классической форме, которую они приобрели в Англии»[1]. Особой заслугой Маркса является, по мнению Энгельса, то, что он «привел понятие капитала в согласие с теми историческими фактами, из которых оно в конечном счете было абстрагировано и которым оно обязано своим существованием»[2]. Энгельс опять-таки ссылался при этом на общую закономерность, согласно которой «в любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам *фактов*»[3].

Диалектика логического и исторического применительно к экономической теории Маркса раскрывалась Энгельсом также и на примере действия экономических законов. Энгельс исходил при этом из общего положения материалистической диалектики, согласно которому «понятие о вещи и ее действительность... движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая... Понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности»[4]. Неверно трактуя указанное диалектическое соотношение между научным понятием и действительностью, Конрад Шмидт вообще отрицал реальность понятия стоимости, объявляя его теоретической «фикцией», научной «гипотезой» и т. п. Разъясняя этот важнейший методологический вопрос, Энгельс снова обращал внимание на единство исторического и логического в теории Маркса, на то, что «здесь речь идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей»[5]. В качестве иллюстрации Энгельс осуществил подробную разработку политико-экономических проблем товарного производства[6].

Раскрывая генетическую связь Марксова метода экономического исследования с общими положениями материалистической диалектики, Энгельс показал, что этот метод с необходи-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с.381.
[2] Там же, т. 20, с. 215—216.
[3] Там же, с. 370.
[4] Там же, т. 39, с. 354.
[5] Там же, т. 25, ч. II, с. 469.
[6] См. там же, т. 39, с. 350—358, 381; т. 25, ч. I, с. 16, 19; ч. II, с. 468—469, 474.

мостью предполагает интерпретацию экономического процесса в качестве экономического отношения, т. е. диалектического, противоречивого единства двух взаимодействующих сторон. Нетрудно заметить, что эта черта представляет собой конкретизацию важнейшего требования диалектики, сформулированного В. И. Лениным как «раздвоение единого и познание противоречивых частей его»[1]. «При этом,— писал Энгельс,— обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.»[2].

Указанная особенность метода марксистской политической экономии предполагает преодоление фетишизма, т. е. понимание того, что «политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами* и *проявляются как вещи*. Эта связь... впервые была раскрыта Марксом во всем ее значении для всей политической экономии»[3]. Иными словами, предполагается различение вещественного содержания и социальной формы экономических категорий, например, потребительной стоимости и стоимости товара. Энгельс отмечал те трудности, с которыми столкнулись буржуазные экономисты в своих попытках «четко отделить одну от другой» указанные категории «и понять каждую в ее своеобразной определенности»[4].

Энгельс показал также, что Марксов метод политической экономии предполагает рассмотрение экономического процесса «в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»[5]. Поэтому, например, предметом политической экономии капитализма являются «развитые буржуазные отношения»[6], по этой же причине исходным пунктом построения экономической теории у Маркса является «товар в его вполне развитой форме, а не в том состоянии, когда

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 498.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 499.
[5] Там же, с. 497.
[6] Там же, с. 489.

он еще с трудом развивается в первобытной мировой торговле между двумя первобытными общинами» [1].

Энгельс подчеркнул глубокий методологический смысл того, что Маркс в «Капитале» «ставит себе конечной целью «раскрыть *экономический закон движения* современного общества»» [2]. Именно в результате решения этой задачи Маркс пришел к выводу о необходимости социалистической революции, требование которой, по словам Энгельса, «выставлено достаточно ясно» [3] в «Капитале». Энгельс подчеркивал, что диалектический способ мышления ставит «перед *всеми* науками... требование открыть законы движения... в каждой отдельной области», «побуждает науку выявлять... систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом» [4].

В этой связи Энгельс, характеризуя I том «Капитала», отмечал «диалектическое построение исследования в целом», выражающееся, в частности, в том, что «в понятии товара уже представлены деньги в качестве существующих в себе», а также в том, «как показано превращение денег в капитал» [5].

Метод Маркса представляет собой «материалистический, естественноисторический метод», иллюстрацией которого является «изложение проблемы денег, а также... подробное исследование того, как различные последовательные формы промышленного производства... естественно развиваются одна из другой». Маркс «в области общественных отношений стремится установить в качестве закона лишь тот же самый постепенный процесс преобразования, который Дарвин установил в области естественной истории. Такое постепенное изменение,— писал Энгельс,— и на самом деле происходило до сих пор в общественных отношениях, начиная с глубокой древности, на протяжении средних веков вплоть до наших дней» [6].

Важный аспект рассмотрения Энгельсом метода политической экономии был связан с опровержением идеалистической теории насилия, с показом того, что экономические процессы объяснены Марксом «чисто экономическими причинами». «Маркс доказал в «Капитале» (накопление), что на известной ступени развития законы товарного производства неизбежно вызывают возникновение капиталистического производства со всеми его каверзами и что *для этого нет никакой надобности*

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 498.
[2] Там же, т. 16, с. 215.
[3] Там же, с. 221.
[4] Там же, т. 20, с. 23, 35—36.
[5] Там же, т. 16, с. 212.
[6] Там же, с. 231—232.

в насилии»[1]. Вместе с тем, раскрывая экономические отношения в качестве «определяющего базиса истории общества», Энгельс указывал на взаимодействие базиса и надстройки: «Дело обстоит совсем не так,— писал он,— что только экономическое положение является *причиной,* что *только* оно является *активным,* а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»[2].

Энгельс неизменно подчеркивал строго определенный характер положений экономической теории Маркса, их обусловленность конкретными историческими условиями. Ошибку автора популярного изложения I тома «Капитала» Г. Девиля Энгельс усматривал в том, что тот «в ряде случаев придал *абсолютное* значение отдельным положениям Маркса, которые последний выдвигал только как *относительные,* как правильные только при определенных условиях и в определенных границах»[3]. В этой же связи Энгельс в предисловии к III тому «Капитала» писал о том, что «у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений»[4].

Энгельс обращал также особое внимание на принципиально незакрытый характер экономической теории Маркса, на ее устремленность в будущее. В III томе «Капитала», писал Энгельс К. Шмидту, «Вы найдете много нового и еще больше неразрешенного» по вопросу о кредите и денежном рынке, «следовательно, наряду с новыми решениями — новые проблемы»[5]. К этой характеристике непосредственно примыкает общее замечание Энгельса об антидогматическом, антидоктринерском характере марксизма: «Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а *метод.* Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования»[6].

Рассмотренные положения Энгельса нацеливают на дальнейшее углубленное изучение истории и метода «Капитала».

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 167, 648.
[2] Там же, т. 39, с. 175.
[3] Там же, с. 69—70.
[4] Там же, т. 25, ч. I, с. 16.
[5] Там же, т. 38, с. 108.
[6] Там же, т. 39, с. 352.

А. Г. Сыров

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ К. МАРКСА В НАЧАЛЕ 50-х гг. XIX в. В СВЯЗИ С РАЗРАБОТКОЙ ТЕОРИИ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ
(Обзор эксцерптных тетрадей)

Пятидесятые годы XIX в. были решающими в процессе создания экономического учения Маркса. В этот период им было совершено второе великое открытие: разработана — на основе материалистического понимания истории — теория прибавочной стоимости. В отношении этого периода можно говорить уже не только о развитии отдельных элементов экономической теории Маркса, но и о создании его собственной экономической системы, которая нашла свое отражение в экономической рукописи 1857—1858 гг., явившейся первоначальным вариантом «Капитала».

Созданию этой рукописи предшествовал восьмилетний этап (1850—1857) накопления материала. Хотя этот этап и является непосредственным продолжением экономических занятий Маркса в 40-е гг. (в Париже, Манчестере и Брюсселе), однако он представляет собой качественно новую ступень экономических исследований. Характеризуя его, Маркс писал: «Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота,— все это побудило меня приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал» [1].

В процессе этих занятий появились многочисленные тетради с выписками из работ буржуазных экономистов, из офи-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 8—9.

циальных документов английского парламента, периодической печати и т. д.

Детальное изучение этих тетрадей[1], имеющее огромное значение для овладения Марксовым методом исследования, проникновения в его творческую лабораторию, началось лишь в последнее время в связи с подготовкой соответствующих томов Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА)[2].

В задачу настоящей статьи входит анализ этих тетрадей в узком, конкретном аспекте разработки Марксом теории трудовой стоимости. Поэтому предметом нашего анализа являются не все тетради. Для определения рамок исследования мы считаем необходимым воспроизвести общую структуру данных эксцерптных тетрадей.

К Лондонским эксцерптным тетрадям[3] Маркса можно отнести 24 тетради *первичной* обработки материала, пронумерованные им римскими цифрами и заполненные в период между *сентябрем 1850* и *августом 1853 г.* Они содержат выписки преимущественно из английских источников.

Помимо выписок и отдельных комментариев самого Маркса тетради содержат два оригинальных текста, представляющих большой интерес для выяснения достигнутого им в то время уровня теоретической зрелости по вопросам как экономической теории вообще, так и теории трудовой стоимости в частности. Мы имеем в виду содержащуюся в VII тетради небольшую рукопись Маркса «Размышления», а также его подробные комментарии в конспекте работы Д. Рикардо «Начала политиче-

---

[1] Общая характеристика Лондонских тетрадей с выписками дана в монографии А. И. Малыша «Формирование марксистской политической экономии». М., 1966, с. 227—250.

[2] См. серию статей, опубликованных в 1976—1979 гг. в «Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung» (Martin-Lüther-Universität Halle-Wittenberg. Halle (Saale)): *Fricke Klaus, Jahn Wolfgang.* Marx' Londoner Exzerpthefte von 1850 bis 1853, Halle (Saale), 1976, N 2, S. 60—78; *Jahn Wolfgang, Noske Dietrich.* Fragen der Entwicklung der Forschungsmethode von Karl Marx in den Londoner Exzerptheften von 1850—1853. Halle (Saale), 1978, N 7, S. 4—111; *Christ Hella.* Marx' Smith-Rezeption in den Londoner Exzerptheften (1850—1853) und den Manuskripten «Reflection» und «Bullion. Das vollendete Geldsystem», Halle (Saale), 1979, N 8, S. 4—17; *Zimmerman Marion.* Marx' Ricardo-Rezeption im Heft VIII der Londoner Exzerpthefte (1850—1853), ibid., S. 18—31; *Arnhold Brigitte.* Marx' Auseinandersetzung mit Currency Principle und Bankingtheorie in den Londoner Exzerptheften 1850—1853, ibid., S. 32—47.

[3] Надо сразу оговориться, что мы имеем в виду только тетради, появившиеся до написания экономических рукописей 1857—1858 гг. и посвященные экономическим проблемам.

ской экономии» (первая часть «Учение о деньгах» находится в IV, а вторая в VIII тетрадях) [1].

К вышеназванным 24 тетрадям примыкают две тетради более позднего периода, содержащие конспект работы Тука «История цен» (май — июнь 1858 г.) и Маклеода «Теория и практика банковского дела» (приблизительно июнь 1857 г.).

К тетрадям лондонской серии относятся также тетради *вторичной* обработки материала, отражающие процесс его группировки, систематизации по определенной проблематике. К ним можно отнести, в частности, тетради: «Bullion. Das vollendete Geldsystem» — «Слиток. Завершенная денежная система» (март — апрель 1851 г.); «Geldwesen, Creditwesen, Crisen» — «Деньги, кредит, кризисы» (ноябрь — декабрь 1854 г. — начало 1855 г.); «Referencies» — «Заметки» (январь 1855 г.); «Citatenheft» — «Тетрадь с цитатами» (февраль 1859 г. — 1861 г.).

Лондонские эксцерптные тетради не посвящены специально исследованию проблемы стоимости. Мы можем лишь говорить о развитии и разработке отдельных элементов этой теории. Материалы, так или иначе связанные с теорией стоимости, разбросаны по всем тетрадям. Однако нам удалось выделить в этой связи три более или менее четко выраженные группы источников с точки зрения исследования Марксом теории стоимости.

Первая группа — это прежде всего первые семь эксцерптных тетрадей Маркса, содержащих материалы по проблемам денег и денежного обращения, послужившие той эмпирической базой, благодаря которой Маркс уже в начале 50-х гг. XIX в. смог опровергнуть рикардовскую количественную теорию денег.

Ко второй группе мы относим «Размышления», конспекты работ Дж. Стюарта «Исследование о началах политической экономии» и вторую часть конспекта основной работы Д. Рикардо «Начала политической экономии» в VII тетради.

И, наконец, третья группа: конспекты работ представителей послерикардовского этапа в политической экономии. К ним, в частности, относятся конспекты трудов С. Бейли, Т. Де Квин-

---

[1] «Размышления» и конспект работы Рикардо опубликованы в 44 томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 67—149; см. также *Выгодский В. С.* О Марксовой рукописи «Размышления» в Лондонской эксцерптной тетради с выписками. — Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС. Москва, 1977, N 29, с. 57—67. Расширенный вариант статьи опубликован в сб.: «... unsrer Partei einen Sieg erringen». Berlin, 1978, S. 80—91.

си, Т. Р. Мальтуса, Р. Торренса, Д. Грея, П. Рейвнстона, Т. Годскина и др. Среди них были последователи теории трудовой стоимости Рикардо, а также противники, так или иначе вульгаризировавшие ее.

В этот период, в сравнении с более поздним, Марксу необходимо было прилагать дополнительные усилия для осмысления смежных проблем теории стоимости, для вычленения и исследования того или иного элемента или положения самой этой теории: в частности проблемы кризисов, воспроизводства и др. Этим объясняются и некоторые наши собственные отступления от основной темы статьи.

Д. Розенберг писал о парижском конспекте Маркса основной работы Адама Смита, что там «сами выписки сделаны так, что критика сама собой напрашивается» [1]. Это целиком и полностью можно отнести и к Лондонским эксцерптным тетрадям.

К этому времени, к началу 50-х гг. XIX в., Маркс уже изменил свое первоначальное отношение к теории трудовой стоимости классиков и твердо встал на почву этой теории, строго интерпретируя ее с позиций рабочего класса, приблизился к своему главному открытию, двойственному характеру труда, однако, переворота в этой области он еще не совершил. Но в это время Маркс еще некритически относился к теории денег Рикардо, хотя в некоторых вопросах он уже в 40-х гг. пошел значительно дальше последнего, показав исторический характер денег, товара и стоимости, рассматривая деньги «в качестве существующего и действующего понятия стоимости» [2]. Можно полагать, что он уже тогда выводил теорию денег непосредственно из теории стоимости.

Маркс солидарен с Рикардо в том, что деньги это товар, но в отличие от последнего он понимает их как необычный товар. В чем специфика, а следовательно, и сущность этого товара ни Рикардо, ни другие буржуазные экономисты не только не понимали и не исследовали, но и не задавали себе такого вопроса. Ответить на него предстояло Марксу.

Лондонские эксцерптные тетради Маркса открываются конспектами работ буржуазных экономистов по вопросам денег и денежного обращения. Это, на наш взгляд, является не случайным и объясняется целым рядом причин. Одна из них хорошо показана А. И. Малышем в книге «Формирование марксистской политической экономии». Он пишет: «В деньгах, как

---

[1] *Розенберг Д. И.* Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы. М., 1954, с. 67.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 150.

в фокусе, сконцентрирована противоречивая сущность капиталистического мира. Простая денежная форма — самая абстрактная и самая трудная часть политической экономии. С деньгами связаны такие категории, как товар, стоимость, цена, понимание которых является обязательной предпосылкой научного рассмотрения всех других экономических категорий» [1].

С другой стороны, конец 40 и начало 50-х гг. XIX в. были отмечены глубоким интересом Маркса к проблеме экономических кризисов, когда он и Энгельс были сторонниками жесткой связи между кризисом и революционной ситуацией [2]. Буржуазные экономисты, к работам которых Маркс обратился в этой связи, видели причину кризисов прежде всего в плохой денежной политике правительства и банков. Как впоследствии писал сам Маркс, «заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится главным образом к литературе о currency [денежном обращении], кредите, кризисах» [3].

С позиций развитого, зрелого марксизма, категория денег выступает у Маркса как результат анализа товара и стоимостных отношений буржуазного общества. На этом этапе анализ денег логично следует за анализом товара в соответствии с методологическим принципом восхождения от абстрактного к конкретному, что получило свое отражение прежде всего в работах «К критике политической экономии» и «Капитал».

Однако на ранней стадии развития Марксовой экономической теории, которой соответствуют эксцерптные тетради лондонского периода, в эволюции самой теории стоимости наблюдается преимущественно обратный процесс движения от конкретного к абстрактному, от денег к стоимости.

При этом само конкретное на начальной стадии процесса познания выступает как чувственно-конкретное, а на конечной — как мысленно-конкретное. В Лондонских эксцерптных тетрадях Маркса его экономическая теория разрабатывалась в ходе критического анализа работ буржуазных экономистов.

Доминирующее место по вопросам денег и денежного обращения в это время занимала полемика двух школ буржуазной экономической мысли вокруг банковского акта Р. Пиля 1844—1845 гг. В центре внимания самой этой полемики стоял вопрос о влиянии банкнотной эмиссии на циклическое развитие экономики. Представители первого направления (известного в ли-

---

[1] *Малыш А. И.* Формирование марксистской политической экономии. М., 1966, с. 233.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 467; т. 27, с. 454.

[3] Там же, т. 25, ч. II, с. 36.

тературе как денежная школа), являвшиеся сторонниками рикардовской теории денежного обращения, считали изменения в денежной массе непосредственной причиной колебания цен. Экономический кризис они отождествляли с денежным и фактически все кризисные явления выводили из него.

Исходя из этого, выравнивание конъюнктуры представителями этого направления мыслилось только через соответствующие меры государственной банковской политики, которая, в свою очередь, должна была основываться на открытых Рикардо законах чисто металлического обращения.

Среди Марксовых конспектов работ сторонников денежной школы мы находим имена почти всех ее главных представителей — С. Дж. Лойда, Дж. У. Нормана, Р. Торренса, У. Клея, Т. Атвуда, Дж. Хаббарда и других [1].

Банковский акт Р. Пиля закончился полным провалом и на практике показал полную несостоятельность денежной школы. Этим в какой-то мере можно объяснить, на наш взгляд, больший интерес Маркса к противоположному направлению, и прежде всего к работам главных представителей банковской школы — Т. Тука, Дж. Фуллартона, А. Алисона, У. Блейка и других.

Представители банковской школы доказывали, что все предложения сторонников денежной школы не пригодны для сдерживания кризисов и даже, наоборот, усугубляют их. Но они также не смогли увидеть истинных причин кризиса и просто сводили их к обычному перегреву конъюнктуры.

Особое место занимает у Маркса анализ работы Т. Тука «История цен». Тук представлял для него интерес прежде всего как экономист, который в прошлом сам был сторонником теории денежного обращения Рикардо, а затем в результате собственных исследований пришел к выводу об ее ложности. «Тук,— писал впоследствии Маркс,— выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории товарных цен за время с 1793 по 1856 год» [2].

В лондонский период Маркс дважды обращался к конспектированию главной работы Тука «История цен» — в начале 50-х гг. (сентябрь — октябрь 1850 г.) и в конце (май — июль 1857 г.) [3].

---

[1] Выписки из работ этих авторов содержатся в I—VII эксцерптных тетрадях лондонского периода.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 165.

[3] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 367, 368, 1026, 1033. Шеститомная работа Тука выходила с 1838 по 1857 г.

В работе Тука был собран колоссальный статистический материал о возникновении и развитии экономических кризисов, движении золотых потоков, товарных цен и вексельных курсов. Сравнивая движение цен и массы обращающихся денег более чем за пятидесятилетний период, Тук эмпирическим путем пришел к выводу, который противоречил теории денег и денежного обращения Рикардо. В процессе своего исследования он обнаружил, что изменения в массе обращения сами являются следствием движения цен, что «количество золота зависит от роста цен, а не рост цен от количества денег» [1].

Это было фактическим признанием независимости товарных цен от количества находящихся в обращении денег.

На наш взгляд, подробный конспект основной работы Тука, содержавшей добросовестный анализ цен, зародил сомнения у Маркса в правильности количественной теории денег Рикардо. Исследование Тука было своеобразным вариантом чисто эмпирического опровержения этой теории. Однако его анализ теории денежного обращения Рикардо не был принят Марксом в качестве доказательства ложности последней, так как он не вскрыл внутренних взаимосвязей и закономерностей денежного обращения. Но, вероятно, уже в это время Маркс обнаруживает отсутствие логической связи между теорией стоимости Рикардо и его теорией денег.

Богатый эмпирический материал по количественной теории денег дало Марксу конспектирование работ двух крупных предшественников классической буржуазной политической экономии, известных философов Д. Юма и Дж. Локка.

В Лондонских тетрадях мы находим подробные выписки Маркса из работ Д. Юма, которого он впоследствии характеризовал как «самого значительного» [2] представителя количественной теории денег,— «О деньгах» и «О проценте» [3] и Дж. Локка «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег» и «Дальнейшие соображения относительно повышения стоимости денег...» [4].

Маркс ставил в заслугу обоим авторам то, что они еще в период расцвета монетарной и меркантилистской систем выступали против взглядов на деньги как на единственный ис-

---

[1] Этот важный вывод Тука Маркс фиксирует в I тетради (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 367, л. 11—12).
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 141.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 420, л. 18—20.
[4] См. там же, л. 20—23.

точник богатства и «кристаллический продукт обращения»[1]. Удачное определение сущности количественной теории денег было дано в книге Дж. Стюарта «Исследование о началах политической экономии»[2]. Эта характеристика теории Юма была повторена впоследствии Марксом в экономической рукописи 1857—1858 гг., а затем в его работе «К критике политической экономии», откуда мы ее и приводим: «Теория обращения Юма сводится к следующим положениям: 1) цены товаров в данной стране определяются массой находящихся в ней денег (реальных или символических); 2) деньги, обращающиеся в данной стране, суть представители всех находящихся в ней товаров; по мере увеличения числа представителей, т. е. денег, на каждого отдельного представителя приходится большее или меньшее количество представляемой вещи; 3) если увеличивается количество товаров, цена их падает или стоимость денег возрастает. Если же увеличивается количество денег, то, наоборот, цена товаров возрастает, а стоимость денег падает»[3].

Маркса особенно интересовало, насколько продвинул количественную теорию денег Рикардо. Поэтому в конспектах из Юма и Локка он обращает внимание прежде всего на существо и особенности их вариантов этой теории. Так, Маркс находит у Юма лишь одну функцию денег — функцию средства обращения, которую последний идеализировал (что вообще было характерно для представителей количественной теории денег). Эту функцию денег в отличие от ее классического определения А. Смитом как «колеса обращения» он называет не «колесом торговли, а лишь маслом для этих колес, благодаря которому движение этих колес становится мягче и легче»[4]. Маркс обращает свое внимание (подчеркивает это место в своем конспекте) и на тот отмеченный Юмом факт, что «хотя повышение *цены товаров является неизбежным последствием увеличения количества золота и серебра*, однако оно не следует непосредственно за этим увеличением»[5]. Впоследствии Маркс писал, что Юм в качестве примеров для своего анализа денег берет «исключительно эпохи революций в стоимости самих благородных металлов, следовательно, революций в мере стоимостей»[6], что, собственно, приводит его к ошибочным

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 140.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 438, л. 26.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 383; т. 13, с. 143.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 420, л. 18.
[5] Там же, л. 19.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 142.

выводам, ибо научный анализ должен брать за данное стабильную стоимость денежного материала[1].

Согласно Локку, благородные металлы превращаются в деньги по договоренности между людьми. Золото и серебро наделялись некой воображаемой условной стоимостью, которую они получали в процессе обмена, будучи представителями товаров. Величина этой стоимости определялась устанавливающейся пропорцией между количеством благородных металлов и товаров. Локк был одним из первых сторонников так называемой теории идеальной денежной единицы измерения, согласно которой золото и серебро функционируют лишь как мысленно представляемые, счетные деньги. *«Повышение стоимости денег,*— конспектирует Маркс Локка,— о котором в настоящее время несут столько вздора, есть или повышение стоимости наших денег, а это вам не удастся; или *повышение названия нашей монеты»*. И далее: «Назовите, например, кроной то, что раньше называлось полукроной. Стоимость ее по-прежнему будет определяться металлическим содержанием». «Не название, а серебро уплачивает долги и покупает товары»[2],— записывает Маркс вывод Локка.

Однако в отношении количественной теории денег Локк занял колеблющуюся позицию. Так, идея о зависимости цен товаров от количества обращающихся денег то принимается им, то отрицается[3].

Эти колебания объясняются тесной связью его концепции с номиналистической теорией денег, из которой, собственно, и был выведен локковский вариант количественной теории денег. Согласно номиналистической теории, деньги выступают всего лишь как знаки стоимости и внутренней стоимости не имеют. В своей работе «Некоторые соображения...» Локк объясняет отсутствие стоимости у золота и серебра количественным измерением их стоимости. Маркс заносит в конспект высказывание Локка по этому поводу: «Люди согласились придавать золоту и серебру воображаемую стоимость... внутренняя стоимость этих металлов есть не что иное, как количество»[4].

Исследование полемики между банковской и денежной школами и уяснение ложности количественной теории денег, изучение произведений Юма и Локка, как предшественников рикардовской количественной теории денег, показали Марксу

---

[1] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 420, л. 19.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 420, л. 23; см. также *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 318—319.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 141.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1 д. 420, л. 21.

несостоятельность этой теории и неспособность ее объяснить реальные процессы денежного обращения. Перед ним встала задача критики этой теории, стоявшей в центре полемики буржуазных экономистов.

Первая часть конспекта главной работы Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения», озаглавленная Марксом «Учение о деньгах» (Рикардо специально не разрабатывал учения о деньгах), находится в конце IV эксцерптной тетради, датированной ноябрем — декабрем 1850 г., и содержит первое выступление Маркса против количественной теории денег Рикардо, устанавливающей неверные причинные связи между процессом движения цен и массой денег в обращении.

В отличие от металлической и номиналистической теории количественная теория денег во главу угла поставила вопрос о стоимости денег. Поэтому-то конспект Маркса книги Рикардо в значительной мере содержит материал о добыче золота и серебра, об изменении стоимости драгоценных металлов. Маркс обращает внимание на рассуждения Рикардо о различных следствиях, вызываемых изменением стоимости денег, о влиянии металлических денег на внешнюю торговлю и другие вопросы. Маркс отмечает содержащееся у Рикардо правильное определение роли труда в добыче золота и серебра, указание на зависимость в конечном счете стоимости благородных металлов «от совокупного количества труда, необходимого для получения этого металла и доставки его на рынок»[1], а также правильное понимание Рикардо колебаний в стоимости золота и серебра, как и всех других товаров.

Маркс находит именно у Рикардо идею о выполнении золотом и серебром функции меры стоимости, подчеркивает его положение о том, что золото и серебро «выступают как *такая мера, в которой выражаются, оцениваются другие стоимости*»[2].

Из конспекта Маркса видно, что свое учение о деньгах Рикардо строит на определении меновой стоимости товара рабочим временем, а в стоимости благородных металлов видит овеществление определенного количества рабочего времени. Из этого следует, что коль скоро стоимость всех других товаров измеряется в золоте и серебре как в товарах, имеющих определенную стоимость, то количество средств обращения должно определяться стоимостью этой денежной меры. Маркс делает для себя заметку о том, что «золото и серебро представляют

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 69.
[2] Там же.

собой *измеритель стоимости, счетчик, единицу исчисления, пункт сравнения»*[1]. Правда, провозглашение и констатация функции денег как *меры стоимости* по существу остались незамеченными самим Рикардо и поэтому оставались чисто формальными.

В своих комментариях Маркс обращает внимание на тот факт, что Рикардо, пытаясь объяснить закономерности денежного обращения, постоянно попадает в заколдованный круг. Так, например, выписывая положение Рикардо о том, что *«спрос на деньги регулируется всецело их стоимостью, а их стоимость — их количеством»* и что «количество денег регулируется их стоимостью»[2], Маркс отмечает, что Рикардо, таким образом, остается на поверхности явлений и не может объяснить, т. е. разрешить, противоречий своей системы. Маркс пишет, что, «согласно Рикардо, издержки производства золота могут оказать воздействие лишь в том случае, когда вследствие этого количество золота увеличивается или уменьшается, а это воздействие проявляется лишь очень поздно. С другой стороны: согласно этому объяснению, совершенно безразлично, какова масса находящихся в обращении денег, ибо безразлично, обращается ли много металла низкой стоимости или мало металла высокой стоимости»[3]. Мы видим, что Маркс здесь фактически упрекает Рикардо в отождествлении законов металлического и бумажноденежного обращения.

Таким образом, Рикардо, начав с правильного утверждения, что количество денег в обращении при данной стоимости товаров зависит от стоимости денег, приходит к неверному конечному выводу о том, что стоимость денег зависит от их количества.

Почти одновременно с созданием первой части конспекта главного произведения Рикардо Маркс пишет письмо Ф. Энгельсу (3 февраля 1851 г.), где более систематично, чем в конспекте, дает критику рикардовской теории денежного обращения[4].

Подводя кратко итог вышесказанному относительно количественной теории денег Рикардо, можно отметить, что уже на этом этапе Маркс вскрывает два основных порока этой теории. Первый — это абсолютизация функции денег как средства обращения и фактическое игнорирование их важнейшей функ-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 69.
[2] Там же, с. 76.
[3] Там же.
[4] См. там же, т. 27, с. 161—167.

ции — меры стоимости. Маркс показал, что для выполнения этой функции деньги сами должны обладать стоимостью, определяемой количеством воплощенного в них труда, а не количеством их в обращении, как это утверждали Рикардо и его сторонники. И второй — утверждение о том, что в обращение может вступать любое количество денег, а не такое, какое необходимо для его обслуживания в данных условиях.

Для Маркса в это время уже ясно, что Рикардо не видит истинных причин возникновения денег.

Буржуазная политическая экономия понимала стоимость денег и товара как две совершенно различные стоимости. Для Маркса же исследование денег, а вернее вопроса о стоимости денег было лишь частным вопросом, одной из сторон исследования стоимости товара вообще.

Что же давала Марксу критика количественной теории денег? Благодаря ей, на наш взгляд, он смог прежде всего доказать, что теория денег Рикардо вовсе не вытекает из его теории трудовой стоимости, как это провозглашалось самим автором. Маркс уже в этот период понимает, что Рикардо «хочет доказать, что различные экономические категории или отношения *не противоречат теории стоимости*, вместо того чтобы, наоборот, проследить их *развитие*, со всеми их кажущимися противоречиями, из этой основы» [1].

Критика количественной теории денег была важной ступенью в разработке Марксом его собственной теории стоимости. В исследовании теорий денег буржуазной политической экономии он увидел ключ к разгадке тайны стоимости. Как впоследствии скажет автор «Капитала»: «Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами» [2]. Это высказывание можно отнести и к нашему периоду. Именно в это время, в начале 50-х гг., перед ним встала задача исследовать специфический характер этого товара.

Для этого ему следовало обобщить материал, накопленный в выписках из работ буржуазных экономистов. Первым результатом такого обобщения явилась небольшая рукопись, названная «Размышления» и расположенная на стр. 48—52 VII Лондонской тетради, заполненной приблизительно в марте 1851 года [3]. Такое название ее соответствовало характеру

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 160.

[2] Там же, т. 23, с. 102.

[3] MEGA, I/10, S. 503—510; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч, 2-е изд., т, 44, с. 141—149.

исследовательской работы Маркса на данном этапе. И хотя эта рукопись не имеет прямого отношения к теории стоимости, однако исследование в ней Марксом некоторых смежных вопросов общеэкономического характера дало определенный толчок развитию самой теории стоимости.

Решение проблемы «почему товар становится деньгами» было связано прежде всего с выяснением сущности денег, с установлением связи между товаром и деньгами. На данном этапе исследования Маркса это нашло свое отражение в диалектическом переходе от денег к стоимости в ходе анализа механизма капиталистического производства. Опираясь на отмеченное Туком в его работе «Исследование о принципах денежного обращения» высказывание Смита относительно различения торговли между деловыми людьми[1] и потребителями, Маркс делает существенный шаг вперед в понимании процесса воспроизводства, фактически устанавливает различие в рудиментарной форме двух подразделений общественного воспроизводства: производства средств производства и производства предметов потребления. Это дает ему возможность охарактеризовать самый механизм кризиса капиталистического производства: «Все кризисы фактически показывают, что торговля между деловыми людьми постоянно переходит тот предел, который ставится ей торговлей между деловыми людьми и потребителями»; «возникает диспропорция между производством и потреблением; а следовательно, перепроизводство»[2]. Иными словами, Маркс показывает здесь, что причиной кризисов являются постоянные нарушения равновесия между платежеспособным спросом населения и предложением капитала. Маркс подчеркивает, что «кризис всегда наступает сначала в торговле между деловыми людьми и потребителями»[3], т. е. нарушение границ воспроизводства сначала происходит во втором подразделении.

Рассмотрение категорий общественного воспроизводства и кризисов уже на этом этапе исследования позволило Марксу углубить свое понимание сущности денег. Отмечая связь денег с обоими подразделениями общественного воспроизводства, он фактически соотносит первое подразделение с функцией

---

[1] Переводчик работы Смита на французский язык (Ж. Гарнье) пояснял, что «деловыми людьми» («dealers») у Смита называются «все купцы, мануфактуристы, ремесленники и т. д. — одним словом, все агенты торговли и промышленности страны» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 104).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 141, 142.

[3] Там же, с. 143.

денег как капитала, а второе — с функцией денег как денег, говоря, что «первый вид (обмена. — *А. С.*) представляет собой перемещение капитала, второй — обмен дохода на капитал». При этом Маркс отмечает, что в первом случае обмен осуществляется посредством «своих собственных денег, а второй посредством своих монет» [1].

После установления различий в функции денег как денег и как капитала Маркс сосредоточивает свое внимание на исследовании одной из сторон обмена между деловыми людьми и потребителями, где происходит обмен «дохода на товары, т. е. на части капитала» [2]. Маркс вскрывает заблуждение Тука и других представителей банковской школы, которые формально приписывали векселям и банкнотам функции денег, в отличие от денег как монеты. Он утверждает, что монета как средство платежа и деньги в качестве платежного средства, так же как и векселя и банкноты, сами по себе в процессе реализации товара являются «лишь средствами обращения» и в капитал превращаются лишь в условиях «особой» формы денежной системы, которую Маркс связывает с «нынешним способом производства», с характерной для него «системой частного обмена» [3]. Маркс отмечает, что в период кризисов «капитал обесценивается и прежде всего оказывается неспособным реализовать свою стоимость», т. е. не способен «превратиться в средства обращения, а ведь именно в обмениваемости и состоит стоимость капитала» [4].

Маркс указывает на ошибочность взглядов обеих школ буржуазной экономической мысли, банковской и денежной, стремящихся устранить неполадки капиталистической системы «посредством того или иного искусственного конструирования и модификации *денежной системы»,* и считает, что «хотеть это изменить на такой основе, значит лишать деньги их свойств быть деньгами» [5]. Здесь Маркс вновь обращается к вопросу о сущности денег, констатируя «возможность» и «действительность» отделения товаров от денег в самом *«бытии денежной системы»* [6]. Отсюда следует вывод Маркса, что уже с простым фактом существования товара и денег связана абстрактная возможность кризиса. Наивными кажутся ему проекты, авторы которых хотят избавиться от «присущих деньгам

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 141.
[2] Там же, с. 143.
[3] Там же, с. 144—145.
[4] Там же, с. 144.
[5] Там же, с. 145.
[6] Там же.

неудобств» «путем выпуска большого количества денег или обесценения их меры»[1], или же сохранить деньги, избавив их от присущих деньгам свойств. Маркс отмечает, что представители подобного рода теорий ограничивают свои представления о деньгах лишь обменом между деловыми людьми и потребителями, между тем как вся сложность возникает в отношениях деловых людей друг с другом. За пределами этого обмена они видят лишь «обмен стоимостей на стоимости», деньги же выступают при этом в фетишизированной форме, как «существенная составная часть» общественной организации[2].

Установив возможность отделения товара от денег, Маркс исследует далее отношение, возникающее между товаром и деньгами. В этом акте обмена выступают, во-первых, «совокупные классовые отношения», а во-вторых, «предполагается существование определенных общественных отношений, что придает богатству характер капитала и отделяет капитал от дохода»[3]. На определенной стадии развития этот доход превращается в деньги и «уже не дает возможности усмотреть то, что он причитается индивиду только как принадлежащему к определенному классу», маскируется его классовый характер[4]. Деньги превращаются во «всеобщее средство обмена»[5]. Маркс определяет их «как высшее выражение классовых противоположностей». Деньги «стирают религиозные, сословные, интеллектуальные и индивидуальные различия»[6]. За вещным отношением товар — деньги реализуются все классовые отношения буржуазного общества, и Маркс видит свою задачу в том, чтобы вскрыть объективный характер классовых противоречий, скрывающихся за этими отношениями, т. е. вскрыть фетишистский характер капиталистических производственных отношений.

В «Размышлениях» Маркс уже подходит к решению многих важных вопросов своей теории стоимости и намечает определенные задачи для последующего их разрешения. Так, например, он устанавливает, что внутренние противоречия товара выступают на поверхности в виде способности его к обмену на деньги, что во время кризиса «действительной трудностью является *необратимость товаров,* т. е. *действительного*

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 146.
[2] Там же, с. 146.
[3] Там же, с. 147.
[4] См. там же, с. 147, 148.
[5] Там же, с. 149.
[6] Там же.

капитала, в золото и банкноты»[1]. О понимании сущности денег и различия между бумажными и металлическими деньгами свидетельствует утверждение Маркса о том, что «всякий промежуточный член между товарами и золотом (например, бумажные деньги. — *А. С.*), или заместитель, так и остается лишь заместителем и поэтому не имеющим стоимости»[2].

Таким образом, в «Размышлениях» в процессе критики различных буржуазных теорий Маркс анализирует противоречивую взаимосвязь денег и товара (буржуазные экономисты указали лишь на существование связи между деньгами и товаром), в результате чего приходит к выводу о том, что деньги — это всего лишь необходимая форма, в которой проявляется стоимость.

Начав свой анализ в процессе конспектирования работ буржуазных экономистов с денег и денежной проблематики, Маркс «нападает на след» стоимости. Через исследование сущности денег приходит он к уяснению их значения в качестве особого товара, бытия стоимости.

Этот переход от денег к стоимости вызвал у Маркса настоятельную необходимость вновь, после эксцерптов сороковых годов, обратиться к более глубокому исследованию стоимостной проблематики в работах буржуазных экономистов. В этой связи Маркс обращается к произведениям Джемса Стюарта и Давида Рикардо. На наш взгляд, очень интересным является тот факт, что Маркс конспектирует работы этих двух авторов вперемежку, читая их, таким образом, одновременно.

Конспект работы Стюарта — первого британца, выработавшего целостную систему буржуазной политической экономии, в отличие от конспектов работы Рикардо был сделан Марксом в Лондоне впервые.

В работах буржуазных экономистов Маркс обнаруживает понимание ими различных функций денег[3]. Однако предшественники сводили сущность денег к одной или двум функциям и абсолютизировали их. Другие же функции они игнорировали или рассматривали в качестве разновидности этой одной.

У Стюарта же Маркс нащупал хотя и в самой зачаточной форме фактически различение всех функций денег и зафиксировал это в своем конспекте.

Стюарт был первым из экономистов, поставившим вопрос о том, определяется ли количество обращающихся денег товарными ценами или наоборот. При этом Маркс замечает, что

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 144.
[2] Там же, с. 145.
[3] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 367, л. 8, 10, 30.

«хотя его изложение затемняется фантастическим взглядом на меру стоимостей, неопределенным представлением о меновой стоимости вообще и пережитками меркантилистской системы, тем не менее он открывает существенные определенности форм денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую, а действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена» [1].

Важным является здесь то, что свои взгляды по вопросам денежного обращения и денег Стюарт выводил из собственных представлений о стоимости. Маркс зафиксировал это в конспекте его работы. Стюарт писал: «Так как стоимость товаров зависит от общей совокупности влияющих на них обстоятельств и от капризов людей, то стоимости товаров должны рассматриваться как изменяющиеся только в их взаимном отношении. Все то, что нарушает и запутывает точное определение *изменений пропорций посредством всеобщего, определенного и неизменного масштаба,* должно вредным образом влиять и на торговлю и быть препятствием отчуждению... Вследствие этого следует различать *цену* (т. е. монету), рассматриваемую как меру, и *цену* как эквивалент стоимости. *Деньги — только идеальный масштаб с равными делениями»* [2].

Таким образом, Стюарт смешивал функцию денег как меры стоимости с масштабом цен и, следовательно, отрывал идеальные деньги от действительных (в форме золота и серебра).

Но заслуга Стюарта заключалась в том, что он предпринял попытку определить внутреннее мерило стоимости, которое он увидел в труде, в отличие от внешнего, денег. Безусловно, все эти исследования Стюарта не были еще достаточно зрелыми и носили чрезвычайно запутанный и противоречивый характер.

Маркс выписывает в свой конспект противоречивое определение Стюартом меновой стоимости, названной им внутренней или действительной стоимостью: «Действительная стоимость» определяется тремя факторами: 1) «тем количеством труда, которое обыкновенно может выполнить работник данной страны... в течение одного дня, недели, месяца и т. д.»; 2) «стоимостью средств существования и издержками, необходимыми как для удовлетворения личных потребностей рабочего, так и... для приобретения им необходимых для его ремесла инструментов»; 3) «стоимостью сырого материала» [3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 146.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 438, л. 42.
[3] Там же, л. 22.

С другой стороны, Стюарт выделяет потребительную стоимость товаров, считая ее продуктом природы и человеческого труда. «Первая (меновая стоимость. — *А. С.)* есть само по себе нечто реальное... *Потребительная стоимость, напротив, должна оцениваться трудом, которого стоило его производство:* труд, затраченный на видоизменение материала, представляет некую долю времени человека» [1].

Далее Маркс заносит в свой конспект размышления Стюарта о том, что «коль скоро эти три вещи известны, цена мануфактурных товаров определена. Она не может быть менее суммы этих трех вещей, которая и является реальной (действительной) стоимостью; избыток сверх этой цены образует прибыль фабриканта; эта прибыль всегда будет находиться в соотношении со спросом и колебаться соответственно обстоятельствам» [2]. Таким образом, Стюарт развивает далее свое понимание прибыли, которую он называет «прибыль от отчуждения» [3]. Следовательно, прибыль от отчуждения, по Стюарту, возникает вследствие того, что цена товаров превышает их действительную стоимость или, вернее, что товары продаются выше их стоимости.

В заслугу Стюарту Маркс поставил впоследствии и то, что он изложил свою *теорию цен,* введя в научный оборот понятия спроса, конкуренции, и развил понятия простого и сложного спроса, простой и двойной конкуренции [4]. Маркс обратил также внимание на различение Стюартом специфически общественного труда, представленного в меновой стоимости, и реального труда, производящего потребительные стоимости, а также на определенную историческую трактовку труда, создающего меновую стоимость. Впоследствии Маркс напишет: «Стюарт отличается от своих предшественников и тех, кто выступал после него, тем, что он проводил резкое различие между специфически общественным трудом, который представляется в меновой стоимости, и реальным трудом, создающим потребительные стоимости» [5].

При этом труд, «который через свое отчуждение создает всеобщий эквивалент», Стюарт называет промышленностью. Этот труд он отличает как от реального труда, так и «от других общественных форм труда. Этот труд есть для него бур-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 438, л. 24.

[2] Там же, л. 22.

[3] См., напр., *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 10.

[4] См., напр., ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 438, л. 22.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 44.

жуазная форма труда в противоположность к его античным и средневековым формам»[1].

Маркс далее отмечает понимание Стюартом того, что товар является элементарной основной формой богатства, а отчуждение — господствующей формой присвоения в буржуазном обществе, вследствие чего и сам труд, создающий меновую стоимость, является специфически буржуазным[2].

Работа Стюарта являет собой высшее достижение меркантилизма. В методологическом плане он как меркантилист признает примат формы над содержанием. В этом смысле Стюарт, сосредоточивший свое внимание на меновой стоимости в денежной форме и понявший ее исторический характер, пошел гораздо дальше своих предшественников, например Юма и Локка, сводивших деньги к простому орудию обращения и не видевших принципиальной разницы между формулами Т — Д — Т и Т — Т.

Особый интерес в Лондонских эксцерптных тетрадях с точки зрения разработки Марксом теории трудовой стоимости представляет новый конспект основного сочинения Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения»[3] и прежде всего вторая часть этого конспекта, находящаяся в VIII эксцерптной тетради, которую можно датировать приблизительно мартом — апрелем 1851 г.[4] В отличие от парижского конспекта 40-х гг. он сделан по третьему английскому изданию (1821 г.). Его вторая часть в значительной мере посвящена проблеме стоимости.

Проведенный в «Размышлениях» анализ механизма капиталистического производства способствовал еще более глубокому пониманию Марксом сущности стоимости. Этот анализ позволил Марксу, в свою очередь, в комментариях к данному конспекту «Начал» Рикардо вскрыть некоторые ошибочные положения рикардовской теории стоимости и сделать шаг вперед в разработке собственной теории стоимости.

Так, указывая на формальное различение у Рикардо категории стоимости (меновой стоимости) и богатства (богатство, согласно Рикардо, состоит только из потребительных стоимостей, само буржуазное производство превращается в произ-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 44.

[2] См. там же, с. 45.

[3] В 40-е гг. XIX в. в Париже Маркс законспектировал французское издание этой работы Рикардо (1835). Однако тот конспект был общего характера, и в нем Маркс не выделял специально каких-либо вопросов, в том числе и теорию стоимости.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 67.

водство ради последних), Маркс подчеркивает, что целью буржуазного общества вовсе не является «удовлетворение потребностей», такой целью является меновая стоимость: «Возрастание производства товаров *никогда* не является целью буржуазного производства, его целью является возрастание производства *стоимостей»*[1]. Более того, Маркс указывает, что «увеличение производительных сил» происходит вразрез с целью буржуазного производства и вытекающее из этого несоответствия противоречие лежит в основе кризисов буржуазной экономики. Это противоречие между меновой и потребительной стоимостью, отмеченное Марксом, было значительным шагом в осознании им двойственной природы стоимости. Категория меновой стоимости, известная Смиту и Рикардо, получает здесь марксистское толкование, так как буржуазная экономическая мысль хотя и признавала наличие отношения между потребительной и меновой стоимостью, но не видела противоречия между ними, не понимала внутренней связи между ними[2].

Понимание продукта труда как противоречивого единства меновой и потребительной стоимости впоследствии позволило Марксу обнаружить в этом противоречии движущий момент товарного производства, а на данном этапе исследования это получило отражение в исследовании труда, производящего стоимость. При определении субстанции стоимости Маркс ставит Рикардо выше всех его предшественников, говоря, что он принимает за регулятор «труд, деятельность, само производство — не продукт, а производство, акт создания. С этим связана целая эпоха буржуазного производства»[3]. Иными словами, Маркс ставит в заслугу Рикардо то, что он связал процесс труда с непосредственным производителем. «Человек повсюду имеет дело со своей собственной производительностью»[4]. Эта идея сыграла очень важную роль в понимании Марксом функции живого труда как источника стоимости, дала возможность уже на этой стадии представить производственный процесс как процесс, имеющий двойственный характер, как единство процесса труда и создания стоимости и тем самым сделать существенный шаг вперед в преодолении концепции труда-товара и разработке учения о двойственном характере труда.

Однако Маркс критикует Рикардо за то, что в определении стоимости тот игнорирует роль обмена. И в этой связи Маркс

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 102.
[2] См. там же, с. 132.
[3] Там же, с. 107.
[4] Там же.

развивает свои идеи о том, что в обмене окончательно определяется стоимость товара. «*Обменом* открывается *возможность реализации стоимости товара.* Всякий новый предмет, который становится обмениваемым, есть в результате eo ipso [сам по себе] новая стоимость и приумножает число стоимостей... Способность к обмену создает новый труд». Всего этого не замечает Рикардо. «В противном случае это было бы равносильно утверждению, будто стоимость товара дана заключенным в нем рабочим временем, и товар есть *стоимость,* не будучи *обмениваемым»* [1]. Маркс дает здесь определение одной из важнейших характеристик товара, его обмениваемости, и отмечает тот факт, что стоимость товара не определяется a priori рабочим временем или издержками производства. «Рабочее время есть мера стоимости, т. е. мера того количества товаров, которое дается в обмен на некую третью величину... сама мера стоимости не есть *стоимость,* не есть вещь, которая измеряется». Это измерение происходит в обмене, но для этого «необходимо *прежде всего,* чтобы товары *обменивались»* [2]. Иными словами, стоимость определяется не рабочим временем, воплощенным в продукте, а рабочим временем, необходимым в данный момент для производства продукта. Таким образом, уже здесь Маркс четко определил функцию живого труда как источника стоимости в процессе производства и роль сферы обмена, в которой реализуется результат этого процесса.

Определенной корректировке подвергается в сравнении с 40 гг. («Нищета философии», «Наемный труд и капитал») и понимание Марксом закона стоимости. Он пишет, критикуя Рикардо: «Рикардо абстрагируется от того, что он рассматривает как *случайное.* Иное дело — изображать *действительный процесс,* в котором как то, что он называет случайным движением, но что есть устойчивое и действительное, так и его *закон,* среднее отношение — оба являются одинаково существенными» [3]. Маркс закрепляет здесь свое расхождение с толкованием закона стоимости у Рикардо, который абстрагировался от временных влияний, вызывающих колебания цен и влияющих на заработную плату и прибыль на капитал. Маркс же исходит из того, что действительный процесс как раз включает все эти колебания, а функция закона стоимости состоит в установлении среднего отношения, среднего уровня этих колебаний. Пользуясь еще терминологией Рикардо, Маркс делает вывод

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 110.
[2] Там же, с. 109—110.
[3] Там же, с. 100.

о том, что ««естественная цена» утверждает себя по отношению к *рыночной цене,* но это происходит в такой борьбе, которая не имеет ничего общего с рикардовским простым выравниванием»[1].

Основной механизм выравнивания колебаний цен — конкуренция, назначение которой заключается в том, чтобы постоянно сводить рыночную цену к реальной цене, т. е. устанавливать *«пропорциональное приложение капиталов к различным отраслям производства».* Конкуренция сама «в свою очередь определяется изменением спроса»[2]. Согласно Марксу, цена уже в это время определяется рабочим временем и корректируется спросом и предложением; она выступает как денежное выражение стоимости[3].

В этот период Маркс вновь критикует теорию стоимости Рикардо. Однако теперь уже не за несоответствие самого закона стоимости реальной экономической действительности, а за то, что Рикардо неправильно понимает функцию этого закона, специфику действия его в условиях современной ему капиталистической действительности.

Буржуазная политическая экономия отождествляла капиталистическое производство с «производством вообще» и формально переносила действие закона стоимости в условиях простого товарного производства на капиталистические отношения.

Маркс обращает внимание на факт, отмеченный буржуазной политической экономией, и в частности Рикардо, что прибыль капиталистов определяется вовсе не стоимостью товаров, производимых на том или ином предприятии, а размерами применяемого капитала, что прямо свидетельствовало о нарушении закона стоимости. Для Маркса в рассматриваемый период было уже ясно, что установление указанного соответствия не может происходить путем простого выравнивания. Как раз функция закона, по его мнению, заключается в том, чтобы посредством жесткой конкурентной борьбы осуществлять соответствие рыночной и «естественной цены», употребляя терминологию Рикардо.

Однако на этом этапе исследования Маркс пока еще видит суть закона стоимости только в сведении цены к стоимости, не различая определенных ступеней в нем и не говоря о модификации стоимости в цену производства, а самого закона стоимости в закон средней прибыли. Вместе с тем, в отличие от

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 104.
[2] Там же, с. 105.
[3] См. там же, с. 113.

Рикардо, Маркс понимает, что в капиталистической действительности происходят серьезные изменения в механизме образования цен под влиянием конкуренции.

Естественно, в этот период еще нельзя говорить о создании Марксом какого-то целостного собственного варианта теории стоимости. Маркс только начинает разрабатывать отдельные элементы своей теории в процессе выделения некоторых узловых противоречий в рикардовской теории стоимости и критики ее отдельных положений.

Первое выступление Маркса с критикой теории стоимости Рикардо сделало настоятельно необходимым исследование процесса развития буржуазной политической экономии и после Рикардо.

Из законспектированных в этот период работ буржуазных сторонников Рикардо наибольший интерес представляют два автора: Р. Торренс и Де Квинси. В Лондонских эксцерптных тетрадях Маркс законспектировал пять работ Торренса. С точки зрения теории стоимости интерес представляет работа «Опыт о производстве богатства». Торренс был одним из первых экономистов, который увидел основное противоречие теории стоимости Рикардо и определил его как противоречие между стоимостью и издержками производства.

Маркс выделяет у Торренса понятия богатства, потребительной и меновой стоимости. Уже в I главе своей работы Торренс определяет богатство как сумму всех полезных и желательных людям предметов, которые требуют для своего изготовления и хранения определенного труда. Из конспекта Маркса следует, что под потребительной стоимостью Торренс понимает просто полезность вещи, а под меновой стоимостью категорию стоимости, появляющуюся только в меновом хозяйстве [1]. Меновая стоимость, согласно Торренсу, вовсе не составляет богатства, и оно не зависит от меновой стоимости, а просто является случайным свойством вещи.

Маркс отмечает у Торренса выделение трех исторических периодов с точки зрения развития обмена и разделения труда. Возникновение меновой стоимости Торренс относил к третьему, современному для него периоду, когда капиталисты и рабочие уже разделились на два различных класса. Маркс заостряет особое внимание именно на этом этапе, когда, согласно Торренсу, господствующим законом обмена товаров является закон равной их стоимости при одинаковых издержках капитала.

---

[1] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 30.

Торренс, и на это также обращает свое внимание Маркс, различает меновую стоимость товара и цену, а также два рода цены: рыночную и естественную. «Рыночная цена всегда включает в себя обычную для данного времени норму прибыли. Естественная цена, состоящая из *издержек производства,* или, другими словами, из капитала, затраченного при производстве или изготовлении товара, не может включать норму прибыли» [1].

Таким образом, естественная цена есть не что иное, как издержки производства. Рыночная же цена отличается от естественной цены только тем, что определяется, по Торренсу, издержками производства плюс прибыль. «Действительный спрос состоит в способности и склонности потребителей, путем ли непосредственного или опосредованного обмена, давать за товар некоторое большее количество всех составных частей капитала, чем стоило его производство» [2].

Торренс, как уже говорилось выше, в самом начале своего сочинения «Опыт о производстве богатства» исходит из открытого Рикардо противоречия между законом стоимости и одинаковой прибылью у капиталов с различным органическим составом, но не для того, чтобы разрешить его, а для того, чтобы его представить в качестве закона [3].

Маркс обращает внимание на тот факт, что, согласно Торренсу, происходит переворот в самом законе стоимости или, точнее, закон стоимости как теоретическая конструкция противоречит явлениям капиталистического производства.

А что же предлагает Торренс на место этого закона? Фактически ничего, кроме пустого словесного объяснения, что равновеликие капиталы приносят равные прибыли. Маркс приводит это место в своем конспекте [4]. Согласно концепции Торренса цена издержек товара равняется цене авансированного капитала плюс средняя прибыль. И если Рикардо пытался доказать, что обособление капитала и наемного труда за некоторыми исключениями ничего не меняет в определении стоимости товаров, то Торренс, опираясь именно на эти исключения, отрицает сам закон, доказывая фактически, что закон, действительный для товаров как товаров, становится недействительным, как только товар начинает фигурировать в качестве капитала.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 31.
[2] Там же.
[3] См. там же, л. 30.
[4] См. там же.

Впоследствии в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс укажет на причину этого заблуждения Торренса и других буржуазных экономистов, отождествлявших издержки производства в масштабе всего общества и издержки индивидуального капиталиста.

Торренс вслед за Рикардо определяет стоимость товара количеством затраченного на него труда, но последующим добавлением вульгаризирует это определение, понимая под трудом только накопленный, т. е. овеществленный труд. Стало быть, если рассматривать товар как капитал, т. е. как условие производства, то его стоимость сводится к непосредственному труду, а стоимость того же товара, представленного в форме продукта и результата процесса производства, определяется уже не трудом, накопленным в нем самом, а трудом, накопленным в условиях его производства. Таким образом, Торренс определяет стоимость товара стоимостью того капитала, который производит его. Торренс, следовательно, не видит того обстоятельства, что равные количества накопленного труда приводят в движение различные количества непосредственного труда и вовсе не учитывает долговечность функционирования капиталов равных величин. Как и многие другие буржуазные экономисты, он рассматривает прибыль как нечто данное, твердо установленное и не требующее никаких доказательств.

Маркс особенно подробно конспектирует шестой отдел шестой главы книги Торренса, в котором развивается теория спроса и предложения. Торренс попытался здесь исследовать изменяющиеся отношения спроса и предложения и выяснить, что служит первопричиной — повышение предложения или спроса, и приходит к выводу, что таковой является рост предложения [1].

Исходя из этого, основную практическую проблему Торренс видит в организации правильных пропорций производства, когда предложение и спрос находятся в отношении равенства или, «чтобы количество составных частей капитала, доставленное на рынок для обмена на другие товары, по крайней мере, было равно количеству составных частей, израсходованных при производстве этих товаров» [2].

Маркс законспектировал также две основные работы другого последователя Рикардо — Де Квинси «Диалоги трех юристов из Темпла о политической экономии» и «Логика политической экономии».

---

[1] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 31.
[2] Там же.

Де Квинси взял под защиту учение Рикардо против нападок Мальтуса, поэтому в своем конспекте Маркс особое внимание обращает на высказывания Де Квинси об уровне зрелости дорикардовской теории стоимости и на понимание последним теории стоимости Рикардо.

Маркс заносит в конспект работы «Диалоги трех юристов...» следующее высказывание Де Квинси: «У *дорикардовских* экономистов дело обстояло так: когда их спрашивали, чем определяется стоимость всех товаров, то ответ гласил, что она определяется главным образом заработной платой; когда, далее, спрашивали: чем определяется заработная плата? — то указывалось, что заработная плата должна сообразоваться со стоимостью тех товаров, на которые она затрачивается; ответ сводился по существу к тому, что заработная плата определяется стоимостью товаров» [1].

В другом конспекте Маркс обращает внимание на формулировку Де Квинси отличия взглядов Рикардо от прежних воззрений буржуазных экономистов и замечает, что Де Квинси «не пытается путем перетолкования ослабить или отбросить в проблемах все специфическое, сохранив его лишь в виде фразы» [2].

Маркс заносит в свой конспект следующую оценку Де Квинси теории Рикардо: «Новая политическая экономия показала, что цена всякого товара определяется относительным количеством производящего его труда, и только им. Раз сама цена уже определена, она ipso facto определяет тот фонд, из которого должны черпать свои особые доли и заработная плата, и прибыль» [3].

Впоследствии, комментируя это место, Маркс увидит здесь противоречие между определением стоимости продукта относительным рабочим временем и реальным определением цены на практике вследствие того, что прибыль понималась рикардианцами не как производная форма прибавочной стоимости, а как часть издержек производства.

Маркс специально обращает внимание на аргументы Де Квинси, опровергающие противников теории Рикардо. «Все трудности политической экономии, — пишет он в «Диалогах...»,— можно свести к вопросу о том, что является основой меновой стоимости» [4].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 459, л. 10.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 125.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 459, л. 5.
[4] Там же, л. 10.

Но впоследствии Маркс укажет, что действительные трудности проистекают у Рикардо вовсе не из определения стоимости, как это утверждал Де Квинси, а из того, что Рикардо не смог до конца развить на этой основе свою теорию, и «пытался насильственно и непосредственно приспособить к простому отношению стоимости более конкретные отношения» [1], имея в виду современную ему капиталистическую действительность.

Ни Торренс, ни Де Квинси, будучи сторонниками и последователями Рикардо, не смогли разрешить противоречий, отмеченных ими в его теории, и даже пошли в некоторых вопросах по пути вульгаризации учения самого Рикардо.

Рассмотрение аргументов последователей Рикардо логично привело Маркса к исследованию противоположного направления — противников Рикардо. Из законспектированных в лондонский период авторов этого направления наибольший интерес представляют Мальтус и Бейли.

Среди законспектированных Марксом в IX и X тетрадях пяти работ Мальтуса три — «Мера стоимости», «Определения в политической экономии» (первое издание 1827 г.) и «Начала политической экономии» (издание 1836 г.) — с точки зрения теории стоимости представляют наибольший интерес [2].

В своих конспектах Маркс отмечает тот факт, что Мальтус правильно подметил слабые стороны рикардовской теории стоимости.

Это касается, главным образом, двух сторон. Во-первых, в отличие от Рикардо Мальтус фиксирует свое внимание на вопросе об обмене труда на капитал и показывает, что здесь происходит неэквивалентный обмен. Он делает опровергающий теорию стоимости Рикардо вывод о том, что обмен труда на капитал противоречит закону стоимости.

Другим слабым пунктом рикардовской теории стоимости, который отметил Мальтус, была неспособность Рикардо разрешить противоречие между обменом товаров согласно закону стоимости, в соответствии с затраченным на их производство трудом, и фактом продажи их по ценам, равным издержкам производства плюс средняя прибыль.

Утверждая, как и Рикардо, что цена товара определяется издержками производства, Мальтус тем не менее определяет стоимость иначе, то есть не количеством труда, содержащимся в товаре, а тем его количеством, которым товар может рас-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 124.
[2] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, 459.

поряжаться. Мальтус различает цену производителя и цену для покупателя.

Таким образом, ошибочные элементы теории стоимости Рикардо Мальтус фактически использовал для разработки своей собственной вульгарной теории стоимости [1].

Свою теорию стоимости Мальтус строит, пытаясь опереться на Смита, но отказывается сразу от научного определения стоимости затраченным трудом и объявляет себя сторонником определения стоимости покупаемым трудом.

Новое открытие Мальтуса в теории стоимости, по его мнению, заключалось в истолковании «мерила стоимостей». Используя в своих рассуждениях смитовское положение о неизменной стоимости труда, Мальтус кладет в основу определения стоимости труд как товар, а не количество труда, необходимое для производства того или иного товара. Имея это в виду, он заявляет, что «стоимость труда постоянна» и потому вообще является истинной мерой стоимости [2].

В качестве доказательства неизменности стоимости труда Мальтус утверждает: «Значительная группа товаров, как, например, сырые продукты, с прогрессом общества повышается в цене по сравнению с трудом, тогда как продукты промышленности понижаются в цене. Поэтому не далеко от истины будет утверждение, что в среднем та масса товаров, которая в одной и той же стране распоряжается данным количеством труда, не может на протяжении нескольких столетий существенно изменяться» [3]. Маркс фиксирует это положение в своем конспекте работы Мальтуса «Определения в политической экономии».

В конспекте работы «Мера стоимости» Маркс отмечает и другие его рассуждения, например, относительно существования неизменной и постоянной стоимости труда. «Если повышается спрос на труд,— пишет Мальтус,— то более высокий заработок рабочего вызван не повышением стоимости труда, а понижением стоимости того продукта, на который труд обменивается. В случае же избытка труда низкий заработок рабочего вызван повышением стоимости продукта, а не понижением стоимости труда» [4].

Таким образом, вместо того, чтобы доказывать, что стоимость всех товаров в сравнении с деньгами повысилась, если

---

[1] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 29.

[2] Там же.

[3] Там же, л. 51.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 20; см. также ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 29.

стоимость денег в сравнении с трудом понизилась, Мальтус доказывает обратное.

Нет ничего оригинального и в другом «открытии» Мальтуса, согласно которому стоимость товара равна количеству труда, содержащегося в товаре, плюс количество труда, представляющего прибыль (следовательно, в издержки производства включается и живой, и овеществленный труд). Маркс в конспекте работы «Определения в политической экономии» [1] фиксирует внимание на этом ошибочном утверждении, выписывая в конспект претензии Мальтуса на открытие, которое мотивируется тем, что он якобы нигде «не встречал такой формулировки, что то *количество труда,* которым обычно распоряжается какой-нибудь товар, должно представлять и измерять *затраченное на производство этого товара количество труда* вместе с прибылью... Представляя затраченное на производство какого-нибудь товара количество труда вместе с прибылью, труд представляет естественные и необходимые условия предложения товара, или элементарные издержки его производства» [2].

Согласно Мальтусу, товар не содержит никакой доли неоплаченного труда, а содержит лишь труд, возмещающий эквивалент, и если бы стоимость товара определялась содержащимся в нем трудом, то товар не давал бы никакой прибыли.

Из всего вышеизложенного с очевидной ясностью вытекает, что Мальтусом отрицается исключительная роль труда как источника стоимости. Мальтус включает в число источников стоимости и прибыль, которая у него выступает как нечто самостоятельное и независимое от труда. Прибыль, по Мальтусу, есть избыток цены товара над содержащимся в нем трудом. А, следовательно, для того чтобы быть проданным по своей стоимости, товар должен включать в себя такое количество труда, которое равно затраченному на его производство труду плюс избыток труда, представляющего собой прибыль, реализуемую при продаже.

Комментируя впоследствии в «Теориях прибавочной стоимости» эти рассуждения Мальтуса, Маркс укажет на ошибочность такого утверждения «вследствие того, что *использование стоимости* денег или товара в качестве капитала, а потому и их *стоимость* в специфической функции капитала, Мальтус

---

[1] Впоследствии Маркс еще раз законспектировал эту работу по изданию 1853 г. Этот конспект находится в VII эксцерптной тетради 1859—1862 гг.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 51.

смешивает со *стоимостью товара* как такового»[1]. Мальтус, таким образом, выводит прибыль из того, что продавец продает товар не только выше его себестоимости, но и выше его стоимости. Таким образом, Мальтус в своем толковании прибыли понимает ее фактически как прибыль от отчуждения, что было характерно еще для монетарной системы.

Несомненный интерес, на наш взгляд, представляет Марксов конспект работы другого противника теории стоимости Рикардо, Самюэля Бейли, «Деньги и изменения их стоимости», находящийся в V эксцерптной тетради[2].

Отправным пунктом своих нападок на систему Рикардо Бейли сделал возражение против превращения им стоимости из чего-то относительного в нечто абсолютное[3]. Бейли видит лишь форму проявления стоимости, т. е. меновую стоимость, но не ее сущность, кристаллизованный труд. Пользуясь своей терминологией, он утверждает, что существует лишь относительная стоимость. И Бейли критикует в своей работе Рикардо за то, что тот признает и абсолютную стоимость, т. е. стоимость как выражение затраченного на производство товара труда. Бейли сам исходит из субъективного определения стоимости, как отношения двух товаров, *«отношения вещей между собой»*[4].

По Бейли, каждый товар имеет не одну, а бесчисленное множество стоимостей, т. е. столько, сколько существует в природе товаров[5]. Денежная стоимость товара есть лишь одна из бесчисленного множества его стоимостей. Возникновение этой денежной стоимости Бейли объясняет тем, что если «все товары обмениваются на деньги, то взаимная стоимость товаров А и В необходимым образом выражена в их денежной стоимости, или в их ценах»[6]. Уменьшение или увеличение стоимости товара или стоимости денег, по Бейли, есть не что иное, как уменьшение или увеличение количества других товаров, на которые обменивается данный товар.

Бейли отрицает внутреннее мерило стоимости, а признает только внешнее. Этим мерилом стоимости он считает деньги.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 8.

[2] К сожалению, в этот период Маркс еще не законспектировал главной работы С. Бейли «Критическое исследование о природе, мерах и причинах стоимости», вышедшей в Лондоне в 1825 г., так же как и анализируемое здесь сочинение, анонимно, где его взгляды по вопросу стоимости изложены более обстоятельно и подробно.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 110.

[4] Там же, с. 150.

[5] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 401, л. 30.

[6] Там же, л. 22.

Это означает, что на поверхности общества товары приравниваются друг к другу и измеряются с помощью денег.

В самом начале конспекта работы Бейли Маркс выписывает данную им характеристику денег. «Деньги прежде всего — это товар, имеющий всеобщий сбыт, или такой товар, которым всякий торгует с целью добыть другие товары», «деньги — великий товар-посредник». «Деньги — *всеобщий товар контрактов,* или тот товар, в котором выражено большинство имущественных сделок, подлежащих выполнению в будущем». «Наконец, деньги суть *«мера стоимости»...»* [1]

Как раз на эту функцию денег Маркс и обращает особое внимание в своем конспекте работы Бейли [2]. Впоследствии он писал: «Положительной заслугой его сочинения является только одно — а именно то, что он первый более правильно определяет *меру стоимости,* т. е. в действительности одну из функций денег, или деньги в особой определенности формы» [3].

Но Бейли так и не смог разрешить загадку денег, ибо не ставил перед собой даже вопроса, как и почему деньги становятся этим мерилом стоимости и делают товары соизмеримыми. А то, что деньги могут выступать в функции меры стоимости, Бейли объясняет следующим образом: «Стоимость денег может постоянно изменяться, и тем не менее они могут служить столь же хорошей мерой стоимости, как если бы они оставались совершенно неизменными по своей стоимости» [4].

Однако Маркс в своем конспекте отмечает, что Бейли все же правильно устанавливает факт выполнения деньгами этой функции даже тогда, когда деньги выполняют ее, несмотря на то что их меновая стоимость в свою очередь сама подвергается изменениям [5].

К заслугам Бейли Маркс отнес впоследствии и то, что он фактически отверг проблему поиска неизменного мерила стоимости, предпринятого буржуазной экономической наукой еще со времен А. Смита и, в частности, Мальтусом.

Маркс заносит в свой конспект следующее место из работы Бейли, подтверждающее эту мысль: «Неизменность стоимости, столь желательная для денег как товара-посредника и товара контрактов, совершенно несущественна для денег как меры стоимости» [6].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 401, л. 22.
[2] См. там же.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 134.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 401, л. 22.
[5] См. там же.
[6] Там же.

Игнорирование важнейшей функции денег — меры стоимости — было одним из коренных пороков количественной теории денег. Отмечая критику этого факта буржуазными экономистами и, в частности, Бейли, Маркс тем самым глубже нащупывает связь, существующую между деньгами и стоимостью, и проникает в сущность явления стоимости.

Содержание выписок Маркса из работ Бейли показывает, что последний не смог до конца раскрыть функцию денег как меры стоимости и оставался на поверхности явлений, признавая деньги в качестве *внешней* меры стоимости, отрицая внутренне присущую товарам стоимость. Стоимость, по Бейли, фактически равна цене, и между ними нет никакой разницы. Выполнение деньгами указанной функции постоянно ускользало от внимания буржуазных экономистов, так как деньги выступают здесь лишь как идеальные деньги (т. е. установление стоимости товара происходит *до* совершения обмена товара на деньги), что предполагает более высокую ступень абстрактного анализа, до которой не смогла подняться буржуазная экономическая мысль даже в лице ее крупнейшего представителя Рикардо. Немногие буржуазные экономисты (в их числе Бейли) смогли понять также и внешнюю сторону этой функции денег, заключающуюся в том, что уровень цен зависит от стоимости реального денежного материала и устанавливается в процессе колебаний цен вокруг стоимости в зависимости от спроса и предложения.

Впоследствии в I томе «Капитала» Маркс в одном из примечаний писал: «Те немногие экономисты, которые, как, например, С. Бейли, занимались анализом формы стоимости, не могли прийти ни к какому результату, с одной стороны, потому, что смешивали форму стоимости и самую стоимость, с другой стороны, потому, что, находясь под влиянием грубого практического буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения. «Власть над количеством... конституирует стоимость» («Money and its Vicissitudes». London, 1837, p. 11)» [1].

Помимо аргументов, высказанных буржуазными экономистами за и против теории стоимости Рикардо, Маркса интересовали так же, как и в 40-е годы, исследования в этой области и социалистов-рикардианцев.

Маркс, как он впоследствии напишет в «Теориях прибавочной стоимости», рассматривает «только тех противников, которые сами исходят из предпосылок политэкономов», тех,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 59.

которые «действительно, исходят из рикардовской формы»[1]. К ним в Лондонских эксцерптах можно отнести Грея, Годскина и Рейвнстона.

Однако Годскин и Рейвнстон, хотя и исходили из теории трудовой стоимости классиков и считали труд источником и мерилом стоимости, дальше этого не пошли, не создав своих собственных оригинальных вариантов этой теории. Наиболее показательным и интересным из социалистов-рикардианцев, с точки зрения разработки вопросов теории стоимости, является Джон Грей.

В лондонский период Маркс законспектировал две главные работы Грея «Лекции о природе и употреблении денег» и «Социальная система. Трактат о принципах обмена»[2].

Грей впервые разработал учение о рабочем времени как непосредственной денежной единице измерения. Согласно концепции Грея, труд есть мерило стоимости, а, следовательно, он является и деньгами. Отсюда следует вывод, что вовсе нет надобности в металлических деньгах, деньги — лишь неудачное воображаемое средство выражения стоимости и их можно ликвидировать, выражая стоимость прямо в часах рабочего времени. «Должны ли мы,— пишет Грей, и Маркс заносит в свой конспект это высказывание,— сохранить нашу *воображаемую* меру стоимостей, *золото,* и тем самым сковать производительные силы страны, или мы должны обратиться к *естественной* мере стоимостей, к *труду*»[3].

Для того, чтобы труд мог выполнять функцию непосредственного мерила стоимости, нужна специальная организация рынка. С этой целью создается банк, выпускающий особые «рабочие деньги», квитанцию о содержании определенного количества рабочего времени в товаре. В этой связи Маркс выписывает следующее: «Деньги должны быть только квитанцией, свидетельством того, что обладатель их либо вложил известную стоимость в фонд национального богатства, либо приобрел право на указанную стоимость от какого-либо лица, вложившего ее туда»[4].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Грей, на что обратил внимание Маркс, не понял внутренней связи денег со стоимостью. Грей не смог разрешить основную проблему, которая фактически была им поставлена, т. е. ответить

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 245.
[2] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 420.
[3] Там же, л. 46.
[4] Там же, д. 523, л. 11.

на вопрос, «почему все товары измеряют свою стоимость в одном особом товаре» [1], в деньгах.

В утопическом проекте Грея выступало наружу непонимание особенности заключенного в товарах труда, который непосредственно является трудом частным, а свой общественный характер еще только должен проявить на рынке, в процессе отчуждения от непосредственного производителя. Грей, как и другие мелкобуржуазные социалисты, заключенное в товарах рабочее время относил к непосредственно общественному [2].

В работах Грея Маркс отмечает тот факт, что его непонимание природы труда очень рельефно отразилось в непонимании специфики товара и денег, ибо у него совершенно исчезает различие между ними. Марксу это непонимание давало очень важный толчок к размышлению о характере труда, производящего товары, к осмыслению идеи о всеобщем, общественном труде, воплощенном в специфическом товаре, деньгах.

* * *

Таким образом, ознакомление с Лондонскими эксцерптными тетрадями Маркса 50-х гг. XIX в. позволяет установить определенную систему в порядке расположения законспектированных источников и выделить три группы источников с точки зрения разработки им вопросов, связанных с теорией стоимости.

В результате подробного исследования полемики между банковской и денежной школами по поводу английского законодательства 1844—1845 гг., уяснения ложности количественной теории денег при изучении основной работы Т. Тука «История цен», знакомства с работами Юма и Локка как предшественников количественной теории денег Маркс смог уже в начале 50-х гг. в первой части своего конспекта работы Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения» дать обстоятельную критику количественной теории денег Рикардо.

Рассмотрение в «Размышлениях» механизма общественного воспроизводства и кризисов позволило Марксу углубить свое представление о деньгах. Исследование специфического характера денег как товара привело его к открытию противоречивой связи, существующей между товаром и деньгами. Здесь же, исследовав отношение, возникающее между товаром и день-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 68.
[2] См. там же, с. 69.

гами, Маркс показал, что внутренние противоречия товара выступают на поверхности экономики в виде неспособности товара к обмену на деньги. В этой связи Маркс установил неизбежность возникновения кризисов.

На втором этапе в конспекте Дж. Стюарта Маркс нащупывает ряд важных идей, давших ему толчок в разработке теории стоимости. Так, в частности, в работе Стюарта «Исследование о началах политической экономии» Маркс увидел различение фактически всех пяти функций денег, хотя и в самой зачаточной форме. Это позволило Марксу углубить свои представления о сущности денег. На данном этапе исследования рассмотрение всех функций денег в совокупности позволило Марксу установить определенный порядок в их классификации и совершить переход от внешних функций денег (таких, как мировые деньги, средство платежа и обращения), отмеченных Марксом еще в конспектах работ представителей банковской школы, к внутренней их функции (мера стоимости), которая, хотя и в самой «фантастической» и противоречивой форме, была выделена Стюартом.

Важным отмеченным Марксом моментом было и то, что Стюарт пытался выводить свои взгляды о деньгах из общих представлений о стоимости и сделал первым попытку определить внутреннее мерило стоимости (труд) в отличие от внешнего (деньги) и дать ему специфически историческую трактовку.

Но вместе с тем Маркс обратил внимание и на противоречивость, незрелость и даже ошибочность многих представлений Стюарта по вопросам стоимости, в частности, по вопросу об определении величины стоимости, в трактовке категории труда, толковании прибыли и др.

В своих комментариях в конспекте работы Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения» Маркс продолжил свое исследование категории стоимости и дальнейшую разработку некоторых элементов своей теории стоимости.

Здесь Маркс зафиксировал то обстоятельство, что целью буржуазного общества является не удовлетворение потребностей, а меновая стоимость, констатировал наличие противоречия между потребительной и меновой стоимостью. Он высоко оценил достижение Рикардо в исследовании стоимости, связавшего процесс труда с непосредственным производителем. Это в свою очередь позволило Марксу представить сам производственный процесс как единство процесса труда и процесса создания стоимости. Он раскрыл также взаимосвязь обмена и стоимости товара и подчеркнул одну из важнейших харак-

теристик товара — его обмениваемость. Здесь же Маркс отметил различие между собственным толкованием закона стоимости и его толкованием у Рикардо. В отличие от Рикардо, абстрагировавшегося от «случайных» влияний, вызывавших колебания цен и воздействовавших на заработную плату и прибыль на капитал, Маркс исходил из того, что действительный процесс как раз включает в себя все эти колебания, а функция закона стоимости состоит в установлении среднего уровня этих колебаний. Однако на данном этапе своего исследования Маркс пока еще не затрагивает вопроса модификации стоимости в цену производства и закона стоимости в закон цены производства.

На третьем выделенном нами этапе можно зафиксировать обращение Маркса к работам представителей буржуазной экономической мысли послерикардовского периода.

Все авторы, работы которых были законспектированы в эти годы, несмотря на существенные различия в их толкованиях теории стоимости, отметили многие противоречивые положения этой теории у Рикардо, но в силу своей классовой ограниченности не смогли разрешить противоречий его теории и фактически пошли по пути вульгаризации ее. Это было отмечено Марксом в его эксцерптных тетрадях.

Таким образом, подводя общий итог, можно со всей очевидностью утверждать, что уже в этот период происходит коренное изменение отношения Маркса к буржуазным и мелкобуржуазным вариантам теории стоимости и начинается разработка Марксом собственной теории стоимости.

Р. Хеккер, А. Ю. Чепуренко

ПОЛЕМИКА ПО ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ЗАКОНА СТОИМОСТИ И СРЕДНЕЙ ПРИБЫЛИ В «КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА (80—90 гг. XIX в.)

Идейная борьба вокруг «Капитала» развернулась уже в конце 60-х гг. прошлого века, вскоре после выхода в свет в 1867 г. первого тома великого труда К. Маркса. В 80—90-е гг. в связи с появлением второго и особенно третьего томов полемика значительно обострилась. От исхода борьбы, которую повел с буржуазными и мелкобуржуазными критиками Ф. Энгельс, а продолжил В. И. Ленин, во многом зависели судьбы марксизма как целостного учения, его влияние на международное рабочее движение.

Особое место в теоретической дискуссии уже в 80-е гг. XIX в. заняла проблема соотношения закона стоимости, сформулированного Марксом, и средней прибыли. Научное решение этой проблемы впервые дал именно Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» и в рукописи, на основании которой Энгельс впоследствии подготовил к печати III том «Капитала». Существенный вклад в дальнейшее обоснование марксистского решения проблемы внес Энгельс в написанной им в дополнение к третьему тому статье «Закон стоимости и норма прибыли».

Содержание самой проблемы сводится к следующему. Согласно закону стоимости, товары обмениваются друг на друга в пропорции, определяемой количеством заключенного, овеществленного в них общественно необходимого труда (или, как трактовали классики буржуазной политической экономии, труда вообще). Однако в реальной действительности буржуазного общества равновеликие капиталы применяют весьма различные количества труда и в то же время приносят равную прибыль. Это равенство прибылей на равновеликие капиталы различного органического строения и представляет собой содержание закона средней прибыли.

Средняя прибыль, получаемая на индивидуальный капитал в соответствии с заданной рынком средней нормой, существен-

но отклоняется и по видимости не находится ни в какой связи с величиной производимой данным капиталом прибавочной стоимости. Вполне понятно, что доказательством истинности трудовой теории стоимости может быть в таком случае только объяснение средней прибыли на основе закона стоимости. Лишь в этом случае трудовая теория стоимости является теорией монистической и строго научной.

До появления III тома «Капитала» усилия противников марксизма в области политической экономии были направлены на то, чтобы убедить читателей в невозможности решения этой проблемы с марксистских позиций и вообще с позиций трудовой теории стоимости. Когда же третий том «Капитала» вышел и действие закона стоимости и средней прибыли было научно объяснено через рассмотрение превращения стоимости в цену производства, буржуазные критики были вынуждены сменить тактику. От попыток опровергнуть Маркса извне они перешли к нападкам на теорию стоимости и цены производства изнутри, воспринимая отдельные положения Марксовой политэкономии, но искажая их общий смысл.

С годами фальсификация Маркса в этом вопросе становилась все более утонченной, возникла большая литература, специально посвященная превращению стоимости в цену производства (или, в терминах современной буржуазной экономической науки, «проблеме трансформации») [1]. Большинство авторов соглашается, что «Капитал» дает общее направление решения вопроса, хотя в ряде существенных моментов Марксу, по их мнению, изменила свойственная ему логика. Основной

---

[1] Как отмечает В. Шемятенков, в 40—50-е гг. проблема трансформации «стала, по существу, центральным мотивом в неоклассической критике учения Маркса о капитале и прибавочной стоимости» (*Шемятенков В*. Под флагом «примирения». Современные тенденции в буржуазном толковании экономического учения К. Маркса. — Коммунист, 1978, № 7, с. 67). Именно тогда появились статьи К. Винтерница, К. Мэя, Ф. Сетона. В 60—70-е гг. эта проблема продолжала привлекать внимание буржуазных экономистов, теоретиков «левых» и марксологов. Укажем лишь некоторые относительно крупные работы последних лет: *Cogoy M*. Wertstruktur und Preisstruktur. Frankfurt/M., 1977; *Eberle F*. (Hrsg.) Aspekte der Marxschen Theorie 1. Zur methodischen Bedeutung des 3. Bandes des «Kapital». Frankfurt/M., 1973; *Gerfin H*., *Hickel R*. Nachwort zu: K. Marx. Das Kapital. Dritter Band. Frankfurt/M. — Berlin (West) — Wien, 1971; *Kühne K*. Ökonomie und Marxismus. Bd. 1: Zur Renaissance des Marxschen Systems. Neuwied — Berlin(West), 1972, S. 154—170; *Racinaro R*. La crisi del marxismo. Nella revisione di fine secolo. Bari, 1978; см. также статьи: *Wolfstetter E*. Surplus labour, synchronised labour costs and Marx's labour theory of value. — In: The Economic Journal, vol. 83, September 1973; *Yaffe D*. Value and price in Marx'«Capital». — In: Bulletin of the Conference of Socialist Economists, Winter 1974.

смысл рассуждений критиков сводится к тому, чтобы доказать, что Маркс не решил проблему соизмеримости стоимости и цены производства [1].

В то же время усиливаются попытки использовать в дискуссии по проблеме превращения стоимости в цену производства историю данного вопроса. При этом на первый план выдвигается тезис о том, что взгляды Энгельса, изложенные в его статье «Закон стоимости и норма прибыли», не соответствуют якобы тому решению, которое дано Марксом в подготовительных рукописях и «Капитале». Эта тенденция особенно характерна для теоретиков «левого» радикализма.

Речь идет о том, что, по Энгельсу, соотношение категорий «стоимость» и «цена производства» определяется исторически: закон стоимости в чистом виде существует в добуржуазном товарном производстве, в буржуазном же обществе его место занимает закон средней прибыли и цены производства. Таким образом, Энгельс, по мнению тех, кто отстаивает «подлинного Маркса», подводит к мысли о том, что все содержание I и II томов «Капитала», построенное на допущении действия закона стоимости в чистом виде, не может служить объяснением реальностей буржуазного способа производства, ибо по отношению к последнему такое допущение неприменимо. Отсюда делаются выводы об «историцизме» Энгельса, расходящемся со взглядами Маркса, о том, что Энгельс свел подлинно марксистское решение вопроса к смитовскому [2].

Ключ к пониманию действительного существа проблемы дает анализ той идейной борьбы, которая велась вокруг нее в 80—90-е гг. прошлого столетия, поскольку современные выступления зачастую представляют собой лишь подновленные

---

[1] См. об этом указанную статью В. Шемятенкова, с. 67—69.

[2] Так, Х.-Х. Пауль пишет, что «Энгельс создает возможность для интерпретации последовательности аргументов в «Капитале» как исторически развивающейся» (*Paul H.-H.* Marx, Engels und die Imperialismustheorie der II. Internationale. Hamburg, 1978, S. 51—52), аналогичные высказывания можно найти у Х.-Г. Бакхауза (*Backhaus H.-G.* Materialien zur Rekonstruktion der Marxschen Werttheorie 3. — In: Gesellschaftliche Beiträge zur Marxschen Theorie II. Frankfurt/M., 1978, S. 18) и у ряда других авторов. Во введении к сборнику «Die Marxsche Theorie und ihre Kritik I. Eine Textsammlung zur Kritik der Politischen Ökonomie». Frankfurt/M. — New York, 1974, его составители Х. Г. Нутцингер и Э. Вольфштеттер пишут: «По сравнению с обществами некапиталистического товарного производства, — утверждает Энгельс, — ...характерной чертой капиталистического способа производства является различие между стоимостью и ценой... Поэтому ничуть не удивительно, что «марксистская» версия трудовой теории стоимости... звучит как парафраз «раннего и примитивного состояния общества» Адама Смита» (с. 12).

варианты аргументов, уже выдвигавшихся в прошлом. Но для того чтобы в полной мере понять значение и остроту полемики вокруг проблемы превращения стоимости в цену производства, необходимо сначала вкратце рассмотреть генезис взглядов на нее в домарксовой экономической мысли.

* * *

Видимое несоответствие между законом стоимости и фактом равенства прибылей на различные по строению, но одинаковые по величине капиталы было известно экономистам и до Маркса. Само явление уравнения прибылей в конкурентной борьбе было отмечено еще физиократами[1]. По мере дальнейшего развития буржуазного способа производства проблема согласования этого факта с трудовой теорией стоимости все более явственно выдвигалась на передний план как вопрос увязки теоретических положений с реальной действительностью. Его решение превращается в своего рода критерий зрелости трудовой теории стоимости. Свое отражение он находит в трудах ее классических представителей, и прежде всего — А. Смита.

Характеризуя позицию Смита, Маркс писал: «У него не вызывал каких-либо мучительных сомнений вопрос о связи этого факта с выдвинутой им теорией стоимости; этот вопрос тем менее его тревожил, что наряду со своей, так сказать, эзотерической теорией стоимости он выдвинул еще различные другие теории и мог по своему усмотрению придерживаться той или другой из них»[2]. Смит, по словам Маркса, не имел «даже самого отдаленного представления о возникающем здесь противоречии»[3], не фиксировал его как таковое. Не найдя возможности согласовать закон стоимости с внешне не подтверждающими его фактами, он отнес его действие к «доадамовым временам», к добуржуазному периоду общественного развития. Таким образом, Смит отказался от объяснения явлений современного ему общества с позиций трудовой теории стоимости.

---

[1] См., напр., А. Тюрго: «По мере того как прибыли, получающиеся из какого-либо употребления денег, увеличиваются или уменьшаются, капиталы вкладываются в одни дела и извлекаются из других», — иными словами, их увеличение и уменьшение способствуют переливу капиталов к усреднению прибылей (*Тюрго А.* Избранные экономические произведения. М., 1961, с. 148); см. также: *Кенэ Ф.* Избранные экономические произведения. М., 1961, с. 350 — 351.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 65.

[3] Там же, ч. I, с. 67.

Рикардо, на первый взгляд, элиминирует противоречие во взглядах своего предшественника, поскольку он отождествляет прибыль и прибавочную стоимость: «согласно Рикардо, товары продаются с *прибылью* не потому, что они продаются *выше* своей стоимости, а потому, что они продаются *по своей стоимости*» [1]. Но противоречие сейчас же выступает у него в несколько ином виде.

Рикардо впервые обратил внимание на то, что определение стоимости должно быть соотнесено с фактом уравнения прибылей равновеликих капиталов. При этом он подметил, что эти капиталы имеют весьма различное органическое строение.

Однако он не говорил прямо о видимом противоречии средней прибыли закону стоимости. Этот вопрос формулируется им иначе: поскольку он отождествляет стоимость и цену производства, постольку он с самого начала исходит из существования средней нормы прибыли как предпосылки исследования. Проблема превращается в прямо противоположную: при одинаковой норме прибыли нужно объяснить повышение или понижение прибыли повышением или понижением заработной платы, неодинаково действующим на капиталы различного органического строения. Решение этого вопроса неизбежно приводит к выводу о том, что в случае понижения заработной платы (и нормы прибыли) — а этот случай отражает основную тенденцию капиталистического общества — одинаковая норма прибыли капиталов равного органического строения образует, по словам Рикардо, «исключение» из закона стоимости.

Уязвимость этой позиции почувствовал еще Мальтус, который писал, что «случаи эти столь многочисленны, что правило можно считать исключением, а исключения — правилом» [2]. Критика Рикардо и его школы по данному вопросу со стороны Мальтуса и мальтузианцев становилась тем более настойчивой, что само развитие буржуазного способа производства все более обнажало методологическую слабость рикардианства. Противоречие системы Рикардо использовалось буржуазной реакцией для отрицания закона стоимости, трудовой теории стоимости вообще.

Разложение рикардианской школы было вызвано именно неспособностью дать ответ на этот коренной вопрос. Выявилась довольно четкая тенденция: от попыток подкрепить теорию Рикардо аргументацией Смита — к возвращению на пози-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 66.
[2] *Malthus Th. R.* Definitions in political economy. London, 1827, p. 50.

ции Смита. При этом «последующие экономисты... воспринимают... то одну, то другую сторону» [1], выделяют то эзотерический, то экзотерический момент его теории. По мере дальнейшего развития капитализма обостряются его противоречия и, как следствие, усиливается направление экономистов, воспринимающих именно поверхностный, ненаучный элемент во взглядах Смита, происходит смыкание последователей классической буржуазной политэкономии и политэкономии вульгарной. Разложение рикардианского направления в буржуазной науке совпадает по времени с созданием политэкономии рабочего класса, выросшей как продолжение прогрессивной линии трудовой теории стоимости классиков.

Разложение рикардианской теории, проанализированное Марксом особенно глубоко в «Теориях прибавочной стоимости», приводит к превращению проблемы соотношения закона стоимости и средней прибыли в одну из центральных методологических проблем экономической теории. Маркс показывает это на примере Торренса.

Торренс, исходя из открытого Рикардо противоречия, делает вывод, что «при капиталистическом производстве происходит переворот в законе стоимости, т. е. что закон стоимости, абстрагированный из капиталистического производства, противоречит явлениям капиталистического производства» [2]. Однако если Рикардо пытался доказать, что некоторые исключения ничего не меняют в самом определении стоимости товаров рабочим временем, то Торренс, «опираясь на рикардовские исключения... отрицает самый закон». Он обращается к аргументации Смита, ограничивая действие закона стоимости «ранним периодом развития общества» и подчеркивая, что рикардовское определение стоимости товара утрачивает свое значение, «когда образовались капитал и земельная собственность» [3].

Показав, таким образом, что исторический переход от това- к капиталу несет в себе отрицание закона стоимости, Тор-с пробует по крайней мере доказать генетическое единство ннего» и «современного» периода развития общества, откры- «начало капитала» в камне дикаря [4]. Действительно, если удалось доказать, что отношения буржуазного общества отличаются от добуржуазных, как новое качество от старото, отвергнув закон стоимости как противоречащий фак- . удалось бы восстановить его значение «задним числом»,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 132.
[2] Там же, ч. III, с. 69.
[3] Там же, с. 70.
[4] См. там же, т. 23, с. 195.

на основании абстрактно-схоластических рассуждений. Однако Торренсу не удалось решить эту задачу и на основе антиисторического подхода, и у него в конце концов «прямо так и выскакивает старое гениальное представление о прибыли как о «прибыли от отчуждения»» [1].

Таким образом, действительное противоречие, отразившееся в системах Смита и Рикардо, становится одним из узловых пунктов, по которым буржуазные экономисты предпринимают тотальную ревизию трудовой теории стоимости.

* * *

Это затруднение поставило в тупик буржуазную классическую теорию, и вывести науку из такого состояния оказался способным только марксизм. Противоречие между законом стоимости и средней прибылью с самого начала отчетливо осознавалось Марксом и Энгельсом как одна из коренных проблем трудовой теории стоимости [2]. Поэтому процесс выработки собственной экономической теории марксизма сопровождался и проникновением в существо данного вопроса.

Уже в работе «К критике политической экономии» (1859 г.) Маркс, анализируя взгляды Смита и Рикардо на природу товара и возражения, выдвигаемые против классической политической экономии вульгарными экономистами, впервые приближается к формулировке проблемы, которую надлежит разрешить: «Рыночная цена товара падает ниже или поднимается выше их меновой стоимости вместе с изменением отношения между спросом и предложением. *Поэтому* меновая стоимость товаров определяется отношением спроса и предложения, а не содержащимся в этих товарах рабочим временем. В действительности в этом странном заключении лишь ставится вопрос, каким образом на основе меновой стоимости развивается отличная от нее рыночная цена,— или, вернее, каким образом закон меновой стоимости осуществляется только в своей собственной противоположности» [3]. Весьма характерно, что уже здесь Маркс одним из основных методологических пороков Смита считал то обстоятельство, что действие закона стоимо-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 76; т. 23, с. 172.

[2] Уязвимость классической теории в этом вопросе была причиной того, что при первом обращении к проблемам экономического строя капиталистического общества и Маркс, и Энгельс недооценивали трудовую теорию стоимости. Подробнее об этом см., например, в кн.: *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). М., 1976, с. 30—32.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 48.

сти последний относил к добуржуазным эпохам. Однако в книге «К критике политической экономии», в частности в главе о товаре, Маркс по вполне понятной причине еще не мог дать своего понимания: «Эта проблема разрешается в учении о конкуренции» [1].

Более определенно на противоречие между законом стоимости и средней прибылью Маркс указал, предваряя последующее изложение, в I томе «Капитала», где он специально отметил, что «для разрешения этого *кажущегося* противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев для того, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ может представлять действительную величину» [2]. Таким образом, Маркс отчетливо представлял себе значение этого вопроса. И, как мы теперь хорошо знаем, к моменту выхода I тома эти «промежуточные звенья» были начерно разработаны в рукописях 1861—1863 и 1864—1865 гг., последняя из которых послужила основой для подготовленного Энгельсом III тома «Капитала». Детальное решение было дано именно в III томе, который в этом отношении существенно дополняют «Теории прибавочной стоимости». И Энгельс писал об этом задолго до выхода III тома.

В предисловии к первому изданию II тома «Капитала» (1885 г.) он дает характеристику противоречия между стоимостью и средней прибылью, как оно отразилось во взглядах рикардианцев. Имея в виду буржуазных экономистов, Энгельс писал: «Если они покажут, каким образом может и должна образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе, тогда мы будем разговаривать с ними дальше» [3]. При этом он указывал, что уже в «Теориях прибавочной стоимости» (являвшихся частью рукописи 1861—1863 гг. и тогда еще неизвестных читателю) проблема была раскрыта и объяснена Марксом.

Приведем полностью классическую формулировку Маркса из этой рукописи:

«Рикардо пытался доказать, что обособление капитала и наемного труда — за некоторыми исключениями — ничего не

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 48. Однако в этот период у Маркса еще не сложилась окончательно собственная концепция средней прибыли, что явствует из экономических рукописей 1857—1858 гг.; вопрос ставился им пока лишь в самой общей форме.

[2] Там же, т. 23, с. 316 (курсив наш. — *Р. Х., А. Ч.*).

[3] Там же, т. 24, с. 23.

меняет в определении стоимости товаров. Опираясь на рикардовские исключения, Торренс отрицает самый закон. Он возвращается назад к А. Смиту, против которого направлена аргументация Рикардо и по которому, правда, «в ранний период развития общества», когда люди противостоят еще друг другу лишь как товаровладельцы, обменивающиеся товарами, стоимость товара определяется содержащимся в нем рабочим временем, но это не имеет места тогда, когда образовались капитал и земельная собственность. Это значит... что закон, действительный для товаров как товаров, недействителен для них, лишь только они начинают фигурировать в качестве капитала или в качестве продуктов капитала, лишь только вообще совершается переход от товара к капиталу. С другой стороны, продукт всесторонне принимает форму товара только в результате того, что весь продукт должен превращаться в меновую стоимость, а все составные элементы его производства сами входят в него в качестве товаров,— т. е. продукт всесторонне становится товаром только с развитием капиталистического производства и на основе последнего. Выходит, следовательно, что закон товара должен существовать в таком производстве, которое не производит товаров (или только отчасти производит товары), и не должен существовать на основе такого производства, базисом которого является существование продукта как товара. Сам закон, точно так же как и товар в качестве всеобщей формы продукта, выведен из условий капиталистического производства, а тут получается, что как раз для капиталистического производства этот закон недействителен» [1].

Каким же образом предстает дело у самого Маркса?

Проблема разрешается лишь в общей связи всей системы категорий «Капитала», где в качестве опосредствующих звеньев выступают процесс производства прибавочной стоимости (а следовательно, и процесс производства товаров) и процесс обращения капитала. Эта логика отражает действительную последовательность: в процессе производства создается прибавочная стоимость, затем в движении капитала она обособляется от авансированного капитала и трансформируется в свои поверхностные превращенные формы, важнейшей из которых является прибыль. Последняя в ходе конкуренции соотносится не только с тем отдельным капиталом, которым она произведена, но и со всем капиталом общества. Этот процесс и резюмируется в средней прибыли.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 70—71.

Таким образом, закон стоимости лежит в основе, но не является непосредственным основанием средней прибыли. Действительные отношения богаче, нежели абстрактное отношение, составляющее их сущность. Они выводятся из этой сущности через ряд «промежуточных звеньев». В движении системы категорий это выглядит таким образом, что формула «обмен *по* стоимости» конкретизируется как «обмен *на основе* закона стоимости».

В чем же заключается эта конкретизация? Прежде всего в том, что усложняется определение среднеобщественных условий, при которых происходят затраты создающего стоимость абстрактного труда. В I томе рассматривалась стоимость товара как товара, в III томе товар берется более конкретно, как продукт *капитала*. Но продуктом капитала является некоторая *масса* товаров, производимая различными отдельными капиталами. Поэтому стоимость уже не может фиксироваться лишь как результат среднеарифметических затрат труда на отдельный товар, она определяется всеми фактическими затратами труда в данной отрасли. Математически она формируется как средневзвешенная величина, где весами оказываются массы товаров, произведенных при тех или иных условиях. Именно этот аспект и отражается в понятии «рыночная стоимость».

Далее. Если в I томе цена приравнивается к стоимости, то теперь закон стоимости выступает и как основа *отклонений* цен от стоимостей. Рыночная цена складывается в зависимости от интенсивности спроса и объема предложения. Однако предложение есть не что иное, как масса товаров, имеющих известную рыночную стоимость. Спрос также задан затратами труда, нашедшими общественное признание в предъявляемых покупателями деньгах. Следовательно, колебания спроса и предложения выражают собой соотношение общественно необходимых затрат труда в народном хозяйстве. Длительное несовпадение спроса и предложения формирует такой уровень рыночных цен, который приводит к изменению общественных условий воспроизводства, т. е. вызывает изменение рыночной стоимости. Таким образом, внутриотраслевая конкуренция (отражающаяся в категории «рыночная стоимость») и межотраслевая конкуренция («рыночная цена») взаимообусловливают друг друга.

Однако помимо указанных моментов, отражающих качественные изменения, которые претерпевает понятие стоимости в связи с конкретизацией целого ряда определений, данных в I томе «Капитала», здесь имеется и количественный аспект, связанный с понятием цены производства.

Наибольшую важность при рассмотрении цены производства имеет именно количественный аспект, ибо помимо тех отличий, которые зафиксированы в категориях рыночной стоимости и рыночной цены, в цене производства отражается прежде всего количественное несовпадение со стоимостью. Оно проявляется в виде разности между прибавочной стоимостью и средней прибылью. Только в цене производства окончательно завершается «трансформация» стоимости. Но эта трансформация не может быть понята вне рассмотрения рыночной стоимости и рыночной цены — в противном случае цена производства непосредственно подводится под абстрактное понятие стоимости и последняя на этом основании объявляется фикцией.

Здесь имеется и известная объективная сложность, проявившаяся и в системе категорий «Капитала» и выразившаяся в том, что цена производства рассматривается там до рыночной стоимости и рыночной цены. Цена производства, будучи превращенной поверхностной формой стоимости, определяется через сумму своих составных элементов: издержек производства и средней прибыли. Таким образом, средняя прибыль должна быть дана *до* цены производства. Но средняя прибыль, в свою очередь, предполагает цену производства. В этом действительном затруднении лишь отражается то обстоятельство, что при переходе к поверхности движение категорий по спирали превращается в круговое движение: здесь *все* существенно, взаимозависимо и взаимоопосредствовано. Это затруднение разрешается в «Капитале» таким путем, что сначала (в девятой главе) вводится средняя прибыль и через нее определяется цена производства, а затем (в десятой главе) анализируется процесс внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, где средняя прибыль выступает как результат реального экономического процесса. Следовательно, здесь более конкретная категория (цена производства) предшествует более бедной по содержанию категории (рыночная стоимость).

Таким образом, в «Капитале» налицо подлинно научный подход, цель которого в данном случае состоит в том, чтобы вскрыть сущность буржуазных производственных отношений и на этой основе показать, как выглядят отношения капиталистического общества на поверхности и почему они проявляются в превращенных формах, маскирующих истинное их существо. Именно в этом состоит неоспоримая научная заслуга Маркса и его превосходство над буржуазной наукой, которого не может понять вульгарный экономист, думающий, «что делает великое открытие, когда он вместо раскрытия внутренней

связи вещей с важным видом утверждает, что в явлениях вещи выглядят иначе. Фактически он кичится тем,— пишет Маркс,— что твердо придерживается видимости и принимает ее за нечто последнее. К чему же тогда вообще наука?» [1].

Важно отметить, что система категорий «Капитала», стержень которой составляет переход от стоимости к цене производства (средней прибыли), построена на последовательном проведении через все три теоретических ее тома метода восхождения от абстрактного к конкретному и отражает отношения зрелого буржуазного общества.

Этому, как кажется, противоречат отдельные положения десятой главы III тома, а в особенности исторический очерк Энгельса «Закон стоимости и норма прибыли». На этом кажущемся противоречии и строятся попытки извратить классическое марксистское решение проблемы трансформации со стороны буржуазной марксологии. Поэтому очень важно разобраться в том, что же действительно имели в виду Маркс и Энгельс и как эти мнимые «противоречия» в их взглядах согласуются с теоретическим решением, данным в «Капитале».

Итак, в чем же видит Маркс в десятой главе III тома основную методологическую трудность при объяснении данного вопроса? В том, что «товары обмениваются не просто как *товары,* но как *продукты капиталов,* которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости» [2].

Но могут ли товары вообще обмениваться по их стоимости (как это предположено в I отделе I тома «Капитала»)? Маркс приводит пример возможности такого обмена при условии, что «сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом». Но он здесь же замечает, что «эти товары не были бы тогда продуктами капитала» [3]. Однако в «Капитале» товар с самого начала рассматривается как элементарная форма *буржуазного* богатства. Что же доказывает в таком случае Маркс этим примером, из которого он делает вывод о том, что «обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимости требует... гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития» [4]? На наш взгляд, это можно пони-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 461.
[2] Там же, т. 25, ч. I, с. 192.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 193.

мать так, что цена производства является не «отрицанием» (в обыденном смысле слова) закона стоимости, а развитием и необходимой формой его проявления в буржуазном обществе, т. е. именно в таком обществе, где стоимость только и становится всеобщим отношением, адекватным своему понятию в «Капитале».

Это подтверждается и последующим известным высказыванием Маркса относительно правильности рассмотрения стоимости товаров «не только теоретически, но и исторически как prius цен производства» [1]. Маркс различает стоимость как абстрактную характеристику буржуазного способа производства и обмен по стоимости как эмпирический факт, наблюдающийся в докапиталистических формациях. Для тех эпох общественного производства характерна собственность производителей на основные средства производства (а значит, рабочая сила не вступает на рынок как товар, товарное производство, развиваясь как уклад, находится лишь в стадии становления), в качестве товаропроизводителя и товаровладельца выступает ассоциация (община, цех и т. д.), а средства производства «лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины» [2]. Каково же здесь содержание стоимостного отношения?

Критерием общественно необходимых затрат труда выступают индивидуальные затраты той или иной ассоциации, которая, как правило, является единственным производителем какого-либо вида товаров. А эти индивидуальные затраты, в свою очередь, определяются как сумма *всех* затрат отдельных членов данной ассоциации. Таким образом, по существу, любой частный труд получает общественное признание, является трудом общественным, а конкретный труд выступает как абстрактный. Противоположность (тем более противоречие) между абстрактным и конкретным, частным и общественным трудом, которая характеризует носитель стоимости — товар, исследуемый в первом отделе I тома «Капитала», здесь еще отсутствует. В лучшем случае, можно обнаружить лишь различие между этими двумя видами труда. Именно поэтому товар в добуржуазные эпохи выступает как внешний момент по отношению к тем способам производства, которые он обслуживает: движущее противоречие этих способов производства лежит вне то-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 194.
[2] Там же.

варной формы. Стоимость носит в добуржуазные эпохи неразвитый характер, понятие стоимости в значительной мере «иррационально», однако обмен, поскольку он вообще происходит, совершается именно по стоимости.

В процессе превращения товарного производства из отдельного уклада в целостный способ производства стоимость приобретает адекватное своему понятию содержание и превращается в основание отношений обмена (geht zu Grunde); в то же время обмен по стоимости сменяется обменом по ценам производства, а обмен по стоимости исчезает (geht zugrunde). Такова сложная диалектика становления товарного производства, решающие моменты которой нашли отражение в десятой главе III тома «Капитала».

Разумеется, реальный процесс становления товарного производства (а значит, стоимости) во всей его полноте не мог быть раскрыт в «Капитале», ибо система категорий «Капитала» отражает структуру развитого капиталистического общества; целью Маркса является открытие закона движения современного ему буржуазного общества. Но понятие предмета не может быть полным без знания его исторических предпосылок, т. е. процесса его становления.

Задачу изображения этого исторического процесса взял на себя и в значительной мере выполнил Энгельс. Его заслуги в решении данного вопроса хорошо показал советский экономист А. Коган [1].

---

[1] «Ф. Энгельс обратил внимание на то, что, проводя исследование капитала логическим методом, К. Маркс специально не рассматривал роль стоимости как категории, непосредственно определяющей пропорции обмена товаров. Эта абстракция — одно из проявлений относительной самостоятельности логического по отношению к историческому. Такая самостоятельность, как показал Ф. Энгельс, порождает ошибочное представление об их полной независимости. А это ошибочное представление вульгарные буржуазные экономисты, например Лориа, использовали для нападок на экономическую теорию Маркса.

Защищая теорию Маркса от нападок вульгарных буржуазных экономистов, а также раскрывая несостоятельность трактовки стоимости как теоретически необходимой фикции (К. Шмидт), Ф. Энгельс в дополнении к III тому «Капитала» — «Закон стоимости и норма прибыли» — проанализировал категорию стоимости в историческом аспекте. Ф. Энгельс, так же как и К. Маркс, исходил из диалектического единства исторического и логического, но в отличие от анализа, проведенного Марксом в «Капитале», он сделал упор на исторический метод. Работа Ф. Энгельса «Закон стоимости и норма прибыли» является образцом развития экономической теории Маркса с помощью исторического метода» (*Коган А.* Ф. Энгельс и «Капитал»: вопросы методологии и метод изложения. — Научные доклады высшей школы. Экономические науки, 1970, № 11, с. 21).

* * *

Взяться за разработку этого вопроса Энгельса побудило то обстоятельство, что вслед за появлением II тома «Капитала» с его предисловием, в котором он бросил «вызов» Родбертусу и его школе, приглашая объяснить среднюю прибыль на основе закона стоимости, появилось довольно много работ, написанных, как выразился Бем-Баверк, словно бы «на соискание премии за разрешение загадки о «средней норме прибыли» и ее отношении к закону стоимости» [1]. С 1884 по 1895 г., т. е. с момента выхода II тома и до появления III тома «Капитала», а затем статьи Энгельса, в европейской и американской печати появилось свыше 30 статей и даже несколько книг на эту тему [2].

Среди этих работ выделялись, безусловно, три отмеченные Энгельсом попытки ответа на вопрос, которые были сделаны Лексисом, Фиреманом и Шмидтом, а также статья В. В. (Воронцова) «Что такое ценность», по-видимому, неизвестная Энгельсу. Эти экономисты стремились найти решение проблемы в пределах трудовой теории стоимости, однако, будучи не в силах согласовать свое решение с Марксовой теорией, они были вынуждены «исправлять» исходные принципы, на которых построена вся система «Капитала». В сочетании с целым рядом более общих ошибок, связанных с непониманием метода «Капитала», это вело к ревизии всего экономического учения марксизма.

И Лексис, и Воронцов, и Фиреман трактовали закон стоимости Маркса как закон вечный и естественный, присущий всем общественно-экономическим формациям, т. е. в духе классической буржуазной политэкономии. В их трактовке, правда, имелись некоторые различия, которые обусловливали своеобразие в понимании каждым из них Марксовой теории.

Лексис, считая законы осуществляющегося посредством конкуренции распределения прибавочной стоимости столь же вечными и неизменными, как и закон стоимости, делал вывод о том, что «естественные, нормальные, средние цены товаров,

---

[1] *Böhm-Bawerk E.* Kleinere Abhandlungen über Kapital und Zins. Leipzig, 1926, S. 324.

[2] Список литературы, вышедшей в этот период и посвященной обсуждению проблемы средней нормы прибыли на основе трудовой теории стоимости, приводится в конце весьма интересной статьи Е. Кагановича «К истории полемики вокруг III тома «Капитала» Маркса» (На боевом посту. М., 1930, с. 267—269).

в которых выражаются нормальные меновые стоимости, не соответствуют заключенному в отдельных товарах застывшему общественно необходимому рабочему времени... Разрешение этого противоречия невозможно, если рассматривать различные виды товаров в отдельности и если их стоимость должна быть пропорциональна их цене» [1]. Лексис полагал, что закон стоимости Маркса сохраняет значимость лишь с точки зрения всего общественного продукта в целом, но не в отношении отдельных составляющих этот продукт товаров. Стоимость отдельного товара Лексис на этом основании объявляет «идеальной» и пишет, что «эти идеальные стоимости не получают пропорционального выражения в реальных ценах, однако с успехом могут рассматриваться как исходный пункт движения, приводящего к действительным ценам... Если Маркс на самом деле пытался в III томе своего сочинения сохранить значение своей теории стоимости вне очерченных нами рамок, то можно сразу же с уверенностью заявить, что он находится на ложном пути» [2].

Выступивший вслед за Лексисом К. Шмидт сосредоточил внимание на попытке такого объяснения средней прибыли, которое в то же время не опровергало бы значения закона стоимости в отношении отдельных товаров. Однако его решение приводило к такому «расширению» понятия общественно необходимого труда, которое сводило на нет отличия марксистской политэкономии от политэкономии вульгарной [3]. Тем не менее в концепции Шмидта были и рациональные моменты, развитые впоследствии Фireманом.

Предпринятая несколько раньше, в 1887 г., попытка решения проблемы (по-видимому, неизвестная европейской научной общественности) принадлежала русскому народнику Воронцову. Он рассматривает стоимость («ценность» в его терминологии) как отношение, лежащее в основе буржуазного общества. Однако это отношение он представляет, по существу, как отношение человека к природе: «Ценность — это сумма затрат производительных сил, требующаяся для доставления человеку данного предмета, или нечто, находящееся в прямом количест-

---

[1] *Lexis W.* Die Marx'sche Kapitaltheorie. — Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, neue Folge, 1885, Bd. XI, S. 461, 462.

[2] *Lexis W.* Op. cit., S. 464, 465.

[3] Анализ положительных и негативных моментов концепции, выдвинутой Шмидтом в 1889 г. в книге «Средняя норма прибыли на основе закона стоимости Маркса», дан Энгельсом в предисловии к III тому «Капитала». С правильностью этого анализа согласился и сам Шмидт.

венном соответствии с этой затратой»[1]. Этот вечный закон производства присущ любой форме общества, однако его действие модифицируется законами распределения, которые не зависят от законов производства и являются в конечном счете фактором, обусловливающим специфическую форму организации общества, «особенные формы товарно-капиталистического уклада». Поэтому трудовой теории стоимости отнюдь не противоречит феномен средней прибыли: дело лишь в том, что «в новейшем типическом обществе распределение продуктов основано не на принципе труда или потребностей, а на начале частной собственности»[2].

Фиреман в своей статье «Критика теории стоимости Маркса» основывался в значительной мере на том, что уже было сделано Лексисом и Шмидтом, однако он пошел дальше них. Это подметил Энгельс, давший в предисловии к III тому «Капитала» довольно высокую оценку его вкладу в решение проблемы, назвав статью Фиремана «значительной»[3]. В письме Шмидту он отмечает, что Фиреман решил поставленную проблему «на две трети»[4]. Именно потому, что Фиреман во многом превзошел своих предшественников, его подход был в основном лишен элементов, свойственных вульгарной политэкономии. Различие между его концепцией и решением, данным в «Капитале», высветило, по существу, неспособность рикардианства подняться до уровня марксизма в освещении этой ключевой проблемы политической экономии капитализма.

По мысли Фиремана, теория стоимости Маркса должна послужить решению двух задач: во-первых, установить принцип, лежащий в основе товарообмена; во-вторых, объяснить распределение денежных доходов между различными классами. Тем самым и может быть раскрыт механизм функционирования современного буржуазного общества. Однако позволяет ли то определение товара, которое дано Марксом в первой главе I тома «Капитала», решить эти вопросы? Фиреман дает отрицательный ответ: «На первых страницах «Капитала» мы читаем, что товар есть такая вещь, которая в силу своих свойств

---

[1] *[Воронцов] В. В.* Что такое ценность. — Северный вестник, С.-Петербург, 1887, № 4, с. 15.

[2] Там же, с. 36.

[3] К. Шмидт ознакомился с предисловием еще до выхода III тома. В письме, адресованном Энгельсу, он выразил свое несогласие со столь высокой оценкой заслуг Фиремана, считая, что последний не продвинулся в постановке и решении вопроса дальше, чем он сам (см. настоящий сб., с. 486—487). Однако Энгельс совершенно справедливо увидел, что Фиреману удалось гораздо большее, нежели его предшественникам.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 354.

может удовлетворять различные человеческие потребности и в то же время является носителем меновой стоимости... Но подобное определение столь же подходит к капиталистически произведенному товару, сколь и к товару некапиталистическому. Совершенно непонятно, почему благодаря анализу охарактеризованного таким образом товара мы получим именно объяснение сущности капиталистического производства, а не иной формы товарного производства, например, общества простых товаропроизводителей. Напротив, данное определение применимо, скорее, при исследовании общества простых товаропроизводителей, ибо в нем отношения проще и отсутствует распределение денежной выручки от товаров» [1].

Фиреман приходит к утверждению, что «надежда Маркса путем анализа товаров *непосредственно* объяснить правило, управляющее товарообменом в обществе капиталистического товарного производства, недостаточно обоснована» [2]. По его мнению, противоречие между законом стоимости и средней прибылью неустранимо, если уже в исходном пункте, при характеристике товара, не раскрыть все основные признаки, отличающие товар буржуазного общества, и не внести целый ряд поправок к сформулированному в начале I тома «Капитала» закону стоимости. Каковы же должны быть эти поправки? Они касаются, главным образом, не стоимости самой по себе, а меновой стоимости.

Фиреман отмечает, что меновая стоимость (цена) товара буржуазного общества включает в себя прибыль и ренту, величина которых влияет на величину цены. Поэтому их следовало бы с самого начала учитывать Марксу, если бы он исследовал капиталистический товар. С другой стороны, помимо того, что товары являются продуктами труда, им присуще и то общее, что они суть материальные вещи. Основу материальной предметности товаров, по Фиреману, образуют издержки их производства. Следовательно, при рассмотрении меновой стоимости необходимо было также привлечь к исследованию категорию издержек производства.

Далее Фиреман непосредственно сопоставляет определение стоимости, данное Марксом, с теми категориями, которые привлекаются при исследовании конкуренции и порождаемых ею отношений. Подобно Рикардо, соотнеся их друг с другом, Фиреман сознает, что логическим выводом отсюда будет отказ от

---

[1] *Fireman P.* Kritik der Marx'schen Werttheorie. — Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, dritte Folge, 1892, Bd. III, S. 794.

[2] *Fireman P.* Op. cit. (курсив наш. — *Р. Х., А. Ч.*).

трудовой теории стоимости. Поэтому он вынужден объявить, что это противоречие является внешним противоречием между вечными законами производства и законами распределения (или, как он их называет, «условно-историческими специфическими законами производства и распределения»), присущими только капитализму. Законы распределения маскируют подлинную природу законов производства, вследствие чего все основные понятия в науке о буржуазном способе производства приобретают некую двойственность. Прибавочная стоимость в виде прибыли есть условно-историческая категория, в которой существование прибыли связывается всецело с авансированным капиталом. Поэтому она и регулируется величиной этого авансированного капитала, а не величиной произведенной этим капиталом прибавочной стоимости.

Таким образом, Фиреман верно понимает, что разрешение проблемы, возникающей только в развитом буржуазном обществе, должно быть дано в рамках теории, отражающей специфику именно этого общества. Однако он не понимает, что абстракция товара (и стоимости) у Маркса и есть наиболее абстрактная характеристика *капиталистического* способа производства. Пытаясь дать науку раньше науки, он непосредственно подводит под закон стоимости, сформулированный в самом начале системы «Капитала», все богатство действительных отношений буржуазной экономики, и в результате оказывается вынужденным придать закону стоимости внеисторический характер. Следовательно, несмотря на общее понимание регулирующей роли закона стоимости в общественном производстве, в общеметодологическом плане Фиреман не продвинулся дальше Смита и Торренса.

Таковы были наиболее значительные попытки объяснения «загадки» средней прибыли исходя из закона стоимости Маркса, предпринятые до выхода в свет III тома «Капитала». Непонимание специфически исторического характера закона стоимости и всей построенной на этом основании системы категорий «Капитала» закрывало всем вышеупомянутым авторам путь к решению задачи. Попытки же непосредственно, без анализа «промежуточных звеньев» сопоставить закон стоимости и фактические цены, по которым реализуются товары на капиталистическом рынке, приводили их к выводу, что трудовая теория стоимости является всего лишь рабочей гипотезой, обеспечивающей наиболее логичное, но не единственно правильное объяснение экономических явлений буржуазного общества, а закон стоимости — фикцией, хотя и необходимой в рамках теории.

* * *

Опубликование III тома, подготовка которого потребовала от Энгельса десятилетнего упорного труда, во многом само по себе способствовало опровержению ошибочных взглядов на закон стоимости и среднюю прибыль у Маркса. Однако появление статей Зомбарта и Шмидта, в которых стоимость получала трактовку «мысленного, логического факта», «научной гипотезы», вынудило Энгельса вернуться к данной проблеме. В выступлениях Зомбарта и Шмидта он увидел нечто большее, нежели неточную и расплывчатую формулировку основного понятия экономического учения марксизма. Высказывания Зомбарта, который тогда выступал как сочувствующий марксизму университетский профессор, и одного из наиболее одаренных среди немецкой социал-демократии экономистов Шмидта свидетельствовали о кантианской трактовке марксизма в вопросах методологии. Поэтому Энгельс счел необходимым высказаться по данной теме со всей определенностью и показать, что «здесь речь идет не только о чисто логическом процессе», который протекает сугубо в мышлении, но что этот мыслительный процесс только отражает реально происходящие вещи, т. е. что предмет этого процесса мышления задан не им самим, а действительным историческим развитием. При этом Энгельс сосредоточил свое внимание, естественно, не на доказательстве того, что реальность закона стоимости обнаруживается в необходимом характере связи, существующей между стоимостью и ценой производства в зрелом буржуазном обществе (ибо этот аспект потребовал бы изложить заново все три теоретических тома «Капитала»), а на историческом очерке становления и развития условий действия закона стоимости в добуржуазных формациях. Обращение Энгельса к этой стороне дела было вполне оправдано, ибо, во-первых, как мы уже установили выше, в тексте десятой главы III тома «Капитала» закон стоимости выступал (с известными оговорками) как непосредственный регулятор обмена, а во-вторых, исторический аспект проблемы у Маркса был лишь намечен [1], и его разработка представлялась поэтому в научном плане тем более необходимой.

Как же подходит к проблеме Энгельс?

Развивая сказанное по этому поводу Марксом, Энгельс видит основную причину того, что в добуржуазных формациях рабочее время было единственным мерилом «для количественного определения подлежащих обмену величин», в том, что

---

[1] Об этом пишет и сам Энгельс в своей статье (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 471).

при общинном строе, да и впоследствии, когда община разлагается, но сохраняется в целом натуральный характер производства, труд есть единственное, что затрачивается при изготовлении товаров. Это не значит, что Энгельс (подобно Смиту, например) упускает из виду средства производства — дело лишь в том, что при натуральном производстве, покоящемся на неразвитости общественного разделения труда, сами эти средства производства не входят (или почти не входят) в процесс производства извне как товары, а производятся непосредственно внутри данного замкнутого, самодовлеющего хозяйственного организма. Таким образом, труд, затраченный на их изготовление, прямо присоединяется к труду, затраченному на изготовление конечного продукта. Классический пример такого типа хозяйства дает крестьянское сельскохозяйственное производство. Поэтому Энгельс и пишет, что «для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись... по количеству воплощенного в них труда» [1]. Здесь Энгельс, так же как и Маркс в десятой главе, подчеркивает то обстоятельство, что закон стоимости выступает как *непосредственное* основание обмена лишь в период господства натурального производства. Что же происходит с развитием разделения труда, когда обмен превращается в регулярное явление и трансформируется в товарное обращение? «С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (nota bene — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой — она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы» [2]. Это означает, с одной стороны, что появление денег есть свидетельство довольно высокой степени зрелости внутренних противоречий товара, а следовательно, и стоимости, как таковой, приближения стоимости к тому уровню развития, который зафиксирован в «Капитале». С другой стороны, появление денег ведет к усложнению действия закона стоимости. Это усложнение — двоякого характера. Во-первых, благодаря функционированию денег «определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилом стоимости стали деньги», вследствие чего «значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерила стоимости» [3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 472.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 474.

Во-вторых, развитие товара и денег неизбежно вызывает к жизни капитал (пусть пока и в допотопной форме, в форме ростовщического капитала или купеческого капитала, вырастающего из недр общины и неразрывно с ней связанного[1]). Появление капитала, даже как уклада в рамках господствующего способа производства, связано и с появлением особой формы дохода: «здесь мы впервые сталкиваемся с прибылью и нормой прибыли»[2]. Эта норма прибыли была равной для всех купцов — участников торгового товарищества. Однако и здесь эта равная норма прибыли выражала качественно иной тип общественных отношений: «равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма»[3]. Причем это равенство нормы прибыли устанавливается лишь внутри купеческого товарищества, в то время как относительная неразвитость мирового рынка проявляется прежде всего в неравенстве этих «особых норм прибыли» для каждой страны в целом и для каждого отдельного рынка. Тем самым Энгельс подчеркивает противоречивость этого явления в добуржуазном мире, его двойственность: равная норма прибыли есть, и в то же время ее нет.

Модификация закона стоимости, связанная с развитием первых форм капитала в добуржуазную эпоху, выражалась еще и в том, что, не подчинив себе производство, купеческий капитал мог получать свою прибыль лишь на мировом, а не на внутреннем рынке: «во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по их стоимостям, а во внешней торговле... общим правилом является продажа не по стоимостям»[4]. Энгельс указывает, что это — полная противоположность тому положению, которое существует в развитом буржуазном обществе. Силой, которая произвела такой постепенный переворот в ценообразовании, был промышленный капитал. Энгельс прослеживает развитие промышленного капитала, начиная со средних веков, и выделяет те сферы производства, где промышленный капитал сформировался раньше всего. Объясняя возникновение промышлен-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 475—477.
[2] Там же, с. 477.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 479.

ного капитала как уклада в судоходстве, горной и текстильной промышленности потребностями развития производительных сил, он в то же время отмечает своеобразие этого процесса в этих трех отраслях: возникая на неадекватном техническом базисе, новые по характеру отношения маскировались «артельными формами с участием в прибылях», «монопольно-корпоративными»[1] пережитками цехового производства, нередко внешне мало отличались от рабства. Особенно это относится к судоходству и горному делу, где чисто капиталистическая монополия на основные средства производства со стороны промышленного капиталиста, реализующаяся через куплю-продажу рабочей силы, ставила наемных рабочих в условиях рабовладения или феодализма в такое положение, которое было сходно с положением основных эксплуатируемых классов рабовладельческого и феодального общества.

Несколько иначе обстояло дело в текстильной промышленности, где процесс становления промышленного капитала протекал в форме, наиболее свободной от влияния внеэкономического принуждения, как процесс постепенного подчинения мелких производителей купеческому капиталу и превращения купца в промышленника. Поэтому Энгельс подробно рассматривает изменения в характере действия и степени зрелости закона стоимости, происходящие с возникновением и распространением промышленного капитала, именно на примере текстильной промышленности.

Что же здесь происходило? Проникновение купеческого капитала в производственный процесс (при заранее данной норме прибыли) могло происходить лишь при условии увеличения массы товарного продукта и сохранения его стоимости, что позволяло капиталисту присваивать прибавочную стоимость сверх обычной торговой прибыли. Такое повышение производительности труда осуществлялось благодаря тому, что капиталист обеспечивал ткачу *регулярную* работу. Сокращение непроизводительных затрат рабочего времени, действующее как расширение границ рабочего дня, и достигающееся таким путем производство абсолютной прибавочной стоимости — вот базис, на котором осуществляется постепенное превращение купца в промышленника. Развивающаяся конкуренция между промышленным и торговым капиталом, в ходе которой вновь восстанавливается равенство (хотя и на ином уровне) нормы прибыли, приводит к тому, что все большее число купцов превращается постепенно в раздатчиков.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 480

Возникнув на этой основе, промышленный капитал в своем развитии революционизирует унаследованный способ производства. Мануфактура, а затем крупная промышленность — таковы основные этапы на этом пути, выступающие также и как стадии процесса превращения стоимостей в цены производства. Только крупная фабричная промышленность делает товарное производство всеобщим, а закон стоимости — господствующим в системе экономических отношений общества. Торговая норма прибыли как историческая форма, которая «первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала из функции торгового капитала задолго до того, как вообще начали капиталистически производить» [1], окончательно утрачивает свою доминирующую роль. Ее место занимает промышленная норма прибыли.

Так завершается цепь рассуждений Энгельса в статье «Закон стоимости и норма прибыли». К каким же выводам можно прийти, проанализировав логику и содержание данной статьи и сопоставив их с подходом к проблеме, реализованным в «Капитале»?

* * *

Прежде всего, краткий очерк исторического развития закона стоимости, созданный Энгельсом как дополнение к III тому «Капитала», содержит такой подход к проблеме трансформации стоимости в цену производства, который ни в коей мере не противоречит взглядам самого Маркса. Энгельс в своей статье исходит из того, что общая норма прибыли (а значит, и цена производства), если употребить выражение Маркса, «есть результат и не может быть исходным пунктом» [2]. Но как результат она выступает двояким образом: в процессе восхождения от абстрактного (стоимость) к конкретному (общая норма прибыли) в системе категорий, отображающей структуру производственных отношений зрелого буржуазного общества, а также в действительном историческом процессе возникновения и развития капитала в недрах добуржуазных способов производства. Первый момент зафиксирован в «Капитале», второй — отчасти в десятой главе III тома «Капитала» и в статье Энгельса. Между двумя этими моментами существует единство.

Они тождественны, поскольку и при восхождении от абстрактного к конкретному (в рамках теоретического метода), и при движении от конкретного к конкретному (в рамках исторического метода воспроизведения предмета) речь идет о процессе, происходящем с одним и тем же определенным предме-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 483.
[2] Там же, ч. I, с. 191.

том — капиталом. Они различны, так как в одном случае исследуется ставший, на собственной основе развивающийся предмет, в другом случае — процесс становления этого предмета. Историческое изложение носит подчиненный характер, ибо правильно понять историю развития товара и стоимости и превращения обмена по стоимости в обмен по ценам производства можно только в том случае, когда уже известно, *что такое* стоимость и цена производства в развитом состоянии, т. е. когда даны их определения и раскрыто их отношение в рамках капиталистического способа производства. Последнее достижимо лишь в теоретической системе, поскольку проникновение в сущность цены производства — стоимость — требует отвлечения, абстрагирования стоимости из совокупности взаимосвязей и отношений, сведения конкретного к абстрактному.

В то же время историческое изложение данного вопроса возможно, так как цена производства (и общая норма прибыли), в отличие от стоимости, есть вполне конкретное, эмпирически данное, «осязаемое» отношение, которое может быть показано методом перехода от предшествовавшего конкретного к данному конкретному, т. е. историческим методом.

Исторический очерк вопроса был необходим, поскольку только так можно было наглядно и убедительно продемонстрировать, что теория, развитая в «Капитале», есть отражение, слепок действительных экономических отношений, и показать подлинную, а не мнимую преемственность в историческом развитии общества.

При этом и у Маркса, и у Энгельса, как мы стремились показать, теоретический и исторический метод решения проблемы выступают не только как единство различий, но и как различенное единство. Не может быть и речи о том, что Энгельс отождествлял «логическую» последовательность категорий в «Капитале» с действительным историческим процессом развития стоимостных отношений, начиная с древнейших времен. Представление о такой «историзированной» Энгельсом концепции «Капитала» совершенно несостоятельно. Оно, как ни странно на первый взгляд, связано с тем, что именно критики Энгельса скатываются в вульгарную метафизику, когда не могут понять, что весь ход его рассуждений отражает неразвитость стоимости в добуржуазную эпоху и что все данные в «Капитале» определения могут быть применимы к этой эпохе лишь с известными оговорками. Атака, которую ведут на Энгельса нынешние критики, только подчеркивает значимость его вклада в развитие и пропаганду идей «Капитала» и выдающиеся заслуги как теоретика марксизма.

А. Э. Штекли

ЭНГЕЛЬС О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Столетие, минувшее со времени выхода в свет первого издания «Анти-Дюринга», со всей несомненностью доказало, что книга Энгельса принадлежит к тем произведениям человеческого гения, в которых каждое новое поколение находит отклик своим запросам и чаяниям. «Анти-Дюринг», одно из главных произведений марксистской философии, продолжает оставаться духовным оружием коммунистического движения и в условиях современной идеологической борьбы[1].

Повсеместно усиливающийся интерес к истории социалистических идей и расширение их изучения советскими и зарубежными исследователями, как и практические задачи, связанные с преподаванием основ научного коммунизма, все настоятельнее требуют постановки и разрешения теоретических вопросов, которые не получили еще достаточного освещения или порождают споры. Среди них и вопросы о том, с чего начинать историю социалистических учений, что̀ включать в понятие «утопический социализм» и в ком видеть его основателей[2].

Не приходится подчеркивать, что высказанные Марксом, Энгельсом и Лениным общие теоретические положения, касающиеся утопического социализма, относятся, как правило, к его развитию в XIX в. Оценки же различных «проблесков коммунизма», наблюдавшихся в более ранние эпохи, встречаются не так уж часто и отличаются краткостью. А это требует особенно пристального к ним внимания. Их изучение позволяет выявить некоторые критерии, важные в методологическом отношении.

---

[1] См.: «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М., 1978.

[2] См.: *Володин А. И.* Утопия и история. М., 1976; *Штекли А. Э.* «Утопия» Томаса Мора и социалистическая мысль. — Коммунист, 1978, № 18; *Белов П. Т.* О периодизации истории социалистических учений. — Научный коммунизм, 1973, № 4.

В этой связи частный, казалось бы, вопрос о том, как подходил Энгельс к наиболее известным утопиям XVI—XVII вв. — «Утопии» Томаса Мора и «Городу Солнца» Томмазо Кампанеллы,— неожиданно приобретает весьма существенное значение. От того, как он решается, зависит многое: и подход к «родоначальникам утопического социализма нового времени» [1], и оценка их утопий в соотношении с чаяниями предпролетариата, и — что представляется нам особенно важным — глубокое понимание взглядов Энгельса на развитие общественной мысли в эпохи, предшествовавшие появлению великих утопистов начала XIX в. — Сен-Симона, Фурье и Оуэна.

При рассмотрении этой проблемы особую весомость имеет известный отрывок из «Анти-Дюринга», где Энгельс говорит о роли буржуазии в борьбе с феодальным дворянством и о самостоятельных движениях «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата» [2]. Этот отрывок с небольшими добавлениями [3] целиком вошел в «Развитие социализма от утопии к науке» [4]. Мы приводим его по русскому переводу, сделанному с немецкого издания «Анти-Дюринга» 1894 г.: «И хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение Томаса Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии, левеллеров — во время великой английской революции, Бабёфа — во время великой французской революции. Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)» [5].

---

[1] *Белов П. Т.* Указ. соч., с. 95—96.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17—18.

[3] Ср. там же, с. 664—665.

[4] См. там же, т. 19, с. 191.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17—18. Текст подлинника, приводимый для сравнения, даем по *Marx K., Engels F.* Werke, Bd. 20, S. 17—18, где текст тоже воспроизведен по немецкому изданию 1894 г.: «Und wenn auch im ganzen und großen das Bürgertum beanspruchen

К словам «утопические изображения идеального общественного строя» дано следующее примечание: «Энгельс имеет в виду, прежде всего, произведения представителей утопического коммунизма — Т. Мора («Утопия», издано в 1516 г.) и Т. Кампанеллы («Город Солнца», издано в 1623 г.)»[1].

Казалось бы, все ясно. Стоит только подумать об утопиях XVI и XVII столетий, как мгновенно приходят на ум самые знаменитые из них — Мора и Кампанеллы. Это представление, зафиксированное в авторитетном комментарии, получило широкое распространение и было безоговорочно принято советскими исследователями, специально занимающимися Мором и Кампанеллой.

«Теоретическим выражением интересов и чаяний... предпролетариата,— писал И. Н. Осиновский,— были коммунистические утопии Мора и Кампанеллы... Как подчеркивал Ф. Энгельс, имея в виду произведения представителей утопического коммунизма, в частности Мора и Кампанеллы, теории XVI и XVII столетий, дававшие «утопические изображения идеального общественного строя», сопровождали «революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса» — предпролетариата»[2].

Автор настоящей статьи тоже отдал дань подобному представлению, когда писал о необходимости исследовать теоретические выступления, сопровождавшие борьбу предпролетариата, и именно под этим углом зрения — утопии Мора и Кампанеллы[3].

Однако такое понимание фразы Энгельса, подкрепленное примечанием комментаторов, несмотря на его естественность,

---

durfte, im Kampf mit dem Adel gleichzeitig die Interessen der verschiednen arbeitenden Klassen jener Zeit mitzuvertreten, so brachen doch bei jeder großen bürgerlichen Bewegung selbständige Regungen der jenigen Klasse hervor, die die mehr oder weniger entwickelte Vorgängerin des modernen Proletariats war. So in der deutschen Reformations- und Bauernkriegszeit die Thomas Münzersche Richtung; in der großen englischen Revolution die Levellers; in der großen französischen Revolution Babeuf. Neben diesen revolutionären Schilderhebungen einer noch unfertigen Klasse gingen entsprechende theoretische Manifestationen her; im 16. und 17. Jahrhundert utopische Schilderungen idealer Gesellschaftszustände; im 18. schon direkt kommunistische Theorien (Morelly und Mably)». Говоря о левеллерах, Энгельс имеет в виду «истинных левеллеров» — диггеров.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 685.

[2] *Осиновский И. Н.* Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978, с. 5, 195; *его же.* Томас Мор и его «Утопия». — В кн.: Томас Мор. Утопия. М., 1978, с. 80.

[3] См.: *Штекли А. Э.* «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978, с. 9—10, 346—348, 352.

может вызвать определенные трудности. Говоря о самостоятельных движениях «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата», Энгельс тут же поясняет: «Таково было движение Томаса Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии, левеллеров — во время великой английской революции, Бабёфа — во время великой французской революции». Англия, как видим, представлена здесь событиями середины XVII в., которые произошли лет 130 спустя после того, как «Утопия» вышла в свет.

Но, быть может, слова «таково было движение...» не понимать буквально и попытаться найти на английской земле в годы, предшествующие созданию «Утопии» (1516), соответствующие вооруженные выступления? Это противоречило бы мысли Энгельса: ведь он недаром подчеркнул, что занимающие нас движения вспыхивали «при каждом крупном буржуазном движении», и сразу же назвал Реформацию и Крестьянскую войну в Германии, английскую и великую французскую революции. Речь идет, повторяем, о совершенно конкретных исторических событиях — крупных буржуазных движениях. В Англии накануне 1516 г. ничего подобного не происходило.

Обратим внимание на то, что после перечисления движений Томаса Мюнцера, левеллеров, Бабёфа Энгельс сразу же продолжает: «Эти революционные вооруженные выступления...». Подчеркнем «*эти*»: не «подобные» или «похожие», а именно «эти», поскольку именно они вспыхивали «при каждом крупном буржуазном движении».

«*Эти* революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса *сопровождались* (курсив наш. — *А. Ш.*) соответствующими теоретическими выступлениями: таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя...». Как бы мы ни понимали слово «сопровождались» — «происходили одновременно», «влекли за собой», «имели своим непосредственным продолжением или следствием» — во всех случаях издание «Утопии» *предшествовало* движению Мюнцера (1524—1525), не говоря уже, конечно, о левеллерах или Бабёфе.

Нас может также озадачить связь между перечисленными революционными вооруженными выступлениями и соответствующими теоретическими выступлениями — в том числе и Т. Мора. Вправе ли мы утверждать, что его «Утопия» соответствовала грядущему движению Мюнцера или вообще каким бы то ни было революционным вооруженным выступлениям? Их-то ведь Мор боялся пуще огня.

Но не будем придавать решающее значение хронологическому и географическому несоответствию между появлением «Утопии» и движением Мюнцера, поскольку текст подлинника допускает и несколько иное понимание.

В советских изданиях этот отрывок передавался по-разному, и нет нужды настаивать, что revolutionäre Schilderhebungen (Schilderhebung — буквально: «поднятие на щит», «поднятие щита») обязательно надо понимать как «революционные вооруженные выступления» или даже как «революционные вооруженные восстания». В случае, когда невозможно найти русское выражение, абсолютно адекватное словам подлинника, необходимо дать перевод сообразно с реальным содержанием текста в целом. Поэтому вариант «революционные выступления» (так было в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса) имеет, на наш взгляд, преимущество перед более поздними вариантами[1].

Мы воздержались бы видеть даже в «поднятиях щитов», не говоря уже о «поднятиях на щит», именно «вооруженные выступления», поскольку речь идет не только о Томасе Мюнцере и его сподвижниках. У Бабёфа, к примеру, это скорее проявление боевого духа, призыв к борьбе, выражение готовности сражаться. Не случайно В. Засулич, готовя русское издание «Развития социализма от утопии к науке», предпочла «революционные попытки»[2]. Это диктовалось, возможно, нежеланием ставить на одну доску вооруженную борьбу мюнцерцев с неудавшимся заговором Бабёфа.

При переводе этого отрывка мы либо оставили бы просто «революционные выступления», либо выбрали, по примеру Засулич, выражение, которое в одинаковой степени подходило бы и к «Мюнцерову направлению», и к левеллерам, и к Бабёфу. Мы восстановили бы «революционные попытки» или заменили их словами «революционные порывы».

Согласно наиболее авторитетному переводу, «революционные вооруженные выступления», в их числе — Бабёфа во время Великой французской революции, сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; в XVIII в. — «уже прямо коммунистическими теориями» Морелли и Мабли. Выступление Бабёфа *сопровождалось* теоретическими высту-

---

[1] Подробнее см.: *Штекли А. Э.* О переводе и комментировании одного отрывка из «Анти-Дюринга». — В кн.: Научные сообщения и документы по марксоведению. М., 1981.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма. Перевод с немецкого В. Засулич. Женева, 1884, с. 4.

плениями Морелли и Мабли? Роль идей Морелли в мировоззрении Бабёфа достаточно известна[1]. Но глагол «сопровождались» приводит к определенному хронологическому смещению. В действительности же публикации теорий Морелли и Мабли лет на сорок *предшествовали* выступлению Бабёфа.

Поэтому при переводе лучше держаться ближе к тексту: «Наряду с этими революционными порывами еще не созревшего класса происходили соответствующие теоретические выступления»[2].

Такая редакция даст возможность не испытывать замешательства при мысли, что движение Бабёфа конца XVIII в. *сопровождалось* теоретическими выступлениями Морелли и Мабли, которые на самом деле имели место в середине этого столетия.

Пример с их теориями и Бабёфом показывает, что просто «хронологический подход» при решении вопроса, следует ли видеть именно в «Утопии» и «Городе Солнца» те «утопические изображения идеального общественного строя», о которых упомянул Энгельс, явно недостаточен. Искать надо другие критерии. Определяющим здесь могли бы стать слова Энгельса о «*соответствующих* (курсив наш. — *А. Ш.*) теоретических выступлениях».

Как это понимать? В более широком плане? Исходя из мысли, что утопические изображения идеального общественного строя, возникшие в XVI—XVII вв.,— не вообще все, а какие-то вполне определенные,— соответствовали «самостоятельным движениям того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»?

При объяснении этого отрывка из «Анти-Дюринга» следует ли прямо указывать на утопии Мора и Кампанеллы, принимая за само собой разумеющееся, что оба эти мыслителя были выразителями чаяний и стремлений предпролетариата? Так ли уж бесспорно и обратное, когда ссылкой на эту фразу Энгельса или даже, скорее, на комментарий к ней обосновывается мысль, будто «Утопия» и «Город Солнца» были теоретическим выражением интересов предпролетариата?

---

[1] См.: *Волгин В. П.* Французский утопический коммунизм. М., 1979, с. 49, 65.

[2] «Neben diesen revolutionären Schilderhebungen einer noch unfertigen Klasse gingen entsprechende theoretische Manifestationen her...»

Вопрос о соответствии некоторых утопических изображений идеального общественного строя самостоятельным движениям предпролетариата решать следует только на конкретном историческом материале и при четком уяснении принципиальной позиции Энгельса. Может быть, теоретическими выступлениями, соответствующими самостоятельному движению предпролетариата, были, по Энгельсу, лишь те, которые выражали стремления предпролетарских элементов как реальной общественной группы?

Если основываться строго на тексте «Утопии», то мы вынуждены будем признать, что начертанный там идеал — это идеал прежде всего самого Мора и в определенной степени — его единомышленников — гуманистов.

Гуманисты, даже осознававшие себя как некую общность, никогда на деле не были реальной общественной группой, сплоченной единством классовых или сословных интересов. Отсюда и разноголосица в подходе к острым социальным вопросам современности, отсюда и различие их позиций в бурные годы Реформации. Гуманистов объединяли, как правило, не сословные или классовые интересы, а любовь к древней словесности и верность гуманистическим занятиям.

При всем нашем уважении к Мору не рискованно ли приписывать именно «Утопии» те заслуги, которые принадлежали Мюнцеру? Это его «политическая программа была близка к коммунизму» [1]. «Правда,— писал Энгельс,— у таборитов уже существовала своего рода хилиастическая общность имущества, однако лишь в качестве чисто военной меры. Только у Мюнцера эти проблески коммунистических идей *впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы* (курсив наш. — *А. Ш.*), *только у него впервые* они формулируются с известной определенностью, и, начиная с него, мы встречаем их снова в каждом великом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением...» [2].

Здесь нелишне вспомнить, что активные выступления Мюнцера начались лет семь спустя после публикации «Утопии», но только у него, у Мюнцера, проблески коммунистических идей *впервые,* повторим, становятся выражением стремлений реальной общественной группы.

Тогда в разбираемом отрывке не идет ли речь *прежде всего* об иных, чем «Утопия» и «Город Солнца», утопических

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 371.
[2] Там же, с. 364.

изображениях идеального общественного строя? А как же комментарий?

Пример с «вооруженными восстаниями» и возвращение к предыдущему варианту заставляют задуматься над историей самого комментария. Его нет в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, нет его в отдельных публикациях «Анти-Дюринга» и «Развития социализма от утопии к науке» 20 и начала 30-х гг. По нашим наблюдениям, разумеется, совершенно не претендующим на библиографическую полноту, примечание, связавшее упомянутые Энгельсом «утопические изображения идеального общественного строя» с «Утопией» и «Городом Солнца», появилось впервые в «Избранных произведениях» Маркса и Энгельса. Оно гласило: «Энгельс имеет здесь в виду «изображение идеального общественного строя» без частной собственности в произведениях представителей утопического социализма Томаса Мора (XVI век) и Кампанеллы (XVI—XVII века)»[1]. Издание выходило под редакцией В. В. Адоратского. Здесь в интересующем нас отрывке все еще оставались «революционные попытки», хотя в XV томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изданном тоже под редакцией В. В. Адоратского в декабре 1933 г., они были заменены на «революционные выступления».

В последующих русских изданиях «Анти-Дюринга» и «Развития социализма» примечание о Море и Кампанелле стало обычным и непременным. Однако в советских изданиях на иностранных языках оно, случалось, отсутствовало. Это примечание с небольшими изменениями вошло во второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Итак, появление этого комментария предшествовало самой решительной редакционной правке перевода, увидевшей свет в 1940 г. Он был составлен, когда не появилось еще ни «вооруженных выступлений», ни «вооруженных восстаний». Когда же перевод был изменен, а комментарий сохранился, не обратили внимания, что от этого еще заметней стал разрыв между текстом и примечанием: стремления автора «Утопии» трудно увязать с «соответствующим» вооруженным восстанием предпролетариата.

Итак, точка зрения, отраженная в примечании, была обнародована в 1933 г. Однако мы не рискнули бы утверждать, что комментарий основан на каком-то тогдашнем достижении

---

[1] *Маркс К.* Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1933, с. 108.

советских историков, специально изучавших утопии Мора и Кампанеллы[1]. Тем не менее комментарий стал оказывать определенное влияние не только на общие представления о развитии социалистических идей, но и на истолкование конкретных текстов «Утопии» и «Города Солнца». Комментарий, дав возможность причислять «Утопию» к теоретическим выступлениям, которыми сопровождались «революционные вооруженные выступления» предпролетариата или даже его «вооруженные восстания», содействовал преувеличению роли Мора в истории социалистических идей. Тем самым еще больше укоренялся спорный, восходящий к Каутскому тезис[2]. Согласно ему автор «Утопии» был основателем утопического социализма[3].

Но о каких все-таки утопических изображениях идеального общественного строя идет речь в разбираемом отрывке? О тех, которые соответствовали «революционным вооруженным выступлениям» предпролетариата, происходившим в XVI и XVII вв., во времена, добавим, великих буржуазных движений? Иными словами, о тех, которые соответствовали борьбе, возглавленной Томасом Мюнцером и вождями левеллеров?

Может быть, ответ на поставленный вопрос надо искать в Германии времен Реформации и Крестьянской войны и в Англии времен буржуазной революции? Известно, что обе эти эпохи дали немало различных утопических изображений идеального общественного строя. О некоторых из немецких проектов писал В. Циммерман в своей «Истории Крестьянской войны в Германии». Эту книгу высоко ценил Энгельс[4].

«Подобно тому как религиозная философия Мюнцера,— пишет Энгельс,— приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму, и даже накануне февральской революции многие современные коммунистические секты не обладали таким богатым теоретическим арсеналом, каким располагали «мюнцерцы» в XVI веке. Эта программа, которая представляла собой не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди

[1] Было бы резонно предположить, что этот комментарий, хотя бы в части, касающейся «Утопии», возник в результате публикации подготовительных работ Энгельса к «Анти-Дюрингу», но данными на сей счет мы пока не располагаем.

[2] См.: *Штекли А. Э.* К спорам о месте «Утопии» в истории социализма. — В кн.: Томас Мор (1478—1978). Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981.

[3] См.: *Каутский К.* Томас Мор и его утопия. М., 1924, с. 9—12, 285.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 412—413.

этих плебеев пролетарских элементов, требовала немедленного установления царства божьего на земле... Но под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство» [1].

На представлениях Мюнцера о будущем общественном строе лежала печать утопичности. «Не только тогдашнее движение, но и вся его эпоха,— отмечает Энгельс,— еще не созрели для проведения в жизнь тех идей, относительно которых у него самого возникало лишь смутное предчувствие. Представляемый им класс не только не достиг еще достаточного развития и не был еще способен подчинить себе все общество и преобразовать его, но едва лишь зарождался. Общественный переворот, рисовавшийся в его воображении, имел еще совсем мало оснований в наличных материальных условиях...» [2].

Между желаемым и возможным существовал разительный разрыв. «Мюнцер сам, по-видимому,— продолжает Энгельс,— чувствовал глубокую пропасть, отделявшую его теории от непосредственно окружавшей его действительности...» [3].

Надо ли под «утопическими изображениями» искать непременно утопии в узком смысле этого слова, т. е. представление о наилучшем государственном устройстве, облеченном в форму рассказа о вымышленном путешествии в неведомую страну? [4] Соответственно со словоупотреблением Энгельса, «утопическое» было синонимом «нереального», «фантастического» [5]. Утопический социализм обязан своим названием, заметим между прочим, не этому первоначальному значению «утопии», а производному от нее: «утопии» как «несбыточной мечте», «фантазии».

Из утопических изображений идеального общественного строя, созданных в Германии во времена Мюнцера [6], некоторые были Энгельсу, несомненно, знакомы. В этой связи мож-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 371.

[2] Там же, с. 423—424.

[3] Там же, с. 424.

[4] См.: *Штекли А. Э.* «Утопия» Томаса Мора и социалистическая мысль, с. 74.

[5] См., напр., *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 269, 276.

[6] Об этом см., напр., *Seibt F.* Utopica. Düsseldorf, 1972.

но было бы, к примеру, вспомнить о «Земском устройстве» Михаэля Гейсмайера, которое не без оснований причисляют к утопиям, или о проекте Бальтазара Хубмайера. Оба они, как известно, находились под сильным влиянием Мюнцера [1].

Сосредоточимся, однако, на главном. Мюнцер, эта самая величественная, по словам Энгельса, фигура Крестьянской войны [2], воодушевлял своих единомышленников мечтой о близком перевороте и будущих справедливых порядках. Но прежде всего он сам был творцом достаточно фантастической картины грядущего общественного устройства. На всем радикальном плебейском движении лежал фантастический отпечаток [3]. Стремление плебейских элементов «выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью...» [4].

Значит, под теоретическим выступлением, происходившим в XVI в. наряду с революционным движением — в данном случае мюнцерцев,— мы могли бы понимать *прежде всего* не «Утопию», а проповедь учения самого Мюнцера? Среди утопических картин идеального общественного строя, появившихся в XVI столетии и соответствовавших в известной мере самостоятельной революционной борьбе предпролетариата, первое место, конечно же, принадлежит утопическому изображению грядущего, созданному пылким воображением Мюнцера, или, если говорить словами Энгельса, его «фантастической картине тысячелетнего царства социально-республиканского равенства» [5].

Обращаясь под таким же углом зрения к XVII в. и к конкретным историческим событиям, названным Энгельсом, движению левеллеров во время великой английской революции, мы вспомнили бы не «Город Солнца», а именно те теоретические выступления, которые были непосредственно связаны с левеллерами и, первым делом,— утопию одного из их идейных вождей, Джерарда Уинстэнли, его «Закон свободы» (1652) [6]. Однако Уинстэнли в работах Маркса и Энгельса, насколько можно судить по наиболее полному собранию их сочинений, вообще не упоминается.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 375, 397, 429—432.
[2] См. там же, с. 356.
[3] См. там же.
[4] Там же, с. 363.
[5] Там же, с. 372.
[6] См.: *Сапрыкин Ю. М.* Социально-политические идеи диггеров. — ВМГУ, 1959, № 2; *Барг М. А.* Народные низы в английской революции XVII в. М., 1967; *Уинстенли Дж.* Избранные памфлеты. М. — Л., 1950, с. 177—359.

Все эти наблюдения не убеждают ли нас в необходимости документально обосновать мнение, гласящее, что под утопическими изображениями идеального общественного строя, созданными в XVI и XVII вв., Энгельс *прежде всего* имел в виду «Утопию» и «Город Солнца»? Что касается «Города Солнца», то трудно прийти к определенному выводу. В произведениях Маркса и Энгельса нам известно лишь единственное упоминание о Кампанелле, да и то, по всей вероятности, не как об авторе «Города Солнца» [1].

Одним словом, предположение, вполне допустимое в комментарии, может высказываться только как предположение. Когда же поясняется, что имели в виду или что имели в виду *прежде всего* Маркс и Энгельс, совершенно необходимы документальные обоснования. Утверждение относительно «Города Солнца» остается догадкой, хотя и очень правдоподобной [2]. А как же все-таки с «Утопией»?

Есть ли у нас твердые доказательства, что, работая над занимающей нас ныне страницей «Анти-Дюринга», Энгельс действительно имел в виду «Утопию»? Такие доказательства существуют.

В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» мы находим набросок, значение которого для нашей темы трудно переоценить. Отметив, что великие мыслители XVIII в. не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха, Энгельс писал: «Но наряду с противоположностью между знатью, монархией и бюргерством существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, бедными рабочими и богатыми тунеядцами — ведь именно это обстоятельство и давало возможность представителям буржуазии выступать в качестве представителей страждущего человечества — хотя уже и существовала, еще в неразвитой форме

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 111.

[2] Вопрос о том, в какой степени Маркс и Энгельс были знакомы с творчеством Кампанеллы, нуждается в специальном изучении. Обращает на себя внимание, что французский перевод «Города Солнца» (*Campanella.* La cité du soleil. Trad. du latin par Villegardelle. Paris, 1840) находился в библиотеке Маркса, оставленной в Кёльне. Маркс включил его в число тех книг, которые просил прежде всего переслать ему в Лондон. См. так называемый каталог Р. Даниельса в кн.: Ex libris Karl Marx und Friedrich Engels. Schicksal und Verzeichnis einer Bibliothek. Berlin, 1967, S. 221. См. также: MEGA [1], Abt. I, Bd. 5. M. — L., 1933, S. 550; *Багатурия Г. А.* «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология». — Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, 1965, № 12; *Далин В. М., Непомнящая Н. И.* Исторические книги в библиотеке Маркса. — В кн.: Маркс-историк. М., 1968.

и не выдвигаясь на передний план, противоположность между рабочими и капиталистами. И эта [противоположность] побуждала отдельные умы идти в их критике дальше, распространять требование равенства не только на равенство политических прав, но и социального положения, требовать упразднения классовых различий. У Сен-Симона оба направления выступали вперемежку, у французских аскетических коммунистов последнее [направление] было господствующим, в прямой связи с французским материализмом оно было развито Оуэном систематически в стране наиболее развитого капиталистического производства и порожденных вследствие этого противоположностей» [1].

Думая о «французских аскетических коммунистах», Оуэне и Англии, где развитие капитализма зашло уже так далеко, Энгельс мысленно возвращается к прошлому, к возникновению буржуазии, к первым проявлениям противоположности, порождаемой капиталистическим производством, к первым на нее реакциям. Он записывает тезис, который позже развернет: «Буржуазное развитие с самого своего начала обременено этой противоположностью. Т. Мюнцер, левеллеры, «Утопия» Т. Мора и т. д.» [2].

В этом перечислении нас не должна удивить хронологическая непоследовательность. Почему «Утопия» стоит не только после Мюнцера, но и после левеллеров, ведь по времени создания ей, казалось бы, надо быть на первом месте? В основу перечисления положен не хронологический или не только хронологический принцип. Как ясно из дальнейшей разработки этого тезиса, здесь имеется в виду не единый ряд, а два: один начинается с Мюнцера (в развернутом виде: Мюнцерово направление, левеллеры, Бабёф), другой — с «Утопии» (в развернутом виде: «в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории»). Мюнцер открывает ряд революционных порывов (revolutionäre Schilderhebungen), «Утопия» — ряд теоретических выступлений (theoretische Manifestationen).

Попытки найти прямую связь между «Утопией», к примеру, и вооруженными крестьянско-плебейскими выступле-

---

1 *Engels F.* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. M. — L., 1935, S. 396—397.

2 Ibid., S. 397. В издании «Анти-Дюринга» под редакцией Д. Рязанова (1928, с. 337) эта фраза передана не точно: «Это развитие с самого начала было отмечено этим противоречием. Т. Мюнцер, левеллеры, «Utopia», Томас Мор и т. д.».

ниями XVI—XVII вв., как и стремление видеть в «Утопии» или «Городе Солнца» выражение чаяний предпролетариата, можно всячески приветствовать, но считать доказанными пока нельзя. Что общего имели подлинные чаяния предпролетариата с идеалами этих утопий выявят только специальные исследования, предпринятые именно с такой целью.

И Мюнцер, и левеллеры, и «Утопия», хотя и по-разному, но все в той или иной степени отражают кардинальнейшее явление — возникновение капиталистического производства и ту специфику, которую вносит — прямо или косвенно — капитализм в издавна существующую общую противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Это главное, что объединяет Мюнцера, левеллеров и «Утопию». Теоретические выступления,— от Мора до Мабли,— потому, возможно, и названы «соответствующими», что они, как и революционные порывы предпролетариата, отражают один и тот же исторический процесс: возникающую и все усиливающуюся противоположность между рабочими и капиталистами.

И все? Мы вправе отметить еще одну сторону соответствия, которую надлежит исследовать. Те утопические изображения идеального общественного строя, которые в какой-то мере могут быть признаны соответствующими революционным порывам предпролетариата, являются самостоятельными теоретическими выступлениями и выходят за пределы буржуазного направления общественной мысли. Создатели этих утопий тоже,— употребим слова Энгельса, сказанные им о философах XVIII в.,— принадлежали к числу тех отдельных умов, которые в своей критике существовавших порядков шли дальше остальных и не ограничивались лишь требованием равенства политических прав[1]. В какой степени эти утопические изображения идеального общественного строя приближались к «уже прямо коммунистическим теориям» Морелли и Мабли, в чем от них отличались и как тут отразились веяния времени, обнаружит только их конкретное сравнительное изучение.

Обратим внимание на одну подробность: в подготовительном наброске речь идет о противоположности между рабочими и капиталистами как основе формирования требования ликвидации классовых различий. Краткая запись будущего «исторического экскурса» гласит: «Буржуазное развитие с самого своего начала обременено *этой* противоположностью... (курсив наш. — *А. Ш.*)»[2]. В окончательном варианте стоит: «Буржуа-

[1] *Engels F.* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft, S. 397.
[2] Ibidem.

зия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих...»[1].

Поскольку противоположность между капиталистами и наемными рабочими появляется с момента возникновения буржуазии, будучи ее «собственной противоположностью», то период так называемого первоначального накопления — существенный этап в становлении этой противоположности. Именно в такой связи упоминание «Утопии» в предварительном наброске Энгельса, как и в «Капитале», точно отражает ее значение в качестве памятника эпохи.

В специальной литературе не редки преувеличения относительно того, куда направлено острие критических высказываний Мора. Трудно, например, согласиться с Каутским, утверждавшим, будто автор «Утопии» проник в сущность капиталистического способа производства[2].

Многое, что вызывало страстное возмущение Мора, объяснялось не злодействами английских капиталистов, а своекорыстием феодалов, ориентировавшихся на фландрский рынок. Бродяжничество, к примеру, как отмечалось еще в «Немецкой идеологии», «было тесно связано с распадом феодализма»[3].

Королевская власть, стремясь к абсолютизму, ускоряла роспуск феодальных дружин и тем множила ряды пролетариев. «Крупные феодалы,— писал Маркс в «Капитале»,— стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право, как и сами феодалы. Непосредственный толчок к этому в Англии дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры [и] связанное с ним повышение цен на шерсть. Старую фео[да]льную знать поглотили великие феодальные войны, а новая [был]а детищем своего времени, для которого деньги являлись [сил]ой всех сил. Превращение пашни в пастбище для овец [ста]ло лозунгом *феодалов»*[4] (курсив наш. — *А. Ш.*).

Помнить об этих словах Маркса совершенно необходимо, [что]бы не переоценивать важность «Утопии» как свидетельства [чего]-то бы очень значительного продвижения Англии по пути [кап]италистического развития. Не будем наделять Мора такой

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17.
[2] См.: *Каутский К.* Томас Мор и его утопия. М., 1924, с. 191.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 56.
[4] Там же, т. 23, с. 730.

исторической прозорливостью, которой он при всем желании не мог обладать: до проникновения в сущность капиталистического способа производства было еще очень и очень далеко.

Поэтому вряд ли надо видеть в «Утопии» отражение развитой противоположности между наемными рабочими и капиталистами, коль скоро отражала она социальные коллизии эпохи первоначального накопления, когда сама эта противоположность находилась еще в зачаточной почти форме. Тем не менее упоминание «Утопии» и именно в таком контексте весьма уместно, поскольку буржуазия, по словам Энгельса, была обременена этой противоположностью «с момента своего возникновения».

Небольшой экскурс Энгельса в «предысторию социализма» показывает, что даже утопические изображения идеального общественного строя, созданные в XVI—XVII вв., которые являлись самостоятельными теоретическими выступлениями, выходящими за рамки учений, выражавших интересы буржуазии, не были в его глазах еще «прямо коммунистическими теориями», наподобие теориям Морелли и Мабли.

Не хочется делать далеко идущих выводов из того, как при развертывании намеченного тезиса исчезает «Утопия». Если первая часть записи («Т. Мюнцер, левеллеры») конкретизируется («Мюнцерово направление») и дополняется («Бабёф»), то вторая часть («Утопия» Т. Мора и т. д.) претерпевает изменение, от которого «личный вклад» Мора не выигрывает, прежняя исключительность его положения растворяется в более общей формулировке («утопические изображения идеального общественного строя»). Да и уточнение, касающееся Морелли и Мабли, тоже, как кажется, возвеличению Мора не способствует. Трудно защищать мысль, будто Энгельс видел в Море основателя утопического коммунизма, если идеи, изложенные в его «Утопии», он не причислил к «уже прямо коммунистическим теориям», как сделал это с учениями Морелли и Мабли.

Взглянем, однако, на дело с другой стороны. В первоначальном наброске сперва не упоминались ни революционные порывы XVI—XVII вв., ни соответствующие им теоретические выступления, речь шла о Просвещении, о том, что в теоретическом плане социализм имел своих первых представителей в лице Морелли и Мабли, поскольку именно они распространили принцип равенства и на социальное положение, требуя отмены самих классовых различий. Упоминание о «французских аскетических коммунистах», с их пролетарским, или плебейско-пролетарским представлением о равенстве, наводит

Энгельса на мысль о необходимости проследить, как с появлением капиталистического способа производства в результате порождаемых им противоположностей возникают и самостоятельные устремления предпролетариата, и соответствующие теоретические выступления.

Мы были бы несправедливы к Мору, если бы ограничили «соответствие» «Утопии» революционным порывам предпролетариата лишь указанием на то, что она тоже отражает возникающую и все усиливающуюся противоположность между рабочими и капиталистами. Объединяет их нечто большее. С движением Мюнцера и выступлением «истинных левеллеров» «Утопию» роднит мысль о необходимости ввести общность имущества, покончив с частной собственностью как корнем зла.

Только теперь, найдя в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» черновой набросок с упоминанием «Утопии», который послужил ядром значительной части анализируемого нами отрывка, мы вправе утверждать, что Энгельс действительно имел в виду *прежде всего* «Утопию», когда говорил об утопических изображениях идеального общественного строя. Только так комментарий, в части, касающейся «Утопии», получает документальное обоснование [1].

В истории теоретических выступлений, непосредственно предшествующих появлению «уже прямо коммунистических теорий», Энгельс, несомненно, отводил видное место «Утопии». Об этом говорит не только разбираемая нами подготовительная запись Энгельса, но и известный отрывок из «Немецкой идеологии», где Томас Мор назван среди других представителей английского коммунизма [2]. Однако мы бы заняли весьма уязвимую позицию, если бы ограничились таким примерно рассуждением: поскольку Томас Мор как бесспорный сторонник общности имущества назван коммунистом, а его коммунизм, естественно, донаучный, т. е. утопический (вдобавок и само слово «утопический» обязано в конечном итоге своим происхождением «Утопии» Мора), то он, выходит, утопический коммунист. А так как среди английских коммунистов, названных в «Немецкой идеологии», он по старшинству занимает первое место, то именно Томас Мор — основатель утопического коммунизма.

---

[1] К сожалению, эта весьма важная часть из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу», опубликованная в 1928 г. в русском переводе и в 1935 г. на языке подлинника, не вошла в 20-й том второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 463.

Подобное рассуждение имеет существенный изъян: далеко не всякий сторонник общности имущества («коммунист» в том широком смысле слова, которое было очень распространено в 40-х гг. XIX в.) может быть причислен, вне зависимости от времени, когда он жил, к утопическому коммунизму.

Утопический коммунизм и утопический социализм — явления совершенно определенной эпохи, эпохи, ознаменованной промышленным переворотом в Англии и французской революцией. Утопический коммунизм в подлинном смысле слова возникает лишь тогда, когда появляются исторические предпосылки для его возникновения: складывается крупное промышленное производство и развиваются противоречия между капиталистами и наемными рабочими.

Именно такое представление о возникновении социализма и коммунизма было одним из главных достижений материалистического понимания истории, выработанного Марксом и Энгельсом. Когда идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, социализм, отмечал Энгельс, «теперь стал рассматриваться не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически образовавшихся классов — пролетариата и буржуазии» [1].

Мы особенно подчеркиваем: не возникающих, складывающихся, а именно результат борьбы уже исторически *образовавшихся* классов — пролетариата и буржуазии. В силу этого утопический коммунизм и утопический социализм — понятия, отражающие одну из закономерностей исторического процесса, и принадлежат совершенно определенной эпохе: основателями утопического социализма и коммунизма были, по Энгельсу, Сен-Симон, Фурье и Оуэн [2].

Возникновению утопического коммунизма в подлинном смысле слова предшествовали не только «уже прямо коммунистические теории» Морелли и Мабли, ставшие первой формой проявления нового учения, но и различные утопические изображения идеального общественного строя, основанного на понимаемой по-разному общности имущества.

Было бы ошибкой думать, что всякая проповедь общности имущества есть уже утопический коммунизм. Необходимо, на наш взгляд, проводить четкую грань между утопическим коммунизмом, т. е. конкретным явлением, обусловленным определенной стадией развития капиталистических отношений и

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 208—209.
[2] См. там же, с. 191, 194.

вызываемых ими противоречий, сложившихся в передовых странах Европы на рубеже XVIII—XIX столетий, и различными утопическими проектами прошлых веков, в которых отвергалась частная собственность.

Энгельс в письме к Каутскому от 25 мая 1895 г. не говорил, что, создавая многотомную историю коммунистических и социалистических учений, вообще не стоит рассказывать ни о проекте Платона, оказавшего большое влияние на последующих утопистов, ни о социальных устремлениях раннего христианства, ни о чаяниях средневековых еретиков; он отметил только, что делать это надо иначе, чем сделал Каутский[1]. В том, что Каутский и Бернштейн выдавали за начальный период истории социализма, Энгельс видел лишь его «предысторию»[2].

Если приглядеться к тем лицам, кто в «Немецкой идеологии» фигурировал среди представителей английского коммунизма, то бросится в глаза пестрота их воззрений, пестрота столь приметная, что кое-кого из этих «коммунистов» комментаторы предпочли именовать «социалистами-утопистами»[3], отнести к проповедникам христианского социализма[4] или просто к журналистам, сторонникам чартизма[5]. Чем это вызвано? Дальнейшей политической судьбой этих персонажей либо чем-то иным?

Маркс и Энгельс отлично разбирались в сути воззрений названных ими лиц. Все объясняется тем, что слово «комму-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 399.

Фраза «Платон и первоначальное христианство согласно намеченному плану разобраны еще слишком недостаточно...» нуждается, возможно, в комментарии или уточнении перевода. В чем Энгельс упрекает Каутского? В том, что он изложил Платона и раннее христианство еще слишком недостаточно, хотя и согласно намеченному плану? Т. е. Энгельс высказывает пожелание, чтобы в общей истории социализма этим сюжетам было уделено больше внимания? Или наоборот: первоначальный замысел — создание истории социализма и рабочего движения — требует иного отношения к Платоновой утопии и раннему христианству? Мы склоняемся именно к такому пониманию: Платон и раннее христианство изложены, имея в виду первоначальный замысел, еще слишком неудовлетворительно. (Ср. *Marx K., Engels F.* Werke, Bd. 39, S. 482: «Plato und das Urchristentum sind noch zu ungenügend nach dem ursprünglichen Plan behandelt».) Здесь уместно вспомнить, что Маркс и Энгельс никогда не причисляли Платона к «сторонникам коммунизма», а о «социализме» ранних христиан высказывались весьма критически, как и вообще о социальных принципах христианства.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 368, 374.

[3] См. там же, т. 3, с. 463, 621, 623.

[4] См. там же, с. 610.

[5] См. там же, с. 622.

нист» имело еще в ту пору весьма широкое значение. Старый немецкий словарь иностранных слов дает такое определение: «Коммунизм — *учение об общности* имущества, или *учение об имущественном равенстве»* (курсив наш. — *А. Ш.*) [1]. Ясно, что в этом смысле и Томас Спенс — по более поздней и более точной формулировке Маркса «смертельный враг частной собственности на землю» [2] — с его явно уравнительными тенденциями мог в 1845—1846 гг. с полным правом причисляться к «коммунистам». Но значит ли это, что и теперь нам надо говорить о Томасе Спенсе как об английском коммунисте, теперь, когда мы обладаем всей совокупностью принципов и критериев, которые на протяжении десятилетий Марксом и Энгельсом углублялись и оттачивались?

Естественно, что, обращаясь к теоретическим основам изучения истории социалистических идей, мы должны в первую очередь руководствоваться произведениями Маркса и Энгельса, которые специально посвящены этой проблематике [3], теми положениями, которые были глубоко освоены и развиты Лениным [4].

Занимаясь начальными этапами истории социалистических учений, мы остро осознаем необходимость более строго подходить к употреблению понятий «коммунизм» и «утопический коммунизм». Когда мы разбираем всякого рода, говоря словами Энгельса, «проблески коммунистических идей» [5], перед нами неизбежно встает вопрос, как называть период, который предшествовал возникновению «уже прямо коммунистических теорий» Морелли и Мабли — первой формы проявления утопического социализма. Может быть, не стоит рассуждать о «социалистических элементах» в общественной мысли античного мира и средних веков, а воспользоваться выражением Энгельса и говорить о «предыстории социализма»? Это, разумеется, требует точного представления о том, что имел в виду Энгельс, когда отделял историю утопического социализма от его «предыстории».

---

[1] *Heyse J. Ch. A.* Allgemeines verdeutschendes und erklärendes Fremdwörterbuch. Zwölfte Ausgabe. Hannover, 1859, S. 188.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 388.

[3] См.: *Гольман Л. И.* Фридрих Энгельс — историк социалистической мысли. — В кн.: История социалистических учений. М., 1977.

[4] См.: *Застенкер Н. Е.* Ленин о домарксовом утопическом социализме. — В кн.: История социалистических учений. М., 1964; *Кириллов Г. И.* В. И. Ленин о преодолении марксизмом воззрений утопического социализма в рабочем движении. — В кн.: История социалистических учений. М., 1976.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 364.

25 марта 1895 г., отвечая на письмо Каутского с вестью о посылке в ближайшие дни только что вышедшей книги, Энгельс писал: «Твою «Предысторию социализма» я, к сожалению, до сих пор еще не получил; жду эту работу с нетерпением не только из-за анабаптистов — хотя из-за этого особенно; в предшествующих движениях еще очень многое также нуждается в разъяснении. Весьма жаль, что, работая над таборитами, ты не мог обратиться к чешским источникам, но это совершенно нельзя было сделать без длительного пребывания в Богемии и без особого доступа к рукописным материалам» [1].

В комментарии к письму говорится, что речь в нем идет о книге «Предшественники новейшего социализма», вышедшей в Штутгарте в 1895 г. Эта книга в качестве I тома в двух частях вошла в коллективное издание «Истории социализма в отдельных очерках»; первая часть этого тома «От Платона до анабаптистов» была написана Каутским, во вторую часть его наряду с работами Каутского, Лафарга и Гуго вошла также работа Бернштейна [2]. Приведенная в комментарии ссылка на еще одно упоминание названной книги в письме Энгельса не оставляет никаких сомнений: речь идет о I томе этого издания. 3 апреля Энгельс сообщал Лафаргу, что работу его «Происхождение и развитие собственности» читать еще не кончил, так как получил много разных посылок, в том числе и «I том «Истории социализма» Каутского» [3]. Казалось бы, все ясно. Однако некоторые обстоятельства, связанные с выходом этой книги, требуют специального изучения.

Итак, труд, который участники издания рассматривали как начало и неотъемлемый компонент многотомной «Истории социализма» [4], Энгельс назвал «Предысторией социализма». Но чтó он имел в виду? Только ли первую часть I тома, носившую подзаголовок «От Платона до анабаптистов», или вторую тоже — «От Томаса Мора до кануна Французской революции»? Действительно, чтó же Энгельс назвал «предысторией социализма»? Лишь время, предшествующее появлению «Утопии»? Тогда, вероятно, он не имел ничего против, чтобы считать Томаса Мора родоначальником утопического социализма? [5] Или же к «предыстории социализма» он относил и древность, и средние века, и XVI—XVII столетия, а первую форму

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 369.
[2] См. там же, с. 500.
[3] Там же, с. 374, 502.
[4] См.: *Штекли А. Э.* Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках». — В кн.: История социалистических учений. М., 1981.
[5] См.: *Штекли А. Э.* К спорам о месте «Утопии» в истории социализма.

проявления нового учения, как и прежде, находил в середине XVIII в., хотя и отмечал, что подлинными основателями социализма были великие утописты начала XIX в.?

И первая и вторая части I тома имеют одно и то же заглавие — «Предшественники новейшего социализма» [1]. Каждая из частей, иногда их называли полутомами, снабжена собственным титульным листом. Как год издания, так и контртитул с общим названием всего труда «История социализма в отдельных очерках» были одинаковы (за исключением, конечно, указания «часть первая», «часть вторая») [2]. Но чтобы усмотреть это, надо подержать том в руках. Однако когда Энгельс упомянул о «Предыстории социализма», книги он еще не видел. Он ее только ждал.

Обратимся к письму, на которое отвечал Энгельс. «Моя доля в «Истории социализма» — «От Платона до анабаптистов»,— писал Каутский 5 марта 1895 г.,— ныне полностью имеется налицо и, вероятно, на этих днях прибудет к тебе» [3]. Если нет времени или охоты читать все целиком, то пусть Энгельс, по крайней мере, прочтет главу об анабаптистах, просил Каутский. Далее он рассказывал, как шла его работа, хвалил части, написанные другими авторами, Бернштейном — об английской революции и Лафаргом — о Кампанелле. «Надеюсь,— резюмировал Каутский,— что целое станет хорошей книгой» [4].

Как понимать эти слова? Каутский доволен, что получилась хорошая книга? Или только выражает надежду, что выйдет хорошая книга? Да и почему он упомянул, что Энгельс получил на днях его, Каутского, долю участия в «Истории социализма»? Иначе говоря, о чем уведомляет Каутский Энгельса — о предстоящем вручении ему I тома целиком или лишь его первой части?

---

[1] «Die Vorläufer des Neueren Sozialismus». Название I тома лучше переводить не «Предшественники новейшего социализма», а «Предшественники *нового* социализма» (neuere здесь скорее «новый», а не «новейший»). II том и должен был быть посвящен «новому социализму» — социализму Англии и Франции первой половины XIX в. — Der Sozialdemokrat, N 31, 30. August 1894.

[2] Die Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen von E. Bernstein, C. Hugo, K. Kautsky, P. Lafargue, Franz Mehring, G. Plechanow. Erster Band. Stuttgart, 1895. Книга неоднократно выходила и в русском переводе.

[3] Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky. Zweite, durch die Briefe Karl Kautskys vervollständigte Ausgabe von «Aus der Frühzeit des Marxismus». Herausgegeben und bearbeitet von Benedikt Kautsky. Wien, 1955, S. 422—423. (Далее — Briefwechsel.)

[4] Briefwechsel, S. 423.

Но что тут гадать? Ведь Лафаргу Энгельс прямо написал, что получил I том «Истории социализма». Да и Каутский, объясняя задержку бандероли, тоже говорил о I томе[1]. Ведь не рискнем же мы утверждать, будто и получатель бандероли, и отправитель одинаково неточно высказались о ее содержимом?

Однако это было именно так. «Историю социализма» Диц издавал отдельными выпусками, по два печатных листа в каждом, т. е. по 32 страницы. Каждый выпуск имел собственную обложку, выходил в свет с гарантированной пунктуальностью — раз в две недели[2]. В начале марта 1895 г. все выпуски, составлявшие первую часть, уже вышли[3].

Даже если бы мы стали настаивать, что Каутский намеревался послать Энгельсу лишь первую часть — «От Платона до анабаптистов»[4], то и тогда рискованно делать вывод, будто под «Предысторией социализма» Энгельс имел в виду только период, завершающийся анабаптистами. И вот почему. Энгельс и до письма Каутского прекрасно знал, что I том вовсе не заканчивается рассказом об анабаптистах. Он читал корректурные листы этого же тома, листы написанного Бернштейном пятого раздела, который назывался «Коммунистические и демократически-социалистические течения в английской революции XVII в.»[5].

Неизвестно, какую часть работы Энгельс прочел, а прочел он ее не всю[6], но он не мог не заметить,— хотя бы по нумерации страниц (написанный Бернштейном раздел достаточно велик, он занял с. 507—718),— что это часть единого целого. Тем более, что первая и вторая части I тома имеют сплошную пагинацию. Мы уже не говорим о том, что, возвращая

---

[1] Briefwechsel, S. 428.

[2] Подробнее см.: *Штекли А. Э.* Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках».

[3] Briefwechsel, S. 422—423. В еженедельной газете «Der Sozialdemokrat» сообщение об этом было опубликовано в номере от 14 марта.

[4] Вынужденную задержку с отсылкой, о которой говорится достаточно глухо, объяснить можно было бы тем, что Каутский решил подождать, пока появится следующий выпуск. Для этого были бы определенные резоны. Каутский писал Энгельсу о «своей доле» в «Истории социализма», однако его «доля» не ограничивалась первой частью: глава, посвященная Мору (с. 437—468 немецкого текста), вообще находилась во второй части (л. 28—30). Иными словами, начало главы о Море было еще в 14-м, «анабаптистском», выпуске, а окончание в 15-м, три четверти которого были уже посвящены Кампанелле (с. 469—480).

[5] Briefwechsel, S. 423, 426, 435; см. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 368, 400, 500.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 368.

Бернштейну корректурные листы и обсуждая с ним прочтенное, Энгельс, разумеется, знал, что читал он корректуру I тома «Истории социализма в отдельных очерках», тома, который назывался «Предшественники новейшего социализма», а его изложение завершалось кануном Французской революции.

Но даже без знакомства с доставленной Бернштейном корректурой и без предшествующих этому объяснений с автором Энгельс был уже хорошо осведомлен о структуре затеянного издания. И первое уведомление в «Neue Zeit»[1], и беседа с Каутским, ненадолго приезжавшим в Лондон[2], и проспект, опубликованный Дицем в августе 1894 г.,— все наводило на мысль, что предстоял выход I тома «Истории социализма», который начинался с Платона и должен был довести изложение до Французской революции. Энгельс, насколько можно судить по переписке, не получал никаких сообщений об изменении плана издания, разделении I тома на две отдельно выпускаемые части.

Короче, как бы Энгельс ни понял извещения о присылке книги, тома ли целиком, первой ли его части (когда и какие выпуски выходили в свет, он ведь мог и не знать точно), тем не менее он давным-давно был осведомлен, что Диц и его авторы сочли возможным представить рассказ о многообразных и по сути своей различных социальных движениях и различных течениях общественной мысли — от седой древности до Французской революции — как I том «Истории социализма».

Поэтому совершенно закономерна и оправданна реакция Энгельса на весть, полученную от Каутского. То, что ему пришлют, он был уверен — совсем еще не история социализма, а лишь его предыстория. Об этом и говорит переиначенное им название книги.

Случайность? Нет. Корректное, но твердое напоминание, что он, Энгельс, держится иной точки зрения и что ни проспект издания, ни знакомство с отдельными листами корректуры его позиции ни в коей мере не поколебали. Для Каутского рассуждения Платона об общности имущества у «стражей» идеального государства и «древнехристианский коммунизм» это не просто начальные главы истории «предшественников социализма»: в Платоне и древних христианах, живших общиной, он видит «предшественников *нового* (или «новейшего», как значится в прежних переводах) социализма». Ины-

---

[1] Die Neue Zeit, XII. Jahrgang, Bd. I (1894), N 18, S. 579.
[2] Briefwechsel, S. 402.

ми словами, Платон и древние христиане — неотъемлемая часть общей истории социализма и по праву занимают в ней достойное место (вспомним название всего труда — «История социализма в отдельных очерках»), предшественниками они выступают не по отношению к социализму вообще, а лишь по отношению к социализму *новому* (или — «новейшему»).

Энгельс подобной точки зрения не разделял и не преминул это еще раз подчеркнуть: многовековое развитие различных учений и движений, провозглашавших и отстаивавших общность имущества, которое Каутский и его единомышленники выдавали за начальный период истории социализма, он кратко и недвусмысленно охарактеризовал как «предысторию социализма».

Вернемся, однако, к занимающей нас книге. Именно первая часть I тома, а не обе части сразу, была послана Энгельсу в марте 1895 г. И нас не должны смущать, казалось бы, точные слова Каутского. «I том «Истории социализма»,— писал он 25 марта,— отправлен тебе позже, чем я ожидал. Теперь он, вероятно, у тебя в руках» [1]. Речь в действительности идет лишь о первой части. Каутский должен был бы, конечно, указать, что имеет в виду первый полутом. Но ведь он не библиографическую составлял справку — говорил о посланной книге, говорил тому, кто эту книгу уже получил или получит со дня на день. То, что здесь именно неточность, свидетельствует непреложный факт: целиком I том в руках Энгельса не был и быть не мог. Вторая его половина вышла в свет месяца полтора спустя после смерти Энгельса [2].

Издание, начавшее выходить в сентябре 1894 г., осуществлялось так регулярно, что в начале марта следующего года типографию покинули 13-й и 14-й выпуски. Уже 5 марта Каутский писал о намерении выслать Энгельсу «свою долю» этого труда. Кстати, и не очень-то ясные прежде слова: «Надеюсь, что целое станет хорошей книгой», звучат понятней, если учесть, что, отзываясь с похвалой о главах, написанных Бернштейном и Лафаргом для второй части, Каутский основывался на своем знакомстве с ними в рукописи или корректуре [3]. Полностью том из печати еще не вышел. Это и заставляло говорить о целом в будущем времени.

Установление этих фактов позволяет уточнить одну из подробностей в летописи жизни Энгельса и соответственно

---

[1] Briefwechsel, S. 428.
[2] Der Sozialdemokrat, N 39, 26. September 1895.
[3] Briefwechsel, S. 423.

уточнить комментарий к упомянутому письму. Более того, новые данные помогут лучше понять и письмо Энгельса от 21 мая 1895 г.[1], где речь идет о доставленной ему ранее книге и всей возмутительной истории, связанной с ее изданием[2]. Замечания о работе Бернштейна, опубликованной позднее во второй части,— результат предварительного знакомства с ней в корректуре. Тома целиком Энгельс так и не увидел. Если в письме от 21 мая 1895 г. Энгельс не упоминает о Томасе Море и «Утопии», то отнюдь не потому, что свое мнение о книжке, посвященной Мору[3], он давно уже высказал автору, и тем более не потому, что-де считал его воззрения относительно места Мора в истории социализма верными[4]. Энгельс не упоминает Мора по иной и вполне понятной причине: глава, в которой о нем говорится, не входит в состав полученной им первой части, ею открывается вторая часть, а гранки этой главы ему не присылались[5].

Итак, вопреки распространенному мнению, в последних числах марта 1895 г. или первых числах апреля Энгельс получил не весь I том «Истории социализма», а лишь первую его часть.

Однако так ли уж существенно, что находилось в бандероли, если, говоря об «Истории социализма», Энгельс имел в виду не только часть Каутского, вышедшую из печати, но и часть Бернштейна, с которой знакомился в корректуре? Для нас ведь сейчас не так важно то, что́ Энгельс действительно получил в бандероли, как то, что́ он *ожидал получить.*

Мы вправе были бы настаивать, что, говоря о «Предыстории социализма», Энгельс разумел весь I том целиком — вплоть до Французской революции, если бы точно представляли себе источники его осведомленности. Ведь и независимо от письма Каутского, где речь шла о материалах всего тома, Энгельс мог уже знать о выходе в свет первого полутома и, следовательно, об издательском новшестве, выразившемся в разделении, вопреки первоначальному замыслу, I тома на две отдельные части.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 397—400.

[2] О том, как недостойно вели себя Каутский и Бернштейн по отношению к Энгельсу, см. подробнее: *Штекли А. Э.* Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках».

[3] *Kautsky K.* Thomas More und seine Utopie. Stuttgart, 1888.

[4] См.: *Штекли А. Э.* К спорам о месте «Утопии» в истории социализма.

[5] Briefwechsel, S. 423.

Посему нельзя быть уверенным, что, упомянув о «Предыстории социализма», Энгельс не мог подразумевать здесь первый полутом, о выходе которого было объявлено в печати. А раз так, и мы не знаем степени осведомленности Энгельса в издательско-книготорговых перипетиях этого труда, то нельзя делать далеко идущие выводы из упоминания о «Предыстории социализма». Совершенно бесспорно, что различные учения «от Платона до анабаптистов», которые подчас выдавали за социалистические,— во всех случаях, по Энгельсу, лишь «предыстория социализма». Это, однако, не значит, что Энгельс не относил к этой же «предыстории» и следующий период — «от Томаса Мора до Французской революции».

Было бы поэтому весьма неосторожно видеть в самом упоминании о «Предыстории социализма» аргумент в обоснование мысли, будто историю социализма надо начинать, если и не с Платона, то, конечно же,— с Томаса Мора[1]. Это было бы тем более странно, что Маркс, Энгельс и Ленин связывали возникновение социализма не с эпохой так называемого первоначального накопления, а с совсем иным и куда более поздним периодом в развитии капиталистического способа производства.

Энгельс неоднократно подчеркивал, что утопический социализм и коммунизм родились в эпоху промышленной революции. И хотя в теоретическом плане первыми представителями нового учения явились Мабли и Морелли, подлинными основателями социализма были Сен-Симон, Фурье и Оуэн[2].

Ясно, что если социализм, по Энгельсу, возник в эпоху промышленной революции, то любые, даже самые радикальные учения минувших столетий — от средневековых еретиков до Томаса Мора или Мелье — всего лишь «предыстория социализма». Предыстория социализма — это вовсе не ранняя его история, а история движений и идей, пусть в чем-то и родственных социализму, но *предшествовавших его возникновению.*

---

[1] Анабаптисты, связанные с Мюнцером, не говоря уже об Иоанне Лейденском и Мюнстерской коммуне, хронологически должны были бы следовать за «Утопией», а не предшествовать ей. Однако дабы убедиться, что в посланной Каутским книге нет речи о Море, надо было ее увидеть. Энгельс же упомянул о «Предыстории социализма» еще до получения бандероли. Поэтому было бы рискованно утверждать, что, причисляя Мюнцера и анабаптистов к «предыстории социализма», Энгельс делал для Мора исключение и с него начинал собственно историю социализма.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 191, 194.

Отнесение тех или иных явлений к предыстории социализма совершенно не умаляет ни их исторической роли, ни необходимости их тщательного изучения. Просто речь идет о временах, когда еще не существовало реальных исторических предпосылок для появления социализма[1]. Критикуя работы Каутского и Бернштейна, вошедшие в I том «Истории социализма», Энгельс — обратим на это особенное внимание — вовсе не призывал отказаться от занятий такой «предысторией». Напротив, он призывал настойчиво продолжать исследование, дабы будущая книга была более совершенной, чем ее первоначальный набросок[2]. Смысл же его упоминания о «Предыстории социализма» как раз и заключался в призыве соблюдать бóльшую теоретическую четкость в исторических трудах и не относить к истории социализма то, что социализмом еще не было.

На примере двух, казалось бы, кратких и частных замечаний Энгельса, мы пытались продемонстрировать, сколько интереснейших тем ставит перед исследователем обращение к энгельсовским материалам, которые не являлись прежде предметом специального разбора.

Сделанное Энгельсом замечание относительно «Предыстории социализма» должно еще раз напомнить, что возникновение утопического коммунизма и социализма отделено тяжкой дистанцией от всякого рода туманных проповедей общности имущества и утопических изображений идеального общественного строя, которые к числу «уже прямо коммунистических теорий» не принадлежали.

Для истории социалистических учений анализ подготовительных работ Энгельса к «Анти-Дюрингу» особенно важен в двух отношениях.

Во-первых, он показывает, сколь значительную роль отводил Энгельс в теоретическом формировании социализма появлению пролетарского, или плебейско-пролетарского, направления в учении о равенстве. Это направление было порождено противоположностью между рабочими и капиталистами. Оно стало господствующим у «французских аскетических коммунистов». И оно, развернул потом эту мысль Энгельс, отлившись у Морелли и Мабли в «уже прямо коммунистические теории», явилось тем самым первой формой проявления нового учения — социализма.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 225—227.
[2] См. там же, т. 39, с. 400.

Во-вторых, обращение к этим подготовительным работам Энгельса убеждает, что, изучая специально теоретические аспекты истории социалистических идей и особенно — ее начальных этапов, необходимо постоянно обращаться к полному тексту «Анти-Дюринга» и тщательно исследовать его первоначальные варианты и предварительные заметки. Из них можно извлечь немало ценных сведений, которые позволят не только расширить наши представления о разработке Энгельсом истории социалистической мысли, но и будут способствовать более глубокому теоретическому осмыслению ряда проблем этой важнейшей научной дисциплины.

Н. Е. Тихонова

УЧЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА ОБ АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗЕ

Проблема возникновения человечества находится последние полтора века в фокусе внимания представителей многих научных дисциплин — антропологов и философов, этнографов и психологов. Возникли даже новые отрасли науки, предметом которых является изучение отдельных ее аспектов, например палеопсихология. И все же дискуссии по ней продолжаются. Это связано не только с тем, что мало найдется других научных проблем, имеющих такое большое мировоззренческое значение и вызывающих столь широкий интерес, но и с тем, что исчерпывающего ответа на вопрос «Как возникло человечество?» нет и до сих пор. На недостатках и пробелах в материалистическом объяснении происхождения человека строят свои спекуляции представители реакционных взглядов, и проблема антропогенеза продолжает оставаться ареной острой борьбы с идеалистическими концепциями, имеющими подчас ярко выраженный теологический характер.

Единства мнений нет и во взглядах тех исследователей, которые подходят к этой проблеме с материалистических позиций. Даже среди тех, кто признает огромное значение труда в процессе антропогенеза, существуют серьезные разногласия[1]. В целом можно сказать, что большинство зарубежных авторов понимают «труд» слишком упрощенно, не видят диалектической взаимосвязи инстинктивного и сознательного труда. В их концепциях не находит также адекватного отражения проблема взаимодействия труда и речи. Одной из основных причин методологической несостоятельности этих концепций является рассмотрение становления человека в отрыве от становления человеческого общества, установка на изуче-

---

[1] О современных концепциях антропогенеза у зарубежных авторов см.: *Андреев И.* Диалектико-материалистическая концепция происхождения человека и общества. — Коммунист, 1976, № 10.

ние отдельной особи, изолированного человека в его взаимодействии с окружающей средой.

Диалектика процесса становления человека (антропогенеза) и общества (социогенеза) — была впервые раскрыта Ф. Энгельсом. В его работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а также в других работах и письмах Маркса и Энгельса было показано, что это по сути дела единый процесс — антропосоциогенез. Именно понимание значения зарождения новой, социальной формы движения в процессе становления общества для формирования человека явилось, наряду с принципиально новым пониманием роли труда, краеугольным камнем созданной основоположниками марксизма теории антропогенеза, которую поэтому часто называют теорией антропосоциогенеза.

Создание этой теории связано прежде всего с именем Энгельса, сформулировавшего в упомянутой работе ее основные положения. Немалый вклад в ее разработку внес также и Маркс, уделявший большое внимание проблемам первобытной истории.

Взглядов Маркса и Энгельса в той или иной степени касаются практически все советские исследователи, работающие над вопросом человеческой предыстории. В то же время, насколько нам известно, нет специальных работ марксоведческого характера, где в систематической форме были бы изложены взгляды Энгельса на эту проблему в их совокупности, с учетом всего его теоретического наследия, имевшихся в то время научных достижений, общепринятой тогда терминологии, содержания тех трудов крупнейших естествоиспытателей, которыми пользовался Энгельс в своей исследовательской работе [1].

Разумеется, все стороны созданной Марксом и Энгельсом теории антропосоциогенеза не могут быть рассмотрены в рамках одной статьи. Из двух больших комплексов проблем,

---

[1] Отдельные вопросы нашли должное отражение в нашей литературе. ., например, формирование замысла работы Энгельса «Роль труда ›оцессе превращения обезьяны в человека» подробно освещено в статье Б. Тер-Акопяна «Фридрих Энгельс о проблеме становления чело-ı». — Советская этнография, 1976, № 6. В монографии Б. Ф. Порш- ı «О начале человеческой истории» высказано предположение, хотя доказанное, что Энгельс знал о выдвинутой к этому времени идее ıежуточного звена между обезьяной и человеком. В этой же работе ржится анализ представлений Маркса и Энгельса об инстинктивном ловеческом труде.

составляющих ее [1], мы сознательно ограничимся только первым, попытавшись, хотя бы вкратце, остановиться на ключевых моментах взглядов Энгельса в их целостности и обратить внимание на некоторые положения этой теории, имеющие сейчас особую актуальность. В первую очередь следует рассмотреть воззрения Энгельса на экологические и биологические предпосылки процесса антропогенеза, на специфику нового типа общности, формирующегося у предлюдей, и закономерность его появления в процессе развития биологической формы движения. Далее необходимо коснуться его взглядов на взаимосвязь зарождающихся форм социальности и становления человека, инстинктивного и сознательного труда, на диалектику труда и речи. Представляется целесообразным также проанализировать взгляды основоположников марксизма относительно двух скачков, которые произошли в процессе превращения ископаемых обезьян в человека, и на критерии собственно человеческого труда.

Для более адекватного восприятия теории антропосоциогенеза необходимо познакомиться с той научной ситуацией, которая сложилась в 60—80-х гг. прошлого века в вопросе о возникновении человека, с содержанием тех естественнонаучных трудов, которые, наряду с диалектико-материалистической методологией и материалистическим пониманием истории, явились одним из краеугольных камней в ее создании.

В 1859 г. была опубликована знаменитая работа Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», позволившая представить развитие жизни на Земле в виде единого закономерного процесса. Однако вопрос о происхождении человека в ней еще не затрагивался. Несколько лет спустя, в 1862—1863 гг., последователи Дарвина и популяризаторы его учения К. Фогт, Э. Геккель и Т. Гексли, последний из которых был к тому же его близким другом, выдвинули гипотезу о происхождении человека от обезьяны, а еще через несколько лет, в 1866—1868 гг., Геккель и Фогт дополнили ее идеей о наличии промежуточной ступени между обезьяной и человеком. Согласно этой гипотезе человек произошел от вымершего

---

[1] Первый комплекс связан с рассмотрением того, как биологическая эволюция, развиваясь по своим собственным законам, порождает социальную форму движения, т. е. с формированием предпосылок социальности на уровне биологической формы движения и становлением социальной формы движения. Второй комплекс охватывает период, когда решающее значение в развитии вида Homo sapiens начинают играть социальные, а не биологические закономерности, и темпы развития общества начинают опережать темпы биологической эволюции.

ныне вида животных, обезьянолюдей, которых Геккель называет в своей классификации видов Pithecantropus alalus. Принципиальным отличием этого вида от человека является, по Геккелю, отсутствие речи, по Фогту — отсутствие разума. Однако идея обезьяночеловека многими была встречена в штыки, так как при неспособности крупнейших естествоиспытателей того времени, стоявших на позициях вульгарного материализма, объяснить причины и механизм возникновения разума и речи, признание идеи о существовании животного, чрезвычайно близкого по своей физиологии к человеку, но, в отличие от него, не обладавшего ни речью, ни разумом, открывало дорогу теологии. В то же время, отодвигая возникновение человека в глубь веков и подчеркивая постепенность превращения обезьяны в человека, длительность изменения ее физиологии и психики, ученым-материалистам того времени удавалось, за счет смещения акцента со скачка на эволюцию, избегнуть необходимости обратиться к помощи высшей силы для объяснения возникновения человека. Эта концепция выдвигала и другое серьезное возражение против идеи обезьяночеловека, связанное с древностью обнаруженных каменных орудий. Их существование на протяжении всего четвертичного периода было доказано крупнейшим геологом того времени, создателем эволюционной теории в геологии, Ч. Лайелем в работе «Древность человека», появившейся в 1863 г. Если считать, что древность человека — это древность его орудий, то обезьяночеловеку — целой эпохе в морфологической эволюции, предшествовавшей человеку,— просто негде было уместиться.

Итак, в вопросе о происхождении человека в 60—70-х гг. отчетливо противостояли друг другу две научные школы, одна из которых принимала идею обезьяночеловека, а вторая выводила происхождение человека от вымершей породы обезьян. Видимо, этой борьбой идей объясняется то, что именно тогда ученые вспомнили о прежних находках — обнаружении в 1833 г. Шмерлингом ископаемого детского черепа, а в 1856 г. черепной крышки, принадлежавшей, как было доказано два года спустя, примитивному человеку. Эти находки дали имя всему виду — Homo neanderthalensis [1].

Принимаясь за статью «Роль труда», Энгельс был знаком со всеми деталями этой борьбы. В переписке с Марксом он неоднократно затрагивал проблему антропогенеза, рассказывал о докладе Шафхаузена по этой проблеме [2], о книге Лайеля,

[1] Подробнее см.: *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974; *Алексеев В. П.* От животных — к человеку. М., 1969.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 19.

об открытиях Шмерлинга, обнаружении Буше де Пертом в 1842 г. кремневых орудий и их датировке[1]. В той или иной связи упоминал он и все основные произведения участников дискуссии. Среди них работы Т. Гексли «О положении человека в ряду органических существ» (1863), «Исследование о микроцефалах или человеко-обезьянах» (1867) К. Фогта, сообщение Р. Вирхова на заседании Берлинского общества по вопросам антропологии, этнологии и первобытной истории 21 декабря 1878 г. и ответ на него Геккеля, а также работы последнего — «Общая морфология организмов. Основные черты науки об органических формах, механически обоснованной при помощи реформированной Чарлзом Дарвином эволюционной теории» (1866), «Естественная история творения. Общедоступные научные лекции об эволюционном учении вообще и об эволюционном учении Дарвина, Гете и Ламарка в особенности» (1868) и «Антропогения, или История развития человека. Общедоступные научные доклады об основных чертах истории человеческого зародыша и человеческого рода» (1874).

Со взглядами участников дискуссии (Лайеля, Гексли и других дарвинистов) был знаком и Маркс, о чем свидетельствует, помимо его переписки с Энгельсом, и письмо Женни Маркс И. Ф. Беккеру от 29 января 1866 г., где она рассказывает о посещении семьей Маркса лекций этих ученых[2].

В дискуссии о наличии промежуточного звена между обезьяной и человеком Энгельс склонялся к точке зрения Геккеля и Фогта. Он подчеркивал, что переход от человекообразных обезьян «к человеческому состоянию был бы прямо необъяснимым; эти обезьяны производят скорее впечатление отклонившихся боковых линий, обреченных на постепенное вымирание и, во всяком случае, находящихся в состоянии упадка»[3]. Между обезьяной и человеком Энгельс помещает еще одно звено: геккелевских обезьянолюдей, характерной особенностью которых является отсутствие речи. Он называет их «людьми-животными», «переходными существами» или нашими «обезьяноподобными предками»[4]. Период, когда именно они являлись вершиной эволюции гоминид, так называемый «период предыстории», намного превосходил по своей продолжительности историю человечества. «В сравнении с ним,— пишет Эн-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 277, 284.
[2] См. там же, т. 31, с. 493—494.
[3] Там же, т. 21, с. 40.
[4] Там же, т. 20, с. 143, 487, 488.

гельс,— известный нам исторический период является незначительным»[1].

Наиболее характерной чертой обезьянолюдей Энгельс считал их способность к совершенствованию. Упоминая в «Анти-Дюринге» о людях-животных, «которых Геккель в новейшее время гипотетически классифицировал как Alali — бессловесных», Энгельс указывал, что «эти равные между собой люди-животные имели одно преимущество перед прочими животными: способность к совершенствованию, к дальнейшему развитию, а эта способность и стала причиной неравенства»[2].

Эта способность обуславливалась прежде всего тем, что на этом этапе развития гоминид возникли определенные морфологические изменения —установилось прямохождение и рука отдифференцировалась от ноги. С точки зрения Энгельса эти изменения явились необходимыми предпосылками возникновения человека и сознания. Таким образом был сделан решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку.

Процесс антропогенеза, как справедливо отмечают многие советские исследователи, рассматривался Энгельсом в единстве действия экологических, анатомо-морфологических и зарождающихся социальных закономерностей. Причем «связующим звеном экологических и анатомо-физиологических процессов выступает главным образом жизнедеятельность высших антропоидов, а сферой взаимодействия антропологических и социальных закономерностей — формирующийся труд»[3].

Остановимся вкратце на экологических условиях, сыгравших значительную роль в процессе антропогенеза. Обращаясь к ряду заметок Энгельса о биологии в «Диалектике природы», мы видим, какое большое значение для процесса видообразования придает он изменяющимся условиям жизни. Сначала он только отмечает эту мысль в одной из работ Гельмгольца, в которой тот, излагая доклад Л. фон Буха в Берлинской академии в 1848 г., пишет: «*Образование новых видов из более старых форм является, весьма вероятно, только следствием изменившихся условий жизни*»[4]. Затем развивает ее в специальной заметке, озаглавленной *«Борьба за существование»*, где указывает на ошибку Дарвина, смешавшего «две совершенно различные вещи: 1) Отбор под давлением перенаселения, где наисильнейшие, быть может, и выживают в первую

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 487.
[2] Там же, т. 20, с. 143.
[3] *Андреев И.* Цит. соч., с. 83; см. также: *Тер-Акопян Н. Б.* Цит. соч.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 614.

очередь, но могут оказаться вместе с тем и наислабейшими в некоторых отношениях. 2) Отбор благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где выживающие индивиды лучше приспособлены к этим *обстоятельствам»*[1]. В качестве причин изменения морфологии вида Энгельс называет, во-первых, переселение растений и животных в новые места, где иные климатические, почвенные и прочие условия, и, во-вторых, изменение географических, климатических и прочих условий какой-либо местности.

В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс снова возвращается к этой мысли и выделяет еще одну причину изменений внешней среды — деятельность животных, «хищнический» характер их «хозяйства», подрывающего их собственную кормовую базу. «Это «хищническое хозяйство» животных,— писал Энгельс,— играет важную роль в процессе постепенного изменения видов, так как оно заставляет их приспособляться к новым, необычным для них родам пищи, благодаря чему их кровь приобретает другой химический состав и вся физическая конституция постепенно становится иной, виды же, установившиеся раз навсегда, вымирают. Не подлежит сомнению, что это хищническое хозяйство сильно способствовало превращению наших предков в людей»[2].

Мысли Энгельса о роли изменений внешней среды в процессе видообразования вообще и возникновения человека в частности приобретают особое значение сегодня, когда получен интереснейший естественнонаучный материал о глубокой взаимосвязи истории человечества и истории Земли. Сейчас не только уточнены сведения о неоднократных изменениях климата планеты на рубеже третичного и четвертичного периодов, о которых знал Энгельс, но и получены новые данные о многократных перемещениях магнитных полюсов Земли, изменении радиационного фона и т. д. Все это не могло не способствовать мощным мутационным процессам у ископаемых гоминид, что в свою очередь ускорило видообразование. Очевидно, эти процессы сыграли определенную роль и в переходе части обезьян к прямохождению, что привело к освобождению руки от локомации.

Уже у обезьян, отмечал Энгельс, рука служила не только для собирания и удержания пищи, строительства гнезд или навесов для защиты от непогоды, но и для целей обороны —

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 621.
[2] Там же, с. 491.

рукой они схватывали дубины для защиты от врагов или бомбардировали их камнями[1]. Еще более разнообразной стала деятельность руки у обезьянолюдей, что способствовало ее дальнейшему совершенствованию. Приобретаемая в результате этой деятельности все «большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению»[2]. По закону корреляционных связей в организме изменение одного органа вызывало изменение других. Таким образом шло накопление прогрессивных морфологических изменений.

Большое значение имел также и переход, в силу определенных экологических условий, к новым видам пищи, также явившийся одним из условий формирования биологических предпосылок становления человека. Особую роль при этом сыграло употребление мясной пищи, которая чрезвычайно способствовала «увеличению физической силы и самостоятельности формировавшегося человека. Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрей и полней совершенствоваться из поколения в поколение... Человек не мог стать человеком без мясной пищи...»[3].

Итак, прямохождение вызвало изменение скелета, прежде всего позвоночника, строения черепа, стопы, таза, органов зрения и т. д. Переход к иным видам пищи также повлек за собой перестройку организма. Возникшие таким образом морфологические особенности явились предпосылками дальнейшего развития данного вида. Однако закрепиться и стать его специфическими признаками они смогли лишь при условии, что оказались полезными в процессе естественного отбора. От освободившейся руки до целенаправленного преобразования природы, являющегося одним из основных отличий человека от животного, у которого «главную роль играет непроизвольное приспособление»[4], дистанция огромного размера. Встает вопрос — как возник и в процессе естественного отбора закрепился этот своеобразный адаптационный механизм[5]?

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 487.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 492.
[4] Там же, с. 633.
[5] О преобразовательной деятельности людей как особом способе птации см.: *Маркарян Э. С.* К пониманию специфики человеческого цества как адаптивной системы. — Географические аспекты экологии овека. М., 1975.

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть центральное понятие марксистской теории антропогенеза — понятие труда, выступающего в ней как средство становления человека, создатель всех необходимых для его возникновения условий.

В III томе «Капитала», определяя труд в наиболее общей форме, Маркс говорит о нем как о «производительной деятельности человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенной всякой общественной формы и определенного характера, но выступающей просто в ее естественном бытии... *общей еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение»*[1] (курсив наш. — *Н. Т.*). А в пятой главе I тома «Капитала», посвященной рассмотрению содержания этого понятия, Маркс выделяет две формы труда — труд, составляющий «исключительное достояние человека», и инстинктивный труд[2].

В советской литературе уже указывалось, что данное Марксом определение процесса труда таит в себе возможность двух разных понятий[3] в зависимости от того, на что делается акцент: на целесообразный характер деятельности или на использование средств труда. Маркс и Энгельс в своих работах пользовались обоими понятиями. Когда они говорят о труде как специфической черте человека, то речь идет о сознательном труде и акцент делается на целесообразный характер трудовой деятельности человека, на присутствие в ней определенного идеального компонента — цели. Через этот идеальный феномен — цель, выступающую как продукт принадлежности к общественной среде, в определение труда вводится социальный момент[4]. Разумеется, целесообразная деятельность у человека не возникает из ничего, а имеет определенные предпосылки на уровне биологической формы движения. «У животных,— писал Энгельс,— способность к сознательным, планомерным действиям развивается в соответствии с развитием нервной системы и достигает у млекопитающих уже достаточно высокой ступени»[5]. Но у животных она является «конкретным мышлением» или «мышлением в действии», т. е. остается на уровне предпосылок сознания.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 381—382.

[2] См. там же, т. 23, с. 189.

[3] См.: *Поршнев Б. Ф.* Цит. соч., с. 380—403; *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения материи. М., 1971, с. 11—20.

[4] См.: *Поршнев Б. Ф.* Цит. соч., с. 380—403.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 495.

Когда же Энгельс говорит о труде как факторе превращения обезьяны в человека, то труд выступает как свойство, присущее высшим антропоидам, на протяжении сотен тысяч лет подготавливавшее их превращение в людей [1], как инстинктивный труд. При этом, хотя акцент делается на орудийную деятельность, наличие или отсутствие орудий труда не является главным отличительным свойством человека. Учитывая широкую известность, которую получило положение Энгельса о том, что собственно человеческий труд начинается с изготовления орудий, представляется целесообразным более подробно рассмотреть взгляды основоположников марксизма по этому вопросу. Действительно, и Маркс, и Энгельс рассматривали изготовление орудий как новый этап в развитии труда, подчеркивали, что оно содержит в себе зародыш возможности качественно нового вида деятельности — сознательной деятельности по преобразованию природы. Однако эта деятельность возникает значительно позже, чем начинается изготовление орудий, формирующее ее предпосылки. Хотя основоположники марксизма неоднократно подчеркивали, что в своей развитой форме изготовление орудий труда встречается только у человека, является одной из черт человеческого труда, более того — что в процессе деятельности людей средства труда начинают играть принципиально новую роль, но они также и предостерегали от неправомерной абсолютизации значения этой характерной особенности собственно человеческого труда.

И Маркс, и Энгельс неоднократно говорили о том, что использование и изготовление орудий встречается и у животных, что «употребление и создание средств труда... свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных» [2]. С другой стороны, как справедливо подметил Ю. К. Плетников, человеческий труд с точки зрения Маркса и Энгельса не обязательно предполагает орудия труда, отличные от членов тела. Маркс относил к трудовой деятельности человека и собирание готовых жизненных средств, когда «средствами труда служат только органы тела рабочего» [3]. Учитывая, что присвоение готовых продуктов труда с помощью органов своего тела является специфической чертой животных, это можно объяснить

---

[1] См.: *Поршнев Б. Ф.* Цит. соч., с. 382. Подробнее о сущности инстинктивного труда, о специфических формах, в которых выступают при три момента труда, см.: *Плетников Ю. К.* Цит. соч., с. 11 и далее.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 190—191.
[3] Там же, с. 190.

только связью собирательства с определенным образом жизни человека и обусловленностью им [1].

Как известно, определение человека как животного, производящего орудия труда, принадлежит Б. Франклину. И хотя Маркс неоднократно его использует в своих работах, нет никаких оснований полагать, что он считал его безусловно правильным. Скорее есть свидетельства обратного. Так, например, в 11 главе I тома «Капитала», говоря о человеке как об общественном животном, Маркс подчеркивает исторически обусловленную ограниченность и Аристотеля, определявшего человека как политическое животное, и Б. Франклина. Каждый из них выделял, соответственно своей эпохе, одну из черт, действительно отличающих человека от животного, и абсолютизировал ее. «Аристотелевское определение,— пишет Маркс,— утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть созидатель орудий» [2]. Несколько ранее, в экономических рукописях 1861—1863 гг. Маркс указывает, что определение Франклина может считаться абсолютно верным лишь с точки зрения процесса труда. В этом случае, подчеркивает он, «Франклин правильно определяет человека как «животное, делающее орудия», или как «инженера»» [3]. Тем более недопустимо, как это уже отмечалось в советской литературе [4], сводить орудия труда только к механическим, так как это ведет к определению возраста человечества возрастом каменных орудий труда. Маркс неоднократно указывал, что одним из наиболее древних орудий является животное [5].

Наконец, посмотрим, что говорит Энгельс о значении орудийной деятельности для возникновения такой, сугубо человеческой особенности, как членораздельная речь, в двух своих работах — «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В первой он пишет о появлении речи в процессе труда и общения. Во второй, написанной 8 годами позже, Эн-

---

[1] См.: *Плетников Ю. К.* Цит. соч., с. 13.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 338.
[3] Там же, т. 47, с. 104.
[4] См.: *Поршнев Б. Ф.* Цит. соч., с. 394.
[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 47, с. 104, 409. «Одним из первых орудий, которым овладевает человек, является животное (домашнее животное)»; «Животное вообще является одним из древнейших орудий человека».

гельс характеризует низшую ступень дикости как «переходное состояние» от животного к человеку и считает главным достижением этого периода, его результатом «возникновение членораздельной речи»[1]. Причем одной из наиболее существенных черт этого периода Энгельс называет добывание пищи путем собирательства. Производство же первых орудий труда он относит к более позднему времени, не проводя, таким образом, однозначной связи между возникновением речи и использованием орудий труда.

Косвенным свидетельством того, что изготовление орудий труда не являлось с точки зрения Энгельса бесспорным доказательством возникновения человека служит и тот факт, что, зная из работы Лайеля точную датировку первых каменных орудий, он относит их к периоду существования «переходных существ», который, по его словам, длился сотни тысяч лет. Если учитывать ситуацию, сложившуюся тогда в науке о происхождении человека, это означало, что Энгельс относит эти переходные существа к геккелевским обезьянолюдям, или людям-животным, характерной чертой которых, как мы помним, было отсутствие речи и сознания.

Вернемся теперь к вопросу о том, как процесс естественного отбора мог привести к возникновению труда, речи и социальности, являющихся, по общему признанию, теми тремя китами, на которых зиждется существование человечества.

Как уже отмечалось выше, характерной чертой людей-животных Энгельс считал их способность к совершенствованию. Специфичность этой черты заключалась в том, что в процессе естественного отбора, как правило, закрепляется определенный тип биологической специализации. Чем выше расположен вид на эволюционной лестнице, тем большее развитие получает у него дифференциация и специализация органов. В то же время чем более специализирован вид, тем тщательнее естественный отбор подавляет каждое мелкое уклонение от нормы, а следовательно, тем меньше шансов имеет данный вид для своего дальнейшего развития. Это связано прежде всего с тем, что чем дальше зашла специализация, тем сильнее должна меняться форма органов для перехода их к иному употреблению[2]. В этом проявляется та неразрывность формы и содержания в органической природе, о которой говорил Энгельс,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 29.

[2] См. выписки Маркса из работы: *Дарвин Ч.* О происхождении в путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых д в борьбе за жизнь. Лондон. 1859 г. в его «Экономических рукописях —1863 гг.». — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 47, с. 401—402.

ссылаясь в качестве примера на взаимообусловленность морфологических и физиологических явлений, формы и функции[1]. Путь все большей биологической специализации оказывается тупиковым путем. Поэтому, по меткому замечанию Энгельса, каждый прогресс в развитии органического мира является «вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»[2].

Особенностью обезьянолюдей являлось отсутствие биологической специализации, способность к выполнению различных операций с помощью руки. Изменение морфологии пошло у них двумя путями — по линии приспособления к среде и приспособления к труду. Этот новый тип преобразования морфологической организации смог возникнуть только благодаря тому, что труд утратил свой случайный характер, перестал быть «чем-то лишь побочным и не оказывающим воздействия на положение в целом»[3] и приобрел признак *необходимости,* став способом жизнедеятельности предлюдей. Правда, приспособление к труду существует и у некоторых других видов животных, но у них оно идет в русле биологической специализации. Гениальная мысль Энгельса о превращении приспособления к труду в фактор естественного отбора, изменяющий саму морфологию вида, снимающий препятствия к дальнейшему развитию трудовой деятельности, высказанная им в «Роли труда»[4], служит ключом к проблеме возникновения в ходе биологической эволюции свойств, характеризующих высшую форму движения.

Еще одной характерной чертой биологически неспециализированного, инстинктивного труда обезьянолюдей являлся его коллективный характер. В одной из заметок к «Диалектике природы», написанной в 1875 г., Энгельс подчеркивает роль сотрудничества в органической природе: «взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Следовательно, уже в области природы нельзя провозглашать только одностороннюю «борьбу»»[5]. А в письме П. Л. Лаврову, почти дословно совпадающем с текстом этой заметки, он развил эту мысль, применив ее к проблеме происхождения человека. «По моему мнению,— писал он,— общественный ин-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 620.
[2] Там же, с. 621.
[3] Там же, с. 624.
[4] См. там же, с. 488.
[5] Там же, с. 622.

стинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, насколько наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было»[1]. К этому возвращался он практически каждый раз, когда в центре его внимания оказывалась проблема антропосоциогенеза. Так, в «Роли труда» он подчеркивает, что нельзя выводить происхождение человека, наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков[2], а в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» отмечает, что превращение обезьяны в человека могло совершиться только в условиях существования достаточно крупных и долговечных групп[3]. Все это указывает на то большое значение, которое он придавал этой особенности жизни обезьянолюдей.

Роль коллективного образа жизни заключалась не только в том, что он обеспечивал большую безопасность членов стада, хотя и это было достаточно важно для наших лишенных особых биологических средств защиты предков,— объединение нескольких особей в целях самозащиты является характерной чертой любого стада[4]. Еще важнее было то, что трудовые навыки, не будучи запрограммированы биологической организацией индивида и являясь коллективным достоянием, могли передаваться только от одного члена стада к другому и первоначально, очевидно, лишь путем имитации. Стада обезьянолюдей принципиально отличались от прочих стад тем, что их членов сплачивали не только оборонительный и т. д. инстинкты, но и зарождающаяся производственная необходимость, действовавшая через биологические механизмы отбора и приспособления. Значение коллективного образа жизни было, видимо, настолько велико, что в процессе естественного отбора начали отбираться не только наиболее биологически приспособленные особи или особи, лучше приспособленные к труду. Происходил также и своеобразный отбор на коллективизм, выживали те стада, в которых меньше всего проявлялись центростремительные тенденции зоологического индивидуализма. А опасность этих тенденций для существования подобных сообществ была вполне реальной. И связана она была прежде всего с проти-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 138. Под инстинктом ·да подразумевалось стремление, соединяющее целесообразность и ·отчетность и приводящее к результату, полезному не только для ин-·ида, но и для рода в целом.

[2] См. там же, т. 20, с. 488.

[3] См. там же, т. 21, с. 40.

[4] См.: *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966, с. 109.

воположностью семьи и стада у высших животных. Поэтому Энгельс особо оговаривает, что, учитывая эту противоположность, мы обязаны допустить иные формы взаимоотношений полов, помимо многоженства и сожительства отдельными парами[1]. «Взаимная терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких более крупных и долговечных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека»[2]. Таким образом, еще одной особенностью этих стад являлось то, что они были устойчивыми и долговременными объединениями и обладали высокой степенью целостности.

В органической природе встречаются и другие чрезвычайно устойчивые объединения, но не среди высших животных. Это государства насекомых, колонии кораллов и т. д., о которых говорил Энгельс[3]. Их характерной чертой является то, что индивид не представляет собой самостоятельно существующей единицы, как целое выступает лишь совокупность особей. В таких объединениях «индивид является самое большее переходной ступенью, а телесная community [общность] по большей части представляет собой ступень полного развития»[4]. Ю. И. Семенов очень удачно назвал эти «общества» сверхиндивидами, отразив в этом названии тот факт, что они являются в сущности даже не объединениями, а коллективными биологическими организмами[5]. Нормальным условием их существования является подавление полового инстинкта большинства членов.

Итак, стадо обезьянолюдей являлось принципиально новым типом общности на рубеже биологической и социальной форм движения. Взаимоотношения особи и стада регулировались в нем качественно иными механизмами, нежели в других животных сообществах. Опасность зоологического индивидуализма нейтрализовывалась не путем подавления полового инстинкта, а путем возникновения такого типа взаимоотношений между полами, который не встречается в животном мире. В этом стаде отдельные особи не играли роли функций, органов, место которых в общности генетически запланировано. Оно содержало способные к дальнейшему развитию зачатки социальности, отсутствовавшие у всех других объединений на уровне биологической формы движения.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 39.
[2] Там же, с. 40.
[3] См. там же, т. 20, с. 624.
[4] Там же.
[5] См.: *Семенов Ю. И.* Цит. соч., с. 134.

Рассматривая проблему взаимоотношений сообщества и индивида в первых формах общности, являющихся еще продуктом естественного развития, Маркс подчеркивал полную несвободу индивида, его сращенность с естественно образовавшейся общностью. Он отмечал, что и позже там, где община претерпела меньше изменений в процессе исторического развития, «община выступает в качестве субстанции, индивиды же как всего лишь акциденции ее или ее составные части, образовавшиеся чисто естественным путем» [1].

Решающую роль в определении характера сообщества обезьянолюдей сыграло возникновение нового типа жизнедеятельности. Именно «в характере жизнедеятельности,— писал Маркс,— заключается весь характер данного вида, его родовой характер» [2]. Жизнедеятельность обезьянолюдей была по своему характеру производительной, предполагала, хоть и в очень скромных масштабах, преобразование природы, увеличение искусственным путем доставляемых ею средств к существованию. Труд на этом этапе был именно тем трудом, о котором говорил Маркс в V главе I тома «Капитала», когда указывал, что на рубеже человеческой истории труд является еще «примитивным» и протекает в «животнообразных, инстинктивных формах» [3]. Но за этой старой формой уже новое содержание. В этой связи представляется интересной мысль Ю. И. Семенова о выделении трех этапов развития труда: 1. труд в мире животных — рефлекторный по форме, являющийся способом приспособления к среде по содержанию; 2. существующий у предлюдей — рефлекторный по форме, но являющийся способом преобразования среды по содержанию; 3. собственно человеческий труд, являющийся сознательной деятельностью по преобразованию природы [4].

В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс отмечает, что «животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш... Оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности... продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом» [5], т. е. животное производит биологически потребное. Это соответствует тому типу объединений животных, при котором стадо выступает как способ приспособления отдельного животного к окружающей приро-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 465.
[2] Там же, т. 42, с. 93.
[3] Там же, т. 23, с. 189.
[4] См.: *Семенов Ю. И.* Цит. соч., с. 144.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 93—94.

де, а его эволюция сводится к эволюции его членов. Когда же способом жизнедеятельности начинает выступать труд, пусть даже сначала инстинктивный, и появляется новый тип объединений, то возникает необходимость перехода от «производства» на себя и детеныша к производству на сообщество. При этом происходит все большее отделение производственной деятельности от непосредственного удовлетворения биологических потребностей. Так возникают первые предпосылки социальности.

Советскими учеными уже не раз подчеркивалось значение совместной деятельности. В своей работе «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса» В. П. Кузьмин отмечал, что, с точки зрения основоположников марксизма, «и труд, и сознание, и язык есть *совместный* труд, *совместное* знание, *средство общения* людей между собой. Именно эта совместность, коллективность жизни, труда, производства, знания и сознания, языка и человеческого мышления представляет собой *сверхбиологическое* основание человеческого бытия, такое качество, которое не вытекает прямо и непосредственно из биологических потребностей» [1]. В основе же формирования этой сверхбиологической деятельности лежит переход от удовлетворения потребностей индивидуума к удовлетворению потребностей стада. Причем деятельность на сообщество оказывается не только внешним долженствованием, но и необходимым условием производительной деятельности индивида. В «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» Маркс отмечал, что «чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому... Человек есть в самом буквальном смысле ζῶον πολιτικόν [политическое животное], не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества... такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидов» [2]. Позднее он снова возвращается к этой мысли, подчеркивая, что собственное производительное существование индивида возможно только при условии его принадлежности к какому-либо *естественно сложившемуся коллективу*, что выступает на заре человеческой истории одним из природных условий производства [3].

---

[1] *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 172.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 18.

[3] См. там же, с. 481.

Естественный отбор отныне начинает идти в новых формах: наряду и в единстве с отбором особей идет и отбор стад, отбор наиболее биологически приспособленных дополняется отбором по степени приспособленности к инстинктивному труду. Специфика действия зарождающихся законов материального производства заключалась в этот период в том, что они действовали еще через законы биологического развития, что удачно отражает введенный Ю. И. Семеновым термин «биосоциальный отбор», представляющий собой утверждение социального через биологическое[1]. Орудийная деятельность, коллективный труд и впоследствии связанный с языком рост информации направляли биологическую эволюцию по пути совершенствования руки, развития речевого аппарата и головного мозга. Таким образом, совершенствование производственной деятельности шло двояко: путем ее саморазвития и путем происходившего под действием отбора совершенствования морфологической организации предлюдей по признаку оптимальной приспособленности к процессу труда.

Все это позволяет сделать вывод, что обезьянолюди уже не были в полном смысле слова животными, хотя не были еще и людьми. Это именно предлюди, люди-животные, переходные существа. Большое методологическое значение для понимания их места в эволюционном ряду имеет мысль Энгельса о том, что противоположности переходят друг в друга через промежуточные формы[2]. Кроме того, в «Роли труда» он называет несколько условий, необходимых для превращения обезьяны в человека, которые возникли не одновременно, а последовательно, и дали новый толчок развитию мозга — прямохождение и освобождение руки, изготовление орудий труда, стадный образ жизни, преобразующий характер трудовой деятельности, возникновение языка и сознания.

В этих высказываниях Энгельса содержится идея о двух переломных моментах в процессе превращения обезьяны в человека. Первый означал возникновение и, в дальнейшем, длительное развитие промежуточной формы. Его основное содержание заключалось в создании анатомо-морфологических предпосылок развития труда и возникновения человека. «Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга»[3],—

[1] См.: *Семенов Ю. И.* Цит. соч., с. 263.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 527.
[3] Там же, с. 357.

писал Энгельс. Второй же скачок, происшедший относительно недавно, означал возникновение речи и сознания.

Развитие речи было связано прежде всего с тем, что связи между членами стада все усложнялись и потребовались иные способы регулирования их поведения. Особенно это относилось к передаче все более совершенствовавшихся трудовых навыков. «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» [1].

Таким образом труд, изменив способ жизнедеятельности людей-животных, формы существовавших у них объединений, наконец, сами отношения между ними в стаде, привел к возникновению речи. Язык, отмечал Энгельс, возник «из процесса труда и вместе с трудом». Но не непосредственно из процесса труда, как процесса, происходящего между индивидом и природой, а будучи опосредован зарождением нового типа общности. Маркс и Энгельс неоднократно отмечали, что «язык как продукт отдельного человека — бессмыслица» [2], что «язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [3].

Значение возникновения речи и сознания огромно, но мы ограничимся указанием лишь на один его момент — отныне возникла своеобразная материализация межиндивидуальных связей в коллективе. Указывая на эту сторону языка, Маркс писал: «Сам язык в такой же мере является продуктом опре-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 489.
[2] Там же, т. 46, ч. I, с. 479.
[3] Там же, т. 3, с. 29.

деленного коллектива, как, с другой стороны, он сам есть наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие»[1].

Как известно, характерной чертой человеческой жизнедеятельности Маркс считал ее сознательный характер. Животное, по словам Маркса, тождественно со своей жизнедеятельностью, не отличает себя от нее. «Оно есть *эта жизнедеятельность.* Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности»[2].

Как высоко оценивали Маркс и Энгельс значение возникновения мышления-сознания для становления социальной формы движения, видно из их неоднократных определений сознания как высшей формы движения материи, в которой материя осознает саму себя. «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»[3],— писал Энгельс.

Сознание, так же как и язык, уже «с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»[4]. И язык, и сознание возникают в процессе общения, прежде всего в сфере трудовой деятельности людей. «Производство идей, представлений, сознания первоначально... вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»[5],— отмечали Маркс и Энгельс. В своей статье «Фридрих Энгельс о проблеме становления человека» Н. Б. Тер-Акопян совершенно справедливо замечает, что уже в такой постановке вопроса в «Немецкой идеологии» заключался отправной пункт для исследований о роли труда в становлении мышления.

Раз возникнув, речь и сознание в свою очередь оказали огромное влияние на труд. Характерная особенность челове-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 479.

[2] Там же, т. 42, с. 93.

[3] Там же, т. 20, с. 391. Подробнее о характеристике Энгельсом мышления-сознания как высшей формы движения см.: *Тер-Акопян Н. Б.* Цит. соч.

[4] Там же, т. 3, с. 29.

[5] Там же, с. 24.

ческой речи, в отличие от системы сигнализации у животных, состоит в том, что она является системой общих понятий и, следовательно, предполагает элемент абстрагирования. Это создает возможность перехода на новый уровень целесообразной деятельности. Отныне с самого начала процесса труда у субъекта труда присутствует идеальный образ продукта, т. е. в процессе труда происходит осуществление сознательной цели, «которая как закон определяет способ и характер его (субъекта.— *Н. Т.*) действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании» [1]. Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и умозаключению оказывало, по словам Энгельса, обратное влияние на труд и язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию. С момента окончательного отделения человека от обезьяны и появления готового человека, а вместе с ним нового элемента — общества это развитие не только не закончилось, но продолжалось и после [2].

Переход от биологической формы движения к социальной означал переход к принципиально новому типу детерминации [3]. С этого момента прекратилось действие естественного отбора, а развитие человеческой истории пошло все убыстряющимися темпами. К ней вполне применим оказался отмеченный Энгельсом для органической природы закон — «Чем выше, тем быстрее идет дело» [4]. Темпы изменения общества резко возросли по сравнению с темпами изменения природной среды, так как отныне для дальнейшего развития не было необходимости в совершавшемся на протяжении многих поколений изменении собственной морфологии.

Однако период первобытной истории, начавшийся с возникновением готового человека и общества, выходит за рамки данной работы и уже не является предметом нашего рассмотрения.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.

[2] См. там же, т. 20, с. 490.

[3] Взгляды Маркса и Энгельса на всемирную историю как на переход от системы с преобладанием естественной детерминации, начиная с исходного пункта человеческой истории — природной определенности в ее субъективной и объективной форме, к системам с преобладанием социально-исторической детерминации подробно рассмотрены в упоминавшейся книге В. П. Кузьмина, к которой мы и отсылаем читателя.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 620.

Я. Г. Рокитянский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В СРЕДЕ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ В 1846 — НАЧАЛЕ 1848 г.

Участие Маркса и Энгельса в раннем немецком рабочем движении уже привлекало к себе внимание марксистских историков. В данной статье речь пойдет о наименее исследованных проблемах этого этапа. Будут намечены основные вехи распространения Марксом и Энгельсом идей научного коммунизма среди немецких рабочих, рассмотрены некоторые особенности первоначального взаимодействия марксизма с рабочим движением. Исследование этих проблем позволит лучше понять деятельность Маркса и Энгельса как вождей и наставников рабочих, выработанные ими и сохраняющие актуальное значение методы привлечения представителей стихийного рабочего движения к научному коммунизму, даст возможность опровергнуть многие тенденциозные концепции буржуазных и реформистских историков.

* * *

Социальную базу немецкого рабочего движения составляли в 30—40-х гг. XIX в. в основном ремесленники, которые начали переходить в ряды промышленного пролетариата. Экономическая отсталость Германии и ее политическая раздробленность вынуждали многих из них искать применение своим силам за пределами Германии. Десятки тысяч, главным образом, портных, сапожников, а также столяров, слесарей, ткачей, кожевников, маляров, находились в это время в Швейцарии, Франции, Англии, США, Бельгии, Голландии и в других странах[1]. Здесь они осваивали передовой опыт классовой борьбы

---

[1] Согласно оценкам французского историка Ж. Гранжона, во Фран- в 1841 г. проживало 100 тыс. немцев (из них в Париже — 30 тыс.), .7 г. — 170 тыс. (в Париже — 62 тыс.); в Швейцарии в 1840 г. было ыс. немцев, из них 12 тыс. ремесленников; в Лондоне в 1841 г. — ыс. немцев, а в 1846—1847 гг. — 40 тыс.; в Бельгии в 1846 г. — 59 немцев. Всего в европейских странах за пределами Германии

французских и английских рабочих, опережая в своем идейном развитии своих братьев по классу в самой Германии.

Благоприятные предпосылки для идейного развития немецких рабочих появились во второй половине 30-х гг. в Париже. Под влиянием широко распространенных здесь теорий французского утопического социализма и коммунизма, прежде всего необабувизма, наиболее радикально настроенные рабочие вышли за рамки буржуазно-демократических взглядов и мелкобуржуазного социализма и создали в 1836—1837 гг. собственную организацию — Союз справедливых, а затем и новое идейное направление — немецкий утопический рабочий коммунизм [1].

Новое направление не отличалось теоретической глубиной. Для него были характерны грубая уравнительность, сектантские и заговорщические идеи, идеалистические и религиозные представления, элементы нигилистического подхода к науке и искусству, некоторые мелкобуржуазные предрассудки. Однако его представители сумели ярко выразить классовое самосознание формирующегося немецкого пролетариата, антикапиталистические настроения рабочих, инстинктивно предвосхитить их роль в борьбе против капиталистической эксплуатации, за новый общественный строй социального равенства и братства народов. Они отвергали реформаторские планы преобразования буржуазного общества и предвидели неизбежность социальной революции. «Величайшую честь,— писал Энгельс,— этим ремесленникам делает то обстоятельство, что, будучи сами еще не настоящими пролетариями, а лишь той частью мелкой буржуазии, которая только переходила в ряды современного пролетариата и не стояла еще в прямой противоположности к буржуазии, то есть к крупному капиталу, они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и конституироваться, хотя еще и не вполне сознательно, как партия пролетариата» [2].

проживало в 1846—1847 гг. от 250 до 300 тыс. немцев, большей частью рабочих. — *Grandjonc J.* Die deutschen Binnenwanderungen in Europa 1830 bis 1848. — In: Die frühsozialistischen Bünde in der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Vom «Bund der Gerechten» zum «Bund der Kommunisten» 1836—1847. Ein Tagungsbericht. Berlin [West], 1975, S. 17—20.

[1] См. подробнее: *Кандель Е. П.* Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., 1953, с. 40—50; *Михайлов М. И.* История Союза коммунистов. М., 1968, с. 15—43; *Бобков А. М.* К истории раскола Союза отверженных в 1836—1837 годах. — Новая и новейшая история, 1959. № 5; *Kowalski W.* Vorgeschichte und Entstehung des Bundes der Gerechten. Berlin, 1962.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 219.

В конце 30 — начале 40-х гг. движение немецких рабочих-коммунистов распространилось за пределы Франции, в том числе на Англию, Швейцарию, США и на саму Германию. Здесь возникли организации Союза справедливых и на их основе коммунистические рабочие союзы и просветительные общества [1]. Через них прошло более тысячи немецких рабочих.

Особенно большие успехи в теоретической и организационной областях были достигнуты в 1842—1844 гг. в Швейцарии, где ведущим представителем немецкого рабочего коммунизма В. Вейтлингом была создана сеть коммунистических рабочих союзов численностью в несколько сот человек, первые журналы рабочих «Der Hülferuf der deutschen Jugend» и «Die junge Generation». В этот период в Швейцарии было издано более десятка брошюр коммунистического содержания, в том числе лучшая работа Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы». В ней были развиты многие положения немецкого рабочего коммунизма.

После ареста Вейтлинга летом 1843 г. большую роль в популяризации и разработке немецкого рабочего коммунизма сыграли кожевник С. Шмидт, публицисты А. Беккер и С. Зейлер. Они сумели консолидировать движение, обогатить его рядом новых идей [2]. Благодаря усилиям Вейтлинга и его сторонников в Швейцарии это направление стало одним из заметных явлений общественной мысли Германии первой половины 40-х гг. [3]

К середине 40-х гг. ведущие позиции в раннем немецком рабочем движении заняли его представители в Лондоне [4]. В феврале 1840 г. высланные из Франции за участие в майском восстании бланкистов 1839 г. в Париже К. Шаппер и И. Молль создали в Лондоне Просветительное общество немецких рабочих, сплотив вокруг себя группу активных сторон-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 450.

[2] Ср. *Becker A.* Was wollen die Kommunisten? Lausanne, 1844; см.: *Рокитянский Я. Г.* Маркс и Энгельс и немецкий рабочий коммунизм. — В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973, с. 73—79.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 535—537; *Ruge A.* Der deutsche Kommunismus. — In: Die Opposition. Hrsg. von K. Heinzen. Mannheim, 1846, S. 97.

[4] См.: *Кандель Е. П.* Указ. соч., с. 105—107; *Михайлов М. И.* Указ. с. 92—100; *Brandenburg A.* Der kommunistische Arbeiterbildungsn in London. Ein Beitrag zu den Anfängen der deutschen Arbeitergung (1840—47). — International Review of Social History, 1979, ;, p. 341—370.

ников рабочего коммунизма. К 1845 г. Общество насчитывало уже 130 участников, к апрелю 1846 г. — 250, а в 1847 г. — вместе с его филиалом в восточной части Лондона 400—500 человек [1].

В Просветительном обществе рабочие изучали иностранные языки, различные научные дисциплины, слушали лекции по историческим и актуальным политическим вопросам. Библиотека Общества к середине 40-х гг. состояла примерно из 500 томов и включала произведения выдающихся писателей, историков, философов и социалистов-утопистов [2].

Под влиянием прогрессивных социальных теорий 40-х гг., в том числе идей младогегельянцев, опыта чартистского движения Шаппер и его товарищи преодолели свои прежние грубоуравнительные, сектантские и заговорщические представления, отказались от религиозного обоснования коммунистических идей, пришли к выводу о невозможности немедленного осуществления коммунизма, о необходимости периода подготовки рабочего класса к революционной борьбе. Они критически относились к детализированным и фантастическим описаниям будущего общества, характерным для утопических систем Р. Оуэна, Э. Кабе, Ш. Фурье и самого Вейтлинга [3]. К 1846 г. более конкретное содержание обрели революционные и интернационалистские взгляды передовых немецких рабочих в Лондоне [4]. В состав Просветительного общества входили теперь не только немцы, но и англичане, венгры, поляки, французы, итальянцы, швейцарцы, датчане, бельгийцы [5]. Устанавливаются тесные контакты с чартистами и революционными эмигрантами в Лондоне. При активном участии передовых немецких рабочих в Лондоне было создано международное общество «Братские демократы» [6]. Благодаря деятельности

---

[1] Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. 1836—1849. Berlin, Bd. 1, 1970, S. 457—458; Das Westphälische Dampfboot, 1847, H. 5, S. 266; Der Volks-Tribun, 1846, 26. August; Le Populaire de 1841, 1847, 3. Octobre; *Barnikol E.* Weitling der Gefangene und seine «Gerechtigkeit». Kiel, 1929, S. 220.

[2] *Barnikol E.* Op. cit., S. 214—222; Союз коммунистов 1836—1849. Сборник документов. М., 1977, с. 109—110; см. также список книг из библиотеки Просветительного общества. (Bücherverzeichnis). — In: Schriften aus dem Karl-Marx-Haus. 1979, H. 23, S. 37—39.

[3] Союз коммунистов, с. 74—76, 80—81, 108—109; Der Bund der Kommunisten, S. 234—237, 239.

[4] См. выступления и документы Шаппера и его товарищей. — The Northern Star, 1845, November 15; Der Volks-Tribun, 1846, 9., 30. Mai; Союз коммунистов, с. 80; Der Bund der Kommunisten, S. 223, 225, 226.

[5] Союз коммунистов, с. 110.

[6] Der Bund der Kommunisten, S. 242—243.

лондонцев Союз справедливых постепенно превращался в международную пролетарскую организацию [1].

Возможности для дальнейшего развития немецкого рабочего утопического коммунизма были ограничены прежде всего из-за отсутствия у его представителей глубоких научных знаний. Созданный путем эклектического соединения различных идеалистических социальных теорий этот вид утопического коммунизма не обладал устойчивостью по отношению к мелкобуржуазным учениям, был предрасположен к идейному застою и кризису.

Подобная тенденция проявилась уже в 1843 г. в творчестве Вейтлинга, который после «Гарантий гармонии и свободы» стал выдвигать на передний план сектантские и заговорщические идеи, выступать с религиозным обоснованием коммунистических взглядов [2]. В середине 40-х гг. из-за преследований властей и влияния представителей мелкобуржуазного «истинного социализма» — Г. Кульмана, К. Грюна, Г. Криге и других — в кризисном состоянии оказалось движение немецких рабочих в Швейцарии, Париже, США и Германии. Не были свободны от влияния идей «истинных социалистов» и передовые немецкие рабочие в Лондоне.

Опыт идейного развития раннего немецкого рабочего движения показывает, что рабочие самостоятельно могут сделать лишь первые шаги на пути к пониманию коренных интересов пролетариата, характера буржуазного общества, целей и способов борьбы трудящихся за новый общественный строй. Однако сами они не в состоянии создать теоретическую основу для формирующегося рабочего движения, успешно противостоять мелкобуржуазным влияниям.

Научная социальная теория могла быть привнесена в стихийное рабочее движение только извне [3]. В середине 40-х гг. XIX в. эту теорию в среде передовых немецких рабочих начали распространять Маркс и Энгельс.

С коммунистическими взглядами немецких рабочих Маркс и Энгельс ознакомились в 1842—1844 гг. Они с самого начала понимали слабые стороны этого идейного движения. Однако в отличие от деятелей типа А. Руге, Б. Бауэра, К. Гуцкова они сумели оценить достоинства литературных выступлений Вейтлинга и его товарищей и после перехода на коммунисти-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 218.

[2] См.: *Вейтлинг В.* Евангелие бедного грешника. Лейпциг — СПб., 1907; Der Bund der Kommunisten, S. 158—163.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

ческие позиции считали немецких рабочих-коммунистов союзниками в борьбе за коммунистические идеалы [1].

Важной вехой в отношении Маркса и Энгельса к представителям немецкого рабочего коммунизма стала разработка ими на рубеже 1845 и 1846 гг. основ исторического материализма и научного коммунизма. С этого времени они стремились убедить в правильности своей теории «европейский и прежде всего германский пролетариат» [2].

Маркс и Энгельс обратили особое внимание на передовых немецких рабочих в первую очередь потому, что последние отличались относительно высоким уровнем идейного развития [3]. А это являлось одной из важных предпосылок для освоения ими идей научного коммунизма [4]. Основоположники марксизма учитывали также сравнительно широкие масштабы идейного течения немецких рабочих, которое оказывало все большее влияние на рабочее движение в Германии [5]. К тому же в 1843—1845 гг. они уже установили довольно тесные связи с Вейтлингом и его товарищами в Париже и Лондоне [6].

«Направление социализма к слиянию с рабочим движением,— отмечал В. И. Ленин,— есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата» [7].

Первый этап деятельности Маркса и Энгельса был связан с их попыткой приобщить к своей революционной теории Вейтлинга, которого они считали идейным вождем немецких рабочих [8]. Они пригласили его в Брюссель и в феврале — мае 1846 г. приложили немало усилий, чтобы наладить с ним плодотворное сотрудничество, помочь ему преодолеть ошибочные взгляды. Как известно, эта попытка Маркса и Энгельса

---

[1] Подробнее об отношении Маркса и Энгельса к рабочему коммунизму Вейтлинга в 1842—1845 гг. см.: *Рокитянский Я. Г.* Указ. соч., с. 80—100.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 221.

[3] См. там же, т. 1, с. 443—444, а также т. 21, с. 218; т. 27, с. 381.

[4] Ср. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 269.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 217—218.

[6] См. там же, с. 221. См. подробнее: *Кандель Е. П., Бах И. А.* Участие Маркса и Энгельса в международном рабочем движении 40-х годов XIX в. — важный фактор формирования марксизма. — В кн.: Рабочее движение в новое время. М., 1964, с. 5—36.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 244—245.

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 525.

не увенчалась успехом. Однако они извлекли из событий в Брюсселе ряд важных уроков и прежде всего выяснили консервативный характер позиции, занятой Вейтлингом в немецком рабочем движении. Они пришли к выводу о необходимости решительной борьбы против утопических и сектантских представлений Вейтлинга [1].

* * *

По мере обострения споров с Вейтлингом Маркс и Энгельс обращают все большее внимание на представителей немецкого рабочего коммунизма в Париже. Здесь находилась тогда Народная палата Союза справедливых. Во главе ее стоял немецкий врач Г. Эвербек. В донесении французской полиции «Сведения о немецком коммунизме» (июнь 1845 г.) он был назван руководителем немецких коммунистов в Париже. На квартире Эвербека проходили собрания немецких рабочих. Он установил тесные связи с немецкими коммунистами в Лондоне и в различных городах Швейцарии и Германии [2].

К середине 40-х гг. взгляды возглавляемой Эвербеком группы значительно видоизменились. Большое влияние оказали на нее идеи ведущего представителя французского рабочего коммунизма Э. Кабе [3]. Оставив без изменения старые цели Союза справедливых — достижение социального равенства [4], Эвербек, а также Г. Мёйрер под влиянием Кабе начали выступать за постепенный мирный переход к новому общественному строю [5]. В 1843—1844 гг. Эвербек, Мёйрер и возглавляемые ими немецкие рабочие под воздействием младогегельянцев

---

[1] См.: Союз коммунистов, с. 100.

[2] Renseignements sur le communisme allemande et sur les tentati- qui ont été faites pour propager les idees de cette secte. — L'Actualité l'Histoire, 1957, N 19, p. 23.

[3] Ibid., p. 25; *Ewerbeck H.* L'Allemagne et les Allemands. Paris, 1851, 589; Der Bund der Kommunisten, S. 140—141.

[4] См.: Проект Устава Союза справедливых, подготовленный Народпалатой в Париже в начале 1843 г. — Der Bund der Kommunisten, 153.

[5] Член берлинской общины Союза справедливых Ф. Ментель, арезанный в декабре 1846 г., во время следствия показал, что после эзда Вейтлинга в Швейцарию «был провозглашен принцип, что трудиеся должны быть подготовлены к тому, чтобы в случае каких-лиизменений они смогли потребовать гарантии своих прав. О проведетаких изменений насильственным путем не было больше речи». — А ИМЛ, ф. 191, оп. 1, д. 707, л. 158; см. также: Союз коммунистов, 0.

отошли от религиозных и ряда утопических идей немецкого рабочего коммунизма [1].

С октября 1843 г. Маркс жил в Париже по соседству с Мёйрером и познакомился с ним и Эвербеком как раз в период их увлечения идеями Людвига Фейербаха [2]. Маркс произвел огромное впечатление на Эвербека. В одном из писем он назвал его «Аристотелем XIX века» [3], а позднее в воспоминаниях характеризовал как «человека необычайного ума и большой эрудиции, твердого характера и огромной проницательности» [4]. Статьи Маркса в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и другие его работы оказали определенное идейное влияние на Эвербека. Оно заметно прежде всего в составленном им в этот период проекте программы Союза справедливых [5]. Взгляды Эвербека не отличались устойчивостью. Он воспринимал идеи немецких философов, в том числе Маркса, поверхностно [6]. Вскоре после отъезда Маркса в феврале 1845 г. из Парижа он оказался под влиянием «истинного социалиста» К. Грюна, противника коммунистических, пролетарских и революционных принципов [7]. Грюн читал рабочим лекции в духе «истинного социализма» и издал за их счет чисто либеральную брошюру «Решения короля, адресованные прусским ландтагам» [8].

В 40-х гг. в Париже действовала еще одна группа членов Союза справедливых, главным образом портных, во главе с Андреасом Шерцером, которого Маркс позднее называл носителем «ужасающей цеховой ограниченности», «г-ном неучем и вейтлингианцем» [9]. Ее представители увлекались сентиментальными фразами о любви к ближнему, равенстве, правде,

---

[1] Der Bund der Kommunisten, S. 158—161, 174, 1010; Союз коммунистов, с. 71—72; Blätter der Zukunft, 1845, S. 60—61.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 451; т. 27, с. 377—379, 383; Arnold Ruges Briefwechsel und Tageblätter aus den Jahren 1825—1880. Berlin, 1886, Bd. 1 (1825—1847), S. 359.

[3] Союз коммунистов, с. 104.

[4] *Ewerbeck H.* Op. cit., p. 588.

[5] *Hundt M.* Programmatischen Bemühungen im Bund der Gerechten. Zur Marx' Einfluß auf ein neuentdecktes Katechismus — Fragment von 1844/1845. — In: Marx-Engels-Jahrbuch. Berlin, 1979, Bd. 2, S. 323—333; см. также другие материалы Эвербека этого периода.— In: Vorwärts!, 1844, 26. Oktober; Blätter der Zukunft, 1845, S. 3—6, 31.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 31—32, 39, 49—50, а также характеристику Эвербека и Мёйрера в статье М. Гесса «О социалистическом движении в Германии». — In: *Hess M.* Philosophische und sozialistische Schriften. 1837—1850. Berlin, 1961, S. 300.

[7] Blätter der Zukunft, 1845—1846, S. 64, 97—128.

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 32, 37—38, 40, 49.

[9] Там же, т. 29, с. 37, 304.

религиозными и уравнительными идеями Вейтлинга[1]. В середине 40-х гг. между сторонниками Эвербека и Шерцера шла ожесточенная борьба[2]. «На одной стороне,— отмечалось в Циркулярном письме I конгресса Союза коммунистов,— находилась партия, которая преобладала в Народной палате, округе, партия вейтлингианцев; на другой стороне были те, кто еще полагал, что и у Грюна можно кое-чему научиться». В результате в Париже в 1845—1846 гг. «не наблюдалось ни малейшего прогресса, ни малейшего участия в развитии принципов, в движении пролетариата, как это происходило в других организациях Союза и *вне* Союза»[3].

Письма Эвербека дали Марксу общее представление о ситуации, сложившейся в парижских общинах Союза справедливых и в его руководстве в 1845—1846 гг.[4] Как видно из письма Эвербека Марксу от 15 мая 1846 г., Маркс в конце апреля — начале мая сообщил ему о разногласиях с Вейтлингом. Эвербек подтвердил, что Вейтлинг не пользуется авторитетом среди наиболее активных членов Союза справедливых в Париже — столяров. Однако это же письмо и ряд других документов за май — июнь 1846 г. свидетельствовали о росте влияния Грюна на членов Союза справедливых. В ответ на предостережения Маркса Эвербек взял Грюна под защиту, указывая на его просветительную работу в среде рабочих[5].

Теперь Марксу и Энгельсу стало ясно, что одна переписка с Эвербеком не может существенно изменить ситуацию. В июне 1846 г. было принято решение об отъезде Энгельса в Париж[6]. В середине августа он уже был там. «Энгельс находится в среде наших рабочих, чтобы вербовать среди них сторонников»[7],— писал Грюн Прудону в сентябре 1846 г.

После ожесточенных споров в Брюсселе с Вейтлингом у Энгельса не было намерения общаться с его приверженцами во главе с Шерцером[8]. Все внимание Энгельс уделил группе наиболее активных членов Союза справедливых, главным обра-

---

[1] *Scherzer A.* Vor Weitlings Gefängnis. Paris, 1844; Musestunden und Schweisstropfen. Hrsg. von A. Scherzer. Paris, 1847.

[2] *Ruge A.* Zwei Jahre in Paris. Leipzig, 1846, Bd. 1, S. 340—341.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 403—404.

[4] См.: Эвербек — Марксу 31 августа, 31 октября, 28 декабря 1845 г. — MEGA III/1. Berlin, 1975, S. 477, 482—484, 489—490, 496—497.

[5] См.: Союз коммунистов, с. 104—105.

[6] См.: Эвербек — Марксу 30 июня 1846 г. — Der Bund der Kommunisten, S. 358.

[7] К. Грюн — П.-Ж. Прудону 26 сентября 1846 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 176, оп. 1, д. 16.

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 35.

зом столярам-мебельщикам, численностью примерно 20 человек, куда входили «наиболее дельные и способные к развитию члены парижских общин» [1].

Вначале Энгельс сделал все возможное, чтобы привлечь на свою сторону возглавлявшего эту группу Эвербека. Он раскрыл ему сущность взглядов Грюна. Под влиянием Энгельса и писем Маркса Эвербек изменил свое отношение к Грюну. Об этом свидетельствуют не только письма Энгельса и самого Эвербека в Брюссель [2], но и сетование Грюна в его письме Прудону от 26 сентября 1846 г.: «Хотя я и не поссорился с Эвербеком, я теперь не очень доволен им... После приезда сюда Энгельса он стал его рьяным последователем» [3].

Однако в остальном дела пошли не так гладко. Энгельс быстро убедился в том, что даже передовые представители группы Союза справедливых в Париже не отличаются зрелостью взглядов и решают все стоящие перед ними теоретические проблемы при помощи фраз о «равенстве», «братстве» и «справедливости». Он видел причины этой отсталости в условиях их жизни как ремесленников, в сохранившихся цеховых, мелкобуржуазных представлениях [4].

Энгельсу стало также ясно, какое пагубное идейное влияние оказал на немецких рабочих Грюн, который вытравлял из их сознания инстинктивно пролетарские взгляды. Он пришел к выводу, что преодоление этого влияния должно предшествовать активной пропаганде новой теории. «С этой публикой надо набраться терпения,— писал Энгельс 16 сентября в Брюссель,— сперва надо изгнать Грюна, который на самом деле прямо или косвенно оказывал на них ужасно расслабляющее влияние, а когда они будут отучены от этих фраз, я надеюсь чего-нибудь добиться...» [5]

В соответствии с этой тактикой Энгельс в сентябре — октябре 1846 г. ведет энергичную борьбу против идей Грюна, раскрывает перед рабочими их антипролетарский, мелкобуржуазный характер, показывает нереалистичность и утопизм

---

[1] Циркулярное письмо I конгресса Союза коммунистов. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 404.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 31—32, 35, 40; Союз коммунистов, с. 135.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 176, оп. 1, д. 16.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 65, 108. Именно взгляды немецких рабочих-коммунистов Энгельс имел в виду, называя их порой в своих письмах «штраубингерами», а их воззрения «штраубингерством», «портняжным коммунизмом», «коммунизмом ложки» и т. д. — Там же, с. 39, 41, 57, 65 и др.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 40.

пропагандируемого Грюном прудоновского плана постепенно выкупить у буржуазии все средства производства и таким образом без революции создать новый социальный строй. Из упоминавшегося письма Грюна Прудону видно, что Энгельс с самого начала противопоставлял мелкобуржуазным идеям «истинного социализма» революционные, пролетарские и коммунистические принципы. Грюн привел, в частности, высказывание Энгельса о том, что без насильственной революции «нельзя провести в жизнь общность имущества» [1]. Сам Энгельс так кратко сформулировал цели коммунистов: «1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции» [2].

Это определение не содержало философских дефиниций. На первый план в нем выдвигались задачи, близкие и понятные рабочим и имевшиеся, пусть в незрелом виде, в немецком рабочем коммунизме. Наряду с марксистским понятием «уничтожение частной собственности» Энгельс применил несвойственный марксизму термин «общность имущества» [3]. Он считался с тем, что представители немецкого рабочего коммунизма с конца 30-х гг. выступали под знаменем «общности имущества», и для облегчения взаимопонимания с ними сознательно пошел на терминологическое упрощение. Стремление Энгельса учесть круг интересов немецких рабочих и «установить более тесную связь с ними» проявилось и в двух его беседах о развитии Германии с 1789 г., за исходный пункт которых были взяты «экономические отношения» [4]. Эти факты убедительно опровергают утверждение некоторых буржуазных историков о пренебрежительном отношении Энгельса к немецким рабочим в Париже [5].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 176, оп. 1, д. 16.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 60.

[3] Во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Энгельс писал в 1895 г. об отличии марксистского требования присвоения рабочим классом средств производства «от туманной «общности имущества», выдвигавшейся утопическим и стихийным рабочим коммунизмом». — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 532.

[4] Там же, т. 27, с. 39. Некоторое представление о содержании этих бесед дают три письма Энгельса о положении в Германии, опубликованные в чартистской газете «The Northern Star» в 1845—1846 гг. — См. там же, т. 2, с. 559—579.

[5] *Schwarzschild L.* Karl Marx. The Red Prussian. New York, 1947, p. 146.

Очень конкретная, приспособленная к пониманию рабочих-коммунистов эмоциональная критика Энгельсом идей Грюна и Прудона принесла плоды. Если вначале Энгельс находился в определенной изоляции и против него, по его собственным словам, «была вся компания» [1], то вскоре обстановка изменилась. 26 сентября 1846 г. уже Грюн с горечью писал Прудону: «В этот момент я совсем один» [2]. Его следующее письмо от 8 октября также говорит о растущем отчуждении между ним и немецкими рабочими [3]. Решающая победа была одержана 18 октября, когда Энгельс поставил на обсуждение вопрос об отношении рабочих к коммунистическим идеям. 13 голосами против 2 собрание объявило себя коммунистическим в духе приведенного Энгельсом определения целей коммунистов [4].

Энгельс понимал, что размежевание немецких рабочих-коммунистов с Грюном было для них лишь первым шагом в направлении к новой теории. «Таким образом,— писал он,— получилась, наконец, tabula rasa (чистая доска), и теперь можно попытаться по возможности что-нибудь сделать из этих молодцов» [5].

В последующие недели Энгельс еще не раз участвовал в спорах с Грюном и его тогда уже немногочисленными сторонниками на собраниях членов Союза справедливых [6]. 11 ноября Грюн в письме Прудону жаловался на резкие, полные колкостей выступления Энгельса, упоминал высказанную им мысль о возможности выкупа коммунистическим правительством производительных сил у буржуазии [7].

Слежка, установленная французской полицией за Энгельсом и немецкими рабочими-коммунистами, вынудила его вскоре на время приостановить пропагандистскую деятельность среди членов Союза справедливых и заняться литературной работой [8]. В одной корреспонденции из Парижа в «Berliner Zeitung-Halle» (ее автором был, вероятно, К. Л. Бернайс) сообщалось о закончившемся безрезультатно обыске, произведенном у Энгельса французской полицией, о его занятиях «экономическими и историческими исследованиями» [9].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 58.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 176, оп. 1, д. 16.
[3] См. там же, д. 17.
[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 60—61.
[5] Там же, с. 61.
[6] См. там же, с. 63—64, 67—68.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 176, оп. 1, д. 19.
[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 67—68.
[9] Berliner Zeitung-Halle, 1847, 8. April; *Born S.* Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig, 1898, S. 52.

Немецкий буржуазный историк В. Бреттшнейдер утверждал, что пропагандистская деятельность Энгельса в Париже в 1846 г. закончилась неудачей [1]. Однако это утверждение не выдерживает критики. Энгельс добился своей главной цели — подорвал влияние Грюна на наиболее активных и способных членов Союза справедливых в Париже. Они вернулись к революционно-коммунистическим взглядам, но уже на новом, более высоком теоретическом уровне. «В результате,— отмечалось в Циркулярном письме I конгресса Союза коммунистов,— большинство прежних слушателей Грюна отпали и образовали новую партию, которая считала своей главной задачей развивать дальше коммунистический принцип во всех его следствиях и в связи с общественными отношениями» [2]. Ослабление влияния мелкобуржуазного «истинного социализма» на членов Союза справедливых в Париже благоприятно сказалось на развитии всего Союза. Оно создало основу для пропагандистской деятельности Энгельса в Париже в 1847 г.

* * *

Весной 1846 г. Маркс и Энгельс решили укрепить свои отношения с немецкими рабочими-коммунистами в Лондоне. Первые контакты с Шаппером, Моллем и Бауэром были установлены Энгельсом еще в 1843 г. Революционные взгляды этих рабочих, их самоотверженная борьба за интересы рабочего класса вызвали симпатию Энгельса [3].

В 1844—1845 гг. Маркс и Энгельс могли ознакомиться с рядом документов лондонцев, опубликованных в «Vorwärts!», «Rheinische Jahrbücher» и других органах немецкой прессы [4].

---

[1] *Brettschneider W.* Entwicklung und Bedeutung des deutschen Frühsozialismus in London. Königsberg, 1936, S. 46.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 404. Наибольшее идейное воздействие Энгельс оказал на немецкого рабочего А. Ф. Юнге, который выделялся последовательно революционными взглядами и поэтому был больше других подготовлен к восприятию идей научного коммунизма (см. там же, т. 27, с. 40, 49, 60, 63). В письме префекта полиции в Париже Г. Делессера прусскому послу во Франции фон Арниму от 25 марта 1847 г. по поводу ареста Юнге последний был назван «чрезвычайно активным пропагандистом коммунизма среди немецких рабочих в Париже». Делессер сообщал также о написанном рукой Юнге документе коммунистического содержания и на его основании делал вывод о принадлежности Юнге к «материалистической фракции» коммунистов (Der Bund der Kommunisten, S. 1044—1045).

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 216, 221.

[4] В «Vorwärts!» от 30 октября и 13 ноября 1844 г. были опубликованы письмо Просветительного общества от 21 сентября 1844 г. в связи

Многое о взглядах Шаппера и его друзей Маркс и Энгельс, вероятно, узнали в августе 1845 г. во время своей поездки в Лондон и посещения Просветительного общества[1]. Однако к этому времени авангардная позиция лондонского течения немецкого рабочего коммунизма еще окончательно не определилась. Многие незрелые взгляды его представителей вызвали у Маркса и Энгельса известную настороженность[2].

В ходе идейного размежевания с Вейтлингом Маркс и Энгельс стали более внимательно присматриваться к немецким рабочим-коммунистам в Лондоне. Во второй половине февраля 1846 г. большой интерес вызвал у них отчет чартистской газеты «The Northern Star» о банкете, посвященном 6-й годовщине Просветительного общества[3]. В нем приводились яркие выступления Шаппера, Г. Бауэра и К. Пфендера, сообщалось об успешной деятельности этого общества в среде немецких рабочих, о его коммунистическом и интернациональном характере[4].

5 марта Энгельс в письме Гарни запрашивал о положении дел в Просветительном обществе, о влиянии Вейтлинга на его членов. Из ответного письма Гарни от 30 марта 1846 г. Маркс и Энгельс узнали о незначительном числе сторонников Вейтлинга в Обществе, о руководящей роли в нем Шаппера. Гарни сообщил также о своем вступлении в Общество вместе с рядом других англичан и решительно высказался за привлечение его руководителей к созданию корреспондентского комитета в Лондоне[5].

К началу мая Маркс и Энгельс приняли решение последовать совету Гарни[6]. Вскоре после заседания Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 11 мая

с Силезским восстанием и выступление Шаппера на чествовании Вейтлинга 22 сентября 1844 г. В «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform» (1845, Bd. 1, S. 327—329) появился адрес Общества, направленный И. Ронге в марте 1845 г.

[1] См.: *Кандель Е. П., Бах И. А.* Указ. соч., с. 33—35.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 68—69. В редакционном примечании к письму Просветительного общества от 21 сентября, которое появилось скорее всего с ведома Маркса, критиковалось безразличное отношение лондонцев к форме государственного правления в коммунистическом обществе и отмечалось, что «лишь в обществе, основанном на свободе и равенстве, может идти речь о справедливости в высшем смысле этого слова» (Vorwärts!, 1844, 30. Oktober).

[3] См.: Союз коммунистов, с. 96.

[4] Der Bund der Kommunisten, S. 274—278.

[5] См.: Союз коммунистов, с. 95—96.

[6] См.: Маркс — Прудону 5 мая 1846. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 394.

1846 г. Маркс предложил Шапперу создать в Лондоне корреспондентский комитет и начать совместную пропаганду коммунистических идей [1].

«Различные фазы, через которые проходила немецкая философия с 1839 по 1846 г.,— писал позднее Маркс,— находили в среде... рабочих обществ самых страстных последователей» [2]. И действительно, младогегельянские идеи, «истинный социализм» в том или ином виде проникали в среду немецких рабочих в Швейцарии, Франции, США, Англии, Германии. В 1845—1846 гг. внимание передовых немецких рабочих привлекли идеи Маркса и Энгельса.

Общее представление о взглядах основоположников марксизма Шаппер и его друзья получили во время встреч с ними в 1843—1845 гг. Кроме того, в библиотеке Просветительного общества имелись книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», а также немецкие газеты и журналы со статьями Маркса и Энгельса — «Deutsch-Französische Jahrbücher», «Vorwärts!», «Gesellschaftsspiegel», «Deutsches Bürgerbuch» [3]. Вполне вероятно, что эти работы и встречи с Марксом и Энгельсом способствовали отходу лондонцев от сектантских и религиозных взглядов, от догматических представлений о будущем обществе [4]. Именно после встречи с Марксом и Энгельсом у них стал проявляться гораздо больший интерес к работам революционно настроенных немецких философов. «Я полагаю,— заявил Шаппер 25 ноября 1845 г.,— что подлинная система коммунизма будет создана нашими новыми немецкими философами. Когда мы закончим эту дискуссию, будет правильно, если мы ознакомимся с новейшей немецкой философией, и тогда мы в большей степени распознаем суть наших идей» [5].

Пребывание Вейтлинга в Брюсселе несколько затормозило сближение Маркса и Энгельса с лондонцами. Положение осложнилось в марте 1846 г. в связи с письмом Вейтлинга в Лондон. В нем утверждалось, будто Маркс и Энгельс с недоверием относятся к рабочим и исключили одного из них из корреспон-

---

[1] Это письмо не обнаружено, о его содержании можно судить по ответному письму Шаппера от 6 июня 1846 г. (см.: Союз коммунистов, с. 107).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 450.

[3] Bücherverzeichnis, S. 38—39, а также Der Bund der Kommunisten, S. 198—199, 253; *Leßner F.* Ich brachte das Kommunistische Manifest zum Drucker. Berlin, 1975, S. 181.

[4] Der Bund der Kommunisten, S. 233—238, а также S. 254; *Weerth G.* Sämtliche Werke. Bd. 5. Berlin, 1957, S. 23.

[5] Der Bund der Kommunisten, S. 236.

дентского комитета. Шаппер и его друзья приняли письмо на веру и собирались даже выступить с заявлением по этому поводу [1].

Майское письмо Маркса положило конец этому недоразумению. Выяснилась общность позиции двух сторон по отношению к взглядам Вейтлинга и по многим другим вопросам. Предложение Маркса о создании в Лондоне корреспондентского комитета было с воодушевлением принято лондонцами. В письме 6 июня Шаппер высказался за «общую организацию пропаганды, обмен взглядами между коммунистами всех стран» [2].

Переписка между Марксом и Шаппером в мае — июне 1846 г. положила начало более систематическому общению основоположников марксизма с представителями лондонского течения немецкого рабочего коммунизма, открыла канал для обмена идеями, информацией [3]. Однако лондонцы, как и их товарищи в Париже, разделяли многие утопические представления и идеи «истинных социалистов». В духе последних был написан, например, адрес лондонского Просветительного общества по поводу событий в Шлезвиг-Гольштейне от 18 сентября 1846 г. [4] В адресе проявлялся абстрактно-пацифистский подход к борьбе жителей Шлезвиг-Гольштейна против датского господства, «полное игнорирование действительно существующих условий, неумение понять историческое развитие» [5]. Хотя лондонцы не были согласны с антиреволюционными материалами «Der Volks-Tribun» [6], в целом они одобрительно относились к деятельности Г. Криге в США и публиковали на ее страницах свои материалы [7].

Как и Вейтлинг, Шаппер, Молль и Бауэр были против критики утопических теорий. В письмах в Брюссель от 6 июня

---

[1] См.: Д. Гарни — Энгельсу 30 марта 1846 г.; Шаппер — Марксу 6 июня 1846 г. — Союз коммунистов, с. 95—96, 107—108.

[2] Союз коммунистов, с. 107.

[3] 20 июля 1846 г. Д. Гарни писал Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету: «Ваше письмо Шапперу, в котором были даны разъяснения по поводу «обвинений» Вейтлинга, полностью достигло своей цели, наладило хорошие отношения вашего комитета со здешними немцами. Насколько я понимаю, лондонские друзья примкнули к вам» (Der Bund der Kommunisten, S. 383).

[4] Ibid., S. 406—409.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 47.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 223; Союз коммунистов, с. 111.

[7] См.: Письма лондонцев от 1 мая, 25 июля и 8 сентября 1846 г. в «Der Volks-Tribun», 1846, 30. Mai, 28. August, 10. Oktober, а также Союз коммунистов, с. 147.

и 17 июля они порицали «Циркуляр против Криге» и призывали Маркса и Энгельса терпимо отнестись к сторонникам коммунистических идей, рассуждающим о природе человека, о гармонии между человеком, обществом и природой, выступающим под флагом религии [1]. Немецкие коммунисты в Лондоне считали, что следует объединить все направления социалистической и коммунистической мысли и поэтому поддержали предложение Маркса и Энгельса созвать конгресс немецких коммунистов, а затем и всемирный конгресс [2].

После письма Шаппера, Молля и Бауэра от 17 июля Маркс решил на время приостановить переписку с Лондоном. «Здешний корреспондентский комитет весьма удивлен вашим продолжительным молчанием,— писал в Брюссель в начале сентября 1846 г. Шаппер,— неужели вы в конце концов снова отказались от своего плана?» [3] Но Маркс не пошел на разрыв с лондонцами, а избрал, как и Энгельс в Париже, путь терпеливой и настойчивой разъяснительной работы. 13 октября в Лондон из Брюсселя было отправлено письмо, содержавшее информацию о деятельности Брюссельского корреспондентского комитета и о широком распространении коммунистических идей в Германии. Оно вызвало у Шаппера и его товарищей «величайший интерес и огромную радость» [4].

Одним из ярких проявлений гибкой тактики Маркса была еще одна работа против Криге, написанная им в октябре 1846 г. Она предназначалась прежде всего для представителей немецкого рабочего коммунизма, которые отрицательно отнеслись к «Циркуляру против Криге». Октябрьский документ Маркса был написан в менее резких тонах и в популярной форме разъяснял немецким рабочим суть идей научного коммунизма и вытекающие из них задачи рабочего движения. Маркс отослал документ в газету Криге «Der Volks-Tribun». Однако тот так и не опубликовал эту работу [5].

Отношения Маркса и Энгельса с лондонцами вновь обострились в ноябре 1846 г. Непосредственным поводом послужили примирительные тенденции Ноябрьского обращения только что созданной в Лондоне Народной палаты Союза справедливых. В нем намечались меры с целью реорганизации Союза,

---

[1] См.: Союз коммунистов, с. 111, 122.

[2] См. там же, с. 120—123.

[3] Там же, с. 136.

[4] См.: Ответное письмо от 11 ноября 1846 г. — Союз коммунистов, с. 146.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 451; т. 27, с. 57—58, 64—65; см. подробнее: *Рокитянский Я. Г.* Указ. соч., с. 107—108.

находившегося в состоянии разброда. Важнейшим средством преодоления идейных разногласий лондонцы считали конгресс всех немецких коммунистов. Он намечался на 1 мая 1847 г. и должен был явиться «предшественником всеобщего коммунистического конгресса 1848 г., на который будут открыто приглашены приверженцы нового учения из всех стран света» [1]. В Обращении намечались конкретные мероприятия по созыву конгресса, намечался способ избрания делегатов, излагались вопросы для обсуждения в организациях Союза, чтобы определить таким путем общее направление его деятельности. Лондонские деятели Союза справедливых вновь выступали за примирение различных социалистических и коммунистических направлений [2].

О своих намерениях Шаппер, Молль и Бауэр написали Брюссельскому корреспондентскому комитету [3]. Они, очевидно, предлагали Марксу и его сторонникам присоединиться к ним. Во второй половине ноября Маркс сообщил Энгельсу в Париж о сложившейся ситуации. Ответное письмо Энгельса раскрывает всю сложность отношений с лондонцами в это время. Маркс и Энгельс продолжали считать их «самыми лучшими» из немецких рабочих-коммунистов, «единственными, с которыми можно было просто, без всякой задней мысли завязать сношения». С другой стороны, они прекрасно сознавали теоретическую беспомощность лондонцев и не собирались идти на уступки в принципиальных вопросах. Энгельс был против открытого разрыва и советовал Марксу написать в Лондон «достаточно холодное» ответное письмо и постепенно прекратить переписку [4].

Неизвестно, как поступил Маркс. С 11 ноября 1846 г. до 20 января 1847 г. не сохранилось никаких следов переписки между двумя корреспондентскими комитетами. В письме Маркса П. В. Анненкову от 29 декабря 1846 г., как и в упомянутом письме Энгельса, слышны пессимистические нотки в оценке его отношений с немецкими рабочими-коммунистами. «Я вызвал против себя много вражды своими насмешками над социализмом бараньим, сентиментальным, утопическим,— писал Маркс. — ...Значительная часть немецкой коммунистической партии сердита на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций» [5]. Однако вскоре произошли события,

---

[1] Союз коммунистов, с. 149.
[2] См. там же, с. 149, 151, 152.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 69.
[4] См. там же, с. 68—69.
[5] Там же, с. 411—412.

которые полностью подтвердили правильность принципиальной и одновременно гибкой позиции Маркса и Энгельса.

20 января 1847 г. К. Шаппер, Г. Бауэр, К. Пфендер, Ф. Дёпель, А. Леман, И. Молль и И. Гёбель от имени Лондонского коммунистического корреспондентского комитета направили Брюссельскому комитету письмо, в котором уполномочили И. Молля «вступить в переговоры» с этим Комитетом и «сделать устное сообщение о положении дел в Лондоне», а также просили Комитет дать Моллю «точные разъяснения по всем важным вопросам и сообщить ему все, что предназначается для передачи Лондонскому комитету» [1]. Письмо являлось мандатом для ведения переговоров с Марксом и Энгельсом об их вступлении в Союз справедливых. Оно свидетельствовало о повороте в сознании ведущих немецких рабочих-коммунистов в Лондоне.

К этому повороту привела прежде всего практическая деятельность Шаппера и его товарищей с ноября 1846 г. по январь 1847 г. во главе Союза справедливых. В это время лондонские руководители Союза пытались реорганизовать его и подготовить созыв конгресса. Им впервые стало ясно, что собственными силами или с помощью сторонников Вейтлинга и представителей «истинного социализма» не удастся преодолеть идейный кризис и дезорганизацию Союза [2].

Поиски выхода из идейного и организационного тупика привели лондонцев в январе 1847 г. к Марксу и Энгельсу. К ним Шаппера и его товарищей вела сама логика их идейного развития. В это время в Просветительном обществе регулярно заслушивались доклады на исторические и актуальные политические темы Шаппера, Г. Бауэра, Пфендера, Дёпеля, Розенталя и других [3]. Их взгляды приобретали все более революционно-пролетарский характер. В материалах лондонских деятелей Союза справедливых, а также общества «Братских демократов» за июнь — декабрь 1846 г. можно встретить немало высказываний, подчеркивавших роль рабочего класса в преобразовании буржуазного общества, выражавших его интернациональную позицию. Шаппер и его друзья начинают более решительно выступать против «мелочной возни» с утопиче-

---

[1] Союз коммунистов, с. 156—157.

[2] См.: Циркулярное письмо I конгресса Союза коммунистов. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 407, а также Союз коммунистов, с. 157, 158.

[3] См.: Союз коммунистов, с. 109, 120, 147; Der Bund der Kommunisten, S. 311—313, 1029; Das Westphälische Dampfboot, 1847, H. 5, S. 266—267; Die Werkstatt, 1847, H. 4, S. 132—133.

скими системами, энергичней противодействовать пропаганде религиозных идей в среде рабочих [1].

Ноябрьское обращение знаменовало изменение тактики лондонцев по отношению к мелкой буржуазии. В нем отмечалась тенденция к радикализации мелкой буржуазии в результате оттеснения ее «растущей денежной аристократией» и ставился вопрос об объединении пролетариата с радикальной буржуазией, но без уступок принципиального характера [2]. Эти положения, отличные от прежнего недифференцированного отношения ко всем слоям немецкой буржуазии [3], явились, вероятно, результатом влияния идей Маркса и Энгельса.

Таким образом к началу 1847 г. появились предпосылки для обращения Шаппера и его товарищей к Марксу и Энгельсу. Логическое завершение нашел процесс, о котором писал Энгельс в работе «К истории Союза коммунистов»: «Перед лицом несостоятельности господствовавших до тех пор теоретических представлений и вытекавших из них практических ошибок в Лондоне все более и более убеждались, что наша, Маркса и моя, новая теория правильна» [4].

Лондонские руководители Союза справедливых осознавали всю сложность предстоящих переговоров. Поэтому к Марксу в Брюссель и к Энгельсу в Париж был послан И. Молль. Он не только хорошо разбирался в теоретических вопросах, но и был «прирожденным дипломатом» [5]. А именно эти качества и были необходимы для улаживания отношений, осложнившихся к концу 1846 г. Поездка Молля в Брюссель и Париж состоялась в промежутке между 20 января и 8 февраля 1847 г. [6] Существует документ, позволяющий конкретно судить о переговорах Маркса и Энгельса с Моллем — Февральское обращение Народной палаты Союза справедливых 1847 г. Оно было написано вскоре после возвращения Молля в Лондон и вместе с ря-

---

[1] См.: Обращение общества «Братских демократов» от 4 июня 1846 г., а также упомянутые письма лондонцев в «Der Volks-Tribun»; Ноябрьское обращение и другие материалы. — Союз коммунистов, с. 149—150; Der Bund der Kommunisten, S. 363—365, 404—405, 421—422, 424, 433—435.

[2] См.: Союз коммунистов, с. 150.

[3] См.: Выступление К. Шаппера на заседании Просветительного общества в апреле 1846 г. — Der Bund der Kommunisten, S. 311, а также письмо И. Молля от 8 сентября 1846 г. в «Der Volks-Tribun» от 10 октября 1846 г.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 223.

[5] Там же, с. 216.

[6] См.: Союз коммунистов, с. 157, 159; Der Bund der Kommunisten, S. 458.

дом позднейших высказываний Маркса и Энгельса раскрывает содержание и суть достигнутой договоренности.

В Февральском обращении впервые в официальном документе Союза справедливых зафиксированы положения, направленные против сектантства и заговорщичества, поставлена задача приведения теоретических и организационных принципов Союза справедливых в соответствие с революционными целями рабочего движения [1]. Энгельс в статье «К истории Союза коммунистов» вспоминал, что И. Молль сообщил ему и Марксу о намерении лондонцев «освободить Союз от старых заговорщических традиций и форм» и предоставить им возможность «содействовать замене устарелой организации Союза новой, более целесообразной и соответствующей условиям времени» [2].

Из письма Маркса В. Блосу от 10 ноября 1877 г. видно, что в ходе переговоров с И. Моллем Маркс и Энгельс настаивали на исключении из Устава Союза справедливых всего того, «что содействует суеверному преклонению перед авторитетами» [3]. Подобное преклонение было характерно для раннего этапа Союза справедливых и отражало некритическое отношение его членов к создателям утопических систем, в частности, к Вейтлингу. Оно вело к идейному застою и сектантству. Февральское обращение 1847 г. показывает, что лондонское руководство согласилось с предложением Маркса и Энгельса [4].

По-новому относятся лондонцы в Февральском обращении к утопическим и мелкобуржуазным идеям. Еще в ноябре они выступали за примирение всех идейных направлений в Союзе. Теперь же они — за решительное противодействие идеям «истинного социализма». «Мы призываем вас,— отмечают они,— вести борьбу против болтовни о всеобщей любви, которая, к сожалению, кое-где, по-видимому, проникла в среду коммунистов. Наступают трудные времена, и нам нужны сильные люди, а не мечтатели-фантазеры, которые, вместо того чтобы обрушиться с проклятьями на бедствия человечества и взяться за меч, способны лишь проливать бабьи слезы» [5]. Впоследствии Маркс указывал, что тема борьбы «с консервативными и противоборствующими элементами» в Союзе обсуждалась в ходе переговоров с Моллем [6].

---

[1] См.: Союз коммунистов, с. 158, 162.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 223.
[3] Там же, т. 34, с. 241.
[4] См.: Союз коммунистов, с. 158.
[5] Там же, с. 162.
[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 451. Отзвуки этих бесед слышны также в работе Энгельса «Конституционный вопрос

Гораздо большей конкретностью и реализмом по сравнению с Ноябрьским документом отличались положения Февральского обращения о реорганизации Союза. Были уточнены сроки созыва конгресса и определены его задачи. Конгресс должен был заслушать отчет Народной палаты, избрать новое руководство, определить его местопребывание, решить вопрос о реорганизации Союза и составлении его программного документа — краткого коммунистического символа веры. Наконец, конгрессу предстояло высказаться относительно издания печатного органа Союза и избрать эмиссаров для организационной работы на местах [1]. Эта программа отвечала планам Маркса и Энгельса. Позднее они упоминали о том, что в ходе бесед с Моллем затрагивался вопрос о будущем конгрессе и о программном документе Союза, в котором должен был быть изложен их «критический коммунизм» [2].

В Февральском обращении на обсуждение Союза для подготовки его программного документа были выдвинуты три новых вопроса:

«1) Что такое коммунизм и чего хотят коммунисты?

2) Что такое социализм и чего хотят социалисты?

3) Каким путем быстрее и проще всего ввести общность имущества?» [3].

Причастность Маркса и Энгельса к их выдвижению видна в пояснениях, которые были даны к первым двум вопросам. Здесь впервые указывалось на принципиальное различие между социалистами и коммунистами. Под коммунизмом авторы обращения понимали систему, «согласно которой земля является общим достоянием, согласно которой каждый должен трудиться, «производить» по своим способностям и «потреблять» сколько может». Коммунисты «хотят полностью устранить старый общественный строй и заменить его совершенно новым». Социализм, отмечалось в Обращении, «занимается... устройством общества, взаимоотношениями людей; он не выдвигает никакой новой системы, а занимается главным образом тем, что ставит заплаты на старом здании, замазывает

в Германии», написанной вскоре после отъезда Молля из Парижа: «Пора уже немецким коммунистам, представителям немецкого пролетариата с его весьма ясными, весьма осязательными потребностями, самым решительным образом отмежеваться от вышеупомянутой литературной клики... Мы, коммунисты, не имеем ничего общего с бредовыми теоретическими измышлениями и сомнениями этой изворотливой компании» (там же, т. 4, с. 44—45).

[1] См.: Союз коммунистов, с. 157—158.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 451; т. 21, с. 223.

[3] Союз коммунистов, с. 160.

трещины, возникшие с течением времени, скрывает их от глаз или же, самое большее, надстраивает, как это делают фурьеристы, на старом истлевшем фундаменте, именуемом капиталом, новый фундамент»[1].

Раньше рабочие-коммунисты причисляли социалистов и коммунистов к одному лагерю и пытались их объединить. Разделение этих двух течений означало, что лондонцы хотят придать движению немецких рабочих последовательно революционный, коммунистический характер и добиться их размежевания с некоммунистическими направлениями. Оно соответствовало взглядам Маркса и Энгельса[2]. Видимо, от них исходило напечатать программный документ Союза «на всех европейских языках» и распространить его «во всех странах»[3]. Оно отражало их представление о всемирном характере развития революционного процесса, о необходимости вовлечения в революционное движение и приобщения к новой теории рабочих и представителей интеллигенции не только Германии, но и других стран. Не случайно в преамбуле к «Манифесту Коммунистической партии» говорится о публикации его «на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках»[4]. Очевидно также не без влияния Маркса и Энгельса в Февральском обращении был поставлен вопрос об издании «официального органа печати» Союза[5].

Февральское обращение 1847 г. показало, что лондонцы полностью согласились с ориентацией Маркса и Энгельса на создание классовой, революционно-пролетарской организации, на открытое провозглашение ее коммунистических целей. «В настоящее время мы стоим во главе движения,— говорилось в нем,— и поэтому мы должны сплотиться под своим собственным знаменем, чтобы не затеряться среди огромной армии филистеров... Мы должны брать пример с английских чартистов, которые стоят в Англии во главе движения... Мы должны также заявить о наших целях, провозгласить основные положения коммунизма, твердо придерживаться их и

---

[1] Союз коммунистов, с. 160—161.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 337—338; т. 21, с. 366—367; т. 22, с. 62.

[3] Союз коммунистов, с. 158.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 423.

[5] См.: Союз коммунистов, с. 158. 8 февраля 1847 г. на юбилейном заседании Просветительного общества Шаппер сообщил, что предполагается издавать ежемесячный журнал «Пролетарий», который будет «защищать интересы пролетариата» (Der Bund der Kommunisten, S. 458, 1056). Однако удалось выпустить лишь пробный номер «Kommunistische Zeitschrift».

обсудить средства, при помощи которых легче и быстрее всего можно достигнуть наших целей... Необходимо... твердо придерживаться понятия «коммунизм» и смело начертать этот девиз на нашем знамени, а затем подсчитать бойцов, собирающихся вокруг него» [1].

Для системы взглядов немецких рабочих-коммунистов в 1840—1846 гг. характерно игнорирование конкретных политических проблем. В Февральском обращении явно под влиянием Маркса и Энгельса они стремились согласовать свои лозунги и тактику с конкретной политической ситуацией, обращали внимание на неизбежность скорой революции в Европе. «В нынешнее время,— отмечалось в документе,— когда политический горизонт покрыт тучами, когда всюду чувствуется проявление духа времени, когда мы, очевидно, идем навстречу грандиозной революции, которая, вероятно, решит судьбу человечества на столетия, не время мешкать, не время давать волю личному честолюбию,— нет, теперь человечество требует, чтобы каждый борец выполнил свой долг» [2].

Было бы неверно считать Февральское обращение 1847 г. марксистским документом. Оно было составлено самими лондонцами и адекватно отразило особенности их мышления, которое находилось еще в значительной мере в пределах немецкого утопического рабочего коммунизма. Особенно ясно это проявилось в начальной части документа, где рассматривались конкретные социально-политические события в различных европейских странах. Здесь отсутствует материалистический подход к социальным проблемам, нет еще различения между буржуазной и пролетарской революциями. В Обращении встречаются знакомые по прежним документам лондонцев фразы о борьбе за справедливость, освобождение человечества, весьма далекие от действительности прогнозы и планы [3]. Переговоры Молля с Марксом и Энгельсом не могли сразу привести к коренному изменению всего мировосприятия лондонцев, к окончательному переходу их на марксистские позиции.

Содержание Февральского обращения подтверждает, что переговоры Молля с Марксом и Энгельсом закончились успешно: лондонцы приняли все их условия, а они, в свою очередь, сочли возможным вступить в Союз справедливых. «То, что мы считали до сих пор недостатками Союза,— отмечал Энгельс,— теперь сами его представители готовы были устранить; нас

---

[1] Союз коммунистов, с. 159, 161.
[2] Там же, с. 157.
[3] Der Bund der Kommunisten, S. 452—453.

даже приглашали участвовать в его реорганизации. Могли ли мы ответить отказом? Разумеется, нет. Итак, мы вступили в Союз» [1]. Это событие отразилось в Февральском обращении в одной фразе: «Во Франции и Бельгии мы провели временную реорганизацию» [2]. В действительности же оно было равнозначно началу нового, самого плодотворного периода в истории раннего рабочего движения.

* * *

С вступлением Маркса и Энгельса в Союз справедливых перед ними открылось более широкое поле деятельности. Теперь они опирались на поддержку руководства Союза и могли воздействовать на рабочее движение изнутри. Уже весной 1847 г. Энгельсу удалось закрепить результаты своей деятельности в Париже и успешно продолжить борьбу против сторонников «истинного социализма» и вейтлингианцев. Вначале из парижской организации Союза была удалена небольшая группа сторонников Грюна, а затем во время выборов делегата на I конгресс исключена сектантская группа, возглавляемая Шерцером [3]. В результате, как отмечалось в Циркулярном письме I конгресса Союза коммунистов, были «устранены тормозящие элементы, и благодаря этой борьбе люди вдохновились к новой деятельности. Появился новый дух, небывалая энергия» [4].

Сразу же после вступления в Союз справедливых Маркс создал общины в Брюсселе и Льеже и привлек в Союз своих друзей из Кёльна [5]. Однако работа над «Нищетой философии» и осложнения материального порядка не позволили Марксу принять более активное участие в реорганизации Союза на этом этапе. Он не смог поехать на I конгресс Союза коммунистов. «В Лондон,— писал Маркс Энгельсу 15 мая 1847 г.,— я не могу ехать. Денежные дела не позволяют мне этого. Но Вольфа, я надеюсь, мы отправим туда. И тогда будет достаточно того, что вы оба будете там» [6].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 223; см. также т. 14, с. 451.

[2] Союз коммунистов, с. 159.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 404—405; Эвербек — Марксу около 27 июня 1846 г. — Der Bund der Kommunisten, S. 465.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 405.

[5] См. там же, т. 21, с. 223; Союз коммунистов, с. 162—163.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 82.

I конгресс Союза коммунистов проходил в Лондоне 2—9 июня 1847 г. с участием Энгельса и В. Вольфа. В соответствии с линией, намеченной в ходе переговоров Молля с Марксом и Энгельсом, старое название организации, отражавшее идейный уровень немецкого рабочего коммунизма конца 30-х гг., было заменено новым — Союз коммунистов. Вместо расплывчатого девиза «Все люди — братья» был провозглашен лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Единогласное одобрение получили проекты Устава Союза коммунистов и его программы — «Проект Коммунистического символа веры». Конгресс единодушно подтвердил исключение парижской группы вейтлингианцев из Союза и наметил ряд мероприятий с целью завершения его реорганизации, разработки окончательного текста Устава и программы на следующем конгрессе. В заключение было составлено Циркулярное письмо членам Союза, содержавшее информацию о ходе конгресса [1].

Несомненно, что в создании всех документов принимали активное участие Энгельс и В. Вольф. Рукой Энгельса написан «Проект Коммунистического символа веры». Этот документ так же, как и проект Устава и Циркулярное письмо, в теоретическом плане намного превосходят идейный уровень представителей немецкого рабочего коммунизма в Лондоне. Они носят преимущественно марксистский характер, а порой прямо перекликаются с другими материалами Энгельса.

Во время дискуссий на конгрессе, бесед с делегатами, наконец, в подготовленном им «Проекте» Энгельс впервые мог изложить в развернутом виде основные положения научного коммунизма перед наиболее активными членами Союза. При этом он опирался на свой опыт общения с немецкими рабочими в Париже.

Так, обоснование нового названия организации в Циркулярном письме очень созвучно с одним из пунктов уже упомянутого определения Энгельсом целей коммунистов, данного им в Париже в октябре 1846 г. «Мы... отличаемся не тем, что мы хотим справедливости вообще,— отмечалось в Циркуляре,— ...а тем, что мы выступаем против существующего общественного строя и частной собственности, тем, что мы хотим общности имущества, тем, что мы коммунисты» [2].

Как и в Париже, на I конгрессе Энгельс постоянно учитывал особенности взглядов передовых немецких рабочих. Предлагая в проекте Устава Союза в качестве девиза организации

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 402—414.
[2] Там же, с. 408.

лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «новый боевой призыв... открыто провозгласивший международный характер борьбы» [1], Энгельс несомненно принимал во внимание интернационалистские настроения рабочих [2].

Из прежнего Устава были устранены многие сектантские и заговорщические положения. Предусматривался регулярный созыв конгрессов и отчетность руководящих органов. Был сделан первый важный шаг в разработке принципов демократического централизма [3].

«Проект Коммунистического символа веры» состоял из 22 вопросов и ответов и содержал марксистскую интерпретацию многих важных проблем развития буржуазного общества, тактики рабочего класса, организации коммунистического общества [4]. Марксистские историки уже писали о «Проекте Коммунистического символа веры» [5]. Однако как программный документ рабочего движения он был недостаточно проанализирован с точки зрения как формы, так и содержания. «Проект» был составлен в форме катехизиса, традиционной для программных документов рабочего коммунизма и хорошо приспособленной для восприятия рабочими. В «Проекте», как это было и раньше, Энгельс использовал привычное для рабочих-коммунистов понятие «общность имущества» и, видимо, не возражал против употребления его в проекте Устава и в Циркулярном письме.

Много места в «Проекте» занял марксистский анализ социально-экономических проблем — вопроса о предпосылках появления пролетариата, его положении в капиталистическом обществе и исторической роли (пункты 7—12). Еще осенью 1846 г. в Париже Энгельс отмечал у немецких рабочих-ком-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 224.

[2] К пониманию чисто пролетарского характера интернационализма Энгельс пришел уже осенью 1845 г. В статье «Празднество наций в Лондоне» он писал, что пролетарии «... уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков, и все их духовное развитие и движение по существу своему гуманистично и антинационалистично» (там же, т. 2, с. 590). «Надутое и безмерное национальное чванство, — отмечал он позднее, — соответствует весьма жалкой, торгашеской и мелкоремесленной практике» (там же, т. 3, с. 473).

[3] См. там же, т. 42, с. 397—401, 407—408.

[4] См. там же, с. 354—360.

[5] См.: *Селезнев К. Л.* Новые документы Союза коммунистов. — Вопросы истории, 1969, № 10, с. 28—29; *Кандель Е. П.* Фридрих Энгельс и I конгресс Союза коммунистов. — Новая и новейшая история, 1970, № 6, с. 27—28; *Хундт М.* Как возник «Манифест». М., 1975, с. 116—118; *Багатурия Г. А.* Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972, с. 79—80.

мунистов «огромный интерес к изучению экономических вопросов» [1]. Энгельс учитывал это и в социально-экономических пунктах «Проекта» с марксистских позиций популярно изложил экономические проблемы. «Проект» подводил материалистическую основу под чисто стихийные представления рабочих-коммунистов о положении пролетариата в буржуазном обществе и его роли в борьбе за новый общественный строй [2].

Большое внимание уделил Энгельс в «Символе веры» рассмотрению проблем пролетарской революции и организации будущего общества, вопросам воспитания, семейных и национальных отношений при коммунизме, отношению коммунистов к религии (пункты 2, 3, 13, 14, 15, 19—22). При этом Энгельс несомненно учитывал давний интерес передовых немецких рабочих к этим проблемам. Именно в их решении представители лондонского течения немецкого рабочего коммунизма были ближе всего к Марксу и Энгельсу. В «Проекте» давалось марксистское изложение этих вопросов. «...Мы старались,— говорилось в Циркулярном письме по поводу «Символа веры»,— постоянно принимать во внимание общественные отношения, которые только и порождают коммунизм, и стремились всегда сохранять твердую почву под ногами» [3].

В Циркулярном письме также впервые в истории Союза неизбежность революционного взрыва обосновывалась не абстрактными рассуждениями, а конкретными социально-экономическими процессами, ростом имущественного неравенства, разорением «среднего сословия», противоречиями между буржуазией и трудящимися классами, вообще «историческим развитием» [4].

Марксистские историки указывали на то, что в ответах на 4, 5 и 6 вопросы «Проекта Коммунистического символа веры» и Устава содержались положения, характерные для мировоззрения деятелей Союза справедливых [5]. В частности, целью

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 40.

[2] Характерно, что путем изложения «основ политической экономии» Энгельс приобщал к научному коммунизму в первые месяцы 1847 г. в Париже наборщика С. Борна (*Born S.* Op. cit., S. 43). В классическом виде такой подход отразился в лекциях о наемном труде, капитале, заработной плате, прочитанных Марксом на рубеже 1847—1848 гг. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 428—459, 579—602).

[3] Там же, т. 42, с. 411.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 413—414.

[5] См.: Фридрих Энгельс. Биография. 2-е изд. М., 1977, с. 98; *Багатурия Г. А.* Указ. соч., с. 79; *Хундт М.* Указ. соч., с. 114; *Селезнев К. Л.* Указ. соч., с. 29.

борьбы пролетариата называлось «освобождение людей путем распространения теории общности имущества и возможно более скорого претворения ее в жизнь». Причем сама общность имущества обосновывалась стремлением человека к счастью и т. д. [1] Сопоставление этих положений с выступлениями К. Шаппера и его товарищей на собраниях Просветительного общества в мае — июне 1847 г. [2] показывает, что авторами их были несомненно они. К весне 1847 г. немецкие рабочие-коммунисты в Лондоне еще не полностью освободились от абстрактной фразеологии. Об этом свидетельствовали и документы I конгресса Союза коммунистов. По-видимому, учитывая сугубо предварительный характер Устава и «Символа веры», предстоящее обсуждение их в общинах Союза, а затем на II конгрессе, Вольф и Энгельс согласились на включение в эти документы некоторых положений лондонцев [3]. Благодаря гибкой тактике, всестороннему учету своеобразия идейного развития немецких рабочих-коммунистов, Энгельсу и В. Вольфу удалось добиться одобрения I конгрессом документов, содержавших преимущественно марксистские организационные и теоретические принципы. Этим был сделан значительный шаг на пути приобщения передовых немецких рабочих к научному коммунизму.

В июне — октябре 1847 г. в Союзе коммунистов произошли существенные изменения. Их суть пока далеко не полностью раскрыта. Важную роль сыграла деятельность Маркса в Брюсселе. 5 августа по его инициативе была создана еще одна община, а также Брюссельский окружной комитет. Вскоре при его активном участии возникло Немецкое рабочее общество — «подготовительная школа для вступающих в Союз» [4]. Использовав традиционную форму организации передовых немецких рабочих, Маркс превратил Общество в центр пропаганды научного коммунизма. Особое внимание уделялось повышению общеобразовательного уровня рабочих, т. е. созданию одной из важнейших предпосылок для восприятия ими идей научного коммунизма. К декабрю 1847 г. в библиотеке Общества было уже примерно 300 книг [5]. Помимо обычных занятий просветительного характера в рабочем обществе читались лекции

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 354—355; см. также первую статью проекта Устава Союза коммунистов. Там же, с. 397.

[2] Deutsche Londoner Zeitung, 1847, 4, 18. Juni.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 411; Союз коммунистов, с. 186—187.

[4] Союз коммунистов, с. 205.

[5] См.: Выступление Маркса на заседании лондонского Просветительного общества немецких рабочих 30 ноября 1847 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 448.

о современных социальных проблемах. «Рабочий,— сообщал В. Вольф в корреспонденции в «Das Westphälische Dampfboot»,— изучает на практических примерах сущность свободных государственных учреждений; он понимает, как значительно отстали от Англии, Бельгии и т. д. те народы, у которых отсутствует свобода организаций» [1].

Активная просветительная и пропагандистская работа Маркса и его соратников в среде немецких рабочих в Брюсселе принесла плоды. Быстро выросла численность Немецкого рабочего общества, вместе с ним и число членов Союза коммунистов. К декабрю 1847 г. в Обществе состояло уже 105 человек [2]. Активизировалась и деятельность брюссельских общин Союза коммунистов. В них обсуждались документы I конгресса. Уже в октябре 1847 г. сравнительно недавно созданный Брюссельский округ Союза стал одним из его важнейших центров и его опорой [3].

Определенных успехов после I конгресса добился Энгельс в Париже. Усилилось его влияние на членов Союза, завершилось размежевание со сторонниками Грюна. Численность членов Союза здесь также постепенно увеличилась, активно обсуждались материалы конгресса, был единогласно одобрен проект Устава [4].

Большое значение для изменения ситуации в Союзе коммунистов имела идейная эволюция лондонских деятелей Союза. О ее характере можно судить по содержанию пробного номера журнала Союза «Kommunistische Zeitschrift», вышедшего в первой половине сентября 1847 г. Вводная статья журнала, обращение «Пролетарии!», статьи «План эмиграции, предложенный гражданином Кабе», «Немецкие эмигранты», «Политическое и социальное обозрение» и ряд других документов отличались последовательным пролетарским и революционным характером. Во вводной статье журнал представлялся как печатный орган пролетариата, который должен защищать интересы рабочих и служить для них «путеводною нитью в их стремлении к саморазвитию». «Пролетарии,— говорилось здесь,— если вы хотите быть свободными, то пробудитесь от вашего сна и сомкнитесь крепко воедино» [5].

---

[1] Das Westphälische Dampfboot, 1847, H. 10, S. 598.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 448.

[3] См.: Союз коммунистов, с. 205—206, 211, 214.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 96; Союз коммунистов, с. 202.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. С введением и примечаниями Д. Рязанова. М.—Л., 1930. 6 изд. Приложение I, с 213 — 214.

Революционно-пролетарский дух пронизывает обращение «Пролетарии!», написанное скорее всего Шаппером. Целью журнала провозглашалась здесь работа «на пользу освобождения пролетариата», которое может быть достигнуто «только путем полного преобразования ныне существующих отношений собственности». В обращении указывалось также на необходимость более или менее продолжительного переходного периода. На место весьма расплывчатых взглядов о характере революционного процесса приходят теперь близкие к научному коммунизму представления о необходимости завоевания рабочим классом политической власти, о предстоящем этапе «борьбы между аристократическими и демократическими элементами» [1].

В обращении «Пролетарии!» впервые в литературе немецкого рабочего коммунизма давалось материалистическое объяснение причин появления пролетариата и его положения в современном обществе [2]. В статьях «Немецкие эмигранты» и «Политическое и социальное обозрение» заметен необычный для лондонцев интерес к конкретным социально-политическим вопросам. Впервые они пытаются рассматривать различные политические события «с коммунистической точки зрения» [3]. Гораздо конкретней и глубже по сравнению с дискуссиями 1845 г. стали критические выступления лондонцев против детальных описаний устройства будущего общества, антиреволюционных и сентиментальных взглядов «истинных социалистов» и планов немедленного осуществления коммунистических идей [4].

Особенно очевидна эволюция взглядов лондонцев в статье «План эмиграции, предложенный гражданином Кабе». В ней критиковался выдвинутый весной 1847 г. проект Э. Кабе основать в США коммунистическую колонию «Икарию» и излагалось соответствующее решение лондонского Просветительного общества [5]. В статье указывалось, что политическая обстановка во Франции, а также во всей Европе требует присутствия ком-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. С введением и примечаниями Д. Рязанова. М.—Л., 1930. 6 изд. Приложение I, с. 214—219.

[2] См. там же, с. 214—215.

[3] Там же, с. 233—238; см. также обращения, подписанные Шаппером и его товарищами после I конгресса Союза коммунистов в связи с революционными событиями в Италии и Португалии. См. отчеты о заседаниях «Братских демократов» от 14 июня и 20 сентября 1847 г. — Deutsche Londoner Zeitung, 1847, 18. Juni; Der Bund der Kommunisten, S. 543.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. Приложение I, с. 216—217.

[5] Ср там же, с. 219—221 и *Leßner F.* Op. cit., S. 63.

мунистов здесь. «Европа как раз и есть та часть света, в которой, уже по статистическим и экономическим основаниям, прежде всех и легче, чем где бы то ни было, может быть введена общность имущества» [1],— говорилось в статье.

Историки уже отмечали наличие марксистских идей в статьях Шаппера и его товарищей в «Kommunistische Zeitschrift» [2]. О влиянии Маркса и Энгельса в это время на «мыслящих коммунистов» в Лондоне писал в своих воспоминаниях Ф. Лесснер [3]. Однако лишь сейчас, после публикации документов I конгресса, впервые появилась возможность говорить об этом конкретно. Выяснилось, что многие теоретические положения в этих статьях в том или ином виде встречаются в материалах I конгресса Союза коммунистов. Девизом журнала стал одобренный конгрессом лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [4]. Часть обращения «Пролетарии!», посвященная истории возникновения пролетариата и его современному положению, перекликается с социально-экономическими пунктами «Проекта Коммунистического символа веры» [5]. С Циркулярным письмом I конгресса и «Проектом» созвучны все положения о названии, целях и задачах журнала, о развитии революционного процесса, о предстоящем демократическом этапе революции, о постепенном преобразовании частной собственности в общественную, о необходимости борьбы рабочих за демократические права и завоевание политической власти и т. д. [6]. Критические выступления лондонцев против утопических систем и «истинных социалистов» фактически конкретизируют призыв Циркулярного письма I конгресса «держаться подальше от всякого изобретения систем и всякого казарменного коммунизма... отмежеваться от жалкой и пошлой болтовни о любви и слезливого умиления некоторых коммунистов» [7].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. Приложение I, с. 220; см. также выступление Шаппера на собрании «Братских демократов» 20 сентября 1847 г. — Der Bund der Kommunisten, S. 543.

[2] См., напр., *Fehling A. W.* Karl Schapper und die Anfänge der Arbeiterbewegung bis zur Revolution 1848, Dissertation. Rostock, 1922, S. 195.

[3] *Leßner F.* Op. cit., S. 66.

[4] Ср. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 397 и Der Bund der Kommunisten, S. 501, 502—503, 507.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. Приложение I, с. 214—215; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 355—358.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. Приложение I, с. 214—217, 220—221, 235; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 354, 358, 408, 413—414, 441.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. Приложение I, с. 216—217; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 411.

В то же время содержание статей и выступлений Шаппера и его товарищей после I конгресса показывает, что они еще далеко не полностью освободились от идей немецкого утопического рабочего коммунизма, что особенно видно из их полемики с К. Гейнценом [1]. Тем не менее нельзя и преуменьшать масштабы идейного влияния Маркса и Энгельса на лондонцев. Оно было значительным и способствовало усилению их пропагандистской деятельности. «В Лондоне,— отмечалось в письме ЦК Союза коммунистов от 14 сентября,— новый Устав принят единогласно, и во всех общинах ведутся оживленные дискуссии о Символе веры... В Лондонском округе царит полнейшее единство и всеобщее стремление действовать в меру сил в пользу нашего дела» [2].

Далеко не все члены Союза коммунистов с таким же воодушевлением приняли решения I конгресса. Прежде всего это относилось к немецким рабочим-коммунистам в Швейцарии и Германии, где незрелые социально-политические условия содействовали сохранению мелкобуржуазных тенденций в рабочем коммунизме. Здесь решения I конгресса, особенно исключение парижских сторонников Вейтлинга, вызвали непонимание и возражения. В ряде организаций Союза дело дошло до серьезных споров и даже раскола [3].

Однако в общем ситуация в Союзе коммунистов осенью 1847 г. существенно изменилась. В Лондоне, Брюсселе и Париже к ноябрю 1847 г. сложились группы сторонников Маркса и Энгельса, связанные общностью взглядов и проявлявшие склонность к сплочению и консолидации [4]. В конце октября — начале ноября 1847 г. Энгельс переработал «Проект Коммунистического символа веры» в новый программный документ — «Принципы коммунизма». Он устранил из «Проекта» остатки незрелых идей и дополнил его новыми марксистскими положениями [5]. Энгельсу удалось добиться одобрения «Принципов» Парижским округом, а сам он был снова избран делегатом от Парижа на конгресс.

Важной предпосылкой успешной работы II конгресса лондонские руководители Союза считали участие в его работе

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. Приложение I, с. 218—219.

[2] Союз коммунистов, с. 206.

[3] См. там же, с. 194—195, 197—200, 211—214.

[4] См. там же, с. 211—214.

[5] Ср. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 326—336 и т. 42, с. 354—360.

Маркса[1]. После I конгресса его авторитет в их глазах неизмеримо возрос[2]. Энгельс также придавал большое значение присутствию Маркса на конгрессе, опасаясь, что без него будет трудно добиться полной идейной победы[3]. Узнав, что Маркс приедет в Лондон, Энгельс 23 ноября писал ему: «Этот конгресс будет решающим, *так как на этот раз все будет в наших руках»*[4].

II конгресс Союза коммунистов проходил в Лондоне с 29 ноября по 8 декабря 1847 г. О работе этого конгресса известно не очень много. Пока не обнаружено его Циркулярное письмо. В исторической литературе этот документ даже не упоминается. Между тем он существовал и, судя по всему, был разослан лондонским руководством Союза после 14 января 1848 г.[5]

Из имеющихся материалов видно, что центральное место в работе II конгресса заняло обсуждение программы Союза. Прения были бурными и продолжительными[6]. Маркс и Энгельс стремились существенно изменить «Проект Коммунистического символа веры», устранить из него остатки незрелых идей и создать программный документ на основе положений научного коммунизма. Они предложили также изменить форму документа. Инициатива исходила от Энгельса. При подготовке «Принципов коммунизма» он понял, что форма вопросов и ответов не годится для систематического изложения сложных исторических проблем. В письме Марксу 23 ноября 1847 г. он предложил «отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим *манифестом*»»[7].

Предложение Маркса и Энгельса коренным образом изменить форму и содержание «Проекта Коммунистического символа веры» вызвало, по-видимому, возражения лондонских деятелей Союза коммунистов. Ведь раньше они целиком одобрили этот документ. В конце концов Марксу и Энгельсу удалось убедить делегатов в правильности своей позиции. «Все разногласия и сомнения,— писал впоследствии Энгельс,— были, наконец, разрешены и новые принципы одобрены еди-

---

[1] См.: Союз коммунистов, с. 211, 214.

[2] Там же, с. 202; выступление К. Шаппера на собрании «Братских демократов» от 29 ноября 1847 г. — Deutsche Londoner Zeitung, 1847, 3. Dezember.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 99.

[4] Там же, с. 101.

[5] См. там же, т. 7, с. 257; т. 27, с. 108; А. Геберт — Энгельсу 21 декабря 1848 г. — Союз коммунистов, с. 302.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 451; т. 21, с. 224.

[7] Там же, т. 27, с. 99.

погласно. Марксу и мне было поручено выработать манифест» [1].

Вопрос об Уставе, как видно из его 36 статьи, вероятно, обсуждался уже после завершения прений о программе [2]. Сопоставление окончательного текста Устава с его проектом показывает, что во время конгресса последний подвергся значительной переработке. Более чем на треть было увеличено число его статей, добавлен ряд новых разделов, примерно 20 статей отредактировано заново [3]. Известно, что поправки к 3 и 21 статьям проекта, в которых закреплялась законодательная власть конгресса, а членам Союза разрешалось состоять в других организациях, исходили от Маркса [4]. Текст первой статьи Устава, заменивший неопределенно звучавшую первую статью проекта, созвучен отточенным марксистским формулировкам «Манифеста Коммунистической партии». Целью Союза провозглашалось «свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности» [5]. Эти изменения, внесенные в проект Устава, превращали Союз коммунистов в дееспособную пропагандистскую организацию [6].

На втором конгрессе, как и на первом, несомненно обсуждались организационные проблемы, которых к концу ноября накопилось немало [7]. К их числу относился вопрос о раскольнических действиях приверженцев Вейтлинга в Швейцарии. В статье Вейтлинга «Замечание о кёльнском процессе коммунистов», написанной в конце 1852 г., упоминался «декрет об исключении», исходивший от Маркса и его сторонников, «согласно которому Вейтлинг, бывший тогда уже в Америке, а также коммунисты в Швейцарии и половина парижских коммунистов, были исключены из Союза, *так как они распространяли коммунистические идеи при помощи религиозной пропаганды* («Евангелие бедного грешника»)» [8]. Статья Вейтлинга была тенденциозна и содержала резкие выпады в адрес Маркса и его сторонников [9]. Однако на факты, приведенные

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 224.
[2] См. там же, т. 4, с. 527.
[3] См. там же, с. 524—529; т. 42, с. 397—401.
[4] См.: Союз коммунистов, с. 205—206; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 524, 527; т. 42, с. 397, 399.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 524.
[6] См. там же, т. 19, с. 106.
[7] См.: Союз коммунистов, с. 194—209, 211—214.
[8] Republik der Arbeiter, 1852, 25. Dezember, S. 413.
[9] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 177.

в упомянутой цитате, стоит обратить внимание. Их достоверность подтверждается рядом источников. В частности, Циркуляр I конгресса показал, что на этом форуме действительно были исключены парижские вейтлингианцы [1].

Вполне возможно, что их швейцарские друзья и сам Вейтлинг были удалены из Союза на II конгрессе. Ведь именно конгрессы, согласно 38 статье Устава Союза коммунистов, окончательно решали вопрос об исключении [2]. В пользу этого предположения говорит прежде всего письмо ЦК Союза коммунистов Брюссельскому округу от 18 октября 1847 г. В нем прямо ставился вопрос о необходимости исключить из организации на II конгрессе сторонников Вейтлинга в Швейцарии, в частности из Бернской общины [3]. Завершение начатого на I конгрессе организационного размежевания Союза коммунистов с «вейтлингианской партией», которая, как отмечалось в Циркулярном письме I конгресса, «повсеместно задерживала развитие Союза», соответствовало позиции Маркса, Энгельса и их единомышленников [4].

Главную ответственность за подготовку «Манифеста Коммунистической партии» взял на себя Маркс. Ему были переданы все проекты программы Союза, в том числе и «Принципы коммунизма». «Манифест» рассматривался как документ самого конгресса, и, вероятно, должен был быть разослан вместе с Циркулярным письмом конгресса и Уставом Союза. Поэтому на его подготовку было дано немного времени. И когда к намеченной дате «Манифест» не прибыл в Лондон, руководство Союза 24 января 1848 г. выразило Марксу свое неудовольствие [5]. Вероятно, Маркс счел эти упреки обоснованными и 1 февраля 1848 г., к новому сроку, установленному руководством Союза, переслал документ в Лондон [6].

Содержание «Манифеста Коммунистической партии» широко известно и многократно анализировалось марксистскими

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 405.

[2] См. там же, т. 4, с. 527.

[3] На конгрессе, отмечалось в письме, «должно решиться, распадется ли Союз как целое, или из него следует удалить ту гниль, которая обнаруживается в ряде мест. По нашему мнению, это последнее средство — единственное, которое нам остается, если мы хотим чего-либо добиться... В Швейцарии черт знает что творится... Мы немедленно примем энергичные меры и обратимся с собственным циркуляром к общинам в Швейцарии. — Гниль следует удалять» (там же, с. 211, 213—214).

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 405.

[5] См.: Союз коммунистов, с. 228.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 224; *Leßner F.* Op. cit., S. 67.

историками. Хотелось лишь обратить внимание на некоторые особенности «Манифеста», которые связаны с историей его создания как программного документа рабочего движения.

Идейная победа, одержанная Марксом и Энгельсом на II конгрессе Союза коммунистов, дала им возможность создать программный документ Союза на основе идей научного коммунизма. Написанный в декабре 1847 — январе 1848 г. «Манифест Коммунистической партии» являлся чисто марксистским документом. Он вобрал в себя ключевые положения теории Маркса и Энгельса. «В этом произведении,— писал о «Манифесте» В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мировоззрение, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» [1].

Однако «Манифест» был не просто работой, излагавшей основы научного коммунизма, но и программой коммунистической партии, костяк которой составляли тогда передовые немецкие рабочие. При подготовке окончательного текста «Манифеста» Маркс должен был решить те же проблемы, которые стояли перед Энгельсом при написании «Проекта Коммунистического символа веры» и «Принципов коммунизма» — он должен был сделать документ близким и понятным этим рабочим. «Принципы коммунизма» Энгельса, во многом определившие структуру и содержание «Манифеста Коммунистической партии» [2], в известной мере помогали успешно выполнять эту задачу. В нем, как и в документах Энгельса, анализировались интересовавшие передовых рабочих социально-экономические вопросы развития капиталистического общества, взаимоотношений его двух главных классов, раскрывались перспективы классовой борьбы пролетариата, его всемирно-историческая роль. И в проектах Энгельса, и в «Манифесте» речь шла о целях борьбы коммунистов, раскрывался буржуазный характер частной собственности, семьи, брака, права, государства, религии, политики, воспитания, образования, морали и т. д., анализировался вопрос о коренном переустройстве буржуазного общества, о характере будущего коммунистического общества. Как и в «Принципах коммунизма», в «Манифесте» критиковались различного рода реакционные, буржуаз-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.

[2] См.: *Кандель Е. П.* Маркс и Энгельс, с. 235—236; *Багатурия Г. А.* Указ. соч., с. 102—109.

ные и мелкобуржуазные теории, выступавшие под флагом социализма, раскрывался характер утопических систем, намечалось отношение коммунистов к другим оппозиционным партиям и движениям. Многие из этих проблем находились в центре внимания передовых немецких рабочих и часто затрагивались в их выступлениях 40-х гг. В «Манифесте» Маркс и Энгельс давали научный анализ этой проблематики, не оставляя места каким бы то ни было утопическим и незрелым идеям, столь характерным для представителей немецкого рабочего коммунизма.

Такой подход хорошо иллюстрируется на примере положений «Манифеста Коммунистической партии» об отношении рабочих к отечеству, о взаимоотношении наций в будущем обществе. Мысль о том, что «рабочие не имеют отечества», что «у них нельзя отнять то, чего у них нет», об исчезновении в будущем национальной обособленности и розни, эксплуатации одной нации другой [1], перекликается с высказываниями на этот счет в «Гарантиях гармонии и свободы» Вейтлинга: «Какую же любовь может теперь питать к так называемому отечеству тот, кому нечего терять в нем, чего бы он не мог найти в любой чужой стране?.. Да есть ли оно у нас на самом деле это отечество?.. Теперь у нас нет отечества; оно будет у нас только тогда, когда общество станет одинаково заботиться о материальном благополучии всех своих членов. Такое отечество и мне мило; за такое отечество охотно борешься и умираешь... Весь этот старый хлам всяких разделений и разобщений, понятия о различиях, отечествах, языках и границах не имеет будущности» [2]. Однако в «Манифесте» полностью преодолевается абстрактный подход Вейтлинга и его товарищей к этой проблеме. Положения о характере государства и его судьбе в коммунистическом обществе опираются на конкретный социально-экономический анализ. Отмечается, например, что «пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация» [3].

Глубокое и всестороннее знание особенностей идейного развития раннего немецкого рабочего движения в 1843—1847 гг. позволило также Марксу найти соответствующую литературную форму для документа. В серии статей «Наемный труд и капитал», созданной на основе лекций в Немецком рабочем

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 444—445.
[2] *Вейтлинг В.* Гарантии гармонии и свободы, с. 175—176, 182, 191.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 435, 444.

обществе в Брюсселе, Маркс писал: «Мы постараемся излагать все это как можно проще и популярнее, не предполагая у читателя знакомства даже с самыми элементарными понятиями политической экономии. Мы хотим, чтобы нас понимали рабочие» [1]. Подобная же задача стояла перед ним и при работе над окончательным текстом «Манифеста Коммунистической партии», в котором предстояло изложить многие сложные социально-экономические, политические и исторические проблемы в понятной для рабочих форме. Маркс блестяще выполнил эту задачу. Он использовал наиболее подходящую для восприятия рабочих эмоциональную форму изложения и сумел добиться чрезвычайной ясности и яркости стиля. Имея в виду эту сторону «Манифеста», Август Бебель назвал его «образцовой агитационной работой» [2]. «Манифест» отразил одну из особенностей марксистской теории правильно выражать «интересы, точку зрения и культуру революционного пролетариата»[3].

В 1848 г. «Манифест Коммунистической партии», по словам Энгельса, был «восторженно встречен тогда еще немногочисленным авангардом научного социализма» [4]. Прежде всего речь шла о немецких рабочих — членах Союза коммунистов. После ознакомления с рукописью «Манифеста» лондонские руководители Союза напечатали его во второй половине февраля 1848 г. на денежные средства Просветительного общества немецких рабочих [5].

«Манифест Коммунистической партии» явился главным теоретическим результатом деятельности Маркса и Энгельса в рабочем движении 40-х гг. Им приходилось преодолевать множество трудностей, чтобы «очистить головы немецких рабочих от *утопического* социализма, от фантастического представления о будущем общественном строе» [6]. В выступлениях основоположников марксизма перед рабочими теоретическая принципиальность всегда сочеталась с тщательным учетом фактического состояния рабочего движения, особенностей его идейного развития. При этом они ставили перед собой цель

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 429.

[2] Выступление А. Бебеля 28 октября 1893 г. на Кёльнском съезде СДПГ. — Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Köln a. Rh. vom 22. bis 28. Oktober 1893. Berlin, 1893, S. 99.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 336—337; см. также т. 16, с. 23; т. 49, с. 116.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 61.

[5] Der Bund der Kommunisten, S. 1091—1092.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 235.

постепенно, шаг за шагом поднимать все движение на более высокий теоретический уровень [1].

Маркс и Энгельс сумели приобщить к своей теории передовую группу немецких рабочих, разработать организационные принципы и первую научную программу рабочего движения. В работе «Социализм в Германии» Энгельс писал об этом процессе: «Немецкий социализм возник задолго до 1848 года. Сначала в нем существовало два независимых течения. С одной стороны — чисто рабочее движение, ответвление французского пролетарского коммунизма; плодом этого движения был утопический коммунизм Вейтлинга, явившийся одним из этапов его развития. Затем — теоретическое движение, возникшее в результате распада гегелевской философии; в этом направлении с самого начала господствует имя Маркса. «Коммунистический манифест»... знаменует собой слияние обоих течений» [2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 475; т. 36, с. 497, 505.
[2] Там же, т. 22, с. 250.

В. Э. Кунина

ЗАВЕРШЕНИЕ РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА (1871—1872)

«Общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями... и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы» [1].

Карл Маркс. 1869 г.

«Генеральный Совет... приложил все усилия к тому, чтобы... со всей ясностью провозгласить политическую программу Интернационала...» [2]

Фридрих Энгельс. 1872 г.

За годы Первого Интернационала (1864—1872) рабочее движение ряда европейских стран и США сделало огромный шаг вперед в теоретическом развитии и в организационном сплочении. Интернационал, начав в 1864 г. с объединения различных отрядов пролетариата, находившихся на различных ступенях развития и обладавших соответственно различными теоретическими воззрениями, стал школой их идейного и революционно-практического воспитания. Этому способствовала и объективная обстановка второй половины 60-х — начала 70-х гг. — ускоренная концентрация промышленного пролетариата, обострение классовых противоречий, созревание революционного кризиса во Франции, Парижская коммуна. Первая пролетарская революция 1871 г. обусловила поворот в воззрениях передовой части международного пролетариата к социализму, ускоривший распространение марксизма в рабочем движении. Одним из наиболее действенных средств приобщения к марксизму была разработка общей теоретической программы Международного Товарищества Рабочих, продолжавшаяся на протяжении всех лет его существования. Уже в пер-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 363.
[2] Там же, т. 18, с. 163.

вых программных документах, составленных Марксом осенью 1864 г.,— во Временном Уставе и Учредительном Манифесте, сжато и в общей форме были изложены марксистские идеи — о классовой самостоятельности рабочего движения и значении международной солидарности рабочих, о необходимости сочетания экономической и политической борьбы, об общественном производстве, управляемом общественным предвидением [1]. Наиболее четко формулировалась цель рабочего класса — завоевание политической власти как его великая обязанность [2].

Вехами последующей разработки программных положений, их конкретизации и обогащения стали теоретические дискуссии в Генеральном Совете и на конгрессах, ход и результаты которых освещались в рабочей и демократической печати, в статьях Маркса, Энгельса и их соратников, в документах Интернационала [3].

«Путем таких дискуссий,— писал Энгельс,— Совет надеется выработать общую теоретическую программу, которая была бы приемлема для европейского пролетариата» [4].

Разработкой программы в Генеральном Совете руководил Маркс [5]. Он рекомендовал Генеральному Совету для обсуждения и включения в повестку дня конгрессов те первоочередные вопросы, которые выдвигались самим ходом классовой борьбы и к восприятию которых в той или иной степени была готова ведущая часть участников пролетарского движения. Решения, принимаемые по этим дискуссиям, дополняли уже принятые ранее программные документы [6]. Так шаг за шагом формировалась единая платформа борющегося пролетариата,

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 9.

[2] См. там же, с. 10.

[3] Разработке общей теоретической программы Интернационала посвящена статья И. А. Бах и В. Э. Куниной «Торжество принципов марксизма в программных документах I Интернационала». — Вопросы истории КПСС, 1964, № 9, с. 42—54.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 222—223.

[5] См.: *Степанова Е. А., Бах И. А.* Генеральный Совет — руководящий орган Международного Товарищества Рабочих. — Вопросы истории, 1964, № 9.

[6] О том, как понимали сами участники этих дискуссий их значение, свидетельствует следующее выступление И. Ф. Беккера, который писал: «...назначением конгрессов именно является — в результате обсуждения различных точек зрения на цели и средства Товарищества — выработать коллективное мнение, действительное на данное время, сформулировать единую точку зрения, способную служить для рабочих всех стран путеводной нитью в единстве действий, благодаря которому они только и могут приобрести достаточную силу для выполнения своей всемирно-исторической миссии». — Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма. М., 1972, с. 164.

определявшаяся общностью принципов и целей политики рабочего класса различных стран.

Первая дискуссия по программному вопросу была проведена Генеральным Советом еще в мае — июне 1865 г. По предложению Маркса была выбрана проблема, наиболее близкая рабочим в силу ее непосредственной практической жизненности: о значении экономической борьбы, необходимости ее сочетания с политической борьбой, о значении забастовок, о роли профессиональных союзов [1]. Решения, принятые по этой дискуссии, вошли затем в составленную Марксом в 1866 г. «Инструкцию» для делегатов Совета, направлявшихся на первый конгресс Товарищества в Женеву [2], а также и в постановления самого Женевского конгресса, которые Маркс характеризовал «как часть принципиальной программы Международного Товарищества Рабочих» [3]. Наиболее важными из них, по его словам, были постановления о международном объединении действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом, об ограничении рабочего дня, о кооперативном труде, о профессиональных союзах [4].

В целом эти решения составили своего рода «программу-минимум», которой могло руководствоваться пролетарское движение любой страны.

Последующие теоретические дискуссии в Генеральном Совете и на конгрессах в Брюсселе (1868) и Базеле (1869) были посвящены проблеме собственности на средства производства. В Брюсселе были приняты резолюции о передаче земли и ее недр, лесов и средств связи всему обществу «в лице такого государства, которое само подчиняется законам справедливости» [5], а также о том, что собственником машин должен быть непосредственный производитель [6]. Базельский конгресс после длительной дискуссии подтвердил эти решения. На этих конгрессах, писал Маркс, «большинство высказалось за теоретическое положение, согласно которому коренное улучшение положения рабочего класса может быть достигнуто, только если общественные средства сообщения и земля станут собственностью государства» [7].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 101—105.
[2] См. там же, с. 194—203.
[3] Там же, т. 44, с. 388.
[4] См.: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы. М., 1964, с. 214—220.
[5] Там же, с. 223.
[6] См. там же, с. 221.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 456.

Таким образом к 1870 г. была завершена в основном выработка социально-экономической программы Интернационала. Ее социалистический характер свидетельствовал о победе марксизма в Интернационале над защитниками частной собственности, в первую очередь над правыми прудонистами.

Решения о передаче собственности на средства производства в руки государства неизбежно подводили к обсуждению вопроса о средствах и путях осуществления этих преобразований, о роли самого государства в этом процессе. Делегат Базельского конгресса Б. Лекрафт говорил, что «он стоит за то, чтобы земля была собственностью государства и обрабатывалась государством на пользу всему обществу... под руководством правительства, призванного заботиться о благе всего общества» [1]. Более четко эту мысль изложил другой делегат — И. Г. Эккариус. Он утверждал, что «социальное преобразование должно быть произведено посредством той власти, которой рабочий класс сможет овладеть в государстве» [2].

Таким образом, со времени Базельского конгресса в центре борьбы внутри Интернационала объективно встал уже не вопрос о собственности, «а вопрос о *пути* пролетариата к социализму.., о *политической борьбе* как методе революционного действия рабочего класса.., в связи с этим «о *партии* как руководителе пролетариата в этой борьбе», а также «о *пролетарской диктатуре* как орудии социалистического переустройства общества» [3].

Рост интереса рабочих к политическим вопросам стимулировался и самой обстановкой конца 60-х гг. — значительным обострением в европейских странах классовых противоречий, усилившейся волной забастовок, перераставших в ряде случаев в настоящие классовые бои. Во Второй империи назревал революционный кризис, что оказывало воздействие и на другие европейские государства. За два года до Парижской коммуны, в марте 1869 г., Маркс писал Кугельману: «Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе» [4].

И еще одно весьма важное обстоятельство требовало окончательной разработки политической программы Интернационала и ее опубликования: накануне Базельского конгресса 1869 г.

---

[1] Базельский конгресс Первого Интернационала. 6—11 сентября 1869 г. М., 1934, с. 43.

[2] Там же, с. 52.

[3] Там же, с. XXIII (Предисловие).

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 496.

и во время самого конгресса со своей собственной программой рабочего движения выступили представители мелкобуржуазного социализма — бакунисты, претендовавшие на руководство организованным рабочим движением [1].

Совокупность этих объективных и субъективных обстоятельств и определила характер предложенной Марксом повестки дня очередного конгресса, который должен был собраться в сентябре 1870 г. в Майнце. На конгрессе предполагалось обсудить проблему соотношения политической деятельности и социального движения рабочего класса, практические меры по превращению земельной собственности в собственность общественную, средства устранения войн, условия развития кооперативного движения в национальном масштабе [2]. Все эти вопросы имели уже прямое отношение к политической программе Товарищества.

Конгресс не состоялся из-за франко-прусской войны. Но даже если бы он и был созван, то вряд ли на все эти вопросы был бы дан ответ, открыто соответствующий принципам «Манифеста Коммунистической партии». Даже передовым рабочим еще не хватало нужного опыта классовой борьбы, который позволил бы им уже в это время усвоить понимание необходимости установления диктатуры пролетариата, осмыслить пути, ведущие к ней. Можно предположить, что обсуждение в Майнце стало бы «прелюдией» к дальнейшим дискуссиям в Генеральном Совете и на очередных конгрессах по кардинальным вопросам теории и практики революционного рабочего движения.

Поправка была внесена самой жизнью. Обсуждение политической программы борющегося пролетариата, объединенного в Интернационал, пришлось на качественно новый этап классовой борьбы — на период, начавшийся после Парижской коммуны. Первая пролетарская революция дала необходимые опыт и уроки для развития марксистской теории и самого рабочего движения.

Энгельс заметил в «Анти-Дюринге», что следствием всякой победоносной революции является высокий нравственный и идейный подъем [3]. Для подобного вывода он располагал живым примером воздействия Парижской коммуны на международное рабочее движение. Буквально в считанные недели, с быстротой, которая возможна только в революционные периоды,

---

[1] См.: Первый Интернационал. Ч. 1—2. М., 1964—1965, ч. 1, гл. 5.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 456.
[3] См. там же, т. 20, с. 189.

пролетарское движение поднялось на новую ступень и в теоретическом, и в политическом отношениях. Выступления в защиту Коммуны стимулировали рост политической активности, усиление борьбы против «собственной» реакции, требования демократизации политического режима, введения фабричного законодательства и т. п.[1] Быстро увеличивалось число секций Интернационала в Европе, Северной и Латинской Америке. Они появились в отдельных городах Азии, Африки, Австралии. Это был показатель растущей политической активности пролетариата. Поддержка коммунаров передовыми кругами рабочего класса означала, что они подходили к пониманию необходимости революционного ниспровержения буржуазии, установления господства рабочих, ликвидации частной собственности. В выступлениях ораторов в поддержку политики Коммуны, а также в статьях в рабочей печати по существу излагались отдельные положения политической программы пролетарского движения. Революция 1871 г. и вызванное ею движение солидарности международного пролетариата «вспахали» почву, сделали ее значительно более пригодной для посева марксистских идей[2].

Значительно расширилась в это время и сеть каналов, по которым шло распространение идей марксизма. В 1871—1872 гг. выходило более двух десятков рабочих газет на 12 языках, в которых почти регулярно печатались работы Маркса, Энгельса, Лафарга, Бебеля, Либкнехта, И. Ф. Беккера и других, документы Интернационала. Через печать происходил тот обмен идеями, который Маркс считал одним из необходимых условий установления единства воззрений рабочих разных стран, в том числе и по политическим вопросам. С этой трибуны марксисты обращались к читателям, разъясняли политические и тактические задачи рабочего класса, несостоятельность мелкобуржуазных и буржуазных воззрений. Статьи Маркса и Энгельса помогали рабочим уяснять их действительные задачи, осознавать пути и средства, требующиеся для их освобождения.

В газетах часто печатались либо отрывки, либо главы отдельных произведений Маркса и Энгельса — из «Нищеты философии», «Капитала», «Гражданской войны во Франции» и др. Иногда произведение, как это было с «Манифестом Коммуни-

---

[1] См.: Парижская коммуна и марксизм. М., 1973, гл. 5.

[2] См.: *Федоровский Н. Г.* Революционная борьба пролетариата и усвоение им теории марксизма. — В кн.: Теория марксизма и рабочее движение XIX в. М., 1979.

стической партии», публиковалось целиком в ряде номеров тех или иных газет.

В тех условиях, когда издание переводов трудов Маркса и Энгельса на разные языки было весьма затруднено, публикация в газетах была почти единственной возможностью довести их содержание до рабочих. Тем более, как писал Марксу один из руководителей Эйзенахской партии, член Интернационала А. Гейб, «рабочие Германии не скоро смогут покупать дорогие и строго научно написанные книги» [1].

Публикация работ Маркса и Энгельса и их соратников в периодической печати давала возможность, по словам Энгельса, преподносить рабочим настоящую науку [2]. Это было особенно важно для романских стран, пролетарии которых в течение двадцати лет воспитывались на идеях прудонизма, «духовно питались только Прудоном» [3].

О тяге рабочих к марксизму свидетельствовало содержание писем, которые Маркс и Энгельс чуть ли не ежедневно получали от представителей самых разных отрядов пролетариата. В январе 1872 г. Либкнехт писал Энгельсу о том, насколько важно для немецких рабочих переиздание «Нищеты философии» [4]. В это же время Лафарг рекомендовал Марксу издать на французском языке «18 брюмера Луи Бонапарта» и первый том «Капитала», а на испанском — «Нищету философии» [5]. Французский рабочий Р. Вильмар настаивал на издании первого тома «Капитала» на французском языке, поскольку его распространение «является делом первой необходимости» [6]. Он также просил срочно прислать «манифест 48 года», который «тщетно просил у Лафарга» [7].

Другим, не менее важным каналом, по которому распространялись идеи марксизма, была значительно выросшая

---

[1] Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 342.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 359.

[3] Там же, т. 18, с. 262. В январе 1872 г. Лафарг писал Энгельсу из Мадрида: «Прудон здесь приносит значительный вред. Его книгу считают самой что ни на есть социалистической, но противоядие у меня под рукой. Я условился с Меса, что он переведет «Нищету философии» и издаст ее». — П. Лафарг — Энгельсу, 7 января 1872 г. — Новая и новейшая история, 1957, № 1, с. 18.

[4] См.: В. Либкнехт — Энгельсу, 16 января 1872 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 2729.

[5] См.: П. Лафарг — Марксу, 14 февраля 1872 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 2765.

[6] Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 474.

[7] Там же.

переписка Маркса и Энгельса с участниками рабочего движения многих стран Европы и США. В 1872 г. насчитывалось более 40 корреспондентов из 14 государств.

Не было такого теоретического или политического вопроса, поднятого в связи с Парижской коммуной и развернувшейся вокруг ее уроков идейной борьбой, который не получил бы отражение в этой переписке. И многие политические и теоретические вопросы освещались в письмах гораздо раньше, чем в статьях или устных выступлениях Маркса и Энгельса. Отрывки из писем иногда публиковались в рабочей и демократической печати, читались на собраниях секций Интернационала, передавались из рук в руки. В свою очередь пролетарская и демократическая пресса, как и поступавшие в адрес Маркса и Энгельса многочисленные письма, служили для них неоценимым источником, из которого они черпали сведения о размахе и характере движения, о его специфике в той или иной стране, о зарождавшихся и происходивших в нем явлениях и изменениях.

Парижская коммуна стала событием такого международного масштаба, которое сразу приковало к себе внимание не только революционных пролетарских кругов, но и врагов рабочего класса. Отношение к Коммуне, понимание ее сущности и уроков провело резкую демаркационную линию и усилило поляризацию идейных течений в самом рабочем движении, обострило борьбу вокруг его задач и тактики.

Такова была в общих чертах обстановка в 1871—1872 гг., когда происходила окончательная разработка политической программы Интернационала.

В основу политической программы Марксом и Энгельсом были положены опыт и уроки первой пролетарской революции. В Воззвании Генерального Совета — работе К. Маркса «Гражданская война во Франции», которая стала программным манифестом революционного пролетариата [1], были сформулированы важнейшие программные требования, вытекавшие

[1] Большой интерес с этой точки зрения представляет неопубликованная статья П. Л. Лаврова от 17 июля 1871 г., предназначавшаяся, по-видимому, для бельгийской газеты «La Liberté». Лавров писал: «Важнейшая мысль воззвания — это заявление о солидарности программы Интернационала с политической программой Коммуны, в той мере, в какой эта программа была реализована в ее декретах и ее действиях. Этим заявлением Генеральный Совет поставил себя во главе исторического движения, которое еще невозможно достойно оценить. Политическая программа Интернационала, недавно еще неопределенная... отныне определена». — Первый Интернационал и Парижская коммуна. Документы и материалы. М., 1972, с. 403.

из опыта революции 1871 г.: необходимость революционного ниспровержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата, обобществление средств производства, союз рабочих с крестьянством и др. Извлеченные из опыта Коммуны уроки, в силу условий данного этапа классовой борьбы, имели, говоря словами В. И. Ленина, огромное значение «в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...» [1].

Это произведение Маркса в совокупности с другими его и Энгельса работами того времени, а также их устными выступлениями означало, что на первый план теперь выдвинулась политическая сторона марксизма и зримо выступила связь марксистской теории с практическими задачами самой эпохи [2].

«Гражданская война во Франции» была издана в 1871—1872 гг. на тринадцати языках (одним из первых был перевод на русский язык), благодаря чему содержащиеся в ней идеи Маркса получили сравнительно широкий доступ к сознанию рабочих.

Хотя в «Гражданской войне во Франции» не рассматривался вопрос о роли субъективного фактора — роли пролетарской партии в подготовке и свершении революции, но все содержание работы вплотную подводило к выводу о необходимости организационного оформления авангарда борющегося пролетариата.

О политической организации пролетариата как залоге его успешной деятельности, условии, обеспечивающем его победу, в самой общей форме говорилось уже в Учредительном Манифесте Интернационала. Формулируя основную задачу пролетариата — завоевание им политической власти — Маркс подчеркнул при этом, что ее осуществление станет возможным только в том случае, «когда масса охвачена организацией и ею руководит знание» [3]. В таком виде это положение было принято представителями самых разных направлений, вступивших в Интернационал. Но за этой на первый взгляд мало к чему обязывающей формулировкой скрывалась марксистская мысль о роли массовой пролетарской партии, вооруженной революционной теорией. Ни профессиональные союзы, ни кооперативные или просветительные и т. п. общества в силу своих специфических задач не могли стать руководителями

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.
[2] См. там же, т. 20, с. 85.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 10.

политической борьбы пролетариата и обеспечить победу социалистической революции [1].

Маркс был убежден, что с ростом классовой борьбы и соответственно теоретического сознания рабочих, с помощью пропаганды, которую постоянно будет вести Генеральный Совет, передовая часть рабочих осмыслит отличие высшей формы своего классового объединения от прочих рабочих организаций и придет к пониманию подлинной сути этой формулировки. Жизнь в скором времени подтвердила и это предвидение Маркса. К концу 60-х гг. в рабочем движении Австрии, Германии, Франции, Швейцарии и других стран отчетливо выступила тенденция к созданию наряду с экономическими и просветительными объединениями и самостоятельной политической рабочей партии. Быстрота реализации этой тенденции, способы ее осуществления зависели от характера и уровня самого рабочего движения данной страны, от тех условий, в которых оно развивалось.

В 1869 г. была создана в Германии первая в масштабах страны социалистическая партия — партия эйзенахцев. С этого момента начался «отсчет времени» формирования в отдельных странах самостоятельных социалистических пролетарских партий [2]. Образование германской социал-демократической партии давало Марксу и Энгельсу большой материал для пропаганды опыта немецких рабочих. Еще до Парижской коммуны Энгельс, рекомендуя испанским рабочим последовать примеру немцев, писал: «Опыт показал повсюду, что лучшим средством освободить рабочих от... господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику...» [3]

Наличие этой тенденции имел в виду Энгельс в своем выступлении на Лондонской конференции в 1871 г. «Рабочая партия,— говорил он,— как политическая партия, уже существует в большинстве стран» [4].

Но все же до Коммуны Маркс не ставил в Интернационале в качестве практической задачи создание пролетарской партии

---

[1] О том, что за этой формулировкой скрывалась идея необходимости создания пролетарской партии, свидетельствует также статья Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», написанная примерно в это же время — в январе 1865 г. В ней Энгельс выдвигал идею создания самостоятельной рабочей партии, совершенно отличной от буржуазных партий, которой необходимо в противовес им развивать свою собственную партийную организацию. — См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 78.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 2.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 291.

[4] Там же, с. 421.

в масштабах государства. Этот вопрос выдвинули в ходе движения солидарности с Коммуной сами рабочие разных стран; на многих митингах и собраниях ораторы отмечали, что отсутствие политической партии было одной из причин гибели Коммуны. Об этом говорили и ее участники. Но и эта передовая часть рабочего класса еще не представляла, какой же должна быть партия, какие задачи и цели она должна преследовать, какую политику и тактику проводить. На эти вопросы мог дать ответ только марксизм. И такой ответ был дан.

Парижская коммуна показала (и этому была посвящена основная часть «Гражданской войны во Франции»), как должно происходить освобождение рабочего класса, тем самым она дала материал для окончательной формулировки политической программы Интернационала. Основные положения Воззвания сразу же после его выхода Маркс и Энгельс изложили в письмах, в устных и печатных выступлениях. Так в июле 1871 г. Энгельс писал итальянскому революционеру К. Кафьеро: «Мы должны освободиться от земельных собственников и капиталистов, поставив на их место объединенный класс сельскохозяйственных и промышленных рабочих, овладевших всеми средствами производства: землей, орудиями, машинами, сырьем... В результате неравенство должно будет исчезнуть. А чтобы довести это до конца, необходимо политическое господство пролетариата» [1]. Об этом же говорил Маркс на собрании, созванном в Лондоне 24 сентября 1871 г. в честь семилетия Интернационала: «Уничтожив существующие условия угнетения путем передачи всех средств труда производителю... — сказал он,— мы устраним единственную основу классового господства и угнетения. Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы» [2].

Маркс и Энгельс поставили в качестве первоочередной задачи создание самостоятельной пролетарской партии и определили ее цель: подготовка рабочего класса к осуществлению революционных преобразований общества.

Впервые рабочие услышали в Интернационале подобное объяснение их политических задач. Это означало, что перед ними была поставлена та же задача, которую 20 лет назад про-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 223.
[2] Там же, т. 17, с. 438.

возгласил в своей программе Союз коммунистов: «Ближайшая цель коммунистов ... формирование пролетариев в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти» [1].

Задачу создания пролетарской партии в национальных масштабах впервые обсудила созванная в сентябре 1871 г. в Лондоне конференция Интернационала, которая вошла в историю марксизма как важнейший этап борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, против мелкобуржуазного социализма и сектантства. В центре ее внимания находился вопрос о политической деятельности рабочего класса и ее высшей форме — самостоятельной политической партии. В известном выступлении Энгельса о политическом действии рабочих была приведена исчерпывающая аргументация значения их политической деятельности и соотношения ее с пролетарской революцией — «революция есть высший акт политики», аргументация необходимости создания самостоятельной рабочей партии, которая «должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика» [2].

Окончательный текст резолюции конференции, составленный Марксом и Энгельсом, рекомендовал членам Интернационала в разных странах организоваться в качестве самостоятельной партии [3]. Через год эта резолюция была утверждена Гаагским конгрессом Товарищества и вошла в его Устав. Она гласила: «В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов... завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата» [4].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 437—438.

После Коммуны Маркс чаще употребляет термин «диктатура пролетариата». В беседе с эмигрантами Парижской коммуны в сентябре 1871 г. он заявил: «Общество исторически неизбежно должно пройти через диктатуру пролетариата». — См.: Э. Вермерш — М. Вильому, 4 сентября 1873 г. — В кн.: *Vuillaume M.* Mes cahiers rouges. X. Proscrits. Paris, [1914], p. 57—58.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 421—422.

[3] См. там же, т. 44, с. 454—455.

[4] Там же, т. 18, с. 143.

Принятая Гаагским конгрессом политическая программа была адекватна программным положениям «Манифеста Коммунистической партии», что и отметил Маркс в статье в газете «Volksstaat»; принципы «Манифеста», писал он, «обошли... весь свет в виде *программы Международного Товарищества Рабочих...*»[1]

Политическая программа не исчерпывалась новой статьей Устава Интернационала. Она фактически дополнялась рядом других решений предыдущих конгрессов, Лондонской конференции и Гаагского конгресса о политике Интернационала по отношению к крестьянству, о женском рабочем движении, о взаимоотношении с профессиональными союзами и др.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс указал, что Коммуна на практике подтвердила вывод, сделанный марксизмом на основании анализа опыта революций 1848—1849 гг. о необходимости союза рабочего класса с трудовым крестьянством, и подготовка такого союза должна стать частью политической деятельности рабочих партий. Постановление конференции рекомендовало всем руководящим органам Интернационала, всем его секциям и федерациям вести пропаганду в сельских местностях и подготовить свои соображения о том, «какими средствами обеспечить присоединение земледельцев к движению промышленного пролетариата»[2].

К этой проблеме Маркс и Энгельс продолжали обращаться и после конференции. На заседании Генерального Совета в декабре 1871 г. Энгельс, говоря о пропаганде, которую вели в деревне датские социалисты, подчеркнул, что «Интернационал ставит своей целью освобождение мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих от подчинения людям, которые обогащаются за счет их труда...»[3] Он считал, что среди крестьян надо пропагандировать решения Базельского конгресса о необходимости национализации земли и передаче ее обществу, но это отнюдь не означает, что исключаются какие-либо переходные меры. В такой стране, как, например, Дания, где на-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 551. На идейное единство программ Союза коммунистов и Интернационала обратили внимание и противники марксизма. В отчете о Гаагском конгрессе его делегат бельгийский анархист П. Флюз заявил, что марксисты считают необходимым «конституироваться как могущественная политическая партия, способная завоевать политическую власть... Это является... обращением к программе немецких коммунистов 1848 года». — Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 202.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 425—426.

[3] Там же, т. 44, с. 427.

считывается большое число крестьян-собственников, в качестве подобных мер можно предложить создание сельскохозяйственных кооперативов, в которые войдут и крестьяне-собственники, и сельскохозяйственные рабочие «для совместного возделывания земли, теперь обрабатываемой ими индивидуально». Но крестьянам надо и впредь разъяснять, что конечным остается требование национализации земли [1].

В написанном Марксом докладе для манчестерских рабочих — членов Интернационала также указывалось: «социальное движение приведет к решению, что земля может быть только собственностью самой нации» [2].

Другая проблема, рассматривавшаяся Лондонской конференцией, была связана с вовлечением в освободительное движение рабочего класса женщин-работниц. Еще в процессе подготовки конференции Маркс предложил внести этот пункт в повестку дня, и он же поставил его на обсуждение. Принятая резолюция рекомендовала всем федерациям Товарищества создавать на фабриках и заводах, где широко применяется женский труд, специальные секции из женщин-работниц [3].

На Лондонской конференции и Гаагском конгрессе обсуждался также вопрос о взаимоотношении Интернационала с профессиональными союзами. Выступая, Маркс подчеркивал: «Тред-юнионы сами по себе бессильны — они останутся меньшинством. Они не могут вести за собой массы пролетариев, тогда как Интернационал оказывает на этих людей непосредственное воздействие... Они никогда не могли ничего сделать, не обратившись к нам» [4]. Постановления конференции, а затем и конгресса рекомендовали создать под руководством Генерального Совета международное профессиональное объединение [5]. Подобный проект был разработан позднее Генеральным Советом, а его краткое изложение вошло затем в специальное обращение Британского федерального совета «Интернационал и профессиональные союзы», написанное при уча-

---

[1] Энгельс сказал: «Со временем настойчивая пропаганда *национализации земли как конечной цели движения* будет эффективно содействовать ломке того политического подчинения, в котором крупные земельные собственники... до сих пор удерживают сельскохозяйственных рабочих». — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 428.

[2] Там же, т. 18, с. 57. Этот доклад был прочитан Дюпоном на собрании в Манчестере и опубликован затем в газете «International Herald» 15 июня 1872 г.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 424.

[4] Там же, с. 644.

[5] См. там же, с. 425; т. 18, с. 146.

стии Энгельса и опубликованное в британской и американской прессе [1].

Если подвести итог обсуждению основных вопросов на Лондонской конференции и Гаагском конгрессе, то, применяя ленинскую характеристику, можно сказать, что это были именно те вопросы, которые получили «серьезное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития» [2]. К ним же относились и постановления против сектантства и реформизма, о которых пойдет речь дальше.

В совокупности политическая программа Интернационала включала теперь следующие положения, основанные на принципах марксизма: о классовой самостоятельности пролетарского движения, о необходимости сочетания экономической и политической борьбы, о роли профессиональных союзов в классовой борьбе пролетариата и их взаимоотношении с политической организацией рабочих, о взаимосвязи пролетарского и национально-освободительного движений, о союзе рабочего класса с трудовым крестьянством, об исторической неизбежности пролетарской революции и необходимости подготовки к ней рабочих, о диктатуре пролетариата и ее функциях, в первую очередь — о передаче средств производства в руки пролетарского государства, о конечной цели борьбы рабочих — построении бесклассового общества. Марксистское учение о роли и значении субъективного фактора в революционной борьбе пролетариата получило отражение в документах Интернационала в требовании создания пролетарской партии в рамках каждой страны.

Разработка общей социально-экономической и политической программы на принципах марксизма создавала предпосылки для достижения того *«единства мысли и действия»*, которое Маркс считал необходимым условием победы пролетарской революции [3].

Значение провозглашенной Гаагским конгрессом политической программы хорошо поняли представители передовых отрядов рабочего класса. Австрийский делегат конгресса Генрих Шей писал в газете «Volkswille»: «Гаагский конгресс продвинул нас на несколько шагов вперед. Направление научного социализма, к которому принадлежит и наша молодая партия в Австрии, освободившаяся от традиций предшествующих

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 579—580.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 12.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 341—342.

форм социализма, одержало в Гааге победу...»[1] По его словам, конгресс, «высказавшись против сектантства, против анархии и за централизацию всех сил для завоевания политической власти... указал всем рабочим партиям направление, которому они должны следовать в отдельных странах»[2].

Делегат Североамериканской федерации Ф. Зорге также отметил, что «Гаагский конгресс в главном недвусмысленно определил основное направление нашей дальнейшей деятельности»[3]. О том же писали органы пролетарской печати: испанская газета «Emancipacion», португальская «O Pensamento Social» и другие.

Основные положения политической программы стали известны значительному числу членов Товарищества через проводившиеся в 1871—1872 гг. обсуждения решений Лондонской конференции. Они были одобрены на совместном заседании 30 женевских секций[4], Амстердамским федеральным советом[5], съездом саксонских социал-демократов в Хемнице[6], съездом Североамериканской федерации[7], Ноттингемским съездом Британской федерации[8]. Резолюции Лондонской конференции публиковались органами федераций Интернационала в Англии, Испании, Португалии, Германии, США и других странах. Фактически решения конференции были одобрены рабочими Австрии, Венгрии, Германии, Дании, Италии, Испании, Англии, Португалии, Русской секцией Товарищества, нелегальными секциями во Франции, Чехии и др. Какое значение придавал Маркс этому одобрению, явствует из его замечания по поводу резолюции Ноттингемского съезда Британской федерации Интернационала: «Английские члены Международного Товарищества Рабочих... высказались за политическую деятельность путем создания политической партии в Англии»[9].

---

[1] Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 125.
[2] Там же, с. 126.
[3] Там же, с. 248.
[4] L'Égalité, 1871, 7 Décembre.
[5] См.: Амстердамский федеральный совет — Генеральному Совету, 28 декабря 1871 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 193/10.
[6] См.: В. Либкнехт — Ф. Энгельсу, 10 января 1872 г. — In: Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Dokumente und Materialien. Berlin, 1964, S. 625—627.
[7] См.: Ф. А. Зорге — К. Марксу, 15 июля 1872 г. — Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 313—314.
[8] The Nottingham and Midland Counties Daily Guardian, 1872, July 22.
[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 456.

После Гаагского конгресса многие местные федерации Интернационала обсудили вопрос о наилучшем средстве претворения в жизнь его резолюции о политическом действии рабочего класса. Постановлениями съездов Британской федерации (1873) [1], Североамериканской федерации (1874) [2], съезда Венгерского рабочего союза (1873) [3], затем решениями Новой Мадридской федерации, Североитальянской федерации и др. было указано, что это «наилучшее средство» заключается в создании самостоятельной пролетарской партии. Пропаганде этих решений содействовали отчеты делегатов и многочисленные статьи, публиковавшиеся в печати.

* * *

Разработка политической программы Интернационала, в значительной мере воплощавшей опыт первой пролетарской революции, проходила в острой идейной борьбе между марксистами и примыкавшим к ним пролетарско-революционным крылом, с одной стороны, и мелкобуржуазными социалистами, представленными бакунистским течением, с другой. Специфика данного периода идейной борьбы в Интернационале заключалась в том, что она проходила на рубеже двух этапов исторического развития классовой борьбы пролетариата и в ней по сути дела решался вопрос, за кем пойдет международное рабочее движение на новом этапе своего развития.

Бакунисты подвергли яростной атаке все основные положения политической программы, предложенной марксистами. В центре борьбы находился «фокус всех вопросов» — вопрос о государстве. Именно отношение к государству в первую очередь выявило глубочайшее противоречие между марксистским учением о роли и значении диктатуры пролетариата и бакунистским требованием уничтожения всех национальных государств и «учреждения на их развалинах,— говорил Бакунин на Базельском конгрессе,— Международного государства трудящихся миллионов... создание которого и является задачей Интернационала» [4]. После Парижской коммуны Бакунин вы-

---

[1] Resolutions of the Manchester Congress. London, 1873.

[2] См.: Декларация принципов Североамериканской федерации Международного Товарищества Рабочих. 14 апреля 1874 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 225/6.

[3] International Herald, 1873, March 29.

[4] Базельский конгресс Первого Интернационала, с. 48.

ступил с утверждением, что она как раз и является доказательством правильности этой идеи [1].

Эту же догму бакунисты отстаивали на Гаагском конгрессе, когда решался вопрос о политической программе Интернационала. Глава бакунистской делегации Дж. Гильом заявил, что расхождение бакунистов с марксистами и идущими за ними многими делегатами заключается в следующем: «Большинство хочет *завоевания политической власти,* меньшинство — *разрушения политической власти»* [2]. Бакунисты, писал он в своем отчете о конгрессе, противопоставили «коммунистической доктрине, выраженной в знаменитом «Манифесте Коммунистической партии»» [3], федералистскую и революционную теорию. Ему вторил анархист Флюз. «Мы считаем,— писал он в бельгийской газете «Internationale»,— ...что Международное Товарищество Рабочих не имело бы смысла, если бы оно непреодолимо не стремилось к уничтожению государства... Когда будет достигнуто сплочение пролетариата, с государством будет покончено... Миссия пролетариата заключается, наоборот, в том, чтобы растворить государство в промышленной организации» [4].

Квинтэссенция бакунистских воззрений содержалась в решениях их конгресса, созванного в Сент-Имье непосредственно после конгресса в Гааге и в противовес ему. Бакунисты провозгласили там «первой обязанностью пролетариата» разрушение всякой политической власти, полный отказ рабочих от диктатуры пролетариата, от пролетарской партии и отвергли организационные принципы Интернационала [5]. Эти догмы свидетельствовали о том, что они как мелкобуржуазные революционеры абсолютно чужды пониманию всемирно-исторической миссии пролетариата и путей, ведущих к освобождению масс от социального гнета.

Добиваясь отказа рабочих от политической борьбы в условиях буржуазного государства, бакунисты тем самым обрекали

---

[1] См.: *Бакунин М. А.* Парижская коммуна и понятие государственности. Избранные сочинения. Т. 1—5. П. — М., 1919—1921, т. 4.

Автор данной статьи не ставит своей задачей дать развернутую характеристику бакунистских воззрений, поскольку она уже содержится в ряде работ. См., напр., Первый Интернационал. Ч. 1—2. М., 1964—1965; *Колпинский Н. Ю.* Деятельность Ф. Энгельса в годы Первого Интернационала. М., 1970; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7-ми т. Т. 2. М., 1976, с. 175—179, 192—197.

[2] Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма, с. 181.

[3] Там же.

[4] Там же, с. 204.

[5] Pacte d'amitié, de solidarité et de défence mutuelle. 1872.

пролетариат на пассивное подчинение правящим классам, на неизбежное поражение и деморализацию. Отрицание пролетарского государства, пролетарской революции и партии, отрицание всякого организующего начала бакунисты подводили под общую формулу «отрицания всяческих авторитетов». Учению о предпосылках и закономерности пролетарской революции они противопоставляли догму о мятежах, организуемых заговорщическим меньшинством «профессиональных революционеров», которых должна стихийно поддержать «основная революционная сила» — крестьянство и люмпен-пролетариат. Роль руководителя отводилась центральному органу тайных обществ, построенных по принципу самой строгой иерархии.

К созданию такого рода тайных обществ внутри Интернационала бакунисты приступили еще в конце 60-х гг. в тех регионах, в которых они пользовались наибольшей поддержкой,— в Испании, Италии, Швейцарии, южной Франции. Это были районы, где в силу слабого капиталистического развития еще только завершался промышленный переворот и шел быстрый процесс пауперизации мелкобуржуазных слоев города и деревни. Эти слои и составляли основную социальную базу бакунистского движения. Революционная фразеология бакунистов, их яростная критика социальных порядков привлекала также и часть рабочих, и представителей радикальной интеллигенции, разочаровавшейся в буржуазно-демократических воззрениях, как это было, например, в Италии с частью мадзинистов или в Бельгии с прудонистами.

Подрывная деятельность бакунистов в ряде стран приняла к началу 70-х гг. такой размах, что возникла реальная опасность поворота рабочего движения на путь революционного авантюризма.

Для привлечения рабочих бакунисты широко использовали метод подмены программных документов Интернационала. Незрелым в теоретическом отношении пролетариям, только вступавшим на путь организованного политического движения, они представляли свои догмы в качестве подлинной программы Международного Товарищества Рабочих.

Маркс и Энгельс обращали внимание на опасность, которую несет бакунизм, настойчиво подчеркивали, что от исхода борьбы с бакунизмом зависит в большой степени будущее рабочего движения [1]. Одной из решающих мер против распрост-

---

[1] Это понимали и бакунисты. В апреле 1872 г. Бакунин писал испанскому революционеру Мора, что сейчас «на многие десятилетия решается судьба пролетариата всей Европы...» — Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 451.

ранения бакунистского влияния должно было стать открытое провозглашение политической программы Товарищества.

Первый тяжелый удар по бакунизму нанесла Лондонская конференция 1871 г. Резолюция о политическом действии рабочего класса, а также решения против сектантства во всех его видах исключили возможность подменять программу Интернационала бакунистскими идеями [1].

Обсуждение решений конференции выливалось на заседаниях секций и федераций в острые дискуссии, во время которых обсуждались многие вопросы, вытекавшие из опыта революции 1871 г., и ее уроки.

«Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений,— писал Ленин,— как оценка их противниками...» [2]

Мелкобуржуазная, противоречащая истине оценка бакунистами Парижской коммуны, а также основанной на ее опыте программы Интернационала показали передовым кругам рабочих коренное различие между пролетарско-революционными и анархистскими выводами.

Борьба с бакунистами охватила не только теоретическую сферу, но и область организационных принципов построения Интернационала, а тем самым, в известной мере, и будущих пролетарских партий. Подобная проблема впервые стала предметом острой борьбы в массовом рабочем движении, и она была неразрывно связана с борьбой вокруг самих программных вопросов. Бакунисты рьяно выступили против идей демократизма и централизма, активно пропагандировавшихся Марксом и Энгельсом: против выборности и гласной отчетности, усиления прав и инициативы местных отделений, против укрепления партийной дисциплины (термин, применявшийся в это время Марксом и Энгельсом), обязательности принимаемых на конгрессах решений и т. п. Бакунисты выступали против тех организационных принципов, в которых, по словам Энгельса, нуждалась пролетарская партия, способная «постоять за себя» [3].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 429, 430.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 117.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 482.

В данной статье мы останавливаемся очень кратко на развитии организационных принципов построения Интернационала. Этот вопрос рассмотрен нами в ряде статей, в том числе: «История создания нового проекта Общего Устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)». — История социалистических учений. М., 1964, с. 442—459; «Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом организационных принципов

Борьба вокруг принципов построения пролетарских организаций приобретала особое значение в связи с теми условиями, в которых развивалось рабочее движение после Коммуны. Наступление реакции, преследовавшей Интернационал как «соучастника революции», и подрывная деятельность бакунистов внутри самого Товарищества — все это объективно требовало дальнейшего укрепления организации, принятия мер, обеспечивающих ее сохранность и боеспособность. Развитие и усовершенствование организационных принципов могло идти только в направлении демократического централизма как единственного принципа, обеспечивающего и боеспособность, и рост активности членов Интернационала. Поэтому идея демократического централизма (сам термин Маркс и Энгельс не употребляли) красной нитью проходит через все выступления Маркса и Энгельса на заседаниях Генерального Совета в 1871—1872 гг. При этом они обращали внимание на наличие органической связи программных задач с организационным построением Интернационала [1].

Идейная борьба вокруг программных вопросов велась не только с бакунизмом. Еще в конце 60-х гг. Маркс обратил внимание членов Генерального Совета на рост в рабочем движении реформистских воззрений и на несовместимость их с задачами Интернационала. Реформизм проповедует гармонию с капиталистами, говорил Маркс, «а Товарищество объявило войну власти капиталистов» [2]. Тогда это относилось в основном к Англии, в рабочем движении которой уже существовала значительная прослойка рабочей аристократии, носительницы реформистских воззрений, осуществлявшей на практике политику, которую Ленин называл «либеральной рабочей политикой» [3].

пролетарской партии в годы Первого Интернационала (1864—1873)». — Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977, с. 185—209 и др.

[1] Одним из важнейших в этом отношении мероприятий было создание осенью 1871 г. в Генеральном Совете специального комитета под председательством Маркса с целью проверки соответствия уставов всех вступавших в Интернационал секций или федераций с Общим Уставом Товарищества. Не менее важным было и внесенное Марксом предложение при обсуждении проекта Устава в Совете летом 1872 г. об обязательности «принципиальных решений», принимаемых конгрессами. — См.: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы. М., 1965.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 636; см. также: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870, с. 200.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 122—123.

Отношение реформистов к Парижской коммуне четко выявило их мировоззрение: замену классовой борьбы соглашательством с буржуазией, ограничение политической борьбы рабочих исключительно борьбой за отдельные реформы, отказ от пролетарского интернационализма, защита принципа частной собственности. Сформировавшееся в начале 70-х гг. реформистское крыло в Британской и Североамериканской федерациях Интернационала трактовало решения Лондонской конференции о политической деятельности рабочего класса именно в этом духе. Задачи рабочей партии сводились в первую очередь к борьбе за парламентское представительство; причем рабочая партия должна была выступать как надежный партнер буржуазных либеральных реформаторов и под их руководством. Обеспокоенный ростом реформистских настроений, Маркс в июле 1872 г. на заседании Генерального Совета подчеркнул, что рабочие Англии и Америки «позволяют буржуазии использовать себя в политических целях. Мы должны положить этому конец...» [1]

Устные выступления, письма и статьи Маркса и Энгельса этих лет, в которых был дан социальный анализ и характеристика политической сущности реформизма, имели большое методологическое значение для последующей борьбы революционных сил против реформистского течения в рабочем движении.

* * *

Решениями Гаагского конгресса была завершена разработка политической программы Интернационала, основанной на принципах «Манифеста Коммунистической партии» [2]. Программа определила направление развития рабочего движения на новом этапе его классовой борьбы — направление, ведущее к пролетарской революции. Первым шагом должно было стать создание в каждой отдельной стране самостоятельной пролетарской партии, которая взяла бы на себя задачу сплочения рабочих сил и подготовку их к будущим революционным боям.

Процесс разработки общей программы Интернационала показал, что только марксизм мог так смело ставить и решать выдвигаемые самим ходом классовой борьбы задачи, теоретически осмысливать потребности борющегося пролетариата, показал неразрывную связь марксистской теории с револю-

---

[1] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872, с. 196.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 61.

ционной практикой рабочего движения. Маркс и Энгельс, изучая опыт рабочего движения, обобщая его и проверяя им свою теорию, указали передовым кругам рабочего класса путь, ведущий к их действительному освобождению.

Программа, отражая уровень идейного развития, достигнутый передовым отрядом международного пролетариата, определила общую цель всех борющихся за свое освобождение рабочих, указала на «общее соответствие средств, применяемых для достижения общей цели — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом» [1]. Но Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что начертанный в Интернационале план совместных действий всех пролетарских революционных сил требует при сохранении основных положений приспособления его к разнообразным условиям каждого государства, каждой нации.

Маркс и Энгельс не скрывали того, что требования, содержащиеся в программе, еще не соответствуют уровню сознания широких пролетарских масс, что они выше этого уровня. Говоря словами Ленина, программа выражала то, что *«думают* передовые люди класса о его задачах и его положении» [2]. Предстояла длительная и упорная работа, пока эти программные положения станут достоянием широких рабочих масс. Впереди еще были тяжелые бои с реформизмом и анархизмом, против идеологического и политического влияния буржуазии.

Проникновение идей марксизма в рабочий класс в разных странах неизбежно должно было происходить неодинаковыми темпами и с неодинаковыми результатами. Это определялось уровнем социально-экономического развития страны, ее историческими особенностями и национальными традициями, степенью развития классовой борьбы, структурой самого пролетариата. Маркс и Энгельс не рассчитывали на немедленную реализацию решения о создании в каждой стране пролетарской партии, строящейся строго на принципах, разработанных в Интернационале. Для осуществления этой задачи также требовалась определенная политическая и организационная подготовка. Наряду с такой партией, как партия эйзенахцев в Германии, в ряде стран в силу их исторической специфики, например, в Англии или США, могли возникнуть сначала пролетарские партии более «широкого типа», объединяющие различные по характеру рабочие организации. Но и эти партии располагали теперь определенной программой, ставящей своей целью завоевание политической власти.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 132.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 240.

Основанная на принципах марксизма общая теоретическая программа Международного Товарищества Рабочих была доказательством того, что учение Маркса и Энгельса завоевало в рабочем движении прочные позиции, с которых можно вести дальнейшее наступление в борьбе за широкие массы рабочих. Был сделан большой шаг на пути распространения идей научного коммунизма в рабочем движении, заложен теоретический и организационный фундамент построения пролетарских социалистических партий. Были созданы важные предпосылки идейной победы марксизма над другими социалистическими течениями в рабочем движении.

О. А. Хорева

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА В ЧЕХИИ ВОКРУГ КНИГИ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ»

(По материалам откликов 1846—1860 гг.)

Значительным этапом в создании основ научного коммунизма была книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). В ней не только давалась уничтожающая критика существующего буржуазного общества, но и содержался призыв «свергнуть существующий социальный порядок» путем социальной революции; указывался тот общественный класс, который принесет обновление человечеству — пролетариат. Труд Энгельса обобщал огромный фактический материал о положении пролетариата на Британских островах. Книга содержала множество новых, революционных идей в области политической экономии, понимания истории, научного прогнозирования общественного развития. Ядром энгельсовской концепции будущего развития человеческого общества была идея об исторической миссии пролетариата.

Работа Энгельса вызвала в 40—50 гг. XIX в. большой резонанс [1]. Историческая литература, изучающая отклики современников на произведения классиков марксизма, является составной частью конкретно-исторического исследования распространения и издания в странах мира отдельных произведений Маркса и Энгельса. Эта чрезвычайно важная работа позволяет марксоведам выявить степень влияния идей марксизма на различные национальные отряды рабочего класса. Специа-

[1] См.: *Ковалева М.* Первая русская рецензия на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». — Вестник МГУ, серия XI (журналистика), 1975, № 4, с. 84—88; *Mönke W.* Das literarische Echo in Deutschland auf Friedrich Engels' Werk «Die Lage der arbeitenden Klasse in England». Berlin, 1965; *Novotný K.* Engelsovo «Postavení dělnické třídy v Anglii» a jeho ohlas u nás v polovině minulého století. — Příspěvky k dějinám KSČ. Praha, roč. 1, 1957, str. 134—152; *Illový R.* Rieger kontra Engels. — Právo lidu XLII, 1933, č. 243 (17.X), str. 3.

листам же по истории отдельных народов и государств сравнительный анализ реакции на то или иное произведение Маркса и Энгельса дает возможность глубже понять специфику интеллектуальной жизни этих стран, помогает выяснить характер функционирования передовых идей в соответствии с этапами и особенностями общественного развития разных регионов.

Особенно горячо отозвались на выход книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» газеты и журналы социалистического направления [1]. Менее известна реакция на книгу в буржуазных кругах. В советской литературе указывалось, что «замалчивание было первой формой идейной борьбы, которую буржуазные идеологи применили по отношению к научному коммунизму» [2]. Однако книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», в чрезвычайно острой публицистической форме ставившая магистральные вопросы общественного развития как раз накануне назревавшей буржуазной революции, оказалась работой, которую буржуазная наука и публицистика не только не обошли вниманием, а, наоборот, встретили острыми дискуссиями в печати.

Быстрее всего откликнулись на книгу Ф. Энгельса германские публицисты. Мы вправе предположить подобную реакцию и в тех европейских странах, где немецкий язык имел давние традиции. Такой областью, к тому же отличавшейся высоким уровнем социально-экономического развития, была Чехия, входившая в состав Австрийской империи [3].

* * *

Книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» была одним из первых произведений марксизма, с которым чешские рабочие познакомились на родном языке. Перевод некоторых частей этого выдающегося произведения социалистической литературы, сделанный Л. Запотоцким [4], был напе-

---

[1] См.: Фридрих Энгельс. Биография. 2-е изд. М., 1977, с. 60.

[2] Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. М., 1968, с. 104.

[3] «Чехия» в данной статье употребляется в широком смысле как синоним принятого в современной славяноведческой литературе более точного термина «чешские земли» (хотя фактически «территориальные» рамки статьи ограничиваются Чехией в узком смысле, без Моравии и Силезии).

[4] Л. Запотоцкий (1852—1916), в дальнейшем крупный деятель чешского рабочего движения, был одним из первых пропагандистов марксизма среди чешских рабочих.

чатан в газете пражских социал-демократов «Делницке листы» в 1874 г.[1] Благодаря этой публикации книга Энгельса стала доступна чешским рабочим и помогла распространению идей научного социализма в период, непосредственно предшествовавший образованию в 1878 г. Чехославянской социал-демократической рабочей партии.

Между тем в оригинале «Положение рабочего класса в Англии» читали в Чехии значительно раньше. Произведение Ф. Энгельса уже в 40—50-е гг. было известно некоторому кругу лиц в Чехии. Более того, появились прямые отклики на книгу, принадлежавшие перу видных представителей буржуазной интеллигенции.

В советской литературе эта тема не освещалась. Академическая «История Чехословакии» даже не упоминает имени пражского историка А. Шпрингера, который популяризировал некоторые идеи энгельсовской книги в 1849 г. Правда, в этом издании названо некое сочинение Ф. Л. Ригера, «в котором он попытался вступить в прямую полемику с Энгельсом»[2]. Однако, с каким произведением Энгельса полемизировал Ригер, не указано, а содержание этой полемики не исследовано. Цель данной статьи — осветить распространение в Чехии книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» в период с 1846 по 1860 г., когда книга стала известна здесь на языке оригинала и вызвала ряд откликов в среде буржуазных ученых.

Чем же характеризовалась социально-экономическая ситуация в чешских землях в это время? Прошло уже более полувека со времени отмены крепостного права (в 1781 г.); разложение феодализма в стране шло полным ходом. Чешские земли все больше захватывал процесс капиталистического развития. С начала века в стране осуществлялся промышленный переворот, формировались новые общественные классы. Численность фабричного пролетариата достигала в 40-е гг. XIX в. примерно 120—150 тыс. человек, доля чешских земель в промышленном производстве Австрийской империи составляла 26 %[3]. Наиболее развитой отраслью промышленности было текстильное производство, а в нем — изготовление хлопчатобумажных тканей.

---

[1] Dělnické listy. 1874, č. 1; str. 1—2; č. 3, str. 18. О газете см.: История Чехословакии, т. 2. М., 1959, с. 110—112.

[2] Там же, с. 69—70.

[3] *Mrázek O.* Vývoj průmyslu v českých zemích a na Slovensku od manufaktury do roku 1918. Praha, 1964, str. 128, 131.

В 30—40-е гг. XIX в. в Чехии произошли первые рабочие выступления, носившие стихийный характер. Были зафиксированы случаи разрушения машин. Наиболее крупная стачка произошла в 1832 г. на фабрике Брандейса. Большой резонанс в стране и за границей получили рабочие волнения в Чехии летом 1844 г.

Если для Англии, Франции, Германии в 40-е гг. XIX в. можно со всей определенностью говорить о существовании буржуазного рабочеведения [1], то в Чехии в эти годы оно только складывается. Во всяком случае, положение рабочих начинает привлекать внимание буржуазных публицистов. Известный чешский либерал К. Гавличек-Боровский отмечал в качестве характерной черты эпохи то обстоятельство, что «число самостоятельных, независимых людей день ото дня убывает, а количество... наемных работников все растет, отдельные лица безмерно обогащаются, а большинство при этом впадает во все большую бедность» [2]. Гавличек рассматривал пролетариат как социальную аномалию. Он считал, что «сила страны, основанная на крестьянстве, всегда прочнее, чем базирующаяся на фабриках» [3]. Правда, к крестьянскому сословию он причислял «не только сельское сословие, но и мещан и других собственников небольших хозяйств» [4].

Чтобы лучше представить ту идейную атмосферу, которая царила в чешском рабочеведении, рассмотрим анонимную брошюру «Волнения в Чехии» [5]. Брошюра, как и книга Ф. Энгельса, вышла в свет в 1845 г. в Лейпциге. Она была посвящена событиям 1844 г.

Анонимный автор проявляет хорошее знание положения чешского пролетариата и горячую заинтересованность в разрешении рабочего вопроса в Богемии. Он подробно описывает рабочие волнения в Праге и на периферии Чехии. Автор применяет такие недавно вошедшие в употребление понятия, как «панславизм» [6] и «чехомания», ссылается на австрийский эко-

---

[1] См.: *Заборов М. А., Хасина Г. В.* К предыстории Марксовой концепции пролетариата («Рабочий вопрос» в науке и публицистике 30—40-х годов XIX в.). — В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. К 160-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1977.

[2] *Havlíček-Borovský K.* Politické spisy. Praha, 1900, d. I, str. 158—159.

[3] Ibid., str. 251.

[4] Ibid., str. 159.

[5] Die Unruhen in Böhmen. Ein Wort zu seiner Zeit. Leipzig, 1845, S. 130.

[6] Термин «панславизм» в политическом аспекте впервые был употреблен в конце 1840 г. (см.: *Волков В. К.* К вопросу о происхождении

номический журнал, упоминает первые в Венгрии текстильные печатные машины — перротины. Все это дает нам право считать анонимного автора подданным Австрийской империи, скорее всего представителем фабрично-заводской администрации.

Брошюра интересна прежде всего тем, что в фокусе внимания автора, по его собственным словам, не поденщики или подмастерья, а именно фабричные рабочие. Автор симпатизирует рабочим, ярко рисует их бедственное материальное положение, которое и было, по его мнению, причиной волнений 1844 г. Однако он далек от поддержки «мятежа». Осуждая выступление рабочих как «самопомощь», он одновременно призывал правительство и фабрикантов улучшить положение пролетариата, предотвратить безработицу и рост цен на продовольствие. Таким образом, автор анонимной брошюры считал, что решить рабочий вопрос (причем быстро и легко) можно с помощью филантропии как частной, так и государственной. При этом не было необходимости в коренной перестройке общества. Это означает, что представители буржуазного рабочеведения в Чехии признавали существование неблагополучия в обществе, но предлагали устранение «недостатков» исключительно в рамках существующего общества, частнокапиталистического способа производства.

Появление работы Энгельса вызвало в Чехии споры о путях развития общества.

Неоднократные упоминания о книге Энгельса читатели из Чехии могли встретить в 1845—1846 гг. в австрийском экономическом журнале «Journal des Oesterreichischen Lloyd»[1]. 2 ноября 1845 г. в нем был опубликован отрывок из главы «Конкуренция», озаглавленный «О торговых кризисах». В конце публикации указывалось имя автора и название его работы[2]. Эту публикацию в 1846 г. перепечатал пражский журнал «Beiträge für Gewerbe, Handel und geselliges Leben in Böhmen»[3], в отличие от венского, не упоминая ни имени автора, ни названия книги.

терминов «пангерманизм» и «панславизм». — В кн.: Славяно-германские культурные связи. М., 1969, с. 41).

[1] *Novotný K.* Op. cit., str. 137.

[2] См.: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиографический указатель. Ч. I. М., 1974, с. 42, № 160.

[3] Beiträge für Gewerbe, Handel und geselliges Leben in Böhmen, Prag, 1846, Bd. 7, Lfg. 2, S. 23—27. Отрывок, воспроизводивший описание механизма торговых кризисов, начинался словами: «При современной беспорядочной системе производства...» и заканчивался «раз в пять или в шесть лет» (ср. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 317—

Через год в этом же журнале появилась небольшая рецензия на книгу Энгельса [1]. Возможно, ее автором был редактор журнала доктор Раудниц [2]. По мнению рецензента, работа Энгельса заслуживала доверия, так как ее автор «в течение двух лет изучал положение английских рабочих». Рецензент познакомил читателя с нарисованной Энгельсом картиной положения пролетариата в Англии — страшной нищетой, ужасными жилищными условиями, изнуряющим трудом, распадом семейных связей и, как следствие этого,— «постоянно увеличивающейся борьбой неимущей массы против богатых капиталистов». Сам рецензент выступал с позиции защиты гибнущего «среднего сословия», ремесленников и крестьян [3].

«Неестественная поддержка фабричного предпринимательства путем предоставления крупным заводам особых выгод вместо того, чтобы повышать образование рабочих, уничтожает последних; сосредоточение больших капиталов в руках немногих индивидуумов губит самостоятельных ремесленников из рядов нынешнего среднего сословия, а это все подрывает действительное благосостояние государства». Рецензент туманно предсказывал Англии горькую расплату за созданное в стране «фабричное рабство». Обращаясь к австрийскому буржуазному читателю, он называл английские отношения «устрашающим примером» и призывал не допустить того, чтобы «корыстолюбие численно малой группы уничтожило численно сильное среднее сословие!»

Время революции 1848—1849 гг. характеризовалось значительной активизацией общественной жизни в Чехии. В этот период в Пражском университете начал читать курс молодой ученый А. Шпрингер. В числе источников его лекционного курса была книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

---

320). Журнал печатал информацию по вопросам народного хозяйства. Один из номеров за 1846 г. содержал, например, такие статьи: «Производство овечьей шерсти в Богемии», «Прогресс шелководства в Далмации», «Металлургия в Германии, в сравнении с Англией и Бельгией» и т. д. Присутствовала в журнале и английская тема. В том же номере была помещена заметка «Английские учебные заведения для ремесленников и рабочих на фабриках и мануфактурах». В следующем номере, в непосредственном соседстве с отрывком из книги Энгельса, помещалась заметка «О возрастании народного благосостояния в Англии».

[1] Beiträge für Gewerbe, Handel und geselliges Leben in Böhmen, 1847, Lfg. 9, S. 167—168. Цит. по: *Novotný K.* Op. cit., str. 147—148.

[2] К сожалению, в доступных нам чешских и австрийских справочниках нет биографических сведений о д-ре Раудинце.

[3] О понимании «среднего сословия» в Германии см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 504.

Антонин (Антон) Шпрингер (1825—1890) родился и рос в Праге[1]. Образование он завершал в Германии, где изучал философию Гегеля. Начало его общественно-политической деятельности пришлось на революцию 1848 г. Летом этого года Шпрингер стал венским корреспондентом пражской газеты «Constitutionelles Blatt aus Böhmen»[2], освещая ход заседаний австрийского парламента, а осенью 1848 года — преподавателем Пражского университета. По оценке современного чехословацкого историка Й. Полишенского, Шпрингер являлся одним из наиболее выдающихся историков, когда-либо работавших в стенах Карлова университета[3]. Его лекции, беспрецедентные в пражских условиях как по форме, так и по содержанию, привлекли многочисленную аудиторию и явились событием в городской общественной жизни[4]. Еще до завершения чтения курса Шпрингер стал готовить лекции к публикации.

Книга Шпрингера «История революционной эпохи»[5] представляла собой очерки новейшей истории стран Европы. Львиная доля текста посвящалась предыстории и истории Французской революции конца XVIII в. и эпохе Наполеона. Затем автор описывал освободительное движение в Греции, сербские восстания против Турции, Июльскую революцию во Франции, бельгийскую революцию 1830 г., восстание декабристов и польское восстание 1830—1831 гг. Завершался обзор революционных движений главами о социалистических течениях в Европе и рабочем движении в Англии.

В силу избранной формы изложения, многочисленные мемуары и монографии, использованные в книге, остались неназванными. Однако авторов особо важных трудов Шпрингер перечислил в предисловии. Наряду с Дальманом, Ваксмутом, Гильдебрандом, Фоше, Ламартином — видными историками и экономистами буржуазно-либерального направления — это Блан, Руге, Бланки, буржуазно-радикальные литераторы и социалисты, а также Энгельс[6].

---

[1] См. о нем: *Heidler J.* Antonín Springer a česká politika v letech 1848—1850. Praha, 1914.

[2] Эту газету в 1849 г. читал и активно использовал в своих публикациях о войне в Венгрии Ф. Энгельс (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 43, с. 591).

[3] *Polišenský J.* Revoluce a kontrrevoluce v Rakousku 1848. Praha, 1975. str. 236.

[4] *Springer A.* Aus meinem Leben. Berlin, 1892, S. 134—138.

[5] *Springer A.* Geschichte des Revolutionszeitalters (1789—1848). In öffentlichen Vorlesungen an der Prager Universität. Prag, 1849, S. 729.

[6] Ibid., S. IX.

Для общественно-политической позиции либерала Шпрингера показательна его гордость буржуазно-демократическими свободами (право собственности, свобода печати, освобождение крестьян), его принципиальное признание правомерности революции как необходимой фазы в процессе развития человечества. В одной из заключительных глав, называвшейся «Рабочее движение в Англии», Шпрингер охарактеризовал пролетариат как «порождение современной индустрии» [1]. В развитии промышленности нового времени он видел «глубочайшие противоречия». «Вместо того, чтобы увеличивать богатства человечества, индустрия повергает массы в жесточайшую бедность. До распространения машин и принципа разделения труда рабочие жили в большей нужде, чем сейчас, но благодаря соединению работы в промышленности и сельском хозяйстве сохраняли самостоятельность... Машинное производство... низвело рабочего до положения раба мертвой машины; невероятно увеличив производство, оно создало целые армии рабочих, но оно не в состоянии сохранять их длительное время. Взаимодействие между производством и потреблением не налажено... Наводнение рынка товарами или потеря рынков... в мгновение ока оставляет без хлеба тысячи рабочих. Усовершенствование машин, конкуренция рабочих между собой понижают заработную плату до минимума. Природа фабричного производства разрушает жизненно важные семейные отношения... Так возникли современные пролетарии, соединяющие в своем положении отрицательные стороны как личной свободы, так и рабства... отличающиеся от прежних крепостных только тем, что хозяин не заботится постоянно об их содержании» [2].

Победа машинного труда над ручным, появление пролетариата и другие социальные последствия промышленной революции [3] — нетрудно узнать в этих идеях, прозвучавших в лекциях Шпрингера, выводы работы Энгельса. Шпрингер упомянул truck-system — систему оплаты труда рабочих товарами, пересказал страницы книги Энгельса с описанием жилищных условий рабочих, привел замечание Энгельса, что тюрьмы представляют собой более благоустроенные убежища, чем многие дома рабочих [4]. Однако он отмечал, что раньше нищета

---

[1] *Springer A*. Op. cit., S. 678.

[2] Ibid., S. 679—680.

[3] Именно А. Шпрингер в своих лекциях одним из первых в чешских землях употребил термин «промышленная революция» (*Purš J*. Průmyslová revoluce. Vývoj pojmu a koncepce. Praha, 1973, str. 134).

[4] *Springer A*. Op. cit., S. 681.

была больше, голодные периоды, прежде повторявшиеся регулярно, теперь стали реже, рабочие по своим потребностям и условиям жизни несколько приблизились к «высшим классам». Признавая факт «нынешних страданий рабочего класса», Шпрингер выражал надежду, что они являются «только переходным этапом к лучшим отношениям» [1].

Шпрингер в своих лекциях обратился к современному ему английскому рабочему движению как к составной части прогрессивного европейского движения. Напомним, что Энгельс считал рабочее движение одним из проявлений «движения цивилизации» [2]. Шпрингер дал краткий очерк рабочего движения в Англии с середины 20-х гг., когда было восстановлено право создания рабочих союзов [3]. Он акцентировал внимание на том факте, что «пролетариат Англии самостоятельно вышел из пассивного состояния» и «всеми доступными средствами стремится порвать со своим невыносимым положением». Среди них такие, как мирная агитация, разнообразные союзы, всеобщее прекращение работы, манифестации, петиции и даже вооруженное восстание [4]. Вслед за Энгельсом Шпрингер подчеркивал, что чартизм — не только политический вопрос, но и «вопрос ножа и вилки» (он приводил цитировавшееся Энгельсом высказывание проповедника Стефенса). По мнению Шпрингера, рабочее движение победит следующим образом: «Когда рабочие осуществят свою главную цель — распространят единую ассоциацию на всю Англию и добьются всеобщей стачки, в английских промышленных отношениях произойдет переворот, последствия которого трудно предвидеть. Существующие отношения между трудом и капиталом, старая система заработной платы будут разрушены, конкуренция уничтожена». В результате победы рабочих будут реформированы существующие отношения общения (Verkehrsverhältnisse) и свергнуто господство капитала. В какой форме, кровавой или бескровной, разразится кризис, покажет время [5].

Итак, как мы видим, Шпрингер в этой работе излагал многие положения Энгельса. Его книга, несомненно, обогатила общественную мысль Чехии и, вопреки суждению самого автора, не осталась «благополучно забытой» [6]. Однако ограни-

---

[1] *Springer A.* Op. cit., S. 680.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 480.

[3] См.: *Кертман Л. Е.* География, история и культура Англии. М., 1979, с. 190.

[4] *Springer A.* Op. cit., S. 682.

[5] Ibid., S. 683, 687.

[6] *Springer A.* Aus meinem Leben, S. 138.

читься только этим утверждением, как делает, в частности, чехословацкий исследователь К. Новотный, нам представляется недостаточным [1].

Узловые идеи концепции Энгельса — о социальной войне как состоянии английского общества, о пролетариате как движущей силе будущего исторического развития — в лекциях отсутствовали. Шпрингер указывал на остроту социального вопроса в Англии. Он предлагал и решение — «социальную реформу», причем из контекста лекций ясно, что он понимал под этим термином не просто совокупность определенных мероприятий, а процесс преобразования общественных отношений, длящийся в течение ряда веков.

Этот исторический процесс включал, по Шпрингеру, распространение образования, «принципов свободы», расцвет промышленности и улучшение материального и культурного положения пролетариата, решение проблемы обнищания. Шпрингер заявлял, что социальная реформа — «это не отмена собственности, не переход общества в руки голодного, необразованного пролетариата, а скорее обобществление собственности, устранение (Hebung) пролетариата» [2]. Таким образом, строго научные положения Энгельса сочетались в работе Шпрингера с либерально-утопическими идеями [3].

Именно эти идеи либерального реформаторства получили развитие в следующей работе Шпрингера «Очерк социальной жизни в Англии» [4]. Взгляды же социалистов, в том числе и Энгельса, подверглись в ней критике. Эта новая работа Шпрингера была написана на основе личных впечатлений, полученных во время путешествия по стране [5].

С наступлением реакции Шпрингер, активно участвовавший в революционном движении, был вынужден на время покинуть Австрийскую империю. Знакомство с английской действительностью оказало сильное влияние на его взгляды. В очерке, написанном по возвращении, он целиком выступает с позиций чешского буржуазного либерализма и сосредотачи-

---

1 *Novotný K.* Op. cit., str. 139.

2 *Springer A.* Geschichte des Revolutionszeitalters, S. 651—652.

3 М. Ноймюллер считает взгляды А. Шпрингера «социально-либеральной утопией» (см.: *Neumüller M.* Zur deutschliberalen Geschichtsschreibung des 19. Jahrhunderts in Böhmen. — Zeitschrift für Ostforschung, 1971, H. 3, S. 445).

4 *Springer A.* Studie socialního života v Anglicku. — Časopis Českého Museum (далее — ČČM), Roč. XXIV, sv. 4, str. 576—595; Roč. XXV, 1851, sv. 2, str. 123—154.

5 *Springer A.* Aus meinem Leben, S. 141—150.

вается на тех аспектах английского экономического развития, которые имели первостепенное значение для практики чешской буржуазии.

«Собственный экономический интерес влечет нас к познанию Англии,— писал Шпрингер. — Наши политические устремления должны быть направлены прежде всего на улучшение экономических отношений. Бедность нации — это ее рабство, а богатство — свобода» [1].

В области экономики Англия, по мнению Шпрингера, является образцом для всей Европы. Ее опыт чрезвычайно интересен Чехии, социально-экономические отношения которой довольно похожи на английские и в которой есть, подобно Англии, районы страшной нищеты.

Шпрингер исследует причины этой нищеты. Она может проистекать, по его мнению, от разных причин. В Италии и Испании причина бедности заключается в ослаблении «национальной силы» и «неспособности» прибыльно использовать большие природные богатства. Бедность могут усугублять политические причины, как это происходит в Чехии.

В Англии корни пауперизма, этой болезни XIX в., другие. Это прежде всего сосредоточение земельной собственности в руках небольшого числа богатейших семейств, которые диктуют цены на сельскохозяйственные продукты, что влияет затем на величину всех доходов. Разорение крестьян вызывает приток в промышленность новой рабочей силы. В сочетании с введением машин это еще более усиливает конкуренцию среди рабочих. Указанные факторы, помноженные на стремление предпринимателей ради сохранения прибыли снижать зарплату и общую неустойчивость производства и торговли, делают положение рабочих очень тяжелым.

Описание разрушительных последствий торгового кризиса, данное по материалам Энгельса еще в лекциях, Шпрингер дополняет здесь личными впечатлениями от Манчестера. Он пишет: «На первый взгляд в этом городе всюду обширная торговля и цветущая жизнь. Но в грязных дворах, в подвалах, дурно пахнущих сыростью, в домах для бедных — везде видны явные следы недавнего торгового краха» [2].

Какой же выход из создавшейся ситуации видит Шпрингер? Он приводит мнение «социалистов во главе с немецким писателем Энгельсом», которые называют Англию «вошлсщеп-

---

[1] *Springer A.* Studie socialního života v Anglicku. — ČČM, 1850, sv. 4, str. 578.

[2] Ibid., str. 593—594.

ным социальным адом» и считают пролетариев жертвами современного промышленного рабства, которые несчастнее спартанских илотов [1]. Они уверены, что Англия стоит на пороге страшного кризиса, ибо между имущими и неимущими неизбежно вспыхнет жестокая война.

Шпрингер высказывает глубокое сочувствие пролетариату и восхищение им. «В Англии сущность пролетариата такова,— пишет он,— что из его среды выходят самые героические, самые выдающиеся деятели» [2]. Однако он выражает несогласие с идеей социальной войны и пролетарской революции. Шпрингер, считая, что причиной бедственного положения трудящихся является «недостаточное развитие существующей экономической системы», видит выход в дальнейшем развитии промышленности и социальных реформах.

Декларированная в лекциях «социальная реформа» в «Очерке» приобретает вид конкретной программы [3]. Вторая часть «Очерка» целиком посвящалась предлагаемым Шпрингером мерам — от освоения рабочими нескольких профессий на случай безработицы в период кризиса до подхваченной у чартистов allotment-system (система возделывания промышленными рабочими личных сельскохозяйственных участков), скопированной с прежней, более низкой ступени развития [4].

Как видим, работы молодого пражского ученого и журналиста А. Шпрингера в 1849—1851 гг. содержали информацию о книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», пропагандировали (объективно) некоторые ее важные идеи. Однако после поражения революции 1848—1849 гг. Шпрингер заметно эволюционировал вправо. Еще придерживаясь воззрений Ф. Энгельса в ряде вопросов (происхождение и положение пролетариата, оценка рабочего движения), в целом он выступил сторонником мелкобуржуазных реформ в рамках капиталистического общества.

Еще одним автором, откликнувшимся на книгу Ф. Энгельса, был Ф. Л. Ригер (1818—1903).

---

[1] *Springer A.* Studie socialního života v Anglicku.—ČČM, 1850, sv. 4, str. 582.

[2] Ibid., 1851, sv. 2, str. 128.

[3] Ср. мысль Ф. Кутнара, что в «Очерке» Шпрингер проявил себя социальным реформатором (*Kutnar F.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. D. 1. Praha, 1973, str. 170).

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 214; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 326.

В начале 40-х гг. Ригер активно участвовал в «Обществе развития промышленности в Чехии», которое в тот период было популярно среди чешской мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Во время революции 1848—1849 гг. Ригер становится одним из ведущих политиков чешской либеральной группировки, членом Святовацлавского и Национального комитетов, депутатом австрийского Венского, а затем Кромержижского рейхстага. Весной 1849 г. с наступлением реакции Ригер уехал за границу и вместе со Шпрингером посетил Англию [1]. Из Лондона он писал Ф. Палацкому о том, что изучение английской действительности чрезвычайно важно для Чехии, поскольку она будет развиваться, по всей вероятности, по тому же пути, что и Англия [2].

Мечтая об университетской карьере в качестве преподавателя политической экономии [3], Ригер после возвращения на родину занялся исследованиями в этой области [4]. В конце 50-х гг. XIX в. он опубликовал в «Журнале Чешского музея» главы из подготовленной им книги. Сама книга, задержанная медлительным рецензентом, вышла в свет лишь в 1860 г. Она называлась «Промышленность, ход ее развития и влияние на свободу и благосостояние народа, особенно трудящегося» [5].

Этот труд Ригера заметно выделяет его среди других представителей чешского национально-либерального движения. Известный чешский либерал К. Гавличек-Боровский видел силу страны в «крестьянском сословии». Лидер чешских буржуа, знаменитый историк Ф. Палацкий, заслуживший в буржуазной публицистике титул «отца нации», оказался абсолютно несостоятельным перед лицом важнейшего явления своей эпохи — промышленного переворота и возникновения борьбы рабочего класса [6]. В отличие от них Ригер в своей книге исследовал развитие капиталистической промышленности и положение нового общественного класса — пролетариата.

Ригер отмечал, что проблема промышленного развития в последнее время очень часто обсуждается в обществе и

---

[1] *Springer A.* Aus meinem Leben, S. 142—148.

[2] *Novotný K.* Op. cit., str. 144.

[3] *Jahn J.* F. L. Rieger. Praha, 1889, str. 60—61.

[4] ČČM. 1850, Roč. XXIV, sv. 2, str. 183—205.

[5] *Rieger F. L.* Průmysl a postup wýroby jeho w působení swém k blahobytu a svobodě lidu zwláště pracujícího. Lytomyšl, 1860.

[6] *Novotný K.* F. Palacký a dělnická otázka. — Československý časopis historický, 1977, Nr. 5, str. 729.

особенно в среде политэкономов. Много страшных слухов ходит об Англии, где промышленность развита в наибольшей степени. В связи с этим, считал он, следует обратить особое внимание на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», вызвавшую несколько лет назад многочисленные отклики, особенно в Германии. Так как ее автор длительное время пробыл в Англии, эта «работа приобрела как бы черты аутентичности и пользовалась большим доверием у публики» [1]. «В наших землях,— отмечал далее Ригер,— *она тоже получила большую известность, как и ее выводы, имеющие у нас распространение*» [2] (курсив наш. — *О. X.*). Поэтому-то, объяснял Ригер, работе Энгельса он и уделил такое большое внимание. (Действительно, 15 из 150 параграфов книги Ригер целиком или частично посвятил полемике с ней.) Между тем, обществу следовало бы осторожнее принимать сведения из этой работы, заявлял Ригер. Ведь ее автор не скрывает своего воодушевления в отношении чартизма и социализма и не таит ненависти к имущему классу общества, который он с сознательным презрением называет «bourgeois» [3]. В противовес этому Ригер настойчиво подчеркивал свою беспристрастность, уверяя, что он не является сторонником ни фабрикантов, ни социалистов [4].

У Ригера «создалось впечатление», что «г. Энгельс не столько стремился поведать миру чистую правду, сколько доказать неизбежность переворота и изменения общества на принципах социализма». Он сравнивает Энгельса со строителем, который, желая как можно скорее начать строительство нового дома, доказывает хозяину, что старое строение вот-вот развалится и что лучше всего срочно выехать и уже сегодня сломать его [5]. Несмотря на ложность такого сравнения, очевидно, что Ригер правильно понял главную идею книги о неизбежности социальной революции.

Ригер отлично почувствовал обличительный характер книги, которую В. И. Ленин называл «ужасным обвинением капитализма и буржуазии» [6]. Лексическое заимствование из французского языка режет слух Ригера, который улавливает в непривычном для него bourgeois враждебную социальную окраску.

---

[1] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 81.
[2] Ibid., str. 122.
[3] Ibid., str. 81.
[4] Ibid., str. 23, 122.
[5] Ibid., str. 82.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

Свои обвинения Энгельса в пристрастности Ригер обосновывал обращением к некоторым источникам его работы. (Он считал, например, тенденциозным отбор сведений об изменении заработной платы из книг Кэя и Фоше.) Энгельс, предвидя подобные возражения, писал в предисловии к своему труду: «Я заранее готов к тому, что не только моя точка зрения, но и приведенные факты будут оспариваться, подвергаясь нападкам с разных сторон... Но я, ни на минуту не задумываясь, бросаю английской буржуазии вызов: пусть она мне укажет... хоть на один-единственный факт, неточность которого могла бы сколько-нибудь отразиться на изложенной точке зрения в целом» [1].

В своей книге чешский либерал заявляет о вере в неуклонный прогресс человечества, который воплощается, по его мнению, в развитии промышленности. Он приводит многочисленные данные о росте производства в различных отраслях, анализирует новые сложные явления в развитии экономики. Ригер проявляет большую озабоченность в связи с торговыми кризисами, так как они «дают толчок волнениям». За примерами, писал он, «нам не надо ходить далеко: мы видели эти волнения у себя... на ситцепечатных фабриках» [2] (по-видимому, в 1844 г. — *О. Х.*).

Энгельс, как известно, связывал торговые кризисы с современной беспорядочной *системой* (курсив наш. — *О. Х.*) производства и распределения жизненных средств, цель которой — не непосредственное удовлетворение потребностей, а извлечение денежной прибыли [3]. В своей книге Энгельс описал цикл капиталистического производства, подчеркнув факт перепроизводства и всеобщего переполнения рынка. Открытие Энгельса отрицало привычные представления буржуазной политэкономии, которая заявляла о невозможности перепроизводства, обосновывая это конечным равенством спроса и предложения в масштабах общества [4]. В «Набросках к критике политической экономии» (1844 г.) Энгельс высмеивал эти взгляды. Он писал: «Экономист является со своей прекрасной теорией спроса и предложения, доказывает вам, что «никогда не может быть произведено слишком много», а практика отвечает торговыми кризисами, которые появляются снова так же регулярно, как кометы...» [5]. В противовес энгельсов-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 239.
[2] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 197.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 317.
[4] См. там же, т. 26, ч. II, с. 548—549.
[5] Там же, т. 1, с. 561.

скому утверждению о закономерности кризисов Ригер заявлял: «Нельзя считать правилом то, что является только *исключением или ошибкой* (курсив наш.— *О. X.*) отдельных лиц... Фабриканты и купцы должны лучше знать положение и возможности тех народов, в расчете на которых они производят» [1].

Книга Ригера вышла через 10 с лишним лет после предсказанного Энгельсом кризиса 1847 г. Но «чешский Адам Смит» упорствовал в своем мнении, что «если бы не было таких сумасшедших фабрикантов и купцов, прекратились бы все жалобы на перепроизводство» [2]. Устами Ригера говорил типичный буржуазный экономист, который «никогда не мог уяснить себе» сути торговых кризисов, рисовавшихся ему «безумным состоянием» [3]. Как мы знаем, и в дальнейшем число «больных» предпринимателей не уменьшалось. За те 40 лет, что прошли после выхода книги Ригера до его смерти в 1903 г., он стал современником и свидетелем не одного такого «массового сумасшествия» [4]. Таким образом, торговые кризисы Ригер связывал с субъективными, а не объективными факторами. Легко разделывался Ригер и с проблемой перепроизводства. Он утверждал, что товары, «не нашедшие спроса, *не имеют права именоваться* продуктом производства. Под ним *должны пониматься* только те предметы, которые произведены не случайно, а по строго обоснованному расчету и попавшие к потребителю» [5] (курсив наш. — *О. X.*).

Говоря о безработице вследствие применения машин, он сосредотачивал внимание на объективном моменте — абсолютном росте числа промышленных рабочих в процессе экономического развития — и таким образом затушевывал суть безработицы как неизбежного явления капиталистической экономики. Энгельсовский анализ английской экономики относится к тому времени, «когда среди современников был распространен взгляд на английские условия как на исключительные и неповторимые» [6]. В книге Ригера обнаруживается понимание того факта, что промышленно развитая страна по-

---

[1] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 198.

[2] Ibidem.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 563.

[4] Чехию затронули кризисы 1857 г., середины 60-х гг., 1873 г., середины 80-х гг., 1900—1903 гг. (см.: История Чехословакии, т. 2, с. 53, 80, 81, 167).

[5] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 199.

[6] *Леонтьев Л. А.* Энгельс и экономическое учение марксизма. М., 1965, с. 77.

казывает менее развитой стране картину ее собственного будущего[1]. Но сам английский путь, перспективы английского общества Ригер трактовал совсем иначе по сравнению с Энгельсом. Чешский либерал не желал видеть серьезных негативных последствий капиталистического промышленного развития.

Ригер заявлял, что опасность для общества таится не в крупной промышленности, а в недостаточном экономическом развитии. Он старался представить дело таким образом, будто энгельсовская критика английского буржуазного общества ставит читателя перед выбором: или английский путь, или «испано-итальянский» (как символ бедности и промышленной отсталости).

Выдвигавшаяся Ригером ложная альтернатива — капиталистическая промышленность или нищета — не соответствовала взглядам Энгельса, который считал, что названные явления не противостоят друг другу, а являются внутренне связанными, взаимообусловленными противоположностями. Именно существующий строй, «существующий социальный порядок»[2] приводят к нищете и страданиям членов этого общества, имеющего в целом высокий уровень развития производительных сил, к «противоречию одновременного существования богатства и нищеты»[3]. В работе «Принципы коммунизма» Энгельс прямо заявил по поводу «идей» отказа от крупной промышленности, что «это абсолютно невозможно». Ф. Энгельс считал, что крупная промышленность «делает безусловно необходимым создание совершенно новой организации общества, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества»[4]. В противоположность Энгельсу для Ригера единственно приемлемым решением проблемы нищеты было безостановочное индустриальное развитие (конечно, в рамках существующего общества).

Наибольшую выгоду от развития промышленного производства, заявлял Ригер, получают низшие слои населения. Достаточно сказать, что в новое время жилище бедного ремесленника устроено нередко красивее и удобнее, чем в древности у князей и вельмож. Нищета сегодня далеко не так

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 9.
[2] Там же, т. 2, с. 515.
[3] Там же, т. 1, с. 563.
[4] Там же, т. 4, с. 329.

распространена и не так жестока, как в средние века. Английским рабочим во всех отношениях живется неплохо и уж, во всяком случае, не хуже, чем чешским рабочим и, особенно, крестьянам. Зарплата английских трудящихся, уверял Ригер, растет, для питания характерны мясо и тропические фрукты; хотя машины и вытесняют людей, все же число занятых в промышленности из года в год возрастает. Ригер упрекал английских рабочих в «избалованности». Они сетуют, писал он, на недоброкачественность продуктов. Но фальсификация товаров, особенно чувствительная для бедных, не оптовых покупателей, это обычное, повсеместное явление. Английские рабочие жалуются на страшную нужду в случае нехватки таких вещей, которые в Чехии достаются рабочим вообще только по праздникам и которых даже собственники, мастера и предприниматели не имеют ежедневно [1].

Книга Ригера содержит возражения против энгельсовской оценки жилищной ситуации английских рабочих. Энгельс писал о чрезмерной перенаселенности домов, в которых живут рабочие, об отсутствии в рабочих кварталах не только зелени и двориков, но даже элементарных условий гигиены. Урбанистические язвы Манчестера, подчеркивал Энгельс, новейшего происхождения, это «порождение промышленной эпохи». Ригер признавал, что жить целой семьей в одной комнатке, используя ее вдобавок в качестве рабочего помещения, неудобно. Но «в Чехии многие, особенно крестьяне, живут не лучше», писал он. Ригер заявлял, что в городах иного и быть не может из-за дороговизны земли. Чешский либерал исключал решение жилищного вопроса за счет уменьшения доходов земельных собственников. Тут же, в противоречии с вышеуказанным утверждением, Ригер расписывал новые благоустроенные рабочие кварталы в Манчестере. (При осмотре Ригер пользовался схемами-рисунками Энгельса.) Он не заметил, что «эта парадная внешность — только видимость, видимость, от которой через 10 лет уже ничего не останется» [2].

Каковы же исходные посылки концепции Ригера? Вся книга Ригера состояла из 10 глав, в которых повествовалось о положении «рабочих» в древности, в средние века и в новое время (на этом этапе рассмотрение велось уже по западноевропейским странам). Ригер находит рабочий класс в древности «под именем рабов», в средние века — в виде крепостных и зависимых крестьян [3]. Таким образом, он отождествлял

---

[1] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 91.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 294.
[3] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 24.

трудящиеся массы прошлых эпох с пролетариями современности. Антиисторическое положение Ригера об извечном существовании рабочего класса в корне противоречило утверждению Энгельса о том, что промышленный пролетариат XIX в. был порождением крупной машинной индустрии, развившейся в Англии с середины XVIII в. [1].

Из представления о многовековом существовании пролетариата легко вытекал вывод о неуклонном улучшении его жизненных условий в ходе истории. Свое умозаключение Ригер назвал «законом постоянного прогресса», который постепенно стирает различия между людьми [2]. В апологетической концепции Ригера просто не было места для вопроса о взаимоотношениях рабочего класса и класса капиталистов.

В исторической литературе указывалось, что книга Ф. Л. Ригера была одним из первых политэкономических сочинений на чешском языке [3]. В Чехии политическая экономия возникла в эпоху начавшегося кризиса этой науки, в условиях бурного развития рабочего движения в передовых странах Западной Европы и появления теории научного коммунизма. Имевшие хождение в первой половине XIX в. мальтузианские объяснения безработицы и нищеты трудящихся масс становились одиозными. Поэтому-то чешский либерал, не приемля такой выход из создавшегося положения, как борьба рабочего класса, «открыл» свой «закон».

Ригер своей книгой выражал заветное желание чешской буржуазии (используя слова К. Маркса в адрес немецкого политэконома 40-х гг. XIX в. Ф. Листа) «привести свое фабричное производство к «английскому» расцвету и сделать индустриализм регулятором общества». Подтекстом книги Ригера было представление, что «организация общества, которую создает фабричное производство, есть *истинная организация общества*» [4].

Устремления чешских буржуазных кругов Ригер выразил путем построения антимарксистской модели общественно-исторического развития. Для нее характерно недифференцированное отношение к прошлому. Ригер изображал развитие

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 243, 256.
[2] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 24.
[3] *Novotný K.* Engelsovo «Postavení dělnické třídy v Anglii» a jeho ohlas u nás v polovině minulého století, str. 145. (Чешская энциклопедия XIX в., выходившая под редакцией Ф. Л. Ригера, в рубрике «Политическая экономия» указывала: «В этой области знаний нашу нацию достойно представляет Ригер». — Slovník naučný. Praha, 1866, d. V, str. 651.)
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 239.

человеческого общества как прямолинейный поступательный процесс и не видел качественного различия исторических эпох. К современному ему буржуазному обществу Ригер относился как к вершине предшествующего развития. Естественной, молчаливо признаваемой основой современных отношений для Ригера была частная собственность. Ригер был принципиальным противником «насильственных переворотов» [1], он считал, что они не помогут делу свободы и благосостоянию народов [2]. Английское же общество середины XIX в. он рассматривал как самое надежное и наиболее застрахованное от социальных бурь. Ригер находил в развитии общества на современном этапе «обнадеживающие» явления — все более равномерное, соответствующее заслугам распределение имуществ, децентрализацию капиталов и в результате постоянное улучшение положения трудящихся. Ригер полагал, что «тиранство капитала» поможет преодолеть ассоциация [3]. Как видим, для обоснования своих взглядов Ригер прибегал и к мелкобуржуазным идеям эгалитаризма, и к сравнительно новым тогда в Чехии идеям кооперативного движения. Антиисторизм Ригера в сочетании с апологетикой существующего и конструированием общественных псевдозакономерностей нес в себе зародыши таких взглядов, которые в наши дни вырастают в теории индустриального общества, ступеней роста и тому подобные.

* * *

Труд Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» был первым произведением марксизма, получившим отклик в современной ему чешской научно-публицистической литературе. С работой Энгельса в чешских землях познакомились вначале не представители более передового, радикально-демократического течения в общественной жизни, а либеральные публицисты и ученые. Уже через год после выхода книги и затем периодически на протяжении 15 лет информация и мнения о труде Энгельса и поставленных в нем проблемах появлялись в чешской общественно-политической среде.

Несмотря на отсутствие прямой связи между работами-откликами, можно говорить о своеобразной незримой дискуссии, состоявшейся на страницах чешской печати. Спектр отношения к труду Энгельса был довольно широк: использование

---

[1] Slovník naučný. Redaktor F. L. Rieger, d. VII, str. 363. Praha, 1868.

[2] *Rieger F. L.* Op. cit., str. 53.

[3] Ibid., str. 184.

книги как источника ценной информации и как предостережение промышленно развитой Богемии; принятие ряда оценок социально-экономических процессов и одновременно игнорирование главного в книге; принципиальное несогласие с идеей революционного изменения общества и предпочтение планов реформ; наконец, критика в адрес работы с буржуазных позиций и противопоставление апологетического видения капиталистического общества.

Эти отклики, взятые в совокупности, являют собой картину медленного нарастания идейного сопротивления со стороны буржуазных политиков и публицистов марксистской концепции путей развития европейского общества середины XIX в.

В то же время отзывы на книгу свидетельствуют о ее большом общественном успехе, о том, что «впечатление, произведенное ею, было очень велико» [1] и в буржуазной среде, что замолчать ее было невозможно.

Монополия буржуазных авторов на изложение и толкование произведений марксизма существовала в чешских землях сравнительно недолго [2]. Упоминавшийся перевод на чешский язык и публикация Л. Запотоцким в газете «Делницке листы» отрывков из «Положения рабочего класса в Англии» положили начало новому этапу в распространении работ классиков марксизма — этапу соединения в чешских землях марксистских идей с рабочим движением.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

[2] В литературе, правда, сообщается факт распространения в начале 50-х гг. чешским рабочим Главачеком отрывка из интересующей нас книги Энгельса — единственный до 60-х гг. XIX в. зафиксированный случай известности произведения марксизма в рабочей среде (см. об этом: *Novotný K.* Engelsovo «Postavení dělnické třídy v Anglii» a jeho ohlas u nás v polovině minulého století, str. 151).

В. Н. Фомичев

ПРОПАГАНДА И. Г. ЭККАРИУСОМ ИДЕЙ МАРКСИЗМА В ЧАРТИСТСКОЙ ПРЕССЕ (1850—1852)

История проникновения идей марксизма в рабочее движение включает в качестве важнейшей составной части пропаганду их соратниками и учениками Маркса и Энгельса. И хотя в 50-х гг. XIX в. эти люди составляли еще немногочисленную группу, их агитация среди передовых рабочих способствовала распространению научного коммунизма в рядах пролетариата. Важность такого рода агитации на относительно раннем этапе рабочего движения подчеркивал В. И. Ленин, указывая — применительно к России второй половины 90-х гг.,— что «распространение социализма и идей классовой борьбы среди городских рабочих неминуемо разольет эти идеи и по более мелким, более раздробленным каналам» [1].

В начале 50-х гг. XIX в. в Лондоне проводниками идей научного коммунизма в широкие рабочие массы были члены Союза коммунистов И. Г. Эккариус, В. Пипер, Дж. Гарни, Эрнест Джонс и другие.

Маркс придавал большое значение выступлениям на страницах рабочей печати. Он помогал многим своим ученикам стать видными пролетарскими публицистами. К их числу относится и Иоганн Георг Эккариус, рабочий-портной из Тюрингии.

Свою первую школу политической борьбы Эккариус прошел в гамбургском Просветительном рабочем обществе. В 1846 г. он был выпужден эмигрировать в Англию и поселился в Лондоне. Здесь он стал членом лондонского Просветительного общества немецких рабочих и лондонского отделения Союза справедливых. Несмотря на тяжелый изнурительный труд в портняжной мастерской, Эккариус находил время для самообразования, читал политическую литературу и вни-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 449.

мательно изучал уже опубликованные работы Маркса и Энгельса и других социалистов, посещал в Просветительном обществе лекции на общественно-политические темы. Ф. Энгельс в статье «К истории Союза коммунистов» характеризовал Эккариуса, как одного из тех лондонских вождей Союза справедливых, кто превосходил других по своим способностям к теоретическому познанию [1]. Близость к Марксу и Энгельсу имела решающее значение для формирования и развития теоретических взглядов Эккариуса. Благодаря им он освобождается от влияния идей уравнительного коммунизма Вейтлинга и становится горячим проводником идей научного коммунизма. Войдя в состав ЦК Союза коммунистов (1849), он активно поддерживал Маркса в борьбе против сектантской группы Виллиха — Шаппера. Он вел пропагандистскую работу также в Просветительном обществе.

Под руководством Маркса Эккариус продолжал заниматься самообразованием. Он совершенствовал свои познания в английском языке и «настолько хорошо овладел им, что смог познакомиться с английской историей и литературой. Он был прилежным читателем, глубоким и уверенным мыслителем», вспоминал его друг и соратник Ф. Лесснер [2].

Маркс, вновь приступив в это время к исследованию проблем политической экономии, прерванному революцией 1848—1849 гг., всячески поощрял занятия Эккариуса этой наукой, к которой тот питал особую склонность. В 1869 г. Эккариус вспоминал: «Благодаря личной дружбе и постоянному общению с Карлом Марксом мое внимание было обращено преимущественно на политическую экономию» [3]. Именно по совету Маркса Эккариус решил попробовать свои силы в публицистике.

Первое выступление Эккариуса в 1850 г. было посвящено критике идей, содержавшихся в серии статей корреспондента «Morning Chronicle» Генри Мейхью «Лондонские рабочие и лондонские бедняки». «Так как в воззрениях автора этих статей прослеживались реакционные тенденции, то мне было предложено написать статью о лондонских портных для редактируемого Марксом журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue»», писал он позднее [4]. В октябре

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 223.

[2] *Lessner F.* Georg Eccarius. London, Dezember 1896. — ЦПА ИМЛ, ф. 178, д. 23/6.

[3] *Eccarius J. G.* Eines Arbeiters Widerlegung der national-ökonomischen Lehren John Stuart Mill's. Leipzig, 1869. Vorwort.

[4] Ibidem.

1850 г. статья Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне или борьба крупного и мелкого капитала» была опубликована [1]. В ней Эккариус показал несостоятельность утверждений Мейхью о преимуществе мелкого ремесла перед крупной капиталистической фабрикой. Он подчеркнул историческую неизбежность гибели ремесленного производства. Статья прошла редактирование Маркса [2]. Оценка ее Марксом и Энгельсом содержится в их редакционном примечании: «Автор этой статьи сам *рабочий* одной из лондонских портняжных мастерских. Мы спрашиваем немецких буржуа, сколько у них насчитывается писателей, которые были бы в состоянии подобным образом уловить сущность действительного движения? Еще до того, как пролетариат завоюет свою победу на баррикадах и на полях сражений, он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед» [3].

По собственным словам Эккариуса, эта статья открыла ему двери редакций английских рабочих газет. «Свой досуг я проводил, главным образом, за тем, что писал статьи в рабочие газеты»,— вспоминал он в конце 60-х гг. [4].

Важнейшей задачей, которую ставил Маркс перед рабочим движением после революции 1848—1849 гг., было восстановление временно ослабленных связей, объединение рассеянных революционных сил и создание ядра будущей пролетарской партии. Решение этих практических вопросов, по убеждению Маркса, должно было сочетаться с большой теоретической работой, которая помогла бы передовым пролетариям извлечь необходимые уроки из революционных боев и подготовиться к будущим сражениям. Одним из таких уроков являлась необходимость размежевания пролетарских революционеров с мелкобуржуазными демократами. Это непосредственно касалось и британского рабочего движения.

После 1848 г. единая прежде Чартистская ассоциация распалась на ряд мелких союзов и объединений. Между ними шла борьба, отражавшая различие пролетарского и мелкобуржуазного воззрений. Левое, пролетарское крыло возглавляли Джордж Джулиан Гарни и Эрнест Джонс — члены Союза коммунистов, тесно связанные с Марксом, Энгельсом и их лон-

---

[1] Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue, 1850, N 5—6, S. 111—128.

[2] На этом основании статья Эккариуса включена в раздел приложений 10 тома Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (MEGA, I/10. Berlin, 1977, S. 593—604).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 440.

[4] *Eccarius J. G.* Op. cit.

донскими соратниками. Маркс и Энгельс ориентировали левых чартистов на полное размежевание с реформистским крылом и сплочение чартистской партии на основе социалистической программы. Преимуществом британского рабочего движения перед рабочими других стран являлось наличие собственной пролетарской печати, в частности, чартистских органов.

Пропаганда идей научного коммунизма на страницах чартистских газет должна была способствовать превращению чартизма из чисто политического движения, которым он был по преимуществу, в массовое движение, стоящее на социалистической платформе[1]. Уже в 1850 г. в издаваемом Гарни журнале «Red Republican» был опубликован первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии», затем появилась серия статей участницы чартистского движения Эл. Макфарлин, в которых популяризировались идеи «Манифеста»[2].

С осени 1850 г. начинаются систематические выступления Эккариуса на страницах чартистской печати с целью пропаганды отдельных положений этого программного документа. В ноябре он опубликовал в «Red Republican» небольшую заметку под названием «Лояльность и демократия в Йорке», подписанную псевдонимом «Сын труда»[3].

В ноябре 1850 г. в «Red Republican» была опубликована статья под заголовком «Рабочие-портные в Лондоне»[4], подписанная «Рабочий-портной». Сравнение ее с упомянутой выше статьей Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне...» позволяет сделать вывод о том, что они были написаны одним и тем же лицом. Совпадают буквально целые абзацы. Автор статьи в «Red Republican» также ссылается на корреспонденции Мейхью, критикует их отдельные положения. И наконец, из всех сторонников Маркса по Союзу коммунистов только Эккариус так хорошо знал процесс портняжного производства[5].

Гарни написал к этой статье небольшое введение, в котором обращал внимание читателей на «очень талантливого и

---

[1] См.: *Кунина В. Э.* Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968, с. 47—50.

[2] См.: *Мариничева М. П.* «Red Republican» — печатный орган революционного чартизма. — В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1964, с. 522—523.

[3] Red Republican, 1850, November 9, p. 165. О том, что это был псевдоним Эккариуса, свидетельствует Ф. Лесснер. *Lessner F.* Georg Eccarius. London, Januar 1897. — ЦПА ИМЛ, ф. 178, д. 23/7.

[4] Red Republican, 1850, November 16, 23, p. 169, 170, 177, 178, 179.

[5] Первое обоснование авторства Эккариуса дано М. П. Мариничевой в указанной выше статье.

способного автора». Соглашаясь с его выводами, Гарни подчеркивал: «Чтобы найти настоящее средство для борьбы с системой эксплуатации, необходимо прежде всего понять истинный характер болезни»[1].

Эккариус с полным знанием дела описал зарождение и развитие портняжного ремесла и промышленности, рассказал о положении рабочих-портных в буржуазном обществе. Он развенчал мелкобуржуазные иллюзии о возможности сохранения мелкого ремесла в рамках капиталистического промышленного производства, получившие в это время большое распространение среди определенных слоев рабочего класса. Он показал, как с развитием машинного производства меняются взаимоотношения между крупной промышленностью и ремеслом, как происходит постепенная капитализация портняжного ремесла.

Англия, писал он, уже в начале XIX в. была крупнейшей колониальной державой, интенсивно экспортирующей в свои колонии фабричные товары. «Без рынков сбыта Индии, Китая, Америки и т. д. современное промышленное производство со всеми его машинами, станками и разделением труда не могло бы возникнуть» [2]. По существу Эккариус исходит здесь из положения «Манифеста Коммунистической партии» о развитии всемирного рынка [3].

Английские фабриканты в целях получения большей прибыли начали увеличивать свое производство, постепенно вытесняя товары ремесленников с внутреннего рынка, и мелкая буржуазия оказалась не в состоянии конкурировать с фабрикантами, которые владели третьей частью лондонских пошивочных мастерских и постоянно расширяли свое производство. Поскольку товар фабрикантов был дешевле товара ремесленников, то основная масса населения покупала платье и костюмы в магазинах. Все это неизбежно вело к разорению ремесленников и мелкой буржуазии.

Эккариус приводил множество примеров, демонстрировавших преимущество крупного производства по сравнению с мелким: возможность в широких размерах использовать технические усовершенствования, новые машины, новые виды сырья, что позволяет производить товары при сравнительно низкой себестоимости. Крупный предприниматель имеет большие преимущества при покупке оборудования, сырья, вспомо-

---

[1] Red Republican, 1850, November 16, p. 169.
[2] Ibid., November 23, p. 178.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 425.

гательных материалов, так как их приобретение большими партиями обходится дешевле. Более благоприятны для крупных предпринимателей и условия сбыта товаров, ибо они обходятся без посредников, могут в неизмеримо большей степени пользоваться кредитом, более устойчивы в периоды кризисов. Чем больше размеры производства, тем ниже его издержки, тем меньше расходов падает на единицу товара.

Ремесленнику недоступна передовая техника, он не может применять высокопроизводительные машины из-за их дороговизны. Мелкое ремесло не может удовлетворить растущий спрос. Эккариус рассматривал его как пережиток феодального общества. Стремление мелкой буржуазии, писал он, вернуться к «доброму старому времени» с политической точки зрения реакционно, а с практической — утопично, поскольку невозможно, чтобы мир вернулся назад [1]. Это положение Эккариуса опиралось на известный вывод «Манифеста Коммунистической партии»: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин... не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» [2].

В то же время автор показывал, что, несмотря на прогрессивность капиталистического способа производства по сравнению с феодальным, положение рабочего класса не улучшилось. Наоборот, по мере расширения капиталистического производства и роста фабричной системы растет эксплуатация рабочих. Эккариус подводил читателей к пониманию того, что рост общественного богатства при капитализме осуществляется ценой разорения и невероятных страданий трудящихся масс, в то время как плодами его пользуется горстка богачей. В буржуазном обществе «цена рабочих регулируется теми же законами, что и цена любого другого товара, следовательно, как только спрос на труд увеличивается, его цена, или заработная плата, также увеличивается» [3]. Этот вывод статьи почти дословно совпадает с положением Маркса о том, что уровень заработной платы «определяется теми же законами, которыми определяется цена всякого другого товара» [4].

Эккариус с исключительной выразительностью обрисовал бедствия рабочих-портных. Он показал, что в буржуазном обществе их неизменный удел — нищета, голод, подневольный

---

[1] Red Republican, 1850, November 23, p. 178—179.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 434.
[3] Red Republican, 1850, November 16, p. 170.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 434.

труд, деморализация, постоянное разрушение физических и духовных сил. Прогресс в современной промышленности, концентрация капитала, применение машин и, как следствие этого, сокращение ручного труда, а также использование женского и детского труда вместо труда мужчин — все это ведет лишь к усилению эксплуатации рабочего класса [1]. Развитием крупной промышленности буржуазия, сама того не желая, содействует росту и концентрации пролетариата, приближая момент, когда он приступит к революционному преобразованию старого мира, к созданию нового общественного строя. Таким образом, Эккариус подводил читателя к мысли о том, что тяжелые условия жизни и труда неизбежно толкают пролетариат на борьбу. На примере забастовки лондонских портных в 1834 г., когда 20 тыс. рабочих прекратили работу и потребовали сокращения рабочего дня на 2 часа, автор показывал правомерность и необходимость экономической борьбы рабочего класса. При этом Эккариус высказал весьма важную мысль о значении солидарности различных отрядов рабочих. «Именно от того, в какой степени рабочий класс вообще поддержит портных и отнесется к их делу, как к общему делу пролетариата», зависит успех любой забастовки. Только объединенные действия пролетариев, занятых в разных отраслях, могут привести их к победе [2].

На основании анализа фактического материала Эккариус формулирует два вывода: с одной стороны, мелкое производство изжило себя; с другой — современный способ производства, неразрывно связанный с промышленным прогрессом, увеличивает тяжесть труда и нищету самих производителей. «Буржуазия становится все менее способной диктовать свои законы обществу и управлять миром. Общество выросло из детской одежды, которую когда-то сшили для него. Производство богатства приняло такие огромные размеры, что стало невозможным управлять им и распределять все созданное богатство на пользу общества» [3]. Здесь явственно выступает важнейшая идея «Манифеста Коммунистической партии» — изменить способ производства и распределения богатства можно только путем социальной революции. По мнению Эккариуса, такой переворот может быть произведен «или пером, на ораторской трибуне, или на баррикадах», т. е. в результате революционной борьбы рабочего класса. Неизбежность рево-

---

[1] Red Republican, 1850, November 16, p. 178.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., p. 179.

люции, считает он, заложена в том факте, что нищета производителей богатств растет в той же пропорции, в какой растут производительные силы и увеличивается само производство. Рассматривая упадок мелких ремесленных предприятий и их вытеснение крупной промышленностью как неизбежный исторический процесс, Эккариус в то же время разъяснял, что само развитие крупной промышленности закономерно создает реальные предпосылки пролетарской революции, и выражал уверенность в ее победе [1].

«На место сентиментальной, морализирующей и психологической критики, которую Вейтлинг и другие литераторствующие рабочие пытаются направить против существующих порядков, здесь буржуазному обществу и его движению противостоит чисто материалистическое и более свободное понимание, которое не дает сбить себя с толку никакими капризами настроения» [2],— писали Маркс и Энгельс в редакционном примечании к статье Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне...». Эти слова полностью относятся и к статье в «Red Republican». «Материалистическое понимание общественных явлений Эккариусом было плодом неустанной работы Маркса, и самым желанным ее плодом» [3],— писал биограф Маркса Меринг.

Продолжая популяризировать идеи марксизма, Эккариус опубликовал в 1851 г. в чартистском еженедельнике «Friend of the People» две большие статьи: «Последняя стадия буржуазного общества» [4] и «Проницательность манчестерской школы философии» [5]. Их появление было связано с усилением реформистских тенденций в рабочем движении Англии, носителями которых становились лидеры крупных тред-юнионов, например общества механиков. Эти воззрения находили почву в наиболее отсталых, политически индифферентных слоях рабочего класса. Необходимо было еще более решительно выступать против буржуазного и мелкобуржуазного влияния. Эту цель и преследовал Эккариус своими статьями. Статьи повторяют

---

[1] Red Republican, 1850, November 23, p. 179.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 440.

[3] *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957, с. 232.

[4] Friend of the People, 1851, N 4—7, January 4—25. Статья Эккариуса вошла в раздел приложений 10 тома Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (MEGA, I/10, S. 629—640). Текст статьи свидетельствует о тесном сотрудничестве автора с Марксом. Эккариус использовал материалы из журнала «Economist», который Маркс в это время основательно изучал. Можно предположить, что данную статью Эккариус написал по предложению Маркса и Гарни.

[5] Friend of the People, 1851, N 9—10, February 8—15.

многие важные положения, высказанные Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», «Классовой борьбе во Франции», и, прежде всего, выводы из «Обращения Центрального комитета к Союзу коммунистов» от марта 1850 г.

Анализируя историческое развитие общества, Эккариус рассматривал его с позиций марксистского учения об общественно-экономических формациях. Он отмечал решающую роль способа производства во всей общественной жизни людей. «Из отношений собственности вытекает политическая организация общества»,— пишет он, подчеркивая прогрессивность каждой последующей ступени производства. Вслед за «Манифестом Коммунистической партии» он писал о том, что наряду с могущественными средствами производства и обмена «буржуазное общество породило определенное число пролетариев, современных рабов, в том смысле, что они получают только то, на что можно существовать... Буржуазия уже сыграла в истории свою роль», разрушив феодальные и патриархальные отношения. Из прогрессивного класса, каким она была во времена борьбы с феодализмом, буржуазия превращается в реакционный класс, в препятствие на пути прогресса. Следуя логике «Манифеста», Эккариус популярно объяснял читателям сущность буржуазного общества с его нещадной эксплуатацией и обманом рабочих. «Обещания повысить заработную плату, улучшить жизнь рабочего класса — все это абсолютный обман. Предприниматели заинтересованы только в том, чтобы работа выполнялась наиболее дешевым способом, а правительство — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» [1],— писал Эккариус, почти повторяя слова Маркса и Энгельса.

Эккариус показал ограниченность буржуазных реформ, которые «предпринимаются либо в интересах всего правящего класса, либо в интересах определенной прослойки общества». Он связывал проведение реформ с революционной борьбой рабочего класса, подчеркивая, что обычно они проводятся в такие моменты, когда угнетенные начинают угрожать правящему классу. Он пропагандировал весьма важную мысль Маркса о роли масс в осуществлении реформ в буржуазном обществе и подчеркивал при этом, что «какими бы радикальными ни были эти реформы, они не могут изменить основы существования данного государства» [2]. Единственный выход —

[1] Friend of the People, 1851, N 4,6, January 4,18. Ср. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 426 и след.

[2] Friend of the People, 1851, N 5, January 11.

замена существующего буржуазного общества более прогрессивным социалистическим строем. Так же «как короли и феодальное духовенство не смогли предотвратить победу буржуазии, так и буржуазия не сможет помешать победе пролетариата»[1]. Но победа не придет легко. Для ее достижения рабочий класс должен быть хорошо организован и сплочен, ему предстоит трудный путь борьбы.

Статьи Эккариуса были написаны простым, живым языком, доступным для понимания рабочей читательской среды. Высмеивая своих идеологических противников, он зачастую прибегал к сатире. Так по поводу «рекомендаций» христианского социалиста, экономиста С. Грина, доказывавшего, что одним из условий облегчения положения рабочих является вера в бога и почитание церкви, Эккариус иронически восклицал: «Какой же счастливой и благочестивой нацией мы скоро станем; священники председательствуют на наших митингах и дискуссиях! Священники поучают нас в области науки, истории и философии! Священники на политической платформе! Священники руководят нашей газетой и священники охраняют наши деньги!

Ура манчестерской школе иезуитизма!!!»[2]

* * *

В мае 1851 г. Э. Джонсом был основан журнал «Notes to the People». Джонс и поддерживавшие его Маркс, Энгельс и их друзья рассчитывали на то, что журнал станет теоретическим органом реорганизуемой на социалистической основе чартистской партии, поведет борьбу против реформизма и буржуазного влияния. В журнале приняли участие Маркс, Энгельс, Эккариус и Пипер. Маркс написал для него критический разбор конституции французской республики, принятой в ноябре 1848 г., в котором показал ограниченный, классовый характер буржуазной демократии[3]. Энгельс опубликовал в нем три статьи, в которых вскрыл причины, обусловившие приход к власти Луи Бонапарта[4].

Одним из постоянных сотрудников журнала стал и Эккариус. По совету Маркса он занялся углубленным изучением

---

[1] Friend of the People, 1851, N 5, January 11.
[2] Ibid., N 10, February 15.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 525—538.
[4] См. там же, т. 8, с. 234—245.

истории революций 1848—1849 гг. в странах Европы, плодом чего явилась серия статей под общим заголовком «Законность и демагогия», подписанная инициалами «J. G. E.» [1]. Серия состояла из четырех статей, посвященных венгерской, французской и австрийской революциям. В них, опираясь на Марксов анализ эпохи 1848—1849 гг., Эккариус осветил причины, ход и значение революционных бурь, потрясших европейский континент, рассмотрел расстановку классовых сил, выделив наиболее важные, специфические черты движения в той или иной стране.

Так, рассматривая революционную борьбу венгерского народа против реакционной монархии Габсбургов, Эккариус, следуя, видимо, за статьями Энгельса в «Neue Rheinische Zeitung», в которых подчеркивалось значение прогрессивных мер правительства Кошута, в частности в области ликвидации пережитков феодализма в деревне, уделял особое внимание крестьянскому вопросу. Прослеживая ход венгерской революции, он подчеркнул классовую сущность происходивших преобразований в стране, в первую очередь — уничтожение крепостничества, введение избирательной реформы, свободы слова, печати и других демократических преобразований [2].

Касаясь событий во Франции, Эккариус сделал серьезный экскурс в ее историю, познакомил читателей с основными вехами Французской буржуазной революции конца XVIII в. Он подверг анализу расстановку сил накануне революции, показал трусость буржуазии, которая бросила рабочих, как только прусская и австрийская армии подошли к границам Франции для подавления революции, и противопоставил ей позицию масс; именно «беднота должна была выступить под республиканским знаменем для отражения вторжения немецких «деспотов» и уничтожения их пособников внутри страны»; только трудящиеся массы оказались до конца последовательными борцами, «они представляли собой главную, если не единственную силу, способную эффективно противостоять реакционерам, и без этой силы Франция пала бы жертвой деспотов» [3],— писал Эккариус.

Точно так же, указывал он, не совпадали интересы рабочего класса и буржуазии в революции 1848 г. Он резко критиковал нерешительность и робость буржуазии, представители которой шаг за шагом, уступая реакции, изменяли революции.

---

[1] Notes to the People, 1851, vol. II, N 45, 47.
[2] Ibid., 1852, vol. II, N 45, March 6.
[3] Ibidem.

Раскрывая несостоятельность парламентских иллюзий, Эккариус доказывал, что пока существует власть буржуазии с ее аппаратом угнетения, любое представительное учреждение бессильно разрешить задачу преобразования страны в интересах трудового народа.

В своем анализе революции 1848—1849 гг. во Франции Эккариус очень близок к «Классовой борьбе во Франции» Маркса. Он показал, что у рабочего класса, победившего в феврале 1848 г., еще сохранялись иллюзии. Свергая буржуазную монархию, рабочие стремились к созданию такой республики, которая не только дала бы народу политические свободы, но и освободила бы трудящихся от гнета капитала. «Однако рабочий класс чересчур верил в честность буржуазных республиканцев». Временное правительство наложило дополнительный налог на крестьянство, которое и так уже изнемогало от поборов. Новый налог настроил крестьян против рабочих. В этом факте Эккариус усматривал одну из причин поражения революции [1].

Эккариус подробно рассмотрел причины июньского восстания парижских рабочих, его ход и подавление генералом Каваньяком [2]. Разгром рабочих соответствовал классовым интересам буржуазии, отмечал он. Касаясь общих итогов событий во Франции, Эккариус подчеркивал в целом недостаточную зрелость пролетариата, идейную слабость и половинчатость претендовавших на роль его руководителей мелкобуржуазных социалистов и демократов, порочность их соглашательской тактики. Это позволило ему сделать вывод: *«Такова была и будет судьба революций, которые останавливаются на полпути или верят в возможность переговоров со своими угнетателями»* [3] (курсив наш. — *В. Ф.*).

Анализируя результаты революции в Германии, Эккариус показал ее половинчатый характер. Народ не сумел добиться решительной победы над феодализмом, чиновничий и полицейский аппараты были оставлены в неприкосновенности. Причину такого характера германской революции автор видит в политике пришедшей к власти либеральной буржуазии. Напуганная революционной борьбой французского пролетариата, она пошла на заведомую сделку с феодальной реакцией. Что касается министерства Кампгаузена и Ганземана и деятельности Национального собрания, то, отмечал Эккариус, они

---

[1] Notes to the People, 1852, vol. II, N 45, March 6.
[2] Ibid., N 46, March 13.
[3] Ibidem.

лишь «приспосабливались к обстановке, лишь узаконивали и регистрировали некоторые преимущества, завоеванные народом на баррикадах» [1]. Нерешительность немецкой буржуазии, ее трусость и неспособность к активным действиям привели к поражению революции, резюмировал Эккариус свои размышления. Вывод Эккариуса подтверждал характеристику, которую дал трусливой немецкой буржуазии Маркс.

Статьи Эккариуса, пропагандировавшие идеи «Манифеста Коммунистической партии» и «Классовой борьбы во Франции», а также других работ Маркса и Энгельса, посвященных революции 1848—1849 гг., вошли в фонд революционной пролетарской публицистики. Эти статьи занимают определенное место в марксистской историографии. Английскому читателю в то время работы Маркса и Энгельса были почти неизвестны; с их оценкой революций 1848—1849 гг. он мог ознакомиться лишь по напечатанным в декабре 1849 — августе 1850 г. в чартистском еженедельнике «Democratic Review» анонимным статьям Энгельса «Письма из Франции» и «Письма из Германии» и его реферату первой главы работы Маркса «Классовая борьба во Франции» [2]. В статьях Эккариуса марксистский анализ революции и следовавших из него выводов был дан в более обобщенной форме. Автор показал британским читателям-рабочим ограниченный, классовый характер буржуазной демократии, трусость и малодушие представителей буржуазии, их неспособность руководить революцией, готовность на компромиссы с реакцией. Эккариус подводил читателей к мысли о необходимости продолжать революцию до победного конца под руководством организованного пролетариата.

Сохранились свидетельства и о некоторых других материалах, написанных Эккариусом для чартистской печати, но по неизвестным причинам не опубликованных в ней. В частности, об одной «великолепной статье» Эккариуса для «Notes to the People» сообщал в 1852 г. Клусс Вейдемейеру. Однако указанную статью в журнале найти не удалось. В этом же письме Клусса содержится интереснейшая характеристика публицистической деятельности Эккариуса в чартистской прессе 50-х гг. Клусс передает мнение В. Вольфа, ближайшего друга и соратника Маркса, который считал Эккариуса «одним из талантливейших и ясных умов из тех, которые встречались ему на пути», и подчеркивал, что Эккариус пишет свои статьи

---

[1] Notes to the People, 1852, vol. II, N 46, March 13.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 44, с. 3—36, 40—59.

совершенно самостоятельно[1]. Высоко оценивала корреспондентскую работу Эккариуса и Ж. Маркс. «Этот замечательный человек превосходно пишет,— писала она в 1852 г. Вейдемейеру,— но он только здесь научился грамоте и не признает точек и запятых» [2].

* * *

В январе 1852 г. на смену небольшому по объему еженедельнику «Notes to the People» приходит периодический печатный орган чартистов еженедельная газета «People's Paper». Редакция сообщала, что новая газета будет пропагандировать хартию как единственное средство достижения пролетариатом политической власти[3], что «People's Paper» будет бороться за единство рабочего движения и создание массовой пролетарской партии. Редактором и издателем газеты был Э. Джонс. 8 мая 1852 г. вышел ее первый номер. Маркс активно сотрудничал в «People's Paper»[4] и привлек к работе своих ближайших друзей и единомышленников. В газете регулярно публиковались статьи Эккариуса, Пипера и Клусса. Благодаря этому «People's Paper» с самого начала приобрела боевое пролетарское направление и заняла принципиальную партийную позицию по основным вопросам классовой борьбы пролетариата. Все писали в газету бесплатно, рассматривая это как свой партийный долг.

Эккариус сотрудничал в «People's Paper» до июня 1853 г. в качестве ее французского корреспондента[5]. Все его статьи, так же как и другие материалы, подвергались редакции Маркса. Очевидно, в ряде случаев и тематика статей также подсказывалась им.

---

[1] См.: Клусс — Вейдемейеру 16—18 февраля 1852 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 429, д. 2/8.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 538.

[3] О «People's Paper» см.: *Галкин В. В.* Создание «People's Paper» и сотрудничество в ней К. Маркса в 1852—1853 гг. — В сб.: Чартизм. М., 1961.

[4] Только за первые полтора года в газете были опубликованы 17 статей Маркса (см.: *Гольман Л.* От Союза коммунистов к Первому Интернационалу, с. 96). В настоящее время обнаружены новые материалы, отражающие авторскую и редакторскую работу Маркса и его соратников в «People's Paper» за указанное время (*Bochinski H.-J.* Neue Tatsachen zu Marx' Mitarbeit an der englischen chartistischen Zeitung «People's Paper» im Jahre 1853. — Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Berlin, 1978, N 2).

[5] См.: Маркс — Клуссу середина ноября 1853 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 506; см. также указанную статью В. В. Галкина.

В статьях Эккариуса давалась оценка политическому положению во Франции, освещалось положение рабочего класса и крестьянства, рассматривались вопросы развития рабочего движения, подводились некоторые итоги революции 1848 г. во Франции, раскрывались отдельные стороны научного социализма, широко пропагандировались выводы из работ Маркса.

Особый интерес представляют статьи Эккариуса, содержавшие обзор литературы, посвященной государственному перевороту Луи Бонапарта во Франции. Эти статьи публиковались в сентябре — декабре 1852 г. почти в каждом номере газеты [1]. Для сравнительного анализа Эккариус выбрал четыре работы: К. Дюрье «Государственный переворот Луи Бонапарта», В. Гюго «Наполеон Малый», П.-Ж. Прудона «Социальная революция», завершив свой обзор работой Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Во введении он отметил, что рассматриваемые им издания принадлежат перу авторов различных направлений мысли и поэтому «в большей или меньшей степени являются выражением взглядов партий или классов, к которым их авторы принадлежат».

Основное достоинство книги Ксавье Дюрье, по мнению Эккариуса, заключалось в «несомненной правдивости повествования», однако она не давала объяснения истинным причинам, лежавшим в основе переворота Луи Наполеона, а лишь проливала дополнительный свет на исторические данные и факты. Автор обзора отмечал, что Дюрье не понимает роли буржуазии, которая боролась «не за непосредственные интересы масс, а за мертвую букву классовой конституции». Буржуазия, писал автор, не пользовалась влиянием в народе, поэтому ее призывы встречались с недоверием; буржуазия полностью дискредитировала себя, и ее «политический крах подготавливает приход к власти рабочего класса» [2].

В статье, опубликованной в «People's Paper» 9 октября 1852 г., критическому разбору подверглась книга В. Гюго «Наполеон Малый». Отдавая дань таланту писателя, которого Эккариус считал «подлинным гением», «непревзойденным среди французских литераторов XIX в.», он, тем не менее, отмечал, что данное произведение Гюго не относится к числу его лучших работ. Хотя название книги выбрано удачно в том смысле, что наносит личное оскорбление Луи Бонапарту, однако содержание книги противоречит этому названию. Обращаясь к Гюго, Эккариус писал: «За исключением названия, он

---

[1] The People's Paper, 1852, September 25 — December 18.
[2] Ibid., September 25, October 2.

[Луи Бонапарт] везде вырастает у Вас в фигуру лжеца, мошенника, клятвопреступника и убийцы колоссальных размеров и когда Вы сравниваете его с Нероном, Аттилой, Чингизханом или «королем Бомбой» (неаполитанским королем Фердинандом II. — *В. Ф.*), Вы не можете тут же, не переводя дыхания, утверждать, что он «Малый»» [1]. Если бы Гюго показал, что весь буржуазный порядок, все буржуазное общество прогнило сверху донизу и поэтому «герой декабря» не встретил по существу серьезного сопротивления, тогда он вправе был бы назвать Луи Наполеона «Малый». Ведь во главе государственного переворота находилась не личность Наполеона, а «стояло его имя». Основная ошибка Гюго, продолжал Эккариус, заключается в том, что весь ход событий — до и после 2 декабря — он объяснял деятельностью одного человека — Луи Бонапарта. «Виктор Гюго принадлежит к классу, который рассматривает следствие как причину, а инструмент — как руку, которая им пользуется... Придерживаясь ошибочной точки зрения, он видит движущую силу в человеке, вместо того чтобы искать ее в классовых интересах, классовом антагонизме и классовой революции» [2]. Виктор Гюго полагает, что принципы руководства современным обществом правильны, виноваты лишь люди. Это мнение всех морализирующих буржуазных реформаторов; они никогда не думают об обществе, состоящем из классов и управляемом классовыми интересами. Именно поэтому Гюго не смог объяснить истинную сущность государственного переворота во Франции.

Характеристики, данные Эккариусом, весьма близки к той оценке, которую дал Маркс этой книге в предисловии ко 2-му изданию «Восемнадцатого брюмера», написанном много позднее, в 1869 г.: «Виктор Гюго,— писал там Маркс,— ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота. Самое событие изображается у него, как гром среди ясного неба. Он видит в нем лишь акт насилия со стороны отдельной личности. Он не замечает, что изображает эту личность великой, вместо малой, приписывая ей беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы» [3].

Большое внимание уделил Эккариус критике теоретических взглядов Прудона, которого английские буржуазные писатели считали воплощением революционного социализма во

---

[1] The People's Paper, 1852, October 9.
[2] Ibid., October 16.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 375.

Франции. В начале 50-х гг. последователи Прудона стали оформляться как мелкобуржуазное реформистское течение, особенно опасное для рабочего класса в условиях реакции. После поражения революции наименее устойчивая часть рабочих отшатнулась от революционной политической борьбы, и призывы Прудона и его сторонников решить социальный вопрос исключительно путем реформ получали отклик среди этой части пролетариев.

Маркс в конце 1851 г. намеревался выступить с критикой Прудона на страницах журнала «Revolution», однако сделать это ему не удалось. До апреля 1852 г. он был занят работой, посвященной бонапартистскому перевороту во Франции, а за это время журнал «Revolution» прекратил свое существование[1]. Скорее всего, именно по совету Маркса Эккариус подверг в своей статье критическому рассмотрению не только точку зрения Прудона на бонапартистский переворот во Франции, но и воспользовался случаем, чтобы критически рассмотреть всю совокупность его взглядов.

Эккариус отмечал, что в книге Прудона «Социальная революция в свете государственного переворота 2 декабря» попытка объяснить бонапартистский переворот во Франции превратилась в фальшивое оправдание его главного участника, в апологию бонапартизма. Прудон «склонен рассматривать перемену в судьбах Франции, осуществленную Бонапартом, как доказательство правильности и необходимости осуществления своих доктринерских социалистических схем»[2],— писал он.

Отдавая должное прудоновской критике буржуазного общества, Эккариус в то же время подчеркивал, что Прудон отнюдь не является решительным сторонником революции. «Его голос всегда раздавался громче всех тогда, когда за ним никто не шел в бой и когда не требовалось немедленно предложить народу какие-либо решительные меры; Прудон то почти исчезал, то пускался в доктринерские поучения, когда требовалось совершить подлинно революционный акт»[3],— писал Эккариус. Правда, он провозгласил лозунг «социальной революции», однако трактовал это понятие в высшей степени своеобразно. Разделив все общество на три класса — буржуазию, мелкую буржуазию и рабочий класс, Прудон свел «проблему революции к задаче растворения первого и третьего классов», чтобы избавиться от всех «крайностей» и свести положение всех до

---

[1] См.: Карл Маркс. Биография. 2-е изд. М., 1973, с. 262—263.
[2] The People's Paper, 1852, October 2.
[3] Ibid., October 23.

среднего уровня. «Его задача — добиться того, чтобы на долю каждого без исключения приходилась равная часть капитала» [1]. Эккариус подверг критике утопизм этих идей мелкобуржуазного социализма. Аргументация Прудона, показал он, явно несостоятельна, поскольку она основана не на действительно научном анализе экономического и политического положения в стране, а лишь на неудачной попытке втиснуть в рамки своей социальной доктрины реальную действительность непримиримой классовой борьбы, происходящей во Франции, которая, в свою очередь, основана на столь же непримиримых материальных интересах борющихся сил. Эккариус показал неумение Прудона разобраться в происхождении и сущности капитализма, в законах его развития, неспособность понять значение классовой борьбы пролетариата. Эккариус вскрыл противоречивость и утопизм мировоззрения Прудона как идеолога мелкой буржуазии, стремящейся избавиться от гибельных для нее последствий развития капитализма. Он доказал беспочвенность планов Прудона устранить язвы капитализма в рамках самих капиталистических отношений.

Особое место Эккариус уделил работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Рекомендуя автора английским читателям, Эккариус писал о нем как о создателе революционной теории пролетариата и вожде передовой европейской демократии [2]. Эккариус отметил, что все французские авторы потерпели неудачу, пытаясь объяснить причину государственного переворота, тогда как этот ««немецкий автор», следивший за развитием событий во Франции издалека, дал подлинно научное истолкование истории бонапартовской узурпации. Его произведение является единственной работой, отвечающей как требованиям исторической науки, так и стремлению современного поколения понять сущность революционного движения, которым оно оказалось охвачено» [3]. Секрет успеха Маркса Эккариус видел «в принадлежности к той партии, которая не была непосредственно вовлечена в борьбу, и тем не менее, благодаря своему положению, своей растущей и несокрушимой мощи и своему будущему, должна в конечном итоге стать верховным арбитром во всех происходящих в данный момент распрях и чередующихся поражениях и победах, которые составляют официальную историю Франции в последние дни» [4]. Точность

---

[1] The People's Paper, 1852, November 13.
[2] Ibid., December 11.
[3] Ibid., September 25.
[4] Ibid., December 11.

метода и величие тех принципов, которыми руководствовался в своей работе Маркс, отмечал Эккариус, дали ему возможность с непревзойденной силой и мастерством изложить причины и следствия описываемых событий. Карл Маркс, писал Эккариус, является создателем революционной теории пролетариата и вождем наиболее передовой части европейской демократии; именно поэтому он явился лучшим историком периода президентства во Франции, диктатуры и империи Луи Бонапарта.

Эккариус почти дословно воспроизвел большую часть первой главы работы Маркса, предоставив, таким образом, возможность английскому читателю познакомиться с важнейшими положениями Марксовой теории революции — с его выводами об отличии буржуазных революций от пролетарской, о перспективах и характере будущих революций XIX столетия.

«Сожалею,— пишет автор в заключение своего обзора,— что объем статьи не дает возможности более подробно осветить заслуживающую особого внимания работу д-ра Маркса, которая содержит, помимо исторического материала, такое яркое изображение современного положения классов во Франции, главным образом крестьянства, какого я не встречал ни в одной другой работе» [1].

Многие буквальные совпадения в статьях, посвященных обзору литературы о государственном перевороте с оценками Маркса, являются бесспорным доказательством того, что Маркс оказал Эккариусу очень большую помощь при их составлении. По-видимому, ряд характеристик и выводов Эккариус записывал непосредственно со слов самого Маркса [2].

Статьи Эккариуса, публиковавшиеся на страницах чартистских органов, явились важнейшей составной частью революционной марксистской пропаганды. Многие британские рабочие впервые благодаря этим статьям познакомились с марксистской теорией.

Маркс и Энгельс высоко оценивали его пропагандистскую деятельность. «Эккариус... является портновским подмастерьем, что нисколько не помешало [ему] до сих пор быть одним из крупнейших мыслителей немецкого пролетариата и завоевать себе своими английскими статьями в «Red Republican», «Notes

---

[1] The People's Paper, 1852, December 18.

[2] На этом основании статьи Эккариуса «A Review of the Literature on the Coup d'État» включены в раздел приложений 11-го тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке: *Marx K.*, *Engels F.* Collected Works. Moscow, 1979, vol. 11, p. 592—620.

to the People» и в «People's Paper» авторитет даже среди чартистов»[1],— писал Маркс.

Эккариус был в то время одним из немногих пролетарских публицистов, которые, анализируя исторические события, стремились следовать научной методологии Маркса и Энгельса и, делая выводы из отдельных фактов и наблюдений, старались применять историко-материалистический метод. В то же время деятельность Эккариуса как пропагандиста и популяризатора марксистских идей была доказательством той огромной плодотворной работы, которую вел Маркс по идейному и научному воспитанию своих учеников.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 519.

И. П. Особова

РОЛЬ И. Ф. БЕККЕРА В ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ЖЕНЕВСКОГО КОНГРЕССА ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА (3—8 сентября 1866 г.)

Для Иоганна Филиппа Беккера (1809—1886), соратника и друга Маркса и Энгельса, годы I Интернационала (1864—1872) были кульминационным периодом его деятельности в рабочем движении. В это время он становится одним из признанных руководителей Международного Товарищества Рабочих, видным представителем марксистского направления в нем. Беккер был создателем крупнейшего отделения Товарищества, Группы секций немецкого языка, которая объединяла организации Интернационала в Швейцарии, Пруссии, Австрии и других немецких землях. Беккер поддерживал связь с интернационалистами Италии, США, членами Русской секции. Он был неизменным делегатом всех конгрессов Интернационала. Его обширная переписка с Генеральным Советом и местными секциями, а также издававшийся им журнал «Vorbote» являются незаменимыми источниками по истории I Интернационала. Нет, пожалуй, ни одной работы, касающейся Международного Товарищества Рабочих, в которой не упоминалось бы имя И. Ф. Беккера. Однако история его собственной деятельности в МТР до сих пор не написана [1].

Женевский конгресс явился важнейшей вехой в истории Международного Товарищества Рабочих. Он подвел итоги двухлетнего существования Интернационала, завершив период его становления, и наметил программу дальнейших действий.

Принятием Устава он утвердил теоретические и организационные принципы МТР, изложенные Марксом в его первых программных документах.

[1] Из работ, посвященных отдельным аспектам деятельности И. Ф. Беккера в I Интернационале, следует назвать: *Engelberg E.* Johann Philipp Becker in der I. Internationale. Berlin, 1964; *Dlubek R.* Johann Philipp Becker als Pionier der Internationalen Arbeiterassoziation. — В сб.: Evolution und Revolution in der Weltgeschichte. Bd. II. Berlin, 1976.

Одобрив предложения, сформулированные Марксом в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», Женевский конгресс вооружил рабочее движение экономической программой борьбы, дав марксистское понимание таких ее важнейших форм, как профессиональное и кооперативное движение, требование 8-часового рабочего дня, признав стачку как закономерную и необходимую форму классовой борьбы пролетариата.

Принятие Марксовой программы означало также победу его тактических принципов. Исходя из реальных условий и уровня сознания отдельных национальных отрядов рабочего движения, Маркс ограничил программу «намеренно такими пунктами, на которые рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок» [1].

Успешная организация и проведение первого конгресса, заложившего традиции устройства последующих ежегодных форумов Международного Товарищества Рабочих,— большая заслуга женевских секций Интернационала и, в первую очередь, Комитета Немецкой секции во главе с Беккером.

Для самого Беккера конгресс явился определенным этапом в развитии его взглядов в направлении марксизма.

История Женевского конгресса достаточно полно освещена в советской исторической литературе [2]. Что касается Беккера и руководимого им немецко-швейцарского отделения Товарищества, то их роль в организации и проведении конгресса требует специального исследования ввиду ее сложности и неоднозначности и того решающего значения, которое она имела для исхода конгресса.

Теоретические взгляды Беккера этого периода были освещены автором в специальной работе [3]. Задача настоящей статьи — исследовать на примере организации Женевского конгресса практическую деятельность Беккера в Интернационале, а вместе с тем более детально рассмотреть процесс усвоения

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 443.

[2] См.: Первый Интернационал, ч. I. М., 1964, с. 104—115, 248, 289—293, 414—416; *Смирнова В. А.* Конституирование Первого Интернационала как международной массовой организации пролетариата. Диссертация. М., 1966; *ее же.* Роль К. Маркса в разработке программы экономической борьбы пролетариата (по материалам Женевского конгресса I Интернационала 1866 года). — В сб.: Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970.

[3] См.: *Особова И. П.* И. Ф. Беккер и прудонизм. — В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977.

им идей научного коммунизма. Этот процесс приобщения деятелей рабочего движения к марксизму шел в Интернационале по многим каналам: путем знакомства с работами основоположников учения и личного общения с ними, переписки и личных контактов с их ближайшими соратниками, составлявшими пролетарское ядро Генерального Совета, с помощью печатных органов МТР и в результате дискуссий на его конгрессах.

Статья написана на основе документальных источников (как архивных, так и опубликованных) — протоколов Женевского конгресса, Генерального Совета и женевской Немецкой секции, переписки руководителей швейцарского отделения Интернационала с членами Генсовета, обращений, докладов и других документов, выпущенных Генсоветом и швейцарскими секциями в связи с конгрессом, наконец, на базе материалов, опубликованных в печатных органах Товарищества.

* * *

Женева была избрана местом проведения первого конгресса Интернационала по решению Лондонской конференции 1865 г.

В это время здесь существовало две секции — Французская, объединявшая рабочих-романцев под председательством Дюпле, и Немецкая под председательством Беккера. Комитеты обеих секций являлись соответственно центральными комитетами для романских и немецких секций в других городах Швейцарии. Функции Центрального комитета для всей Швейцарии выполнял объединенный Комитет, заседавший ежемесячно.

С января 1866 г. Комитет Немецкой секции получил от Маркса как секретаря-корреспондента для Германии также полномочия временного ЦК для секций этой страны.

Беккер прекрасно сознавал, какую ответственность на женевские секции возлагает решение о проведении первого конгресса Интернационала в Женеве. «Это событие, несомненно, взволнует весь мир и будет обсуждаться во всех газетах» [1],— говорил он на общем собрании Немецкой секции 25 марта 1866 г. Герману Юнгу, секретарю-корреспонденту Генерального Совета для Швейцарии, он писал: «Это ведь первый международный рабочий конгресс — вещь небывалая в истории» [2].

---

[1] Протокольная книга Немецкой секции. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

[2] Беккер — Юнгу 29 марта 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/4. Русский перевод см.: *Иекк Г.* Интернационал. СПб., 1906, с. 241.

Именно поэтому, сообщал он Марксу, женевцы «сделают здесь все, что в их силах, чтобы обеспечить блестящую организацию конгресса» [1].

С марта 1866 г. подготовка к конгрессу выдвинулась на первый план в деятельности женевских секций [2].

Беккер полагал, что начало кампании по подготовке конгресса должен положить циркуляр Генерального Совета, который был бы направлен местным комитетам и опубликован в органах Товарищества. Он обратился с этим предложением сначала к Марксу, а затем 29 марта повторил его в письме Юнгу. По мысли Беккера, главную часть циркуляра должна составить программа конгресса. Он считал, что эта работа может быть сделана только Марксом.

Чисто техническая сторона дела также требовала большого внимания. От первого конгресса во многом зависело, какая сложится традиция организации международных рабочих форумов. Поэтому Беккера интересовало мнение Генерального Совета по всем, даже самым мелким вопросам: когда откроется конгресс, сколько дней будет продолжаться, не нужно ли заранее составить повестку дня на каждый день, в какое время начинать и кончать заседания, делать ли перерыв и использовать ли для заседаний вечернее время, кто будет иметь право присутствовать на заседаниях. Сам Беккер считал, что это право каждого члена Товарищества, но только делегаты секций и Генерального Совета имеют право голоса. Он предложил также назначить один день, лучше воскресенье, для публичного обсуждения рабочего вопроса, чтобы «ускорить распространение среди рабочего класса правильного понимания вещей и шире привлечь рабочих к нашему движению». В этот день возможность участвовать в обсуждении должна быть предоставлена всем присутствующим, принятие же резолюций необязательно.

Далее Беккер ставил вопрос о расходах по приему делегатов и участии в этих расходах английских, французских и бельгийских секций. Наконец, он интересовался мнением Генерального Совета насчет оформления зала конгресса — предлагал украсить его красным знаменем как знаком мира и единства между народами и национальными флагами. Закончить конгресс Беккер предложил дружеским семейным вечером делегатов и женевских членов Интернационала [3].

---

[1] Беккер — Ж. Маркс 1 марта 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/3. Переписку с Беккером часто вела жена Маркса Женни.

[2] Vorbote, 1866, N 3, S. 43; N 4, S. 61.

[3] См.: Беккер — Юнгу 29 марта 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/4.

Руководитель Французской секции в Женеве Дюпле поддержал Беккера и также настоятельно просил Генеральный Совет прислать как можно скорее подробные инструкции [1].

Письма Беккера и Дюпле были зачитаны и обсуждены на заседании ЦК. Ответа из Лондона в Женеве ждали с нетерпением [2].

В своих письмах швейцарцы упрекали Генеральный Совет в бездействии, поскольку до назначенного срока (май 1866 г.) оставался месяц с небольшим, а Совет «не подавал никаких признаков жизни». Действительно, Совет уделял мало внимания подготовке конгресса. Его английские члены с головой ушли в борьбу за избирательную реформу. Время и силы других также в значительной степени поглощались участием в английской избирательной кампании, а также борьбой с мелкобуржуазными элементами в самом Совете, в редакции его органа газеты «Workman's Advocate», руководством экономической борьбой рабочих. Наконец, неблагоприятно отразилась на работе Совета затяжная болезнь Маркса, который с конца января не принимал участия в заседаниях (исключение — заседание 13 марта), а в середине марта вынужден был уехать на море в курортное местечко Маргет.

3 апреля Герман Юнг огласил письма женевских руководителей на заседании Генерального Совета. Решительный тон этих посланий произвел на членов Совета большое впечатление. В протоколе заседания отмечалось недовольство женевцев молчанием Совета. «Они считают,— сказано там,— что такая бездеятельность, если она будет продолжаться, гибельно отразится на Товариществе» [3].

Опасения женевцев относительно конгресса разделялись многими членами Генсовета. Ф. Лесснер, с которым Беккер познакомился на Лондонской конференции 1865 г. и с тех пор постоянно поддерживал дружескую связь, писал ему: «Лично я очень недоволен тем положением, в котором мы находимся, но в то же время я хорошо знаю, что причиной этому не люди, а современная обстановка. Поэтому не следует терять мужества, вскоре все будет улажено... Может быть, наш Маркс скоро снова будет с нами, и тогда в нас всегда будет уверенность, что, если возникнет необходимость говорить,— будет сказано

---

[1] См.: Дюпле — Юнгу 31 марта 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 310/3.

[2] См.: Протокольная книга Немецкой секции. Заседания Комитета 27, 30 марта, ЦК 6 и 10 апреля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

[3] Генеральный Совет I Интернационала. 1864—1866. Протоколы. М., 1961, с. 121.

все, что нужно, а когда нужно будет действовать, то будет сделано все, что требуется»[1].

Юнгу, настроенному не столь оптимистически, ситуация внушала гораздо большую тревогу. Относительно членов Совета — англичан он саркастически писал Беккеру: они «верят, что допущение двух или трех рабочих в парламент окажется достаточным для исправления всех зол, от которых стонет рабочий». Дальнейшее отсутствие Маркса грозило, по его мнению, смертью всему Товариществу. Юнг немедленно написал Марксу и остальным членам Совета о необходимости провести следующее заседание Совета 10 апреля в полном составе и принять действенные меры в отношении конгресса[2].

Письмо Юнга чрезвычайно обеспокоило Маркса. «Я должен откровенно сказать тебе,— писал он 6 апреля из Маргета Энгельсу,— что дела с Интернационалом обстоят очень скверно, тем более, что из-за нетерпеливых французов конгресс назначен на *конец мая*... Мое отсутствие в течение почти трех месяцев *чрезвычайно повредило.* ***Что делать?*** Во Франции, Бельгии, Швейцарии (также в некоторых местах в Германии, а спорадически даже в Америке) Товарищество сделало большие и прочные успехи. В Англии же движение за реформу, вызванное нами к жизни, почти погубило нас... Для англичан даже провал конгресса — пустяки. А для нас? *Это европейский скандал!!* Действительно, я почти не вижу никакого выхода. Англичане упустили все возможности, чтобы придать конгрессу более или менее приличную форму. Что делать! Думаешь ли ты, что мне *следует поехать в Париж,* чтобы доказать там людям, насколько конгресс сейчас *невозможен?* Отвечай немедленно. Только в соглашении с парижанами вижу я возможный выход»[3].

Энгельс в своем ответе 10 апреля решительно отсоветовал Марксу ехать в Париж, где его могла задержать полиция. Что же касается конгресса, то Энгельс полагал, что конфуза перед лицом Европы можно избежать: «Ведь держать все дело в своих руках будут, благодаря своему знанию многих языков, немцы, а немцы — как раз наши сторонники»[4].

Письма женевцев побудили Совет к более активным действиям. На том же заседании 3 апреля, где они были зачитаны,

---

[1] Лесснер — Беккеру 5 апреля 1866 г. Письма деятелей I Интернационала. — Новый мир, 1964, № 9, с. 192.

[2] См.: Юнг — Беккеру 18 апреля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/9.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 171.

[4] Там же, с. 173. Это письмо не застало Маркса в Маргете. Он прервал лечение и 10 апреля был уже в Лондоне.

Генсовет постановил немедленно распространить отпечатанное в 5 тыс. экземпляров воззвание, которое призывало английские рабочие общества принять участие в обсуждении программы конгресса, выдвигать делегатов и собирать средства на его нужды [1]. На следующем заседании 10 апреля, в котором участвовал Маркс, Совет назначил открытие конгресса на 4 июня, а продолжительность работы установил в 5 дней [2].

18 апреля Юнг сообщил Беккеру об этом решении и ответил на другие его вопросы. Время начала первого заседания определит руководство женевских секций, а распорядок дальнейшей работы установит сам конгресс. Юнг предложил Беккеру подготовить проект распорядка работы конгресса, чтобы представить его на утверждение делегатам на первом же заседании. Все секции и примкнувшие общества пошлют делегатов за свой счет. Что касается их содержания в Женеве, то тут у Генсовета нет предложений, поскольку нет средств. Право на участие в прениях Генсовет оставляет только за делегатами секций и примкнувших обществ. Это было решено еще Лондонской конференцией. Конечно, любой член Товарищества имеет право присутствовать на заседаниях, но он не должен смешиваться с делегатами, иначе это приведет к беспорядку. Программа конгресса, продолжал Юнг, была принята на Лондонской конференции, и Генеральный Совет не имеет права в ней что-либо менять [3]. Дополнить ее может лишь конгресс. Первым вопросом повестки дня должно быть принятие Устава, поскольку он является временным до первого общего конгресса.

В общем, заключал Юнг, Женевская секция показала свое рвение и активность, и самое лучшее, что можно сделать, это возложить на нее заботы по подготовке и организации конгресса [4].

Письмо Юнга, рассеявшее многие сомнения руководителей женевских секций, не давало, однако, приемлемого решения двух важных вопросов — о сроках созыва конгресса и средствах.

Намеченная Генсоветом дата — 4 июня была в сложившейся ситуации явно нереальна. За оставшееся время невозможно было обеспечить достаточно представительный интернацио-

---

[1] См.: Генеральный Совет I Интернационала. 1864—1866, с. 116, 119, 121, 238—240.

[2] См. там же, с. 122—123.

[3] Об этом см. также Юнг — Дюпле 14 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/19.

[4] См.: Юнг — Беккеру 18 апреля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/9.

нальный форум. Многие немецкие и швейцарские секции, возникшие недавно, еще не окрепли и не имели средств, чтобы за свой счет отправить делегатов. Итальянские рабочие общества, которые выразили согласие с программой Товарищества, вряд ли могли в назначенный срок прислать делегатов, так как на июнь-июль намечался их съезд. Кроме того, 3 июня ожидалось прибытие в Женеву многочисленных участников кантонального празднества стрелков, что означало дополнительные трудности при размещении делегатов конгресса.

В силу этих причин Беккер и Дюпле предложили Генсовету перенести конгресс на 25 сентября, день годовщины основания Интернационала. «Несмотря на все наши усилия, несмотря на нашу готовность помочь делу,— писали они,— собрание не может достичь тех результатов, которых мы должны добиться, чтобы придать нашему Товариществу силу, необходимую для освобождения рабочего класса от двойного ярма, а человечества от всех гнетущих его зол. В сентябре же мы могли бы устроить такой конгресс и проделать такую работу, какой еще не бывало в мировой истории». К тому же была надежда, что Маркс к тому времени поправится и сможет приехать в Женеву, чтобы «со всем своим умом и энергией принять участие в этом великом и тяжелом труде» [1]. Наконец, к сентябрю женевцы надеялись раздобыть достаточно средств.

О предложении по поводу отсрочки конгресса Беккер сообщил на заседании Комитета и на общем собрании Немецкой секции. Был послан также запрос в Париж, чтобы узнать мнение парижского правления по этому поводу [2].

Генеральный Совет 24 апреля обсудил предложение швейцарцев и постановил перенести конгресс на сентябрь. Парижское правление решительно высказалось против этой отсрочки. Генеральному Совету пришлось еще раз возвращаться к этому вопросу. По предложению Юнга, поддержанному Марксом, открытие конгресса было назначено на 3 сентября 1866 г. [3]

Лесснер с облегчением признался Беккеру, что доволен отсрочкой конгресса, так как «никогда не верил в его успех,

---

[1] Беккер — Юнгу 21 апреля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/6. Русск. пер. в кн.: *Иекк Г.* Интернационал, с. 242—243; Дюпле и Беккер — Юнгу 21 апреля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/5.

[2] См.: Протокольная книга Немецкой секции. Общее собрание 22 апреля и заседание Комитета 1 мая 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

[3] См.: Генеральный Совет I Интернационала. 1864—1866, с. 125, 127—128; Юнг — Беккеру 2 мая 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/10.

поскольку времени для его организации было слишком мало, особенно для Германии, а также для Англии»[1].

Сообщение об окончательной дате открытия конгресса и мотивах его отсрочки было опубликовано во всех швейцарских органах Товарищества[2].

В июле-августе между Лондоном и Женевой не прекращалась переписка о деталях его проведения. 24 июля Генсовет рассматривал очередные предложения швейцарцев: поручить одному из делегатов Совета официально ставить вопросы повестки дня на обсуждение и вносить резолюции; вести протокол заседаний на трех языках, а затем напечатать его и разослать всем секциям. В письмах Юнгу Беккер и Дюпле интересовались числом делегатов, чтобы заранее позаботиться об их размещении, а также снова поднимали вопрос относительно циркуляра о конгрессе и средствах[3].

Подробный ответ на эти вопросы содержался в письме Юнга от 14 августа. Ставить вопросы на обсуждение должна специальная комиссия, которая избирается на первом заседании конгресса, сразу после проверки мандатов делегатов. На этом же заседании необходимо избрать председателя конгресса, который будет руководить ходом дискуссии, следить за тем, чтобы ораторы не уклонялись от темы. Что касается количества делегатов, то Юнг мог назвать лишь приблизительные цифры — 6—8 человек от Англии (включая делегатов Генерального Совета), 20 — от Парижа, 5 — от Лиона, 5 — от остальных французских секций, 2—3 человека от Бельгии.

Разъяснения Юнга по финансовому вопросу звучали не особенно обнадеживающе. Средств у Генерального Совета по-прежнему не было. До сих пор он еще не расплатился с долгами, накопившимися в связи с Лондонской конференцией. Финансы английских рабочих обществ истощены стачками и борьбой за всеобщее избирательное право, поступления из других стран мизерные. Поэтому каждой секции предлагалось самой покрывать все расходы не только по отправке, но и по содержанию делегатов в Женеве. Вообще Юнг настоятельно рекомендовал свести все траты к минимуму, в частности, проводить заседания конгресса в зале какого-либо ресторана, чтобы не платить

---

[1] Лесснер — Беккеру 14 мая 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/13.

[2] Vorbote, 1866, N 5, S. 71—72; Journal de l'Association Internationale des Travailleurs, N 6, 13 Mai 1866; La Voix de l'avenir, N 21, 27 Mai 1866.

[3] См.: Генеральный Совет I Интернационала. 1864—1866, с. 153; Дюпле и Роша — Юнгу 18 июля 1866 г.; Беккер — Юнгу 27 июля 1866 г.; Дюпле — Юнгу 5 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 10/1, 303/1, 312/1.

за аренду помещения, и лишь для публичного заседания снять большой зал, например женевский «Дворец выборов», а если это не удастся, провести его на свежем воздухе.

Относительно записи прений на конгрессе он предложил в целях экономии воспользоваться отчетами корреспондентов, которых пришлют на конгресс некоторые демократические французские и английские газеты.

В общем, заключил Юнг, конгресс должен произвести впечатление содержанием дебатов и резолюций, а не бесполезной помпезностью. Он возлагал большие надежды на добрую волю делегатов и инициативу женевцев: «Я высоко ценю жертвы Женевской секции,— писал он,— рвение и преданность, проявленные ею в деле борьбы за освобождение трудящихся» [1].

Письмо Юнга не вполне удовлетворило устроителей конгресса. Ответ Дюпле состоял в основном из возражений: количество депутатов от Лондона смехотворно мало — 4 человека; вот уже шесть месяцев Генсовет обещает издать циркуляр о конгрессе, но его все нет; английский стенограф необходим, и не годится пользоваться резюме газет для отчета о конгрессе. Наконец, женевцы выражали надежду, что расходы по организации будут нести не только женевские секции, но и остальные общества, примкнувшие к МТР [2].

Переписка с Лондоном продолжалась, а в Женеве между тем подготовка к конгрессу шла полным ходом. Комитеты обеих секций и созданные ими специальные комиссии занимались сбором средств, поисками помещения для заседаний, вопросами приема и размещения делегатов, организацией стенографической записи прений, распорядком торжеств по случаю открытия и окончания конгресса и т. д. [3]

Были составлены списки тех, кто мог предоставить квартиру делегатам. Расходы решили делить между обеими секциями пропорционально числу членов в каждой. Специальный кассир ведал средствами, поступавшими в фонд конгресса [4]. Не сразу было найдено помещение для заседаний. Зал «Дворца выборов» арендовать не удалось, а за помещение в бывшем монастыре Тампль Юник запросили слишком дорого — 300 фран-

---

[1] Юнг — Дюпле 14 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/19.

[2] См.: Дюпле — Юнгу 19 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 10/4.

[3] См.: Протокольная книга Немецкой секции. Заседания Комитета 10 апреля и 26 июня, заседания ЦК 12 апреля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341; Дюпле и Роша — Юнгу 18 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 10/1; Генеральный Совет I Интернационала. 1864—1866, с. 153.

[4] См.: Протокольная книга, заседания Комитета 27 февраля и 27 июля, ЦК 3, 10 и 21 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

ков. Пришлось удовлетвориться пивной Трайбера, владелица которой предоставила зал на приемлемых условиях [1].

Церемония открытия и закрытия конгресса, порядок пропуска на заседания делегатов и гостей были подробно обсуждены Комитетом Немецкой секции 7 августа и ЦК 17 августа. Специальная афиша, расклеенная по городу за неделю до открытия конгресса, на двух языках подробно информировала об этих решениях. В день открытия конгресса, 3 сентября, намечалась торжественная манифестация делегатов, женевских членов Товарищества и рабочих обществ. На первом заседании в 2 часа дня предполагалось решить организационные вопросы (выборы бюро, которое будет заниматься пропусками, определение времени заседаний и повестки дня и т. д.). На следующий день после закрытия конгресса, в воскресенье 9 сентября, предполагалась поездка на пароходе по Женевскому озеру и банкет в том же зале, где будут проходить заседания [2].

Поскольку никакого циркуляра Генерального Совета о созыве конгресса и его программе не поступало, Комитеты обеих женевских секций решили опубликовать воззвание от собственного имени. В июле они выпустили два обращения. Немецкое, составленное Беккером, призывало рабочих Германии и Швейцарии присоединяться к Международному Товариществу и посылать делегатов на его первый конгресс. Оно было единогласно одобрено на общем собрании Немецкой секции 22 июля и опубликовано в августовских номерах «Vorbote» и «Felleisen», а также в виде листовки тиражом в одну тысячу экземпляров для распространения в Германии, Швейцарии, Франции, Англии, Бельгии [3]. Воззвание, составленное Комитетом Французской секции, предназначалось для рабочих обществ романских стран и было также напечатано как в органах Товарищества, так и в виде листовки [4]. 27 июля Беккер отправил

[1] См.: Протокольная книга, заседания ЦК 10 и 17 августа, Комитета 26 июня, 14 августа, общее собрание секции 22 июля 1866 г.; Дюпле — Юнгу 7 марта 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341, 310/1.

[2] Kongress-Programm der Internationalen Arbeiterassociation. Genf, den 25. August 1866. Programme du Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs; Vorbote, 1866, N 8, S. 119 (с небольшими отличиями); Протокольная книга. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341. Подробные разъяснения о порядке проведения конгресса были помещены также в Journal de l'Association Internationale des Travailleurs, 1866, N 9, 12 Août; Voix de l'avenir, 1866, N 33, 19 Août.

[3] Vorbote, 1866, N 8, S. 115—118; Felleisen, 1866, N 8, S. 2—3; Протокольная книга, общее собрание 22 июля, заседания Комитета 24 и 31 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

[4] Voix de l'avenir, 1866, N 31, 5 Août. Датировано 19 июля; Journal de l'Association Internationale des Travailleurs, 1866, N 9, 12 Août.

оба документа Генсовету. «Мы прилагаем здесь все силы,— писал он Юнгу,— чтобы конгресс был открыт и проведен с блеском» [1].

Программа конгресса была принята в 1865 г. Лондонской конференцией в редакции Маркса. Однако в прессе было опубликовано до двух десятков ее различных вариантов, которые отличались порядком расположения вопросов и их числом [2].

В марте-апреле 1866 г. программа была опубликована в воззвании к английским рабочим, составленном Кримером, а летом того же года помещена в изданной по инициативе Маркса брошюре, содержавшей французский перевод программных документов Товарищества. Переводчиком был Ш. Лонге, который поместил тот же текст программы в редактировавшейся им брюссельской газете «La Rive gauche» [3].

В Швейцарии получил распространение проект программы, представленный на Лондонскую конференцию Парижской секцией. Он был опубликован во всех швейцарских органах МТР и лег в основу «Докладной записки» Беккера [4].

Обсуждение и окончательное утверждение программы состоялось на заседаниях Генсовета 17, 24, 31 июля и 21 августа. Доклад по этому вопросу сделал Маркс. Совет утвердил программу в том виде, в каком она была опубликована в «La Rive gauche» с одной поправкой (вопрос о помощи членам Товарищества (п. 12) был соединен с пунктом 1 об интернациональном объединении действий) [5]. Однако официальной публикации ее для распространения среди членов Товарищества не последовало.

Получив от Юнга известие об окончательном отказе Генерального Совета публиковать от своего имени программу [6], женевцы на заседании ЦК 17 августа приняли решение напечатать ее собственными силами [7]. Изданная в виде листовки на

---

[1] Беккер — Юнгу 27 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/1; см. также Беккер — Лесснеру 27 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 185, д. 25/2; Дюпле — Юнгу 18 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 10/1.

[2] Подробнее об этом см. статью В. А. Смирновой в сб.: Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века, с. 109—112.

[3] См.: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Ч. II. М., 1977, с. 32.

[4] Journal de l'Association Internationale des Travailleurs, 1865, N 1, 17 Décembre; Voix de l'avenir, 1865, N 3, 31 Décembre; Vorbote, 1866, N 2, S. 26—27; N 8, S. 123. Повторная публикация в «La Voix de l'avenir», 1866, N 28, 15 Juillet совпадает с текстом «La Rive gauche».

[5] См.: Генеральный Совет I Интернационала. 1864—1866, с. 152—155, 164.

[6] См.: Юнг — Дюпле 14 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 76/19.

[7] См.: Протокольная книга. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

немецком и французском языках, она была за неделю до начала заседаний расклеена на стенах города[1].

В конце августа Маркс написал краткое изложение важнейших пунктов повестки дня, так называемую «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» — «программу лондонских делегатов», как он ее сам назвал[2].

Последним документом, полученным Беккером из Лондона, было письмо Маркса от 31 августа. Его, так же как и «Инструкцию», привезли с собой английские делегаты. В письме Маркс просил Беккера дать Эккариусу «Инструкцию» для перевода на немецкий язык (Маркс написал ее по-английски, Лафарг перевел на французский). Далее Маркс настоятельно рекомендовал Беккеру сделать все от него зависящее, чтобы председателем конгресса был избран Юнг. Это «абсолютно необходимо» не только потому, что Юнг говорит на трех языках, но и потому, что он «является *действительным представителем* Центрального Совета», главой его делегации. Маркс предостерегал Беккера в отношении честолюбивых замыслов члена Генсовета, руководителя крупнейшего профессионального союза и делегата конгресса Оджера, который хочет быть избран председателем конгресса, а затем и Генсовета, раскрыл реформистскую сущность политики вождей английских тред-юнионов, вступивших на путь компромиссов с буржуазными радикалами во время борьбы за избирательную реформу в Англии[3].

Юнг действительно председательствовал на конгрессе. Позднее Беккер писал Лесснеру: «Скажи другу Марксу, что я не оставил без внимания его письмо — Юнг был избран»[4].

Вопрос о представительном составе конгресса чрезвычайно волновал Беккера. Он понимал, как важно было обеспечить участие делегатов от всех национальных отрядов рабочего класса, объединенных в Товариществе. В то же время Беккер отдавал себе отчет в том, что успех конгресса будет зависеть не столько от количества делегатов, сколько от уровня их теоретической подготовки и практического опыта. Присутствие руководящих членов Генсовета марксистского направления

---

[1] Kongreß der Internationalen Arbeiterassociation den 3—9 September 1866 in Genf. Genf, den 26. August 1866. Das Zentralkomite. Французская листовка: Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs. Genève, 26 Août 1866. Comité central de la Suisse romande. Текст программы был снова дан по варианту Парижской секции, как и в более ранних женевских публикациях.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 443.

[3] См. там же, с. 439—440.

[4] Беккер — Лесснеру 28 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/2.

Беккер считал обязательным. Поэтому он настоятельно приглашал на конгресс Маркса и Юнга: «Вы оба должны присутствовать, иначе дело не пойдет!» — писал он в Лондон. Приезда Юнга Беккер и другие женевцы особенно ждали не только потому, что Юнг был единственным швейцарцем в Генеральном Совете и секретарем-корреспондентом для Швейцарии. Он был незаменим благодаря своему знанию языков, ораторскому таланту, осведомленности о положении Товарищества в целом [1].

Беккер также рассчитывал, что приедут Лесснер и Эккариус [2]. Однако Лесснер в письме от 30 июля сообщил ему, что приехать смогут только Юнг и Эккариус. У Лесснера не было средств на поездку. Маркс, который принимал деятельное участие в подготовке конгресса, был по горло занят работой над «Капиталом» и не хотел брать на себя «личную ответственность за руководство» конгрессом [3].

Понимая, что отсутствие Маркса будет большим ударом для Беккера, Лесснер пытался, как мог, ободрить его. «То, что наш друг Маркс не может присутствовать,— писал он 30 июля,— безусловно отрицательно скажется на конгрессе, но я все же надеюсь, что ты и наши друзья вместе с нашими делегатами приложите все усилия, чтобы он прошел успешно... Хотя мы, немцы, делаем больше всех как мыслители, на конгрессе вследствие сложности современных условий представлены очень слабо. Мы должны позаботиться и вдвойне возместить в духовном смысле то, что мы не можем обеспечить количеством» [4].

Говоря о «сложности современных условий», Лесснер имел в виду австро-прусскую войну. Военные действия и мобилизация рабочих в армию прервали налаженные связи, а вызванные войной безработица и нищета лишили многие немецкие секции средств, необходимых для посылки делегатов [5]. С целью возместить их отсутствие Беккер на заседании Комитета Не-

---

[1] См.: Беккер — Юнгу 29 марта, 21 апреля, 27 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 348/4, 6; 303/1; Дюпле — Юнгу 19 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 10/4.

[2] См.: Беккер — Лесснеру 27 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 185, д. 25/2.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 176, 443. О деятельности Маркса и Генерального Совета по подготовке Женевского конгресса подробнее см. в упомянутых работах В. А. Смирновой.

[4] Новый мир, 1964, № 9, с. 193.

[5] См.: Письмо немецкого рабочего из Бреслау Фишера от 6 сентября 1866 г. — Vorbote, 1867, N 3, S. 40—41; Беккер — Лесснеру 19 июля 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 185, д. 25/1; Протокольная книга Немецкой секции. Заседание Комитета 21 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

мецкой секции 24 июля предложил разослать приглашения на конгресс тем немецким деятелям науки, которые, не являясь членами Товарищества, тем не менее, как он считал, по своим убеждениям «принадлежат к нам»[1]. Комитет единодушно одобрил эту идею. В августе Беккер послал такие приглашения лицам, зарекомендовавшим себя сочувственным отношением к рабочим,— естествоиспытателю Л. Бюхнеру в Дармштадт, философу Ф.-А. Ланге в Дуйсбург, историку И. Вутке в Лейпциг, демократам А. Ладендорфу и Ф. Бёйсту в Цюрих, принимавшим участие в рабочем движении, адвокату Мартини в Каукемен (Пруссия). Право принять участие в работе конгресса было специально оговорено для них в документе о порядке проведения конгресса, утвержденном женевским ЦК 17 августа. В нем к участникам рабочего съезда относились не только делегаты, но и «лица, специально приглашенные Центральным комитетом с правом голоса»[2]. Однако никто из этих лиц в Женеву не явился, ограничившись письменными приветствиями и пожеланиями[3]. Факт этот характерен для Беккера, питавшего глубочайшее уважение к науке и готового привлечь к движению любого честного, демократически мыслящего ее представителя, сочувствующего рабочему классу.

Беккер использовал и старые дружеские связи. Он лично пригласил немецкого демократа В. Шили, который в 1865 г. активно действовал в Парижском отделении Товарищества, но к моменту конгресса ни в какой секции не состоял и, следовательно, не мог быть делегатом. Ехать на конгресс как частное лицо Шили не захотел, но прислал для оглашения на конгрессе воззвание против войны[4].

Специальные приглашения были разосланы по инициативе Комитета Немецкой секции массовым швейцарским организациям — немецким рабочим просветительным союзам, Союзу Грютли, обществу наборщиков «Типография», больничной кассе «Конкордия», певческому союзу[5]. Было решено также, что сами члены Комитета будут присутствовать на заседаниях, хотя и без права голоса[6].

---

[1] Протокольная книга. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.
[2] Vorbote, 1866, N 8, S. 119.
[3] Ibid., N 10, S. 142; см. также публикацию этих приветственных посланий в «Vorbote», 1867, N 1, S. 6—9; N 2, S. 23—26; N 3, S. 39—40.
[4] См.: Шили — Толену, Фрибуру и Юнгу 1 сентября 1866 г.; Шили — Беккеру 8 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 15/2, 4, 10.
[5] См.: Протокольная книга. Заседание Комитета 7 августа 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.
[6] См. там же. Заседание Комитета 14 августа 1866 г.

Все эти меры были предприняты, чтобы привлечь к конгрессу общественное мнение широких слоев передовой демократии и рабочего класса.

Но, видимо, эта широкая пропагандистская кампания вызвала известную путаницу среди женевских членов Товарищества относительно порядка представительства на конгрессе. Поэтому Беккер на заседании Комитета 14 августа специально подчеркнул, что право послать официального делегата имеют только секции Товарищества и примкнувшие к нему рабочие общества. Комитет выразил пожелание, чтобы каждое присоединившееся общество, особенно заграничное, прислало одного делегата [1]. За август 1866 г. Беккер разослал с этой целью в Германию и Швейцарию 65 писем [2].

Каковы же были результаты агитационной кампании в Швейцарии? Из 60 делегатов конгресса швейцарцы насчитывали 33 человека (20 — от секций, 13 — от присоединившихся рабочих обществ). Среди них делегаты от немецкого отделения составляли 11 человек. От женевской Немецкой секции на общем собрании 26 августа были избраны Беккер и Карл Хайдт, член Комитета [3]. От немецкого просветительного общества Женевы был избран переплетчик Август Хоппенворт, член Комитета Немецкой секции. Женевское общество плотников представлял В. Рау, вошедший в Комитет Немецкой секции после присоединения общества к Интернационалу [4]. От Цюриха и Ветцикона был делегирован кожевник Карл Бюркли. От немецкой секции Шо-де-Фона — портной Филипп Петер. От немецких рабочих Лозанны прибыли два представителя — от просветительного общества портной Франц Шлайфер, от Союза Грютли — наборщик Петер Эггенвайлер. Смешанные немецко-романские секции Сент-Имье и Сонвилье представлял на конгрессе гравер Адемар Швицгебель, председатель сонвильерской секции. Базельским делегатом был председатель тамошней секции позументщик Йозеф Генрих Фрей. Фриц Мёсснер, столяр-краснодеревщик, прибыл от просветительного общества немецких рабочих Веве.

---

[1] См.: Протокольная книга. ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

[2] См.: Беккер — Юнгу 26 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/3.

[3] Vorbote, 1866, N 8, S. 124. Хайдт, коммерческий агент, один из активных деятелей секции, 17 апреля 1866 г. был назначен кассиром и экспедитором «Vorbote», 8 мая избран в комиссию, занимавшуюся поисками помещения для секции, с 10 апреля — член комиссии по подготовке конгресса (Протокольная книга. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341).

[4] См.: Протокольная книга. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341.

От Романской Швейцарии на конгрессе присутствовало 22 человека. Женевскую Французскую секцию представляли ее председатель переплетчик Дюпле и член Комитета Йозеф Кард (поляк, настоящее имя — Цверзакевич). От секции Шо-де-Фона прибыло 5 делегатов, в том числе ее председатель Кульри. От секции Локля — Джемс Гильом. От женевских рабочих обществ, присоединившихся к МТР, было послано 9 делегатов, в том числе от общества граверов Анри Перре, который с декабря 1866 г. стал секретарем женевской Французской секции, а впоследствии одним из видных руководителей Интернационала в Швейцарии [1].

Германию на конгрессе представляли всего 3 делегата: сапожник Мюллер от Штутгартской секции, точильщик Фридрих Молль от Золингенской и Кёльнской секций и Фридрих Бюттер, который, будучи жителем Швейцарии, получил мандат от Магдебургской секции [2].

Несмотря на усилия Беккера обеспечить представительство от Италии, делегатов от итальянских рабочих на конгрессе не было [3].

* * *

Торжественное открытие конгресса состоялось 3 сентября. Беккер произнес приветственную речь, вызвавшую восторженные аплодисменты присутствовавших [4]. В тот же день на дневном заседании Беккер и Дюпле были избраны вице-председателями.

4 сентября Беккер вошел в комиссию «тринадцати», которой было поручено выработать окончательный текст Уста-

---

[1] Сведения о делегатах см.: La Première Internationale. Recueil de documents publié sous la direction de Jacques Freymond. T. I. Genève, 1962, p. 27—29. Denkschrift der deutschen Abtheilung (Genf) der Internationalen Arbeiterassociation. Экземпляр с подписями немецких делегатов, помеченный 9 сентября 1866 г.

[2] *Dlubek R., Herrmann U.* Die Magdeburger Sektion der I. Internationale... — Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Sonderheft, 1962, S. 200.

[3] См.: *Григорьева И. В.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966, с. 86—87.

[4] Vorbote, 1866, N 9, S. 128—131. Речь была выпущена Беккером также в виде отдельной брошюры по набору «Vorbote»: «Rede Joh. Ph. Becker's bei der Eröffnungsfeierligkeit des Kongresses der Internationalen Arbeiterassociation den 3. September 1866 in Genf».

Секретарь Генсовета Фокс огласил выдержку из нее на заседании 9 октября (Генеральный Совет I Интернационала. 1866—1868, с. 14). Английский перевод речи был помещен в «Commonwealth» N 199, 29 декабря 1866 г.

ва Товарищества на основе Временного Устава, написанного Марксом. В «Vorbote» он отметил, что комиссия справилась со своей задачей за два часа, правда, не без жарких дискуссий. На дневном заседании 5 сентября она представила делегатам конгресса Устав на трех языках. Вначале он был зачитан целиком, а затем, после постатейного обсуждения, принят [1].

Дискуссии, о которых упомянул Беккер, разгорелись вокруг условий приема в Товарищество. В комиссии вопрос был поднят Дюпле, который предложил принимать в Интернационал только рабочих, занимающихся физическим трудом. Беккер, Кульри и Картер выступили в защиту работников умственного труда [2].

Ожесточенные дебаты продолжались и на пленарном заседании. Французские делегаты также настаивали на приеме в МТР только лиц физического труда, чтобы закрыть доступ в Товарищество «интриганам и честолюбцам». Им решительно возражали английские делегаты, немецко-швейцарские (Беккер, Шлайфер, Хоппенворт) и некоторые романцы (Кульри и Вильмье).

Большинство комиссии по Уставу внесло предложение допускать в Товарищество каждого, кто докажет свое положение трудящегося [3]. Беккер, несомненно, принадлежал к этому большинству, поскольку уже в речи на открытии конгресса он высказался в том же духе: «Всякий человек, занимается ли он физическим или умственным трудом, если только он трудится на общее благо, является *трудящимся*... Все мы, собравшиеся здесь, являемся такими трудящимися» [4].

Эккариус настаивал на том, чтобы вообще не давать в Уставе никакого определения понятию «трудящийся» (или «рабочий») и допускать в Товарищество каждого, кто признает и защищает его принципы. После продолжительной дискуссии эта формулировка в конце концов была одобрена с добавлением, которое должно было удовлетворить французов: «Каждое отделение ответственно за безупречность принимаемых им членов» [5].

---

[1] Vorbote, 1866, N 9, S. 136—137. La Première Internationale. Recueil de documents, p. 38—41.

[2] См.: Эккариус — Марксу 5—6 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/2.

[3] La Première Internationale. Recueil de documents, p. 41; Vorbote, 1866, N 10, S. 145.

[4] Vorbote, 1866, N 9, S. 130.

[5] Эккариус — Марксу 5—6 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/2; Vorbote. 1866, N 9, S. 139; Генеральный Совет I Интернационала. 1866—1868, с. 196.

Когда этот вопрос был поднят французами вторично при обсуждении пункта 11 Регламента на дневном заседании 8 сентября, английские делегаты сослались на пример Генерального Совета, куда входят граждане, не являющиеся рабочими, как, например, Маркс, который «всю свою жизнь посвятил делу торжества рабочего класса» [1].

Текст Общего Устава, утвержденного Женевским конгрессом, был напечатан на немецком языке Беккером в сентябрьском номере «Vorbote» и одновременно на французском языке Кардом в его отчете о конгрессе [2].

В комиссию по составлению Регламента, избранную на утреннем заседании 6 сентября, Беккер не вошел. Однако в октябре 1867 г. Эккариус написал Марксу, что составителями [Redakteure] Регламента были он, Беккер, Бюркли и Кульри [3]. Или это ошибка, или Беккер все же в какой-то форме участвовал в работе комиссии.

Во всяком случае, некоторые соображения относительно усовершенствования организационной структуры Товарищества, содержавшиеся в его выступлениях на конгрессе, несомнен-

---

[1] La Première Internationale. Recueil de documents, p. 55—56.

[2] Vorbote, 1866, N 9, S. 137—139; La Première Internationale. Recueil de documents, p. 61—84. В некоторых работах Беккера называют инициатором еще одного издания Устава, принятого конгрессом, — в виде листовки, год и место выхода которой не обозначены (Generalstatuten der Internationalen Arbeiter-Association). Анализ текста этой листовки показывает, что она идентична публикации в «Vorbote», однако печаталась не по набору журнала, как, например, речь Беккера при открытии конгресса. Расположение материала в листовке и ее орфография достаточно сильно отличаются от текста «Vorbote». Причем листовка явно набиралась не до, а после журнальной публикации, так как в ней отсутствуют орфографические ошибки и опечатки, изобилующие в тексте «Vorbote». Сравнение листовки с текстом Устава, опубликованного Беккером в мае 1867 г. (General-Statuten, zugefügte Reglemente und Zentral-Statuten der Sektionsgruppe deutscher Sprache der Internationalen Arbeitergenossenschaft. Genf, 1867), еще раз подтверждает предположение, что она набиралась не в женевской типографии, печатавшей центральный орган и другие документы Группы секций немецкого языка. Женевское издание 1867 г. — это перепечатка из «Vorbote», сохранившая особенности орфографии, хотя явные опечатки здесь уже исправлены. Таким образом, листовка была издана либо в конце 1866, либо в 1867 г., но не в Женеве, а, возможно, в Цюрихе. На мысль об этом наводит следующая фраза из письма швейцарца Морфа, пропагандировавшего Интернационал среди рабочих Генуи, Беккеру от 27 декабря 1866 г.: «Вы сможете переслать мне требуемый Устав или я должен писать прямо в Цюрих?» (Морф — Беккеру 27 декабря 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 185, д. 66).

[3] См.: Эккариус — Марксу 14 октября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 6375.

но были учтены при разработке Регламента. Так, на утреннем заседании 4 сентября после отчетов английской и французской делегаций об их деятельности, он предложил, чтобы секции представляли подобные отчеты своим центральным комитетам, а те — Генеральному Совету, который, в свою очередь, составлял бы общий отчет на трех языках для всего Товарищества.

Беккер считал также, что следует выработать отдельные уставы для секций, центральных комитетов и Генерального Совета[1]. Эти предложения конкретизировали идею консолидации секций Товарищества в масштабах отдельной страны, содержавшуюся в 7 пункте Временного Устава, и нашли отражение в пунктах 5 и 14 Организационного регламента[2]. В пункте 5 был зафиксирован швейцарский опыт организации центральных советов для групп секций, в которых говорят на одном языке.

Обсуждение и принятие Регламента состоялось на дневном заседании 8 сентября, причем пункт 2 был принят с поправкой Беккера[3]. Беккер опубликовал текст Регламента в сентябрьском номере «Vorbote» вслед за Уставом[4]. В комментарии он отметил, что рабочие делегаты, несмотря на трудности трехъязычного обсуждения, справились с одним из основных пунктов повестки дня в два заседания, в то время как «мудрецы» в учредительных и законодательных собраниях тратят на те же вопросы месяцы[5].

Принятие Устава и Регламента Женевским конгрессом означало одобрение основополагающих принципов Товарищества, изложенных Марксом в преамбуле к Уставу, и утверждение основ его организационной структуры.

По программным вопросам было представлено четыре документа. Английские делегаты привезли доклад Генерального Совета — Марксову «Инструкцию делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам», немецко-швейцарская группа представила беккеровскую «Докладную записку»[6],

---

[1] Protokolle des Kongresses in Genf der Internationalen Arbeiter-Assoziation, soweit es auf deutsch verhandelt worden (немецкий протокол). — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 14, 548.

[3] Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs (французский протокол). — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995. Текст поправки в протоколах не сохранился.

[4] Vorbote, 1866, N 9, S. 139—140.

[5] Ibid., N 10, S. 141.

[6] Denkschrift der deutschen Abtheilung (Genf) der Internationalen Arbeiterassoziation. Записка содержала подробное изложение 11 пунктов

парижане — «Мемуар» [1], наконец, свой особый доклад привезли лионцы [2].

Фактически на конгрессе по программным вопросам противостояли две точки зрения — марксистская, изложенная в «Инструкции», и прудонистская, представленная парижским «Мемуаром», содержавшим основные идеи Прудона и его последователей. В лионском докладе, несмотря на его более революционный характер (в частности, он решительно поддержал пункт программы о необходимости восстановления независимой Польши), экономические проблемы трактовались в прудонистском духе. Что касается беккеровской «Докладной записки», то многие ее выводы были созвучны, а иногда и полностью совпадали с идеями Марксовой «Инструкции». Таковы, например, положение о необходимости пропаганды интернациональной солидарности рабочих, требование 8-часового рабочего дня и уничтожения всех косвенных налогов, оценка роли кооперативного движения в борьбе рабочего класса за свое освобождение, провозглашение необходимости обязательного и бесплатного образования детей в сочетании с ремесленным обучением, предложение о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа.

Несмотря на то что Беккер повторил в «Записке» весь арсенал усвоенных у Лассаля понятий — всеобщее избирательное право и свободное народное государство, железный закон заработной платы и вытекающая из него ограниченная роль стачек, наконец, замена заработной платы продуктом труда, несмотря на все это, он сделал в ней тот решающий шаг, который безоговорочно поставил его в ряды проводников линии Маркса в Международном Товариществе Рабочих. Уничтожение частной собственности и коллективный труд как форма организации экономического строя общества будущего провозглашались им и ранее. Но именно в этом документе он, несомненно под влиянием «Учредительного Манифеста» Маркса, впервые от-

---

программы в том виде, в каком они были сформулированы Парижским правлением (La Première Internationale. Recueil de documents, p. 18—19). «Докладная записка», написанная Беккером накануне Лондонской конференции, была подробно обсуждена на заседаниях Комитета Немецкой секции и принята на общем собрании 17 сентября 1865 г. (Протокольная книга. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 341). Беккер опубликовал ее после конференции в семи номерах «Vorbote» с февраля по август 1866 г. Сообщение об этой публикации было сделано Фоксом на заседании Генсовета 7 августа 1866 г. (Генеральный Совет. 1864—1866, с. 158).

[1] Mémoire des délégués français au Congrès de Genève (La Première Internationale. Recueil de documents, p. 85—108).

[2] Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995.

крыто признал необходимость завоевания пролетариатом политической власти. Этот тезис, решающий для оценки теоретической позиции того или иного деятеля Интернационала, сразу определил сторону, на которую встал Беккер в борьбе марксизма и прудонизма на конгрессе.

Правда, давая сравнительную характеристику докладов в своем отчете о конгрессе, Беккер прежде всего отметил «поразительное единство» «существа их стремлений» и выразил надежду, что оно повлечет за собой «единство действий» [1]. Тут сказалась свойственная ему склонность к поискам компромиссных решений, желание найти точки соприкосновения между различными взглядами.

Тем не менее он увидел и существенные различия между докладами. Немецкая записка носит пропагандистский характер, писал он, имея в виду документ, составленный им самим. Она формулирует идеал общечеловеческих стремлений, наряду с физическими потребностями пробуждает нравственные и призывает к их гармоническому развитию. Короче говоря, ее задача — проделать необходимую предварительную работу, вовлечь массы рабочих в движение.

Английская записка (так Беккер называл написанную Марксом «Инструкцию») исходит из того, что эта предварительная стадия уже пройдена, достигнут определенный уровень сознания и можно приступать прямо к делу. Для нее характерно проникновение в суть вопросов и практическая направленность. Развитые промышленные отношения Англии, ожесточенная повседневная борьба между трудом и капиталом вполне объясняют особенности этого документа, писал Беккер.

Характерной чертой французской записки он считал «озабоченность» проблемой «отечественного деспотизма». Чтобы не поставить под удар существование Товарищества в стране, а вместе с тем не исказить принципы и сохранить убеждения, которые не могут быть прямо высказаны при существующих условиях, «Мемуар» предпочитает вообще умолчать о них [2]. Это высказывание в весьма дипломатической форме выражало неудовлетворенность французским документом. Беккер не осуждал открыто прудонистские концепции, изложенные в «Мемуаре». Он лишь констатировал отсутствие в нем иных принципов и пытался объяснить этот факт ссылкой на трудные условия, в которые поставлены французские интернационалисты.

---

[1] Vorbote, 1866, N 9, S. 136.
[2] Ibid., N 10, S. 142—144.

Таким образом, и при характеристике различий между представленными конгрессу документами Беккер не отметил принципиального значения этих расхождений.

Парижский «Мемуар» и «Инструкция» Маркса были оглашены на заседаниях 4 сентября[1].

Что касается лионской записки, то, согласно французскому протоколу, лионские делегаты отказались от ее оглашения, поскольку сочли, что их взгляды полностью отражены в парижском документе. Однако Беккер в «Vorbote» сообщал, что записка все же была зачитана, причем выслушана с большим вниманием и вызвала одобрение делегатов. Он подчеркнул, что в ней дана острая критика условий, в которых находится современный рабочий, и что она будет способствовать осознанию рабочим классом своих задач[2].

Немецко-швейцарская делегация в целях экономии времени решила не оглашать на конгрессе свою «Докладную записку», хотя вначале такое намерение у нее было[3]. Делегаты постановили в случае необходимости зачитывать лишь отдельные выдержки из нее. Было решено также до сдачи «Докладной записки» в архив конгресса подписать ее всей делегацией[4].

На утреннем заседании 5 сентября конгресс принял решение утвердить в качестве повестки дня программу, принятую Лондонской конференцией, и в основу обсуждения положить ее разработку в английском докладе[5]. Беккер, не присутствовавший на этом заседании, приветствовал это постановление[6].

---

[1] La Première Internationale. Recueil de documents, p. 37—38.

[2] Vorbote, 1866, N 11, S. 161.

[3] Ibid., N 10, S. 136, 143; Эккариус — Марксу 5—6 сентября 1866 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/2.

[4] Vorbote, 1866, N 11, S. 143. Сохранился экземпляр «Докладной записки», склеенный из вырезанных страниц «Vorbote» и подписанный 14 делегатами немецкого отделения. Подписи датированы 9 сентября 1866 г. Тринадцать из них являются автографами. Подпись Фрея, делегата Базельской секции, сделана рукой Беккера, поскольку Фрей покинул Женеву 7 сентября 1866 г. (Фрей — Женевскому конгрессу 7 сентября 1866 г.; Фрей — Беккеру 24 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 11/3 и 33/34). Не исключено, что именно этот экземпляр фигурировал на утреннем заседании конгресса 8 сентября, когда один из делегатов при обсуждении соответствующих пунктов программы зачитывал выдержки из «немецкой брошюры» (Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995).

[5] Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995. Повестку дня огласил Юнг как председатель конгресса. Она несколько отличалась от «Инструкции» порядком пунктов, а по формулировкам соответствовала в основном ее французскому варианту.

[6] Vorbote, 1866, N 10, S. 142; La Première Internationale. Recueil de documents, p. 39.

Немецко-швейцарская делегация приняла специальное решение присоединиться к позиции, выраженной в английском докладе. Ее члены постановили защищать доклад Генсовета, если окажется, что он может не собрать большинства голосов [1].

Это решение определило позицию делегатов немецкого отделения на Женевском конгрессе, их безусловную поддержку точки зрения Генсовета. Оно повлияло на ход дебатов и в немалой степени на результаты конгресса, обеспечив принятие основных положений Марксовой «Инструкции». Главная заслуга в объединении делегатов-немцев на основе этого документа, несомненно, принадлежала Беккеру.

При чтении протоколов конгресса бросается в глаза сравнительно небольшая активность немецких и немецко-швейцарских делегатов. Основными ораторами, если судить в особенности по французскому протоколу, выступали англичане и французы. Объясняется эта диспропорция, видимо, двумя причинами.

Во-первых, выступления делегатов, говоривших по-немецки, должны были быть полностью отражены в протоколе, который велся на этом языке. Однако немецкий секретарь Молль не справился со своей задачей. Хотя в его записях фигурируют некоторые выступления немецких делегатов, отсутствующие во французском протоколе, в целом они отличаются излишней краткостью и скудостью информации. Беккер писал Марксу по этому поводу: «Нам сильно не повезло с немецким секретарем конгресса (Молль), ввиду его полной непригодности к этому посту, и поэтому в протоколе вы ничего не найдете или найдете очень мало о деятельности немецкой и немецко-швейцарской делегации. Однако при составлении отчета Вам может помочь мое описание конгресса в «Vorbote»» [2].

Во-вторых, делегаты немецко-швейцарской группы, руководствуясь упомянутым выше решением, видимо, не выступали в прениях в случае, если предложения Генсовета не наталкивались на решительную оппозицию со стороны французов.

Дебаты на конгрессе носили иногда довольно бурный характер. Делегатам Генсовета и их сторонникам пришлось выдержать «жестокую схватку с парижанами», писал Марксу Эккариус. Юнг также сообщал, что они были вынуждены «по-

---

[1] Vorbote, 1866, N 10, S. 143.

[2] Беккер — Марксу 15 ноября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/5; см. также: Беккер — Юнгу 28 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/3.

тратить немало сил в борьбе с утопиями блестящей молодежи». Им как основным ораторам, защищавшим позицию Генсовета перед аудиторией, понимавшей только по-французски или по-немецки, пришлось особенно трудно. На третий день заседаний оба охрипли [1].

Поведение швейцарских делегатов, как по существу, так и по форме, вызвало одобрение со стороны членов Генсовета. Уже после окончания конгресса, подводя его итоги, Эккариус отмечал: «Швейцарцы, как романцы, так и немцы, ни слова не говорящие по-английски, выглядят людьми, у которых такта больше, чем у французов» [2].

Дебаты по программе начались 8 сентября с пункта 2 «Интернациональное объединение действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом». Этот пункт «Инструкции» был единогласно одобрен. Однако во время его обсуждения вспыхнула бурная дискуссия о взаимоотношении двух форм экономической борьбы рабочего класса — стачек и кооперации (ассоциации). В «Инструкции» Маркса кооперации был посвящен специальный пункт 5, стачки же лишь вскользь упоминались во втором параграфе, причем значение их в борьбе рабочих не было раскрыто. Экономическое обоснование роли стачек и профессиональных союзов, сделанное Марксом во время дискуссии о заработной плате на заседании Генерального Совета в 1865 г. [3], осталось неизвестным в местных секциях. Однако на конгрессе его идеи прозвучали в выступлениях членов Генерального Совета Юнга и Дюпона.

Английские делегаты — тред-юнионисты (Лоренс, Кример, Оджер), для которых стачки являлись старым испытанным средством борьбы, вопрос об их целесообразности не поднимали. Они пытались использовать конгресс для выработки практических мер с целью успешного проведения стачек (борьба со штрейкбрехерством, взаимная информация рабочих различных стран об условиях труда и т. д.).

---

[1] См.: Эккариус — Марксу 5—6 сентября 1866 г.; Юнг — Марксу 5 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/2, 3.

[2] Эккариус — Марксу 10 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/4. Характеристику французских делегатов Маркс дал в письме Кугельману 9 октября 1866 г.: «У господ парижан головы набиты пустейшими прудонистскими фразами... Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, напыщенные, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 444).

[3] См. там же, т. 16, с. 101—155.

Французские прудонисты (Толен, Шемале, Камелина) и их единомышленники из Романской Швейцарии (Кульри, Кард) с точки зрения теоретической осудили стачку, высказавшись в пользу ассоциации.

Им возражали члены Генсовета Юнг и Дюпон. Основываясь на опыте английских рабочих, они доказывали необходимость стачек и их преимущество перед кооперацией. Юнг заявил, что стачки являются «актами защиты против бессовестных посягательств хозяев» и благодаря увеличению заработной платы и сокращению рабочего дня приносят рабочим больше выгод, чем было затрачено на них средств. Дюпон доказывал преимущество стачек перед ассоциацией в деле организации рабочих. Отвечая на прудонистское теоретическое обоснование бесполезности стачек, он заявил: «Если даже и осуждать стачку в принципе, ее необходимо признать как единственное средство борьбы, которым располагает рабочий класс» [1].

Беккер принял активное участие в обсуждении этого пункта программы. Он внес дополнительную резолюцию, которая была принята 19 голосами против 14: «Рабочим обществам во всех частях света предлагается установить связь между собой через посредство Генерального Совета и информировать друг друга о ставках заработной платы, продолжительности рабочего дня, порядке найма рабочих и т. д. Возможно, таким образом удастся соответственно уравнять ставки заработной платы в разных странах. Так как вопрос о заработной плате является не национальным, а интернациональным, мы предлагаем рабочим различных стран оказывать, насколько это возможно, поддержку друг другу через посредство Генерального Совета в повседневной борьбе с капиталом. Таким образом они помешают предпринимателям вербовать иностранных рабочих во время социальных боев рабочих своей страны» [2].

Резолюция была выдержана в духе «Инструкции» и включала предложения, содержавшиеся в выступлениях английских делегатов — тред-юнионистов.

Свою точку зрения относительно стачек и кооперации Беккер высказал еще в «Докладной записке». В ней он подчеркнул, что кооперативное движение не может стать той силой, которая освободит рабочий класс. «Да, среди рабочих теперь популярен «волшебный рецепт», гласящий: «Благодаря кооперативным товариществам рабочий сделается капиталистом и тем самым будет преодолен антагонизм (антипатия) между

---

[1] La Première Internationale. Recueil de documents, p. 44—45.
[2] Ibid., p. 45.

трудом и капиталом. Это заблуждение может стать для рабочего класса более опасным, чем все насильственные меры его противников. Если рабочий класс прибегнет к кооперации без ясного понимания того, *что при современном положении нашего экономического и политического строя — при господстве капитала — для его спасения возможны и необходимы не реформы, а полный переворот, хотя и происходящий постепенно,* то, лишившись своей сладкой иллюзии, а это неизбежно случится, он станет жертвой расслабляющего разочарования и тупого отчаяния...» «Кооперативные стремления» должны быть дополнены «революционным сознанием», т. е. переворот в социальной области неразрывно связан с политическим переустройством. «Труду должно принадлежать государство, а государству — капитал... Только тогда продукт труда будет принадлежать труду... *Поэтому,* — заключал Беккер, — *рабочий класс — социал-демократическая партия — должен прежде всего завоевать политическую власть»* [1].

Таким образом, только полный социальный и политический переворот может стать предпосылкой установления системы *кооперативного, коллективного труда,* которую Беккер считал основной формой организации производства в будущем социалистическом обществе [2].

Насколько близко подошел Беккер к марксистскому пониманию кооперации, показывает сравнение его высказываний в «Докладной записке» с формулировкой «Инструкции»: «Кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя,* которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям» [3].

При обсуждении пункта программы о кооперативном труде Беккер не выступал. Однако в отчете в «Vorbote» он приводит запись своей речи, которую он произнес по другому поводу, но в которой затрагиваются проблемы кооперации. Он считал, «что все кооперативные учреждения, производственные, потребительские и взаимопомощи, должны быть организованы так, чтобы можно было путем прямого взаимного обмена про-

---

[1] Vorbote, 1866, N 6, S. 87—88.
[2] Ibid., N 2, S. 20, 31.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 199.

дуктами (готовыми товарами и сырьем) между производителями и потребителями различных стран устранить грабительскую спекуляцию и паразитическое посредничество» [1].

В речи Беккера, при внешне прудонистском налете, чувствуется лишь стремление практического работника добиться разумной постановки дела. Высказывая пожелание о «прямом обмене продуктами», он отнюдь не намеревался таким образом разрешить противоречия капиталистического способа производства.

Мысли, высказанные Беккером о кооперации в «Докладной записке», нашли более полное отражение в дискуссии о стачках. Свою позицию относительно стачек Беккер осветил в той же «Записке». Признавая, что рабочие имеют неоспоримое право на стачки, он считал их бесполезными, поскольку они не в состоянии повлиять на уровень заработной платы, который регулируется «неумолимым» законом спроса и предложения (лассалевский «железный» закон). В лучшем случае стачки могут лишь временно отсрочить нужду [2].

На Женевском конгрессе он выступил в том же духе. В немецком протоколе его речь о стачках была изложена кратко: «Гражданин Беккер говорит о так называемых стачках следующее: их нужно рассматривать скорее как помощь в нужде, чем как средство сломить мощь капитала... Для того чтобы добиться *действительного* улучшения положения рабочего, нужно заменить *заработную плату продуктом труда*» [3].

Разделяя лассалевский скептицизм в отношении стачек, Беккер по этому вопросу оказался на конгрессе в одном лагере с прудонистами. В своем отчете в «Vorbote», резюмируя дискуссию о стачках, он поместил себя в один ряд с ними: «Хотя все эти предложения (по 2 пункту «Инструкции») принимаются при всеобщем одобрении, однако многие ораторы (Кульри, Кард, Толен, Фрибур, Беккер) полагают, что стачка (Grève), которой касались в этой дискуссии, как бы она ни была оправдана, ни в коей мере не может быть рекомендована рабочим как средство улучшения их положения. Эта цель могла бы быть достигнута только заменой заработной платы продуктом труда, а пока, пожалуй, наиболее успешно путем основания производственных товариществ на основе взаимности и взаимных обязательств» [4].

---

[1] Vorbote, 1866, N 11, S. 164—165.
[2] Ibid., N 4, S. 57.
[3] Protokolle. Заседание 6 сентября 1866 г. (день). — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995.
[4] Vorbote, 1866, N 10, S. 146.

Однако ставить знак равенства между Беккером и прудонистами на основании вышеприведенных высказываний нельзя. Он изложил здесь не прудонистское, а свое собственное кредо: ни стачки, ни кооперация не смогут уничтожить капиталистический строй («сломить мощь капитала») и привести рабочих к победе социализма («замена заработной платы продуктом труда» — этот лассалевский лозунг в системе взглядов Беккера является синонимом социалистического общества). В «Докладной записке» он ясно сказал, что сделать это сможет только пролетарская революция, завоевание политической власти рабочим классом. Что же касается временного улучшения положения рабочих при существующих условиях, то Беккер отдал здесь предпочтение кооперации перед стачками [1].

Чтобы нагляднее продемонстрировать отличие его точки зрения от взглядов прудонистов, достаточно сравнить упомянутое место из его отчета с соответствующим резюме в отчете Карда. Последний также объединяет Беккера с прудонистами, но излагает их взгляды несколько иначе. «Они говорят,— пишет Кард,— что стачки отнюдь не в состоянии разрешить социальную проблему и что цель Товарищества — упразднение наемного труда — может быть достигнута только с помощью ассоциации, и главным образом производственной ассоциации. Капитал должен перейти в руки рабочих» [2]. Здесь ассоциация — не временная мера, служащая облегчению положения рабочих, а радикальное средство преобразования общественного строя.

Выступления представителей Генерального Совета в защиту стачек, несомненно, произвели впечатление на всех делегатов как логикой рассуждений, так и приведенными фактами из практики английского рабочего движения.

Категорически выступить против стачек французские прудонисты не решились, признав в своей резолюции за рабочими право «оказывать друг другу взаимную помощь в отстаивании заработной платы». Провозглашая более высокую цель — «упразднение наемного труда», они рекомендовали «изучить средства экономической борьбы, основанные на справедливости и взаимности» [3].

Эта туманная резолюция была принята, так же как и резолюция, предложенная Дюпоном в пользу стачек. Резолюция

---

[1] Подробнее о взглядах Беккера на кооперацию и стачки см.: *Особова И. П.* Беккер и прудонизм. — В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977.

[2] La Première Internationale. Recueil de documents, p. 71.

[3] Ibid., p. 45—46, 71.

Дюпона отсутствует в протоколах, но ее смысл передают в своих отчетах Беккер и Кард.

В «Vorbote» мы читаем: «Они (делегаты. — *И. О.*) объявили стачку в определенных случаях борьбы труда и капитала необходимым боевым средством, которое часто кладет предел неуемной алчности предпринимателей в снижении заработной платы и увеличении продолжительности рабочего дня, приучает самих рабочих к совместным действиям и приводит иногда к созданию производственных товариществ» [1].

Если не считать упоминания о кооперативных товариществах, то все остальные положения этой резолюции мы находим в выступлениях Юнга и Дюпона. Текст резолюции в формулировке Беккера выгодно отличается от резюме Карда [2]. Он свидетельствует, что Беккер глубоко проанализировал позицию членов Генсовета и солидаризировался с ней, несмотря на лассальянское теоретизирование по поводу стачек.

7 сентября на утреннем заседании были обсуждены 5 пунктов повестки дня: о тред-юнионах, кооперации, прямых и косвенных налогах, интернациональном кредите и ограничении рабочего дня.

Одним из важнейших достижений Женевского конгресса было одобрение резолюции о профессиональных союзах, предложенной в докладе Генсовета. Профсоюзы, говорилось в ней, должны «сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его *полное освобождение»* [3]. Этот пункт «Инструкции» был принят единогласно и, как отмечал Беккер в своем отчете, почти без прений [4].

Обсуждение вопроса о кооперации также прошло спокойно. В отчете Беккера говорилось, что формулировка этого пункта в докладе Генсовета вызвала «всеобщее одобрение». Пункт был принят «единогласно, без какой-либо заслуживающей упоминания дискуссии» [5].

Вопрос об ограничении рабочего дня вызвал оживленную дискуссию. Если судить по отчету в «Vorbote», то вначале

---

[1] Vorbote, 1866, N 10, S. 146—147. Беккер пишет, что резолюция была «сформулирована в таком духе делегатом Генсовета Дюпоном».

[2] «Тем не менее они признают стачку как временную необходимую меру, как законное средство борьбы в современных условиях» (La Première Internationale. Recueil de documents, p. 71).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 201. О значении этого решения см. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 171.

[4] Vorbote, 1866, N 11, S. 163.

[5] Ibid., N 10, S. 154.

французы и кое-кто из романцев (Кульри, Вильмье) высказались за 10-часовой рабочий день. Лишь решительная оппозиция со стороны английских, немецких и немецко-швейцарских делегатов вынудила их изменить точку зрения. Большинством голосов прошло предложение Генсовета, причем поддержка делегатов немецкого отделения была весьма решительной.

Беккер от имени немецких и немецко-швейцарских делегатов заявил, что требование 8-часового рабочего дня стоит в их программе, но чтобы не отнимать времени у конгресса, он не зачитывает этот пункт «Докладной записки», а целиком присоединяется к предложению Генсовета. Решительно высказались в поддержку Генсовета также и другие делегаты немецкого отделения — Шлайфер, Бюттер, Бюркли, Хоппенворт, Петер, Мюллер.

В немецком протоколе приведен текст предложения Беккера, также принятого конгрессом, в котором он пытался сочетать чистоту принципа с гибкостью при его практическом применении: «Конгресс признает 8-часовой рабочий день, но пока предоставляет различным группам рабочих самим решать, в зависимости от обстоятельств и существующих препятствий, могут они его ввести или нет». Объяснение этой резолюции мы находим в замечании, сделанном в отчете «Vorbote». Оказывается, некоторые делегаты полагали, что если конгресс примет пункт о 8-часовом рабочем дне, то ни один член Товарищества не должен будет впредь работать там, где продолжительность рабочего дня превышает восемь часов [1].

На дневном заседании 7 сентября обсуждался вопрос о женском и детском труде.

Маркс в «Инструкции» проблему женского труда специально не рассматривал. Соответствующий пункт 4 этого документа был им озаглавлен «Труд детей и подростков (обоего пола)» [2] и касался проблем воспитания, образования и условий привлечения к общественному производству детей и подростков из рабочего класса (до 17 лет включительно). Разумеется, принципиальное положение этого параграфа о прогрессивной тенденции современной промышленности вовлекать в производство молодежь обоего пола можно было в известной степени распространить и на женщин.

Кроме того, в параграфе об ограничении рабочего дня Маркс сформулировал требование о запрещении женского тру-

---

[1] Vorbote, 1866, N 10, S. 147—149. Protokolle (7 сентября 1866, день). — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995; La Première Internationale. Recueil de documents, p. 47—49.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 197.

да в отраслях производства, вредных для женского организма. Эти высказывания свидетельствовали об определенной позиции Маркса в женском вопросе, однако фактом остается отсутствие специального анализа этой проблемы в «Инструкции». Дюпон, который зачитывал 4 пункт, в своей речи остановился исключительно на положении учеников в мастерских.

Прудонистское большинство (Толен, Фрибур, Шемале) и романцы (Кульри) в духе реакционных воззрений Прудона безоговорочно осудили труд женщин в промышленности как причину их физической и моральной деградации и разрушения семьи. Они заявили, что место женщины — у семейного очага, ее общественная обязанность — воспитание детей.

Левопрудонистское меньшинство французской делегации (Варлен, Бурдон) выступило с решительным возражением против этой декларации. Они считали, что женщине необходимо предоставить возможность зарабатывать себе на жизнь, что нужна лучшая организация женского труда, а не осуждение его.

Член английской делегации Лоренс подчеркнул, что тенденция современной промышленности заключается в вовлечении женщин и детей в общественное производство. Необходимо протестовать против той эксплуатации, какой женщина подвергается в капиталистическом обществе, а не отвергать женский труд в принципе, заявил Лоренс.

Представители немецкого отделения в своих выступлениях основывались на соответствующем пункте «Докладной записки», в котором выдвигалось требование запретить фабричный труд детей и женщин, так как он в условиях капиталистического общества оказывает вредное влияние на их здоровье и нравственность и, кроме того, снижает заработную плату рабочих-мужчин. «Записка» ограничивала обязанности женщины ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей.

«Записка» подчеркивала, что «вопрос об освобождении женщины и о воспитании юношества *будет решен разумно и окончательно с освобождением всего рабочего класса — созданием свободного народного государства»* [1].

Беккер заявил, что немцы одобряют предложение большинства французской делегации. Однако выступления защитников женского труда, судя по отчету в «Vorbote», произвели на Беккера определенное впечатление. Во всяком случае, в отчете нет упоминаний о его собственной речи, а относительно резолюции Варлена и Бурдона сказано, что «это предложение,

---

[1] Vorbote, 1866, N 3, S. 45.

в сравнении с предыдущим (Толена и Фрибура. — *И. О.*), больше соответствует современным условиям и духу предложения Генсовета» [1].

За резолюцию левых прудонистов проголосовало 13 человек, против — 21. Предложение правых прудонистов прошло абсолютным большинством (против — 3 голоса) [2].

Интересно сопоставить резюме Беккера с выводами Карда в его брошюре. Кард считал, что доклад Генсовета касался труда женщин и детей [3], причем он не увидел, как Беккер, принципиального различия между позицией Генсовета и большинства французской делегации. Наоборот, он утверждал, что конгресс одобрил резолюции, «соответствующие предложениям лондонского Центрального комитета и французских делегаций, которые в принципе осудили труд женщин на фабриках как причину вырождения человеческой расы и ее деморализации; они осудили также чрезмерный труд детей» [4].

Относительно воспитания детей точка зрения немецких делегатов, выраженная в «Докладной записке» — обязательное бесплатное школьное образование в сочетании с обучением ремеслу, совпадала с предложениями Генсовета. Меньшинство французской делегации стояло на той же позиции. Правые прудонисты с их требованием домашнего воспитания детей оказались в явном меньшинстве и не решились выставить его на голосование. В своей резолюции они ограничились указанием на то, что профессиональное образование должно быть как теоретическим, так и практическим. О труде детей было принято предложение Генсовета и резолюция парижского большинства.

По вопросу об армиях соответствующий пункт «Инструкции» констатировал гибельное влияние постоянных армий на производство, провозглашал требование всеобщего вооружения народа и допускал как временную меру существование небольших постоянных армий в качестве школы для обучения командного состава милиции.

При обсуждении этого вопроса немецкие делегаты были весьма активны. Для них проблема всеобщего вооружения народа была в высшей степени злободневной. Только что закон-

---

[1] Vorbote, 1866, N 10, S. 152.

[2] Дебаты по вопросу о женском и детском труде см.: Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995; La Première Internationale. Recueil de documents, p. 49—51; Vorbote, 1866, N 10, S. 151—153.

[3] То же утверждение содержится и в тексте французского протокола (La Première Internationale. Recueil de documents, p. 50).

[4] Ibid., p. 76.

чившаяся австро-прусская война показала стремление прусского правительства взять объединение Германии в свои руки, не дать народу вмешаться в процесс национальной консолидации.

Предложения Генсовета полностью соответствовали теории и практике немецкого отделения. В «Докладной записке» Беккер с помощью цифровых данных доказал преимущество системы милиции, основанной на всеобщем вооружении народа, перед системой постоянных армий[1]. Бюттер (согласно отчету в «Vorbote» — Шлайфер) зачитал эти сведения во время дискуссии.

При женевской Немецкой секции был организован военный кружок, где опытные офицеры обучали молодежь военному делу. Хайдт, поддержанный Рау и Бюркли, предложил создавать везде, где позволят обстоятельства, такие кружки, а там, где правительство запретит их, использовать для этих целей гимнастические общества. В поддержку предложений Генсовета выступили и другие немецкие делегаты (Хоппенворт, Петер), а также романцы (Вильмье и Кульри).

Конгресс одобрил резолюцию, предложенную Генсоветом, а также дополнения, внесенные немецкими делегатами[2].

По вопросу о религии немецкие делегаты также приняли активное участие в дискуссии.

Бюттер (согласно отчету в «Vorbote» — Шлайфер) зачитал соответствующий текст из «Докладной записки», в котором показывалось различие между религией и моралью и необходимость их полного разделения. Он выразил свое негодование по поводу вредного влияния духовенства.

Мюллер говорил о необходимости просвещения деревенского населения, в особенности женщин, среди которых особенно широко распространены религиозные предрассудки.

Наиболее радикальное предложение внесли Швицгебель и Вильмье: конгресс «требует свободы совести, отделения церкви от государства и устранения в школах духовного обучения». В этом же духе выступил Кульри.

Однако ряд ораторов — Оджер, Толен и Беккер предложили действовать в духе высказанных мнений, но специальной резолюции по этому вопросу не принимать. Будучи убежденным атеистом, Беккер, видимо, считал, что антирелигиозная резолюция лишь обострит отношения МТР с верующими. Конгресс констатировал свое единодушие в стремлении освободить чело-

---

[1] Vorbote, 1866, N 7, 8, S. 107—109, 121—122.

[2] Protokolle, Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995; Vorbote, 1866, N 11, S. 168—169.

вечество от влияния религии и перешел к следующему вопросу [1].

По польскому вопросу выявились две полярно противоположные точки зрения. Позиция Генерального Совета была обоснована в «Инструкции»: восстановление демократической Польши изменит положение в Европе, что в свою очередь создаст благоприятные условия для рабочего движения, которое «всегда будет встречать преграды, терпеть поражения и развитие его будет задерживаться, пока остается нерешенным этот важный европейский вопрос» [2].

Фрибур от имени французской делегации предложил не впутываться в сложный национальный вопрос и совсем не ставить этот пункт на голосование. Достаточно простого разъяснения, заявил он, что Товарищество ненавидит деспотизм всякого рода и требует освобождения как русского, так и польского народа, отвергая политику противопоставления одного народа другому. К этому мнению присоединился Дюпле, заявив, что вопрос представляет интерес лишь для немцев [3].

Позицию Генсовета защищали Эккариус, Оджер и Картер. Они напомнили, что именно манифестация в пользу Польши послужила поводом для объединения европейских рабочих и основания Международного Товарищества [4].

Этот пункт не был освещен в «Докладной записке». Но поскольку предложение Генсовета подверглось серьезной оппозиции, в его защиту решительно выступили делегаты немецкого отделения во главе с Беккером (Швицгебель, Мёсснер, Эгенвайлер и другие), а также некоторые представители романских секций (Кард, Кульри, Вильмье).

Беккер произнес страстную речь в защиту польского дела. Он заявил, что поражен черствостью, проявленной делегатами при обсуждении этого вопроса, который затрагивает не только немецкие интересы. Отвечая Фрибуру, Беккер сказал, что Товарищество, разумеется, выступает против всякого абсолютизма и его целью является освобождение всех угнетенных народов. Однако освобождение польского народа ускорит освобождение русского. Охарактеризовав внутреннее и внешнее по-

---

[1] Protokolle, Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995; Vorbote, 1866, N 11, S. 169—170.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 202.

[3] Vorbote, 1866, N 11, S. 165, 166. Делегат женевского общества граверов Масон на первом же заседании конгресса 3 сентября предложил исключить этот вопрос из повестки дня (Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995).

[4] Vorbote, 1866, N 11, S. 165.

ложение России, Беккер обосновал необходимость восстановления Польши не только с точки зрения интересов европейских наций, но прежде всего исходя из интересов русского народа и перспектив прогрессивного развития самой России. Беккер показал предательскую роль, которую играют по отношению к полякам буржуазия и официальная дипломатия. Напротив, рабочий класс как социал-демократическая партия должен зажечь «звезду надежды» для храброго народа, показать ему, что его дело — это дело рабочего класса всех стран, дело всего человечества. В заключение своей яркой речи Беккер призвал принять этот пункт программы [1].

После бурной дискуссии, в которой французская делегация настаивала на своем предложении, немецко-швейцарские делегаты защищали формулировку Генсовета, а романцы разделились между двумя сторонами, Беккер вторично взял слово. Хотя он и считал, что большинство на стороне Генсовета, тем не менее во избежание разногласий он предложил компромиссную резолюцию. В протоколах конгресса сохранился немецкий текст этой резолюции, написанный рукой Беккера: «Конгресс выражает свою уверенность в том, что в результате развития и укрепления Международного Товарищества Рабочих уничтожение деспотического влияния России в Европе и восстановление Польши на демократической и социальной основе осуществятся само собой» [2].

Согласно французскому протоколу «собрание переходит к порядку дня, предоставив немецким и швейцарским членам подписать предложение Беккера в пользу восстановления Польши и приложить это предложение к протоколу» [3]. Однако «Vorbote» сообщает, что резолюция Беккера, поддержанная всеми немецкими, немецко-швейцарскими и романскими делегатами Юрской Швейцарии и подписанная ими, была без

---

[1] Vorbote, 1866, N 11, S. 166—167. Подробнее о взглядах Беккера по польскому вопросу см.: *Особова И. П.* И. Ф. Беккер и Ф. Лассаль о национальном вопросе. — Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1973, № 23.

[2] Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995, л. 26. Этот же вариант приводится и в немецком протоколе. На том же 26-м листе оригинала имеется французский перевод резолюции со следами правки, в результате которой ее текст был несколько видоизменен. Вместо слов «уничтожение деспотического влияния России в Европе» было написано «исчезнет всякий деспотизм». Именно этот вариант фигурирует в официальном отчете (La Première Internationale. Recueil de documents, p. 53).

[3] Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995. Упомянутый выше немецкий оригинал подписан 11 делегатами: Беккером, Швицгебелем, Кульри, Бюркли, Мёсснером, Бюттером, Рау, Петером, Хоппенвортом, Моллем и Эггенвайлером.

всякого обсуждения единогласно принята вместе с предложением французской делегации [1].

Вопрос о Польше был единственным серьезным пунктом программы, по которому резолюция, предложенная в «Инструкции» Маркса, не была поддержана большинством конгресса [2].

Многие делегаты, не понимавшие значения национально-освободительной борьбы польского народа для рабочего движения, поддержали французских прудонистов, которые в принципе были против включения политического вопроса в повестку дня рабочего конгресса.

Однако решительная позиция, занятая Беккером, который повел за собой немцев и часть романцев, не позволила английской делегации остаться в одиночестве. Именно благодаря оппозиции немецких и швейцарских делегатов, и в первую очередь выступлениям Беккера, прудонистам не удалось вообще снять этот пункт с голосования, как это предложил Фрибур. Беккер сделал все от него зависящее, чтобы отстоять резолюцию Маркса. Когда же это не удалось, он предложил свою, хотя и компромиссную по форме, но близкую по духу 9 пункту «Инструкции» [3].

То, что Беккер стремился максимально приблизить свое предложение к тексту Маркса, показывает третий вариант его резолюции, опубликованный им в отчете в «Vorbote»: «Поскольку Международное Товарищество Рабочих считает своей задачей освобождение рабочего класса всех стран, а тем самым борьбу с любым господством силы и осуществление равноправия всех людей и всех народов, то в его стремление входит также устранение захватнического [imperialistishen] влияния России и восстановление Польши на демократической и социальной основе» [4]. Этот текст по формулировкам наиболее близок к заголовку 9 пункта «Инструкции» во французском варианте [5].

Именно этот характер беккеровской резолюции, как и все поведение немецких и швейцарских делегатов, позволил Экка-

---

[1] Vorbote, 1866, N 11, S. 167. В отчете Карда также указывается, что конгресс принял оба предложения — и французов, и Беккера (La Première Internationale. Recueil de documents, p. 79).

[2] В брошюре Карда в отличие от «Vorbote» прямо говорится, что большинство конгресса явно склонялось к французскому предложению (La Première Internationale. Recueil de documents, p. 78).

[3] См. об этом также: *Engelberg E.* Op. cit., S. 51.

[4] Vorbote, 1866, N 11, S. 167.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 202: «О необходимости уничтожения русского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановления Польши на демократических и социальных основах».

риусу расценить итоги обсуждения этого пункта как победу точки зрения Генсовета. Он писал Марксу: «Наконец, все закончено. Мы провели все, вплоть до польского вопроса» [1].

Последним обсуждался пункт о создании обществ взаимопомощи и установлении между ними интернациональной связи. «Инструкция» предоставляла инициативу в этом вопросе швейцарцам, которые выдвинули его на Лондонской конференции 1865 г. [2]

Этот пункт был сформулирован Беккером дважды — в «Докладной записке» при ее публикации после Лондонской конференции [3] и в отчете о Женевском конгрессе. Поскольку они отличаются лишь в несущественных деталях, приведем один, последний вариант: 12. Учреждения взаимопомощи Международного Товарищества Рабочих:

а) основание касс взаимопомощи на случай болезни;

б) участие детей и женщин в таких кассах;

в) моральная и материальная поддержка вдов и сирот членов Товарищества;

г) помощь эмигрирующим членам Товарищества (в виде ссуды, подлежащей возврату) [4].

Дюпле в своем выступлении рассказал о деятельности в течение 8 месяцев больничной кассы, организованной женевскими секциями. Он предложил создавать подобные кассы во всех секциях Товарищества, а затем объединить их в международную организацию взаимопомощи, чтобы рабочие могли пользоваться кредитом при переезде из одной местности в другую. Это предложение поддержали многие делегаты немецкого отделения — Шлайфер, Хоппенворт, Эггенвайлер, Швицгебель [5]. Особенно активно в пользу создания международной кассы взаимопомощи выступила Штутгартская секция. Ее делегат Мюллер представил специальную записку на эту тему и предложил соответствующую резолюцию [6].

Беккер, как и Дюпле, поделился опытом деятельности женевской больничной кассы. Ее устав предусматривал при благоприятных условиях создание централизованной организации. Однако, подчеркнул Беккер, залогом успеха являются самостоятельные усилия каждой секции.

---

[1] Эккариус — Марксу 10 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/4.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 194.
[3] Vorbote, 1866, N 8, S. 123.
[4] Ibid., N 11, S. 170.
[5] Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995; Vorbote, 1866, N 11, S. 170—171.
[6] ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 11/4 и 15/3.

Французские делегаты (Толен, Фрибур, Шемале) одобрили саму идею создания учреждений взаимопомощи секциями Товарищества и не возражали в принципе против их международного объединения. Однако они предложили не принимать решения в пользу такой меры как всеобщей и обязательной, поскольку во Франции подобные объединения невозможны. Рабочие общества находятся там полностью под контролем правительства [1].

Французская делегация предложила резолюцию, в которой каждой секции предоставлялась свобода самой организовывать общества взаимопомощи. Секции призывались вести статистику, чтобы облегчить развитие таких обществ.

Английские делегаты — Эккариус, Оджер и Кример в своих речах и резолюции также одобрили все меры, предпринятые женевскими секциями в деле основания обществ взаимопомощи, и также предложили предоставить инициативу создания подобных учреждений местным секциям. Что касается международного объединения обществ взаимопомощи, то они рекомендовали Генсовету изучить наилучший способ его осуществления. Оба предложения, в принципе не отличавшиеся друг от друга, были приняты единогласно [2].

Беккер, сообщая в «Vorbote» о принятии английской резолюции, заметил, что сама идея помощи членам Товарищества содержится в пунктах 7 Устава и Регламента, выработанных конгрессом [3].

Итак, в процессе обсуждения программы конгресс одобрил предложения Генсовета по основным принципиальным вопросам. Из восьми пунктов программы, сформулированных Марксом в «Инструкции», в качестве резолюций конгресса было принято шесть: об интернациональном объединении действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом, об ограничении рабочего дня 8 часами, о труде детей и подростков, о кооперации, профессиональных союзах, о постоянных армиях [4].

---

[1] Congrès ouvrier. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1995; Vorbote, 1866, N 11, S. 171—172.

[2] La Première Internationale. Recueil de documents, p. 54. В «Vorbote» о французской резолюции не говорится. Наоборот, приводится речь Фрибура, который высказался против принятия какого бы то ни было решения по этому вопросу (Vorbote, 1866, N 11, S. 171).

[3] Vorbote, 1866, N 11, S. 172. В официальном издании Генсовета 1867 г. п. 7 Устава был сокращен, а п. 7 Регламента снят целиком.

[4] Согласно отчету Беккера в «Vorbote» (1866, N 11, S. 164) пункт «Инструкции» о прямых и косвенных налогах также был принят. Однако в протоколах конгресса этот факт не отражен.

По вопросу о Польше была принята компромиссная резолюция Беккера, в основе своей выдержанная в духе предложения Генерального Совета.

Прудонистские резолюции прошли по второстепенным вопросам или в качестве дополнений к основным решениям. По некоторым пунктам (о 8-часовом рабочем дне, труде детей, о стачках) прудонисты, оказавшись перед лицом сплоченного большинства, не решились настаивать на своих первоначальных предложениях.

Таким образом, в целом решения конгресса по программным вопросам означали победу принципов марксизма над прудонизмом.

Во многом способствовала этой победе безусловная поддержка Беккером программных требований Марксовой «Инструкции». Именно он и руководимое им немецкое отделение выступили на конгрессе как решительные сторонники линии Генерального Совета, поддержав *все предложения, сформулированные Марксом в «Инструкции»*.

Компромиссные резолюции, предложенные Беккером в дополнение к резолюциям Генсовета (об интернациональных связях между рабочими обществами, о 8-часовом рабочем дне), и резолюция о Польше, предложенная вместо соответствующей резолюции Генсовета, по своему содержанию не противоречили духу Марксовой «Инструкции» и, следовательно, не означали принципиальных уступок прудонистам. Они предлагались им из тактических соображений, чтобы сохранить единство и не допустить раскола на конгрессе.

Проблемы стачечной борьбы и женского труда, поднятые на конгрессе, не получили освещения в «Инструкции». Взгляды Беккера по этим вопросам формировались под влиянием лассальянских идей и были близки к прудонистским доктринам. Они были изложены им в «Докладной записке» и в его речах на конгрессе. Однако выступления делегатов Генерального Совета и левых прудонистов, отстаивавших прогрессивную точку зрения на женский труд, несомненно повлияли на позицию Беккера в этих вопросах. Его отчет в «Vorbote» содержит, в сравнении с протокольной записью его выступлений, характерные детали, свидетельствующие об известном переосмыслении этих проблем, которое произошло в результате их обсуждения на конгрессе.

Дальнейшая деятельность Беккера в Товариществе, его активная помощь швейцарским рабочим в их стачечной борьбе показали, что уроки Женевского конгресса не прошли для него даром.

Беккер считал, что конгресс прошел успешно. «В целом, мы по-королевски можем быть довольны результатами»,— писал он Лесснеру. В том же письме он заметил, что конгресс был для него «поистине временем отдыха». Разумеется, отдыхом он был лишь в сравнении с периодом подготовки. На деле же это была трудная работа. «Что ты скажешь о конгрессе? — писал он Марксу. — Я ожидал его с немалыми опасениями, и только мне известно, сколько нужно было приложить усилий, чтобы не допустить слишком больших глупостей. Теперь можно сказать, что все прошло против ожидания хорошо и мы выиграли партию» [1].

* * *

Конгресс оказал значительное влияние на дальнейшее развитие Товарищества в Швейцарии, особенно в Женеве. Перре писал Юнгу: «Женевский конгресс имел огромные последствия для рабочих. Каждый понял, что Международное Товарищество стало истинной целью рабочего и будущим рабочего класса» [2]. Беккер также отмечал, что конгресс «пошел на пользу нашему делу и в будущем мы можем рассчитывать на значительное пополнение» [3]. К Интернационалу присоединились новые рабочие общества, в частности женевские часовщики. К концу 1866 г. число членов Товарищества в Швейцарии выросло с 500 (в 1865 г.) до 2000 человек, а число секций — с 8 до 50 [4]. Огромный размах получило кооперативное движение и профессиональные организации.

Немаловажное значение имели личные встречи делегатов Генсовета и английских рабочих обществ со швейцарскими рабочими. Швейцарский историк Фреймон считает, что именно контакты с английскими тред-юнионистами во многом способствовали последующему широкому развитию профессионального движения в Швейцарии [5].

Во время работы конгресса английские делегаты встречались с женевскими коллегами по профессии: Эккариус и Лоренс посетили общество портных, где Лоренс выступил с большой

---

[1] Беккер — Лесснеру 28 сентября 1866 г.; Беккер — Марксу 15 ноября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/2,5.

[2] Перре — Юнгу 5 декабря 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 312/7.

[3] Беккер — Юнгу 15 ноября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/6.

[4] *Gruner E.* Die Arbeiter in der Schweiz im 19. Jahrhundert. Bern, 1968, S. 538.

[5] *Freymon J.* Le mouvement ouvriers. s. d. p. 179 (отд. оттиск из: Cent cinquante ans d'histoire vaudoise 1803—1953).

речью. У женевских плотников выступал Кример. Речи обоих переводил Картер. Собрания были весьма многолюдны и прошли с большим энтузиазмом. Перед сапожниками Женевы говорил Оджер, которого переводил Эккариус[1], а с граверами Колоньи встречался Картер[2].

Юнг совершил пропагандистское турне по ряду городов. Вместе с Лоренсом он присутствовал на собрании Лозаннской секции, которой предстояло организовывать следующий конгресс Товарищества. Затем с Кримером он посетил Невшатель, Шо-де-Фон и Сент-Имье, свой родной город. Здесь они выступали на рабочих собраниях (речи Кримера переводил Юнг). Состоялась также беседа Юнга с одним из руководителей Союза Грютли о присоединении союза к Интернационалу[3].

Огромное значение имел конгресс для дальнейшего развития немецкого отделения Товарищества с центром в Женеве. Во время работы конгресса Беккер провел ряд мер по организационному укреплению немецкого отделения.

Каждый вечер его делегаты собирались в помещении секций Интернационала. Выше уже упоминалось одно из таких заседаний, на котором обсуждалась позиция немецкого отделения на конгрессе. Повестка дня другого заседания, проходившего под председательством Беккера, была посвящена внутренним делам отделения. Был заслушан и одобрен финансовый отчет кассира центральной кассы Хайдта[4].

Далее собрание обсудило предложение Штутгартской секции относительно централизации больничных касс. Собрание поручило ЦК, как только позволят обстоятельства, принять меры к практическому осуществлению этого предложения, выработать проект устава и разослать его всем секциям[5].

Третий пункт, внесенный в повестку дня Беккером, касался избрания Центрального комитета и определения его

---

[1] См.: Эккариус — Марксу 5—6 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/2; Генеральный Совет I Интернационала. 1866—1868, с. 5.

[2] См.: Перре — Юнгу 5 декабря 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 312/7; Vorbote, 1866, N 11, S. 172—173.

[3] См.: Эккариус — Марксу 10 сентября 1866 г.; Кард — Юнгу 12 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 13/4, 312/3; Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868, с. 4, 7—8.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 301.

[5] Поскольку этот вопрос на заседании немецкого отделения обсуждался явно до его рассмотрения на пленарном заседании 8 сентября, когда конгресс отказался от идеи образования международной кассы взаимопомощи, то и датировать это заседание нужно скорее всего 6 или 7 сентября 1866 г.

местонахождения. После всестороннего обсуждения собрание высказалось за то, чтобы до следующего общего конгресса Товарищества Центральный комитет оставался в Женеве и его функции взял на себя Комитет женевской Немецкой секции.

Наконец, собрание поручило ЦК выработать центральный устав, который должен определить функции ЦК и местных комитетов, а также регламентировать отношения ЦК с секциями и Генсоветом. Проект устава должен быть обсужден и принят секциями [1].

Таким образом, это собрание послужило исходным пунктом для окончательного организационного оформления Группы секций немецкого языка. Официально создание этой группы датируется 1867 годом, когда был принят ее устав.

Женевский конгресс получил огромный резонанс в Швейцарии. Его ход подробно освещался на страницах швейцарской буржуазной прессы. Некоторые газеты («L'Avenir de Genève», «La Nation Suisse») дали достаточно объективные отчеты о заседаниях. Что же касается таких реакционных органов, как «Der Bund» и «Journal de Genève», то их корреспонденции были полны самых нелепых домыслов. «Der Bund», например, заявила, что конгресс — дело рук орлеанистов, которые хотят напугать своих противников-бонапартистов красным призраком [2].

Беккер ответил на нападки буржуазной прессы специальной статьей в «Vorbote» [3].

* * *

Несмотря на то что Беккер не был избран секретарем конгресса, он, видимо, вел собственные записи во время дебатов. Сразу же по окончании заседаний он начал готовить для «Vorbote» отчет о конгрессе, который занял три номера журнала — сентябрьский, октябрьский и ноябрьский [4].

Отчет Беккера не является хронологической протокольной записью заседаний. Он излагает содержание дебатов по всем пунктам программы, причем в той последовательности, в ка-

---

1 Vorbote, 1866, N 10, S. 154—155.

2 Этот вымысел «Der Bund» подхватила немецкая пресса, в частности аугсбургская «Allgemeine Zeitung». Вырезку из нее Беккеру прислал 6 сентября 1866 г. Штумпф (ЦПА ИМЛ, ф. 207, д. 3/3).

3 Vorbote, 1866, N 9, S. 133—136.

4 Видимо, при составлении отчета Беккер использовал также материал брошюры Карда.

кой они даны в «Инструкции» Маркса, а не в том порядке, в каком они обсуждались на конгрессе[1]. Обсуждение каждого пункта Беккер предварял соответствующим разделом «Инструкции». Таким образом эта работа Маркса оказалась целиком опубликованной в «Vorbote»[2].

В отчет были включены также такие важные документы Товарищества, как Устав и Регламент, принятые конгрессом.

В отчете Беккера содержатся некоторые интересные детали о работе конгресса, особенно о деятельности делегатов немецкого отделения, которые отсутствуют в других документах, в том числе во французском и немецком протоколах. Беккер обратил внимание Маркса на это обстоятельство, считая, что описание конгресса в «Vorbote» может помочь при составлении официального отчета[3], который по его предложению был поручен Генеральному Совету.

Материалы о конгрессе Беккер продолжал печатать в декабрьской книжке «Vorbote», а также в восьми номерах (январь — август) за 1867 г. (критика откликов в буржуазных газетах, публикация приветственных посланий в адрес конгресса).

Поскольку свой отчет Беккер составлял после отправки протоколов и других документов конгресса в Лондон[4], в нем отсутствуют подробности обсуждений, дается лишь главное. Кроме того, имеются неточности в датировке заседаний.

Тем не менее отчет Беккера представлял огромный интерес для членов Товарищества. О том, с каким нетерпением ждали в Лондоне сентябрьский номер «Vorbote», чтобы прочесть там что-нибудь о конгрессе, писал Беккеру Лесснер[5].

По решению Генерального Совета отчет в «Vorbote» был переведен на английский язык[6] и опубликован в органе Това-

---

[1] Формулировки пунктов «Инструкции» даны Беккером по французскому варианту.

[2] Vorbote, 1866, N 10—11. Поскольку по пунктам 8 и 11 (интернациональный кредит и религиозный вопрос) Маркс предоставил инициативу французам, то по этим вопросам Беккер изложил предложения французской делегации (ibid., N 11, S. 164, 169).

[3] См.: Беккер — Марксу 15 ноября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/5.

[4] Vorbote, 1866, N 9, S. 136; Беккер — Лесснеру 29 октября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 303/4.

[5] См.: Лесснер — Беккеру 26 сентября 1866 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 178, д. 31/5.

[6] См.: Генеральный Совет I Интернационала. 1866—1868, с. 25, 32, 45, 53.

рищества, газете «Commonwealth» [1]. Именно этим отчетом неоднократно пользовались В. И. Ленин и Н. К. Крупская [2].

Итак, Беккер принял самое активное участие в работе Женевского конгресса, обсуждении организационных и программных принципов Интернационала. Он был членом комиссии по Уставу и внес ряд предложений, использованных при составлении Регламента.

Беккер в немалой степени содействовал принятию Женевским конгрессом программы, разработанной Марксом. Ему принадлежит огромная заслуга в сплочении немецких и немецко-швейцарских делегатов вокруг платформы Генерального Совета.

В свою очередь Женевский конгресс оказал заметное влияние на теоретические взгляды Беккера и его дальнейшую практическую деятельность. Марксова «Инструкция» и выступления делегатов Генерального Совета сыграли решающую роль в тех сдвигах в сознании Беккера, которые наметились на конгрессе. Они явились толчком к последующему приобщению Беккера к марксистской теории.

Конгресс определил также направление его дальнейшей практической деятельности в Интернационале — организацию кооперативов и профсоюзов, поддержку стачечной борьбы швейцарских рабочих.

---

[1] Commonwealth, 1866, December 22, 29; 1867, January 5, 26; February 2; March 16.

[2] См.: Печать Первого Интернационала и Парижской коммуны, ч. I. М., 1964, с. 27.

А. Б. Ватутин

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ МАРКСИЗМА НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ПРОПАГАНДУ В АНГЛИИ
(Энгельс и Джон Линкольн Магон)

С конца 70-х гг. в рабочих кругах Великобритании и в среде радикальной интеллигенции начал выявляться определенный интерес к социализму. Объективным фактором, вызвавшим появление интереса к социалистическим идеям, было изменение экономических позиций Англии на мировом рынке, что привело к ухудшению положения значительных слоев рабочего класса. В ряде работ советских и зарубежных историков-марксистов, посвященных проблемам британского рабочего движения конца XIX в., дан анализ этого процесса, который привел к возрождению социалистического движения, а через несколько лет и к подъему массового рабочего движения в целом [1]. Этот анализ опирается на выводы, сделанные основоположниками научного коммунизма [2].

Одним из проявлений этого подъема было появление различных радикально-пролетарских клубов и ассоциаций, которые выдвигали требования демократизации страны, включая уничтожение монархии, национализации средств производства, отказа от репрессивной политики в Ирландии.

На оживлении социалистического движения в Великобритании сказалось и влияние германской социал-демократии, в частности ее успехи на выборах в рейхстаг 1877 г., а также ее программа, принятая в Готе.

Маркс и Энгельс использовали любую возможность для пропаганды идей социализма среди британских рабочих. Примером такой пропаганды марксизма было выступление Энгельса

---

[1] *Bünger S.* Friedrich Engels und die britische sozialistische Bewegung 1881—1895. Berlin, 1962; *Кунина В. Э.* Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968; *Туполева Л. Ф.* Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX в. М., 1973.

[2] См., напр., письмо Ф. Энгельса А. Бебелю 18 января 1884 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 78.

на страницах тред-юнионистской газеты «The Labour Standard» в 1881 г.

В статьях, напечатанных в «The Labour Standard», Энгельс развивал идеи, содержавшиеся в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета», составленной Марксом в 1866 г. для делегатов Женевского конгресса I Интернационала. Главная цель, которую преследовал Энгельс в своих статьях, заключалась в том, чтобы вовлечь тред-юнионы в политическое движение и подвести английских рабочих к пониманию необходимости борьбы за собственную политическую партию.

Продолжая тактическую линию Маркса, заключавшуюся в подготовке основы пролетарской партии в Англии в низовых организациях тред-юнионов, Энгельс писал, что если тред-юнионы сумеют занять четкие классовые позиции, откажутся от идеи о «вечности» капиталистического рабства и конечной своей целью поставят уничтожение самой системы наемного труда, то тогда их положение «должно будет существенно измениться». Тред-юнионы перестанут быть единственной организацией рабочего класса, «наряду с союзами отдельных профессий или над ними должно возникнуть общее объединение, политическая организация рабочего класса как целого» [1].

Энгельс подчеркивал в своих статьях, что подлинная организация рабочего класса необходима не только для сопротивления натиску капитала, а, главным образом, для нападения на сами устои капиталистического общества. Энгельс продолжал развивать ту же мысль, которую Маркс излагал, обращаясь к британским рабочим в 1854 г., в письме к Рабочему парламенту: «...чтобы изменить существующую организацию труда и заменить ее новой организацией, нужна сила — социальная и политическая сила,— сила не только для сопротивления, но и для нападения, а чтобы приобрести такую силу, нужно организоваться в армию, обладающую достаточной моральной и физической энергией, чтобы вступить в борьбу с вражескими полчищами» [2].

Отмечая, что в британском рабочем движении заложен огромный боевой потенциал и единственное, чего не хватает движению, это самостоятельной политической организованности, Энгельс писал: «...нет в мире такой силы, которая хотя бы в течение одного дня могла сопротивляться британскому рабочему классу, когда он будет организован как единое целое» [3]. К сожалению, статьи Энгельса в «The Labour Standard»

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 262—268.
[2] Там же, т. 10, с. 115.
[3] Там же, т. 19, с. 268.

не дошли до широких рабочих масс, все еще находившихся в плену реформистского мировоззрения, но оказали влияние на становление социалистических взглядов ряда представителей радикальной интеллигенции и рабочего класса.

С начала 80-х гг. в радикальных клубах, в которые входили наиболее политически грамотные рабочие, дебатировался вопрос о создании в Англии третьей политической партии. Эти дебаты во многом были связаны с разочарованием левых радикалов, к которым примыкали и рабочие, политикой либеральной партии, особенно в связи с осуществлением правительством Гладстона жесточайших репрессий в Ирландии, что и привело их к выводу о необходимости третьей политической силы в стране. Буржуазные радикалы мыслили «третью партию» как демократическую организацию, действующую в интересах народа и выступающую под их руководством [1].

Только единицы — наиболее дальновидные участники возрождавшегося социалистического движения отдавали себе отчет в том, что будущая партия рабочего класса должна быть подлинно пролетарской, исходить из гущи рабочего движения и в своей тактике опираться на него, быть свободной от влияния буржуазного радикализма. К этой мысли постепенно приходили представители молодого поколения социалистов, и большую помощь в этом им оказали Маркс и Энгельс. К их числу относился Роберт Баннер — один из организаторов в 1880 г. Шотландской рабочей партии [2]. В период подготовки учредительной конференции ШРП Р. Баннер впервые познакомился с трудами Маркса и Энгельса, что и побудило его обратиться к авторам этих работ за советом о лучшем способе организации социалистической пропаганды в Шотландии. К сожалению, письма Маркса к Баннеру не сохранились, однако, судя по ответам Баннера, видно, что в них высказывались соображения о состоянии английского рабочего движения, а также о возможных путях создания самостоятельной пролетарской партии в Великобритании. Маркс настоятельно рекомендовал Баннеру работать в тред-юнионах, доказывать рабочим ограниченность задач, которые ставят перед собой их профессиональные организации [3]. На дальнейшем развитии Баннера как социалиста отчетливо видно влияние Энгельса.

Однако не все представители социалистического движения понимали, что создание рабочей партии возможно лишь на

---

[1] См.: *Кунина В. Э.* Указ. соч., т. 410.

[2] О связях Маркса и Энгельса с Р. Баннером см.: *Bünger S.* Op. cit., S. 18, 27; *Кунина В. Э.* Указ. соч., с. 396—397.

[3] См. там же, с. 396—397.

базе массового рабочего движения. Об этом ясно свидетельствует пример Социал-демократической федерации, созданной буржуазными радикалами Г. М. Гайндманом и другими на основе Демократической федерации.

Маркс и Энгельс видели один из возможных путей подготовки создания рабочей партии в постепенном преобразовании упомянутых радикальных клубов в опорные пункты борьбы за освобождение рабочего класса от влияния либеральной идеологии, в центры пропаганды социализма. Они в целом положительно отнеслись к созданию СДФ, которая опиралась на марксистские принципы, надеясь на то, что эта организация поможет объединить тех, кто нащупывал путь к социализму. Этот процесс они связывали с укреплением социалистических элементов в самой федерации.

Создание и деятельность СДФ, отражавшие подъем социалистического движения, бесспорно, были положительным фактом. Именно в СДФ сформировалась группа первых английских марксистов, связанных с Энгельсом. К ним относились: Элеонора Маркс, Эдуард Эвелинг, Белфорт Бакс, Том Манн, Джеймс Макдональд, Гарри Квелч, Джон Л. Магон и другие. Перед этим левым крылом СДФ Энгельс, лично связанный с большинством из них, поставил главную задачу — найти путь к пролетарским массам.

Однако вскоре в СДФ начал назревать раскол. Энгельс считал этот процесс неизбежным: «Люди эти (члены СДФ. — *А. В.*) в моральном и интеллектуальном отношении очень неравноценны, поэтому пройдет некоторое время, пока они рассортируются и положение станет ясным» [1].

Дальнейшие события подтвердили эти прогнозы Энгельса. В 1883 г. после принятия социалистической программы из СДФ вышли правые элементы. И почти одновременно с этим левое крыло выступило против сектантской, догматической позиции руководства Гайндмана и его сторонников. В декабре 1884 г. в федерации произошел раскол. Из нее ушли У. Моррис, Эд. Эвелинг, Р. Баннер, Эл. Маркс, Б. Бакс, Дж. Магон и другие. Это были люди, связанные с Энгельсом и разделявшие его взгляд на пагубность сектантской политики руководства. Они стали организаторами Социалистической Лиги, объединившей все левые силы социалистов. Среди них был Джон Линкольн Магон, сыгравший видную роль в социалистическом

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 78. Характеристика сектантской позиции СДФ дана В. И. Лениным (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 233).

движении 80-х гг. и испытавший на себе значительное влияние Энгельса.

Джон Линкольн Магон родился около 1864 г. в рабочей семье и уже в молодости стал квалифицированным механиком. Казалось бы, такая почетная профессия открывала ему доступ в ряды «рабочей аристократии», однако Магон рано начал осознавать непреодолимость пропасти между трудом и капиталом, невозможность установления «классового мира». В начале 80-х гг. Магон, искавший свой собственный путь в рабочем движении, приходит к выводу, что сила рабочего класса в его самостоятельности и организованности, у него появляется интерес к социалистическим идеям. Он постепенно начинает понимать, что единственный путь, по которому должен пойти британский рабочий класс, это путь создания самостоятельной рабочей партии. Он сам признавал, что эти идеи складывались под влиянием статей Энгельса в «The Labour Standard».

Магон начал с социалистической агитации в промышленных районах севера Англии и в Шотландии. В начале 80-х гг. двадцатилетний Магон вместе с австрийским социалистом-эмигрантом, бывшим членом Интернационала Андреасом Шёйем основал Шотландскую земельную и рабочую лигу, которая в 1884 г. влилась в СДФ. С этого момента начинается непосредственная деятельность Магона в социалистическом движении. Магон стал членом Исполнительного комитета Социал-демократической федерации и сразу примкнул к ее левому крылу. Он сблизился с Элеонорой Маркс и другими представителями революционного направления в СДФ и вместе с ними организовал Социалистическую Лигу.

После того как Социалистическая Лига сползла на анархистские позиции, Магон в 1888 г. возвратился в СДФ, а позже стал одним из создателей Независимой рабочей партии. Разочаровавшись в НРП, он в 1894 г. отошел от активного участия в рабочем движении, однако никогда не терял контакта с ним[1].

К 1884 г. относится начало переписки Магона с Энгельсом. Всего сохранилось девять писем Магона Энгельсу за 1884, 1887—1890 гг. и шесть писем Энгельса Магону. Наибольший интерес представляют письма, относящиеся к 1887 г., когда Магон предпринял попытки создать на севере Англии

---

[1] Его сын Джон Магон долгие годы возглавлял Лондонскую организацию Коммунистической партии Великобритании, был членом ее Центрального Комитета, активным партийным публицистом.

самостоятельную рабочую партию. Анализ переписки позволяет ближе познакомиться с той тактикой, которую рекомендовал Энгельс молодым британским социалистам в борьбе за пролетарскую партию.

В первом письме, написанном в ноябре 1884 г., Магон сообщает, что он — молодой участник социалистического движения, недавно вступивший в СДФ, и для него очень важно побеседовать с Энгельсом о проблемах этого движения. Магон писал: «...мною движет не легкомысленное желание узнать Вас, потому что Вы великий человек, а простое желание услышать Ваше мнение и получить Ваш совет относительно важного этапа, через который теперь проходит наше движение» [1]. По всей вероятности, Магон имел в виду наметившееся размежевание в СДФ между революционным крылом и гайндмановским окружением и хотел услышать мнение Энгельса по вопросу о том, какую позицию следует занять в происходившей борьбе.

Энгельс сразу откликнулся на эту просьбу. На следующий же день после получения письма он написал Магону, что с удовольствием встретится с ним и выслушает то, что он желает сообщить ему [2]. К сожалению, не сохранилось сведений о том, состоялась ли эта встреча, однако последующие письма Магона, а также тот факт, что буквально через месяц после своего первого письма Энгельсу Магон оказался в числе революционных элементов, вышедших из СДФ, позволяют сделать вывод, что эта встреча, а может быть и несколько встреч, состоялись в конце ноября или начале декабря.

Так завязалось знакомство, продолжавшееся до самой смерти Энгельса.

Мы не располагаем письмами за 1885—1886 гг. Скорее всего Магон, проживавший в 1885 г. в Лондоне, мог встречаться с Энгельсом и выяснять все интересовавшие его вопросы в личных беседах с ним, тем более что он с января по декабрь 1885 г. занимал пост секретаря Социалистической Лиги. По своим взглядам Магон был близок к Эвелингам и Белфорту Баксу, составлявшим революционное крыло в Лиге.

В начале 1885 г. Элеонорой Маркс и Эдуардом Эвелингом при непосредственном участии Энгельса были написаны «Статуты Социалистической Лиги». Английский прогрессивный историк Э. П. Томпсон считает, что они «выражали мнение

---

[1] Дж. Магон — Ф. Энгельсу 26 ноября 1884 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4520.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 211.

Энгельса относительно правильной политики Лиги» [1]. В «Статутах» подчеркивалось, что основной целью Социалистической Лиги является уничтожение классов капиталистов и лендлордов; в то же время она должна активно поддерживать все насущные требования рабочего класса, направленные на улучшение его жизненных условий. В них также говорилось о необходимости создания рабочей партии, использовании парламента для завоевания политической власти, а также о работе в тред-юнионах, кооперативах и других организациях на благо рабочих [2]. Эти взгляды разделял и Дж. Магон.

К сожалению, «Статуты» не стали программным документом Социалистической Лиги. На первой же конференции они были пересмотрены, а основное положение о целях Лиги вообще было исключено из программных документов. В Лиге возобладали анархистские и антипарламентские настроения, к которым все больше склонялся один из ее руководителей Уильям Моррис.

Магон, враждебно настроенный по отношению к анархистским тенденциям, все более проявлявшимся в Лиге, в начале 1886 г. уезжает из Лондона на Север Англии, чтобы там продолжить социалистическую пропаганду.

Воодушевленный оживлением рабочего движения в провинции, Магон в начале 1887 г. выступил с идеей создания Североанглийской социалистической федерации, которая, по его мнению, должна была стать ядром общенациональной рабочей партии. Можно предположить, что Энгельс был знаком с деятельностью Магона в этот период и следил за его пропагандистской работой в провинции. Энгельс считал, что создание рабочей организации вне Лондона, независимой от влияния реформистских лидеров тред-юнионов, а также независимой от «лондонских склочников», как он называл гайндмановцев и анархистов из Социалистической Лиги, окажет должное влияние на развертывание массового движения во всей стране и в самой столице. Оценивая деятельность Магона, а также выступавших вместе с ним рабочих, членов Социалистической Лиги А. К. Дональда и Т. Биннинга, он писал Зорге в июне 1887 г.: «Важно то, что при предстоящем развертывании действительного рабочего движения наши люди не будут прикованы к организации, которая претендует на руководство всем движением» [3].

---

[1] *Thompson E. P.* William Morris. Romantic to Revolutionary. London, 1955, p. 448.
[2] Ibid., p. 449.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 561.

В апреле 1887 г. во время забастовки горняков Нортумберленда Магон приступил к непосредственному созданию новой организации, Североанглийской социалистической федерации, которая возникла 30 апреля, а сразу же после ее создания приехал в Лондон для участия в третьей конференции Социалистической Лиги.

Сама Лига в этот период находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса, вызванного растущим влиянием анархистских и полуанархистских элементов. Элеонора Маркс, Эдуард Эвелинг, Бакс и другие, составлявшие оппозицию в Лиге, к которой примыкал и Магон, по совету Энгельса намеревались на конференции Лиги в мае 1887 г. поставить вопрос о политической линии организации. Можно с уверенностью сказать, что Магон и его товарищи встречались с Энгельсом перед началом конференции и обсуждали с ним тактику своего поведения на ней. О непосредственном влиянии Энгельса свидетельствует и резолюция, предложенная Магоном в ходе конференции. Можно согласиться с предположением Э. П. Томпсона, что эта резолюция скорее всего была разработана с помощью Энгельса, что она, затрагивая сущность проблемы, содержала «новую ориентацию» для всей пропаганды Лиги [1].

Резолюция, предложенная Магоном, во многом перекликалась с уже упоминавшимися «Статутами». Здесь также говорилось о необходимости участия членов Лиги в профессиональном и кооперативном движении, об использовании парламентских выборов для распространения принципов социализма и необходимости организации рабочей партии. В резолюции также подчеркивалось, что первоочередной задачей всех социалистов является борьба за повседневные интересы пролетариата, но при этом целью всего движения остается построение социалистического общества.

Однако резолюция Магона на конференции не прошла. Вместо нее была принята антипарламентская резолюция, выдвинутая сторонниками У. Морриса. Вскоре после конференции Энгельс писал Магону: «Из всех различных существующих в Англии социалистических групп я могу полностью сочувствовать пока только той, которая составляет сейчас «оппозицию» в Лиге» [2]. Энгельс подчеркивал, что огромное значение для будущего всего движения имеет сплоченность этой группы первых британских социалистов-марксистов.

---

[1] *Thompson E. P.* Op. cit., p. 534.

[2] Ф. Энгельс — Дж. Магону 26 июля 1887 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 575.

В это же время Магон продолжает работать над программой Североанглийской социалистической федерации, в значительной мере используя первоначальный вариант «Статутов Социалистической Лиги». Но основной раздел — принципы федерации — был написан им самостоятельно.

В июне 1887 г. Магон послал программу и принципы федерации Энгельсу с просьбой ознакомиться с ними и внести необходимые исправления. Магон писал, что для него очень важно получить от Энгельса одобрение своей инициативы по созданию Североанглийской социалистической федерации. Обосновывая необходимость создания политической организации рабочего класса на Севере Англии, Магон писал: «Я действительно думаю, что здесь среди шахтеров и металлистов социализм найдет свое твердое признание в массе народа. Люди действительно начинают видеть, что революция в социальных порядках необходима...»

Путь к созданию партии Магон видел через привлечение членов тред-юнионов: «Мы должны разработать политику и способ действий, придерживаться которых должны социалисты *внутри* (курсив Магона. — *А. В.*) союзов, воспитывать в них ядро социалистов и тем самым подорвать влияние лидеров». Магон считал, что условия для такой политики созрели. Главное, чтобы «наша партия была способна проводить ее»; «прежде чем мы сможем продвинуться вперед в Англии, надо постараться объединить различные небольшие организации на базе широкой и ясной платформы» [1]. С его точки зрения, инициатива объединения не должна исходить от какой-то определенной организации: необходимо, чтобы представители всех социалистических групп разработали принципы объединения и предложили их съезду всех социалистических организаций. Это была прямая реакция на сектантство и догматизм лондонских социалистических организаций. Магон полагал, что ни Социалистическая Лига, ни СДФ не способны в этот момент выступить в качестве инициаторов объединения.

Достоинство программы, присланной Магоном, по словам Энгельса, заключалось в том, «что она очень хороша, как стихийная декларация принципов рабочего класса» [2].

Энгельс прежде всего отметил правильность позиции Магона по отношению к лидерам тред-юнионов, из среды которых вышли такие реформисты, как Кример, Берт, Хауэлл, Брод-

---

[1] Дж. Магон — Ф. Энгельсу 14 июня 1887 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4754.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 569—570.

херст и другие. Энгельс изложил свое понимание задачи социалистов: «Если Вам удастся убедить тред-юнионистов Севера рассматривать свои союзы как ценное средство организации, позволяющее добиться кое-каких *второстепенных* результатов, и не считать более своей конечной целью справедливую заработную плату за справедливый рабочий день, то господству лидеров придет конец» [1].

Однако, по мнению Энгельса, правильный в общих чертах план Магона не учитывал важнейшей предпосылки для его реального осуществления — необходимости подъема массового движения [2]. «Сперва следовало бы по-настоящему поднять провинцию,— писал он,— а до этого пока еще далеко» [3], лишить же лондонских социалистов-сектантов возможности влиять на ход движения могут только сами лондонские массы. Таким образом, Энгельс прямо указывал на зависимость создания партии рабочего класса от подъема массового рабочего движения. «Эксперименты с новыми попытками организации более чем бесполезны, пока действительно не появится то, что следует организовывать» [4],— писал он Магону.

Принципиальные добавления и исправления, сделанные Энгельсом в программе Магона, являют собой пример того, насколько серьезно и осторожно подходил он к документам, исходящим от рабочих, как важно было, чтобы эти документы сочетали в себе доходчивость и в то же время глубокую обоснованность целей и тактики борьбы пролетариата.

В замечаниях к программе Энгельс указал, что стремление рабочего класса к революционной перестройке существующих при капитализме отношений отвечает интересам прогрессивного развития всего общества. В том абзаце программы, где говорилось, что задачей партии является «объединение рабочих всего общества в ассоциацию, основанную на кооперации», Энгельс вычеркнул фразу «рабочих всего общества», заменив ее фразой «всех членов общества» [5], подчеркнув тем самым, что рабочий класс, решая задачу собственного освобождения, выступает не только как защитник своих узкоклассовых интересов, но и как выразитель интересов всего общества.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 570.

[2] На этот недостаток предложений Магона указывается в книге Б. Г. Тартаковского «Советник и учитель международного пролетариата». М., 1966, с. 149.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 570.

[4] Там же, с. 570—571.

[5] Там же, т. 21, с. 517.

Дополнил Энгельс также и то место в программе, где говорилось, что задачей социалистической федерации является «уничтожение класса капиталистов». По мнению Энгельса, такое понимание цели партии было неполным, так как несколько односторонне толковало подход к проблеме революционного переустройства общества. После редакции Энгельса фраза выглядела следующим образом: «...социалистическая федерация стремится к уничтожению класса капиталистов, а также класса наемных рабочих» [1]. Тем самым Энгельс подводил к мысли, что социалистическое переустройство общества будет означать не только ликвидацию буржуазии как класса, но также и то, что рабочий класс станет подлинным хозяином всего общества.

Сделал Энгельс также и ряд других исправлений в программе. Если у Магона говорилось, что ожесточенная конкуренция среди рабочих из-за работы, а среди капиталистов из-за рынков является следствием классового антагонизма, то Энгельс отметил, что эта конкуренция является выражением антагонизма между трудом и капиталом, т. е. оба эти явления суть две стороны одной и той же медали, а именно — капиталистического способа производства.

Магон, говоря о необходимости уничтожения капитализма, писал, что он породил два класса: с одной стороны, класс паразитов, а с другой стороны, класс, на долю которого «достается труд и бедность», поэтому капитализм несправедлив. Энгельс дал следующее научное обоснование необходимости уничтожения капитализма: «...теперь производительность труда настолько возросла, что никакое расширение рынков не может поглотить избыток продукции, само изобилие жизненных средств и благ становится, таким образом, причиной застоя промышленности, безработицы, и следовательно, нищеты миллионов трудящихся» [2].

В целом Энгельс придал программе более четкий и научно-теоретический характер, оставляя ее в то же время понятной широким слоям рабочего класса.

Высоко оценив искреннее стремление Магона принести пользу рабочему движению, Энгельс поддерживал проводимую им социалистическую пропаганду и высказал готовность оказать необходимую финансовую помощь для ее организации [3].

Ознакомившись с замечаниями Энгельса, Магон согласился с тем, что допустил ошибки «в экспериментировании с орга-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 517.

[2] Там же.

[3] См. там же, т. 36, с. 571.

низацией». Он хотел лишь выразить свое мнение о том, «что будущая Социалистическая рабочая партия не может быть создана на основе любой из существующих фракций, что она должна возникнуть только путем объединения всех соответствующих элементов из различных организаций». Магон, учитывая мнение Энгельса, писал, что прежде чем это станет возможным, в шахтерских и текстильных районах и в городах должна быть проделана значительная работа[1].

Переписка с Энгельсом свидетельствовала, что Магон принадлежал к тем немногим британским социалистам, кто понял необходимость создания самостоятельной пролетарской партии и воспринял идеи Энгельса о значении работы в тред-юнионах. Но все же и он до конца не понял принципиального значения указаний Энгельса на то, что важнейшей предпосылкой для возникновения рабочей партии является подъем подлинно массового пролетарского движения в стране, и особенно в Лондоне. В своем стремлении преодолеть сектантские установки СДФ и Социалистической Лиги Магон игнорировал пролетарское движение в Лондоне. Но тем не менее заслугой Магона являлась пропаганда среди рабочего класса в провинции, которой он продолжал уделять много времени[2].

После создания Североанглийской социалистической федерации Магон много занимался программой рабочей партии. Следуя совету Энгельса, он выступил в августе — октябре 1887 г. на страницах органа Социалистической Лиги «Commonweal» с серией статей под общим названием «Рабочая политика». В этих статьях он писал, что «наступило время, когда рабочий класс не должен более удовлетворяться протестами против нищеты, он должен быть готовым к тому, чтобы покончить с ней и организовать более счастливое общество»[3]. В них он развивал те мысли, которые получили одобрение Энгельса в ходе их переписки. Для статей Магона характерной была широкая постановка проблем рабочего движения, понимание необходимости для социалистов работать в тред-юнионах. Здесь также нашло свое отражение осуждение Магоном сектантской политики Социалистической Лиги.

Весьма интересным является мнение Магона об отношении Социалистической партии к другим организациям рабочего класса. Он считал, что партия рабочего класса «не заинтересована в антагонизме с другими рабочими организациями. Она

---

[1] См.: Дж. Магон — Ф. Энгельсу 24 июня 1887 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4760.

[2] См. там же, 31 июля 1887 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4771.

[3] The Commonweal, 1887, August 27.

отличается от них только тем, что они борются за интересы *части* народа, тогда как социализм имеет своей целью благо для *всех;* они стараются излечить *часть* экономических болезней, прекратить лишь часть грабежа, тогда как социализм имеет своей целью *прекращение* всех болезней и установление честного общества»[1].

Магон понимал, что партия рабочего класса является самым последовательным выразителем его интересов и ставит своей конечной целью полное его освобождение. В то же время в замечании Магона о том, что цели рабочей партии служат интересам *всего общества,* чувствуется влияние Энгельса, подчеркнувшего в своих замечаниях к программе Североанглийской социалистической федерации, как это уже указывалось, что партия рабочего класса стремится к объединению всех членов общества[2].

В своих статьях в «Commonweal» Магон также подробно остановился на роли профессионального движения. Он писал: «Тред-юнионизм стоит перед выбором, и ближайшие годы решат, пойдет ли он вперед к социализму или назад к забвению, однако уже ясно, что он не может более оставаться там, где он находится в данный момент»[3]. Поэтому Магон считал, что задача социалистов состоит в том, чтобы помочь тред-юнионам занять передовые позиции. Необходимо, по его словам, «бороться за то, чтобы социалисты избирались в различные советы тред-юнионов, посылать больше социалистов на конгрессы тред-юнионов и организовывать из них отдельную секцию, нужно объявить войну банде Берта и Бродхерста, которые используют тред-юнионизм как орудие в политике либеральной партии, и как можно скорее начать открытую борьбу между силами прогресса и порочной политикой нынешних фальшивых рабочих лидеров»[4].

Настаивая на прямом участии социалистов в тред-юнионах, Магон считал, что они «должны либо расширить свое движение, поставив во главу угла борьбу за практические нужды рабочего класса, либо они превратятся в группу фракций, не оказывающих реального влияния на массы и проповедующих пусть верные принципы, но проповедующих их в пустоту»[5].

Таким образом, публицистические выступления Магона на страницах «Commonweal» в 1887 г. явились новым фактором

---

[1] The Commonweal, 1887, August 27.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 517.
[3] The Commonweal, 1887, October 8.
[4] Ibidem.
[5] Ibidem.

социалистической пропаганды в британском рабочем движении и показателем нового этапа в его теоретическом росте. Даже этот краткий обзор статей Магона в «Commonweal» свидетельствует о благотворном влиянии Энгельса на его становление как революционного социалиста.

Предположение Энгельса о «преждевременности эксперимента» подтвердилось очень скоро. Возникшая на волне стачечного движения Североанглийская федерация просуществовала несколько месяцев и распалась с концом этого движения.

В конце 1887 г. Магон, разочарованный политической линией Социалистической Лиги, уходит из нее. К этому времени относится и его письмо к Энгельсу, которое завершает их переписку за 1887 г. В нем Магон сообщает Энгельсу о своем возвращении в СДФ, поскольку это «самое лучшее из того, что можно сделать в интересах пропаганды»[1]. Он вновь решил поселиться на Севере Англии, чтобы «неуклонно воздействовать на район и организовывать его до тех пор, пока не появится возможность проводить определенную политическую работу», имея в виду, главным образом, подготовку к выдвижению социалистических кандидатов в парламент. В связи с этим он высказал мысль, что избрание нескольких социалистов в парламент будет способствовать как пропаганде социализма, так и работе по созданию партии рабочего класса. На время Магон отошел и от левого крыла Социалистической Лиги. Он с горечью писал Энгельсу, что и те, кто голосовал за его резолюцию на конференции в мае 1887 г. (т. е. Элеонора Маркс, Эд. Эвелинг, Бакс и др. — *А. В.*), «...не смогли оказать ему даже минимальную помощь в ведении пропаганды в провинции»[2].

Магон продолжал встречаться с Энгельсом, о чем свидетельствует письмо последнего к Элеоноре Маркс[3]. Энгельс, в свою очередь, продолжал оказывать помощь Магону.

---

[1] Дж. Магон — Ф. Энгельсу 14 января 1888 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4805.

[2] Там же. Равнодушие, о котором он писал, можно объяснить тем, что Эл. Маркс и другие в это время были поглощены пропагандой в лондонских радикальных клубах, главным образом в районе Ист-Энда. Кроме того, одной из причин временного отхода Магона от «левых» были его неприязненные личные отношения с Эдуардом Эвелингом (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 576).

[3] См.: Ф. Энгельс — Эл. Маркс-Эвелинг 10 мая 1888 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 52. Из этого письма также следует, что Магон поддерживал дружеские отношения с Элеонорой Маркс, поэтому Энгельс передавал ему свои письма и устные сообщения через Элеонору.

Вторую половину 1887 г. и большую часть 1888 г. Магон провел на Севере Англии и в Шотландии, посвящая, по совету Энгельса, все силы социалистической агитации. В то же время он не оставляет идеи создания партии. В Эдинбурге Магон активно участвовал в работе упоминавшейся выше Шотландской земельной и рабочей лиги и способствовал в 1888 г. ее слиянию с Шотландской рабочей партией [1]. В самой ШРП он сотрудничает с ее руководителем Кейр Гарди, занимавшим в то время революционную позицию, а также с одним из видных представителей социалистического движения того времени Каннингемом-Грехемом.

В августе 1888 г. Магон вместе с Баннером, Каннингемом-Грехемом, Дональдом и др. входит в организационный комитет по подготовке Рабочего Союза, который, по их мнению, должен был стать ядром будущей партии. Магон послал Энгельсу проект программы Союза с просьбой содействия в его организации [2]. У нас нет сведений о том, прочел ли Энгельс этот проект и ответил ли на письмо Магона, но, судя по отношению Энгельса к деятельности Магона, можно предположить, что какие-то замечания сделаны им были. Возможно, что Энгельс заранее был ознакомлен с намерением шотландских социалистов организовать Рабочий Союз, так как в мае этого же года он принимал у себя Магона, специально приехавшего в Лондон для встречи с ним [3].

Проект программы Рабочего Союза лег в основу «Рабочей программы», составленной Магоном с введением Каннингема-Грехема. «Рабочая программа» была опубликована в конце 1888 г. в виде брошюры, а в начале 1889 г. Магон отправляет ее Энгельсу с просьбой высказать своe мнение [4].

«Рабочая программа» — один из интереснейших документов британского социалистического движения второй половины 80-х гг., который еще не был предметом анализа исследователей

---

[1] Английский историк Ивонна Кэпп — автор биографии Эл. Маркс — считает Дж. Магона одним из организаторов ШРП (*Kapp Yvonne.* Eleanor Marx. London, 1976, vol. II. The Crowded Years, p. 390).

[2] См.: Организационный комитет Рабочего Союза — Ф. Энгельсу август 1888 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4872.

[3] См.: Ф. Энгельс — Эл. Маркс-Эвелинг 10 мая 1888 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 52.

[4] 14 февраля 1889 г. Энгельс писал Магону: «До сих пор у меня еще не было времени изучить вашу программу настолько, чтобы высказать свое мнение о ней» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 125). К сожалению, не сохранилось ни письма Магона к Энгельсу с просьбой ознакомиться с его работой, ни ответа Энгельса с комментариями к «Рабочей программе».

британского социалистического движения. А между тем этот документ является бесспорным доказательством влияния идей научного социализма на наиболее последовательных представителей рабочего и социалистического движения.

Э. П. Томпсон считает, что влияние Энгельса «можно увидеть на каждой странице этой брошюры — в широком несектантском подходе к проблемам рабочего движения, а также в понимании воспитательной роли политической и экономической борьбы рабочего класса» [1]. Можно согласиться с этим замечанием Томпсона, но нам кажется, что влияние Энгельса значительно глубже.

Сам Магон писал в предисловии к «Рабочей программе»: «Я хочу... указать на огромную помощь, полученную мной в моей работе от друга, который, используя свой опыт и специальные знания, обильно снабдил меня ценной информацией и советами» [2]. Безусловно, что речь могла идти только об Энгельсе.

Брошюра Магона состоит из трех частей. Первая часть была названа «Социальная проблема». В ней популярно раскрывалась сущность классового антагонизма между рабочими и буржуазией, подчеркивалось, что решение социальных проблем невозможно до тех пор, пока существует частная собственность на средства производства, прямым результатом которой является система наемного труда. Эти рассуждения Магона основываются на известном положении марксизма о том, что «...подлинное освобождение рабочего класса невозможно до тех пор, пока он не станет собственником всех средств труда...» [3]

Выступая против постулатов о «вечности» капитализма, Магон доказывал его преходящий характер: уже в его недрах растут признаки новой организации труда [4]. Здесь же содержится и указание на потерю Англией своего монопольного положения на мировом рынке, подкрепленное пространной выдержкой из предисловия Энгельса к английскому изданию его книги «Положение рабочего класса в Англии», написанного в 1886 г. [5]

---

[1] *Thompson E. P.* Op. cit., p. 614.

[2] *Mahon J. L.* A Labour Programme. London, 1888, p. VII.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 261.

[4] Это положение Магона прямо опирается на выводы, сделанные Энгельсом в 1881 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 296—299).

[5] *Mahon J. L.* Op. cit., p. 28—29. — См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 260—266.

Во второй части, озаглавленной «Путь к избавлению», Магон обосновывает необходимость перехода от капитализма к социализму. Он пишет, что путь к освобождению пролетариата «...заключается в том, что промышленность должна управляться непосредственно обществом в интересах народа, а не капиталистами, делающими это ради собственных прибылей» [1]. Обоснование Магоном необходимости национализации средств производства базируется на энгельсовском высказывании о том, что «пока общество разделено на два противостоящих друг другу класса: с одной стороны — капиталистов, монополизировавших все средства производства — землю, сырье, машины, с другой стороны — трудящихся, рабочих, лишенных всякой собственности на средства производства, не обладающих ничем, кроме собственной рабочей силы, пока существует эта общественная организация,— закон заработной платы останется всемогущим и будет каждый день заново ковать цепи, превращающие рабочего в раба своего собственного продукта, монополизированного капиталистом» [2].

Третья часть «Рабочей программы» под названием «Рабочее движение и политика» посвящена проблемам политической борьбы рабочего класса. Здесь дан анализ отношения пролетариата к буржуазным партиям, а также обосновывается насущная необходимость создания самостоятельной рабочей партии. В этой части Магон подчеркивает значение работы в тред-юнионах как важнейшей предпосылки для борьбы за партию.

Особенно сильное влияние статей Энгельса из «The Labour Standard» чувствуется в тех частях программы, где дается характеристика профессионального движения, а также там, где автор излагает свое понимание задач и тактики партии пролетариата.

Говоря о положении рабочего класса, вынужденного при капитализме продавать свою рабочую силу, Магон указывает, что при отсутствии политической организации «самое большее, на что он (рабочий. — *А. В.*) способен — это профессиональное объединение для борьбы за повышение уровня заработной платы... но и это достигается лишь очень небольшой частью рабочих» [3]. Интересно сравнить это положение с замечанием Энгельса о том, что частичное повышение заработной платы —

---

[1] *Mahon J. L.* Op. cit., p. 31.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 259.
[3] *Mahon J. L.* Op. cit., p. 13.

это «крайний предел того, чего тред-юнионы, при нынешней организации, могут надеяться достигнуть» [1].

Воспринял Магон и мысль Энгельса о том, что тред-юнионы являются ценнейшим средством сопротивления натиску капитала.

Основную массу членов будущей партии, считал Магон, должны составить члены тред-юнионов. Он уделял большое внимание профессиональным организациям, так как они, по его словам, «являются сферой, в которой воспитание наиболее необходимо и где организация может достичь многого» [2]. Указывал Магон, почти повторяя мысль Энгельса, и на необходимость преодоления цеховой замкнутости, которая разъединяет различные отряды рабочего класса. Другим недостатком тред-юнионистского движения Магон считал то пренебрежение, с которым относились организованные квалифицированные рабочие к попыткам организации необученных рабочих. Магон подчеркивал, что «в обоих случаях это — игнорирование их истинных интересов».

Тем не менее, считая тред-юнионы важным орудием в классовой борьбе пролетариата, Магон писал, что «тред-юнионисты не могут освободить труд, добиваясь только лишь повышения заработной платы... Но если они поднимутся над этим, то тогда их курс станет ясен. Добиваясь полной справедливости для труда и только частично добившись ее при своем теперешнем курсе, они сделают еще один шаг вперед. Они попытаются положить конец монополии, которая лишает труд его плодов. Они приложат свои усилия для того, чтобы заменить капиталистическое вымогательство своей собственной кооперативной энергией» [3]. Именно на эти недостатки профессионального движения Великобритании обращал внимание Энгельс в «Labour Standard» [4].

Необходимость вовлечения в активное рабочее движение массы неквалифицированных рабочих Магон связывал с борьбой за партию рабочего класса. Он писал: «Первый шаг, который следует предпринять в этом деле, заключается в организации какого-нибудь профессионального союза неквалифицированных рабочих, в который могли бы вступать все рабочие любой профессии, мужчины и женщины» [5]. Вовлечение неквалифицированных рабочих в профессиональное движение, по

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 265.
[2] *Mahon J. L.* Op. cit., p. 78.
[3] Ibid., p. 98.
[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 262—268.
[5] *Mahon J. L.* Op. cit., p. 79.

мнению Магона, будет иметь своим результатом сплочение рабочего класса. Следующим шагом Магон считал создание Рабочей федерации, в рамках которой «различные профессии могли бы сотрудничать для достижения общих целей...» [1]. Здесь также заметно воздействие мысли Энгельса о том, что «...мощная организация дает одной группе возможность поддерживать сравнительно высокий уровень жизни как норму, которой измеряется ее заработная плата, тогда как другая группа, неорганизованная и бессильная, вынуждена терпеть не только неизбежные, но вдобавок и произвольные вымогательства своих предпринимателей: ее уровень жизни постепенно понижается...» [2]

Магон указывает на большое количество мелких групп, которые «желают создать сепаратные политические партии, чтобы пропагандировать свои собственные сектантские доктрины», но «настоящая партия рабочего класса не может быть создана на основе различных неосуществимых доктрин...» [3]; платформой партии не могут служить ни реформистские взгляды, ни анархистские идеи. По мнению Магона, социалисты должны «не распространять свои частные идеи, а дать обобщение и суть стремлений народа» [4].

К текущим задачам партии рабочего класса Магон относит завоевание мест в парламенте, выступая тем самым против анархистских идей Социалистической Лиги, привлечение на свою сторону тех рабочих, которые до сих пор поддерживают либеральную партию, а также вовлечение в активную политическую борьбу тех слоев рабочего класса, которые вообще не интересуются политикой.

В целом, Магон сводил текущие задачи партии к следующему: воспитывать рабочих в социальном и экономическом плане; учить их использовать свою силу с помощью политических и профессиональных организаций; добиваться расширения политических прав и улучшения экономического положения рабочего класса; бороться за постепенную национализацию с последующей отменой системы наемного труда [5].

Он подчеркивал, что партия должна в первую очередь защищать жизненные интересы рабочего класса, только так можно завоевать доверие масс. Если партия, писал Магон, будет успешно вести борьбу за насущные требования пролетариата,

---

1 *Mahon J. L.* Op. cit., p. 80.
2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 260.
3 *Mahon J. L.* Op. cit., p. 61.
4 Ibid., p. 67.
5 Ibid., p. 74.

то тем самым она гарантирует себе поддержку рабочего класса в решении более далеких задач [1].

В связи с этим он называл одной из первостепенных проблем, которую должна поставить перед собой партия, «агитацию за всеобщее сокращение рабочего дня, за законодательное решение этого вопроса» [2].

Что же касается конечных целей партии, то они должны заключаться в следующем: государство должно национализировать частную собственность, а народ должен контролировать государство [3]. В связи с этим он замечает, что «борьба рабочего класса за политическую власть будет означать как социальное, так и политическое свержение плутократов», следовательно, «если народ будет господствовать в парламенте, то вскоре он будет господствовать на фабрике, в шахте, а также на ферме» [4].

Программа партии, считал Магон, должна быть понятна и доступна широким слоям рабочего класса. На первом этапе своего существования партии необходимо сплотить своих членов вокруг своих требований, поэтому она должна «принять такую программу, которую они могут понять и считать выполнимой» [5].

По мнению Магона, в конечном счете партия рабочего класса должна быть политической силой, «независимой от либералов и тори и способной навязывать парламенту определенный круг вопросов» [6].

Таким образом, анализ «Рабочей программы» Магона позволяет сделать вывод о значительном влиянии Энгельса на становление его социалистических воззрений. Это влияние особенно проявилось в понимании Магоном таких проблем, как роль профессионального движения в борьбе рабочего класса и критика его основных недостатков; значение борьбы за самостоятельную рабочую партию. Заслугой Магона явилась попытка обосновать неизбежность крушения капитализма.

Следует также выделить то место программы, где говорилось о необходимости активизации низших слоев британского пролетариата, находившихся все еще вне организованного рабочего движения. Надо заметить, что эту мысль Магон высказал буквально накануне широко развернувшегося в 1889 г.

---

1 *Mahon J. L.* Op. cit., p. 87.
2 Ibid., p. 88.
3 Ibid., p. 75.
4 Ibid., p. 73.
5 Ibid., p. 75.
6 Ibid., p. 70.

движения неквалифицированных рабочих, известного как движение «новых тред-юнионов». Важно также напомнить, что Энгельс в письмах 1887 г. указывал Магону на то, что единственно правильный путь борьбы за создание пролетарской партии — через вовлечение в политическую жизнь широких слоев неквалифицированных рабочих.

Влияние Энгельса заметно и в формулировке задач, которые должна решить рабочая партия в своей практической деятельности. Поставив перед собой в качестве конечной цели свержение капитализма, партия должна прежде всего исходить из повседневных интересов пролетариата, не пренебрегать ими, а бороться за их осуществление. Интересно отметить, что выдвинув лозунг борьбы за законодательное сокращение рабочего дня, Магон отразил требование, давно уже стоявшее на повестке дня в рабочем движении. Достаточно напомнить, что уже в 1866 г. Маркс в составленной им при подготовке к Женевскому конгрессу I Интернационала «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» подчеркнул важность превращения лозунга борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня в общее программное требование международного рабочего движения [1]. Буквально через несколько месяцев после выхода в свет «Рабочей программы» он стал главным в движении «новых тред-юнионов».

Пропаганда социалистических идей британскими марксистами во второй половине 80-х гг. сыграла большую роль в деле подготовки пролетариата страны к классовым битвам конца 80 — начала 90-х гг. Она объективно способствовала включению в активную борьбу десятков тысяч ранее неорганизованных рабочих. Правильная ориентация британских марксистов на работу в массовых организациях ускорила также подготовку основы пролетарской партии, отсутствие которой являлось сильным тормозом в развитии рабочего движения Великобритании.

Характерной чертой деятельности марксистского, революционного крыла социалистического движения Великобритании было стремление выйти за рамки узкой, сектантской, догматической трактовки задач рабочего движения, попытаться поставить их более широко. Перенося центр своей деятельности непосредственно в рабочие массы, британские марксисты использовали традиции рабочего движения страны, осуществляя на практике идеи левого крыла британской секции I Интернацио-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с.196 — 197.

нала, опираясь на опыт экономической борьбы, накопленный тред-юнионами, и пытаясь в то же время поднять их на новый уровень, соответствующий тем задачам, которые должен был решать рабочий класс.

В данной статье рассмотрены не исследовавшиеся ранее факты о влиянии, оказанном Энгельсом на формирование социалистического сознания одного из представителей молодого поколения британских рабочих 80-х гг. Джона Магона. Письма Энгельса к Магону[1] представляют особый интерес и потому, что в них излагается тактика, которую он рекомендовал проводить социалистам, борющимся за создание рабочей партии. Эта тактика сохранила актуальность и в более поздний период, когда уже возникли сначала Независимая рабочая партия, а потом Лейбористская партия. Приведенный в статье материал — одно из опровержений утверждения реформистских историков о том, что идеи марксизма не были вообще поняты британскими социалистами.

---

[1] Часть этих писем до нас, как уже указывалось, не дошла, но их содержание можно представить по известным письмам Дж. Магона.

ДОКУМЕНТЫ

Ф. ЭНГЕЛЬС.
ФРАГМЕНТ КОНСПЕКТА КНИГИ А. АЛИСОНА «ОСНОВЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С БЛАГОДЕНСТВИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Публикуемый документ является, по-видимому, частью составленного Ф. Энгельсом конспекта 2-томной работы консервативного английского историка и экономиста Арчибалда Алисона «The principles of population, and their connection with human happiness», вышедшей в Лондоне в 1840 г. Остальная часть этого конспекта до нас не дошла. Этот фрагмент представляет большой интерес, так как является единственным сохранившимся документом подобного рода, принадлежащим перу Энгельса в начальный период формирования его мировоззрения. Он позволяет познакомиться со своеобразной манерой работы молодого Энгельса над конспектируемой книгой.

Фрагмент не датирован самим Энгельсом, и потому определить, когда он был составлен, можно лишь приблизительно на основании косвенных данных.

Известно, что с конца 1842 г. по август 1844 г. Энгельс изучал произведения буржуазных экономистов, а также работы по социальной и политической истории Англии. Первое упоминание книги Алисона встречается в «Набросках к критике политической экономии», над которыми Энгельс работал в конце 1843 — начале 1844 г. Здесь дана ее общая оценка и воспроизводится критика Алисоном теории народонаселения Мальтуса (эта критика содержится и в публикуемом фрагменте). Таким образом, можно предположить, что книга была прочитана Энгельсом еще до написания «Набросков», т. е., по-видимому, в конце 1843 г. Возможно, к этому же времени был составлен и конспект ее.

Более широко книга Алисона использована в работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которую он начал писать в сентябре 1844 г. Энгельс привел здесь также ряд цитат и цифровых данных, встречающихся во фрагменте (см.

об этом в примечаниях). Не исключено, следовательно, что он составил конспект непосредственно в связи с работой над «Положением», т. е. до сентября 1844 г. Таким образом, данный фрагмент можно приблизительно датировать концом 1843— летом 1844 г.

Фрагмент составлен в сжатой, можно сказать, тезисной форме: на 4-х страницах, написанных убористым почерком Энгельса, излагается содержание почти 500 страниц из 1-го и 2-го томов книги Алисона, общий объем которых составляет более 1200 страниц.

Содержавшийся в книге Алисона богатый фактический материал о положении рабочего класса в Англии представлял для Энгельса большой интерес. Однако с выводами автора Энгельс не согласен и резко критикует их. Это отчетливо видно из его немногочисленных кратких замечаний и реплик, сделанных в весьма энергичной форме.

Судя по выпискам, основное внимание Энгельса привлекли главные проблемы: бедственное положение трудящихся в самой развитой капиталистической стране того времени и причины этого, а также те меры, которые предлагались автором книги в целях его устранения.

Алисон признает рост ужасающей нищеты рабочего класса Великобритании. Такое положение, когда потребности трудящихся сводятся к самому жалкому поддержанию физической жизни, а работа — к самому примитивному механическому движению, он считал нормальным и вместе с тем практически неустранимым. Причинами этого состояния Алисон считает прежде всего «испорченность человеческой природы», наличие «в характере» рабочих «черт роковой беспечности».

Суммируя длинные рассуждения Алисона, Энгельс пишет, что, согласно взглядам автора книги, «об устранении нищеты и т. д. якобы не может быть и речи, это-де все утопия» и «поскольку это несчастье существует при всех государственных формах, оно совершенно неустранимо!» И как бы подводя итог подобным рассуждениям Алисона, Энгельс заявляет: «И это вместо того, чтобы сделать вывод, что источником зла является *государство*», подразумевая под последним именно существующее капиталистическое государство. Однако не рост нищеты и моральной деградации трудящихся пугает Алисона, а — и Энгельс отмечает это в своем конспекте — первые попытки рабочих оказать сопротивление своим угнетателям, прежде всего чартистское движение, против которого он ополчается с особой силой.

Останавливаясь на тех мерах, которые Алисон рекомендует для смягчения бедственного положения трудящихся, Энгельс выделяет в качестве «главного средства» «эмиграцию», а также «приобретение земельной собственности бедняками». Последнее средство, указывает Энгельс, «весьма восхваляется» автором, «подчеркивается благотворное моральное влияние, которое оно оказывает благодаря тому, что приучает к постоянному труду, к предусмотрительной заботе о будущем и т. д., короче, притупляет яростное требование немедленного удовлетворения» человеческих потребностей. Энгельс решительно отвергает предлагаемые Алисоном меры. Свою собственную точку зрения о путях решения этой проблемы он высказывает в книге «Положение рабочего класса в Англии».

* * *

Настоящий фрагмент составлен Энгельсом на немецком языке с незначительным количеством точных цитат, выписанных из книги по-английски. Он носит на себе следы неоднократного обращения Энгельса к нему в более позднее время. Об этом свидетельствуют прежде всего гашения текста, сделанные Энгельсом как черными чернилами, так и карандашом (красновато-коричневым и простым). Кроме того, поверх записей отчетливо видны арабские и римские цифры, проставленные, по-видимому, им самим (тоже красновато-коричневым карандашом). Однако установить, что̀ они обозначают, не удалось. Эти цифры могут быть и своего рода гашениями, и указанием на то или иное подразделение какой-то работы Энгельса, в которой эти куски текста должны были быть использованы. К «Положению рабочего класса в Англии» эти цифровые обозначения не имеют отношения, так как в этой работе главы не пронумерованы. В других его трудах, насколько удалось установить, этот фрагмент не использовался. Возможно, цифры были проставлены позже, когда Энгельс весной — летом 1845 г. начал работать над задуманной книгой о социальной истории Англии, и обозначали предполагаемые ее разделы. Но по ряду причин Энгельсу не удалось осуществить этот свой замысел.

На русском языке фрагмент публикуется впервые. На языке оригинала он напечатан во 2-м томе 4-го отдела МЭГА (с. 583—591).

Редакционные добавления, необходимые для понимания смысла текста, даются в квадратных скобках. В квадратных скобках также даны ссылки на соответствующие стра-

ницы книги Алисона, отсутствующие в конспекте Энгельса. Собственные замечания Энгельса воспроизводятся полужирным шрифтом.

Публикация подготовлена старшим научным сотрудником ИМЛ при ЦК КПСС Н. С. Румянцевой.

[Часть I]

«что можно было бы сэкономить, слишком часто тратится на крепкие напитки. Те же самые лица, которые всего год назад вынуждены были заложить свой скарб, чтобы раздобыть средства для пропитания, безрассудно проматывают в самом грубом разгуле деньги, заработанные в более благоприятные времена. Предостережения религии, веления разума, плоды просвещения, уроки превратной судьбы — все это в равной мере отступает перед жаждой минутного наслаждения. Своеобразным следствием таких низменных увлечений, по-видимому, является то, что, обусловливая непрочность положения людей, они в то же время приучают их к беспорядочному образу жизни, подвергают их самым мучительным изменениям положения, порождая в их характере черты роковой беспечности» (с. 191). **Применение машин, вызывая сокращение числа рабочих, якобы призвано устранить это зло; но применение машин сокращает их число — так обстоит дело в настоящее время — лишь относительно, а не абсолютно, и к тому же уничтожает остаток самостоятельности рабочих.** — 5) Еще всякого рода мелкие причины: a) увеличение числа породистых лошадей; b) выращивание мясного скота и т. д.; c) перегонка спирта и пивоварение [с. 197—202].

В главе 5 добавляются еще причины, вытекающие из испорченности человеческой природы! Об устранении нищеты и т. д. якобы не может быть и речи, это-де все утопия, и если бы мы получили все блага рая вместе с благами земными, то, вероятно, оказались бы негодными (disqualified) * для потусторонней жизни! Затем следуют прекрасные выводы; на с. 228 [говорится], что это несчастье неминуемо постигает все классы общества в равной мере,— всего же остального, стало быть и самого разделения на классы, можно избежать, что совершенно верно, и отсюда делается заключение, что, поскольку это

* Это слово в рукописи написано над словом «негодными» («unbrauchbar»). *Ред.*

несчастье существует при всех государственных формах, оно совершенно неустранимо [с. 229]!

И это вместо того, чтобы сделать вывод, что источником зла является *государство*. Дальнейшие рассуждения о последствиях деспотизма и о свободном [общественном] устройстве в целом хороши, но *ничего* не доказывают. Попутно из «Greece» Джиллиса (с. 371) цитирует, что в Афинах при Перикле было 30 000 свободных граждан и 400 000 рабов[1] [с. 259]. Затем доказывается, что при так называемом вливании свежей крови в народы смена и обновление происходят лишь в высших классах и что масса народа никогда не испытывает нужды в чем-либо подобном, а нуждается лишь в руководителях [с. 289—290];

тем не менее Алисон твердо придерживается этой теории вливания. Социализм посредством теории обстоятельств[2] легко решает этот вопрос.

Глава 8, *Ирландия*[3]. Правительство расходует на Ирландию ежегодно 175 000 ф. ст. 3 000—4 000 нищих слоняются по улицам Дублина, чтобы возбудить сострадание. — 8 000 000 жителей, страна может прокормить втрое большее число людей. — Заработная плата наполовину ниже, чем в Англии. У крестьян мелкие участки под картофель, которым они питаются всю зиму; посадив картофель, мужчины отправляются на заработки, а женщины и дети, с чайниками в руках, идут нищенствовать. С 1754 г. население выросло в 4 раза. Помимо льняных фабрик нет никакой промышленности, а земледелие так отстало, что потребуется 120 млн. ф. ст., чтобы сделать почву такой же [плодородной], какова она в Англии. Ежегодно свыше 50 000 переселенцев отправляются в Англию, все они — бедняки. Население увеличивается столь быстро, поскольку самые насущные потребности удовлетворяются легко, а отсутствие удобств ощущается очень редко [с. 496—500]. **Алисон приводит следующие причины этой невыразимой ирландской нищеты:**

1) Завоевание [страны] людьми, которые сами не селились в стране, так что это завоевание является порабощением. (Венгрия и Австрия ? Польша и Россия) [с. 502—503].

2) Слабость народа — Шотландию так и не удалось поработить, Ирландию же завоевали одним ударом 3 000 человек. Все выступления подавлялись с легкостью [с. 503].

3) Постепенное изгнание коренных землевладельцев и присвоение земли английскими баронами, которые насаждали арендаторов и субарендаторов (часто до 10 посредников между лендлордом и арендатором) и таким образом разоряли страну. Это

присвоение происходило во всевозрастающем масштабе после каждого выступления [с. 503—505].

[4)] Далее, безвредное в Англии право лендлорда сгонять с земли арендатора в случае, если арендная плата не была ему уплачена. Таким образом арендаторы вынуждены были расхлебывать все грехи посредников [с. 505—506].

[5)] Кокрен считает, что русский крепостной и даже ссыльный в Сибири находятся в лучшем положении, чем ирландский крестьянин [4]. Что положение негров-рабов лучше, в этом нет никакого сомнения. Ирландские крестьяне, мол, слишком рано были освобождены [от крепостной зависимости] [с. 506—508].

6) Отсутствие каких бы то ни было законов о бедных, пока они не были навязаны ирландцам после унии [с. 508—509].

7) Террористические акты и преступления ирландцев против всех капиталистов, которые прибывают в страну и заводят там промышленные предприятия. Здесь совершается неслыханное количество преступлений [с. 509—510].

8) Католическое духовенство, которое постоянно подстрекает ирландцев против лендлордов-протестантов. «Что католические священники могут быть, при некоторых обстоятельствах, благодеянием для человеческого рода, доказано множеством примеров, особенно в Вандее, Тироле и в отдельных местах Испании» !! «но когда мирские страсти разжигаются честолюбием католиков», то это ужасно [с. 510].

Да и лицемер же вы!

Образование стало легкодоступным [для ирландцев], но это ничего не дает, так как они не читают ничего порядочного. Билль об эмансипации католиков ничего им не дал, билль о реформе расширил пропасть между лендлордами и арендаторами, «фактическая отмена церковной десятины» привела лишь

(вполне естественно)

к повышению арендной платы. Муниципальная реформа не залечила раны, и в итоге движение — ведь за последние 20 лет реальными улучшениями явились лишь усовершенствование судопроизводства и полиции, а также введение налогов в пользу бедных. Бессмысленно пытаться управлять *одинаковым* способом Англией и Ирландией, которые находятся на разных ступенях культуры [с. 511—513].

Великобритания. Все классы богаче и находятся в лучшем положении, чем соответствующие классы на континенте — только не трудящиеся.

А последние!

В горных округах Шотландии и в больших городах ужасающая нищета. Потребляется неимоверное количество спиртных напитков. Невиданный рост преступности. Неслыханный распад всех моральных уз и [рост] преступности в промышленных округах, разврат, пьянство и проституция [с. 513—516]. —

Что вытекает отсюда, как не упадок всей страны?

Причины этого: 1) Скопление богатства в руках немногих, по милости которых и в зависимости от которых вынуждены жить многие другие люди. Отсюда зло больших городов, на их счет приходится $^{4}/_{5}$ преступлений [с. 516—518].

2) Быстрый рост фабричного производства, благодаря чему всевозрастающая часть бедного населения становится ничем [с. 518—521]

[3) —] 4) Война благоприятствовала росту населения, [увеличив спрос на рабочую силу в] промышленности, который после войны прекратился [с. 521—528].

5) Приток ирландских бедняков [с. 528—530].

Бедняков-ирландцев насчитывается в Лондоне 120 000, в Манчестере 38 тыс., в Глазго 40 тыс., в Ливерпуле 34 тыс., в Эдинбурге 29 тыс., в Бристоле 24 тыс.[5] [с. 529].

6) Фабрично-заводская система [с ее предприятиями], сосредоточенными в крупных зданиях, деморализует и обессиливает, тред-юнионы используют рабочих в своих целях, которые редко достигаются, и поддерживают свое существование с помощью убийств и других актов насилия. Много забастовок: в Ланаркшире в 1834 г., в Глазго в 1837 г., в Престоне в 1835 г. [с. 532], а после забастовок — безработица и рост преступности [с. 530—534].

7) Образование еще на прежнем уровне и едва доступно для половины теперешнего населения [с. 534].

8) Отсутствие налогов в пользу бедных в большей части Шотландии [с. 535].

Эмиграция рекомендуется как главное средство, а «чартистские факельные шествия» осуждаются.

Часть II

Начинается с [вопроса о] приобретении земельной собственности бедняками [с. I]. Это средство весьма восхваляется, подчеркивается благоприятное моральное влияние, ко-

торое оно оказывает благодаря тому, что приучает к постоянному труду, к предусмотрительной заботе о будущем и т. д., короче, притупляет яростное требование немедленного удовлетворения [человеческих потребностей]. Привязанность к унаследованным земельным участкам, влияние на женщин, которые у дикарей находятся в униженном состоянии. [Рост] культуры дикарей благодаря переходу к оседлости. Благодаря этому также [рост культуры] бедняков. Даже Мальтус, т. II, с. 241[6], признает благотворное влияние [приобретения земельной собственности] на индивидуума и опасается только быстрого увеличения [населения], которое, однако,

как доказывает Алисон,

именно благодаря этому задерживается. То, что парцеллирование является наилучшим средством, чтобы обеспечить возделывание земли, доказывается особенно на примере Франции перед революцией (Юнг)[7]. Таким образом, благотворное влияние [земельной собственности] признается. Но как же опасения Мальтуса? — Последние устраняются ссылкой на то, что как раз среди самых бедных имеет место наибольшее легкомыслие в отношении к своему будущему. Таким образом, интенсивное увеличение. Этому наиболее успешно противодействует некий постоянный предмет, некая цель: это собственность. В результате этого возникают также и искусственные потребности, о влиянии которых уже говорилось выше. Итак, важно предоставить рабочим возможность улучшать свое положение.

(Это невозможно).

Всякую иную собственность в отличие от земельной собственности легче проматывать. Поэтому перед фабричными рабочими следует ставить цель приобретения земельного участка. Как пример благотворного влияния — Уэстморленд,

Солс. [Salth.] Свидетельство и история фабричного населения («N[ew] M[oral] W[orld]»)[8] доказывает противоположное, что фабричный труд подрывает земледелие. Но потребуется так много звеньев и ступеней, чтобы все же удалось чего-нибудь достичь.

Однако и правительство должно быть при этом хорошим. Слишком сильное парцеллирование, которое оказало неблагоприятное воздействие во Франции перед революцией и в Ирландии,— следствие ошибок правительства [с. 2—23].

Ибо это нужно было бы запретить!

Иначе крестьянство разоряется и слишком быстро размножается. К тому же в Ирландии рента с 1 акра картофельного поля [составляла] 8 гиней, а во Франции в виде налогов

и ренты уплачивалось $^9/_{10}$ урожая (при старом режиме) [с. 23—24]. В Англии, где эта система парцеллирования нашла себе применение,— т. е. только в *земледельческих* графствах,— она оправдала себя. Ратлендшир, Линкольн, Норфолк, Йоркуэстрайдинг, Суссекс. Здесь повсюду говорят только о сельскохозяйственных рабочих [с. 26—30].

Затем следует континент, но либо только земледельческие страны, либо такие промышленные страны, [промышленность] которых основывается на *ручном труде:* соломовязальщики в Тоскане, часовщики в Швейцарии и т. д. И здесь рост населения не является чрезмерным.

Но теперь надо превратить землю действительно в *постоянный* объект, т. е. необходимо ввести право первородства и воспрепятствовать разделу [земли] [с. 50—51].

Это тоже ведет к уничтожению нужной земельной аристократии. Но акты, закрепляющие порядок наследования земли без права отчуждения (майораты), также неблагоразумны, потому что земля слишком сильно закрепляется [в собственность отдельных семей] и т. д. [с. 56, 58].

Короче, [желательна] **золотая середина.**

Так, в Англии следует облегчить положение, отменив высокий штемпельный сбор при покупке земли. Спрашивается, не вернее ли предоставить [земельной] аристократии заботиться о себе самой и не оказывают ли искусственные меры противоположного воздействия.

Осуждается демократия во Франции за то,

что [на ее основе] нельзя-де учредить прочное свободное правление.

Очень верно, но ведь вопрос состоит в том, что есть свобода.

Равенство = деспотизм и централизация [с. 65—73].

Глава II о бедняках в больших городах очень важна, и ее следует по возможности еще раз сравнить при использовании.

«Именно в больших городах искушения порока и разврата раскидывают свои сети; именно здесь преступность поощряется надеждой на безнаказанность, а праздность — обилием примеров. Сюда, в эти крупные центры человеческого разврата, стекаются все скверные и испорченные люди, спасаясь от простоты сельской жизни; здесь они находят жертвы для своей низости, и легкая нажива компенсирует те опасности, которым они подвергаются. Добродетель пребывает в тени и угнетении, порок пышно расцветает, оставаясь не раскрытым, а распущенность поощряется доступностью наслажде-

ний. Тот, кто пройдет ночью по кварталу Сент-Джайлс, по тесным, людным переулкам Дублина, по беднейшим кварталам Глазго, тот найдет достаточные доказательства правильности этих слов, больше не будет удивляться диким и распущенным нравам низшего класса и будет удивляться не тому, что так много преступлений на свете, а тому, что их так мало».

«Главная причина развращенности больших городов заключается в заразительности дурного примера, в том, как трудно бороться против соблазна порока, когда он так близко и когда подрастающее поколение изо дня в день приходит с ним в соприкосновение». Богачи eo ipso* не лучше [бедняков:], и они в тех же условиях не могут противостоять искушению, «особое несчастье бедняков в больших городах заключается в том, что они *не могут* избежать этих непреодолимых искушений, что они повсюду *вынуждены* наталкиваться на заманчивые приманки порока, на соблазн запретных наслаждений»[9]. Образованным людям воспитание прививает [способность] видеть дальше непосредственного момента; «явная невозможность в больших городах уберечь подрастающее поколение неимущего класса от соблазна порока — вот причина деморализации» [с. 76—77].

Хорошее поведение требует отказа от минутных наслаждений, но большинство на это неспособно [с. 77].

Отсюда быстрый рост населения за счет детей, которые являются исключительно плодом неограниченных чувственных наслаждений. «Отсюда та нищая и порочная часть населения, которая бродит по улицам и распространяет заразу порока, в сетях которого она живет с самых юных лет. Убедительные факты: в Париже на каждых двух детей, рожденных в браке, приходится 1 внебрачный ребенок, в Лондоне $^1/_{10}$ населения — пауперы, и 20 тыс. человек, просыпаясь утром, не знают, где они проведут ночь, в Глазго каждую субботу около 30 тыс. человек напиваются до бесчувственного состояния, а каждый двенадцатый дом — кабак, в Дублине через больницу за 1 год прошло 60 тыс. больных горячкой — свидетельствуют об ужасающих последствиях скопления бедняков в больших массах» [с. 79—80].

История одной семьи, перемещенной из деревни в такие условия. Ужасное воздействие повседневно маячащей перед глазами испорченности на людей, ею еще не затронутых [с. 80—82].

---

* — разумеется. *Ред.*

«Все это не является следствием какой-нибудь чрезмерной испорченности, а объясняется почти неодолимой силой искушения, которому подвергаются бедняки. — Богачи, порицающие поведение бедняков, сами под влиянием тех же причин сдались бы не менее быстро. Есть такая степень нищеты, такая сила искушения, против которой добродетель редко бывает способна устоять и против которой тем более редко может устоять молодежь. Распространение порока при таких условиях *почти так же неизбежно* и происходит часто так же быстро, *как распространение физической заразы»* [с. 82—83] [10]. «Те, кто действительно знаком с положением бедняков, признают, что это описание не является преувеличенным, а строго основано на фактах». «Тщательное и практическое ознакомление с источниками соблазна в больших городах оставляет чувство отчаяния по поводу эффективности любой меры, направленной на их устранение». Все меры «явно неэффективны» против этих источников развращенности. — То, чего не совершает искушение, совершает нищета. Скученные в огромных массах, без знакомых среди своих собратьев и среди высших классов, они [бедняки] имеют только свой дневной заработок, больше ничего. Внезапное понижение заработной платы, случайная смерть, и пожитки семьи отправляются в ломбард, а ее члены — в работный дом для бедняков. Другие занимают их места, которые потеряны для них навсегда. Кредиторы и домовладельцы притесняют; соседи взирают на это равнодушно, у них самих нет ничего и ожидает их та же самая участь. Наконец, притупляется нравственное чувство, даже ощущение нищенского состояния, и тогда не остается ничего другого, кроме пьянства, разврата, воровства и т. д. [с. 83—85].

Что дает благотворительность частных лиц?

Совсем ничего. В Глазго, где бурно выросло богатство, где купцы за 7 лет собрали по подписке 114 тыс. ф. ст. на благотворительные цели, нищета стала сильнее, чем когда-либо раньше. Смертность составляла в 1823 г. 1 к 42, в 1837 г. 1 к 24, тогда как во всей Англии только 1 к 51 [с. 88—89]. — Цитата из: Дж. К. Саймонс (член правительственной комиссии по обследованию положения ручных ткачей) «Arts and Artisans», с. 116: «В этих трущобах Глазго живет постоянно меняющееся население численностью от 15 до 30 тыс. человек. Вся эта часть города состоит из лабиринта узеньких улиц, от каждой из них ведут многочисленные тропинки в маленькие дворы в форме |____| с обязательной кучей мусора на самой середине. Как ни отвратителен был внешний вид этих домов, все же он недостаточно подготовил меня к царящей внутри грязи и ни-

щете. В некоторых из этих ночлежек, которые мы посетили ночью, пол был сплошь устлан человеческими телами: мужчины, женщины и дети, одни одетые, другие полуголые, лежали вперемежку, иногда по 15, 20 человек в комнате. Постелью им служили кучи полусгнившей соломы и какие-то лохмотья. Мебели там не было никакой или очень мало, единственным предметом комфорта был огонь. Воровство и проституция — вот главные источники средств существования этого населения. Никто, по-видимому, и не думает о том, чтобы очистить эти авгиевы конюшни, уничтожить это адское логово, это гнездо преступности, грязи и заразы в самом сердце второго города королевства. Во время моих тщательных обследований беднейших кварталов других городов здесь и на континенте я ни разу не обнаруживал ничего подобного ни по части нравственной и физической заразы, ни по части скученности населения» [с. 87—89] [11].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду: *Gillies John.* The history of ancient Greece, its colonies, and conquests; from the earliest accounts till the division of the Macedonian Empire in the East. Including the history of literature, philosophy, and the fine arts. Vol. 1—2. Basil, 1790.

[2] *Теория обстоятельств* разрабатывалась главным образом французскими философами-материалистами. Согласно этой теории человек является продуктом обстоятельств и воспитания. Утопические социалисты и коммунисты использовали ее для обоснования необходимости изменения условий жизни людей. Оценку этой теории Марксом и Энгельсом см. в «Святом семействе» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 145—148) и в «Тезисах о Фейербахе» (там же, т. 42, с. 262—265).

[3] Материалы этого раздела работы Алисона использованы Энгельсом в главе «Сельскохозяйственный пролетариат» книги «Положение рабочего класса в Англии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 482—495).

[4] Имеется в виду: *Cochrane John Dundas.* Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtchatka. 2 ed., vol. 1—2. London, 1824.

[5] Данные цифры о количестве ирландских эмигрантов в отдельных английских городах приведены Энгельсом в главе «Ирландская эмиграция» книги «Положение рабочего класса в Англии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 325).

[6] Имеется в виду: *Malthus Thomas Robert.* An essay on the principle of population; or, a view of its past and present effects on human happiness; with an inquiry into our prospects respecting the future removal or mitigation of the evils which it occasions. 5 ed., vol. 1 — 2. London, 1817.

7 Имеется в виду: *Young Arthur*. Travels, during the years 1787, 1788, and 1789; undertaken more particularly with a view of ascertaining the cultivation, wealth, resources, and national prosperity, of the kingdom of France. 2 ed., vol. 1—2. London, 1794.

8 В «New Moral World» подобной статьи не обнаружено.

9 Эти две цитаты с небольшими сокращениями приведены Энгельсом в главе «Результаты» книги «Положение рабочего класса в Англии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 353).

10 Эта цитата (без курсивов) приведена Энгельсом в главе «Результаты» книги «Положение рабочего класса в Англии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 353).

11 Эта цитата с небольшими редакционными изменениями приведена Энгельсом в главе «Большие города» книги «Положение рабочего класса в Англии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 276).

[Ф. ЭНГЕЛЬС]
БИОГРАФИЯ К. МАРКСА
(рукопись)

Публикация биографий Карла Маркса является существенным фактором распространения его идей в пролетарской и демократической среде, отражает интерес широкой массы читателей к личности великого основоположника научного коммунизма. История публикаций биографий К. Маркса в известной степени отражает и историю распространения идей марксизма.

Классическим образцом научной биографии К. Маркса является биографический очерк, написанный и опубликованный В. И. Лениным в 1914 г.[1] Эта работа полностью соответствует представлению Энгельса о том, какой должна быть научная биография Маркса.

«Поскольку сущностью жизни Маркса,— писал Энгельс,— всегда была его деятельность, рассказать о его жизни — значит написать историю развития философии, немецкого и международного революционного движения... проследить как его личное участие в этом движении, так и то воздействие, которое оказали его произведения»[2].

В. И. Ленин не мог знать этого письма. Но он создал именно такую биографию Маркса, какую очень хотелось видеть Энгельсу.

Особый интерес к личности Маркса, его взглядам и деятельности появился после Парижской коммуны, особенно после того как Маркс открыто признал, что «Гражданская война во Франции» — этот манифест борющегося пролетариата, в котором от имени Интернационала было заявлено о полной солидарности с первой пролетарской революцией,— принадлежит его перу. В условиях когда реакция всех стран клеветала на

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 43—93.

[2] Энгельс — Морису Лашатру между 16 и 21 марта 1873 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 50, с. 448.

Маркса и фальсифицировала его учение, было очень важно показать истинный облик великого учителя пролетариата.

В этом направлении многое сделал Энгельс.

* * *

В Институте марксистских исследований (Париж) мы ознакомились с небольшой — 5 машинописных страниц — рукописью биографии Карла Маркса, написанной по-французски рукой его дочери Элеоноры Маркс [1]. Рукопись содержит краткий очерк революционной практической и теоретической деятельности Маркса с 1842 по 1871 г. В ней выделены важнейшие вехи жизни Маркса: редактирование «Rheinische Zeitung»; эмиграция его после закрытия газеты прусским правительством в Бельгию, а затем во Францию; участие в германской революции 1848—1849 гг.; руководство и определение тактической линии «Neue Rheinische Zeitung»; занятия политической экономией в библиотеке Британского музея в годы реакции; сотрудничество в «New-York Daily Tribune». В рукописи обращено внимание на то, что ряд статей Маркса из этой газеты, содержащих критику внешней политики Пальмерстона, был затем перепечатан в Англии в виде брошюр. В рукописи подчеркнута большая роль Маркса в Международном Товариществе Рабочих, указано, что он является автором основных документов Генерального Совета, членом которого он был с момента создания Интернационала.

В рукописи перечислены важнейшие произведения Маркса, вышедшие с 1844 по 1871 г., а также дополнительные издания некоторых из них («18-е брюмера Луи Бонапарта» и др.), даны краткие характеристики таких произведений, как «Святое семейство», «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», «Господин Фогт» и др. По поводу последней работы автор заметил, что в ней Маркс «высмеивает имперских лжедемократов, продавшихся «человеку Декабря»». В качестве главного произведения Маркса назван «Капитал», и отмечено, что пока вышел только один его том. Последней из работ Маркса упомянута «Гражданская война во Франции», которая, по словам автора очерка, «вызвала наибольший резонанс».

Большой интерес представляет заключительная часть рукописи. Здесь указывается на отличие учения Маркса от теории

---

[1] Ксерокопия этой рукописи была любезно предоставлена нам дирекцией этого Института для использования при подготовке МЭГА и издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке.

утопических социалистов и коммунистов. Отбрасывая их концепции и доктринерские формулы, Маркс ставит задачей, пишет автор рукописи, доказать путем научного анализа, что современное общество содержит в себе элементы нового общества. Это новое общество является продуктом классовой борьбы, которая, «пройдя через временную диктатуру рабочего класса, приведет к уничтожению классов и созданию ассоциации свободных производителей, основанной на общей собственности на средства производства — землю, сырье, орудия труда» (см. с. 363).

Другой важнейшей чертой теории Маркса является положение об интернациональном характере классовой борьбы пролетариата и социального преобразования.

Заканчивается рукопись критикой Лассаля, указанием на то, что он заимствовал у Маркса важнейшие теоретические положения. «Однако,— говорится далее,— Маркс в предисловии к «Капиталу» снял с себя ответственность за то практическое применение, которое сделал из них Лассаль» (см. с. 363).

Содержащиеся в рукописи факты и их оценка, изложение тактики Маркса в 1848—1849 гг., определение его главной деятельности в годы реакции, указание на важнейшие произведения и их издания, четкое марксистское определение теории научного социализма, ее отличий от концепций социализма утопического — все это является доказательством того, что автор очерка превосходно знал жизнь и деятельность Маркса и глубоко понимал сущность его учения.

Необходимо также отметить прямое текстуальное совпадение отдельных фраз рукописи с соответствующими местами в произведениях или письмах Маркса и Энгельса. Ясно, что автор данного текста принадлежал к числу близких Марксу людей и получил все сведения «из первых рук».

На рукописи имеется пометка, сделанная, вероятно, кем-либо из сотрудников Института марксистских исследований при разборе документов фонда Лафарга, в котором она хранится: «Эта биография принадлежит Тусси. См. письмо П. Лафарга Энгельсу 6 мая 1883 г. П. Л. находит эту биографию очень хорошей». Автор пометки имел в виду следующее место из указанного письма: «Мы получили биографию Маркса, написанную Тусси, а также ее статью с ответом преподобному Лансделлу. Они очень хороши, особенно ответ» [1]. В данном письме речь шла о двух публикациях Элеоноры Маркс в од-

---

[1] Fr. Engels, Paul et Laura Lafargue. Correspondence, t. I (1868—1886). Paris, 1956, p. 117.

ном и том же номере лондонского журнала «Progress» в мае 1883 г.[1] Сравнение исследуемой рукописи с биографией, опубликованной Элеонорой в 1883 г., показало, что это два различных документа.

Как известно, две биографии Маркса были напечатаны Энгельсом в 1869 и 1878 гг.[2] Первая из них (в немецкой газете «Zukunft») составлена совсем в ином ключе, чем рассматриваемая нами рукопись, хотя в ней имелось аналогичное положение о заимствованиях, сделанных Лассалем у Маркса.

Совсем иной результат дало сопоставление данной рукописи с биографией, которую Энгельс опубликовал в 1878 г. в «Volks-Kalender» (Брауншвейг). В этом тексте рассматриваемая нами рукопись была воспроизведена почти целиком, в ряде случаев с полным текстуальным совпадением.

В текст 1878 г. вошел весь раздел рукописи о практической деятельности Маркса с 1842 г., перечислены те же его произведения, даны те же характеристики и оценки. Только вместо краткой характеристики отличительных особенностей теории марксизма Энгельс в 1878 г. дал развернутое изложение содержания учения Маркса, сформулировал известный вывод о двух его великих открытиях.

Результат этого сравнения имеет определяющее значение для установления авторства рукописи. Сам Энгельс писал в 1892 г. в работе «Маркс, Генрих Карл»: «Большинство появившихся в печати биографий Маркса кишат ошибками. Достоверна только биография, напечатанная в издававшемся Бракке «Volks-Kalender» за 1878 г., вышедшем в Брауншвейге (написана Энгельсом)»[3]. Таким образом, достоверность сведений в рукописи подтверждается самим Энгельсом, и это позволяет сделать вывод, что у биографии 1878 г. и рукописи, о которой идет речь, один и тот же автор — *Фридрих Энгельс*.

Некоторое указание на примерную датировку рукописи дало сравнение текстов: в рукописи указаны только те произведения и их издания, которые вышли *до* 1872 г. Биография же 1878 г. ссылается и на издание «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов», вышедшее *в 1875 г.* В отличие от

---

[1] Progress. A monthly magazine. Ld. 1883, May, vol. I, N 5, p. 288—294.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 377—382; т. 19, с. 105—115.

[3] Там же, т. 22, с. 356.

В. И. Ленин в работе «Карл Маркс» также подчеркнул значение именно этой биографии Маркса (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 87).

рукописи в биографии 1878 г. Энгельс писал и о работе Маркса над вторым томом «Капитала» и др. На основании этого можно предположить, что рукопись была написана примерно между 1872 и 1875 гг.

Еще один вопрос заключается в следующем: с какой целью был составлен этот рукописный вариант биографии Маркса и почему он написан по-французски рукой Элеоноры Маркс?

Ответ дает нам изучение истории создания еще двух биографий К. Маркса, опубликованных в начале 70-х гг. во Франции: одна из них была напечатана в ноябре 1871 г. в журнале «Illustration» (Париж), другая — в «Le Biographe» (Бордо) в сентябре 1873 г.

Публикация в «Illustration» состоит как бы из нескольких значительно отличающихся друг от друга частей: из краткого вступления редакции, в котором гарантировалась «абсолютная достоверность» приводимых биографических сведений о К. Марксе и сообщалось, что редакция не разделяет его взглядов; нескольких вводных абзацев составителя — мелкобуржуазного французского журналиста Э. Вермерша [1], самого биографического очерка о жизни и деятельности Маркса и заключительного абзаца, в котором тот же Вермерш утверждал, что в теории Маркса «нет ничего нового», что это не более как «фурьеризм, подправленный дарвинизмом» [2].

Сам же биографический очерк оказался *в основном идентичным* рассматриваемой рукописи (не было в нем только абзаца о Лассале) [3].

Из писем Вермерша выяснилось, что этот очерк он получил непосредственно *от самого Маркса*. Мы располагаем письмом Вермерша к Марксу, написанным в начале ноября 1871 г.: «Я буду Вам чрезвычайно обязан,— писал он,— если Вы пришлете мне как можно скорее *обещанные Вами* (подчеркнуто нами. — *В. К.*, *Б. Р.*) биографические заметки. Меня просили прислать статью в среду в редакцию «Illustration»» [4].

Хотя Маркс, как известно, был весьма невысокого мнения о самом Вермерше, тем не менее он воспользовался данной возможностью опубликовать для французского читателя достоверный очерк о своей жизни и деятельности, содержащий так-

---

[1] См.: Лаура Лафарг — К. Марксу 9 декабря 1871 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 2664.

[2] Illustration, 1871, Novembre 9.

[3] Следовательно, он также идентичен соответствующей части биографии 1878 г.

[4] Эж. Вермерш — К. Марксу 6 ноября 1871 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 4383.

же краткое объяснение кардинального отличия теории марксизма от широко распространенных во Франции утопических концепций.

Сравнительный текстологический анализ показал, что исследуемая рукопись могла быть вариантом биографии, подготовленной для «Illustration», или же отредактированной *копией* текста журнала. При этом в рукописи Элеоноры Маркс имеются те же мелкие неточности и опечатки, которые имелись и в тексте «Illustration» (они отмечены в публикуемой рукописи под строкой).

Выяснить цель появления рукописи помогает изучение истории переговоров Маркса и Энгельса с М. Лашатром[1] по поводу публикации биографии автора «Капитала» во французском издании произведения, а также истории создания биографии Маркса, опубликованной в сентябре 1873 г. в Бордо в «Le Biographe».

Истории появления биографии Маркса в 1873 г. посвящена обстоятельная статья сотрудников Отдела Маркса и Энгельса ИМЛ при ЦК СЕПГ Л. Херман и М. Штефензен[2]. Анализ содержания этой биографии и переписки между Марксом, Энгельсом, Лафаргом, с одной стороны, Лашатром, Вернуйе и др. — с другой, привел их к выводу о том, что Энгельс принимал самое деятельное участие в ее составлении. На этом основании биография К. Маркса из «Le Biographe» была включена в приложения к 24-му тому МЭГА.

Но мы располагаем и другими данными, которых не было в распоряжении авторов статьи,— прежде всего самой рукописью и результатами сравнительного анализа ее текста с биографиями Маркса, опубликованными *в 1871, 1873 и 1878 гг.*

Используя материалы статьи из «Beiträge» и опираясь на собственные заключения, мы попытались уточнить историю создания биографии 1873 г. и тем самым выяснить, с какой целью Элеонора Маркс могла переписать биографический очерк из «Illustration».

Начиная с осени 1872 г. Лашатр настоятельно просил Маркса, а затем и Энгельса написать биографию автора «Капитала», которой он намеревался «увенчать издание»[3].

---

[1] Глава парижского издательства, готовившего в это время перевод I тома «Капитала» на французский язык.

[2] *Hermann L., Steffensen M.* Zur Entstehung und Autorschaft einer Marx-Biographie aus dem Jahr 1873. — Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Berlin, 1980, N 6, S. 185—191.

[3] М. Лашатр — К. Марксу 19 октября 1872 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3065; М. Лашатр — Ф. Энгельсу 14 февраля 1873 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 6346 и др.

Маркс не возражал, однако он и Энгельс полагали, что статья должна содержать не только краткие биографические сведения о жизни Маркса, но и очерк его теории и соответствующие данные о воздействии этой теории на международное рабочее движение. Лашатр же настаивал на кратком очерке. В ходе переговоров Энгельс предложил ему напечатать во французском издании «Капитала» биографический очерк из «Illustration», в который он был готов внести необходимые поправки [1].

Лашатр принял это предложение [2]. Скорее всего в связи с этим и появилась необходимость переписать очерк из «Illustration», что и могла сделать Элеонора Маркс.

Но все же биография Маркса не была помещена во французском издании «Капитала», может быть потому, что в это же время появилась возможность напечатать этот краткий очерк в другом, более подходящем для этой цели издании.

В июле 1873 г. Маркс получил от Ж. Вернуйе предложение опубликовать свою биографию (одну-две страницы) в выходившем в Бордо специальном издании «Le Biographe» [3]. Из следующего письма Вернуйе известно, что Маркс не только принял предложение, но уже в августе прислал ему рукопись биографии и свою фотографию [4]. В сентябре 1873 г. в 5-м выпуске «Le Biographe» биография Маркса была напечатана среди других. В ней в основном пересказывался в сокращенном виде уже упомянутый очерк в «Illustration», подписана она была неким Жолибуа [5].

В «Le Biographe» были опущены упоминания ряда произведений К. Маркса, имевшиеся в «Illustration», и соответственно их характеристики. Отсутствовал абзац о Лассале, имевшийся в рукописи, был опущен и раздел об отличительных особенностях теории Маркса. Вместо него была дана сжатая и чет-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 50, с. 448.

[2] М. Лашатр — Ф. Энгельсу 4 апреля 1873 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 6348.

[3] См.: Ж. Вернуйе — К. Марксу 12 июля 1873 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3275. «Le Biographe» был весьма популярным изданием, широко известным в читательских кругах Франции. В нем публиковались только краткие биографии различных видных политических деятелей, а также деятелей науки и культуры, причем диапазон публикаций был весьма широк — от монархистов до участников Парижской коммуны.

[4] См.: Ж. Вернуйе — К. Марксу 14 августа 1873 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 3290. Вернуйе писал: «Я получил рукопись Вашей биографии, так же как и фотографию...»

Письмами Маркса к Вернуйе мы не располагаем.

[5] Жолибуа подписал в этом выпуске еще 7 биографических очерков, и можно полагать, что он был сотрудником издательства, готовившим эти статьи к печати.

кая характеристика написанных Марксом двух воззваний по поводу франко-прусской войны, оценка поведения Бебеля и Либкнехта во время этой войны, изложена Марксова точка зрения на отношение Интернационала к Парижской коммуне. Заканчивалась биография указанием на то, что Маркс недавно опубликовал свое главное произведение — «Капитал» и что в скором времени в издательстве Лашатра в Париже выйдет французский перевод этой работы с автографом и портретом Маркса.

Из сравнения текстов биографий 1871, 1873 и 1878 гг. и текста рассматриваемой рукописи следует прежде всего вывод о том, что у этих четырех документов *один автор* и этот автор — *Энгельс*.

Теперь можно попытаться представить историю возникновения самой рукописи, а также уточнить дату ее составления.

Рукопись представляет собой черновой, незаконченный вариант биографии Маркса, по-видимому, предназначавшийся первоначально для французского издания «Капитала». Вероятно, Элеонора Маркс, по просьбе отца или Энгельса, переписала биографический очерк из «Illustration», опустив при этом весь текст Вермерша. Остался только очерк, полученный журналистом от самого Маркса. Очерк был отредактирован (возможно, Энгельсом) и добавлен абзац о Лассале. Сделала она это, скорее всего, в июне или июле 1873 г., поскольку до лета жила в Брайтоне.

На рукописи, переписанной Элеонорой Маркс, нет следов редакционной правки, удаления опечаток, сокращения текста. Видимо, для «Le Biographe» был подготовлен другой, «чистовой» вариант, сокращенный по сравнению с данной рукописью и с дописанным Энгельсом концом. Но у нас есть все основания полагать, что именно исследованная нами рукопись широко использовалась для подготовки биографии К. Маркса, опубликованной в Бордо в сентябре 1873 г.

Публикация подготовлена старшими научными сотрудниками ИМЛ при ЦК КПСС В. Э. Куниной и Б. М. Рудяком.

[КАРЛ МАРКС]

Д-р Карл Маркс родился в Трире 5 мая 1818 г. Сначала он занимался правом в университетах Бонна и Берлина, но вскоре отказался от его изучения, чтобы приступить к занятиям историей и философией. В 1841 г. он вернулся из Берлина в Бонн, чтобы там занять место профессора философии, но политическое движение, вспыхнувшее в Пруссии после смерти

Вильгельма III *, заставило его встать на другой путь. Вожди либеральной буржуазии, Кампгаузены, Ганземаны и др., которые позже, после мартовской революции 1848 г., придут к власти, основали тогда в Кёльне оппозиционную газету *«Die Rheinische Zeitung»* («Рейнская газета»). Несколько статей, помещенных в ней Марксом, произвели такое впечатление, что ему предложили в 1842 г. стать редактором газеты. Как и другие немецкие газеты того времени, *«Рейнская газета»* выходила под цензурой, но прусское правительство вскоре изобрело специально для Маркса двойную цензуру. После получения разрешения на публикацию от обычного цензора *«Рейнская газета»* проходила еще цензуру префекта ** Кёльна. Так как, несмотря на такой излишек цензуры, прусское правительство не достигло своей цели, *«Рейнская газета»* весной 1843 г. была запрещена министерским указом, а Маркс эмигрировал в Париж.

Там он вместе с д-ром Руге выпустил *«Deutsch-Französische Jahrbücher»* (*«Немецко-французские ежегодники»*. Париж, 1844), которые были запрещены в Германии, а вместе с Фридрихом Энгельсом — *««Die Heilige Famillie». Gegen Bruno Bauer und K⁰» (««Святое семейство». Против Бруно Бауэра и K⁰»).* Журнал «Французско-немецкие ежегодники», как указывает его название, стремился слить критическое движение двух стран — Германии и Франции.

«Святое семейство» является сатирой на бывший тогда в моде немецкий идеализм, которому противопоставляется то, что Маркс называет *историческим реализмом.*

Поскольку Маркс, занимаясь в Париже главным образом политической экономией и первой французской революцией, продолжал атаковать в печати прусское правительство, то последнее потребовало и добилось его высылки из Франции. Говорят, что Александр Гумбольдт явился посредником берлинского двора в этом деле.

Карл Маркс отправился тогда в Брюссель, где вел одновременно жизнь ученого и агитатора. Он опубликовал там на французском языке *«Речь о свободе торговли»* (1846 ***) и *«Нищету философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона»* (Брюссель и Париж, 1847) и на немецком языке *«Das Manifest der Kommunistischen Partei»* (январь 1848). «Манифест Коммунистической партии» был одобрен конгрессом рабочих разных стран, состоявшимся в Лондоне в 1847 г.

---

* — Фридриха-Вильгельма III. *Ред.*

** — регирунгспрезидента. *Ред.*

*** Здесь описка. Надо: 1848 г. *Ред.*

За пропаганду среди рабочих и статьи против прусского правительства в *«Deutsch-Brüsseler Zeitung»* он по требованию прусского правительства был изгнан из Бельгии; но в это же время получил от имени временного правительства через Ф. Флокона приглашение вернуться во Францию.

После начала революции в Германии Маркс уехал из Парижа в Кёльн, где со своими товарищами по изгнанию основал *«Новую Рейнскую газету»*. *«Крестовая газета»* *, орган прусских феодалов, писала, что эта газета, выходившая в прусской крепости, превосходила по своей революционной дерзости даже французские газеты 1793 и 1794 гг.

Маркс энергично защищал в своей газете июньское восстание (1848). Когда же прусское правительство осенью 1848 г. совершило свой *государственный переворот*, изгнав Национальное собрание из Берлина и октроировав хартию, Маркс обратился в своей газете с призывом к народу организовать повсеместный отказ от уплаты налогов и отвечать на насилие насилием. Правительство объявило осадное положение в Кёльне, запретило *«Новую Рейнскую газету»* и вынудило Маркса покинуть Кёльн. Однако после отмены осадного положения он возобновил борьбу на страницах своей газеты. Правительство попыталось тогда отделаться от газеты с помощью политических процессов против ее главного редактора. Но так как судьи регулярно оправдывали его, а сам суд только давал Марксу новый повод для политических атак на правительство, то последнее весной 1849 г., после революционного восстания на Юге Германии, выслало Маркса из Пруссии. Он вернулся в Париж, где через несколько недель после июньского выступления 1849 г. французское правительство по требованию прусского посланника поставило Маркса перед выбором: или согласиться на ссылку в Морбиан **, или покинуть Францию. Тогда он отправился в Лондон, где с тех пор и проживает постоянно.

В 1850 г. Маркс предпринял в Лондоне издание *«Новой Рейнской газеты»* в виде *ежемесячного Обозрения*, издававшегося в Гамбурге; в 1851 г. это Обозрение стало жертвой победоносной реакции.

После государственного переворота в декабре 1851 г. Маркс опубликовал на немецком языке *«18-е брюмера Луи Бонапарта»* (Бостон ***, 1852, переиздано в Германии в 1869 г. за несколько недель до начала войны).

---

* «Neue Preußische Zeitung». *Ред.*

** — Бретань. *Ред.*

*** Описка — издание вышло в Нью-Йорке. *Ред.*

В 1853 г. он напечатал (на немецком языке) *«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»* (одно издание в Бостоне, другое — в Базеле). Это — филиппика против прусского правительства и немецкой буржуазии.

После осуждения его друзей кёльнским судом Маркс на долгие годы отошел от всякой политической агитации. С одной стороны, он в течение 14 лет изучал богатые сокровища Британского музея для своих занятий политической экономией. С другой стороны, до начала Гражданской войны в Америке он был постоянным сотрудником *«New-York [Daily] Tribune»*, где печатал не только корреспонденции из Англии, подписанные им, но также и серию передовых статей о европейском движении; его статьи против внешней политики лорда Пальмерстона были перепечатаны в Англии в виде брошюр.

В 1859 г. он опубликовал *«Zur Kritik der Politischen Oekonomie»*, Берлин («К критике политической экономии») и в 1860 г. — *«Herr Vogt»*, Лондон («Господин Фогт»). В последней книге он высмеивает имперских лжедемократов, обвиняя профессора Карла Фогта и его сообщников из немецкой и швейцарской прессы в том, что они продались «человеку Декабря» * в связи с войной в Италии. В 1869 г. ** в Гамбурге вышло его главное произведение *«Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie» («Капитал. Критика политической экономии»)*, до сих пор опубликован только первый том (800 стр.).

На митинге в С.-Джеймс-холле *** (28 сентября 1864 г.) было основано *Международное Товарищество Рабочих* и избран его Временный Центральный совет. Маркс, который уже дважды пытался основать подобную ассоциацию: тайную — *Коммунистический союз рабочих*, открытую — *Международное общество демократов* в Брюсселе (1847), был избран членом этого временного комитета. Он составил для него *Учредительный Манифест Товарищества* и его *Устав*, которые были окончательно одобрены в 1866 г. конгрессом Интернационала в Женеве. После этого Маркс написал основные документы Генерального Совета в Лондоне; последний из них *«The Address on the Civil War in France»* («Воззвание о гражданской войне во Франции») вызвало наибольший резонанс.

Невозможно здесь дать анализ теории Маркса. Она отличается от теорий других социалистов и коммунистов двумя принципиальными положениями: во-первых, он отбрасывает

---

* — Наполеону III. *Ред.*

** Здесь описка. Надо: 1867 г. *Ред.*

*** Здесь описка. Надо: в С.-Мартинс-холле. *Ред.*

утопические конструкции будущего и доктринерские формулы. Он ставит задачей доказать путем научного анализа современного общества, что оно чревато элементами нового общества, что это новое общество является продуктом классовой борьбы, которая, пройдя через временную диктатуру рабочего класса, приведет к уничтожению классов и созданию ассоциации свободных производителей, основанной на общей собственности на средства производства, т. е. на землю, сырье и орудия труда. Согласно Марксу, капиталистическая форма производства была исторически необходимой для создания материальных условий нового общества.

Второй важнейший пункт — интернациональный характер классовой борьбы и социального преобразования.

Фердинанд Лассаль, который произвел столько шума в Германии, был учеником Карла Маркса, у которого он заимствовал для своих социалистических публикаций всю теоретическую часть. Однако Маркс в предисловии к «Капиталу» снял с себя всякую ответственность за то практическое применение, которое сделал из этой теории Лассаль *.

---

* См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 5—6. *Ред.*

ПИСЬМА ВИЛЬГЕЛЬМА ЛИБКНЕХТА ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ (1875—1878)

Ниже впервые на русском языке публикуются письма одного из руководителей германской социал-демократии, друга и соратника основоположников марксизма Вильгельма Либкнехта Ф. Энгельсу за 1875—1878 гг., когда происходил сложный и нелегкий процесс становления партии немецкого рабочего класса после объединения Эйзенахской партии и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС) в Социалистическую рабочую партию Германии.

В публикуемых письмах затрагиваются различные стороны деятельности партии после объединения: идейная борьба с влиянием мелкобуржуазных социалистических течений, в частности с дюрингианством; участие в выборах и парламентская деятельность; распространение и пропаганда марксизма, руководство социалистической печатью; поиски новых форм борьбы после введения исключительного закона в октябре 1878 г. и т. д. Письма расширяют наши представления о той огромной помощи, которую оказывали Маркс и Энгельс германской социал-демократии в этот сложный период ее истории, об их роли в консолидации революционных марксистских сил внутри партии, в борьбе против идейных противников научного социализма.

Особый интерес эти документы представляют еще и потому, что почти все многочисленные письма Энгельса Либкнехту за эти годы до нас не дошли, и судить об их содержании можно только по публикуемым ответам Либкнехта.

Объединение эйзенахцев и лассальянцев в единую партию способствовало развитию рабочего движения и усилению влияния социалистов: численность партии быстро росла [1], увели-

---

[1] Если на объединительном съезде было представлено примерно 24 500 членов партии, то год спустя партия насчитывала уже свыше 38 тыс. человек (*Fricke D.* Die deutsche Arbeiterbewegung. 1869—1914. Berlin, 1976, S. 92).

чивалось количество социалистических газет, очередные выборы в рейхстаг принесли значительный рост голосов за социалистических кандидатов[1]. Но объединение имело и теневую сторону. Принятая на Готском съезде программа содержала принципиально ошибочные, лассальянские положения, множество неточных и неверных формулировок. Маркс и Энгельс подвергли резкой критике и проект, и окончательный текст программы, предвидя неизбежность снижения ее теоретического уровня в результате идейных уступок лассальянству. В ряде писем (№ 2, 3, 4), написанных еще накануне объединительного съезда в ответ на не дошедшие до нас письма Энгельса, Либкнехт пытался оправдать эти уступки тактическими соображениями, утверждая, что перед эйзенахцами стояла альтернатива: *«или эта программа, или никакого объединения»* (с. 374). Либкнехт убеждал Энгельса в том, что недостатки программы были ясны ему с самого начала, однако упорство противной стороны не позволило добиться их преодоления. В то же время он стремился доказать, что в любом случае объединение скоро приведет к гибели лассальянства, к «разлассальяниванию» членов ВГРС (см. там же). Соглашаясь с критикой Энгельса по ряду принципиальных вопросов, Либкнехт уверял его в том, что «основные недостатки нового проекта программы можно будет устранить уже на *съезде»* (с. 374). Однако — за исключением пункта об интернациональных обязанностях партии — все лассальянские формулировки сохранились и в окончательном тексте программы.

В одном из не дошедших до нас писем Энгельс, по-видимому, настоятельно советовал руководителям партии обратить особое внимание на сохранение в своих руках партийной прессы, в частности влияния на центральный орган партии. Отвечая ему, Либкнехт развивал план расширения партийной печати, а в дальнейшем и создания нового центрального органа (см. с. 376). Он подробно информировал Энгельса о внутреннем положении в партии после объединения, уверяя его, что «поглощение лассальянства происходит легче и быстрее», чем он ожидал (см. с. 377), что его «*выдающиеся* поборники почти все без исключения обратились в новую веру» (с. 378). В то же время письма содержат многочисленные факты о продолжающейся борьбе с лассальянскими элементами, что подтверждает

---

[1] На выборах в рейхстаг в январе 1877 г. социалистические кандидаты получили около полумиллиона голосов, почти на 150 тыс. больше, чем на выборах 1874 г., и завоевали 19 депутатских мест (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 127).

правильность позиции Маркса и Энгельса в отношении принципиальных основ объединения.

Значительное место в публикуемых письмах занимают вопросы идейной борьбы с псевдосоциалистическими, мелкобуржуазными теориями, прежде всего с дюрингианством, под влиянием которого оказался во второй половине 70-х гг. ряд руководящих деятелей партии. Доцент Берлинского университета Е. Дюринг в первой половине 70-х гг. выпустил ряд книг («Критическая история политической экономии и социализма», «Курс политической и социальной экономии, включая основные вопросы финансовой политики», «Курс философии как строго научного мировоззрения и жизнеформирования»), в которых, претендуя на создание своей собственной «всеобъемлющей» системы, противостоящей марксизму, обрушился с грубыми нападками на Маркса и его труды. Эклектическую сущность и идеалистический характер «теорий» Дюринга не смогли распознать не только студенты, но и многие социал-демократические деятели, особенно в берлинской организации. Поскольку Дюринг не скупился на громкие слова о защите трудящихся, резко критиковал прусские порядки и во всеуслышание объявлял себя социалистом, его последователи склонны были объяснять нападки на Маркса как недоразумение, как результат недостаточного знакомства с произведениями последнего и т. д. В то же время кажущаяся эрудиция Дюринга, широковещательные заявления о «свободе», «справедливости» и т. п., его цельная, казалось, система взглядов по всем отраслям знания привлекали тех, кто имел смутное представление о теории научного социализма и не понимал его коренной противоположности различным мелкобуржуазным течениям, именовавшим себя социалистическими.

В числе ярых сторонников Дюринга оказались тогда видные деятели партии Иоганн Мост, Фридрих Вильгельм Фрицше, Эдуард Бернштейн и др. Не избежал его влияния даже Август Бебель, который в марте 1874 г. поместил в органе эйзенахцев «Volksstaat» хвалебную статью о книге Дюринга «Курс политической и социальной экономии», озаглавив ее «Новый коммунист». Статья эта, напечатанная анонимно, вызвала недовольство и критику со стороны Маркса и Энгельса. В ответ на не дошедшее до нас письмо Энгельса, которое, видимо, содержало эту критику, Либкнехт признавал, что статья Бебеля «была не совсем корректной и слишком восторженной» [1].

---

[1] *Liebknecht W.* Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels. Hague, 1963, S. 190.

Рост влияния дюрингианства в условиях общего снижения идейного уровня партии после объединения представлял серьезную опасность. Возникла настоятельная необходимость критики взглядов Дюринга в партийной печати. Инициатором этого выступил Либкнехт, который уже 1 февраля 1875 г., т. е. еще до опубликования проекта Готской программы, обратился к Энгельсу с просьбой дать критику Дюринга на страницах газеты «Volksstaat», редактором которой он являлся (см. с. 373). Энгельс, видимо, не дал тогда определенного ответа, не будучи уверенным в последовательной позиции газеты, которая в начале марта напечатала отрывок из книги Дюринга, содержавший положительную оценку Парижской коммуны. В не дошедшем до нас письме Энгельс, очевидно, высказал недоумение по этому поводу, и Либкнехт пытался оправдаться (см. с. 375). Осенью того же года Либкнехт вновь неоднократно обращался к Энгельсу с этой просьбой (см. письма № 4, 5, 6, 7), ввиду усилившейся активности дюрингианцев. Как следует из публикуемых писем, окончательное решение выступить с критикой Дюринга в печати Энгельс принял, видимо, весной 1876 г., после получения от Либкнехта рукописи апологетической статьи И. Моста о книге Дюринга «Курс философии» (см. письма № 13, 14, 16, 17). «Эта история рассердила меня до бешенства,— писал он Марксу 24 мая 1876 г., направляя ему только что полученное письмо Либкнехта и другие материалы,— и спрашивается, не пора ли серьезно подумать о нашем отношении к этим господам» [1].

Мнение Маркса было однозначно: ««Наше отношение к этим господам»,— отвечал он 25 мая,— можно выявить только в виде решительной критики Дюринга» [2].

Публикуемые письма позволяют в деталях проследить всю историю работы Энгельса над одним из самых выдающихся произведений марксизма начиная с осени 1876 г., когда он вплотную взялся за нее. Энгельс согласился печатать свое произведение первоначально в новом центральном органе партии «Vorwärts», но, как следует из его переписки с Либкнехтом, с самого начала поставил условием выпуск каждого законченного раздела в виде отдельной брошюры, не дожидаясь окончания всего труда (см., напр., с. 389). Первые главы работы, вызвавшие восторженный отзыв Либкнехта, были получены в Лейпциге в конце ноября (см. письмо № 22). Ряд писем освещает конфликт между Энгельсом и редакцией

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 11.
[2] Там же, с. 12.

«Vorwärts» в связи с нарушением ею взятых на себя обязательств еженедельно публиковать две статьи (письма № 26, 28, 29, 30). Нет сомнений, что Энгельс выражал глубокое возмущение таким поведением редакции (если в январе 1877 г. было напечатано 9 статей, то в феврале уже 3, а в марте всего 2), предполагая, что в задержке публикации повинны сторонники Дюринга. Неубедительные оправдания Либкнехта (см. с. 394, 395—396) позволяют предположить, что эти лица использовали ослабление контроля с его стороны, чтобы помешать регулярному печатанию работы Энгельса. Из публикуемых писем видно также, что в результате резких протестов Энгельса Либкнехт принял необходимые меры: начиная с апреля 1877 г. статьи Энгельса печатались каждую неделю, и в середине мая печатание первого, философского, раздела будущей книги было завершено. В сентябре он был выпущен в виде отдельной брошюры (см. письмо № 45).

Письма сообщают также некоторые подробности борьбы, которая разгорелась на очередном съезде Социалистической рабочей партии Германии в мае 1877 г. в связи с попыткой сторонников Дюринга воспрепятствовать дальнейшей публикации статей Энгельса в «Vorwärts» под предлогом того, что они якобы непонятны и потому не представляют интереса для широкого читателя (см. письма № 32, 33, 34, 36). Письма Либкнехта, наряду с газетными отчетами в «Vorwärts», были для Энгельса главным источником информации о съезде. Из них видно, что выступления дюрингианцев (наиболее четко предложение о прекращении публикации статей Энгельса было сформулировано Мостом) встретили решительный отпор подавляющего большинства делегатов. Принятое съездом решение продолжать печатание статей Энгельса во вновь созданном еженедельном научном приложении к центральному органу положило конец проискам сторонников Дюринга и обеспечило дальнейшую бесперебойную публикацию энгельсовского труда. Как видно из писем Либкнехта, это решение не встретило возражений со стороны Энгельса, которому подобный план был предложен еще в апреле вне всякой связи с предложением Моста (см. с. 394, 397). Последующие разделы произведения Энгельса печатались уже в составе научного приложения без каких-либо помех: второй — с конца июля до конца декабря 1877 г., третий — в мае — июле 1878 г. Сразу же после окончания газетной публикации оба эти раздела были выпущены в свет в виде отдельной брошюры, а почти одновременно вышло и отдельное издание всей работы в целом.

Работа Энгельса нанесла сокрушительный удар по идейному влиянию дюрингианства еще в процессе печатания ее на страницах газеты. С выходом отдельного издания это влияние было окончательно ликвидировано.

В публикуемых письмах затрагивается еще один эпизод, связанный с Дюрингом. В июне 1877 г. он был уволен из университета за грубые нападки на ряд видных профессоров. Поскольку тогда в определенных кругах социал-демократов он еще считался социалистом, этот факт был воспринят как политическая репрессия. Многие организации партии, прежде всего в Берлине, начали кампанию в его защиту. Присоединился к этой кампании и «Vorwärts», подчеркнув, что речь идет не только о Дюринге, но и о принципиальном отношении к преследованиям за социалистические убеждения. 6 июля в газете было помещено обращенное к Дюрингу стихотворение, в самых выспренних выражениях восхвалявшее его. А 11 июля Либкнехт выступил со статьей, в которой, отмечая справедливость энгельсовской критики Дюринга, признавал, однако, за ним какие-то «научные заслуги». Это вызвало возмущение Энгельса. В не дошедших до нас письмах он, видимо, резко критиковал непоследовательность редакции (см. письма № 37 и 38). Его правота вскоре подтвердилась: Дюринг публично выступил против социал-демократии, а затем открыл против нее клеветническую кампанию в реакционной прессе. Это отвратило от него даже ярых его сторонников, о чем Либкнехт с удовлетворением сообщал Энгельсу (см. письмо № 39).

Многие из публикуемых писем свидетельствуют о том, с какой настойчивостью и энергией лидеры революционной немецкой социал-демократии, в первую очередь Либкнехт, стремились сделать труды Маркса и Энгельса достоянием рабочего читателя. Примером может служить попытка Либкнехта организовать выпуск второго издания книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», чему он уделял в своей переписке с Энгельсом большое внимание (см. письма № 12—16, 18, 20, 21, 23, 54). Осуществление этого плана натолкнулось тогда на трудности юридического характера, связанные с позицией первого издателя книги. Письма Либкнехта содержат множество фактов, из которых видно, какое огромное значение придавали немецкие последователи Маркса и Энгельса их участию в социалистической печати. Либкнехт не раз обращался к Энгельсу с предложением о сотрудничестве в газетах и журналах, издававшихся партией, в частности в новом централь-

ном органе газете «Vorwärts» (см. с. 387). Он намеревался выпустить отдельной брошюрой статью Энгельса «Официозный вой о войне» — против военной шумихи, поднятой правительством Бисмарка; по его инициативе Энгельс написал для популярного социал-демократического журнала «Die Neue Welt» биографический очерк о Вильгельме Вольфе (см. письма № 9, 12, 14, 18). Либкнехт всячески стремился побудить Маркса и Энгельса сотрудничать в «Die Neue Welt», в ежегоднике-календаре «Der arme Conrad», в подготовлявшемся тогда к выпуску теоретическом журнале партии, просил Энгельса написать для «Vorwärts» несколько статей о войне 1877—1878 гг. и т. д. Энгельс оказал Либкнехту большую помощь в переводе и издании книги П. Лиссагаре «История Парижской коммуны» (см. письмо № 18), в издании отдельной брошюрой статьи И. Г. Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне», напечатанной в свое время в издававшемся Марксом и Энгельсом журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» (см. с. 376).

Сотрудничество Маркса и Энгельса в социал-демократической печати Либкнехт рассматривал как важнейший фактор, обеспечивающий должный теоретический уровень партийной прессы. Соглашаясь с неоднократно высказывавшимися критическими замечаниями Энгельса по поводу некоторых публиковавшихся в «Volksstaat», а затем в «Vorwärts» материалов (о характере замечаний Энгельса можно судить по ответам Либкнехта — см., например, письмо № 14), Либкнехт просил Маркса и Энгельса, чтобы они «время от времени вмешивались и указывали нам направление». «...Нам необходимы ваши теоретические статьи»,— подчеркивал он (с. 384).

В письмах содержится также большой материал о практической деятельности партии и о той помощи, которую основоположники марксизма оказывали ей в преодолении ошибок и выработке правильной тактической линии. Либкнехт информировал Энгельса о работе партийных съездов, о борьбе с пережитками лассальянства, о состоянии и перспективах развития партийной печати, об участии социал-демократов в избирательных кампаниях и их парламентской деятельности. Интенсивная переписка Энгельса с Либкнехтом служила одним из важнейших каналов, по которым основоположники марксизма оказывали влияние на теоретическую и практическую работу партии, в чем она после объединения с лассальянцами особенно нуждалась. Либкнехт советовался с Энгельсом относительно взаимоотношений с анархистами и участия партии в проводив-

шихся в 1876 и 1877 гг. международных конгрессах (см. письма № 16, 21, 26, 40, 45), сообщал ему о своих агитационных поездках и выступлениях в рейхстаге, о многочисленных арестах и судебных процессах, которым подвергался за свою революционную работу.

Весьма интересны некоторые письма за вторую половину 1878 г., когда, использовав два неудавшихся покушения на Вильгельма I, к которым социал-демократия не имела никакого отношения, правительство и вся буржуазная печать начали шумную клеветническую кампанию против Социалистической рабочей партии, завершившуюся принятием 28 октября исключительного закона против социалистов. Партия была вынуждена перейти на нелегальное положение, ее печать была запрещена, все рабочие организации, находившиеся под ее влиянием, были распущены, а активные участники освободительной борьбы подверглись массовым репрессиям. Из писем следует, что уже в начале июня партия предвидела неизбежность принятия закона и начала подготовку перехода к новым формам борьбы (см. письмо № 59), а после принятия закона приступила к практическим шагам в этом направлении. «Наши люди,— писал тогда Либкнехт,— прошли хорошую школу и в основном прекрасно приспосабливаются к обстановке» (с. 421). Письма Либкнехта полны присущего ему революционного оптимизма и уверенности в том, что партия сумеет найти правильный выход из создавшегося положения. Либкнехт советовался с Энгельсом относительно возможностей издания печатного органа партии за границей (письма № 62, 66); из писем видно, что Энгельс настаивал на том, чтобы такой орган издавался в Швейцарии (см. с. 424). Этот совет Энгельса был реализован в конце 1879 г.

В письмах содержится множество дополнительных штрихов, характеризующих облик Либкнехта, испытанного революционера, убежденного последователя Маркса и Энгельса, верного борца за освобождение рабочего класса. Человек увлекающийся и полный энтузиазма, готовый к жертвам и невзгодам во имя дела, которому он посвятил свою жизнь, Либкнехт порой ошибался, иной раз излишне оптимистично оценивал реальную действительность, иногда был склонен к преувеличению успехов партии и ее фактических возможностей, проявлял в некоторых случаях примирительные тенденции. Маркс и Энгельс не раз критиковали и поправляли его, но он всегда в их глазах оставался истинным пролетарским революционером, глубоко уверенным в победе пролетариата.

* * *

Бо̀льшая часть помещаемых ниже писем публиковалась на языке оригинала: № 1—3, 10 — в журнале «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1976, H. 6; 1969, H. 4; № 4—7, 13, 16, 17, 21—23 — в «Marx-Engels-Jahrbuch». Berlin, 1979, Bd. 2; № 24, 63—65, 67 — в кн.: *Liebknecht W.* Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels. Herausgegeben und bearbeitet von Georg Eckert. The Hague, 1963. Письма № 8, 9, 11, 12, 14, 18—20 и 66 публикуются впервые по оригиналам, хранящимся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ф. 1, оп. 1, д. 5912, 5733; оп. 5, д. 3619, 3634, 3646, 3680, 3683, 3688, 3981).

Публикация подготовлена научными сотрудниками ИМЛ при ЦК КПСС Е. М. Аржановой и Г. И. Кострюковой. Редакция и вступительная статья Б. Г. Тартаковского.

№ 1

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

1 февраля 1875 г.

Лейпциг, 1 февр. 75

Дорогой Энгельс!

Не хочешь ли ты устроить головомойку «Петеру»? Поскольку он повсюду разослал свою стряпню, ее невозможно будет замолчать [1]. А как насчет крепкого нагоняя Дюрингу, который во 2-м издании своей истории политической экономии повторил все свои пышущие завистью глупости о Марксе? Перед рождеством я был на лекции этого субъекта: мания величия и всепоглощающая зависть к Марксу, вот и все. Он прочно засел в головах многих наших людей (особенно в Берлине), и ему следует *основательно* задать. У тебя ведь есть последнее издание? Если нет, то мы тебе пришлем.

Через несколько дней, когда я приду в себя после рейхстага, напишу Марксу. Корректура окончания «Процесса коммунистов» будет отослана ему еще сегодня. Спроси у него, не нужно ли напечатать также начало «Господина Фогта»[2].

Привет!

Ваш

В. Л.

Как дела у Боркхейма? Он все еще живет на старом месте?

№ 2

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

21 апреля 1875 г.

21.4.75.

Дорогой Энгельс!

Когда я получил твое столь грубое письмо [3], время для ответа у меня случайно было, но, естественно, пропало всякое желание; теперь же, когда желание появилось, мне не хватает времени. Итак, только самое необходимое. Твои громы и молнии были совершенно излишни. Недостатки программы, на которые ты обращаешь внимание, несомненно существуют и были ясны нам уже с самого начала, но на *совещании* их нельзя было избежать, *иначе переговоры об объединении были бы прерваны.*

Непосредственно перед этим у лассальянцев было заседание *Правления,* и они явились, связанные готовым решением по некоторым особенно предосудительным вопросам. Мы должны были им тем более уступить, что ни у кого из нас (а также и *у других*) не было ни малейшего сомнения в том, что *объединение — смерть лассальянства.* («Gewerkverein», «Concordia», «Hamburger Correspondent» очень правильно поняли и выразили это) [4]. — Во всяком случае, дело обстояло так: *или эта программа, или никакого объединения.*

Поэтому вопрос заключается только в следующем: является ли объединение целью, к которой мы стремимся, и стоит ли оно принесенной жертвы? Решительно: *Да!*

Гассельманы, Газенклеверы и т. п. не превратились за ночь в катонов, однако же факт, что громадное большинство членов ВГРС, особенно из *Гамбурга-Альтоны,* а также шлезвиг-гольштейнцы, отнюдь не коррумпированы и что берлинцы и барменцы-эльберфельдцы, пробыв вместе с нами полгода, полностью расфанатизировались [sich entfanatisiert] и готовы *разлассальяниться* [sich entlassallieren]. Часть этих дельных элементов, я бы сказал половину, даже $^{2}/_{3}$ всех членов Союза, мы бы, возможно, смогли перетянуть на свою сторону и без объединения, и некоторое время у меня было такое намерение, *но уверенность* в том, что, если от ВГРС осталась бы только голова (в виде «Neuer Socialdemokrat»), *то вместо отделенных от нее членов скоро вновь выросли бы новые,* склонила меня к объединению.

Прекрасно понимая, что вместе с исчезновением изолированности исчезнет и сектантство, а основа лассалевских догм будет сокрушена, лассальянские «вожди» только под *давлением* своих собственных людей решились *предложить объединение;* но это давление извне *проявилось* и *в сохранении излюбленных лассалевских тезисов.* Короче, мы уступили в том, в чем должны были уступить.

Основные недостатки нового проекта программы можно будет устранить уже на *съезде* (плохую формулировку «национального» параграфа, железный закон заработной платы, свободу совести и т. д.); однако вряд ли параграф о производственных товариществах; да и для этого параграфа можно будет найти менее лассальянскую формулировку. На сегодня хватит. Только вот еще что: если бы Интернационал не потерпел так позорно фиаско, мы были бы избавлены от всех трудностей, *ибо тогда обе стороны смогли бы принять программу Интернационала за основу программы.* Довольно, успокойтесь, мы также успешно переживем объединительный кризис,

как и все другие кризисы; я же, со своей стороны, страстно желаю в интересах партии, чтобы меня еще не раз так «жестоко околпачивали бы», как в этом деле. Ни *практически*, ни *принципиально* мы не потерпим ущерба, можете быть уверены!

А теперь о другом. *Поскорее* исправь приложенное![5] И *также статью о военной шумихе*. Я хотел бы издать ее отдельным оттиском[6].

Тебе все же, вероятно, надо будет решиться намять бока *Дюрингу*. Перепечатывая отрывок о Коммуне, «Volksstaat» *прямо* указала на ошибки дюринговского опуса[7].

А как обстоит дело с 1000 рейхсталеров? Мы можем здесь весьма выгодно купить дом, если соберем 8000 р.; дело уладится при условии, что мы *скоро* получим твои 1000 р. Дом, который мы присмотрели, находится в превосходном состоянии и несомненно будет повышаться в цене.

Бебель чувствует себя довольно хорошо, но еще не может заниматься агитацией[8]. В прошлом месяце я думал, что отправлюсь на тот свет, надеюсь все же снова встать на ноги; только с начала ноября до середины марта мне пришлось совершить 27 поездок (Берлин, Гамбург и т. д., и т. д.), выступать с бесчисленными речами, проводить совещания, редактировать «Volksstaat» и т. д. А мерзкая погода? Зейферт сидит сейчас в тюрьме, что кроме прочих удовольствий означает для меня и необходимость вести всю корректуру[9].

Боркхейм все еще болен?

Сердечный привет тебе и Марксу с семьей. (Связаны ли вы с Шёйем?)

Не *можешь* или не *хочешь* ли ты *написать* что-нибудь для *нашего календаря?*[10]

№ 3

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
23 апреля 1875 г.

23.4.75.

Дорогой Энгельс!

Позавчера я забыл написать тебе, что дал навязчивому *Рашу* по *его страстному желанию* адреса твой и Маркса, предупредив его, однако, что вы не собираетесь идти ему навстречу и, во всяком случае, будете всеми силами защищаться от

любого интервьюирования. Он сейчас здорово разозлился на Бисмарка и весьма уважает нас — и тем и другим можно, вероятно, воспользоваться; он может сделать вам интересные сообщения о *Черногории* и т. д., и *вы можете, пожалуй,* использовать его в качестве ру́пора (он, в общем-то, на короткой ноге с князем Черногории, и это был бы не первый случай, когда Петрушку с успехом использовали бы для лицедейства). В худшем случае вы можете без церемоний отделаться от него, он подготовлен к этому. Хотя он публично не порвал с Блиндом — и, вероятно, посетит его,— он все же разозлен его бисмаркианством.

Дай поскорее знать относительно твоей *военной статьи,* мы хотели бы пустить ее в продажу еще на *ярмарке*[6]. Вой о войне вызвал, кстати, *крайнее раздражение* Бисмарком и его компанией также и в *национально-либеральных* деловых кругах. Когда речь идет о делах, благодушию нет места.

Мы с удовольствием напечатали бы *статью Эккариуса о портняжном деле* в Лондоне в виде брошюры (с кратким предисловием, с указанием источников и т. д.), но хотим сначала спросить, не обидитесь ли вы на это? Статья вышла в свет в *вашем* журнале и очень подходит нам сейчас[11]. Можно было бы, если вы захотите, кратко отметить это в предисловии.

А теперь еще кое-что к вопросу об объединении. План таков: выпускать «Volksstaat» и «Neuer Socialdemokrat» *ежедневно* как «местные газеты» и *заново основать* центральный орган, который будет выходить 2 раза в неделю и содержать все официальные сообщения. *Другие* тоже согласны на это. Относительно же *места* издания мнения разделились. *Мы* за *Гамбург,* Гассельман и Газенклевер за *Берлин.* Но так как члены ВГРС из Гамбурга-Альтоны, т. е. *ядро* лассальянцев, в этом вопросе, как и во многих других, по которым еще существуют разногласия, на *нашей* стороне и так как Тессендорф на практике продемонстрировал *невозможность* издания в Берлине органа с *ярко выраженным* партийным направлением[12], то, по всей вероятности, мы настоим на своем.

Но даже если это и *не* произойдет, *партийная печать,* за исключением «Neuer Socialdemokrat», будет в *наших* руках, так как у других нет никого, кроме Гассельмана, а «Neuer Socialdemokrat», даже с Гассельманом в роли абсолютного диктатора в редакции, не сможет больше представлять опасности, *как только он* перестанет быть единственным и исключительным органом.

Довольно, объединение — смерть лассальянства и *полная* победа «марксова» коммунизма над лассалевским сектантством.

Чтобы одержать эту победу, я был бы готов и на дальнейшие уступки; впрочем, сделанные уступки даже формально не ставят новую программу ниже эйзенахской. «Полный продукт труда» и § 10 этой последней были чистейшим лассальянством [13] — таким же чистым, как и обрывки лассальянства в новой. Мы могли бы составить *без* объединения более радикальную программу, но *эта* несовершенная программа *с* объединением милее мне в тысячу раз, чем самая совершенная программа *без* объединения.

Привет тебе, Марксу и семье.

Твой

В. Л.

Рамм уже писал тебе, что лассальянцы с пылом набрасываются на *нашу* литературу [14]. Вот как нас жестоко околпачивают. Как ты видишь из моих каракулей, я ужасно тороплюсь. Как только я обрету покой, сообщу кое-что, интересующее вас. — Вчера у меня был Бебель, он шлет вам привет.

№ 4

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

15 октября 1875 г.

Лейпциг, 15 окт. 1875

Дорогой Энгельс!

Прилагаю послание [15], не единственное в этом роде. Абсолютно необходимо, чтобы «Volksstaat» напечатала обстоятельную критику Дюринга, и я еще раз прошу тебя сделать это.

За это время вы, должно быть, научились правильнее и справедливее оценивать обстановку в Германии.

Если ты не хочешь писать о Дюринге, то сообщи мне об этом поскорее.

Сердечный привет всем вам

твой

В. Либкнехт

С новой организацией партии дела идут очень хорошо; поглощение лассальянства происходит легче и быстрее, чем я ожидал. Если захотите, дам подробный отчет!

№ 5
ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
25 октября 1875 г.

25.10.75.

Дорогой Энгельс!

Этому субъекту (дюрингианцу) я уже ответил письмом, и притом очень резко. Поэтому я не смогу ответить ему еще раз в «Почтовом ящике». Но я найду повод, чтобы высказаться против этого рекламного разгула и культа Дюринга и известить о критике. Ну *а тебе нужно прислать ее как можно быстрее.*

Все же ты должен был знать, что статья о Дюринге была написана *Бебелем* и что он не имел понятия о подлых нападках на Мавра; в свое время я писал тебе об этом [16].

Газенклевер вышел в отставку, все *Правление* «честно»*[17]. Призрак лассальянства еще туманит головы некоторым членам партии в Гамбурге и Альтоне; в Берлине и Рейнской области он уже почти совсем исчез. *Выдающиеся* поборники почти все без исключения обратились в новую веру; сейчас остался только *хвост,* спазматически подергивающийся после того, как голова отсечена. Бракке полюбовно *договорился* с Правлением. Эта мера [18] была вызвана событиями в Гамбурге (агитацией брёйерцев) [19] и в отношении «Предложения Лассаля» уже *отменена.* Бракке должен как-нибудь публично выступить в *Гамбурге,* это окажет неплохое воздействие.

Гамбуржцы хотели сделать мне выговор, так как я не отметил в «Volksstaat» день смерти Лассаля. Я обратил их внимание на бессмысленность мессианского «культа Лассаля» и вообще решительно высказал им всю правду, и они успокоились. *Лично* я нахожусь в наилучших отношениях с людьми (мои лекции о французской революции посетили 5—6 тыс. человек, и всюду находили отклик) и ручаюсь в том, что в умах все скоро прояснится. Негодяй *Рихтер,* систематически играющий в лассальянство и науськивающий против научного социализма, будет *выброшен,* если не подчинится [20]. Его уже пригласили на заседание Правления. Если он вылетит, то за ним последует еще полдюжины.

Но сейчас *меня* выгоняют из редакции (воскресенье, 12 часов). Прощай! В следующий раз подробнее. Вероятно, из Берлина, где будет жарко [21].

И *не забудь о Дюринге.* Всыпь ему как следует.

Привет тебе и Марксу.

---

* — «честными» называли эйзенахцев. *Ред.*

№ 6

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
1 ноября 1875 г.

Лейпциг, 1 ноября 75.

Дорогой Энгельс!

Прилагаю ответ на мой отказ от рекламирования Дюринга; итак, я нанесу удар в «Почтовом ящике» (в следующем номере) [22]. А теперь давай побыстрее и поосновательнее критику Дюринговых сочинений. Тот факт, что Беккер поддерживает требование Энса, покажет тебе необходимость, наконец, покончить с этим. И не забудь также Дюрингову философию. Прошу при случае вернуть мне послание Энса.

Не можешь ли ты прислать нам что-нибудь для нашего нового популярного журнала? [23] Я слышал, ты занимаешься *исторической* работой — тогда должны быть отходы.

В будущем году я как-нибудь приеду к вам из Парижа, чтобы обсудить кое-что такое, что можно уладить только устно — если не страдать от лишнего времени.

Завтра отправляемся в Берлин [21]. Любопытно посмотреть на физиономии.

Привет тебе, Марксу и семье

твой

В. Либкнехт

№ 7

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
16 ноября 1875 г.

16.11.75.

Дорогой Энгельс!

Будь так добр и не заставляй меня слишком долго ждать опровержения Дюринга.

Посылай статью в *Берлин,* в рейхстаг или на мою частную квартиру: 95 Вильгельмштрассе.

В этот раз мы пробудем в Берлине довольно долго и, вероятно, окажемся причиной нескольких «сцен».

В Берлине будет основана ежедневная газета [24] — она должна постепенно сделать «Neuer Soc. Dem.» ненужным, так что «Volksstaat» станет единственным центральным органом. План

бывшей «Deutsche Allgemeine»! Это показывает тебе, как обстоят дела. К сожалению, у нас еще нет подходящего редактора кроме Гассельмана. *Блос* согласился взять на себя Криммичау[25]. И в Гамбурге тоже нужен еще один редактор. Может быть, ты знаешь кого-нибудь? Жалованье очень хорошее.

Ты *должен* время от времени посылать что-нибудь для нового популярного журнала[23]. Мы изнемогаем здесь под бременем работы.

Завтра я опять должен ехать в Берлин.

Привет тебе, Марксу и семье.

Спешу
твой
В. Л.

№ 8

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
26 декабря 1875 г.

Письмо получил. Рад, что ты уже приступил к работе, которую я жду[26]. Еще более рад тому, что Карлсбад оказался столь эффективным[27]. «Заклеенное» [«vorklebte»] не забыто (и не было забыто). Это была только перестрелка. Атака впереди[28].

С Новым годом! тебя и остальных друзей. Замечание о Франкеле было опубликовано в мое отсутствие[29], оно ***очень*** рассердило меня, но дело уже исправлено, насколько это возможно. Положение Франкеля не опасно, я думаю.

№ 9

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
26 февраля 1876 г.

Будет сделано клише гравированного портрета Лупуса. Вы сможете написать биографию?[30] Весьма желательны также фотография и биография *Шаппера*. К тому же это старый долг.

Приветствую...

Лейпциг, 26.2.76.

№ 10

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

7 апреля 1876 г.

Лейпциг, 7.4.76.

Дорогой Энгельс!

Вот это превосходно! Обещанная работа [31] придется весьма кстати! Сначала, конечно, мы напечатаем ее в «Volksstaat». 25 экземпляров ты получишь [32]. Рамм просит тысячу извинений за то, что был так нелюбезен. Хочет наверстать упущенное. Эта проклятая бестолковщина: враги доставляют нам столько хлопот, что о друзьях мы порой забываем. И я не могу *все* держать в голове. Я все еще не оправился после последней предвыборной агитационной кампании. Это не шутка шататься по Шлезвиг-Гольштейну в метель, а затем в оттепель. И по Баварии при 19° мороза тоже.

Бедняга *Пфендер!* После того, о чем несколько недель назад написала г-жа Маркс, я ожидал кончины этого славного парня. Ряды редеют. Тем теснее должны сплотиться оставшиеся в живых и тем большую ношу принять на себя. Некролог уже сдан в набор [33], и я напишу *г-же Пфендер*.

Не забудь о *Лупусе и Шаппере*. Портрет первого уже почти готов; чем быстрее пришлешь биографию [30], тем лучше. Это же был замечательный человек — с железной волей. Недавно я встретил одного из его силезских друзей периода «до 48»! Я показал ему портрет: «Совершенно не изменился!» И он рассказал мне об их совместных делах.

Насчет Веерта [34] — это прекрасная мысль. Если бы только у меня был полный экземпляр «Neue Rheinische Zeitung»! А где взять? Украсть? Может быть, ты будешь так любезен и попросишь Тусси переписать для меня несколько стихотворений. Она охотно сделает это.

Вальтейху я написал еще 3 недели назад. Он сказал, что работа уже напечатана и появится на этой (текущей) неделе [35]. Причиной задержки были производственные трудности. Но в любом случае Вальтейх должен был бы написать Марксу и извиниться. Я только что послал ему второе предостерегающее письмо. —

Меня опять облагодетельствовали несколькими процессами, один из них — за «оскорбление величества» (18 марта в Берлине) [36]. Для последнего процесса мне нужен только *материал, иллюстрирующий поведение «принца», бегство и т. д. Можешь ли ты мне что-нибудь достать? Газеты того времени?*

Или еще что-нибудь? Все было бы возвращено в целости. Я *должен* нанести основательный удар Тессендорфу и его покровителям. —

Меня с превеликим удовольствием посадили бы в тюрьму, чтобы парализовать на период избирательной кампании и не допустить моего избрания в рейхстаг. Ште[..?] *знает,* что он у меня в руках. —

Правление партии настоятельно просило меня отказаться от поездки в Париж в этом году; у нас в связи с полицейскими преследованиями много работы, а мелкий пакостник Тессендорф своей последней дурацкой выходкой добился, по крайней мере, того, что мы получили и еще кое-какую работу дополнительно. Так что, вероятно, в этом году ничего не получится, как бы ни манила меня обещанная «комната с обстановкой». Однако — посмотрим! Лондон все же моя *настоящая* родина — я ощущаю это все сильнее и сильнее.

После многочисленных перерывов меня теперь окончательно отрывают от письменного стола, так что будь здоров!

Большой привет тебе, Мавру с семьей и другим друзьям, старым и молодым.

Прощай. Твой

В. Либкнехт

У меня все благополучно.

Возможно ли достать парламентский отчет об английских земельных отношениях? [37] Маркс писал, что тираж распродан, но он попробует достать для меня один экземпляр. Неужели вообще ничего нельзя раздобыть?

№ 11

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
12 апреля 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Я забыл спросить тебя, являешься ли ты еще германским подданным и не хочешь ли выставить свою кандидатуру в рейхстаг? Маркс экспатриирован, стало быть, его выдвигать нельзя. Прошу ответить как можно обстоятельнее, так как в понедельник у нас заседание.

Привет

твой

В. Л.

Лейпциг, 12 апреля 1876.

№ 12

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ – ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
26 апреля 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Получил твое письмо [38] — мне бы тоже не хотелось сидеть в этой дыре. Но этого нельзя избежать. —

Страстно ждем твою статью [30] (портрет Лупуса уже готов!) — нет ли у тебя материалов о 18 марта (Берлин) и бегстве принца? [39] А о сельскохозяйственной статистике? [37]

Нам, т. е. типографии, нужна работа, и мы охотно напечатали и выпустили бы второе издание твоего «Положения рабочего класса» [40] («Прилично».) Правда, раньше ты говорил, что есть еще много экземпляров первого издания. Но это не так; как я только что узнал, уже более полугода тому назад Виганд сообщил нашей экспедиции, что *у него осталось лишь несколько экземпляров и он уступит их мне по повышенной цене.* Это равносильно тому, что издание *распродано.* Не будешь ли ты так добр и не напишешь ли Виганду? Еще одно! Нельзя ли, чтобы Маркс склонил Мейснера печатать 2-ой том у нас? У нас очень хорошие латинские шрифты.

Может быть, я все-таки приеду как-нибудь этим летом — если мне не придется «отсиживать».

Сердечный привет всем вам

твой

В. Либкнехт

Лейпциг, 26 апреля 1876,

№ 13

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ – ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
16 мая 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Как насчет твоего «Положения рабочего класса»? [40] Прилагаю рукопись Моста, которая покажет тебе, что дюринговская эпидемия поразила даже людей в прочих отношениях разумных; необходимо с ним разделаться. Пришли рукопись назад [41]. —

Прилагаю также оттиск гравированного портрета Лупуса в качестве *напоминания*[30]. Не заставляй же меня так долго томиться в ожидании. —

Неужели Синюю книгу по земельному вопросу никак нельзя достать?[37]

Что тебе известно о Боркхейме? Он писал мне несколько месяцев назад; но с тех пор опять пропал. —

Остерегайся *«Рихтера»** и *предостереги также людей из «Вперед»*. У меня есть основания для подозрений, которые столь же весомы, как все ваши советы[42].

Привет Мавру с семьей и тебе

твой

В. Л.

Лейпциг, 16.5.76

Я вынужден послать рукопись Моста бандеролью, так как в противном случае почтовые расходы слишком велики.

№ 14

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

10 июня 1876 г.[43]

Дорогой Энгельс!

Итак, ты взялся за биографию Лупуса![30] Это снимает камень у меня с души. —

Что касается статьи о Дюринге, то я дам любое желаемое объяснение. — То, что в передовых статьях в «Volksstaat» наплели много глупостей, к сожалению, правда, но этого нельзя было избежать. Нам не хватает знающих людей. Еще один повод для того, чтобы вы время от времени вмешивались и указывали нам направление; я говорил тебе с самого начала, что нам необходимы ваши теоретические статьи. —

Твои замечания о Синей книге — для меня намек, я сразу догадался, что различные фамилии в одной семье использованы для того, чтобы скрыть истинное положение вещей. —

---

* — игра слов: в переводе с немецкого «Richter» означает «судья». *Ред.*

По поводу твоего контракта с Вигандом я переговорю с адвокатом Фрейтагом [40]. В «Авторском праве» Дамбаха я ничего не нахожу. —

Р.[42] пытался здесь весьма странным образом завладеть пакетом с письмами, который прошлой зимой должен был быть отправлен мне в Берлин. Он был *пьян* и поэтому очень неловко взялся за дело, так что его зацапали. Во хмелю его много часов подряд преследовала *idée fixe* завладеть пакетом; это ему даже удалось, но его спутники заставили его опустить пакет в почтовый ящик, что он и сделал, после того как попытка *подменить* пакет не удалась. Лица, присутствовавшие при этом происшествии и до этого твердо верившие в его честность, были теперь озадачены. Пьяному часто приходят в голову странные вещи, но ведь что̀ у трезвого на уме, то у пьяного на языке. «In vino veritas» * — в этом все же что-то есть. — О других весьма подозрительных обстоятельствах я здесь говорить не стану, так как они не столь вески, как то, что я рассказал. Отмечу только, что Р. неоднократно предлагал свои услуги по *передаче писем* и т. д. и просил рекомендации к всевозможным партийным товарищам [44].

Сердечный привет. Скорого выздоровления твоей жене!

Твой

В. Л.

На днях вас посетит приятный гость: Лингенау, который завещал партии свое состояние [45]. —

Моя жена и младшенький нездоровы; поэтому я едва ли смогу съездить на следующей неделе в *Киль,* где назначен мой процесс (оскорбление армии в публичной речи). *Неявка* может стоить мне нескольких месяцев тюрьмы.

Берлинский процесс провалился; молодцы грандиозно осрамились в своем рвении. — У меня *много* материалов о 18-м марта [39]. Только что пришел Лингенау и сказал мне, что поедет *не* через Лондон.

Прощай!

С нетерпением ожидаем обещанную для «Volksstaat» работу «О трех основных формах порабощения» [31]. Это как раз то, что нам нужно. —

Что поделывает Женни Маркс? Должно же быть у нее опять что-нибудь для газеты. Привет всей семье.

---

* — «Истина в вине». *Ред.*

№ 15

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

29 июня 1876 г.

Отто Виганд говорит, что у него еще есть экземпляры, но он больше не сможет уступить их по сниженным ценам. Теперь должен вмешаться ты и спросить, сколько еще имеется экземпляров. *Нам* Виганд не станет отвечать [40]. Ты ведь можешь уполномочить меня, и тогда я улажу дело путем устных переговоров.

Привет

Лейпциг, 29 июня 1876.

№ 16

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

между 20 и 25 июля 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Прилагаю послание Моста [46]. Естественно, я устроил ему хорошую головомойку. Но ты видишь, что пора, наконец, серьезно взяться за это дело. Дюрингианство совершенно не опасно; но его *замалчивание* может привести к тому, что оно *поднимет голову*. —

И пришли, наконец, продолжение статьи о Лупусе [30].

Ты, вероятно, получил мою почтовую открытку. Только *ты* можешь добраться до сути дела. Тебе Виганд *должен* сказать, сколько у него еще осталось экземпляров. А если мы будем знать количество, то сможем принять свои меры [40].

Здорова ли Женни со своим мальчиком? —

А все остальные?

Сердечный привет тебе, твоей жене и всей семье Мавра.

Твой

В. Л.

В понедельник я поеду на несколько дней в Тюрингию. —

Кстати, хочу спросить: *как вы относитесь к попыткам бакунистов к сближению?* Пожалуй, можно было бы согласиться на совместный конгресс, после того как предварительно делегаты каждой стороны заседали бы *отдельно*. Сообщи мне ваше мнение [47].

Г. в письме Моста — это Гассельман. Письмо Моста пришли при случае обратно! —

№ 17

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

31 августа 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Возвращаю письмо Лаврова [48]. *Мои* письма, которые Гуревич подсунул в руки полиции, были заведомо написаны так, чтобы их мог прочитать Штибер, но не так обстояло дело с многочисленными письмами господ русских. Лавров заблуждается, если думает, что я доверился *хотя бы одному* русскому эмигранту. Я совершенно не отвечаю за то, что *болтают* эти людишки, а болтают они страшно много. Чернышев ездил в Берлин *не* по моему поручению, но, разумеется, с моего ведома,— испортить там было уже нечего [49].

Статьи о Вольфе ты, вероятно, получил [30].

Съезд был отвратителен по форме, превосходен по существу. Дело *Фроме* было инспирировано Гассельманом, который потерпел при этом фиаско. С Газенклевером мы поладим — разрыва можно не опасаться. Если бы Газенклевер не вошел в состав редакции, он мог бы произойти [50].

Итак, я весьма рассчитываю на то, что ты и Маркс окажете поддержку новой газете. Про статьи о Дюринге я уже объявил на съезде, где меня обвинили в преднамеренном замалчивании Дюринга (Фрицше, фанатичный поклонник Дюринга — но он ничего не добился) [51].

На следующей неделе у меня процессы в Киле и Берлине — оскорбление армии и величества. Если бы только процессы не отнимали так много времени.

Прощай! Как я завидую вам из-за ваших морских прогулок!

Сердечный привет всем вам

твой

В. Л.

Лейпциг, 31.8.1876.

Если у Виганда осталось лишь несколько экземпляров — в чем я уверен,— то мы купим их у него за *полную* цену. Так что стоило бы, пожалуй, сделать запрос.

Мы *сразу* же закажем 10 экземпляров. Если он заявит, что уступит только отдельные экземпляры, то мы будем заказывать один экземпляр за другим. Но это может долго продолжаться, а если ты сделаешь запрос, процедура ускорится [40].

№ 18

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

19 сентября 1876 г.

Получил последнюю статью [30]. — Заметка о Шрамме, посланная из Мангейма, прибыла в мое *отсутствие* и была принята Л. [52] — Что касается дела Фроме — Зоннемана [50], ты прав; очищение от грехов необходимо, впрочем, оно уже частично произошло; о социализме нечего и думать. All right! — Ты можешь дать мне *полномочия* по отношению к *Виганду?* На днях мы заказали 10 экземпляров и получили их только через некоторое время с оговоркой, что мы должны принять *поврежденные* экземпляры, так как никаких других нет [40]. — С нетерпением жду твою статью! [53]

Привет,

твой

Лейпциг, 19 сентября 1876

(3 часа назад вернулся из Рудных гор, которые мне послезавтра опять придется почтить своим присутствием.)

№ 19

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

27 сентября 1876 г.

Мы бы хотели перевести «Историю Коммуны» Лиссагаре на немецкий язык. Будь добр, спроси, пожалуйста, Лиссагаре, адрес которого мне не известен, даст ли он нам разрешение? [54]

Я уже 8 дней в Рудных горах, но послезавтра возвращаюсь.

Твой. —

Гейер, понедельник, 27.9.76

№ 20

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

4 октября 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Прикрепляю к письму это освобождение из когтей Виганда [55]. Итак, проданы последние экземпляры, *первое издание распродано*. Стало быть, у тебя «развязаны руки», и

ты можешь выпустить второе издание, как только захочешь.

Спешу, твой

В. Л.

Вернулся ли Маркс из Карлсбада?

Не попытаются ли его связать с пражским убийством? («Члены Интернационала» оказались парой безобидных акционеров газеты «Budoucnost».)

№ 21

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
16 октября 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Я дважды был у адвоката по поводу контракта, ответ — *контракт должен быть налицо,* иначе невозможно дать заключение. Если бы первое издание было распродано уже в 1846 г., а о втором не было бы еще и речи, тогда вступил бы в силу срок давности. А так это сомнительно. Пришли мне все же письменные полномочия для ведения переговоров с Вигандом. Я уверен, что он не имеет никакого желания готовить второе издание, даже если бы у него и было право [40].

Что же касается брошюры о Дюринге, то твои пожелания будут точно выполняться. Наши последние работы оформлены частью хорошо; к тому же 1000 экземпляров должны быть выпущены в свет à condition *. Я с нетерпением жду твою разгромную работу.

С бакунистами я *очень* осторожен; ответное письмо было, насколько это возможно, сдержанным; мы *не* будем на конгрессе официально, а тот из нас, кто поедет *частным образом* (вероятно, Мост, так как ни Бебель, ни я не можем освободиться), сначала свяжется с *цюрихцами.* Итак, никакой опасности. — Я бы занял *совсем* отрицательную позицию, если бы в это плохое общество не попало много порядочных людей (напр., Элизе Реклю и т. д.) [47].

---

* — с условием, что они могут быть возвращены обратно. *Ред.*

Прилагаю объявление о помолвке моей старшей дочери. По таким семейным событиям замечаешь, что становишься старым.

Прилагаю записку от Рамма!

Сердечный привет

от твоего

В. Либкнехта

Лейпциг, 16.10.76.

Отдельный оттиск статей о Дюринге (на хорошей бумаге, в обложке) будет разослан à condition примерно в 1000 экземплярах. — Будет дано также объявление в каталогах, в «Börsenblatt» и в списках вышедшей литературы. —

Что же касается «Положения рабочего класса в Англии», то самым правильным было бы, чтобы автор потребовал у издателя четкого заявления, хочет ли он осуществить 2-е издание и если да, то *до какого времени*. —

В остальном все зависит от формулировки контракта.

Поэтому мы не можем сами вмешиваться, так как Виганд сразу же заметит, что мы сильно заинтересованы. — Тогда он, вероятно, организовал бы стереотипное издание в 1000 экземпляров и продавал бы их по 6 марок за экз. [40]

№ 22

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
30 ноября 1876 г.

Дорогой Энгельс.

Получил 2 первые посылки [53]. Великолепно. Все будет сделано. На днях ты получишь первые корректуры. Привет тебе и Марксу.

(Предвыборная агитация в полном разгаре; шансы сверх ожидания благоприятные. Если бы только у нас было побольше «средств»!)

Лейпциг, 30.11.76.

Адресуй всегда только по-старому, так как я теперь часто отсутствую. До позавчерашнего дня был 10 дней в Оффенбахе (Дирбургский округ), где от нас, при условии некоторой агитации, не ускользнет победа! —

№ 23

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

8 декабря 1876 г.

Дорогой Энгельс!

Только что я узнал от Гейба, нашего министра финансов, что нельзя получить достаточное количество денег для 2-х моих важных избирательных округов (в Саксонии и Гессене), которые *очень-очень бедны,* и что партийное руководство рассчитывает на то, что я соберу необходимое частным образом. Так что мне не остается ничего другого, как зондировать почву там и сям. В том числе и у тебя. *Не можешь ли ты дать мне несколько фунтов стерлингов?* Они будут истрачены с пользой[57]. В районе, избравшем меня, я пройду снова, но — нам нужно немного *больше* денег, чем те 100 марок, которые *помимо* средств на агитацию может выделить Правление. А в Оффенбахе я одержу победу, если будут использованы необходимые средства. Я убедился в этом во время моей недавней агитационной поездки. До конца сессии (примерно 20 декабря) я, с короткими перерывами, должен буду находиться здесь; во время 3-их чтений мы должны быть на месте. —

На брошюре о водке твоя фамилия *не* стоит; но в перечне книг не проявили такого такта — это должно быть исправлено[32].

Я прошу передать «Положение рабочего класса» в наше издательство — в интересах *распространения внутри партии.* Бракке очень энергичен, но в *этом* вопросе он не может конкурировать с нами. К тому же я позабочусь, чтобы книга попала и в *другие* круги. Наше книготорговое дело должно быть и *будет* полностью преобразовано. —

Я оставил твое письмо в Лейпциге[38], поэтому точно не знаю, все ли я выполнил.

Привет тебе и семье Маркса.

Твой
В. Л.

Берлин, 8.12.76.

Первую посылку с корректурой я получил еще в среду в Лейпциге. Публикация последует *сразу же.* Наняли очень дельного наборщика, который работает быстро и хорошо.

№ 24

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
12 января 1877 г.

Лейпциг, 12 января 1877

Дорогой Энгельс!

Ты одновременно получишь бандероль с одним экземпляром второго издания моей «К аграрному вопросу». Мы хотели бы так оформить твое опровержение Дюринга. Тебе это подходит? Прошу ответить немедленно. Работа великолепная, всем нравится, и мы сделаем для нее все, что сможем. —

Я достал необходимую сумму. Жаль, что не могу занять необходимое *время* (время все же не деньги). Я должен был бы победить в Оффенбахе и Дрездене. В *городе* Дрезден я получил большинство против *обер-прокурора* и организатора процесса о государственной измене. Отличный реванш. Деревни, в которых я не смог выступить, перевесят чашу весов против меня [58]. Берлинский результат блистателен. При первой же попытке мы отобрали у прогрессистов 2 избирательных округа из 6-ти, а в одном у нас перебаллотировка (со *слабой* надеждой, если достигнутый «успех» сотворит чудо) [59].

Почти всюду прирост голосов. Конечный результат еще не ясен. Во всяком случае, мы приобрели несколько мест и еще кое-что получим при перебаллотировке. Я рассчитываю на 15 мест [60]. Естественно, это вызывает «противодействие». Плевать мы на это хотели.

С Новым годом!

Привет от твоего

В. Либкнехта

№ 25

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
1 февраля 1877 г.

1.2.1877

Дорогой Энгельс. Все в порядке! Тем временем ты, вероятно, получил корректуры и получишь на днях целый годовой комплект «Neue Welt», великолепно переплетенный [61]. — Я еще не разделался с некоторыми работами, но думаю, что смогу написать тебе завтра или послезавтра подробнее. — «Заявление» Раша я еще не читал, но постараюсь достать его

как можно скорее[62]. — Ты должен учитывать колоссальные предвыборные усилия (мне приходилось, например, в течение 2-х дней или, вернее, 36-ти часов проводить 6 народных собраний и 1 конференцию), мы не болтаемся без дела, хотя в хлопотах иногда что-то и забываешь или откладываешь в сторону.

Привет от твоего

№ 26

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

7 февраля 1877 г.

Дорогой Энгельс!

Только сегодня я занялся опровержением чепухи Раша[62]. Возвращение к этому делу не может, кстати, ничему повредить. —

Мы будем печатать только то, что предварительно исправлено тобой. В будущем мы будем давать, если это тебя устраивает, каждую неделю один *более длинный* раздел приблизительно такого объема, как в сегодняшнем номере. Исправь, пожалуйста, и напечатанные листы еще раз, чтобы мы смогли приложить список опечаток. Доволен ли ты теперешним оформлением? — По поводу юрцев *не опасайся.* Всему есть предел, и *мы* не *выйдем за рамки уже сделанного.* Мы же сделаем то, что должны были сделать, и это ускорит разложение этих безнадежных сектантов, ты убедишься в этом в течение года. Мы вбили клин[63]. —

Не переживай также из-за *Фроме*[50]. Он был лишь орудием; организатор жалко провалился, и мы *позаботились о том,* чтобы он больше не встал на ноги[64]. Существуют вопросы, где нет места благодушию. — Выборы принесли нам большую пользу и в отношении очищения партии тоже. То, что мы потеряли именно *те* округа, где лассальянство сохранилось еще в относительно чистом виде[65], очень характерно; но лучше оставим *эту* тему. Между прочим, ты ведь знаешь, чего хотят Штибер и К° от лассальянства? Пытаются использовать его против *нас!* И это делает всякое обсуждение в письмах слишком щекотливым. У писем тоже есть своя судьба. А у меня уже исчезли (написанные не мной) письма, и через тайную почту их подбросили *лассальянцам,* чтобы вызвать скандал.

Я непременно приеду летом в Лондон[66] и тогда поговорим о том, что не предназначено для глаз Штибера. —

Вероятно, мне придется в течение всей следующей сессии сидеть под арестом. Что ж, тогда я, по крайней мере, отдохну, что иначе невозможно. Предвыборная борьба была трудной: с ноября я провел от 30 до 40 собраний, во время перебаллотировки в Оффенбахе сразу 6 (шесть) за 2 дня и сверх того 3-часовую конференцию. Но это было уже свыше всякой меры, я и сейчас еще не оправился от этого. На днях снова начнется суматоха, в Глаухау и Бреславле (в Бреславле у нас есть *шансы*, в Глаухау же, естественно, прочные позиции — мы выставили там *Бракке*[67], что вызвало конвульсии у некоего провалившегося[68]).

Если бы только я снова мог ходить! Я повредил себе недавно ногу, испытываю сильные боли. И если бы только с редакцией снова все было в порядке! Настоящий проходной двор! Сегодня одного нет, завтра другого. Прощай! Привет

твой

В. Л.

Том «Neue Welt» или уже отослан, или будет послан на днях[61].

№ 27

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
9 апреля 1877 г.

Лейпциг, 9.4.1877

Дорогой Энгельс!

Ты уже, наверное, тем временем получил корректуру. Разделайся с ней быстрее, так как мы даем первую половину статьи в следующем №. Я уже несколько месяцев не могу всерьез заниматься газетой, да и сейчас, к сожалению, тоже. Если бы ты знал, как я изнурен и замучен, то избавил бы меня от своих излишних упреков. Право, 2 месяца наедине с самим собой — это для меня настоящий божий дар. —

Как велики будут статьи? Когда дело дойдет до политической *экономии?* Я хотел бы это знать, потому что мы намерены издавать научное приложение (1/2 печатного листа еженедельно), в которое, разумеется, должны войти твои статьи. Но это нельзя сделать посреди серии, а лишь, когда начнется *экономическая* часть. — Энс — слабоумный и, пожалуй, скоро попадет в сумасшедший дом[15].

В великий четверг выходит замуж моя старшая дочь. Это тоже стоит мне много хлопот, как ты можешь себе представить.

Привет тебе и Мавру с семьей

твой

В. Л.

Завтра еду в Берлин.

Итак, пиши туда (просто в *рейхстаг*).

№ 28

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
14 апреля 1877 г.

Лейпциг, 14.4.1877

Дорогой Энгельс!

Все-таки забавно, что самые грубые люди также и самые обидчивые; «к издевательству прибавить оскорбление», «не сдержать слово», «затычка, если не умышленный разрыв статьи, чтобы отвратить от нее публику», я «слишком «слаб» или не имею желания и т. д.» — это уж чересчур. И ультиматум à la Горчаков! [69]

Ты непременно хочешь привести меня в ярость. Но — ссора между нами была бы огромной глупостью, и я, как бы ты ни действовал, ее *не* совершу. Итак, спокойствие. Что же, черт возьми, случилось? С декабря я только 8 дней подряд был здесь, а положение других сотрудников редакции и руководства типографии было немногим лучше. Само собой разумеется, что не все могло идти без сучка, без задоринки. Я передал Рамму, человеку действительно очень добросовестному, твои статьи и письма, содержащие инструкции, и убедительно просил его быть возможно аккуратнее. Предвыборная кампания и *его* немного выбила из колеи. Во всяком случае, за *мной* нет никакой вины. Если ты думаешь о влиянии Дюринга, то совершенно ошибаешься. Осла Энса [15] все и считают ослом, даже идиотом; за исключением нескольких грубых писем от дюрингианцев, на которые был дан еще более грубый ответ, никто не выступил против твоих статей, а всем разумным людям они чрезвычайно понравились. То, что во время избирательной кампании в газете было помещено много твоих материалов, верно, нам как раз недоставало статей: а то, что люди тогда не читали, они с тех пор прочли. Наши

подписчики, *почти все без исключения, сохраняют газеты,* так что у них ничего не пропадает. Если затем печатание замедлилось, то причина этого кроется частично в большем наплыве материалов, *частично в отсутствии достаточного контроля со стороны метранпажей* — последнее упущение я признаю, но не я в этом виноват. Пока не кончится сессия рейхстага, *я не могу* осуществлять постоянный контроль. Сегодня же я твердо договорюсь с Зейфертом, единственным членом редакции, который не является ни депутатом, ни «агитатором» и ведет оседлый образ жизни, о том, что *он* должен заботиться о своевременной публикации, и поручу Рамму контроль. — Только что я разговаривал с наборщиком твоих статей и метранпажем: 12-я статья (11-я появится в этом — воскресном и в номере от среды) будет сразу набрана и послана тебе; пока она в дороге, приступят к 13-й статье, так что когда 12-я будет сдана, можно будет сразу же набирать 14-ю. Ведь у нас не так много *нового* шрифта, используемого для твоих статей.

Короче, теперь дело должно наладиться, а если снова что-либо не получится,— о чем я не хочу и думать,— то ты знаешь, по крайней мере, кто в ответе за это, а кто нет. Но дело пойдет. —

Итак, напиши мне возможно скорее, хочешь ли ты, чтобы после 14-й был сделан перерыв, и, если да, то на какой срок? И согласен ли ты с тем, что твои статьи по политической экономии будут печататься в научном еженедельном приложении, которое мы намерены издавать в ближайшее время [70] — самое позднее с 1 июля — объемом в 8 листов, формат журнала «Waage». —

Еще одно. То, что я не сразу ответил на твое письмо от конца марта [38], объясняется тем, что оно 1) пришло в мое отсутствие и 2) *когда* я его получил, как раз была свадьба моей дочери. Тогда об ответе я забыл. Но *не* забыл дать распоряжение сразу послать тебе корректуру — что и было сделано.

Ну теперь, я думаю, все вновь в порядке, и ты видишь, что мы все же не такие уж скверные субъекты, как ты себе вообразил.

Привет тебе, Мавру и семье

твой

В. Либкнехт

Сегодня ночью приехал из Берлина. Меня вчера лишили слова, когда я хотел выступить против Бисмарка (по вопросу

приговора) [71]. Мог бы быть огромный скандал. Но я еще припомню ему это в другой раз.

В понедельник на повестке дня стоит наш закон об охране труда [72]. Это значит, завтра ночью опять уезжать. —

P. S. Нет времени перечитать. Если то или иное слово покажется недостаточно убедительным, то подойди к нему с другой меркой.

№ 29

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
16 апреля 1877 г.

Берлин, 16.4.1877

Дорогой Энгельс!

Не правда ли, с тобой опять все в порядке? А если в двух моих письмах и было какое-нибудь слово, которое тебе не понравилось, то подумай все же, как резко ты на меня накинулся, на меня, совершенно невиновного. Твое последнее письмо в Лейпциг случайно попало в руки моей жены, которой я поручил вскрывать всю получаемую в мое отсутствие корреспонденцию; она подумала, что, очевидно, вспыхнула серьезная ссора, и была очень неприятно поражена.

Но оставим это. Теперь сделаны необходимые распоряжения, чтобы в дальнейшем избежать нерегулярности при публикации твоих статей. (Я только что еще раз направил отсюда инструкции.) Лишь *следующая* статья, вероятно, немного запоздает, так как в субботу она еще не была набрана, а чтение корректуры занимает у тебя все-таки несколько дней.

Впрочем, я повторяю тебе, что наши читатели мало пострадали от разрывов между статьями, так как они почти все без исключения собирают газеты и последовательно читают статьи, помещенные в разных номерах.

Пожалуйста, дай мне скорее знать, доволен ли ты тем, что 2-й раздел твоих статей появится в *приложении* к «Vorwärts». Для этого приложения мы получили в дар 2000 рейхсталеров; оно будет размером в пол-листа, сложенного в 2 или 4 раза. Если это тебе *не* подходит, то мы, конечно, должны будем придерживаться в отношении твоих статей прежнего соглашения. Короче, твое «желание будет законом».

Будь так добр и адресуй впредь — пока заседает рейхстаг — возможные *деловые* сообщения *Рамму*. Это обеспечит немедленное исполнение. —

Как велика будет *приблизительно* 2-я часть? — Приложенное письмо передай Марксу [73].

Сердечный привет от твоего

В. Л.

(написано во время ужасно скучной речи Риккерта о реформе промышленного устава) [74].

С четверга я снова буду в Лейпциге.

№ 30

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
22 апреля 1877 г.

Лейпциг, 22.4.1877

Дорогой Энгельс.

Письмо получил [43]. Хорошо, что гроза миновала. Корректура тебе отправлена, и очень скоро последует оставшаяся часть. Надеюсь, теперь уже больше не будет помех, по крайней мере, я сделал все возможное, чтобы предотвратить их.

Подробнее из Берлина, куда я завтра отправляюсь. Относительно польского законопроекта я сразу предприму шаги [75].

Привет тебе и остальным

твой

Теперь ты будешь иметь свой экземпляр «Neue Welt». Отослано очень давно.

№ 31

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
9 мая 1877 г.

Лейпциг, 9.5.1877

Дорогой Энгельс!

С польским законопроектом не получилось — он был слишком «актуален». Поляки трясутся от одной только мысли об этом; из Народной партии можно было заполучить самое большее Хольтхофа, а где я мог найти еще кого-нибудь? Я хо-

тел высказаться по этому поводу в своем *выступлении о бюджете* (перед заранее намеченной филиппикой о вотуме доверия Бисмарку), но меня валентинировали[76] — именно *потому*, что боялись этих и других неприятных обсуждений. Я заявил бюро рейхстага, что мы *официально* поставим рейхстаг к позорному столбу и парализуем его *придирчивыми выступлениями* по второстепенным вопросам бюджета, если валентиновщина не прекратится. Последняя угроза принесет плоды. Тем временем мы будем подогревать польский вопрос в «Vorwärts» и «Neue Welt», и я прошу о соответствующем материале (через поляков)[77]. Скажи это Врублевскому — его земляки в рейхстаге трусы, выражаясь по-парламентски. — Завтра у нас в Берлине заключительное заседание относительно приложения к «Vorwärts». О результате ты будешь поставлен в известность. Из Берлина я должен ночью ехать на процесс в Дармштадт (в качестве *свидетеля,* как это ни странно), в пятницу народное собрание в Оффенбахе, в субботу в Дибурге, в воскресенье возвращаюсь в Лейпциг, а в среду опять в Берлин, чтобы выступить за Газенклевера[78]. Сегодня я «заработал» 2 новых процесса. Итого сейчас 6 — сколько еще в запасе, я не знаю. Такие у нас дела.

Сердечный привет тебе и Марксу с семьей.

Твой
В. Либкнехт

№ 32

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
29 мая 1877 г.

Дорогой Энгельс!

Берлинцы, побуждаемые несколькими крикунами и путаниками, выдвинули на съезде предложение прекратить дальнейшую публикацию твоих статей о Дюринге в «Vorwärts». Это меня очень радует; теперь можно, наконец, разъяснить упомянутым [нашу] точку зрения. И это произойдет!

Я пишу тебе это лишь для того, чтобы ты не сердился понапрасну. Эта история абсолютно ничего не значит, тем более, что против Дюринга на нашей стороне даже *лассальянцы.*

Вопрос о научном приложении — или самостоятельном научном обозрении — будет окончательно улажен на съезде.

Привет тебе и Марксу.

До встречи в конце лета!
Если не приедете *вы,* приеду я.
Прощай!

Твой
В. Л.

P. S. Только что я узнал, что берлинское предложение было не против твоих статей вообще, а только за перенесение их в научное приложение, что очень смягчает дело.

№ 33

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
31 мая 1877 г.

Дорогой Энгельс!

Мост и подобные ему ослы не осмелились напасть. Они поняли, что я надаю им тумаков и ушли от битвы. *По их собственному предложению* дебаты ограничились вопросом о *способе* публикации больших научных статей, и, конечно, сошлись на том, о чем было предварительно достигнуто согласие, т. е. публикация в научном приложении или же в виде брошюр. Так как уже ранее было решено создать научное приложение и обозрение, то в итоге предложение оказалось совершенно *излишним,* и я высказал Бебелю, совершившему эту бестактность, правду в глаза. Я рассказал съезду, насколько было возможно, о значении твоих статей, историю их возникновения и т. д. Если бы дело дошло до развязки, то против нас было бы самое большее 5—7 человек, и *то,* что дело до развязки не дошло, вина как раз Бебеля, который тебе напишет.

Было бы очень хорошо, если бы ты поскорее прислал продолжение статей. Мы начали бы публикацию еще в течение июня, так что к 1 октября, когда должен начаться выход обозрения, мы бы закончили. Надеюсь, что ты согласишься. Я, во всяком случае, считаю важным, чтобы твои статьи выходили как составная часть «Vorwärts», а не в обозрении, доступном лишь узкому кругу. —

Относительно последнего при случае подробнее. Сегодня у меня нет времени. — В общем съезд прошел очень хорошо — *по-деловому.* Небольшой скандал был неизбежен, но очень полезен, так как показал бессилие *одиночки* с его сепаратистскими стремлениями [79]. —

Только что Рамм сообщил, что он написал тебе, будто научное приложение будет издаваться с 1 июля в *Берлине.* Это предположение неверно, как тебе должно быть ясно из вышеизложенного. Берлин был предусмотрен для обозрения, которое должно выходить с 1 октября. Но об «Обозрении» мы еще поговорим. Сердечный привет тебе и Марксу и *не поддавайся ложным сообщениям.*

Твой

В. Л.

Вчера я снова заработал 6 месяцев тюрьмы [80].

№ 34

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ 9 июня 1877 г.

Лейпциг, 9.6.1877

Дорогой Энгельс!

Из сообщения «Vorwärts» [81] ты, наверное, увидел, что я вовсе ничего не замял и не приукрасил. Наоборот: там даже не упоминается, что господа Мост и компания сами выдвинули предложение обсуждать вопрос лишь чисто *по-деловому* и избегать всего принципиального. Предложение гласило: большие научные статьи, подобные статьям о Дюринге, в будущем публиковать не в самом «Vorwärts», а в научном приложении к нему или в научном обозрении, а возможно и в виде брошюр. Предложение само по себе справедливое, но совершенно излишнее. Я бы его не допустил, если бы имел время объясниться с Бебелем, который прибыл на съезд совсем неподготовленным и поэтому *часто* действовал ощупью. Так я обезвредил *первоначальное* предложение, выдвинув как условие публикацию в научном приложении к «Vorwärts». Ты видишь, о «приказах» нет и речи.

Что было мне неприятно и побудило меня также к довольно энергичным протестам, это дурацкая манера, с которой некоторые *из наших «эйзенахцев»,* например Вальтейх, высказывались о статьях.

На съездах — это ты тоже знаешь — избежать таких нелепостей нельзя. Во всяком случае, глупостей наговорили лишь немногие. И ты можешь быть уверен в том, что дебаты на съезде не повредили популярности твоих статей. Наоборот. Их теперь читают больше и воспринимают глубже, чем прежде. —

К сожалению, я не мог присутствовать на съезде первые 2 дня из-за недомогания моей жены, иначе мне удалось бы кое-что предотвратить.

8 дней я борюсь за привилегию отбывать арест в Лейпциге, а не в Галле, где отвратительная тюрьма.

Во вторник рандеву с Тессендорфом в Берлине [82].

Прощай! Пришли *поскорее* продолжение!

Привет тебе и семье Маркса.

Твой
В. Л.

Ты не должен возлагать на меня ответственность за неправильные сообщения о съезде. В пятницу я сажусь в тюрьму. Тогда адресуй *Рамму!*

№ 35

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ 14 июня 1877 г.

Лейпциг, 14.6.1877

Дорогой Энгельс!

Пожалуйста, не откажи в любезности, просмотри прилагаемые заметки Гейзера о Фрейлиграте и *исправь* возможные неточности.

(Надеюсь, мне не нужно тебе говорить, что Гейзер не «лассальянец».)

В какой форме тебе хотелось бы увидеть опубликованными твои возможные исправления, должен, конечно, определить ты сам. Так как завтра я сажусь в тюрьму, пиши в редакцию «Neue Welt», Фирберштр. 12, II.

Все, что у тебя будет для *меня,* посылай Гейзеру или моей жене — это будет потом доставлено мне.

Ты услышишь обо мне из тюрьмы.

Кстати, я позавчера здорово отделал Тессендорфа в Берлине. Он был как громом поражен. Впрочем, он *еще* глупее, чем я думал. Сверх того — с видом на замещение вакансии в сумасшедшем доме. Бебель, к сожалению, попался [82].

Прощай! Привет тебе и семье Мавра.

Твой
В. Либкнехт

Не откажи в любезности, пришли *поскорее* продолжение статей о Дюринге. И, если у тебя есть еще что-нибудь, поду-

май о «Vorwärts», *который останется каким был*, только, возможно, будет еще *лучше*. Но вы не должны в самом деле скрупулезно выискивать редакционные погрешности и недостатки. С основания газеты не было случая, чтобы редакция хотя бы 8 дней подряд находилась в полном составе.

А *побочная* работа!

Спешу!

Открываю письмо еще раз. Не смог бы ты достать для нас хорошую фотографию Уркарта и написать краткий очерк о его жизни и деятельности? Это было бы очень полезно. Сегодня я — за неимением лучшего — должен был перепечатать довольно плохую статью тетушки Фосс [83].

№ 36

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

27 июня 1877 г.

Лейпциг, 27.6.1877

Дорогой Энгельс!

Сегодня утром меня посетит моя жена (конечно не в камере), и тогда я смогу отослать письмо. Твое письмо я получил недавно [38]. Разумеется, ты будешь продолжать писать для «Vorwärts» — решение, принятое съездом по моему предложению, чтобы исправить глупость Бебеля, гласит (с. 70 протокола): статьи будут публиковаться либо «в обозрении», либо в его предшественнике, научном приложении к «Vorwärts». Кстати, «научное приложение к «Vorwärts»» будет сохранено и после появления обозрения (о нем кое-что позднее). *За эту форму* публикации ты ведь сам был до съезда, я считаю ее также более *целесообразной*, чем существовавшую до сих пор. Прошу тебя, пришли поскорее начало статей. (Жаль, конечно, что его еще нет, так как первый номер приложения выйдет уже на следующей неделе.) Прошу тебя, именно сейчас, когда я полупарализован, не создавай ненужных трудностей. Тебе, право, не следует сердиться из-за глупых придирок и нападок на съезде. Они привели только к тому, что значение твоей работы стало еще более очевидным и — я могу *только* повторить *тебе* — статьи о Дюринге будут теперь читаться с бóльшим вниманием и бóльшим числом людей, чем до съезда.

Я заказал для тебя один экземпляр протокола — мои речи переданы отчасти в довольно искаженном виде, но все же не настолько, чтобы это затрагивало *суть*. —

Мне здесь не так уж плохо, но отсидка есть отсидка, а до 16 августа еще изрядный срок. И если бы только это было все. Самые опасные сети я недавно разорвал *в Берлине*, но все же остались еще различные «нити», из которых скручивается почтенная веревка. За статью, напечатанную в «Vorwärts» *в мое отсутствие*, положено с некоторого времени *6* недель (послезавтра слушание апелляции); за вторую, позавчерашнюю,— 10 недель [80]; за предвыборную листовку я приглашен в один *силезский* суд (вследствие дурацкого доноса) по обвинению в нарушении § 130, § 131 и еще полдюжины других параграфов. Мне ничего не смогут сделать — благодаря частым упражнениям я постепенно стал довольно опытным юристом,— но это требует времени и все-таки обременительно. Потом еще $^{1}/_{2}$ дюжины частных процессов (оскорбления, особенно во время предвыборной кампании). Ты видишь, уютно живется на родине дубов и лип. — Пора кончать. Рукопись пошли *Рамму*. Подумай также об Уркарте. И вообще о статьях для нас.

Письма для меня посылай моей жене, которой ты можешь — она принимает это близко к сердцу — написать несколько утешительных слов (но, ради бога, ничего о моих новых приговорах), а она доставит все сюда.

Сердечный привет тебе и семье Маркса. Скажи все же Лиссагаре (о книге которого я сейчас пишу статью для «Armer Conrad» [84]), что он должен прислать нам что-нибудь для «Neue Welt», что хочет и о чем хочет [85]. Пусть он пишет *по-французски*. Если не переведет Тусси, тогда я. Само собой разумеется, за гонорар. Я его сим также ангажирую для нашего *обозрения*, сотрудничество в котором будет оплачиваться.

Твой.

№ 37

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
7 июля 1877 г.

Лейпциг, 7.7.1877

Дорогой Энгельс!

Получил твое письмо [86]. Я думал, что ты прочитал *решения* в «Vorwärts». Там же ясно написано, что до выхода в свет обозрения будет издаваться научное приложение к «Vorwärts» и что статьи о Дюринге и подобные материалы пойдут в это приложение либо в «Обозрение».

Впрочем, как уже сказано, «Приложение» будет *постоянным*. Первый № (сдвоенный — целый печатный лист) выйдет 15-го этого месяца, так как Рамму удобнее сначала издать твои статьи брошюрой. Она будет для господ дюрингианцев как ушат холодной воды. — Мы вынуждены (*не* резолюцией съезда, а самими обстоятельствами) заступиться сейчас за Дюринга. Если тут и переборщили, то это вина не *моя*. Я уже сделал замечание Газенклеверу; он полностью со мной согласен, но считает, что так как он был избран в Берлине, то должен учитывать там *каждое* течение, которое может принести или стоить ему нескольких голосов. Публикация *стихотворения*, обращенного к Дюрингу, была, несомненно, бестактна, и об этом я тоже сказал. Теперь в «агитационной» передовой статье за Дюринга, которую мне пришлось взять на себя, решительно подчеркнута *принципиальная* точка зрения и указано на находящиеся в наборе удары. — Во всяком случае, в *этом* отношении можешь не беспокоиться. — Позицию «Vorwärts» по французским делам[87] я разделяю только *частично*. Статья «Долой республику» была совершенно абсурдна, и я также возражал против нее. Газенклевер, собственно говоря, не политик, хотя он, конечно, считает себя таковым. Уже приняты меры, чтобы по возможности исправить ошибку. —

Рамм рассказал мне о неприятности с последним листом брошюры[88]. Наборщик, натворивший это, в действительности один из лучших и добросовестнейших наборщиков и людей, которых я знаю. Но недавно его затащили на «пьянку», и тогда с ним, вероятно, и случилась эта беда.

Впрочем, я решительно за то, чтобы твоя книга вышла, по крайней мере для членов партии, в двух выпусках, каждый с отдельным заголовком — помимо общего названия — и чтобы первый, как только он будет напечатан, сразу же был сброшюрован и выпущен в свет. Так мы распространим внутри партии гораздо больше экземпляров. Наши люди в основном бедны, и для тысяч людей заплатить два раза по 5 грошей с перерывом в несколько месяцев в тысячу раз легче, чем сразу 10 грошей. —

Еще одно: Рамм просил тебя по возможности «вместить» пропущенные строки, уплотнив остальные. Не делай этого за счет самой работы. Если будет перепечатан *весь* лист, убыток составит 50 марок, а от этого мы не умрем. —

Основательные тумаки, полученные русскими, и гуманная миссия, которой их лишили турки, немало веселят меня на моем «летнем отдыхе».

Пусть тебе и твоей жене, которой я сим свидетельствую мое глубочайшее почтение — в ожидании личного знакомства,— ваш летний отдых пойдет на пользу так же, как мне мой. Сердечные приветы тебе, твоей жене, которой я желаю скорого выздоровления, и семье Мавра.

Твой

По поводу Уркарта я рад. Вы не могли бы достать для меня его портрет (фотографию или еще что-нибудь)? Тогда пришли мне его. Мы сделаем клише гравированного портрета.

Лиссагаре должен *немедленно* прислать мне экземпляр 2-го издания [89]. Я тогда сразу напишу *большую рецензию* для «Vorwärts». В нашем календаре уже выходит одна моя статья [84].

№ 38

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

13 июля 1877 г.

13.7.1877

Дорогой Энгельс!

Незадолго до «объединительного съезда» Маркс послал Бракке письмо с обширной критикой нашей объединительной программы. С документом меня ознакомили, но прежде чем я успел снять копию, он был возвращен Марксу по его желанию. Теперь я занят комментариями к нашей программе (брошюрой о программе), и мне бы чрезвычайно хотелось иметь под рукой критику Маркса. Не будешь ли ты так любезен попросить его об этом? [90] Адресовать нужно, конечно, моей жене. —

Дюрингианству теперь положен конец. Мы выступим в приложении против этой последней ерунды *не только* с твоими статьями, но и еще особо *от редакции.* Да и в Берлине, где всячески эксплуатируют мученичество Дюринга, позаботились о том, чтобы этому был положен предел. —

Ты несправедлив к Вальтейху. Насколько я знаю, он вел себя в Берне [63] вполне корректно, а в Готе (последней) он как раз сделал одну глупость [91]. Впрочем, бедный малый теперь должен сидеть полтора года за несколько слов в одной речи. Безобразие!

Привет тебе, твоей жене и Марксу с семьей.
Успешного лечения!
Прощай

твой
В. Л.

На Газенклевера в деле Дюринга можно полностью положиться.

В моей статье есть различные цензурные пропуски и смягчения, которые сделали ее в некоторых местах прямо-таки бесцветной, например, там, где речь идет об осуждении Вальтейха. Итак, мы, конечно, должны напрячь *все* силы. —

Напиши все же военную статью о русско-турецком способе ведения войны[92]. Господа русские попали в затруднительное положение. Я действительно не ожидал, что они окажутся *столь* жалкими. —

Я выйду к 12 августа, а потом отсижу поздней осенью остальное (несколько дней, которые должны остаться от моего теперешнего наказания из-за ожидаемого «дополнительного приговора») вместе с 3 неделями, срок которых к тому времени наступит, и с тем, что появится еще. —

№ 39

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
21 июля 1877 г.

21.7.1877

Дорогой Энгельс!

Ну, с дюринговским скандалом покончено и с *величием* Дюринга — тоже. Глупость приспешников свергла новейшего идола, а то, что упустили *они*, доделал он сам. Его мания величия переросла под влиянием вдыхаемого полной грудью фимиама в *безумие* величия или даже в бешенство: «Я — это сила!», «Кто не *полностью* за меня — тот против меня» — «к социалистической партии я не присоединюсь»; «она самоуничтожается». «*Я* — истинный социализм, единственный социализм. И кто в это не верит, тот *предатель!*» Обо мне этот осел говорит, что я бы его гильотинировал. Потом он переиграл это на «послал бы на костер» (ведь все великие еретики были сожжены) — следующим будет кубок с ядом, который я хочу преподнести современному Сократу. — Дураков нет! Как это ни странно, я присмотрел источник *заработка* для моей жертвы! —

Даже бедняга Мост произведен в предатели; дюринговский комитет — пока это еще тайна — *распался* от злости и отвращения.

Короче, то, в чем этот научный Вагнер (только музыкальный Дюринг все же еще умеет как-то контролировать свою манию величия), то, в чем этот жалкий выскочка видит средство своего восхождения на трон абсолютной непогрешимости и неоспоримой блистательнейшей славы, стало средством его свержения. У него уже так же сильно развилась мания преследования, и путь от (грезившегося) Капитолия, правда не к Тарпейской скале, а к (реальному) *сумасшедшему дому*, видимо, недалек. — Вчера меня посетили несколько студентов, принимавших участие в «движении» — в качестве «вождей» — они в ярости. Также и *Фрицше*, который был здесь позавчера и раньше сильно увлекался Дюрингом.

Кое-какие глупости я, наверное, мог бы предотвратить, но подумал: чем нелепее, тем лучше, тем быстрее и основательнее похмелье. Я рад, что правильно рассчитал и не стал, как намеревался одно время, ставить Мосту и компании палки в колеса. Довольно! С дюрингианством теперь покончено. И я этому очень рад, так как если бы *другие* (*не* дюрингианцы) сумели ловко использовать это дело, оно все же могло бы здорово навредить нам. Именно этого использования на «жалкой» берлинской почве я и боялся, а не дюжины приверженцев Дюринга в партии. —

А теперь побыстрее давай твои статьи!

Вальтейх определенно *не* делал подобного заявления [63]; эти юрцы — изолгавшийся сброд и насквозь коррумпированы. Если бы только можно было освободить от них *Элизе* Реклю! [93] Около 7 недель назад он хотел проездом посетить меня, но я, к сожалению, отсутствовал (кажется, был на съезде); я бы с удовольствием поговорил с ним и сказал бы ему все начистоту. Со следующим «международным» конгрессом мы будем очень осторожны. У бельгийцев довольно хорошие намерения, но они ужасные путаники и на них нельзя положиться. Еще и *эту* чашу нужно будет испить — черт бы ее побрал.

Напомни Марксу еще раз о документе [90].

Привет тебе, твоей жене и семье Мавра. И скорого выздоровления и отдыха. Я бы тоже с бóльшим удовольствием проводил время на взморье, чем здесь, в тюрьме. И хотя здесь вполне прилично, но — тюрьма есть тюрьма. —

Твой

Ты ошибаешься, если думаешь, что *масса* наших людей против научных статей. Это лишь незначительное меньшинство, но с ним до сих пор нужно было *считаться* — хотя бы только внешне. Мне бы хотелось, чтобы мы (ты, Мавр и я) смогли бы как-нибудь побродить вместе одну-две недели по Германии, вы должны доставить себе это удовольствие. Именно неиспорченные, инстинктивно тянущиеся к подлинной науке и научности помыслы наших рабочих, именно это позволяет мне не принимать близко к сердцу все дурное и грязное и не потерять терпение. Если бы *этого* не было, можно было бы умереть от отвращения.

№ 40

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ 28 июля 1877 г.

Лейпциг, 28.7.1877

Дорогой Энгельс!

Кёнигсбергский купец, Арнольдс, обратится к тебе за коммерческими адресами. Он попросил меня порекомендовать его тебе и Марксу — что я сим и делаю. Я знаю Арнольдса много лет и могу дать о нем только благоприятнейший во всех отношениях отзыв. —

Надеюсь, что то, как уладилось дело с научным приложением к «Vorwärts», тебе понравится. Теперь оно неотъемлемая, хотя формально и самостоятельная, часть «Vorwärts», и так будет и впредь. —

Наше обозрение «Die Zukunft» — заглавие мне не особенно нравится — начнет выходить с 1 октября; редактируют Хёхберг (который дает нам ежегодно 10 000 марок) и д-р Виде — оба дельные молодые люди, в особенности первый, и оба *противники* дюринговского надувательства. Кроме того, организован такой строгий контроль, что нам нечего бояться неприятных сюрпризов. Тебя попросят о сотрудничестве (конечно, и Маркса тоже) [94], и будет хорошо, если ты согласишься, хотя, как и прежде, необходимо, чтобы ты писал в первую очередь для «Vorwärts».

Настаивают, чтобы я поехал в Гент [95]. Это для меня очень сложно и неприятно, но не абсолютно невозможно. Я бы поехал *непременно,* если бы надеялся встретить там тебя или еще кого-нибудь из стариков.

Если я не буду вынужден прервать свое заключение из-за дурацкого процесса в Пруссии, то останусь сидеть здесь еще

две недели до среды, 15 августа, затем попытаюсь, насколько удастся, выбраться из лабиринта процессов.

Сердечный привет тебе, твоей жене и семье Маркса.

Твой
В. Л.

Окружная тюрьма. Лейпциг

О новом литературном проекте, возникшем у нас *(энциклопедии)*, тебе при случае напишет мой зять. Я считаю план вполне осуществимым. —

№ 41

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
3 августа 1877 г.

Лейпциг, 3.8.1877

Дорогой Энгельс!

Виде, которого я назвал тебе как одного из редакторов берлинского «Обозрения», хочет выпускать в Цюрихе особое издание [96] — ему не нравится делить славу редактора с кем-нибудь другим, он хочет быть единовластным хозяином, играть самостоятельную роль под маркой собственной фирмы. Было бы совсем неплохо, если бы у нас были силы для двух подобных начинаний. Но я буду рад, если их хватит на одно. Все это только информация для тебя и Маркса. Виде обратится к вам, теперь вы сориентированы и во всяком случае спровадите его, как это сделали Дицген и я.

Сердечный привет и наилучшие пожелания

твой

№ 42

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
3 августа 1877 г.

3 августа 1877 г. Полдень

Дорогой Энгельс!

Не дай сбить себя с толку кажущейся путаницей с журналами. Тот, что в Цюрихе,— это частное дело; только тот, который в Берлине,— партийное предприятие [97]. Состав редакции

еще не урегулирован окончательно; но будут приняты все меры предосторожности. —

Я, вероятно, смогу поехать в Гент[95]. А в Лондон? Не хватает денег и т. д. В среду через неделю я выхожу.

Привет.

№ 43

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
4 августа 1877 г.

Лейпциг, 4.8.1877

Дорогой Энгельс!

Напиши *все же* одну или 2 статьи о русско-турецкой войне[92]. Это было бы очень полезно для газеты и партии, и поэтому *никто* не стал бы брюзжать. Если бы тебе захотелось написать больше статей, то это было бы тоже хорошо. Ты преувеличиваешь значение болтовни на съезде. С «объединением» это совсем не связано, наоборот, как раз «лассальянцы», чье внимание я обратил на то, как Дюринг ругает Лассаля, были, я думаю, все *без исключения* на моей стороне. Ворчание по поводу «слишком длинных» и «слишком научных» статей было у нас в ходу уже до «объединения», о чем свидетельствовал скандал между Гепнером и Йорком[98]. Впрочем, сейчас окончательно заткнули рот и этим крикунам, создав «научное приложение». Напиши же мне, наконец, сколько будет стоить *по самой дешевой цене* поездка из Гента в Лондон и обратно.

Привет тебе, твоей жене и семье Маркса

твой

№ 44

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
8 августа 1877 г.

Лейпциг, 8.8.1877

Дорогой Энгельс!

Может быть, ты сможешь достать *для меня* какие-нибудь сведения о Фросте[99] и его портрет? В общем, я знаю о событиях, приведших к его осуждению, но не имею точных данных

и очень мало знаю о его дальнейшей жизни. Было бы, конечно, лучше, если бы *ты* захотел написать для «Vorwärts» краткий очерк.

Привет, твой

№ 45

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
17 сентября 1877 г.

Лейпциг, 17.9.1877

Дорогой Энгельс!

К сожалению, я не смог приехать в Лондон; слишком устал, и не было времени.

Рамм просит у тебя рукопись, больше нет ни строчки. Так что давай-ка!

Нужны ли тебе экземпляры 1-й части твоей работы против Дюринга и сколько? Или ты хочешь подождать, пока будет готово все? *Шесть* экземпляров так или иначе отправляются тебе.

Конгресс прошел лучше, чем я ожидал. Но что за болтуны эти «анархисты»! [95]

Привет тебе и твоей жене

твой

В. Л.

№ 46

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
29 октября 1877 г.

Лейпциг, 29.10.1877

Дорогой Энгельс!

Я сразу же дал распоряжение по поводу 6 экземпляров части I. Рамма нет, и поэтому я не могу выяснить, почему они не были отосланы раньше. *В моем присутствии* в тот день, когда я тебе об этом написал [100], экспедиции было дано указание отослать тебе 6 экземпляров. —

Портрет ты получишь, как только он появится. —

О (чисто случайном) увеличении приложения я узнал только из твоего письма [38]; для типографии удобнее (и *экономнее*) печатать сразу 2 номера — вот в чем причина. Чем быстрее это сейчас пойдет, тем лучше для меня! —

Относительно Гента[95] ты неправильно информирован или неправильно судишь. «Осрамилась» *только* другая сторона, она же потерпела и убыток. Предосудительное решение[101] полезно для *нас,* и уже приняты меры, чтобы следующий конгресс не показался скучным. Короче, *все* в порядке!

Твой

Я должен уехать на 4 дня (по делам *процесса*); потом, как только будет время, подробнее!

№ 47

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ 29 ноября 1877 г.

Лейпциг, 29.11.1877

Дорогой Энгельс!

Сегодня ночью моя жена подарила мне здорового мальчика. Она чувствует себя довольно хорошо и, надо надеяться, скоро снова встанет на ноги, после того как месяцами хворала.

Сердечный привет тебе и твоей дорогой жене

твой

В. Л.

Ведь тебя позабавил берлинский «крах»?

№ 48

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ 25 февраля 1878 г.

Лейпциг, 25.2.1878

Дорогой Энгельс!

В марте я, наверное, приеду в Лондон. Могу я 3—4 дня пожить у тебя? Ты был так любезен, что однажды уже приглашал меня[102].

Напиши мне также, правда ли, что 2 *и* 3 тома «Капитала» в ближайшее время выйдут в свет? Маркса мне не хотелось бы беспокоить. Он, кстати, прислал мне великолепные заметки по восточному вопросу, которые я опубликую во 2-м издании моей брошюры[103] и, помимо этого, постараюсь использовать наилучшим образом. Моя последняя речь в рейхстаге опубликована в «Berliner Freie Presse» с бесчисленными опечатками, искажающими смысл.

Вы получите в ближайшее время все дебаты *в надлежащем виде*[104]. Я сделал все возможное. И даже больше. Напряжение, вызванное необходимостью выступать против всей имперской банды, стремившейся всеми способами привести меня в замешательство, и не употребить при этом ни одного непарламентского выражения, что сразу же накинуло бы петлю регламента мне на шею, было столь велико, что я временами чувствовал себя совершенно обессиленным. Только в декабре 1870 г. выступление в рейхстаге довело меня до такого же состояния[105]. Бисмарк был взбешен и болтал такой вздор, что даже национал-либералы кричали «Ау!».

Привет вам всем.

Твой

В. Л.

Партия Центра не дает нам больше своих подписей, да и «Народная партия» не желает поддерживать наши предложения, так что мы в досадном затруднении.

До сих пор мы даже не смогли внести предложение об освобождении Бебеля. В случае удачи это было бы ударом по Бисмарку, ведь Бебель был осужден за оскорбление Бисмарка[82]. —

№ 49

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

5 апреля 1878 г.

Лейпциг, 5.4.1878

Дорогой Энгельс!

Хорошие вести из Англии[106]. Теперь я желал бы только, чтобы русские *не* уступили. В Берлине начинают испытывать страх. Бисмарк (во *всех* отношениях) при последнем издыхании. Подробнее при встрече. На следующей неделе, возможно в четверг, еду в Лондон и на пару дней остановлюсь у тебя.

Хорошо, что ты послал продолжение.

Прилагаемая записка (анонимная, но написанная «фон дер Гольцем»[107]) покажет тебе, с каким нетерпением ждут его и в других кругах.

Письмецо сразу же отправь Лиссагаре.

Привет тебе, твоей жене и семье Маркса.

Твой

В. Л.

№ 50

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

8 апреля 1878 г.

Лейпциг, 8.4.1878

Дорогой Энгельс!

Я еще не могу точно установить день отъезда, так как невозможно определить порядок дня рейхстага (я должен присутствовать при 3-м чтении бюджета, чтобы по возможности подбросить что-либо по восточному вопросу). Во всяком случае до пасхи. Но, прошу тебя, ничего *никому* не говори; я не хотел бы встречаться ни с кем, кроме *тебя, Мавра* и ближайших друзей. Нам многое нужно сказать друг другу. Только бы не появилось сообщение в газете! Это лишь вызвало бы новые неприятности.

Я очень рад, что вновь увижу вас и Лондон.

До свидания.

Твой

В. Л.

№ 51

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

12 апреля 1878 г.

Лейпциг, 12.4.1878

Дорогой Энгельс!

Я выезжаю в воскресенье, через Остенде, так что буду в Лондоне в понедельник, во второй половине дня. Было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь встретил меня на вокзале.

Как я рад!

До свидания.

Твой

В. Л.

№ 52

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

24 апреля 1878 г.

Лейпциг, вторник утром

Дорогой Энгельс!

Я прибыл сюда вчера утром, в 8.30. Плыли отлично; каюты второго класса *настолько хороши*, что я оставался там вместе

с другими пассажирами. Обслуживание превосходное. Завтрак обильный — с чаевыми 2 шиллинга. Так что вполне можно рекомендовать. Плохо только, что мне пришлось 6 часов проторчать в Кёльне.

Дома я нашел все в порядке. Громадное впечатление произвели распакованные сокровища. Во второй половине дня, правда, последовал еще один сюрприз. У моей дочери (она и ее муж обедали у нас) вдруг начались схватки, и около 8 вечера появился на свет маленький незнакомец — мальчик. Несколько преждевременно. Но надеюсь, что все наладится.

О покое, конечно, не могло быть и речи.

Все поручения будут выполнены, но лишь завтра. У меня в голове еще полная неразбериха.

Тысяча приветствий и тысяча благодарностей тебе, твоей жене и всему Марксову семейству, которому, возможно уже завтра, мы сами дадим знать о себе. Я надолго запасся у вас счастливыми воспоминаниями, и вы сделали меня неуязвимым для огорчений. Останься я подольше, мне пришлось бы приобретать новую одежду — я бы растолстел.

До свидания.

Твой

В. Л.

Очень спешу.

№ 53

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
около 25 апреля 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Прилагаю письмо для Лиссагаре. Я многое изменил. Прочти его побыстрее и исправь возможные ошибки.

Скажи Лиссагаре, что он должен передать адресату, чтобы тот тщательно хранил мое письмо, а может быть и сжег.

Прощай. Привет тебе, твоей жене и семье Мавра и т. д.

Твой

В. Л.

Подумай только, какую глупость я совершил. В Лондоне я *заказал* ножи, не подумав, что вилки следует заказывать отдельно. Так что получил я только ножи. Обнаружил я это,

лишь распаковав чемодан. Пирожные и плам-пудинг произвели на моих детей (больших и маленьких) колоссальное впечатление.

№ 54

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
25 апреля 1878 г.

25.4.1878

Дорогой Энгельс!

Я только что от адвоката: контракт *не подпадает под действие закона о сроке давности.* Я знаю, впрочем, что наследники Виганда не станут воевать за право издания твоего сочинения [40]. Так что ты мог бы совсем легко отделаться. Если хочешь, я организую это дело.

Прилагаю договор Бракке с Лиссагаре. Отдай его последнему и скажи, что его поручение к Бракке я выполнил. Бракке даст ему точный ответ [54].

Сердечный привет тебе, твоей жене и семье Мавра.

Преданный тебе
В. Либкнехт

Материалы будут отправлены тебе сегодня или завтра; доставка была оформлена у меня на глазах. — Не мог бы ты прислать мне номер «Standard» с заметками о забастовке? [108] Я подписался на «Standard» с 1 мая.

№ 55

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
29 апреля 1878 г.

Лейпциг, 29.4.1878

Дорогой Энгельс!

Срочно напиши, получил ли ты письмо для Лиссагаре.
И спроси Маркса, знает ли он некоего «Кантарелли»?
Привет вам всем.

Твой
В. Л.

№ 56

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
6 мая 1878 г.

Лейпциг, 6.5.1878

Дорогой Энгельс!

Вот ведь какие скверные новости. Я надеюсь, что все пойдет лучше, чем это следует из твоего письма[43]. Я, во всяком случае, желаю наилучшего исхода,— передай от меня привет твоей бедной жене.

Из-за преждевременных родов моей дочери я тоже изрядно волнуюсь: будет ли ребенок жить, еще большой вопрос. Поэтому я пока не смогу поехать в Берлин. —

Все ли твои поручения выполнены? Если нет, поскорее дай знать, чтобы я мог заняться этим.

Прощай! Еще раз наилучшие пожелания. И привет вам всем.

Твой

В. Л.

№ 57

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
16 мая 1878 г.

Лейпциг, 16.5.1878

Дорогой Энгельс!

Итак, дела у вас обстоят лучше — хорошо; меня это очень радует[43]. — Почему я не напечатал мои брошюрки[109] в наших типографиях? Да потому, что у *лейпцигской* было тогда слишком много работы, а берлинская за это не взялась. —

Не мог бы ты раздобыть фотографию или какое-либо другое изображение *Фроста?*[99] Ты оказал бы нам огромную услугу.

Леман против Лемана, недурная острота. Острота еще и потому, что выстрел был *холостым*[110].

Сердечный привет тебе, твоим и семье Маркса.

Скорейшего выздоровления твоей жене!

Твой

В. Л.

№ 58

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
18 мая 1878 г.

Лейпциг, 18.5.1878

Дорогой Энгельс!

Скажи Лиссагаре, что его первая статья прибыла вовремя[85], только будущий акционер совершенно не дает о себе знать.

Надеюсь, что у тебя, если еще и не все хорошо, то хотя бы идет на поправку.

Привет тебе, твоей жене и семье Маркса.

Твой

Я был вчера в Берлине, чтобы поискать пули[111]. *Ничего!*

№ 59

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
8 июня 1878 г.

Лейпциг, 8.6.1878

Дорогой Энгельс!

Рейхстаг будет распущен[112], а результаты новых выборов, при прогрессирующем помешательстве Михеля, несомненно будут таковы, что исключительный закон против нас пройдет. Тогда одним ударом будут уничтожены *все* наши газеты. Это не уничтожит нашу партию, но лишит средств к существованию многих членов партии, в том числе и меня. Германию я не покину ни при каких обстоятельствах, но ведь должен же я как-то жить. Узнай при случае, не могу ли я рассчитывать на место корреспондента какой-либо английской газеты. Я знаю, что у вас нет *прямых* связей, но, может быть, есть *косвенные,* через которые можно это устроить.

Постарайся по возможности, чтобы твои статьи о Дюринге смогли выйти в свет до предстоящего краха.

Надеюсь, что твоей жене лучше.

Сердечный привет вам всем.

Твой

В. Л.

№ 60

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
19 июня 1878 г.

Лейпциг, 19.6.1878

Один немецкий книготорговец попросил у меня твой адрес. Это порядочный человек и, *возможно*, даже знаком тебе по Швейцарии.

Здесь преждевременно наступила летняя жара; но хорошие виды на урожай. В общем, дела идут значительно лучше, чем можно было ожидать две недели назад.

Надеюсь, у тебя все благополучно.

Всем привет

№ 61

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
22 сентября 1878 г.

Лейпциг, 22.9.1878

Дорогой Энгельс!

Только что узнал из «Vorwärts» о смерти твоей жены [113]. Поверь, что я разделяю постигшее тебя горе. Моя жена также просит передать тебе ее искренние соболезнования.

Со вчерашнего вечера я снова дома. От такой жизни прямо-таки дичаешь.

Привет тебе и семье Маркса.

Преданный тебе
В. Л.

№ 62

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
30 октября 1878 г.

Лейпциг, 30.10.1878

Дорогой Энгельс!

Мы сейчас прежде всего заняты тем, чтобы «приспособиться» к новому статус-кво. — Конечно, своевременно были приняты меры на любой случай, иначе действия, предпринятые

с самыми лучшими намерениями, окажутся жалким сотрясением воздуха. Наша тактика предписана нам обстоятельствами; в конкретном осуществлении будут то тут, то там допускаться отдельные нелепости, но практика и опыт вскоре обеспечат должное мастерство. Ведь наши люди прошли хорошую школу и в основном прекрасно приспосабливаются к обстановке. Буржуазия совершенно поражена нашей выдержкой — не пройдет и четверти года, и в Германии не останется ни одного человека, который бы не считал исключительный закон самой большой глупостью, какую когда-либо совершал господин Бисмарк, а это скажет тогда о многом. По всей вероятности, Бисмарк будет проводить *эксперименты в духе Лассаля* и попытается создать «национальную» партию социалистов. При этом он рассчитывает на некое лицо [114], которое мне нет нужды тебе называть и которое, к счастью, у нас в *руках*. Красный призрак должен еще сослужить большую службу при налоговой реформе — Бисмарк пришел к Лассалю, а Лассаль к Бисмарку — вот это действительно превосходно! —

С нашей *прессой* мы теперь экспериментируем; тем или иным способом мы выйдем из положения; они не смогут припереть нас к стенке, пока не запретят все прогрессистские и национал-либеральные газеты. Но и тогда не смогут. Мы хотим убить их своей «законностью».

Однако нам нужен печатный орган за границей. Но так ли уж подходит для этого Швейцария? Федеральный совет в Берне настолько труслив, что при первой же угрозе Бисмарка все попрячутся, как мыши. Но посмотрим — только прежде мы должны знать, какую точку опоры мы сохраняем в Германии. В *любом* случае мы *не* потеряем «духовную родину» движения. Об этом мы позаботились, а практически это главное.

Позорный столб для инициаторов исключительного закона и их сообщников найдется во французской и английской прессе. Ты помнишь, что я недавно писал тебе в отношении последней — неужели ничего нельзя сделать?

На три месяца я обеспечен — со вчерашнего дня я «сел» в местную тюрьму на 12 недель,— но затем останусь в «одной рубашке». За это время что-либо, несомненно, будет предпринято, однако же я безусловно не смогу совсем обойтись без иностранных корреспонденций.

Знаешь ли ты более близко Ж. Б. Клемана, участника Коммуны? Он хотел бы написать для нашего журнала («Zukunft» или «Neue Gesellschaft»). Ответь мне поскорее. *По старому адресу (как в прошлый раз).*

Жаль, что мы не смогли подать жалобу по поводу запрещения книги Лиссагаре [54]. Это, правда, не принесло бы успеха, но было бы весьма полезно как доказательство того, что *«историческое исследование»* объявлено вне закона. Может быть, *издатель* подал апелляцию.

Привет тебе, Марксу и всей семье и т. д.

Твой

№ 63

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ ранее 17 ноября 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Одному знакомому, который обратился ко мне, очень важно получить адрес «Джорджа Пакстона, живущего в настоящее время в Лондоне, сына Джозефа Пакстона (Хрустальный дворец)». Упомянутый «Джордж» наделал в Саксонии огромных долгов и должен теперь их выплачивать. Я полагаю, что адрес должен быть в адресной книге. Не сможешь ли ты поискать? Если это дело окажется сложным, то тому, кто возьмется за него (возможно, какой-либо эмигрант, у которого больше времени, чем денег), труд и издержки будут возмещены.

Сердечный привет тебе и Мавру с семьей.

Твой

В политическом отношении *все в порядке*. Трусы и предатели не представляют опасности.

№ 64

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ 17 ноября 1878 г.

Лейпциг, окружной суд
17.11.1878

Дорогой Энгельс!

Ты сделал бы мне большое одолжение, если бы прислал 2 или 3 последних номера *«Whitehall Review»;* в одной газете

его очень хвалили, так что у меня есть желание его выписать. Мне хотелось бы также иметь и номер «Fortnightly Review» со *статьей Тросетта* «О новейшем развитии социализма в Германии и США»; наша либеральная пресса подняла огромную шумиху вокруг нее, но, если судить по выдержкам, это чистейшая ерунда. —

Скажи Мавру, что я передаю ему сердечную благодарность за теплое письмо моей жене (которое шло 10 дней).

Привет всем вам

твой
В. Л.

Адресуй материалы *прямо на тюрьму*, чтобы я их скорее получил.

«Окружной суд. Лейпциг».

№ 65

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
18 ноября 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Вчера я отослал письмо официальным путем, надеюсь, ты его получил. Я очень благодарен Марксу и тебе за услугу, которую вы мне оказали[115]. Это не шутка, имея такую большую семью, как у меня, лишиться хотя бы части и без того *в высшей степени ограниченных* источников дохода. Эта банда хотела бы взять меня *измором*, так как иначе они не в состоянии повредить нам. Но я думаю, что это им не удастся, и мы найдем необходимые средства к существованию для всех, кто находится под угрозой. Если только с «Whitehall Review» получится, *я* выйду из всех затруднений, причем лучше, чем ожидал. Но пока у меня есть некоторые опасения. *Еженедельник* требует корреспонденций более высокого качества, чем ежедневная газета, для которой это не столь важно. Будут ли достаточны мои познания в английском языке? Я сделаю все от меня зависящее. — Раньше следующей недели я не смогу начать; у меня много дел *здесь*, и я должен также немного подготовиться. Ты оказал бы мне *большую* любезность, если бы *поскорее* прислал те номера «Whitehall Review», о которых я просил. Ознакомившись с ними, я чувствовал бы себя более уверенно. И затем я должен также посмотреть, *сколько* мне придется писать. Маркс говорит: 2 полные страницы журналь-

ного формата, но какой шрифт, каково расстояние между строками? Условия исключительно благоприятные; гонорар выше всех ожиданий, то, что от меня требуется, полностью соответствует моим желаниям. — Охотнее всего я связал бы изложение наших принципов и т. д. с критикой всей политики террора [116], но я еще посмотрю. —

Клеман ничего не прислал и теперь уже, пожалуй, ничего не пришлет. —

Что же касается Пакстона, то он, конечно, не может быть торговцем пивом. Он должен еще иметь солидное состояние и быть *кадровым* офицером (майором). Это надо бы все же выяснить. Во сколько обошелся бы *частный детектив?* Попавшиеся на удочку охотно пошли бы на дополнительные расходы [117].

Буду благодарен, если ты черкнешь мне пару строк об *этом деле в тюрьму* при пересылке номеров «Review», так как касающаяся его корреспонденция прошла через руки чиновников (Окружной суд. Лейпциг).

В отношении издания газеты за границей *ты прав.* До поры до времени Швейцария подходит более всего («Tagwacht» может быть соответственно расширена), а как только швейцарское правительство позволит себя перевоспитать, для нас найдутся *и другие места на континенте.* Англия лишь в *последнюю* очередь. *Сначала* у нас были другие планы, мы намеревались доставить в Лондон наборные кассы и основать там информационное бюро, с которым был бы связан еженедельник. Однако тем временем все получилось еще более гладко. —

Негодяй Г. заодно с полицией, его плакаты она не трогает, в то время как наши (товарищества) срывает. Но мы внимательно следим за ним и как только представится случай *дадим* ему по рукам [118].

Конечно, и «анархисты» пытаются ловить рыбу в мутной воде. Но им уже помешали. — Временно порванные нити в большинстве случаев опять связаны и *прочность* полностью обеспечена. У господина Ойленбурга кишка тонка [119]. Наши люди держатся поистине блестяще. —

Между прочим, знаешь ли ты «д-ра Артура Альбатта», издателя «Young Emancipator»? Он хочет, чтобы мы дали объявление о его газете (в порядке обмена), и обратился ко мне как полуединомышленник. Мне он кажется не вполне искренним — от него попахивает Безант-Брэдло [120]. Какое положение занимает известный мне Барри в «Whitehall Review»?

Еще раз спасибо Марксу и тебе.

Сердечный привет вам всем.

Чуть было не забыл.

На днях *Пауль* Зингер едет из Берлина в Лондон; я дал ему ваши адреса. Он обладает двумя превосходными качествами, которые редко встречаются вместе: он крупный буржуа и образцовый социал-демократ. Он один из наших лучших (и прежде всего самых энергичных) людей в Берлине, уже многое сделал для нас, его следовало бы по возможности выдвинуть в рейхстаг.

Письмо Маркса[38], датированное 4 ноября, было 14 ноября *передано* в мою квартиру (кем, я не знаю).

№ 66

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ
2 декабря 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Спасибо за ориентацию[43]. Теперь я приблизительно в курсе дела. И тоже думаю, что работа пойдет. Пробную корреспонденцию я уже отослал, она не столь уж пригодна, но обладает одним достоинством — привела меня в движение. «Лиха беда начало», с английским языком я также надеюсь освоиться.

Я не нашел в письме Маркса вырезку. Вероятно, моя жена выронила ее, открывая письмо. Писать Марксу *отсюда* не буду — я *теперь* не выношу штиберовщину. Мне нечего говорить о том, как я благодарен *ему* и *тебе*. Если дело *уладится*, во что я начинаю верить, то это полностью обезопасит меня от нападок нашей полиции. Но — об этом я тоже писал М. Б.[121] — редакционная тайна должна строжайше сохраняться. — На *официальных* посылках пиши все же крупными буквами: *окружная тюрьма*, чтобы они не попадали мне на квартиру. Из двух номеров «Whitehall Review», которые ты послал мне на прошлой неделе, я получил только один прямым путем, другой — обходным, через мою квартиру; а ожидаемый сегодня №, вероятно, проделывает тот же крюк — по крайней мере, я его еще не получил. Мы *должны были* взять Г. с собой[118], если из «объединения» вообще что-нибудь должно получиться,— но *об этом* мы не будем сейчас спорить. Хватит — нам не повезло, что он во время последних выборов был в тюрьме и поэтому оказался избранным,— он официально опять сидит у нас на шее, и мы, в том числе и я, не можем официально его дезавуировать, если у нас нет *достаточных* — т. е. достаточных для внешнего мира — осно-

ваний для подозрения. Пока что у нас их *не* было. При первой же совершенной им оплошности или первом же случае, когда он *непосредственно* причинит партии вред, коллективное заявление раздавит его, как муху. Печатных *органов* для этого у нас хватит. Не только постепенно возникает новая партийная печать — в нашем распоряжении также многие из влиятельнейших и наиболее распространенных газет Германии и Австрии, и мы *можем сегодня говорить с каждым членом нашей партии так же хорошо, как полгода назад.* Или даже гораздо лучше, так как во время нобилинговского «сумасшествия» нашей партии приходилось в десять, во сто раз хуже, чем сейчас, тогда против нас было «общественное мнение», которое после исключительного закона все больше и больше меняется в нашу пользу. Итак, относительно Г. не беспокойтесь. Впрочем, очень хорошо, что полиция, чтобы нанести недавний удар, должна была раскрыть своего Г., который полезен ей *только в Берлине.*

Впрочем, в «Whitehall Review» я его щадить *не* буду.

Привет тебе, Марксу и семьям. Надеюсь, все здоровы.

2 декабря 78.

№ 67

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ 23 декабря 1878 г.

23.12.1878

Дорогой Энгельс!

Ты видишь, ничего не получилось [115]. Более сговорчивый человек, чем я, вероятно, справился бы с этим, но для меня это было невозможно. Я сейчас прочел 5 номеров «Whitehall Review», но, за исключением антирусских материалов (для которых я не нужен), не нашел ни единой точки соприкосновения. Вера в красный призрак, бонапартизм, восхищение Вильгельмом I — это, напротив, три препятствия на пути к сближению, о которые я непременно должен буду разбиться, даже если бы мои первые корреспонденции нашли приемлемыми.

Редактор к тому же потребовал напоследок, как написал мне Барри, чтобы я подписывался своим именем. Тогда можно было бы показать живого социалиста, что стало бы, конечно, новой сенсацией, которой хватило бы на несколько недель.

Из письма Барри ко мне следует, что он переоценил свое влияние на «Whitehall Review». Мне это крайне неприят-

но — Маркс, который лишь напрасно старался, рассердится на меня.

Итак, я могу сказать только, что *мне* это еще более неприятно, чем ему, так как я потерял надежду на независимое положение.

Впрочем, не беспокойтесь обо мне; *материальный* кризис менее губителен, чем я думал,— потерянному найдется хотя бы частичная замена. А наш брат ведь не избалован. Может быть, мне больше повезет в Америке, чем в Лондоне.

Предметом неотложных забот в данный момент являются жертвы произвола и арестованные. Хотя деньги поступают в изобилии, требуется еще больше. Если вы сколько-нибудь — *пусть даже очень немного* — сможете собрать, то посылайте на имя Фрейтага: Отто Фрейтаг, адвокат, Амтманнс Хоф, Лейпциг.

К. Гирш, возможно, отправится в Лондон и попытается там наладить свою газету [122]. Континент почти блокирован. Швейцария положила начало, Бельгия и Голландия продолжат, остается Англия. С трудностями в Германии Гирш справится; если удастся получить для дешевого еженедельника 2000 подписчиков в Лондоне и Америке, то в самой Германии газета может довольствоваться теми подписчиками, которые там найдутся. Конечно, это не должно быть подражанием рошфоровскому изданию [123].

Веселого рождества и счастливого Нового года тебе, Марксу и всей семье.

Твой

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду брошюра русского революционера Петра Ткачева «Открытое письмо г-ну Фридриху Энгельсу, автору статей «Эмигрантская литература» в №№ 117 и 118 газеты «Volksstaat»», вышедшая на немецком языке в Цюрихе в конце 1874 г. Критический разбор Энгельсом этой брошюры был напечатан в «Volksstaat» в марте—апреле 1875 г. в виде IV и V статей той же серии.

[2] Речь идет об отдельном издании памфлета Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (1853), который в октябре—декабре 1874 г. был полностью перепечатан в «Volksstaat». Издание вышло в Лейпциге в первой половине 1875 г. В виде дополнения и в газете, и в книге было помещено приложение 4 к работе Маркса «Господин Фогт». Другие ее главы не были включены в публикацию.

[3] Упомянутое письмо не сохранилось, но, по-видимому, оно по своему характеру примыкало к письму Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г., содержавшему критику проекта Готской программы.

[4] 20 марта 1875 г. консервативный журнал «Concordia» (№ 12, с. 48) писал о проекте программы: «... в основном он скопирован с преж-

ней организации партии «Volksstaat», и за то, что последняя тем самым добилась в этом основном вопросе признания своих принципов... она с легкостью может пойти на мелкие уступки и включить в «программу» некоторые, хотя и сильно поблекшие, положения из гассельмановского набора фраз».

5 Вероятно, имеется в виду корректура печатавшейся тогда в Лейпциге отдельным изданием работы Энгельса «О социальном вопросе в России» (V статья серии «Эмигрантская литература») с написанным Энгельсом для этого издания введением.

6 Статья Энгельса «Официозный вой о войне», разоблачающая агрессивный курс правительства Бисмарка, была опубликована в «Volksstaat» 23 апреля 1875 г. Намерение редакции издать ее отдельной брошюрой не осуществилось.

7 3 марта 1875 г. «Volksstaat» под заголовком «Оценка Коммуны» поместила отрывки из второго издания книги Дюринга «Критическая история политической экономии и социализма», посвященные Парижской коммуне. В редакционном замечании указывалось, что в этом издании, «к сожалению, не устранены основные недостатки первого».

8 За выступления в рейхстаге в защиту Парижской коммуны А. Бебель был приговорен 26 марта 1872 г. по обвинению в государственной измене к 2 годам заключения в крепости и дополнительно к 9 месяцам за разоблачение на суде захватнической, антинародной политики правительства. Он был освобожден 1 апреля 1875 г.

9 Сотрудник редакции «Volksstaat» Рудольф Зейферт, формально занимавший пост ее ответственного редактора, был приговорен 1 апреля 1875 г. к 2 месяцам тюремного заключения за оскорбление в печати должностных лиц лейпцигского округа.

10 Речь идет о социал-демократическом альманахе «Der arme Conrad», издававшемся в 1875—1878 гг.

11 Работа И. Г. Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала», напечатанная в 1850 г. в № 5—6 журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», была издана в 1876 г. под названием «Борьба крупного и мелкого капитала, или портняжное дело в Лондоне».

12 С именем прусского прокурора, члена Берлинского городского суда Германа Тессендорфа связано развертывание в 1874 г. репрессий и преследований социал-демократов.

13 § 10 Эйзенахской программы гласил: «Поощрение кооперации со стороны государства и предоставление государственных субсидий свободным производственным товариществам при демократических гарантиях».

14 Член редакции «Volksstaat» Г. Рамм писал Энгельсу 7 февраля 1875 г., что предстоящее объединение оказывает весьма благоприятное воздействие на распространение среди членов ВГРС литературы, издаваемой принадлежащей социал-демократической партии лейпцигской кооперативной типографией.

15 Речь идет о письме некоего А. Энса из Цюриха в редакцию «Volksstaat» от 3 октября 1875 г., в котором он называл Дюринга «самым революционным, решительным и усердным передовым тружеником

в области науки», обвинял редакцию в замалчивании его «эпохальных произведений» и предлагал свои услуги для реферирования их на страницах газеты (см. примеч. 22).

16 Речь идет об анонимной статье «Новый коммунист», напечатанной в «Volksstaat» 13 и 20 марта 1874 г. и содержавшей положительную оценку книги Дюринга «Курс политической и социальной экономии». Дюринг характеризовался в ней как сторонник научного социализма. Статья, автором которой был Бебель, вызвала тогда резкую критику со стороны Маркса и Энгельса.

17 В соответствии с решением Готского объединительного съезда в состав Правления вошли трое лассальянцев (В. Газенклевер, В. Гартман и К. Деросси) и двое эйзенахцев (И. Ауэр и А. Гейб). 13 октября 1875 г. в «Volksstaat» было опубликовано заявление В. Газенклевера о выходе из состава Правления вследствие его занятости в редакции «Hamburg-Altonaer Volksblatt».

18 В июне 1875 г. Правление Социалистической рабочей партии тремя голосами лассальянцев против двух эйзенахцев постановило вычеркнуть из рекомендательных списков партийной литературы три работы, содержавшие критику взглядов Лассаля, среди них книгу В. Бракке «Предложение Лассаля», вышедшую в Брауншвейге в 1873 г. По энергичному требованию Бракке это решение было отменено.

19 Уполномоченный ВГРС в Гамбурге портной Брёйер еще в 1873 г. организовал малочисленную группу ортодоксальных лассальянцев, которая выступала против объединения с эйзенахцами, а после объединительного съезда конституировалась как самостоятельная организация, противопоставлявшая себя социал-демократической партии.

20 Бывший лассальянец Эрнст Бернхард Рихтер, проводивший после объединения партии политику раскола, был в 1876 г. на съезде партии исключен из ее рядов.

21 В конце октября 1875 г. в Берлине открылась очередная сессия рейхстага, депутатом которого Либкнехт был избран в 1874 г.

22 В «Volksstaat» 5 ноября 1875 г. в разделе «Почтовый ящик» вместе с письмом А. Энса (см. примеч. 15) было опубликовано заявление редакции, в котором, в частности, говорилось: «... редакция «Volksstaat» ни при каких условиях не будет содействовать *культу* Дюринга, который определенная сторона проводит с настойчивостью, становящейся в конце концов назойливой, и попытается, вероятно в скором времени, поместить в газете подробный научно-критический разбор трудов Дюринга».

23 С января 1876 г. в Лейпциге под редакцией Либкнехта начал выходить социал-демократический популярный иллюстрированный журнал «Die Neue Welt. Illustriertes Unterhaltungsblatt für das Volk».

24 Имеется в виду социал-демократическая газета «Berliner Freie Presse», выходившая в 1876—1878 гг. сначала под редакцией В. Гассельмана, а с середины 1876 г. — И. Моста.

25 Осенью 1875 г. В. Блос согласился по просьбе Правления партии стать с 1 января 1876 г. редактором только что созданной газеты

«Hamburg-Altonaer Volksblatt» и одновременно вести партийную агитацию в Криммичау.

26 Данное письмо Энгельса не сохранилось. Возможно, что Энгельс сообщал в нем о своем согласии написать работу с критикой Е. Дюринга.

27 С 15 августа по 11 сентября 1875 г. Маркс находился на лечении в Карлсбаде.

28 Выяснить, что имеется в виду, не удалось.

29 17 декабря 1875 г. в «Volksstaat» под заголовком «Международная полиция за работой» было перепечатано сообщение венской газеты «Neue Freie Presse» об аресте Лео Франкеля, проживавшего в Вене под чужим именем. В нем, в частности, говорилось о деятельности Франкеля в Парижской коммуне, за что в 1872 г. он был приговорен французским судом к смертной казни. В редакционном замечании было высказано недоумение по поводу проявленной Франкелем «неосторожности». Французское правительство не решилось настаивать на своем требовании выдачи Франкеля, и 27 марта 1876 г. он был освобожден.

30 Биографический очерк Энгельса «Вильгельм Вольф» был напечатан в журнале «Neue Welt» в июле—ноябре 1876 г. Первая статья вышла с портретом В. Вольфа.

31 Видимо, речь идет о незаконченной работе Энгельса «Три основные формы порабощения». Позднее она была включена в «Диалектику природы» под заголовком «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». В 1896 г. статья была опубликована в журнале «Neue Zeit» (Jahrgang XIV, Bd. 2, S. 545—554).

32 Имеется в виду работа Энгельса «Прусская водка в германском рейхстаге», написанная в феврале 1876 г. В конце февраля — начале марта она была анонимно напечатана в «Volksstaat», а позднее — в виде отдельного оттиска.

33 Некролог о смерти Карла Пфендера, бывшего члена Центрального комитета Союза коммунистов и Генерального Совета Интернационала, был опубликован в «Volksstaat» 12 апреля 1876 г.

34 Вероятно, речь идет о задуманной Марксом и Энгельсом после революции 1848 г. публикации стихотворных фельетонов Веерта из «Neue Rheinische Zeitung» и предложении Энгельса осуществить этот план.

35 Речь идет о брошюре И. Моста «Капитал и труд. Популярное извлечение из «Капитала» Карла Маркса», первоначально изданной в Хемнице в 1873 г. По просьбе В. Либкнехта в начале августа 1875 г. Маркс при участии Энгельса переработал брошюру Моста для второго издания, вышедшего в свет в Хемнице в апреле 1876 г.

36 Имеется в виду революция 18 марта 1848 г. в Берлине. В начале марта 1876 г. в редактируемом В. Либкнехтом «Die Neue Welt» были опубликованы стихи, посвященные павшим участникам этих событий. Прокурор Тессендорф возбудил против Либкнехта дело по обвинению в «оскорблении величества».

37 По-видимому, эти материалы были нужны Либкнехту для подготовки второго, дополненного издания его работы «К аграрному вопросу», вышедшего в свет в 1876 г.

38 Данное письмо не сохранилось.

39 См. письмо № 10.

40 Первое издание книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» вышло в свет на немецком языке в 1845 г. в издательстве Отто Виганда. Планы Либкнехта не осуществились, так как издательство О. Виганда не захотело отказаться от своего права на второе издание этой работы, предусмотренного контрактом. Второе немецкое издание было напечатано только в 1892 г.

41 Речь идет о рукописи апологетической статьи И. Моста, посвященной книге Дюринга «Курс философии». Рукопись была прислана для публикации в «Volksstaat», но редакция отказалась поместить статью, и она была опубликована осенью 1876 г. в «Berliner Freie Presse» под заголовком «Философ».

42 Либкнехт подозревал русского эмигранта Д. И. Рихтера, сотрудничавшего в журнале «Вперед» и в «Volksstaat», в шпионаже, однако его подозрения оказались несостоятельными.

43 Это письмо является ответом на несохранившееся письмо Энгельса.

44 Данный абзац, касающийся Д. И. Рихтера, был приведен Энгельсом в письме к П. Л. Лаврову от 16 июня 1876 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 148).

45 Немецкий социалист Фердинанд Лингенау, эмигрировавший в США, завещал 18 марта 1876 г. Социалистической рабочей партии Германии около 7000 долларов. После смерти Лингенау (4 августа 1877 г.) Бисмарку путем дипломатического давления удалось воспрепятствовать передаче наследства партии.

46 Либкнехт переслал Энгельсу письмо И. Моста от 20 июля 1876 г., в котором тот давал, в частности, оценку Дюрингу как «оригинальному человеку, не заслуживающему *враждебного* отношения, которое уже неоднократно высказывала «Volksstaat»».

47 В начале июля 1876 г. на собрании участников похорон М. Бакунина в Берне по инициативе швейцарских бакунистов было принято решение о созыве интернационального конгресса под маркой Международного Товарищества Рабочих, но на основе устава, измененного бакунистами в 1873 г. В обращении по этому поводу содержался призыв к примирению всех течений в рабочем движении. На первых порах некоторые руководители германской социал-демократии, в том числе Либкнехт, склонялись к участию в конгрессе, что вызвало резкое осуждение со стороны Маркса и Энгельса. Съезд Социалистической рабочей партии Германии в августе 1876 г. решил не направлять на анархистский конгресс специального представителя. На конгрессе, состоявшемся в Берне 26—30 октября 1876 г., от немецких социалистов в качестве гостя присутствовал Ю. Вальтейх.

Ответ Энгельса на это письмо не сохранился. Позднее, 21 декабря 1876 г., он писал И. Ф. Беккеру, что предостерегал Либкнехта от попыток сближения с бакунистами (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 183; Либкнехт — Энгельсу 16 октября 1876 г.).

48 Энгельс переслал Либкнехту письмо П. Л. Лаврова от 7 августа 1876 г., в котором тот сообщал, что из-за неосторожности молодого русского социалиста Г. Е. Гуревича письма Либкнехта были вскрыты на почте и попали в руки полиции. Лавров просил заверить Либкнехта,

что русские позаботятся о том, чтобы эта ошибка больше не повторилась, и что нет причин для недоверия к Гуревичу. Он писал также, что получил от некоего В. Г. Дехтерева из Лейпцига письмо, в котором тот якобы от имени Либкнехта извещал, что расследованием этого дела занимается И. Я. Чернышев.

49 Данный абзац был приведен Энгельсом в письме Лаврову от 15 сентября 1876 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 156).

50 На съезде Социалистической рабочей партии Германии, проходившем с 19 по 23 августа 1876 г. в Готе, бывший лассальянец К. Фроме обвинил редакторов ряда партийных органов, а также Либкнехта и Бебеля в том, что они якобы получали денежную помощь от издателя мелкобуржуазно-демократической «Frankfurter Zeitung» Л. Зоннемана. В результате обсуждения было установлено, что эти обвинения не обоснованны, и принято решение, которое полностью отвергало обвинения, выдвинутые Фроме.

Бурную дискуссию вызвал на съезде также вопрос о местопребывании и составе редакции нового центрального органа партии газеты «Vorwärts», которая должна была заменить «Volksstaat» и «Neuer Social-Demokrat». Вопреки мнению ряда бывших лассальянцев было решено издавать газету в Лейпциге, а не в Берлине. В знак протеста против этого В. Гассельман отказался войти в редакцию «Vorwärts», и ее ответственными редакторами были избраны Либкнехт и бывший редактор «Neuer Social-Demokrat» В. Газенклевер.

51 На съезде В. Фрицше обвинял Либкнехта в том, что он запретил печатать в «Volksstaat» статью Моста о Дюринге (см. примеч. 41).

52 11 августа 1876 г. в «Volksstaat» была опубликована заметка, в которой сообщалось о предложении Р. Шрамма от имени редакции миланской «Glossen» воздвигнуть в Мангейме памятник «герою и мученику свободы» мелкобуржуазному демократу Трюцшлеру, расстрелянному в 1849 г.

53 Имеются в виду первые главы «Анти-Дюринга», над которым Энгельс начал работать в сентябре 1876 г.

54 Книга П. Лиссагаре «История Коммуны 1871 года» была издана не в лейпцигской, а в брауншвейгской типографии, так как еще до предложения Либкнехта Маркс 23 сентября 1876 г. обратился к В. Бракке с просьбой взять на себя издание немецкого перевода этой книги. Она вышла в свет в 1877 г.

55 К письму была прикреплена записка: «Отто Виганд. Последние экземпляры» (см. также примеч. 40).

56 С 16 августа по 15 сентября 1876 г. Маркс находился на лечении в Карлсбаде.

57 Энгельс перечислил в избирательный фонд 10 фунтов стерлингов (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 186).

58 На выборах в рейхстаг 10 января 1877 г. кандидатура Либкнехта баллотировалась в трех избирательных округах: Дрезден-Нейштадт (в его состав входила часть города Дрезден и близлежащие деревни), Оффенбах (Гессен) и Штольберг-Шнееберг (Саксония). В первом из них основным конкурентом Либкнехта был обер-прокурор Саксонии Ф. фон Шварце, один из организаторов состоявшегося в 1872 г. в Лейпциге процесса по обвинению Бебеля, Либкнехта и А. Гепнера

в государственной измене. В Оффенбахе во втором туре победу одержал кандидат от национал-либеральной партии; Либкнехт был избран в округе Штольберг-Шнееберг.

59 Социал-демократы одержали победу в первом туре выборов в IV и VI округах Берлина (Фрицше — 10 769 голосов и Газенклевер — 9569 голосов), а в III округе, где Раков получил 3991 голос, была проведена перебаллотировка. На дополнительных выборах, хотя число отданных за Ракова голосов возросло до 6070, он не был избран. Из общего числа голосов (80 436) социал-демократы получили 31 576.

60 Всего на выборах 1877 г. Социалистическая рабочая партия получила 19 мандатов (на выборах 1874 г. эйзенахцы и лассальянцы вместе имели 9 мандатов).

61 Либкнехт отвечает здесь на письмо Энгельса Г. Рамму от 25 января 1877 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 194—195), в котором выражалось недовольство в связи с задержкой очередных корректур «Анти-Дюринга» и номеров «Neue Welt», где была помещена биография Вильгельма Вольфа.

62 Речь идет об одном из выступлений социал-демократа Густава Раша («Vorwärts» от 12 января 1877 г.) в ходе возникшей еще в 1876 г. на страницах «Vorwärts» полемики между Рашем и участником революции 1848—1849 гг. К. Шабле. В этой статье Раш назвал обвинения, выдвинутые против К. Фогта как платного бонапартистского агента, «пошлыми и низкими». Либкнехт привел ему в газете 11 февраля 1877 г., ссылаясь на работу Маркса «Господин Фогт», прямые доказательства виновности Фогта. 16 февраля 1877 г. в «Vorwärts» было опубликовано заявление Раша, где он признавал ошибочность своей прежней точки зрения.

63 Либкнехт, видимо, отвечает здесь на несохранившееся письмо Энгельса с критикой позиции немецких социал-демократов по отношению к «примирительным» стремлениям анархистов, а также их участия в анархистском конгрессе в Берне (см. примеч. 47). Присутствовавший в качестве гостя социал-демократ Ю. Вальтейх говорил в своем выступлении о возможности сотрудничества социал-демократов и анархистов. Он заявил также, что в германской социал-демократии «нет ни марксистов, ни дюрингианцев».

64 По-видимому, речь идет о В. Гассельмане.

65 Речь идет об округах Плен-Зегеберг и Бармен-Эльберфельд, где в 1874 г. были избраны лассальянцы.

66 Эта поездка Либкнехта состоялась весной 1878 г.

67 В округе Глаухау-Мееране Бракке был избран со значительным перевесом; в округах Бреслау-Вест и Бреслау-Ост социал-демократические кандидаты потерпели поражение.

68 Речь идет, по-видимому, о В. Гассельмане, который в округе Бармен-Эльберфельд потерпел поражение. Между Гассельманом и Бракке были весьма напряженные личные отношения.

69 Речь идет о письмах Энгельса Либкнехту от 10 (письмо не сохранилось) и 11 апреля 1877 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 204—205), в которых он выражал возмущение тем, что вопреки первоначальной договоренности главы его работы против Дюринга печатались в «Vorwärts» с длительными перерывами.

[70] Научное приложение к «Vorwärts» выходило с 27 июля 1877 г.

[71] В «Vorwärts» от 11 апреля 1877 г. была помещена подробная информация о том, как Либкнехт был лишен слова.

[72] 11 апреля 1877 г. социал-демократическая фракция рейхстага в ходе обсуждения изменений промышленного устава внесла проект закона об охране труда. Он включал требования 9-часового рабочего дня, для женщин и молодежи до 18 лет 8-часового рабочего дня и запрещения ночного труда; запрещения определенных видов работ для женщин (под землей, на строительстве высоких зданий и др.); трехнедельного отпуска по беременности и шестинедельного после родов; запрещения труда подростков до 14 лет; создания производственных советов на паритетных началах; запрещения оплаты труда товарами и задержки выплаты заработной платы; запрещения использования частными предпринимателями труда заключенных. Проект не обсуждался на заседании рейхстага, а был передан в комиссию.

[73] Речь идет о письме Либкнехта К. Марксу от 16 апреля 1877 г. (см.: «Marx-Engels-Jahrbuch». Bd. 2. Berlin, 1979, S. 296).

[74] Речь идет о заседании рейхстага 16 апреля 1877 г., на котором состоялось первое обсуждение проектов изменения промышленного устава.

[75] О польском законопроекте см. следующее письмо, а также *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 186.

[76] Это слово (valentiniren) образовано от фамилии депутата рейхстага от национал-либеральной партии Г. Валентина, который по договоренности с председателем систематически вносил предложения о прекращении прений с целью не допустить выступлений социал-демократических депутатов.

[77] Уже в течение мая в «Vorwärts» был помещен ряд материалов, затрагивающих данную тему (см. № 59, 60, 61 от 20, 25 и 27 мая 1877 г.). См. собранные в брошюре Либкнехта «К восточному вопросу, или Должна ли Европа стать казацкой?» его статьи из «Vorwärts» и «Neue Welt».

[78] Из-за формальной ошибки избрание Газенклевера в рейхстаг от VI берлинского округа было признано недействительным. На дополнительных выборах 14 июня 1877 г. он был избран значительным большинством голосов.

[79] Речь идет о развернувшейся на съезде Социалистической рабочей партии в Готе (27—30 мая) 1877 г. дискуссии по поводу издаваемого Гассельманом еженедельника «Die Rote Fahne», который он пытался противопоставить центральному органу партии. Подавляющим большинством голосов было решено предложить Гассельману прекратить это издание.

[80] Маркс считал причиной частых арестов Либкнехта интриги бывших лассальянцев, которые «намеренно устроили так... что Либкнехту приходится отсиживать за все статьи, включая и те, которые были написаны во время его отсутствия». — См. письмо Маркса Энгельсу от 23 июля 1877 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 45, 46).

[81] См.: «Vorwärts» № 65 от 6 июня 1877 г., отчет о заседании съезда 29 мая.

82 12 июня перед городским судом Берлина предстали Либкнехт и Бебель, привлеченные по обвинению в оскорблении рейхсканцлера и в антимилитаристской агитации. В обоих случаях обвинение представлял прокурор Тессендорф. Бебель был приговорен к 9-ти месяцам тюрьмы, Либкнехт — к 2-м.

83 Имеется в виду статья об Уркарте из «Vossische Zeitung» «Ueber dem Grabe eines Russenfeindes», перепечатанная в «Vorwärts» № 70 от 17 июня 1877 г.

84 «Eine Geschichte der Commune», рецензия Либкнехта на книгу Лиссагаре «История Коммуны 1871 года» («Der arme Conrad», 1878, S. 121) была опубликована за подписью Xx.

85 В № 37, 38, 39 «Neue Welt» за 1878 г. был опубликован очерк Лиссагаре «Как коммунар спасся от версальцев».

86 Речь идет о письме Энгельса Либкнехту от 2 июля 1877 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 217—218).

87 В «Vorwärts» начиная с 10 июня 1877 г. (передовая статья) был опубликован ряд статей, посвященных возникшему во Франции конфликту между монархическими кругами и республиканским большинством палаты депутатов, а также попытке президента республики Мак-Магона совершить государственный переворот. Редакция газеты, заняв ошибочную позицию, по существу проводила ту мысль, что пролетариату безразлично, действует ли он в условиях буржуазной республики или в условиях монархии. Наиболее резко эти взгляды были выражены в упоминаемой ниже статье «Долой республику!» («Vorwärts» № 76, 1 июня 1877 г.), автором которой, очевидно, был В. Газенклевер.

88 В 6-м листе корректуры отдельного издания первого раздела «Анти-Дюринга» — «Философия» — по вине наборщика было пропущено 29 строк текста. Этот лист был набран заново.

89 Речь идет о 2-м французском издании «Истории Коммуны 1871 года» Лиссагаре.

90 По-видимому, Маркс не откликнулся на просьбу Либкнехта послать ему рукопись «Критики Готской программы» (см.: Письмо Энгельса Марксу от 19 июля 1877 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 41—43).

91 На съезде Социалистической рабочей партии в Готе в мае 1877 г. Вальтейх критиковал статьи Энгельса против Дюринга за их якобы излишнюю резкость и заявил, что Дюринг может еще принести партии большую пользу.

92 Энгельс отказался написать для «Vorwärts» статью о русско-турецкой войне.

93 См.: Письмо Энгельса Либкнехту от 31 июля 1877 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 220).

94 Маркс и Энгельс отказались от сотрудничества в журнале «Die Zukunft», считая его редакторов недостаточно компетентными для руководства теоретическим органом партии.

95 Речь идет о международном конгрессе социалистов, состоявшемся 9—16 сентября 1877 г. Представителем от немецкой социал-демокра-

тии на конгрессе был Либкнехт. Конгресс продемонстрировал распад анархистского направления и преобладание марксизма в международном рабочем движении.

[96] Речь идет о журнале «Die Neue Gesellschaft», главным редактором которого был Р. Виде. Журнал выходил в Цюрихе с октября 1877 по март 1880 г. От сотрудничества в нем Энгельс отказался.

[97] Речь идет об изданиях «Neue Gesellschaft» и «Zukunft» (см. два предыдущих письма).

[98] Речь идет об имевших место в 1873 г. разногласиях между одним из редакторов «Volksstaat» А. Геннером и секретарем партии, бывшим лассальянцем Т. Йорком по поводу редактирования газеты, в частности о публикации в ней научных статей, против чего выступал Йорк.

[99] В связи со смертью бывшего деятеля чартистского движения Джона Фроста, приговоренного в 40-х гг. к смертной казни, которая затем была заменена ссылкой, Либкнехт намеревался поместить в «Vorwärts» статью о нем.

[100] См. предыдущее письмо.

[101] По-видимому, имеется в виду единогласно принятое решение конгресса о том, что «социалисты и «анархисты» должны с уважением относиться друг к другу и, исходя из интересов принципиальной борьбы, избегать личной вражды» («Vorwärts» № 111 от 21 сентября 1877 г.).

[102] Поездка Либкнехта в Лондон состоялась в середине апреля 1878 г. Энгельс приглашал Либкнехта приехать к нему после Гентского конгресса (см. примеч. 95).

[103] Письма Маркса Либкнехту от 4 и 11 февраля 1878 г. были опубликованы последним во 2-м издании брошюры «К восточному вопросу, или Должна ли Европа стать казацкой?».

[104] Речь идет о брошюре Либкнехта «Дебаты по восточному вопросу в германском рейхстаге».

[105] Имеется в виду речь Либкнехта 9 декабря 1870 г. в Северогерманском рейхстаге при обсуждении договоров с южногерманскими государствами в связи с предстоявшим образованием германской империи.

[106] После заключения Сан-Стефанского договора произошли изменения в английском кабинете. Министр иностранных дел лорд Дерби, не разделявший протурецкой позиции Дизраэли, был заменен Р. Солсбери.

[107] В приложенной к письму записке, адресованной редакции и подписанной «один из многих», генерал фон дер Гольц, известный своими неортодоксальными военно-политическими взглядами, высказал пожелание, чтобы статьи Энгельса против Дюринга были возможно скорее выпущены отдельным изданием.

[108] Речь идет о забастовке рабочих хлопчатобумажной промышленности. Сообщения о стачке публиковались в «Vorwärts» № 48 от 26 апреля 1878 г. и последующих номерах.

[109] Речь идет о брошюрах «Дебаты по восточному вопросу в немецком рейхстаге» и «К восточному вопросу, или Должна ли Европа стать казацкой?».

110 Речь идет о неудавшемся покушении на Вильгельма I 11 мая 1878 г. Игра слов. В демократических кругах императора называли «Леман», а полное имя совершившего покушение Макс Хедель-Леман. Во второй фразе намек на покушение на Бисмарка 7 мая 1866 г. Фамилия стрелявшего — Блинд (Blind), по-немецки же «blind schießen» — «стрелять холостыми».

111 После покушения Хеделя на Вильгельма I немецкая пресса много писала о том, что, несмотря на продолжительные поиски, на месте происшествия не было найдено ни одной пули. В «Vorwärts» также регулярно помещалась информация о ходе поисков («Vorwärts» № 56, 58, 59, 62 от 15, 19, 22, 29 мая 1878 г.).

112 Рейхстаг был распущен 11 июня, новые выборы назначены на 10 июля.

113 В «Vorwärts» № 110 от 18 сентября 1878 г. было напечатано извещение Энгельса о смерти его жены Лиззи.

114 Либкнехт, по-видимому, имеет в виду прусского министра финансов И. Микеля, который в начале 50-х гг. был членом Союза коммунистов.

115 Речь идет о предпринятой Либкнехтом при помощи Маркса и Энгельса попытке сотрудничать в английском еженедельнике «Whitehall Review».

116 Речь идет о преследованиях социал-демократов после покушений на императора Вильгельма I.

117 См. письмо № 63.

118 Вероятнее всего, имеется в виду В. Гассельман.

119 Граф Ойленбург был тогда прусским министром внутренних дел.

120 Анни Безант и Чарлз Брэдло — английские публицисты, буржуазные радикалы, проповедовавшие атеизм и республиканские идеи, с 1860 г. совместно редактировали радикальную газету «National Reformer».

121 По-видимому, имеется в виду английский социалист Мальтман Барри, через которого Маркс и Энгельс связали Либкнехта с редакцией «Whitehall Review».

122 Немецкий социал-демократ Карл Гирш, который с 1874 г. жил в Париже, с декабря 1878 г. по июнь 1879 г. издавал в Брюсселе еженедельник «Die Laterne».

123 Речь идет о французской газете «La Laterne», которая издавалась левым республиканцем А. Рошфором в 60-х и в 1874—1876 гг.

ПИСЬМА Ф. ЭНГЕЛЬСУ ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА (первая половина 90-х гг. XIX в.)

Публикуемые ниже письма Ф. Энгельсу за 1890—1895 гг. объединены тем, что в них затрагиваются вопросы исторического материализма, а в ответных письмах Энгельса многие положения данной теории находят четкое изложение и дальнейшее творческое развитие.

Важное место среди писем Энгельса за эти годы занимают так называемые «письма об историческом материализме», к которым обычно относят следующие: Конраду Шмидту от 5 августа и 27 октября 1890 г., Йозефу Блоху от 21—22 сентября 1890 г., Францу Мерингу от 14 июля 1893 г., Вальтеру Боргиусу от 25 января 1894 г.[1] На самом же деле круг писем, в которых рассматриваются вопросы исторического материализма, гораздо шире.

Оставшись после смерти Маркса, по словам В. И. Ленина, единственным «советником и руководителем европейских социалистов»[2], Энгельс широко использовал переписку с деятелями социал-демократического движения для пропаганды марксистской теории, для теоретического обоснования стратегии и тактики пролетарских партий. Среди его корреспондентов были не только лидеры рабочих организаций. К нему часто обращались даже незнакомые люди, подчас далекие от социалистического движения, желавшие из первых рук получить разъяснение по тем или иным теоретическим вопросам, и «все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса»[3].

Наиболее многочисленную часть корреспондентов Энгельса составляли немецкие социалисты и теоретики, интересовавшие-

---

[1] Впервые эти письма обозначил как «письма об историческом материализме» В. В. Адоратский. — См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма. Сборник избранных писем. 4-е изд. М.—Л., 1931, с. 5, 432—433.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 13.

[3] Там же.

ся проблемами марксизма (к ним принадлежат и все, за исключением Д. Ламплу, авторы публикуемых писем). Этот факт легко объясним, так как в то время германская социал-демократия находилась в авангарде международного рабочего движения, и проблемы, решавшиеся ею, в большинстве своем были или должны были вскоре стать проблемами других национальных отрядов этого движения. И от того, насколько правильно они будут решены немецкими рабочими, в известной мере зависело и решение этих проблем социалистами других стран. Ясно видя ведущую роль германской социал-демократии, Энгельс пытался всячески помочь ее лидерам выбрать правильный путь развития, избежать возможных ошибок.

Эта помощь была тем более ценной, что перед немецким рабочим движением встала задача выработки новых форм деятельности в связи с изменениями как в характере самого движения, так и во внешних условиях его развития. В конце 80 — начале 90-х гг. выросли и масштабы и сила революционных выступлений рабочих Германии. Достаточно указать на начавшуюся в мае 1889 г. стачку 100 тыс. горняков Рейнско-Вестфальского угольного бассейна, к которой в дальнейшем присоединились десятки тысяч других рабочих по всей стране. Выборы в рейхстаг в феврале 1890 г., на которых за социал-демократических кандидатов проголосовало 19 % избирателей, показали, что СДПГ превратилась в значительную политическую силу. И наконец, ярким свидетельством возросшей сплоченности и организованности рабочего класса явилось празднование вместе с пролетариатом других стран дня международной солидарности трудящихся — 1 Мая.

Борьба рабочего класса Германии и успехи его авангарда — социал-демократической партии привели к отмене исключительного закона против социалистов, введенного в 1878 г. с целью воспрепятствовать развитию рабочего движения. Умелое сочетание легальных и нелегальных форм деятельности, активная пропагандистская работа позволили СДПГ привлечь на свою сторону, несмотря на полицейские преследования, огромное количество рабочих, а также представителей других общественных слоев. Замыслы инициатора исключительного закона Бисмарка потерпели крах. 30 октября 1890 г. закон был отменен. Для немецкой социал-демократии наступил период деятельности в легальных условиях.

Наряду с укреплением политических позиций пролетарской партии неизмеримо возросла и роль ее идеологии — марксизма. К этому времени последний одержал решительную победу

над своими противниками в рабочем движении и его развитие, по выражению В. И. Ленина, «шло вширь». Марксизм перестал быть только предметом изучения. Он становится реальной основой деятельности десятков тысяч социалистов, его положения пропагандируются в выступлениях членов социал-демократической фракции в рейхстаге, в статьях центральной и местной партийной прессы. Выходят в свет все новые и новые издания трудов Маркса, Энгельса и их соратников. Наряду с ними появляются произведения, авторы которых лишь объявляют себя марксистами. Марксизм становится своеобразной «модой». Процесс расширения социальной базы социал-демократического движения сопровождался и негативными факторами, в частности, к нему примкнуло немало людей, не понимавших истинных его целей или истолковывавших их превратно. Кое-кто из них претендовал на роль теоретиков социалистического движения, и это представляло определенную опасность, так как взгляды этих людей были по существу весьма далеки от подлинного марксизма. К тому же некоторые вопросы марксистской теории, в частности исторического материализма, были еще недостаточно разработаны. Было очень мало популярной литературы. Вот как описывает это положение итальянский марксист А. Лабриола: «Интерес к историческому материализму все более и более возрастал, а литература по нему отсутствовала,— немудрено поэтому, если Энгельса в последние годы его жизни забрасывали вопросами, как профессора, не имеющего своей кафедры» [1].

По проблемам материалистического понимания истории в печати высказывались различные, порой противоречащие друг другу, точки зрения, причем каждая из них преподносилась как «истинно» марксистская. Естественно, что это порождало недоуменные вопросы. Отсутствие единства в понимании теоретических проблем марксизма не могло не вызывать озабоченности Энгельса, так как ошибки из теоретической области очень легко переходили в область практически-политическую, где они имели уже более тяжелый характер и их исправление требовало гораздо больших усилий. Именно этим, в частности, можно объяснить то, что он столь подробно и обстоятельно отвечал даже незнакомым ему ранее людям.

Теоретические разногласия в социал-демократическом движении сопровождались разногласиями и в сфере практической деятельности. Это выразилось, в частности, в конфликте между

---

[1] *Лабриола А.* Исторический материализм и философия. СПб., 1900, с. 32.

партийным руководством и группой оппозиционеров, известных под названием «молодые». Костяк этой группы составляли вступившие в партию студенты и начинающие литераторы, претендовавшие на роль партийных теоретиков. Они справедливо критиковали представителей оппортунистического движения (Г. Фольмар, И. Ауэр, В. Блос и др.), подменявших революционную борьбу пролетариата реформистской деятельностью. Но эту критику «молодые» без всяких оснований распространяли на все партийное руководство, вообще отрицая необходимость парламентской и любой другой легальной деятельности. Не считаясь с изменением условий борьбы рабочего класса, они щеголяли сверхреволюционной терминологией, требовали решительного «взятия препятствий». Критикуя эту позицию, Энгельс писал, что, если с требованием «взятия препятствий» «из области воображения перенестись в область действительности, это могло бы погубить даже самую сильную, насчитывающую в своих рядах миллионы партию под вполне заслуженный хохот всего враждебного ей мира» [1].

Деятельность «молодых» была тем более опасной, что сторонники этой оппозиционной группы довольно активно выступали с пропагандой своих взглядов в социал-демократической печати. К таким публицистам относился и автор первого из публикуемых писем (от 30 мая 1890 г.) Пауль Эрнст (1866—1933). В то время он еще не примкнул открыто к «молодым», но объективно его статьи являлись выражением их позиции. Несмотря на молодость, Эрнст был уже достаточно известен своей литературно-публицистической деятельностью, в частности своими статьями и рецензиями в теоретическом органе социал-демократической партии «Die Neue Zeit». Об этом свидетельствует ссылка на него в письме Й. Блоха, который считал его сторонником той точки зрения, что «экономические отношения являются *единственным* определяющим моментом» [2] всех процессов общественной и духовной жизни. Знакомство со статьями Эрнста доказывает, что их философское содержание является продуктом чисто механического усвоения отдельных положений марксистской теории. Показательна в этом отношении полемика Эрнста на страницах литературно-общественного органа «молодых» журнала «Freie Bühne» с одним из его руководителей, австро-немецким литератором Германом Баром по вопросу о характере женского движения как социального явления. Она и явилась непосредственной причиной

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 74.
[2] См. настоящий сборник, с. 459.

письма Эрнста, который стремился заручиться поддержкой Энгельса.

Поводом к полемике послужили опубликованные в этом журнале статьи литературного критика Л. Маргольм «Женщины в скандинавской литературе», содержавшие анализ творчества Г. Ибсена и Ю. А. Стриндберга. Эрнст, считавшийся знатоком скандинавской литературы, выступил с критикой присущей этим статьям биологизации явлений общественной жизни. В статье «Женский вопрос и социальный вопрос» он правильно подчеркивал социальную обусловленность женского вопроса, рассматривая всякое женское движение как продукт общественного развития. Однако ряд выводов, сформулированных им в ходе изложения собственных взглядов, был совершенно несовместим с марксизмом, к сторонникам которого он себя причислял.

Эрнст попытался подогнать все разнообразие общественной жизни Норвегии под одно понятие — «мещанство», которому придавал абстрактное социально-историческое содержание, основанное на его представлении о специфически немецком мещанстве. В результате вместо детального анализа условий зарождения и развития женского движения в Скандинавии на свет появилась искусственная схема, основанная на абстрактной, внеисторической категории «мещанство». Все это, разумеется, не имело ничего общего с марксистской теорией общественного развития, а являлось скорее пародией на нее. К тому же, рассматривая вообще всю сферу социально-политической жизни общества как жестко детерминированную экономическими условиями, Эрнст ставил разрешение женского вопроса в прямую зависимость от развития производственных отношений. «Нет никакого сомнения, — писал он, — что женский вопрос будет решен таким же образом, как все «вопросы» — сам собою, простым развитием производственных отношений» [1]. Таким образом, и здесь проявляется свойственный Эрнсту догматизм в исследовании социальных процессов. Это было отмечено — хотя и в вежливой форме — в ответном письме Энгельса, который именно в связи с подобными тезисами Эрнста указывал ему, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» [2].

---

[1] *Ernst P.* Frauenfrage und sociale Frage. — In: Freie Bühne für modernes Leben, Heft 15, 14. Mai 1890, S. 426.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 351.

Не ускользнули эти недостатки и от внимания Бара, который причислил своего оппонента к эпигонам марксизма, превращающим метод Маркса в «догматическую аксиому». При этом Бар утверждал, будто бы Марксово понимание человека состоит в признании сосуществования в нем двух начал: «естественного человека, как он вышел из утробы матери, с физическими свойствами своих предков, плюс человека экономического, как он сформировался на основе своих теперешних отношений к природе. Экономический человек всегда подчиняется естественному человеку» [1], эпигоны же признают существование только экономического начала. Сам Бар, будучи сторонником биологизаторской теории, считал, что в каждом человеке следует отличать еще и третье начало (например, в женщине — чистую самку), которое и составляет подлинную его сущность, не подверженную ни экономическим, ни другим общественным влияниям. Исходя из этого, он объявлял женский вопрос неразрешимой проблемой.

Эрнст, как явствует из его письма, прислал Энгельсу оба номера журнала: со своей статьей и с полемическим ответом Бара, что дало тому возможность познакомиться с рассуждениями обоих авторов. Хотя вряд ли эти рассуждения могли его заинтересовать сами по себе, Энгельс немедленно (5 июня) и довольно обстоятельно ответил Эрнсту.

Подвергнув критике статью своего адресата и указав на его ошибки, Энгельс вместе с тем раскрывает, как следовало подойти к решению затронутых вопросов. По-видимому, Энгельс считал возможным, показав Эрнсту ошибочность его воззрений, побудить его к более глубокому изучению марксизма. Вероятно, он надеялся, что молодой литератор сумеет извлечь уроки из его письма и преодолеет свои ошибки. Однако дальнейшее развитие событий показало, что Эрнст не учел энгельсовской критики. Не прошло и четырех месяцев, как он выступил в магдебургской газете «Volksstimme» со статьей, в которой объявлял взгляды «молодых» тождественными взглядам Маркса и Энгельса. Столь необоснованное заявление побудило Энгельса выступить со статьей «Ответ господину Паулю Эрнсту», в которой он опубликовал часть своего ответного письма. Здесь он подверг его взгляды сокрушительной критике, показав пропасть, отделяющую эти взгляды от настоящего марксизма. Дальнейшая эволюция Эрнста, вышедшего в 1894 г. из партии и открыто вставшего на позиции неоканти-

---

[1] *Bahr H.* Die Epigonen des Marxismus. — In: Freie Bühne für modernes Leben, Heft 17, 28. Mai 1890, S. 470.

анства, а впоследствии оказавшегося даже на стороне фашизма, подтвердила данную Энгельсом характеристику.

Одной из главных ошибок Эрнста было превратное истолкование материалистического понимания истории в духе экономического материализма, рассматривающего в качестве активного фактора исторического процесса исключительно экономику. Ошибка эта была результатом непонимания диалектического характера марксистской теории общественного развития, что было свойственно также и буржуазным критикам марксизма. В своих писаниях они подменяли марксистскую теорию произвольно сконструированной схемой, построенной на основе отдельных высказываний ее создателей, и критиковали, таким образом, свою же собственную конструкцию. При этом те мысли Маркса и Энгельса, которые не укладывались в данную искусственную схему, просто-напросто не замечались.

Одним из примеров подобной «критики» марксизма являются работы немецкого буржуазного философа и социолога Пауля Барта (1858—1922), имя которого не раз встречается в публикуемых письмах.

Весной 1890 г. Барт опубликовал конкурсную работу на замещение места профессора в Лейпцигском университете под названием «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана включительно». В этой работе он среди прочего попытался всего на 20 страницах опровергнуть материалистическое понимание истории. Но эта попытка оказалась абсолютно несостоятельной.

Барт рассматривал учение Маркса как «экономический автоматизм», приписывая ему понимание экономического фактора как «единственно довлеющей причины» [1] в историческом развитии, и пытался доказать, что не существует «первенства экономики над политикой». Не отрицая полностью решающей роли экономики в отдельных случаях, он утверждал, что идеология и политика играют в других случаях точно такую же роль в развитии общества. В подтверждение своего тезиса он приводит, например, походы Александра Македонского и завоевательные войны арабских народов, которые были вызваны, по его мнению, соответственно «честолюбием» греческого царя и «религиозным пылом» арабов. Возникновение рабства и великие географические открытия для Барта также являются продуктами политики и т. д.

---

[1] *Barth P.* Die Geschichtsphilosophie Hegels und Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Leipzig, 1890, S. 61.

Впервые Энгельс узнал об этой книге из рецензии Морица Вирта в венском журнале «Deutsche Worte». И хотя эта рецензия не понравилась Энгельсу, она оставила у него «неблагоприятное впечатление также и о самой книге» [1]. И вряд ли работа Барта привлекла бы особое внимание с его стороны, если бы он не узнал, что она вызвала интерес не только у буржуазных теоретиков, но и у людей, близких к марксизму. Увидел он это, в частности, из писем К. Шмидта.

Молодой немецкий экономист и философ Конрад Шмидт (1863—1932) с конца 80-х гг. состоял в переписке с Энгельсом. В результате самостоятельных экономических исследований он встал на позиции, близкие к марксистской политической экономии, и в 1889 г. опубликовал книгу «Средняя норма прибыли на основе Марксова закона стоимости» [2], которая заинтересовала Энгельса. Шмидт и в дальнейшем предпринимал попытки найти свое решение проблемы средней нормы прибыли, и именно обсуждение вопросов, связанных с этой проблемой, составляет значительную часть содержания переписки между ним и Энгельсом [3].

Но круг интересов Шмидта не ограничивался только чисто экономической проблематикой. В его замыслы, судя по письмам Энгельсу, входило написание книги о жизни и творчестве К. Маркса, изучение метода Марксовых исследований, критический анализ материалистического понимания истории и т. д. Все это свидетельствует, с одной стороны, о широте интересов Шмидта, но с другой — об известной разбросанности. Вряд ли можно было всерьез рассчитывать на то, что один человек сможет реализовать все эти планы. И действительно, большинство из них так и остались неосуществленными.

Первое из предлагаемых читателю писем Шмидта было написано 25 июня 1890 г. Сообщая Энгельсу о выходе в свет книги Барта, он оценивает критику им материалистического понимания истории как достаточно глубокую, подчеркивая в связи с этим тезис Барта о независимости от экономического базиса политических, правовых, религиозных, философских явлений. Конечно, на эту оценку могло оказать определенное влияние и личное знакомство Шмидта с автором книги, кото-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 370.

[2] *Schmidt C.* Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes. Stuttgart, 1889.

[3] Подробнее о проблеме средней нормы прибыли см. статью в настоящем сборнике: *Хеккер Р., Чепуренко А. Ю.* Полемика по проблеме соотношения закона стоимости и средней прибыли в «Капитале» К. Маркса (80—90-е гг. XIX в.).

рое оставило у него благоприятное впечатление. Но как бы то ни было, такая его позиция не могла не насторожить Энгельса, тем более что Шмидт был в это время редактором, а вскоре стал главным редактором социал-демократической газеты «Berliner Volks-Tribüne».

В ответном письме Энгельс отмечает, что даже на основании одних приводимых в рецензии цитат можно сделать вывод о том, что Барт не знает предмет, если считает, что признание первичного характера материальных условий означает отрицание обратного воздействия на них «идеологических областей».

Критикуя далее распространенный в Германии среди многих молодых писателей способ объяснения явлений при помощи простого навешивания ярлыка «материалистический», Энгельс дает определение метода исторического материализма, которое прямо перекликается с его письмом Эрнсту. «Однако наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» [1].

Спустя два месяца Энгельс получил письмо, в котором ставился вопрос о соотношении базиса и надстройки в более развернутой форме. Автором письма был молодой студент-математик из Кёнигсберга Йозеф Блох (1871—1936), ставший впоследствии редактором журнала «Sozialistische Monatshefte». Он задал Энгельсу два вопроса. Первый из них, связанный с толкованием высказывания римского историка Корнелия Непота о кровнородственном браке в Древней Греции, не имеет прямого отношения к рассматриваемой теме. Второй же вопрос был сформулирован так: «Являются ли экономические отношения *единственным* определяющим моментом, или же они образуют в известном смысле только прочную основу всех других отношений, которые затем сами могут оказывать действие» [2]. Тот факт, что сторонником первой точки зрения он считал П. Эрнста, второй — К. Шмидта, свидетельствует о том, что воззрения этих корреспондентов Энгельса уже тогда являлись предметом обсуждения в кругах социалистически настроенной молодежи. Отвечая Блоху, Энгельс сформулировал

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 371.
[2] См. настоящий сборник, с. 459.

следующее классическое положение: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни» [1]. Данное выражение имплицитно содержит признание воздействия на ход исторического развития других элементов структуры общества, прежде всего на определение конкретных форм этого развития. Формула «в конечном счете» выступает здесь как антитеза выражению «единственный определяющий момент», хотя она встречается в более ранних работах Энгельса и употребляется им позднее [2].

Сам Блох склонялся к признанию активной роли неэкономических факторов. Говоря о взаимоотношении различных факторов общественного развития, он применяет термины «экономическая необходимость» и «экономическая возможность». Энгельс же считает, что к этому вопросу следует подходить с точки зрения соотношения других категорий диалектики — необходимости и случайности. «Существует взаимодействие всех этих моментов,— отмечает он,— в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...» [3]

Отвечая на вопрос о роли личности в историческом процессе, Энгельс показывает причины того, почему развитие общества, несмотря на то что его субъектами являются люди, должно рассматриваться как объективный, не зависящий от воли отдельных личностей, процесс. С одной стороны, это обусловлено существованием определенных предпосылок и условий исторического творчества людей, главными среди которых являются экономические. С другой — любое историческое событие есть результат деятельности многих людей, каждый из которых преследует свои собственные цели, не похожие на цели других. Поэтому полученный результат не соответствует полностью или вообще не соответствует желаниям и стремлениям отдельных людей и выступает для них как проявление случайности. «Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам природы» [4].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 394.

[2] См., напр., там же, т. 21, с. 313; т. 39, с. 174—175.

[3] Там же, т. 37, с. 395. Интересно, что помимо отмеченных случаев выражение «в конечном счете» встречается в письме Энгельса еще 4 раза.

[4] Там же, с. 396.

В заключение Энгельс советовал Блоху изучать исторический материализм по первоисточникам, «а не из вторых рук», тем самым указывая на одну из причин неправильного понимания этой теории.

Эти мысли Энгельса получили дальнейшее развитие в письме Д. Ламплу от 11 апреля 1893 г., явившемся ответом на письмо последнего от 9 марта. Ученый-геолог Джордж Уильям Ламплу (1859—1926) был английским знакомым Энгельса. В письме он противопоставил природу современному обществу со всеми его проблемами. Это его замечание явилось побудительной причиной следующего высказывания Энгельса об увеличении удельного веса сознательной деятельности людей в процессе общественного развития: «Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать свою деятельность сознательно, сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого состояния» [1].

Второе из публикуемых ниже писем Шмидта от 20 октября 1890 г. вновь касается содержания книги Барта. Шмидт дает ей здесь довольно высокую оценку, подчеркивая убедительность попыток автора доказать на историческом материале влияние неэкономических факторов на экономическую основу. При этом Шмидт высказывал мнение, что если не удастся в противовес Барту показать экономическую обусловленность этих, прежде всего политических, факторов, то «Марксово понимание истории в его *самом строгом* смысле нельзя будет отстоять» [2].

Такой вывод Шмидта, по-видимому, несколько обеспокоил Энгельса, так как уже 27 октября он весьма обстоятельно ответил ему. Это письмо является одним из важнейших писем Энгельса, касающихся проблем исторического материализма [3]. Он решительно опроверг утверждение Барта, что марксизм будто бы отрицает «всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение... К чему же мы тогда боремся за политическую дик-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 55—56.

[2] См. настоящий сборник, с. 462.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 414—422. Значительная часть этого письма была опубликована вскоре после смерти Энгельса, 26 сентября 1895 г., в приложении к «Leipziger Volkszeitung».

татуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна?» [1]

Вскрывая причины подобного вульгаризаторского понимания марксистской теории, Энгельс отмечает: «Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция ...что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия... что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало» [2].

В этом письме Энгельс на конкретных примерах показывает обратное влияние на экономический базис разных элементов политической и идеологической надстройки. Именно здесь он высказывает мысль о трех видах воздействия государственной власти на экономическое развитие. Анализируя процесс возникновения и развития различных политических и идеологических областей, Энгельс подчеркивает как их зависимость от экономики, так и их относительную самостоятельность. Он поясняет свою мысль, в частности, на примере воздействия экономики на философию: «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [3].

Узнав о намерении Шмидта заняться изучением функционирования денежного рынка, Энгельс раскрывает причину неадекватного отражения общественных отношений буржуазными идеологами. «С экономическими, политическими и другими отражениями,— пишет он,— дело обстоит точно так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через собирательную линзу и поэтому представляются в перевернутом виде — вниз головой. Только отсутствует нервный аппарат, который для нашего представления поставил бы их снова на ноги» [4]. Именно это и является причиной того, что извращается действительная природа взаимосвязи различных элементов общества, и политическим и идеологическим областям приписывается гораздо большая роль, чем они играют на самом деле.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 420.
[2] Там же, с. 420—421.
[3] Там же, с. 420.
[4] Там же, с. 414.

Энгельс прочитал книгу Барта, по-видимому, несколько позднее, после получения ее от Шмидта вместе с письмом от 5 марта 1891 г. Более близкое знакомство с ней лишь подтвердило его прежнюю отрицательную оценку. «Его критика Маркса,— писал он Шмидту 1 июля,— поистине забавна. Сначала он конструирует материалистическую теорию исторического развития в том виде, какой она, по его мнению, *должна* была быть у Маркса, а затем находит, что в сочинениях Маркса дело обстоит совершенно иначе»[1]. Подобной «забавной» критике Барт подвергал все рассматриваемые им философские системы, которые являлись для него лишь «грудой развалин». С этих позиций он оценивает и вершину развития классической немецкой философии — философскую систему Гегеля, выискивая в ней прежде всего разного рода передержки и не замечая ее выдающегося значения.

Среди прочих вопросов, затронутых в переписке Энгельса и Шмидта, представляет интерес также проблема переходного этапа от капитализма к социалистическому обществу. В письме от 5 марта 1891 г. Шмидт называл ее в числе тех проблем, над которыми он намеревался работать. Вполне вероятно, что данный вопрос заинтересовал Шмидта после прочтения работы Маркса «Критика Готской программы», которую Энгельс опубликовал незадолго до этого, тем более что в письме содержится высокая оценка этой работы.

Конкретизируя свой замысел, Шмидт писал: «Я имею в виду основные изменения, которые должен будет последовательно проводить захвативший государственную власть пролетариат, чтобы, не внося неразберихи в механизм существующего производства, постепенно осуществить переход к новому обществу». И далее: «Эта техническая часть задачи, которую должен решить пролетариат, будет сложнее, чем другая — завоевание политической власти»[2].

Энгельс ответил на письмо Шмидта 1 июля 1891 г. Внимание автора он обращает на чрезвычайную сложность этой проблемы и предостерегает от поспешных выводов. Сложность ее заключается в том, что очень трудно решить заранее, какие именно мероприятия необходимо будет проводить в переходный период. Это решение очень тесно связано с условиями места и времени, которые находятся в состоянии непрерывного изменения. «Второй Ваш план,— отмечает Энгельс,— переходные этапы к коммунистическому обществу — стоит то-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 109.
[2] См. настоящий сборник, с. 464.

го, чтобы над ним поразмыслить, но я бы Вам посоветовал: nonum prematur in annum [лет девять хранить без показу; в переносном смысле: не торопиться, не делать поспешных выводов]; это самый трудный вопрос из всех, какие только существуют, так как условия беспрерывно меняются. Например, каждый новый трест изменяет их, и каждое десятилетие совершенно перемещаются пункты, которые следует атаковать» [1].

Среди публикуемых писем находятся два письма Франца Меринга (1846—1919), в то время уже выступившего с рядом марксистских исторических трудов. Первое из них является ответом на письмо Энгельса от 28 сентября 1892 г., содержавшее разъяснение некоторых вопросов, с которыми Меринг обратился к нему через Каутского. Причиной этого обращения было то, что в тот период, когда его работа «Легенда о Лессинге» публиковалась в журнале «Die Neue Zeit», он получил от буржуазного экономиста Л. Брентано цитату из сочинения немецкого историка первой половины XIX в. Лавернь-Пегилена. Эту цитату, взятую вне контекста, можно было истолковать как близкую к некоторым положениям материалистического понимания истории. И Меринг не смог сразу самостоятельно определить, оказывали ли работы представителей данной школы какое-либо существенное влияние на формирование взглядов основоположников марксизма.

Отвечая на вопрос Меринга, Энгельс, хотя и не был знаком непосредственно с работой, из которой была взята цитата, тем не менее смог реконструировать основные взгляды ее автора и показать их отличие от материалистического понимания истории. Он подчеркнул при этом, что «форма государства... неизбежно вытекает из формы хозяйства и из ее *соответствующего использования»* [2].

Из публикуемого письма Меринга от 6 октября 1892 г. видно, что он, прочитав саму книгу Лавернь-Пегилена, был восхищен проницательностью суждений Энгельса. Задумав написать для отдельного издания «Легенды о Лессинге» специальный очерк о материалистическом понимании истории, Меринг с разрешения Энгельса включил в него часть письма от 28 сентября.

После выхода в свет первого отдельного издания «Легенды о Лессинге» с приложением очерка «Об историческом материализме» Меринг послал его Энгельсу. Последний дал весьма

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 108.
[2] Там же, с. 412.

высокую оценку работе Меринга и одновременно в письме от 14 июля 1893 г. высказал целый ряд мыслей, возникших у него при ее чтении.

Упущением Меринга Энгельс считал недостаточное освещение вопроса об активной роли неэкономических факторов общественного развития. Правда, одну из причин этого он видел в том, что Маркс и он в своих работах главный упор делали, «*и должны были делать,* сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических факторов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» [1] В связи с этим Энгельс дает в письме развернутую характеристику сущности идеологии, прослеживает определяющие моменты зарождения и развития идеологических представлений.

К вопросу о взаимоотношении базиса и надстройки, об обратном воздействии надстроечных факторов на экономическое развитие Энгельсу пришлось вернуться вновь в январе 1894 г. в связи с публикуемым ниже письмом некоего Вальтера Боргиуса (1870—1935), изучавшего юриспруденцию и философию в Бреславльском университете.

Боргиус просил Энгельса ответить на ряд вопросов, возникших в ходе обсуждения его доклада об «экономическом материализме» в семинаре профессора Зомбарта. Мнения разошлись относительно содержания понятия «экономические отношения» и относительно характера взаимосвязи между ними и другими общественными отношениями. При этом Зомбарт придерживался выражения Маркса, что экономические отношения «в конечном счете» определяют другие отношения, сам же Боргиус, ссылаясь на Энгельса, утверждал, что все общественные отношения «предопределены до мелочей» экономическими отношениями.

В ответном письме Энгельс вновь подчеркивал, что нельзя рассматривать экономические условия как активную причину, пассивным следствием которой являются все другие области жизни общества. «Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь» [2]. К тому же экономические отношения оказывают воздействие на все общественные области не автоматически, а посредством деятельности людей, которую сле-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 82.
[2] Там же, с. 175.

дует рассматривать через диалектическое взаимодействие необходимости и случайности. И далее Энгельс более подробно анализирует объективную обусловленность человеческой деятельности вообще и так называемых великих людей в частности.

В этом письме содержится интересная мысль относительно зависимости характера получаемых при изучении истории результатов от длительности изучаемого периода. Энгельс указывает, что история может выступать как цепь случайностей перед исследователем, если в поле его зрения находятся те области жизни общества, которые удалены от экономического базиса. Но если начертить среднюю ось развития какой-либо области общества, то обнаружится, «что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет» [1].

Через год, в феврале 1895 г. Энгельс получил письмо от упоминавшегося Боргиусом профессора Вернера Зомбарта (1863—1941). Вместе с письмом тот прислал свою работу «К критике экономической системы Карла Маркса» и попросил Энгельса сообщить о возникших у него замечаниях.

В ответном письме Энгельс вновь обращается к проблеме объективной обусловленности человеческой деятельности, причем конкретизирует это положение на примере из области экономической жизни. Касаясь затронутой Зомбартом проблемы средней нормы прибыли, он указывает, что, несмотря на стремление каждого отдельного капиталиста к получению как можно большей прибыли, в масштабах всего общества существует примерно одинаковая норма прибыли для всех.

Далее, указывая на то, что сам Маркс «говорит немного» о распределении совокупной прибыли на весь совокупный капитал, Энгельс формулирует важнейшее положение о том, что «все миропонимание [Auffassungsweise] Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования» [2]. Причиной утверждения Энгельса о том, что в работах Маркса не очень подробно разобран вопрос о распределении совокупной прибавочной стоимости на совокупный капитал, по-видимому, является то, что он не был в должной мере знаком со всем марксовым экономическим наследием. На самом деле этот вопрос детально разобран в экономической

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 176.
[2] Там же, с. 352.

рукописи 1861—1863 гг. В частности, в «Теориях прибавочной стоимости» разработана связанная с этим вопросом и поясняющая его теория превращения стоимости в цену производства.

Как мы указывали выше, обсуждение вопросов, связанных с действием закона средней нормы прибыли, занимает весьма большое место в публикуемых письмах и ответах Энгельса. Причем сложность этих вопросов заставляла корреспондентов часто выходить за рамки собственно данной проблемы. Так, еще в письме от 13 июля 1892 г. Шмидт высказал мнение, что объектом экономических исследований Маркса является «идеальное капиталистическое общество», отличное от реально существующего капитализма. Поэтому главной задачей дальнейших исследований он считал устранение этого отличия, которое ставит под вопрос истинность всей теории. В основе этих рассуждений лежало, по всей видимости, непонимание Шмидтом диалектического характера отношения реальной действительности и ее идеального отражения в научной теории. Этот вывод подкрепляется анализом положений, содержащихся в последнем из публикуемых писем Шмидта от 1 марта 1895 г.

Не найдя научного решения проблемы средней нормы прибыли, Шмидт не придумал ничего лучшего, как объявить закон стоимости, без познания действия которого невозможно это решение, «необходимой фикцией». Под последней он понимал «предположение, которое мы делаем, сознавая его неправильность, но которое мы необходимо должны сделать, чтобы прийти к результатам, недостижимым иным путем» [1]. Таким образом, один из основополагающих экономических законов сводился им до уровня абстракции, необходимой для построения теоретической системы, но не отражающей реальной действительности.

Разумеется, Энгельс не мог согласиться с таким толкованием сущности этого закона. Он указывает, что, с одной стороны, причиной ошибочного суждения Шмидта является уже отмеченное нами игнорирование диалектического характера познавательного процесса. «Ваши упреки по адресу закона стоимости,— пишет Энгельс,— относятся ко *всем* понятиям, рассматриваемым с точки зрения действительности» [2]. Действительность и отражающее ее понятие он сравнивает с двумя сближающимися асимптотами, которые, однако, никогда не совпадут. Но «по той причине, что понятие имеет свою

---

[1] См. настоящий сборник, с. 488.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 354.

сущностную природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо и prime facie [явно] с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями...» [1]

С другой стороны, причиной заблуждений Шмидта, как показывает Энгельс, является непонимание им характера экономических законов, которые действуют не каждый по отдельности, но «их действие перекрещивается с одновременным действием других законов...» [2], что вызывает необходимость всегда держать в поле зрения их взаимосвязь. А именно это было слабым местом Шмидта.

Совокупность всех затронутых в публикуемых письмах и ответах Энгельса вопросов гораздо шире, чем те, которые нам удалось осветить. В них нашла отражение, например, огромная работа Энгельса по подготовке к публикации экономических рукописей Маркса и продолжению его исследований. Во многих письмах детально обсуждались проблемы, стоявшие перед германским рабочим движением. Поэтому анализ предлагаемых вниманию читателя писем не только позволяет проследить конкретный процесс формирования ряда положений исторического материализма, но и, предоставляя новый фактический материал, ярко показывает многогранность деятельности Энгельса в последние годы жизни.

Все письма, за исключением № 1, публикуются впервые по фотокопиям рукописей, хранящимся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС (ф. 1, оп. 5, д. 5037, 5062, 5085, 5141, 5207, 5262, 5283, 5381, 5421, 5520, 5545, 5656, 5795, 5868, 5879).

Вступительная статья и текст публикации подготовлены научным сотрудником ИМЛ при ЦК КПСС В. Н. Кузнецовым под редакцией Б. Г. Тартаковского.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 354.
[2] Там же, с. 355.

№ 1

ПАУЛЬ ЭРНСТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ [1]

Гёрберсдорф в Силезии,
31 мая 1890 г.

Милостивый государь!

Извините меня за то, что, будучи совершенно незнакомым Вам человеком, я отваживаюсь обременить Вас просьбой.

При этом я беру на себя смелость переслать Вам два номера журнала «Freie Bühne»; в одном номере помещена моя статья о скандинавском женском движении, в другом — полемика Германа Бара против нее [2]. Бар упрекает меня в том, что я в данном случае неверно применяю метод Маркса, и во многом другом.

В силу различных обстоятельств я хотел бы знать, правилен ли упрек Бара и думал ли Маркс о женском вопросе иначе или, точнее, как бы он думал в данном случае. Во-первых, потому, что я излагаю свои взгляды также в других органах (например, в «Sozialdemokrat»), и подобные вещи, если они неверны, все-таки оказывают отрицательное влияние; во-вторых, потому, что Бар, как Вы увидите из статьи, обходится со мной невероятно нагло.

С моей точки зрения, Бар вообще ложно представляет себе все дело и делает из женского вопроса половой вопрос. Если верен бессодержательный тезис в конце статьи, то, по-моему, он выражает лишь нечто существовавшее еще во времена Адама и Евы. Безусловно, я рассматриваю это вообще только как личный опыт автора. Во всяком случае, это не имеет никакого отношения к женскому вопросу, который возник лишь при определенных социальных условиях.

Я вовсе не отличаюсь высокомерием, которое, видимо, стремится приписать мне Бар, я хочу только практически действовать в меру своих сил. Тем более задевают меня подобные инсинуации.

Вы бы меня очень обязали, если бы были настолько любезны и исполнили мою просьбу, сообщив в двух словах, соответствует ли мой взгляд взгляду Маркса или нет, и разрешили бы мне, кроме того, использовать Ваше письмо против Бара.

С глубочайшим уважением, преданный Вам

Пауль Эрнст

П. Эрнст — 2 июня 1890
Ответ написан 5? *

---

* Пометка Энгельса. *Ред.*

№ 2
КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Панков под Берлином,
Берлинерштрассе, 2c, III
25 июня 1890 г.

Дорогой Энгельс!

Извините, пожалуйста, что я не ответил раньше на Ваше дружеское письмо[3], которое, как Вы можете себе представить, в высшей степени меня заинтересовало. Все время что-нибудь отвлекало меня, кроме того, мой статус все еще находится в процессе длительного изменения, так что я не мог сообщить Вам о себе что-либо определенное. С начала мая я, правда, снова сотрудничаю в «Volkstribüne»[4], являясь кем-то вроде младшего редактора за 120 марок в месяц. Это подходящее место, оставляющее много свободного времени. Я должен два раза в неделю во второй половине дня вести корректуру в редакции и еженедельно давать статью для газеты на любую избранную мною тему. Но впоследствии я надеюсь участвовать также в отборе и просмотре рукописей. Ведь Шиппель должен меня подготовить, если мне придется замещать его во время девятимесячного заключения, к которому он был приговорен в Хемнице. Как все сложится после отмены закона о социалистах, пока еще неясно. Возможно, тогда кое-что изменится в существовавшем до сих пор положении прессы.

Я горячо благодарю Вас за быстрый, дружеский ответ относительно сотрудничества в работе над рукописями Маркса. Ваше предложение обратиться ко мне, если Вы лишитесь теперешних сотрудников, мне очень приятно. Конечно, я не могу заранее определить, как здесь все сложится. Сейчас, правда, я опять весьма склонен остаться на месте и, по крайней мере, подождать ближайшего развития событий. Но ведь пока и не приходится, пожалуй, думать о том, что Вы лишитесь Бернштейна и будете нуждаться в замене.

Когда я переселился в Панков, мне рисовалась впереди эра усердного прилежания, и в этом настроении я написал также Каутскому, что теперь статья о кнапповском освобождении крестьян[5] наверняка вскоре будет готова. Однако в разгар работы появились совершенно непредвиденные обстоятельства. Затем я принял предложение «Tribüne» и, кроме того, пообещал дать для «Рабочей библиотеки» Шиппеля брошюру против Флюршейма[6], которая лишь на этих днях была готова к печати. Теперь я хочу снова приняться за

Кнаппа, но сейчас стал уже весьма сомневаться в этой работе. Однако, быть может, она, как и все в этом мире, все же дойдет до своего конца!

В настоящее время я часто вижусь с обоими Браунами, с издателем «Archiv»[7] и его младшим братом, который также политэконом и социалист, а вдобавок еще и один из самых веселых людей, каких я до сих пор встречал. Старший сделал мне предложение регулярно следить за английским социальным законодательством и «Синими книгами» и обрабатывать их для его издания. Считаете ли Вы, что это было бы важно для дальнейшего углубления моих экономических познаний, принимая во внимание то время, которое потребовал бы такой труд? Не слишком ли тощи в большинстве случаев результаты толстых «Синих книг»? Не практичнее ли было бы поберечь свое время для другой работы? — Именно Браун настроил меня написать несколько слов против критики со стороны Лориа (Ваши замечания о личности автора действительно весьма точно его характеризуют) и отослать их Конраду[8]. В следующем номере последний хочет опубликовать мой ответ, что все-таки весьма порядочно с его стороны.

Социализм и после выборов идет вперед семимильными шагами. Партийная печать колоссально расширяется. — Кажется, вышедший в популярной серии издательства «Реклам» перевод «Взгляда назад» Беллами[9] произвел впечатление также и на буржуазию. Книгу сейчас много читают и в Германии.

P. S. Чтобы не забыть! У Рейсланда в Лейпциге недавно вышла конкурсная работа «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана включительно». Автора, Пауля Барта, я знаю лично по пребыванию в Лейпциге. Это очень одаренный, вполне самостоятельный и независимый человек, которому совершенно чужд всякий карьеризм. Критика им Марксова понимания истории кажется мне глубокой. Прежде всего он стремится доказать, что не только экономика односторонне определяет политику, но и политика в свою очередь определяет экономику. Он вообще утверждает, что политическое, правовое, религиозное, философское движения в значительной степени следуют имманентным, не выводимым из хозяйственной основы, законам, и очень умело приводит доказательства из истории. Книга могла бы Вас заинтересовать. Я взялся за реферат для «Tribüne», однако это весьма трудно. Возражение в интересах нашего дела должно быть очень основательным. Может быть, Каутский в «Neue Zeit» хорошенько возьмется за автора.

Так как я снова работаю в печати, то более широкие планы, о которых я Вам писал несколько месяцев назад, отложены. Надеюсь, не навсегда!

Еще раз: не сердитесь за задержку с ответом. Мне тем более неловко, что я помню, как быстро Вы ответили на мое последнее письмо.

Примите наилучшие пожелания

Ваш
Конрад Шмидт

№ 3

ЙОЗЕФ БЛОХ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Кёнигсберг в Пруссии,
3 сентября 1890 г.

Милостивый государь!

Извините, что я позволяю себе обратиться к Вам с несколькими вопросами. Но я полагаю, что по данным пунктам смогу получить наилучшие разъяснения непосредственно от Вас. Поэтому я хотел бы попросить, если я Вас этим не обременю, оказать любезность и ответить на следующие вопросы.

В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Вы представляете развитие семьи таким образом, как будто после отмирания кровнородственной семьи брак между братом и сестрой был недозволенным у всех народов. Непот говорит в своем предисловии: «Так Кимону, именитому афинскому гражданину, не ставили в упрек то, что он был женат на родной сестре, так как и его сограждане пользовались тем же обычаем» [10]. Так что из этого отрывка следует, что у греков брак между братом и сестрой был разрешен. Поэтому я позволяю себе спросить Вас, как можно объяснить это явление?

Разрешите, далее, обратиться к Вам еще с одним вопросом. Согласно материалистическому пониманию истории, определяющим моментом в историческом процессе является производство и воспроизводство действительной жизни. Как следует понимать это положение? Являются ли экономические отношения *единственным* определяющим моментом, или же они образуют в известном смысле только прочную основу всех других отношений, которые затем сами могут оказывать действие? Я полагаю, первый взгляд отстаивает более всего господин Пауль Эрнст, последний — доктор Конрад Шмидт. Не

играли ли часто в ходе истории известную роль чисто политические, династические и даже индивидуальные интересы? Безусловно, они не смогли бы ее сыграть, если бы не имели материального основания. Однако ведь не все же происходило вследствие экономической *необходимости*. Иногда достаточно было уже наличия экономической *возможности*. Такие личности, как Наполеон или Бисмарк, конечно, мало чего могли бы добиться *вопреки* экономическим условиям. Однако это еще не означает, что все, что они совершили, было экономической *необходимостью*, т. е. произошло бы и без них *в то же самое время*.

Поэтому я хотел бы спросить Вас, действительно ли, согласно материалистическому пониманию истории, экономические отношения действуют повсеместно, непосредственно, единственным образом и совершенно независимо от людей, неизменно и непредотвратимо, подобно законам природы, или же и другие отношения, которые, правда, в конечном счете определяются экономическими отношениями, могут в свою очередь ускорять или тормозить ход исторического развития?

В ожидании, что Вы не будете на меня в обиде за ту вольность, которую я позволил себе, обратившись непосредственно к Вам, и в надежде, что Вы любезно ответите на вопросы, я заранее благодарю Вас от своего имени и от имени некоторых товарищей по убеждениям

Йозеф Блох,
студент-математик

Кнохенштрассе, 21

№ 4

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

20 октября 1890 г.
Берлин, Георгенкирхенштрассе, 28

Дорогой Энгельс!

Первые дни я присутствовал на съезде [11], который произвел на меня неизгладимое впечатление. Кроме немецких руководителей я познакомился там с австрийцем Адлером, который мне очень понравился, и видел Геда. Между берлинцами (т. е. частью их) и фракцией царит разлад, который, пожалуй, в значительной мере объясняется тем, что каждая сторона превратно истолковывает намерения и действия другой. Я же знаю, что̀ именно распространялось о фракции в свое

время здесь, в берлинских кругах, особенно о враждебном отношении ее к «Volkstribüne», но и члены фракции ведут себя не лучше. Либкнехт, например, утверждал, что заметка против его корреспонденции в датском «Social-Demokraten» помещена в «Tribüne» против воли редактора, под нажимом некоторых закулисных деятелей (Либкнехт подразумевал Вернера). Так как в этом вопросе я действовал совершенно независимо, то я опроверг Либкнехта, однако последний, как мне рассказывали, повторил свое утверждение в субботу. Если вычеркнуть все, что внесено в разногласия легкомысленными сплетнями, то едва ли останутся существенные спорные пункты. То принципиально новое, что вводится по сравнению с прежней тактикой, глубоко усвоили лишь немногие. В общем же это представляется мне скорее основанием для оправдания, чем причиной. Помимо взаимного недоверия, в разногласиях повинно, вероятно, еще известное недовольство тем, что у теперешних вождей столь редко проявляется увлекающий, будоражащий пафос. Парламентская деятельность нашей фракции кажется многим слишком скромной и будничной. Они не видят пользы от нее.

К сожалению, то, что Вы пишете в последнем письме [12], за которое я Вас сердечно благодарю, о нынешних представителях исторического материализма, совершенно верно. Пауль Эрнст, односторонность которого меня часто очень раздражала, все-таки, как я вижу из его писем, далеко не так ослеплен, как кажется. Его статья по истории искусства в одном из последних номеров «Tribüne» [13] уже обнаруживает определенную уступку: признание того, что материализм *без точнейшего знания фактического материала* слишком легко превращается в простой схематизм. У бедняги больные легкие, он уже давно живет в Гёрберсдорфе и к тому же недавно женился, хотя может рассчитывать только на свое перо. Если бы не надо было зарабатывать на проклятый кусок хлеба, я думаю, он мог бы написать много хорошего. Некоторые его статьи, опубликованные в воскресном приложении к «Voss» [14], говорят об этом. — Вилле, пожалуй, несколько неосмотрителен и склонен к пустому мечтательству, однако систематическая самореклама и интриги из-за редакторского кресла совершенно чужды, насколько я знаю, его характеру.

Весьма сомнительно, чтобы «Volkstribüne», потерпевшая значительный ущерб вследствие быстрого роста местной печати, смогла продержаться и после рождества. В любом случае я намерен 1 ноября объявить о расторжении договора со следующего квартала. Младший Браун (свояк Адлера,

нынешний редактор «Sächsische Arbeiterzeitung»), которого я встретил в Галле, выдвинул план, могущий принести мне, возможно, большую пользу. Сам он получил от демократической «Züricher Post» предложение взять на себя редактирование биржевой части, но не чувствует склонности к этому и хочет безотлагательно рекомендовать мою кандидатуру. Таким образом я получил бы возможность основательно изучить денежный рынок с точки зрения весьма влиятельной цюрихской биржи. Так как я с большой охотой взялся бы за теоретическое исследование денежного обращения, кредитного и ссудного дела, биржевых кризисов и их связи с торговыми кризисами, подобная практика была бы в высшей степени полезна для меня. Один местный редактор биржевого раздела, экономически образованный, к которому я обратился за советом, был того же мнения. Да и безотносительно к этому я вообще снова стремлюсь кое-чему учиться и заниматься наукой. С тех пор как я здесь, в Берлине, живу журналистикой, из этого мало что выходит.

Книга Барта у меня должна еще быть, я пошлю ее Вам в Лондон, как только разыщу. Может быть, Вы сами напишете полемическую критику ее для «Neue Zeit». Я не знаю, кто еще был бы в состоянии сделать это. В освещении Вирта [15] этот труд выглядит, правда, так себе, но оригинал действительно много лучше. Главный аргумент Барта заключается в том, что он считает возможным доказать на историческом материале влияние неэкономических (в особенности *политических*) процессов на экономическую основу. Это, пожалуй, не было бы доводом против материалистического понимания истории, если бы сами эти неэкономические процессы могли быть выведены из экономических. Ибо тогда влияние последних на экономику было бы обосновано опять же экономически, и все сводилось бы в своей основе к экономическим движущим силам. Но именно это, я полагаю, следует доказать в противовес Барту. Если это невозможно, то Марксово понимание истории в его *самом строгом* смысле нельзя будет отстоять. Экономика не выступала бы больше единственным движущим фактором, другие *самостоятельные,* не выводимые из нее процессы оказывали бы влияние на ход экономического развития, в то время как у Маркса именно самостоятельность таких оказывающих влияние процессов изображается как иллюзия и отрицается.

Я сообщил старшему Брауну, что Вы считаете Бернштейна способным обработать английские «Синие книги» для «Archiv». Я позволил себе как-то напечатать в «Tribüne» Ваше

суждение о том, что было упущено в ходе дискуссии о характере распределения в социалистическом государстве[16]. Надеюсь, это не было Вам неприятно. К Кнаппу я, вероятно, еще когда-нибудь вернусь. Несомненно! Ведь разрушен один из замечательнейших образцов гогенцоллерновской традиции и как можно больше людей должно узнать об этом крушении!

Как я узнал к своей большой радости от наборщика Фишера в Галле, Ваши дела обстоят хорошо. И Ваш день рождения — Ваш семидесятый — уже прошел или еще предстоит в ближайшее время (к сожалению, я не знаю даты). Я горячо поздравляю Вас с ним; надеюсь, в следующем году Ваше здоровье останется в нынешнем превосходном состоянии.

Быть может, Вы будете столь добры написать мне в следующем письме, считаете ли и Вы таким заманчивым цюрихский план. Из Берлина и из всего движения — и это правда — меня, по крайней мере поначалу, выкинут.

С наилучшими пожеланиями

Ваш
К. Шмидт

№ 5

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

5 марта 1891 г.
Цюрих, Зеефельдштрассе, 46, II

Дорогой Энгельс!

Что же Вы обо мне подумаете в связи с тем, что я до сих пор не ответил на Ваше последнее письмо[17], в котором Вы столь дружески даете долгожданный ответ на вопрос, который, пожалуй, интересует меня гораздо больше многих других! Я хотел сразу же написать Вам к Вашему дню рождения. Однако навалилось столько дел, в том числе конфискация одного номера «Volkstribüne», что я упустил подходящее время и к Вашему семидесятилетию смог произвести на свет лишь крайне убогую статью, которую Вы, возможно, читали. Когда же подходящее время прошло, я все дальше и дальше откладывал ответ — и так до сих пор. У меня все время было ощущение, что я обязан ответить на Ваше последнее послание подобающим письмом, которое содержало бы также некоторые собственные разумные соображения, и потому не чувствовал себя готовым взяться за перо. Искренне прошу извинить меня за длительное молчание и не считать неблагодарным. Я сознаю, *какую* помощь и поддержку оказало мне Ваше последнее письмо, оставшееся без ответа.

Я последовал Вашему совету занять место в «Züricher Post», где должен редактировать раздел торговли. Уже с конца декабря я нахожусь здесь. Основное соображение, почему новая деятельность казалась мне столь желанной, заключалось в том, что, как я Вам писал, таким путем я получил бы хорошее поле для наблюдений за кредитным и банковским делом. К сожалению, теперь об этом нет больше и речи. Биржевые сообщения поступают от нескольких иностранных корреспондентов, прочие заметки раздела торговли составляются в соответствии с местными запросами одним коренным швейцарцем. Мне самому, о чем в письме не было и речи, предоставлено редактировать раздел политических новостей в той его части, которая касается заграницы. Над вещами, связанными с торговлей, я в лучшем случае работаю попутно. То, что мне теперь приходится постоянно следить за политикой, разумеется, тоже имеет свои преимущества: я могу здесь многому подучиться. Практика в этом деле может мне впоследствии очень пригодиться. Собственно план найти повседневное занятие, непосредственно связанное с тем, что̀ хотелось бы изучить,— этот план, правда, не осуществился. Да и при структуре нашего раздела торговли мне принесло бы мало пользы, если бы я требовал и добился, чтобы редактирование его стало моей специальной сферой деятельности. Работа в газете требует не очень много времени: четыре часа до обеда и два после него. Поскольку я живу здесь весьма тихо и замкнуто, у меня при этом остается больше времени, чем в страшной берлинской суматохе, которая вынуждала распылять силы; я размышляю о некоторых вещах, над которыми очень хотел бы поработать. Первая — это развитие кредитного дела, движение денежного рынка, в особенности зависимость последнего от движения производства; вторая — это главные этапы, которые представляются мне необходимыми при переходе от нынешнего общества к социалистическому. Я имею в виду основные изменения, которые должен будет последовательно проводить захвативший государственную власть пролетариат, чтобы, не внося неразберихи в механизм существующего производства, постепенно осуществить переход к новому обществу. Я почти уверен, что эта техническая часть задачи, которую должен решить пролетариат, будет сложнее, чем другая — завоевание политической власти. В-третьих, меня занимают определенные пояснения к материалистическому пониманию истории и особая формулировка последнего. Столь обширная программа наверняка выглядит довольно авантюристично. Но между этими различными ве-

щами тем не менее существует известная связь, к тому же я только хочу проверить некоторые основные мысли, которые мне здесь кажутся важными. Чтобы действительно предпринять что-либо серьезное, я, конечно, должен сконцентрироваться и отдать все силы изучению материала. Но я хочу подождать с этим до тех пор, пока не разберусь в одной из этих задач настолько, что смогу получить представление об основных вопросах ее содержания и составить примерный план того, как приступить к ее изучению. Если я продвинусь настолько, что буду точно знать, чем хочу заняться, и в общих чертах увижу тот путь, по которому при этом следует идти, тогда, думаю, получу возможность снова на некоторое время совершенно оставить журналистику и приняться за работу.

Несколько недель тому назад я повстречал здесь на улице Бебеля, который приехал на свадьбу своей дочери (она выходит замуж за некоего доктора Симона). Он вновь рассказывал о том, каким неожиданно свежим и бодрым увидел Вас на Вашем семидесятилетии. Самому ему в Берлине не особенно нравится, он жалуется, что приходится слишком распылять свои силы. Всякого рода посещения отнимают у него время.

Совершенно неожиданно несколько недель тому назад я встретился с Гансом Вайсом, который навестил Вас, будучи проездом в Лондоне, и которого Вы, вероятно, еще помните. Проучившись несколько лет в Берне, он защитил в Цюрихе докторскую диссертацию и собрался отправиться с женой и двумя детьми в Бразилию. Теперь он плывет по океану или, быть может, уже добрался до цели. Жаль, что он едет, не имея никакого контакта с движением, которому он, безусловно, мог бы быть полезен как оратор.

Я встретился здесь также с Мюллером, бывшим редактором «Magdeburger Volksstimme». Сейчас он усердно изучает главным образом историю и историю права.

Что Вы скажете по поводу политики в Германии и тех странных курбетов, которые проделывает германский кайзер?[18] После того как при помощи Каприви он в столь бесцеремонной форме оттолкнул свободомыслящих, которые так охотно хотели оправдать все его автократические выдумки, и тем самым, полный раскаяния, бросился в объятия святого картеля, он, пожалуй, захочет быстро отделаться и от остатков своей знаменитой «любви к рабочим». «Kölnische Zeitung» уже отметила это в радужных тонах, а «Berliner Politische Nachrichten» выступила с резкой отповедью горнякам. А вдобавок еще и новый приступ ненависти к Франции!

Марксова критика программы партии[19] великолепна, хотя и производит такое впечатление, будто Лассалю и его людям приписывается слишком много чертовщины. Правда, я не знаю, каковы тогда были обстоятельства. Новая программа, безусловно, будет постепенно строиться на основе этой критики.

Это письмо несколько дней лежало неотправленным, сегодня газеты принесли сюда известие об отказе кайзера горнякам[20]. Лучшей агитации в пользу социализма, пожалуй, трудно было бы пожелать. Массы шахтеров будут кардинально излечены от лояльных умонастроений, которые были еще так верноподданнически выражены в адресе, посланном ко дню рождения кайзера союзом по охране прав рабочих. Только на следующих выборах можно будет в полной мере оценить результаты движения, начатого великой забастовкой 1889 г.[21]

Будьте здоровы, извините меня — я повторяю свою просьбу еще раз — за долгое молчание; сердечный привет

от Вашего
Конрада Шмидта

P. S. Прилагаю книгу Барта. Может быть, Вы передадите ее Бернштейну, если последний захочет написать критику на нее для «Neue Zeit».

№ 6

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

18 июня 1891 г.
Цюрих, Унтерштрасс.
Вальтенсбахштрассе в новом доме

Дорогой Энгельс!

После моего последнего письма я уже много раз собирался Вам написать, но все время откладывал. Решение, которого я жду и которое хотел Вам сообщить, приближается невероятно медленно, и всей истории до сих пор еще не видно конца.

Дело в том, что, несмотря на печальный опыт в Лейпцигском университете, я предпринял еще одну попытку выставить свою кандидатуру на конкурс здесь в Цюрихе. Это, по меньшей мере, дало бы мне возможность в течение нескольких лет снова заниматься научной работой и лучше разобрать-

ся в проблемах, о которых я Вам писал. Однако, допустить ли меня к преподаванию в свободной Швейцарии, господа профессора, хотя я представил свое прошение уже более двух месяцев назад, все еще не решили.

Внешний толчок для моей попытки дала редакция «Züricher Post». В то время как в письме дело было представлено мне таким образом, будто я буду иметь достаточно свободного времени для собственной работы, накануне пасхи мне заявили, что если я хочу остаться в газете, то должен буду на многие годы посвятить ей все свои силы и буду занят ежедневно по 8—10 часов. В связи с этими обстоятельствами мои родители были совершенно согласны со мной, что следует попросту отказаться от места и попытаться получить доцентуру; то же самое советовал мне и профессор Платтер.

С того времени, однако, дело не сдвинулось с мертвой точки. Светлый ум, который приобщает к экономической мудрости в университете,— некий Вольф. Об этом субъекте Вы, наверное, достаточно наслышаны; не говоря обо всем прочем, он открыл, что кризисы полезны для рабочего, так как они приводят к снижению цен. Ему нет еще и тридцати лет, он австрийский еврей и стремится вести себя с апломбом прусского референдария и офицера-резервиста. Я нанес ему визит, объяснил, что хотел бы подать на конкурс и т. д. Первый вопрос был: «Вы редактировали «Volkstribüne»?» Далее он потребовал, чтобы я «коротко и в двух словах» поведал ему о содержании моего конкурсного сочинения. При этом он, однако, обнаружил невероятно путаные представления об учении Маркса. Всякое взаимопонимание было заведомо исключено. Это не помешало ему сказать, что он за несколько дней просмотрит мое сочинение и напишет критическое письмо о нем, из которого я, как подразумевалось, смогу увидеть его отношение к моему выдвижению на конкурс. (Дело в том, что факультет принимает решение о приеме на должность приват-доцента на основании рецензии, написанной профессором по данному предмету. Суждение последнего, как правило, оказывается решающим.) Однако живость души господина Вольфа и удалая поспешность, с которой он стремился воспрепятствовать моему плану, были столь сильны, что он, как я говорил, не имея ни малейшего представления, о чем идет речь, уже на следующий день послал свое критическое письмо. Оно оказалось немыслимо вздорным даже для человека, закалившегося и возмужавшего в бдениях над трудами школы Менгера[22]. Ни одна фраза не имела связи с другой, полнейшая неразбериха, совершенно путаный ход мыслей,

которого устыдился бы любой мелкий журналист. В конце он потребовал от меня, чтобы я «ответил на оба его вопроса коротко и ясно, в двух словах». При этом в путаном опусе было совершенно невозможно отыскать два вопроса. Впечатление от моего метода, резюмировал он, неблагоприятное. Последний является «необходимо наименее плодотворным из всех мыслимых» и т. д.

В ответ я написал серьезное письмо Вольфу. Вычленяя предложение за предложением, я показал ему, что все, что он выдает за мои мысли, основывается на нелепейших недоразумениях. Действительно, его подтасовки были настолько неуклюжими, что можно было ярко продемонстрировать это в нескольких словах. В заключение я разобрал его бредни о «моем методе». Одновременно с этим письмом я отослал прошение о выдвижении на конкурс. В прилагаемом curriculum vitae * я просил отдельных профессоров проверить мое сочинение самостоятельно, а не полагаться на рецензию Вольфа, поскольку последний, что я готов был подтвердить, представив свое ответное письмо Вольфу, *совершенно* ничего не понял в моем сочинении. Кроме того, я лично посетил некоторых профессоров. Среди последних мою сторону решительно принял Фогт (раньше, как говорят, большой приверженец Вольфа, брат Карла Фогта); он проголосовал, как и другие профессора, против Вольфа, который, наверное, чувствует себя не в своей тарелке. Однако решающего заседания факультета, как я уже говорил, все еще не было. О том, как невероятно глупо и нагло вел себя Вольф и насколько он себя скомпрометировал, Вы можете судить из того, что мое докторское свидетельство I степени он назвал свидетельством III степени и охаял, потому что там написано слово «rite» **, а также из того, что он, как мне известно от Фогта, опроверг два положения моей докторской диссертации, которых, разумеется, в ней нет и в помине. И здесь самая неуклюжая, самая нелепая подтасовка! Заседание, на котором Фогт выскажет все это, «порадует» господина Вольфа. Я надеюсь, что он получит вотум недоверия и меня допустят к работе. В противном случае я обращусь со своим ответным письмом Вольфу и с написанным для профессоров curriculum vitae к прессе. Тогда они будут разоблачены в глазах общественности. Здесь в Швейцарии это все же, надеюсь, значит больше, нежели в Германии.

---

* — жизненном пути, жизнеописании. *Ред.*

** — по праву. *Ред.*

Конечно, этот Вольф, поскольку он весьма внимателен ко всему, что в данный момент пользуется авторитетом, вдобавок еще и менгерианец. Будучи таковым, он сделал ценное открытие, что меновая стоимость является «неистинной стоимостью». Трудно найти лучшую пародию на всю эту школу. В последнее время я просмотрел ряд опусов этого направления; столь безграничного бессилия, дополняющегося такой манией величия, я даже и не ожидал встретить. В следующем семестре я хотел бы, если меня допустят, читать лекции о развитии теории стоимости от Смита до Рикардо и до Маркса.

Даже если из-за своего длительного молчания я не имею ни малейшего права на такую просьбу, я тем не менее хотел бы просить Вас: Вы доставили бы мне *огромную* радость, если бы снова прислали весточку о том, как идут Ваши дела, так же ли Вы свежи и работоспособны, как были, судя по рассказам Бебеля, в прошлом году на своем семидесятилетии. Я всегда с искренней радостью и удовольствием вспоминаю о часах, которые мне довелось провести у Вас. Это было восхитительное, увлекательное время.

С сердечным приветом

Ваш
Конрад Шмидт

№ 7

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

25 октября 1891 г.
Цюрих, Шютценгассе, 5, I

Дорогой Энгельс!

Сердечное спасибо за Ваше дружеское письмо![23] Ваше суждение о Барте было для меня совершенно неожиданным. Но теперь я, пожалуй, основательно примусь за Гегеля, так как в те семестры, когда я изучал философию, я занимался почти исключительно Кантом. А отмеченные налетом гегельянства лекции в университете были истинным мучением. Для начала я притащил себе «Логику» из «Энциклопедии философских наук». Меня, конечно, в первую очередь интересует связь гегелевской и Марксовой диалектики. «Мистификация,— пишет Маркс,— которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее

всеобщих форм движения»[24]. Вот за что я с удовольствием хотел бы взяться. Некоторые отправные точки я, кажется, уже нашел. Но «мистификация» страшно затуманивает дело. Для того чтобы действительно логически детально проверить все рассуждения, наверняка потребовались бы годы.

Я теперь, к досаде профессуры, в конце концов все же нашел пристанище в приват-доцентуре, о чем я Вам как будто бы еще не сообщал. В этом повинен здешний директор по воспитанию — демократ Штёссель. Чиновник оказался более либеральным, чем совет профессоров, который под давлением Вольфа четырьмя голосами против трех высказался против меня. Впрочем, слышали ли Вы уже о недавней проделке этого бесценного мыслителя? В предпоследнем выпуске конрадовского «Jahrbücher» он решил «загадку средней нормы прибыли» у Маркса[25]. Насколько можно догадаться при внимательнейшем изучении этой путаницы, его решение на самом деле гениально: при преобладании постоянного капитала норма прибавочной стоимости возрастает, при преобладании переменного — уменьшается, так что в конце концов каждый индивидуальный капитал получает равную прибавочную стоимость, ergo* равную прибыль! Невероятно комично то, что он защищает Маркса от ... непонимания его Энгельсом, «который, впрочем, наверное инспирировал работу Шмидта»! К сожалению, этот выпуск попался мне в руки лишь 20-го числа прошлого месяца, и я тотчас же отправил Конраду статью с опровержением[26]. Однако тот был в отъезде и написал мне, что она может быть помещена только через номер, то есть в ноябрьском выпуске. Даже он лишь с неохотой принял писанину Вольфа. В начале августа я по завершении дел с приват-доцентурой на несколько недель ездил в Берлин, где встретился со своими родителями. Уже два года назад я познакомился там с простой, очень милой девушкой, которую полюбил и которая полюбила меня. Теперь я переговорил с родителями, и они согласились на то, что наша свадьба состоится уже на это рождество или, в крайнем случае, на пасху. Нам удастся устроить все так, что мы обойдемся теми деньгами, которые я накопил будучи холостым. Между прочим, благодаря моей агитации и частому совместному посещению собраний, она уже стала образцовой социал-демократкой. Даже регистрация нашего союза не придаст ему мещанского характера.

---

* — значит. *Ред.*

Генриху Брауну, с которым я снова встретился в Берлине, я обязан литературным заказом, который меня в высшей степени обрадовал. Известное издательство Гуттентага, в котором, между прочим, выходит и брауновский «Archiv», хочет издать связное научно-критическое изложение учения Маркса. Браун предложил обратиться ко мне. И договор между Гуттентагом и мной, весьма выгодный, заключен. В качестве заглавия мы предполагаем «Карл Маркс, его учение и его место в науке». В особенности мне хочется детально исследовать метод, который применяется в «Капитале», доказать, что он является единственно правильным, и определить влияние, оказанное на него гегелевской диалектикой. Это является главным побудительным мотивом того, почему я именно сейчас хотел бы заняться Гегелем. Затем следовало бы рассмотреть и раскритиковать различные понимания материалистической теории истории, показать влияние, которое уже оказала эта теория истории, и попытаться и здесь выявить стимулы, данные Гегелем. Наконец, я думаю, можно показать, что это понимание истории содержит в себе высшее единство ценных элементов рационализма Просвещения и мистических теорий развития, что оно представляет собой преодоление и синтез этих обоих более ранних течений. Книга, которая планируется объемом в 25 листов, ни в коем случае не может получиться действительно исчерпывающей. Это далеко превосходило бы мои возможности, что я очень хорошо понимаю. Но я все же надеюсь, что смогу сделать кое-что такое, что в известном отношении послужит толчком и будет способствовать пониманию и изучению Маркса. В особенности можно было бы, что и следует сделать, в систематической форме разделаться в этой связи с противниками из профессоров. Поскольку такую книгу, разумеется, нельзя написать в один прием, то я еще вполне смогу использовать III том. Как у Вас обстоят с ним сейчас дела? По-прежнему ли Вас столь же часто прерывают, как Вы писали в последнем письме? И как Ваше здоровье? Судя по последнему письму, оно было превосходным, что меня очень порадовало.

Кредит и денежный рынок, а также этапы развития к социализму я пока совсем забросил. В летние месяцы я главным образом ломал голову над методом «Капитала» и Марксовым пониманием истории. В этом семестре я хочу читать о развитии основных экономических теорий у Смита, Рикардо и Вагнера, а в семинаре разобрать отдельные главы из «Капитала». Мне очень любопытно, сколько я соберу студентов.

На съезде партии [27] меня очень порадовал революционный тон Бебеля и Либкнехта. Это заслуга фольмарской и берлинской оппозиций, которые выступают с двух противоположных сторон.

С сердечным приветом

Ваш

Конрад Шмидт

№ 8

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

12 декабря 1891 г.
Цюрих, Шютценгассе, 5,I

Дорогой Энгельс!

Большое спасибо за Ваше дружеское, любезное письмо [28]. Теперь, наконец, назначен и решающий день. 19-го с. м. мы идем регистрировать наш брак. Окажете ли Вы нам честь, дружески подняв за нас бокал,— мы сделаем это обязательно. Я до сих пор с большим удовольствием вспоминаю Лондон и особенно те вечера, которые я смог провести с Вами. Кто знает, может быть, это еще когда-нибудь повторится. Я был бы этому очень рад.

Наконец, вышел и декабрьский выпуск конрадовского «Jahrbücher». Прилагаю для Вас мой ответ Вольфу. Я действую так, словно принимаю его всерьез, и пытаюсь методично его опровергнуть, что, однако, возможно, лишь если интерпретировать и реконструировать его статью; может быть, лучше было бы остановиться на всем витиеватом вздоре и представить его публике. Тем не менее мне пришлось проявить известную осторожность; когда я опустил все выкрутасы, которыми он украсил свое произведение искусства, то бессмысленность основных воззрений обнаружилась еще более компрометирующим образом. Мне любопытно, как будут вести себя газеты, попавшиеся на удочку Вольфа и воспользовавшиеся случаем, чтобы еще раз возвестить смерть социалистической теории, т. е. отметят ли они факт появления ответа. Большое спасибо за то, что Вы прислали вольфовское пророчество из «Neue Freie Presse». Мне любопытно лишь, каких успехов он еще добьется.

Деятельность доцента в здешнем университете мне очень нравится. Швейцарцев среди моих слушателей, пожалуй, нет

ни одного, из немцев — несколько товарищей-социалистов, зато заинтересовалось множество русских, среди них немало и студенток. На лекциях однажды было 45 человек, в среднем сейчас 25, в семинаре — 20. По меркам здешнего небольшого университета это уже настоящий успех. Устная речь, которой я несколько опасался, также не доставляет особых трудностей. Я полон всяческих планов и надеюсь, что смогу кое-что сделать. Прежде всего, меня радует книга о Марксовом учении [29]. Через год летом я хочу взять отпуск, чтобы полностью сконцентрировать на ней свои силы. Два вопроса, над которыми я до сих пор работал и от которых я двигаюсь вперед,— это метод «Капитала» и анализ материалистического понимания истории.

Большое спасибо за Ваши советы относительно Гегеля! Различные части «Логики» меня очень интересуют и дают большую пищу для размышлений. Но в других местах снова появляется ощущение, будто идешь по болотистой почве. «История философии», которую я недавно достал, чрезвычайно заинтересовала меня. Здесь-то уж чувствуешь почтение. Главное внимание я обращаю на то, чтобы понять, насколько метод, который применяется в «Капитале», действительно соответствует — если при этом оставить в стороне утопию — диалектическому. Переход количества в качество и развитие как отрицание и отрицание отрицания у Маркса, как мне кажется, выступают скорее попутно. Существенна, пожалуй, законченная последовательность ступеней в развитии понятия, что обще для обоих. Читали ли Вы статьи Плеханова в «Neue Zeit» [30]? Меня они очень заинтересовали.

Ваше сообщение, что III том готовится к выходу в свет, было для меня, как Вы можете представить, в высшей степени радостным. Во-первых, конечно, само по себе, но в особенности принимая во внимание план гуттентаговской книги.

На днях я получил письмо от Пауля Эрнста. Меня очень порадовало, что он намеревается возобновить свои прерванные занятия и, возможно, здесь, в Цюрихе. Ганс Мюллер, прежний редактор магдебургской «Volksstimme», также учится здесь. Это весьма толковый, энергичный человек с ярко выраженным интересом к политике. Ему и в голову не приходит разделять анархистскую, доктринерскую позицию «молодых». У него есть понимание действительности. Сегодня вечером я иду на доклад, с которым он выступает в обществе немецких социалистов.

А послезавтра я еду в Берлин, чтобы привезти оттуда мою дорогую невесту!

Шлю Вам сердечный привет, и передайте, пожалуйста, привет госпоже Каутской, которой я очень благодарен за дружеские пожелания

Ваш

Конрад Шмидт

№ 9

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

13 июля 1892 г.
Цюрих, Хирсланден
Клус-Хегибахштрассе, 27

Дорогой Энгельс!

Как часто в последние месяцы я собирался Вам написать и поблагодарить за сердечное февральское письмо![31] Но с наступлением пасхальных каникул я вновь засел за проблему средней нормы прибыли. Проходило очень много времени, а я опять и опять возвращался к этому пункту. Еще несколько определений понятия, неизменно думал я, и задача должна быть решена! Но пока это не было сделано, я не хотел писать. В конце концов я определенно и окончательно убедился, что и таким путем, каким я пытался достичь этого до сих пор, к решению проблемы приблизиться нельзя. Но подходящее время для ответа было уже основательно упущено, и сознание этого превратилось в самостоятельно тормозящую силу.

Тем временем проблема нормы прибыли стала весьма актуальной. Не только потому, что господа профессора именно ее предпочитают использовать против Маркса; также и в марксистских кругах — я имею в виду, в частности, здешнее русско-еврейское студенчество — ею усердно занимаются. Некий Фиреман разразился на эту тему длинным сочинением, которое должно быть напечатано в этом или следующем выпуске конрадовского «Jahrbücher»[32]. Фиреман — прекрасный человек, русский еврей, натурализовавшийся, однако, в Соединенных Штатах, по профессии химик — весьма облегчил себе задачу, утверждая, что закон стоимости имеет силу только для совокупного оборота товарного мира, и отказываясь выводить отдельные обмены из этого закона. По-моему, он ни на шаг не продвинул вперед решение проблемы, ибо положение о том, что с одной стороны, количество труда, содержа-

щееся в совокупной массе товаров, и, с другой — величина цен, выплачиваемых за них, должны быть равны, постулируется, но не доказывается им. Таким образом, все его выводы повисают в воздухе.

Толчок к возобновлению моих занятий я получил благодаря этой попытке. После того как моя попытка не удалась, я чувствую себя до некоторой степени обеспокоенным проблемой нормы прибыли. Ведь до сего времени все высказывания Маркса базируются на предположении, что действительное отношение обмена товаров непосредственно определяется реально содержащимся в них количеством общественного труда. Тем самым создано принципиальное различие между идеальным капиталистическим обществом, которое анализирует Маркс, и действительно существующим,— различие, которое дальнейший анализ, разумеется, должен нивелировать, пока нарисованная картина и действительность не совпадут. Но вопрос о том, как можно снять это различие, причем не затрагивая результатов анализа, достигнутых до сих пор благодаря установлению этого различия, является, очевидно, жизненным вопросом самой теории. Пока он не решен, противники могут опровергать и достигнутые прежде результаты анализа на том основании, что они имеют значение лишь для идеальной картины действительности, но не для самой действительности. Сознание этого в известной мере широко распространено в марксистских кругах. Нет ли в связи с этим возможности опубликовать отдельно решающую часть главы, затрагивающей проблему нормы прибыли, еще *до* появления всего тома, в том случае, если подготовка последнего к печати требует еще продолжительной работы? Может быть, это можно сделать в «Neue Zeit» или сообщить там об основных моментах Марксова решения проблемы?? Это, я думаю, оказало бы очень хорошее воздействие на сторонников и заткнуло бы рот профессорам, которые становятся все более шумливыми!

Что касается меня, то я прожил последние месяцы очень счастливо. Дружески поднятый Вами бокал за совместное (моей дорогой жены и мое) счастье, безусловно оказал хорошее влияние на нашу судьбу. При всем различии мы хорошо подходим друг другу — чем дальше, тем лучше — и вместе идем бодрым шагом и со спокойным чувством вперед, не заботясь о практической проблеме нормы прибыли. Пожалуй, пару лет мы еще сможем так продержаться в Цюрихе. Если же alma mater и до тех пор не начнет «давать молоко», то я снова обращусь к журналистике. Какое-нибудь место ведь всегда найдется. Особенно счастливыми последние месяцы

были еще и потому, что я мог заниматься и думать совершенно свободно. Поначалу в мои планы входило чтение лекций о деньгах во время летнего семестра. Но, кроме Маркса, мне не удалось найти почти никаких других материалов для подготовки, в которых тема была бы раскрыта на должном теоретическом уровне. «Деньги и кредит» Книса [33] безмерно скучны и при этом самым бесстыдным образом списаны у Маркса. Характерно, что это считается «классическим произведением» по данному предмету. Поскольку я так или иначе все равно собирался в один из ближайших семестров взять отпуск, чтобы приняться за работу о Марксе, то попросил разрешения на отпуск уже этим летом. Теперь я занимаюсь Марксовым пониманием истории и хочу уже зимой читать лекции на эту тему. Более интересный предмет для изучения и размышлений, пожалуй, трудно найти. Было бы еще лучше, если процесс усвоения мог происходить пока таким образом, чтобы ему совсем не мешали какие-либо мысли о лекциях и книге. Поспешность в фабрикации книг кажется мне совершенно загадочной, когда думаешь о том, как заставляют себя упрашивать собственные мысли, если они вообще появляются, и как тщательно следует проверять их багаж, чтобы не протащить через таможню какой-нибудь вздор. Apropos*. Господин Юлиус Вольф, гений экономической глупости [34], как Вы его называете, только что опубликовал огромнейший первый том «Системы социальной политики» [35]. Уже во введении он вновь выставляет себя превосходящим духовно, но объективным и дружески-снисходительным ниспровергателем социал-демократии. В остальном же я просмотрел лишь оглавление, которое действительно не позволяет надеяться на лучшее своей пестротой и ошарашивающей чересполосицей.

То, что Вы написали о статье Вольфа, было мне очень интересно. Это опровержение очевидно. Меня очень обрадовало, что Вы хотите заняться им во введении к III тому. Умственный уровень официальной политической экономии, а также сформированных ею новых элементов явно чрезвычайно низок. Энергичное развитие теории Маркса, которое, думаю, при известных условиях может иметь большое значение и с точки зрения практических мер, кои придется предпринять одержавшей политическую победу социал-демократии, в дальнейшем следует ожидать только от притока свежих сил из других областей. Если мне, как хотелось бы, удастся обоб-

---

* — Кстати. *Ред.*

щающее изложение учения Маркса, то эта работа, возможно, попадет к тем, кто, наглядно ознакомившись с великими задачами и перспективами, выдвигаемыми Марксом перед современными экономистами, обратится к его трудам и, обладая умом, еще не испорченным университетской политической экономией и развитым благодаря тщательным занятиям, с успехом возьмет на себя разработку теории. Более достойную задачу — также и в смысле научного честолюбия — способные на это люди вряд ли найдут.

В настоящее время из-за других занятий я отложил Гегеля. В течение некоторого времени я регулярно читал его «Большую логику» * с одним русским студентом. Я был поражен, как быстро и точно он понимал суть всех экспликаций, он уже раньше занимался изучением Гегеля. Вообще, среди русских евреев есть много людей интеллигентных и отличающихся серьезными устремлениями. При чтении Гегель меня очень заинтересовал и дал пищу для размышлений; мне кажется, что я уже получил верное представление о диалектическом методе, и полагаю также, что понимаю, какую позицию по отношению к нему занимает Маркс. Ведь приводимая в конце I тома «Капитала» наряду с дополнительными рассуждениями русская критика дает лишь самые общие указания [36].

Русский, с которым я читал Гегеля, где-то видел объявление о выходе «Экономического объяснения истории» Роджерса [37]. В здешней библиотеке этой книги, к сожалению, нет. Может быть, Вы ее когда-нибудь видели и считаете заслуживающей внимания? Ведь название очень многообещающее.

Моя статья о психологическом направлении в новейшей политической экономии [38], появившаяся теперь в «Neue Zeit», пролежала там несколько месяцев вследствие отсутствия места. В конце прошлого семестра она послужила мне как вступительная лекция в университете.

Пауль Эрнст навестил меня здесь на пасху. Он переселился в Берн, чтобы сдать там у Онкена докторский экзамен по политической экономии. Он строит всевозможные чудесные планы на будущее, с «независимыми» он теперь разошелся еще больше, чем с «фракцией».

Прошу не истолковывать слишком плохо мое длительное молчание и шлю сердечный привет

преданный Вам

Конрад Шмидт

---

* — «Науку логики». *Ред.*

№ 10

ФРАНЦ МЕРИНГ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Берлин, 6 октября 1892 г.
В. Дерффлингерштрассе, 23

Уважаемый господин Энгельс!

Сердечное спасибо за Ваши дружеские строки [39], доставившие мне большую радость. А именно, радость еще и потому, что Вы по сумчатой кости [Marsupialknochen] упомянутой цитаты сразу же восстановили весь облик сумчатого животного [40]. Все, что Вы говорите в отношении того, что мог иметь в виду Лавернь-Пегилен, он действительно имел в виду. Я приобрел его книжку [41] и привожу в кратком виде «указания», дополняющие цитату, текст которой, кстати, передан точно. Только он не идет так далеко назад, как Вы предполагаете. Его книга представляет собой апологию фридриховского феодализма и меркантилизма, напичканную морализирующей болтовней и нашпигованную в ряде мест, хотя и довольно скупо, едкой критикой промышленной системы. Правда, я также не понимаю, какое отношение к этому имеете Вы и Маркс. В лучшем случае можно предположить, что Маркс имел в виду Лавернь-Пегилена, когда в одном из примечаний в «Капитале» назвал систему Фридриха «смесью деспотизма, бюрократизма и феодализма» [42]. Ибо именно к этой смеси приходит Лавернь-Пегилен со своими «смешанными формами хозяйства».

Хотя Ваше дружеское письмо доставило мне большую радость, я все же, думаю, должен извиниться за то, что причинил Вам эти хлопоты. Если бы я сразу посмотрел книгу сам, то вопрос был бы тут же исчерпан. Но я как раз закончил рукопись «Лессинга» для отдельного издания, когда получил от одного профессора, катедер-социалиста, вместе с общим указанием на прусскую романтическую школу цитату из Лавернь-Пегилена, и меня охватил неподдельный ужас, как только я представил себе необходимость вновь обратиться к прусской литературе, от которой я уже, казалось, счастливо ускользнул. С другой стороны, меня озадачило дословное звучание цитаты, и если мне, как я уже писал Каутскому, не приходило в голову сомневаться в «оригинальности», то я тем не менее считал вероятным, что соответствующая литература в годы духовного формирования Вашего и Маркса могла действовать как некий стимулирующий фермент, и я хотел выяснить это, прежде чем приступить вплотную к делу. Од-

нако хватит с меня Лавернь-Пегилена: слишком уж допотопный вздор.

Я, разумеется, узнал от Бебеля о Вашей весьма лестной для меня оценке «Легенды о Лессинге». Ваше замечание о том, что в главах о Фридрихе Вы кое-что акцентировали и мотивировали бы по-иному, побудило меня подвергнуть эти главы основательному пересмотру. Они появятся в сильно расширенном виде. Пожалуй, работа несколько потеряла в смысле внешнего изящества, ибо теперь это скорее «легенда о Фридрихе», чем о Лессинге, но, надеюсь, не в отношении внутренних достоинств. Она, вообще говоря, произвела определенное впечатление в кругах «образованной» буржуазной черни, ибо речь идет о двух ее главных божествах, и я получил из этих кругов так много отзывов, одинаково непонятных мне ни в той части, где меня хвалят, ни в той, где порицают, что дополняю отдельное издание небольшой статьей об историческом материализме. В ней я, с одной стороны, ограничиваю какие бы то ни было свои заслуги тем, что мне до некоторой степени удалось понять Вас и Маркса, а с другой — рассматриваю наиболее распространенные предубеждения в отношении материалистического понимания истории. При этом я уделяю несколько слов и Лавернь-Пегилену.

Вообще говоря, весьма примечательно, как легко рабочие понимают то, что на веки вечные останется, кажется, загадкой для наиученейших профессоров. Несколько дней назад меня посетил молодой польский еврей-наборщик, который из Ваших и Маркса работ (но главным образом, из Ваших, ибо Маркс, кажется, еще доставляет ему некоторые теоретические трудности) усвоил поистине достойную удивления экономическую диалектику. Например, он проработал с позиций исторического материализма весь Ветхий завет на древнееврейском языке и, насколько я в этом понимаю, сделал явно далеко идущие выводы. К сожалению, несмотря на самые настойчивые просьбы, мне не удалось добиться для него места наборщика в «Vorwärts», но в Магдебурге за него ухватился доктор Лукс, столь же пораженный этим феноменом и, разумеется, сразу определил его в редакцию «Volksstimme».

А теперь я еще раз сердечно Вас благодарю, уважаемый господин Энгельс! Передайте от меня, пожалуйста, привет госпоже Каутской и будьте уверены в моем неизменном уважении, с которым остаюсь

преданный Вам

Ф. Меринг

№ 11

ДЖОРДЖ УИЛЬЯМ ЛАМПЛУ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Баллафурт, Порт-Эрин,
остров Мэн
9 марта 1893 г.

Пролог: Я больше не буду обращаться к Вам: «дорогой мистер Энгельс», а буду пользоваться выражением многих Ваших друзей и надеюсь, что Вы не обидетесь; итак —

Дорогой Генерал,

Приношу Вам свои извинения за то, что уехал из Лондона, не попрощавшись с Вами, в особенности после того как Вы сказали, чтобы я зашел, если надумаю, вместе с женой. Но в воскресенье, десять дней тому назад, когда мы собирались зайти, отвратительная погода, стоявшая до полудня, спутала все наши планы, и в конце концов нам ничего не оставалось, кроме как отложить визит.

Но я твердо намерен сделать так, чтобы в следующий раз, когда я буду приглашен Вами, моя «половина», которую Вы еще не видели, пришла со мной. А если у нас все будет хорошо, то мы вновь будем в Лондоне следующей зимой, вскоре после рождества, и надеюсь, что тогда зайдем засвидетельствовать Вам свое почтение и, возможно, захватим с собой одного-двух мальчуганов, чтобы показать Вам своих отпрысков.

Я прочитал Вашу небольшую книжку «Утопический и научный социализм» с большим интересом и восхищением. Она звучит как удары молота, который с каждым разом вбивает гвоздь все глубже.

Если бы мне довелось снова встретиться с Эвелингом, я спросил бы его, хочет ли он получить экземпляры некоторых из моих последних статей по геологии, в том числе одной из них, написанной совместно с русским профессором Павловым. Однако я полагаю, что у него сейчас не будет времени для изучения деталей какой-либо науки, но его вполне хватит, если он сможет поспевать за основным потоком великого наступательного движения.

Я целый день был в поле; перед моими глазами было море, а под носом у меня чистая прекрасная земля, и я думал много раз, насколько же это лучше, чем когда неделю назад в это же время я путался в паутине грязных улиц.

Но свежий воздух навеял на меня сон, и я вынужден пожелать Вам доброй ночи.

У меня с этой землемерной работой на самом деле счастливая жизнь. Именно ее замкнутый характер нравится мне больше всего в настоящее время.

После пребывания в Лондоне, где все приводящие в уныние проблемы нашей цивилизации страшно гнетут, преследуют на каждом шагу и *не могут быть* обойдены, отсюда кажется, будто разглядываешь через перевернутый телескоп картину грандиозной битвы где-то в ином измерении. Я думаю, это очень эгоистично, но довольно приятно.

Я нашел всю эту «журналистику» столь скучной, что в довершение всего написал другой рассказ, который принял журнал Макмиллана.

Передайте мой сердечный привет всем друзьям в Вашем доме, прошу Вас принять это и на свой счет, верьте мне, что я остаюсь с совершенным почтением

Дж. У. Ламплу

№ 12

ФРАНЦ МЕРИНГ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Берлин, 7 апреля 1893 г.
В. Дерффлингерштрассе, 23

Уважаемый господин Энгельс!

В свое время Вы получите материал об истории с Лавернь-Пегиленом; я обстоятельно осветил ее в приложении об историческом материализме, которое намереваюсь дать к выходящему вскоре отдельному изданию «Легенды о Лессинге». Я подумал, что не только для украшения работы, но также и в интересах дела было бы полезно и ценно, если бы Вы разрешили мне дословно напечатать Ваше любезное письмо от 28 сентября прошлого года, разумеется лишь ту часть, в которой оно касается Вашего и Маркса отношения к историческому романтизму, и в том варианте, копию которого я позволяю себе приложить. Если Вы будете согласны, то не нужно никакого дополнительного ответа, и в этом случае я говорю Вам: сердечное спасибо. Если же Вы *не* согласитесь или пожелаете изменить редакцию, то я прошу Вас оказать любезность и парой строк сообщить о своем решении или, возможно, отослать назад исправленную соответствующим образом копию.

Разумеется, я тотчас же после выхода «Легенды о Лессинге» пришлю Вам экземпляр.

С искренним уважением

Ваш
Ф. Меринг

№ 13

ВАЛЬТЕР БОРГИУС — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Бреслау, 19 января 1894 г.
Шисвердерштрассе, 11, I

Милостивый государь!

Если я, не будучи лично знаком с Вами, осмеливаюсь обратиться с этими строками, то прошу отнести это на счет интереса к научному вопросу, в решении которого Вы являетесь наиболее компетентным, вернее, единственно компетентным судьей.

В связи с докладом об «экономическом материализме», который я недавно сделал в здешнем семинаре по политическим наукам господина профессора Зомбарта, я вступил в оживленную дискуссию с последним о понимании существа данной теории, в оценке эпохального значения которой для исторической науки будущего мы оба были единодушны. А именно, спор вращался вокруг вопроса, во-первых, что следует в самом строгом смысле слова понимать под «экономическими отношениями»: только ли количество и качество произведенных и потребленных благ или также характер и способ производства последних, который зависит в значительной степени от состояния науки; и во-вторых, следует ли рассматривать их лишь как обусловливающие прочие отношения, в общем и целом определяющие эти последние и оказывающие на них влияние, так же как «среда» на индивида, причем специфические особенности зависят от влияния расы, творческой индивидуальности и проч. и модифицируются ими, или же экономическая структура определяет состояние общества как единственная творящая сила, по аналогии со словами Фейербаха об отдельной личности: «Человек есть то, что он ест».

Господин профессор Зомбарт в обоих случаях отстаивал более умеренное, я же — крайнее понимание; *он* держался за выражение Маркса «в конечном счете», я — за Ваше (?) «предопределены до мелочей».

Так как постепенно начинают понимать, что социал-демократия есть все же нечто большее, чем философия пустого желудка, то не только для меня, но и для науки большой интерес представляло бы все-таки аутентично установить, какое же понимание отстаивает первоначальный «экономический материализм», изложенный в сочинениях Ваших и Вашего покойного друга, вернее, пришел ли Карл Маркс вообще к осознанию возможности такого двойственного толкования.

Поэтому я, милостивый государь, был бы весьма признателен, когда бы Вы — если располагаете временем — в нескольких строках при случае сообщили мне о Вашем взгляде на эту проблему.

Еще раз прошу извинения за то, что утруждаю Вас этой просьбой, между тем как Вам, несомненно, есть чем заняться помимо разрешения академических споров. Честь имею оставаться

с глубоким почтением

преданный Вам

В. Боргиус,

студент выпускного курса факультета права и философии

№ 14

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

13 ноября 1894 г.
Цюрих, V, Хегибахштрассе, 27

Дорогой Энгельс!

Ура! Огромной радостью было получить от Вас сегодня извещение о выходе III тома. Примите мои самые сердечные поздравления с завершением этого исторического труда. Оглавление я уже самым основательным образом с большой радостью проштудировал. Оно позволяет ожидать чрезвычайно многого. Какое же это для Вас счастье!

Хотя я и не писал Вам давно — мне же известно, насколько Вы завалены письмами, для ответа на которые требуется время и еще раз время,— но тем не менее мне нечего особенно рассказать. Как долго я еще смогу оставаться в Цюрихе, неясно. Господин Вольф здесь настолько оскандалился со своим известным опусом, что вряд ли можно ожидать приглашения его в немецкий университет. Прочие экономические кафедры в Швейцарии также находятся в весьма крепких руках. Так что перспективы довольно плохие. Если я в дальнейшем отправлюсь в Германию, то весьма охотно соглашусь на место — будь то в «Neue Zeit», в «Sozialdemokrat» или в «Vorwärts»,— где я смог бы главным образом реферировать и критиковать интересующие нас и рассеянные в журналах и книгах материалы. Потребность в такой деятельности, безусловно, существует. Но ведь это все в будущем, сейчас прежде всего нужно сделать что-либо для книги о Марксе,

над которой, или лучше сказать для которой, я уже так долго работаю. Изложить всего Маркса, как мне хотелось, на это, видно, не хватит ни времени, ни сил. Рассмотрение и анализ материалистического понимания истории, чем я больше всего занимался, являясь доцентом в Цюрихе, я отложу на будущее, чтобы сначала обработать отдельно часть о «сущности и методе теоретической политической экономии», которая в то же время должна представлять собой введение в более глубокое понимание «Капитала». Здесь, конечно, следовало бы тогда рассмотреть и диалектический метод. Мыслительная работа в основном закончена, но изложение дается тем труднее, чем больше приходится излагать собственные мысли; я вынужден выдерживать здесь большие бои, и медленность продвижения вперед зачастую подрывает мою веру в успех. Правда, всегда лишь на короткое время. III том даст чрезвычайно мощный толчок также и для моей работы над указанной частью. Пятидесятая глава «Видимость, создаваемая конкуренцией» озаглавлена в высшей степени многозначительно с точки зрения моих специальных целей. Все это вместе держит меня в состоянии напряжения.

Материалы Франкфуртского съезда партии [43] я читал с огромным интересом и с большой гордостью. Трезвый подход и вместе с тем такая подлинно революционная энергия, которые чувствовались в дебатах по аграрному вопросу, вызовут у *напуганных* буржуа ужас. Они ведь должны видеть, что эта партия серьезно, в высшей степени серьезно, относится к революции, что она живет и действует с мыслью о ней. То, что противники столь охотно хотели бы выдать за оппортунизм, является лишь приспособлением к существующим условиям, чтобы тем основательнее их революционизировать. Этого не могут не видеть наиболее проницательные из них. Как раз это приспособление и свидетельствует о серьезном отношении к революции. Что касается истории с Фольмаром, то я нахожу голосование баварцев абсолютно неправильным и ошибочным и отнюдь не считаю также, что оно отвечало интересам агитации среди крестьянства и принесло сколько-нибудь значительную пользу. Однако меня порадовало, что партийный съезд между тем не поспешил заявить о запрете подобной политики. Это могло бы иметь, учитывая положение дел, а также упрямство и раздражительность баварцев, совершенно непредвиденные последствия. Эта история как раз и есть глупость, которую, однако, нельзя запретить, но которая не принесет особого вреда и не будучи запрещенной, так как в остальном наши депутаты в бавар-

ском ландтаге выступали с принципиальной резкостью, какую только можно желать. Нет никаких оснований считать, что эта глупость может развиться в значительную опасность; положительные моменты возьмут верх, несмотря на то, что творцы этой глупости, кажется, особенно гордятся ею. Здесь чувствуется желание пооригинальничать.

В августе я со своей женой чрезвычайно дешевым специальным поездом (билет от Базеля до Берлина и обратно стоил всего 32 марки и был действителен в течение шести недель) ездил в Берлин. Нам обоим там снова очень понравилось, и мы будем совсем не против, если когда-нибудь судьба нас вновь туда забросит. Нас сопровождал молодой студент Генрих Шмидт, родом из Трира, весельчак и хороший товарищ. Он решил остаться в Берлине, где хочет продолжать изучение этнографии, и пишет теперь регулярно еженедельное обозрение для «Sozialdemokrat». Из него, поскольку он пишет живо и обладает очень хорошей памятью, мог бы также получиться приличный репортер, которых нам так не хватает.

Как Вы себя чувствуете? Надеюсь, как обычно, бодры и здоровы. Передайте, пожалуйста, большой привет от меня господину и госпоже Бернштейн, Эвелингам, Плеханову и бывшей жене Каутского и позвольте еще раз передать сердечный привет Вам самому и пожелать Вам всего наилучшего.

Ваш
Конрад Шмидт

Мейснеру я напишу еще сегодня. Надеюсь, что теперь это не продлится слишком долго.

№ 15

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Бреславль, 14 февраля 1895 г.
Кайзер-Вильгельмштрассе, 101

Милостивый государь!

С настоящим письмом я позволяю себе переслать Вам небольшую работу об экономической системе Маркса [44]. Если бы Вы сочли возможным при случае просмотреть ее, то обнаружили бы там попытку методологически-критическим образом рассмотреть Марксово учение о стоимости и тем самым

помочь читателю «Капитала» преодолеть некоторые трудности в понимании его. Я смею надеяться, что мое представление соответствует духу системы Маркса. Если бы Вы, милостивый государь, смогли выделить как-нибудь четверть часа, чтобы сообщить мне, нашел ли я правильное решение, то Вы доставили бы мне искреннюю радость.

С выражением совершеннейшего почтения

преданный Вам

В. Зомбарт

№ 16

КОНРАД ШМИДТ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

1 марта 1895 г.

Дорогой Энгельс!

Что Вы только должны обо мне думать в связи с тем, что я до сих пор не поблагодарил Вас за любезно присланное предисловие к III тому?! Простите мне, пожалуйста, это упущение. С самого начала я, конечно, не хотел писать до тех пор, пока не получу ясного представления обо всем произведении. Затем я отложил написание письма, потому что сначала хотел дать критику некоторых важных положений этого тома для «Neue Zeit». Но и это затягивалось все больше, по мере того как я пытался в своих мыслях придать этой критике более общий и глубокий характер.

Против «Предисловия» у меня имеются различные возражения. Прежде всего, я не могу убедить себя в заслугах Фиремана. По моему мнению, он лишь повторил то, что было развито Лексисом. То же, что было развито Лексисом (а именно, совокупная прибавочная стоимость благодаря конкуренции распределяется между отдельными капиталистами пропорционально величине капитала), лежало ведь на поверхности после того, как Вы так четко поставили проблему в предисловии ко II тому. И в своей «Средней норме прибыли» я тоже полностью разделяю эту точку зрения. Моим differentia specifica* по сравнению с Лексисом является лишь то, что я пытаюсь, изменив формулировку понятия стоимости, представить ценообразование, непосредственно противоречащее закону стоимости, как находящееся в соответствии с этим за-

* — характерным отличием. *Ред.*

коном. Если я вступил на этот ошибочный путь, который уводил от выдвинутой Марксом цели и действительно вел к заблуждению, то передо мной все время витала фраза из Вашего предисловия: «Если они покажут, каким образом может и *должна* образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без *нарушения закона стоимости,* но как раз на *его основе»* [45] и т. д. Что конкуренция должна вызывать пропорциональное распределение совокупной прибавочной стоимости между отдельными капиталистами (то есть мысль, разделяемая Лексисом и Фиреманом и развитая Марксом), было ясно и мне и выражено в моей формуле средней нормы прибыли $\frac{\Sigma m}{\Sigma c + v}$. Но я стремился (это была самая трудная, заставляющая работать мысль часть задачи), *кроме того,* доказать, что заключенное здесь отклонение цен от стоимости, хотя оно и вызвано конкуренцией, в *конечном счете* является требованием самого закона стоимости. Фиреман лишь придерживается того, что уже ясно и что подробнее изложено Лексисом и мной, но, насколько я понимаю, не делает сверх того никакого оригинального шага. Что отклонения цен от стоимости снимаются во всем совокупном продукте, я тоже подчеркиваю со всей выразительностью: «Необходимое для отдельных продуктов года несовпадение цены и стоимости, следовательно, действительно снимается, когда мы рассматриваем национальный продукт». Конечно, я и здесь вижу подтверждение «закона стоимости». Что цены отдельных товаров теперь, когда совокупный продукт продается по стоимости, должны отклоняться от стоимости *таким* образом, что в зависимости от строения капитала, которым произведен отдельный товар, они устанавливаются на уровне выше или ниже стоимости, это ясно и было отмечено еще Лексисом. «Члены класса капиталистов,— говорит последний,— распределяют между собой эту совокупную прибавочную стоимость *не* соответственно числу занятых ими рабочих, а пропорционально величине капитала представляемого каждым из них...» [46] Правда, Фиреман в указанном Вами месте сформулировал эту, лишь в зародыше содержащуюся у Лексиса, мысль особенно четко. И Маркс формулирует ее таким же образом, однако в формулировке Фиремана я обнаруживаю именно лишь формулировку, но не новое понимание.

Но я не буду на этом настаивать. Важным кажется мне то соображение, что когда Фиреман выводит действительность закона стоимости из совпадения совокупной цены с совокупной стоимостью (как это хотел сделать и я сам), то получа-

ется petitio principii *. Действительно, нельзя указать никакой причины того, почему отклонения отдельных цен *должны* быть взаимно сняты для совокупности продуктов. И Маркс косвенным образом допускает это, временами предполагая случай, когда цена совокупного продукта отклоняется от его стоимости, и доказывает, что и в этом случае средняя норма прибыли продолжает зависеть от отношения совокупной прибавочной стоимости к авансированной капитальной стоимости. В действительности этот случай, когда совокупная цена отклоняется от совокупной стоимости, ни в коей мере не является исключительным, но даже более вероятен, чем совпадение совокупной цены и совокупной стоимости. Отсюда следует, что фиремановское доказательство истинности закона стоимости не является действительным доказательством. Ибо точно так же, как конъюнктура конкуренции и обмена *необходимо* ведет к отклонениям отдельных цен от стоимости, точно так же она *может* приводить к тому (доказательство противного невозможно), что и совокупная цена будет отклоняться от совокупной стоимости. Следовательно, с одной стороны, закон стоимости не является законом реального формирования цены отдельного товара, с другой стороны, не является он и *необходимым* законом реального формирования цены совокупного продукта. Таким образом, невозможно доказать, что закон стоимости является естественным законом обмена, ибо довод, согласно которому даже отклонение совокупной цены от совокупной стоимости ничего не меняет в том, что заключенное в обмененном совокупном товарном продукте количество труда или стоимости является величиной данной, которая не модифицируется формированием цены,— этот довод лишь констатирует самоочевидное: оборот массы стоимости остается неизменным, но он никоим образом не доказывает, что стоимость, которая не может быть регулятором менового отношения отдельного товара и денег, по меньшей мере, с необходимостью регулирует сумму цен совокупного продукта. Таким образом, закон стоимости (если понимать его как закон, регулирующий обмен, а не как простую *дефиницию* стоимости) выступает для меня как *фикция*, но, конечно, не как ошибка. Напротив, это *необходимая* фикция, т. е. предположение, которое мы делаем, сознавая его неправильность, но которое мы необходимо должны сделать, чтобы прийти к результатам, недостижимым иным путем. Совершенно так же, как в ма-

* — положение, принимающее в качестве доказанного то, что следует доказать. *Ред.*

тематике мы рассматриваем круг как многоугольник, параллельные прямые как пересекающиеся линии и т. д. Вы ведь сами в «Анти-Дюринге» очень ясно показали диалектический характер основывающейся на фикциях математики. Так же и в политической экономии мы предполагаем фикцию, что обмен регулируется отношением стоимости товаров, и это предположение (которое в отношении цены отдельного товара определенно, а в отношении цены совокупного продукта, вероятно, противоречит действительности) помогает нам глубоко проанализировать и в конечном счете уяснить объективное основание определения средней нормы прибыли. Ибо построенное на основе этой фикции учение о том, что средняя норма прибыли определяется отношением совокупной прибавочной стоимости к авансированной капитальной стоимости,— это учение оказывается (как отмечает, к сожалению лишь весьма кратко, Маркс) верным, даже если *отбросить* ту фикцию, на которой оно поначалу было построено: что совокупная цена необходимо должна совпадать с совокупной стоимостью.

Однако если закон стоимости как естественный закон, регулирующий обмен, может в системе теоретической политической экономии играть лишь роль фикции, хотя и необходимой, то (если только мы стремимся избежать искаженного истолкования всех дальнейших выводов) это должно быть оговорено с самого начала и прежде всего также при выведении закона стоимости. В Марксовом выведении закон стоимости предстает, однако, не как принятая для упрощения дальнейшего изложения гипотеза, а как *логически необходимо* дедуцируемый из формы менового отношения закон. Так мне пришлось возвратиться к изучению Марксовой теории стоимости и денег, которое, как я надеюсь, даст некоторые результаты. Лишь когда я действительно рассматриваю закон стоимости как фикцию, предпринятая мною в «Средней норме прибыли» попытка истолковать отклонения от закона стоимости в ценообразовании как следствие закона стоимости кажется мне *совершенно* безосновательной и излишней.

Саму книгу я прочитал с громадным интересом, но все же полагаю, что Вы отнеслись ко II тому несколько несправедливо. Я считаю его даже более значительным, чем этот третий том, поскольку из первого тома гораздо труднее было вновь сконструировать второй, чем из двух томов третий. Все произведение в целом — нечто грандиозное. Два года назад, когда Вы присутствовали здесь на конгрессе, я рассказывал Вам о книге о Марксе, над которой работал. Теперь

я намереваюсь ограничиться пока политической экономией Маркса и проанализировать ее (это будет моя *попытка*) с точки зрения отношения к классикам, своеобразия, метода и общего значения. Наиболее существенные идеи уже разработаны, но изложение будет стоить еще многих трудов.

У нас — у моей жены и меня — дела здесь обстоят попрежнему. Работа над книгой полностью захватила меня, так что я почти ничем другим не занимаюсь. Дискуссию о III томе в «Vorwärts» Вы, наверное, читали. Редакция жутким образом искромсала очень хорошее само по себе обсуждение; недели прошли, прежде чем она нашла место для заключительной статьи, это был скандал! Критика написана здешним очень способным польским студентом, неким Мархлевским, который раньше работал красильщиком на фабриках. Человек, от которого я многого ожидаю. Я сам не стал писать для «Vorwärts», так как уже пообещал «Leipziger Volkszeitung» и брауновской «Centralblatt» [47]. Обе рецензии прилагаю и еще раз прошу Вас не сердиться на меня за опоздание. Письмо ведь и так стало настоящим излиянием по теоретическим вопросам, и при его написании меня не покидало неприятное чувство, что я не смог ясно выразить того, что хотел, и не мог бы выразить это более ясно, не становясь еще *более* многословным. Однако чем отчетливее ощущаешь нечто подобное, тем сильнее искушение на время отложить дело.

С сердечным приветом, с благодарностью Вас вспоминающий

Ваш
Конрад Шмидт

Цюрих, V, Хегибахштрассе, 65

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данное письмо было впервые опубликовано на русском языке в сборнике «Литературное наследство» № 1. М., 1931, с. 12—13.

[2] Статья П. Эрнста «Frauenfrage und sociale Frage» была напечатана в журнале «Freie Bühne für modernes Leben» № 15, 14 мая 1890 г., а статья Г. Бара «Die Epigonen des Marxismus» в № 17 того же журнала от 28 мая.

[3] Имеется в виду письмо Ф. Энгельса от 12 апреля 1890 г.

[4] Социал-демократическая газета «Berliner Volks-Tribüne» по ряду вопросов стояла на позициях, близких к «молодым». Главным редактором газеты был М. Шиппель, которого в августе 1890 г. сменил К. Шмидт.

5 О намерении Шмидта написать статью о книге Кнаппа «Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preußens» Энгельс узнал еще раньше и одобрил его в письме от 17 октября 1889 г. Но эта статья, по всей видимости, так и не была написана.

6 Критику взглядов Флюршейма Шмидт дал в работе «Sociale Frage und Bodenverstaatlichung», опубликованной в «Berliner Arbeiter-Bibliothek», которую издавал М. Шиппель.

7 Имеется в виду немецкий прогрессивный политико-экономический журнал «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», редактором которого был Г. Браун.

8 В письме от 12 апреля 1890 г. Энгельс обратил внимание Шмидта на рецензию А. Лориа на его книгу «Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Wertgesetzes» в «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», новая серия, т. XX, 1890. В XXI томе издатель журнала И. Конрад опубликовал ответ Шмидта «Ein Wort zu Abwehr».

9 Речь идет о социально-утопическом произведении американского автора Э. Беллами «Looking Backward», вышедшем в немецком переводе под заглавием «Ein Rückblick aus dem Jahre 2000 auf 1887».

10 Данная цитата взята из сочинения римского историка Корнелия Непота «Cornelii Nepotis vitae excellentium imperatorum».

11 Имеется в виду съезд Социалистической рабочей партии Германии в Галле (12—18 октября 1890 г.), где был дан резкий отпор нападкам «молодых» (Шмидт называет их «берлинцами») на деятельность социал-демократической фракции в рейхстаге.

12 Речь идет о письме Энгельса от 5 августа 1890 г.

13 Статья П. Эрнста «Zur Kunstgeschichte» была опубликована в «Berliner Volks-Tribüne» № 39 и 40, 27 сентября и 4 октября 1890 г.

14 Имеется в виду «Königlich privilegirte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen», известная также под названием «Vossische Zeitung», по имени ее владельца.

15 В письме от 5 августа 1890 г. Энгельс сообщил Шмидту, что читал в журнале «Deutsche Worte» рецензию М. Вирта на книгу Барта.

16 Отрывок из письма Энгельса Шмидту от 5 августа 1890 г. был напечатан в «Berliner Volks-Tribüne» № 39, 27 сентября 1890 г.

17 Имеется в виду письмо Энгельса от 27 октября 1890 г.

18 После поражения на выборах 1890 г. «картеля» — объединения реакционных партий — и отставки Бисмарка император Вильгельм II при помощи канцлера Лео Каприви пытался заменить политику прямых репрессий против рабочего движения политикой социального лавирования. Последняя отличалась крайней непоследовательностью: периоды проведения мнимолиберальных реформ резко сменялись периодами грубого насильственного давления на трудящихся.

19 Речь идет о работе К. Маркса «Критика Готской программы», написанной в 1875 г. и впервые опубликованной Энгельсом в феврале 1891 г. в «Neue Zeit».

[20] Речь идет об отказе германского правительства удовлетворить требования горняков, среди которых было введение 8-часового рабочего дня, повышение минимума заработной платы и т. д.

[21] В мае 1889 г. 100 тыс. горняков Рейнско-Вестфальского угольного бассейна начали стачку, которую поддержали десятки тысяч рабочих разных специальностей по всей стране.

[22] Имеется в виду так называемая австрийская школа буржуазной политической экономии, основателем которой был Карл Менгер.

[23] Имеется в виду письмо Энгельса от 1 июня 1891 г.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 22.

[25] Речь идет о статье Ю. Вольфа «Das Rätsel der Durchschnittsprofitrate bei Marx», опубликованной в журнале «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», серия 3, том II, 1891.

[26] Статья Шмидта «Noch einmal das Rätsel der Durchschnittsprofitrate» была опубликована в седьмом выпуске того же журнала.

[27] Речь идет о съезде СДПГ в Эрфурте (14—21 октября 1891 г.), на котором был дан решительный отпор как левоанархистской оппозиции «молодых», так и правому реформизму Г. Фольмара и его сторонников.

[28] Имеется в виду письмо Энгельса от 1 ноября 1891 г.

[29] См. предыдущее письмо.

[30] Речь идет о статьях Г. В. Плеханова, опубликованных в 7—9 номерах журнала «Die Neue Zeit» за 1891—1892 гг. под общим названием «Zu Hegel's sechzigstem Todestag».

[31] Имеется в виду письмо Энгельса от 4 февраля 1892 г.

[32] Статья П. Фиремана «Kritik der Marx'schen Werttheorie» была опубликована в журнале «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», серия 3, том III, 1892.

[33] Речь идет о книге немецкого вульгарного буржуазного экономиста К. Книса «Geld und Credit», Abt. 1—2. Berlin, 1873—1879.

[34] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 232.

[35] По-видимому, имеется в виду книга Ю. Вольфа «Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung», вышедшая в свет в 1892 г.

[36] Речь идет о послесловии ко второму изданию I тома «Капитала», в котором Маркс цитирует статью из русского журнала «Вестник Европы». — См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 19—21.

[37] Имеется в виду книга английского буржуазного экономиста Д. Роджерса «The economic interpretation of history». London, 1888.

[38] Статья К. Шмидта «Die psychologische Richtung in der neueren National-Ökonomie» была опубликована в журнале «Die Neue Zeit», 1891—1892, т. II, № 40, 41.

[39] Имеется в виду письмо Энгельса от 28 сентября 1892 г.

[40] Здесь Меринг проводит аналогию с опытами выдающегося зоолога Ж. Кювье, разработавшего методику восстановления внешнего облика древних животных по отдельным сохранившимся костям.

[41] Речь идет о книге М. Лавернь-Пегилена «Grundzüge der Gesellschaftswissenschaft». Königsberg, 1838.

[42] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 743, примеч. 220.

[43] Съезд СДПГ во Франкфурте-на-Майне состоялся 21—27 октября 1894 г. На нем содокладчиком по основному пункту повестки дня — аграрному вопросу — выступил лидер баварских социал-демократов Г. Фольмар. Среди прочего он потребовал включения в программу партии ряда положений, отражающих интересы не только трудящегося крестьянства, но и сельской буржуазии. Взгляды Фольмара не получили должного отпора на съезде, но были в дальнейшем подвергнуты решительной критике, в частности в публичных выступлениях А. Бебеля.

[44] Зомбарт имеет в виду свою статью «Zur Kritik der ökonomischen Systems von Karl Marx», опубликованную в журнале «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», Bd. VII, 1894.

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 24, с. 23 (курсив Шмидта).

[46] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 12.

[47] Статья К. Шмидта «Der dritte Band des «Kapital»» была опубликована в газете «Sozialpolitisches Centralblatt» № 22, 25 февраля 1895 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКУМЕНТЫ

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Редакторы
Б. Г. Тартаковский, И. П. Особова

Художник
Г. И. Колоскова

Художественный редактор
О. Н. Зайцева

Технический редактор
Л. К. Уланова

Корректоры
Т. И. Андрианова, Е. А. Хохлова

ИБ № 2994

Сдано в набор 09.07.81. Подписано в печать 12.02.82. А00031. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 28,83. Усл. кр.-отт. 28,83. Учетно-изд. л. 30,33. Тираж 35 тыс. экз. Заказ № 4. Цена 2 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.